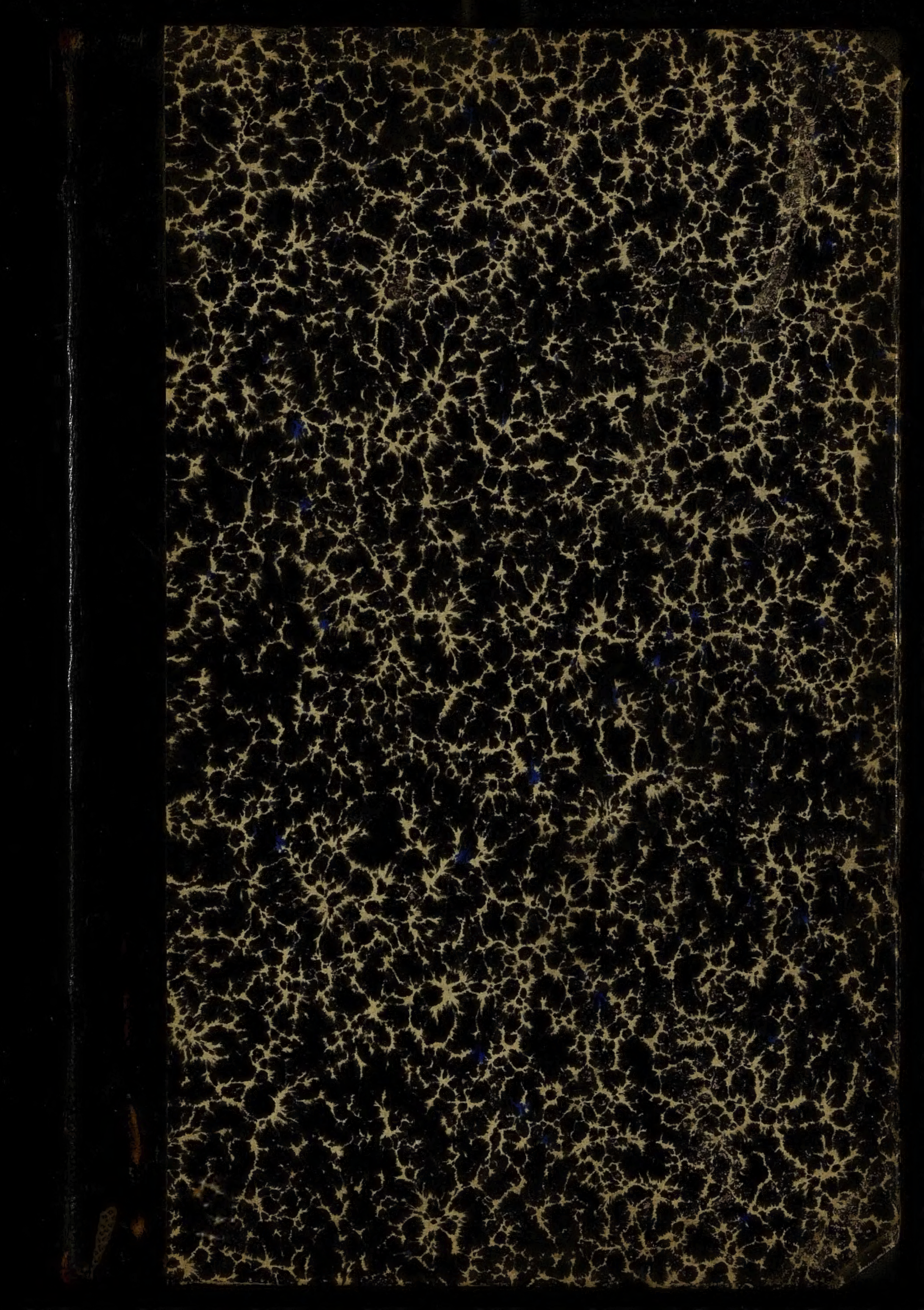
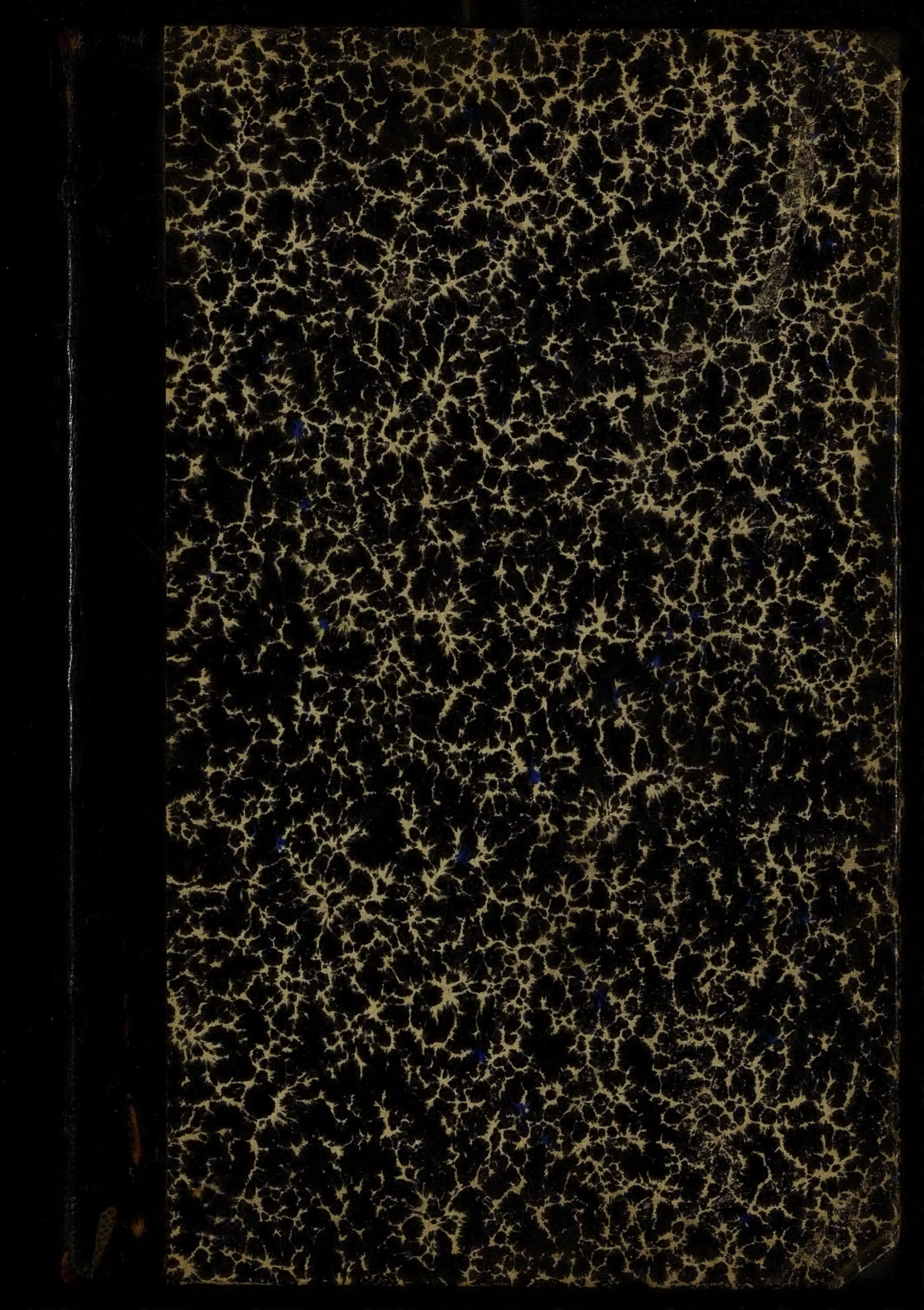




И. К.

И.К.

И. Шляпкинъ

И. Шляпкинъ

„РУССКАЯ СТАРИНА“
и
Историческая библіотека.

До послѣдняго времени множество историческихъ сочиненій, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, полныхъ научныхъ достоинствъ, появлявшихся въ западной Европѣ въ разное время, были совершенно недоступны для русской интеллигенціи. Наиболѣе замѣчательные ученые труды иностранныхъ историковъ, пользующихся повсюду европейскою извѣстностью, даже въ оригиналѣ, на иностранныхъ языкахъ, допускались только для немногихъ привилегированныхъ лицъ. Нынѣ, для пополненія этого важнаго пробѣла въ исторической литературѣ, при редакціи журнала „Русская Старина“ будутъ издаваться историческія сочиненія извѣстныхъ авторовъ, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, въ полномъ ихъ объемѣ и безъ пропусковъ. Нынѣ готовится къ печати соч. Луи Блана—Исторія французской революціи; Дебидура—Дипломатическая исторія Европы отъ Вѣнскаго конгресса 1814 г. до Берлинскаго 1878 г.; Альберъ Сорель—Европа и французская революція и др.

Сочиненіе Л. Блана, — Исторія французской революціи 1789 г., бывшее съ 1848 года подъ запретомъ для русской публики, переведена полностью безъ какихъ бы то ни было выпусковъ. Первый томъ разосланъ подписчикамъ, приславшимъ въ контору „Русской Старины“ подписныя деньги за первые два тома; по полученіи денегъ за третій томъ будетъ высланъ второй томъ и т. д., послѣдній томъ посылается безъ высылки денегъ.

Подписчики журнала „Русская Старина“ пользуются уступкою: подписавшіеся на Историческую библіотеку при подпискѣ вносятъ за первые два тома, вмѣсто 6 р., пять, а остальная сумма уплачивается по 2 р. 50 к. впередъ за каждый послѣдующій томъ; послѣдній же томъ высылается безплатно.

1 ноября 1907 г. льготная подписка прекращается и цѣна каждаго тома будетъ 3 р. и 3 р. 50 съ пересылкой.

Подписка на сочиненіе Л. Блана принимается при конторѣ журнала „Р. Старина“, Фонтанка, 18, кв. 4 и при главномъ складѣ—Фонтанка, 145, кв. 3.

„РУССКАЯ СТАРИНА“
и
Историческая библіотека.

До послѣдняго времени множество историческихъ сочиненій, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, полныхъ научныхъ достоинствъ, появлявшихся въ западной Европѣ въ разное время, были совершенно недоступны для русской интеллигенціи. Наиболѣе замѣчательные ученые труды иностранныхъ историковъ, пользующихся повсюду европейскою извѣстностью, даже въ оригиналѣ, на иностранныхъ языкахъ, допускались только для немногихъ привилегированныхъ лицъ. Нынѣ, для пополненія этого важнаго пробѣла въ исторической литературѣ, при редакціи журнала „Русская Старина“ будутъ издаваться историческія сочиненія извѣстныхъ авторовъ, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, въ полномъ ихъ объемѣ и безъ пропусковъ. Нынѣ готовится къ печати соч. Луи Блана—Исторія французской революціи; Дебидура—Дипломатическая исторія Европы отъ Вѣнскаго конгресса 1814 г. до Берлинскаго 1878 г.; Альберъ Сорель—Европа и французская революція и др.

Сочиненіе Л. Блана, — Исторія французской революціи 1789 г., бывшее съ 1848 года подъ запретомъ для русской публики, переведена полностью безъ какихъ бы то ни было выпусковъ. Первый томъ разосланъ подписчикамъ, приславшимъ въ контору „Русской Старины“ подписныя деньги за первые два тома; по полученіи денегъ за третій томъ будетъ высланъ второй томъ и т. д., послѣдній томъ посылается безъ высылки денегъ.

Подписчики журнала „Русская Старина“ пользуются уступкою: подписавшіеся на Историческую библіотеку при подпискѣ вносятъ за первые два тома, вмѣсто 6 р., пять, а остальная сумма уплачивается по 2 р. 50 к. впередъ за каждый послѣдующій томъ; послѣдній же томъ высылается безплатно.

1 ноября 1907 г. льготная подписка прекращается и цѣна каждаго тома будетъ 3 р. и 3 р. 50 съ пересылкой.

Подписка на сочиненіе Л. Блана принимается при конторѣ журнала „Р. Старина“, Фонтанка, 18, кв. 4 и при главномъ складѣ—Фонтанка, 145, кв. 3.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

на 1907 годъ.

Если исторія народа описывается на основаніи государственныхъ документовъ, хранящихся въ пыли архивовъ, то это далеко не есть еще исторія народа и его жизни. Архивныя свѣдѣнія, насколько они доступны для частнаго человѣка, конечно имѣютъ свою цѣну. Но эти свѣдѣнія рисуютъ только одну сторону,—оффиціальную,—поясняютъ, такъ сказать, внѣшнюю, показную жизнь народа въ извѣстную эпоху. И если бы пришлось ограничиваться только этою стороною, то мы были бы очень далеки отъ задачи полнаго историческаго описанія народной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ въ разное время.

Вотъ почему дополненіемъ къ исторіи и служатъ бытовыя описанія внутренней жизни народа, и матеріалъ для этого заключается въ историческихъ воспоминаніяхъ, историческихъ изслѣдованіяхъ, мемуарахъ и запискахъ частныхъ лицъ, въ дневникахъ, въ описаніяхъ бытовой жизни въ разныя эпохи. Нерѣдко дневникъ простого обывателя своими правдивыми разсказами лучше всякаго оффиціальнаго документа нарисуетъ бытовой характеръ русской старины и въ яркомъ свѣтѣ изобразитъ умственный и нравственный строй народа въ извѣстную эпоху.

Поэтому журналъ „РУССКАЯ СТАРИНА", имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) историческія изслѣдованія; 2) записки, воспоминанія и дневники разныхъ лицъ; 3) очерки и разсказы; 4) жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) историческіе разсказы и преданія; 7) документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи и вообще западной исторической бытовой старины; 9) народную словесность; 10) архивные документы.

„РУССКАЯ СТАРИНА", вступая въ 1907 году на тридцать восьмой годъ своего существованія, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду измѣнившіяся условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала. Сохраняя своихъ прежнихъ, многочисленныхъ, сотрудниковъ, редакція получила согласіе на помѣщеніе въ журналѣ трудовъ слѣдующихъ лицъ: П. Я. Дашкова, П. А. Ефремова, А. Ѳ. Кони, С. Ф. Платонова, М. А. Поліевктова, В. И. Саитова и С. М. Середонина.

Въ 1907 году будутъ напечатаны: изъ автобіографическихъ воспоминаній графа Л. Н. Толстого, записки генерала Зотова, записки основателя „Русской Старины" М. И. Семевскаго, де-Санглена, Тургенева, Петрушевскаго, Инсарскаго, Никитина, Золотарева, графа Головкина, Каразина и др.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

на 1907 годъ.

Если исторія народа описывается на основаніи государственныхъ документовъ, хранящихся въ пыли архивовъ, то это далеко не есть еще исторія народа и его жизни. Архивныя свѣдѣнія, насколько они доступны для частнаго человѣка, конечно имѣютъ свою цѣну. Но эти свѣдѣнія рисуютъ только одну сторону,—оффиціальную,—поясняютъ, такъ сказать, внѣшнюю, показную жизнь народа въ извѣстную эпоху. И если бы пришлось ограничиваться только этою стороною, то мы были бы очень далеки отъ задачи полнаго историческаго описанія народной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ въ разное время.

Вотъ почему дополненіемъ къ исторіи и служатъ бытовыя описанія внутренней жизни народа, и матеріалъ для этого заключается въ историческихъ воспоминаніяхъ, историческихъ изслѣдованіяхъ, мемуарахъ и запискахъ частныхъ лицъ, въ дневникахъ, въ описаніяхъ бытовой жизни въ разныя эпохи. Нерѣдко дневникъ простого обывателя своими правдивыми разсказами лучше всякаго оффиціальнаго документа нарисуетъ бытовой характеръ русской старины и въ яркомъ свѣтѣ изобразитъ умственный и нравственный строй народа въ извѣстную эпоху.

Поэтому журналъ „РУССКАЯ СТАРИНА", имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) историческія изслѣдованія; 2) записки, воспоминанія и дневники разныхъ лицъ; 3) очерки и разсказы; 4) жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) историческіе разсказы и преданія; 7) документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи и вообще западной исторической бытовой старины; 9) народную словесность; 10) архивные документы.

„РУССКАЯ СТАРИНА", вступая въ 1907 году на тридцать восьмой годъ своего существованія, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду измѣнившіяся условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала. Сохраняя своихъ прежнихъ, многочисленныхъ, сотрудниковъ, редакція получила согласіе на помѣщеніе въ журналѣ трудовъ слѣдующихъ лицъ: П. Я. Дашкова, П. А. Ефремова, А. Ѳ. Кони, С. Ф. Платонова, М. А. Поліевктова, В. И. Саитова и С. М. Середонина.

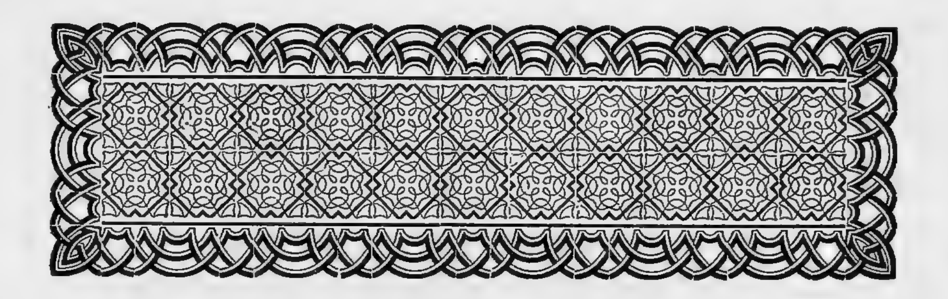
Въ 1907 году будутъ напечатаны: изъ автобіографическихъ воспоминаній графа Л. Н. Толстого, записки генерала Зотова, записки основателя „Русской Старины" М. И. Семевскаго, де-Санглена, Тургенева, Петрушевскаго, Инсарскаго, Никитина, Золотарева, графа Головкина, Каразина и др.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.



Россія и Болгарія.

(О Ч Е Р К Ъ).

Вмѣсто предисловія [1])

5-го іюля 1879-го года было сформировано первое министерство княжества Болгарскаго, „освободительной“ войной призваннаго къ самостоятельному государственному существованію [2]) и министерскій совѣтъ, т. е. кабинетъ, опубликовалъ обращеніе къ народу, посланіе, въ подражаніе Западу названное „декларацiей“, съ изложеніемъ правительственной программы. Одновременно съ этимъ посланіемъ, въ оффиціальномъ органѣ „Державенъ Вѣстникъ“ появилась статья, служившая комментаріемъ къ декларации кабинета.

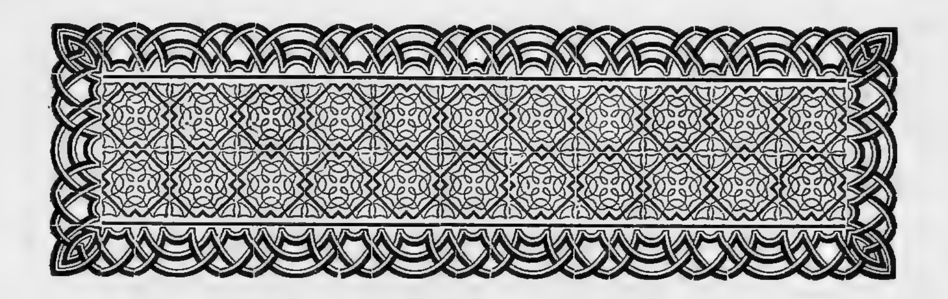
Появленіе министерскаго посланія произвело цѣлую бурю въ оппозиціонной, либеральной партіи, да и было изъ-за чего волноваться, такъ какъ въ немъ, рядомъ съ фразой: «Имѣя постоянно въ виду конституцію, основной законъ княжества....»,—было сдѣлано *четыре* нарушенія этого основного закона.—Я не хотѣлъ подписывать, предложилъ свою отставку, но мои коллеги обратились за помощью къ представителю Россіи, нашему дипломатическому агенту А. П. Давыдову, и я, обязанный, въ то время, съ его взглядами сообразоваться, желая къ тому же избѣжать министерскаго скандала—уступилъ и подписалъ декларацію.

Упомянутая выше оффиціальная статья „Державнаго Вѣстника“ надѣлала тоже много шума, но уже въ другой средѣ—въ русскомъ консульствѣ. Въ статьѣ высказана была мысль о „громадной“ работѣ, о „коренныхъ“ реформахъ, которыя предстоятъ министерству; подразумѣвалось,—вслѣдствіе неудовлетворительности работы прежнихъ дѣятелей, т. е. русскаго гражданскаго управленія. Конечно, деликатность должна была бы указать моимъ коллегамъ на необходимость соблюсти извѣстныя формы по отношенію къ

---

[1]) Въ этотъ очеркъ включены нѣкоторые отрывки изъ печатающейся книги: „Изъ Прошлаго“. Ч. IV. „Въ Болгаріи“. П. Паренсова.

[2]) Предсѣдатель кабинета, министръ внутреннихъ дѣлъ и, временно, просвѣщенія—Ѳедоръ Бурмовъ; иностранныхъ дѣлъ и исповѣданій—Марко Балабановъ; военный—г. м. Петръ Паренсовъ; юстиціи—Димитрій Грековъ; финансовъ—Григорій Начовичъ.



Россія и Болгарія.

(ОЧЕРКЪ).

Вмѣсто предисловія [1])

5-го іюля 1879-го года было сформировано первое министерство княжества Болгарскаго, „освободительной“ войной призваннаго къ самостоятельному государственному существованію [2]) и министерскій совѣтъ, т. е. кабинетъ, опубликовалъ обращеніе къ народу, посланіе, въ подражаніе Западу названное „деклараціей“, съ изложеніемъ правительственной программы. Одновременно съ этимъ посланіемъ, въ оффиціальномъ органѣ „Державенъ Вѣстникъ“ появилась статья, служившая комментаріемъ къ декларации кабинета.

Появленіе министерскаго посланія произвело цѣлую бурю въ оппозиціонной, либеральной партіи, да и было изъ-за чего волноваться, такъ какъ въ немъ, рядомъ съ фразой: «Имѣя постоянно въ виду конституцію, основной законъ княжества....»,—было сдѣлано *четыре* нарушенія этого основного закона.—Я не хотѣлъ подписывать, предложилъ свою отставку, но мои коллеги обратились за помощью къ представителю Россіи, нашему дипломатическому агенту А. П. Давыдову, и я, обязанный, въ то время, съ его взглядами сообразоваться, желая къ тому же избѣжать министерскаго скандала—уступилъ и подписалъ декларацію.

Упомянутая выше оффиціальная статья „Державнаго Вѣстника“ надѣлала тоже много шума, но уже въ другой средѣ—въ русскомъ консульствѣ. Въ статьѣ высказана была мысль о „громадной“ работѣ, о „коренныхъ“ реформахъ, которыя предстоятъ министерству; подразумѣвалось,—вслѣдствіе неудовлетворительности работы прежнихъ дѣятелей, т. е. русскаго гражданскаго управленія. Конечно, деликатность должна была бы указать моимъ коллегамъ на необходимость соблюсти извѣстныя формы по отношенію къ

---

[1]) Въ этотъ очеркъ включены нѣкоторые отрывки изъ печатающейся книги: „Изъ Прошлаго“. Ч. IV. „Въ Болгаріи“. П. Паренсова.

[2]) Предсѣдатель кабинета, министръ внутреннихъ дѣлъ и, временно, просвѣщенія—Өедоръ Бурмовъ; иностранныхъ дѣлъ и исповѣданій—Марко Балабановъ; военный—г. м. Петръ Паренсовъ; юстиціи—Димитрій Грековъ; финансовъ—Григорій Начовичъ.

сотрудникамъ Императорскаго комиссара, князя Дондукова-Корсакова, но можно ли было толковать объ этикѣ, когда на первое мѣсто выступилъ шкурный вопросъ: провалится министерство при предстоявшемъ, въ октябрѣ, Народномъ Собраніи или устоитъ? Для меня было ясно, что провалится, коллеги же мои думали иначе; они допускали мысль сильнаго противодѣйствія оппозиціи и въ результатѣ надѣялись на распущеніе Собранія, даже допускали переворотъ, но не вѣрили въ собственное свое паденіе.

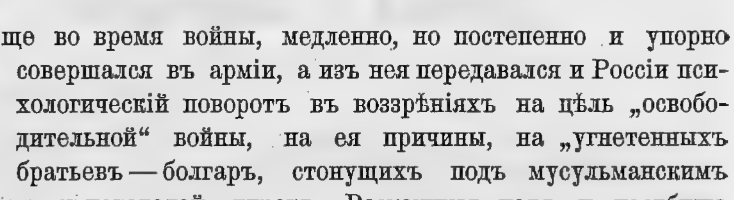
Какъ бы то ни было, русское дипломатическое агентство обидѣлось: обидѣлось оно въ особенности тѣмъ, что высказано все это было представителями партіи, поддерживаемой нашимъ дипломатическимъ агентомъ, его ставленниками. Тутъ, кажется, впервые было оффиціально сказано слово „неблагодарность", слово, столь много и столь часто употреблявшееся впослѣдствіи, слово, къ которому я еще разъ вернусь, такъ какъ *никогда не признавалъ его справедливости и теперь не признаю.*

Еще во время войны, медленно, но постепенно и упорно совершался въ арміи, а изъ нея передавался и Россіи психологическій поворотъ въ воззрѣніяхъ на цѣль „освободительной" войны, на ея причины, на „угнетенныхъ братьевъ — болгаръ, стонущихъ подъ мусульманскимъ игомъ и на угнетателей—турокъ. Роскошныя поля и пастбища Болгаріи, богатая производительность почвы, обиліе скота, а также обиліе плодовъ, произраставшихъ подъ солнцемъ юга, неизвѣстныхъ русскому крестьянину и недоступныхъ даже среднему классу жителей сѣвернаго колосса, наводили на мысль: да гдѣ же это бѣдствіе одноплеменнаго и единовѣрнаго намъ народа, гдѣ же угнетеніе, гдѣ страданіе? Это говорилось въ войскахъ; сопоставляли то, что было воочію съ тѣмъ, что оставлено на родинѣ. Присовокупляли также, что въ Турціи христіане (читай—болгары) „отъ рекрутчины освобождены". Какое же тутъ страданіе? И *никто, никто* этимъ вопросомъ не занялся... Никому не пришло въ голову объяснить сомнѣвавшимся, что весь этотъ достатокъ только фикція, такъ какъ не только любой паша, но первый вліятельный турокъ всегда могъ отнять не одно имущество, но и жену, дочь и самую жизнь хозяина, при томъ безъ всякой аппеляціи. Только потомъ, понемногу, трупы болгаръ, ихъ женъ и дѣтей, зарѣзанныхъ въ Эски-Загрѣ, Ени-Загрѣ, Казанлыкѣ и т. д., да видъ нашихъ солдатъ, раненыхъ и добитыхъ турками подъ Плевной, въ Телишѣ... содѣйствовали просвѣтленію массъ...

Еще фактъ, дѣйствовавшій на психологію. Въ началѣ нашего тріумфальнаго шествія,—торжественныя встрѣчи съ хоругвями и образами, букеты цвѣтовъ, буквальное закидываніе цвѣтами, мясо, овощи, фрукты, вино—и все въ изобиліи, все даромъ...; а потомъ,

сотрудникамъ Императорскаго комиссара, князя Дондукова-Корсакова, но можно ли было толковать объ этикѣ, когда на первое мѣсто выступилъ шкурный вопросъ: провалится министерство при предстоявшемъ, въ октябрѣ, Народномъ Собраніи или устоитъ? Для меня было ясно, что провалится, коллеги же мои думали иначе; они допускали мысль сильнаго противодѣйствія оппозиціи и въ результатѣ надѣялись на распущеніе Собранія, даже допускали переворотъ, но не вѣрили въ собственное свое паденіе.

Какъ бы то ни было, русское дипломатическое агентство обидѣлось: обидѣлось оно въ особенности тѣмъ, что высказано все это было представителями партіи, поддерживаемой нашимъ дипломатическимъ агентомъ, его ставленниками. Тутъ, кажется, впервые было оффиціально сказано слово „неблагодарность“, слово, столь много и столь часто употреблявшееся впослѣдствіи, слово, къ которому я еще разъ вернусь, такъ какъ *никогда не признавалъ его справедливости и теперь не признаю.*



Еще во время войны, медленно, но постепенно и упорно совершался въ арміи, а изъ нея передавался и Россіи психологическій поворотъ въ воззрѣніяхъ на цѣль „освободительной“ войны, на ея причины, на „угнетенныхъ братьевъ — болгаръ, стонущихъ подъ мусульманскимъ игомъ и на угнетателей—турокъ. Роскошныя поля и пастбища Болгаріи, богатая производительность почвы, обиліе скота, а также обиліе плодовъ, произраставшихъ подъ солнцемъ юга, неизвѣстныхъ русскому крестьянину и недоступныхъ даже среднему классу жителей сѣвернаго колосса, наводили на мысль: да гдѣ же это бѣдствіе одноплеменнаго и единовѣрнаго намъ народа, гдѣ же угнетеніе, гдѣ страданіе? Это говорилось въ войскахъ; сопоставляли то, что было воочію съ тѣмъ, что оставлено на родинѣ. Присовокупляли также, что въ Турціи христіане (читай—болгары) „отъ рекрутчины освобождены“. Какое же тутъ страданіе? И *никто, никто* этимъ вопросомъ не занялся... Никому не пришло въ голову объяснить сомнѣвавшимся, что весь этотъ достатокъ только фикція, такъ какъ не только любой паша, но первый вліятельный турокъ всегда могъ отнять не одно имущество, но и жену, дочь и самую жизнь хозяина, при томъ безъ всякой аппеляціи. Только потомъ, понемногу, трупы болгаръ, ихъ женъ и дѣтей, зарѣзанныхъ въ Эски-Загрѣ, Ени-Загрѣ, Казанлыкѣ и т. д., да видъ нашихъ солдатъ, раненыхъ и добитыхъ турками подъ Плевной, въ Телишѣ... содѣйствовали просвѣтленію массъ...

Еще фактъ, дѣйствовавшій на психологію. Въ началѣ нашего тріумфальнаго шествія,—торжественныя встрѣчи съ хоругвями и образами, букеты цвѣтовъ, буквальное закидываніе цвѣтами, мясо, овощи, фрукты, вино—и все въ изобиліи, все даромъ...; а потомъ,

послѣ нашихъ неудачныхъ экспериментовъ, налетовъ, „впередъ, впередъ“, послѣ рѣзни за Балканами, въ Ловчѣ, Плевнѣ, при нашемъ вторичномъ пришествіи на тѣ же мѣста: заколоченныя ставни, запертые, пустые дома, невозможность за деньги достать хоть какой-нибудь провизіи... Я это испыталъ лично, когда во второй разъ, 22 августа, взяли Ловчу.

„Знакомый съ Ловчей, я взялся отыскать квартиру для князя Имеретинскаго съ Скобелевымъ, для чего вернулся (съ позиціи) въ городъ; но, увы, я не узналъ ни его, ни его обитателей. Много домовъ было разрушено, можетъ быть, нашими снарядами; другіе же заперты или заколочены, и никто изнутри не отзывался на мои стуки и крики. Встрѣчавшіеся болгары не здоровались радостно, какъ прежде; шли молча, не глядя на насъ, отвѣчали неохотно, не слышно было привычнаго намъ, во времена оны: „добре дошли“, а наоборотъ, смотрѣли хмуро, торопились проходить мимо, а одинъ болгаринъ, котораго я отлично узналъ, будучи остановленъ мною и спрошенъ, не узнаетъ ли меня, хотя и снялъ феску, но угрюмо отвѣтилъ: „Не, не вѣмъ“. Все это совершенно естественно, понятно и въ порядкѣ вещей. Мы жали то, что посѣяли.

Въ конакѣ или на телеграфной станціи, не помню именно гдѣ, нашли, написанное по-турецки, воззваніе Шейхъ-уль-Ислама къ болгарамъ; писано оно было уже послѣ переправы нашей черезъ Дунай, когда мы неудержимо стремились: «впередъ, впередъ и впередъ!» [1]) Въ этомъ воззваніи обращало на себя вниманіе слѣдующее мѣсто: „помните, что вода съ береговъ сбѣгаетъ, а песокъ остается“. Болгары многихъ мѣстностей испытали на себѣ справедливость этого цвѣтистаго изреченія главы мусульманскаго духовенства, они видѣли, какъ мы приходили, а потомъ уходили, турки же оставались и понятно, что, испытавъ это, не встрѣчали насъ съ восторгомъ“ [2]).

Понятно, что на требованіе провизіи, даже за деньги, получался отвѣтъ: „Нема, нема; турци дошли, всички забили, всички убили“... И такъ, съ одной стороны, видимое глазу довольство порождало скептицизмъ, ставило вопросъ: гдѣ бѣднота, гнетъ, и другой, истекавшій изъ перваго: зачѣмъ же эта война, а съ другой—нѣчто уже болѣе рѣзкое, даже злобное: „какъ; я пришелъ тебя освобождать, терплю муку, за тебя кровь проливаю, а ты передо мной дверь затворяешь... Неблагодарный“!

Слово было произнесено, распространилось, утвердилось,—даже до сего дня.

И не одна „сѣрая“ масса, въ своемъ естественномъ и даже законномъ невѣдѣніи, подчинилась этому внѣшнему впечатлѣнію; къ стыду нашему, и то, что называется интеллигенціей, мало освѣдомленная, не очень охочая добиваться корня, на что требуется нѣко-

---

[1]) Слова генерала Левицкаго на военномъ совѣтѣ, послѣ переправы.

[2]) „Изъ прошлаго“. Ч. 1-я. „На войнѣ“. Стр. 425. П. Паренсова.

послѣ нашихъ неудачныхъ экспериментовъ, налетовъ, „впередъ, впередъ“, послѣ рѣзни за Балканами, въ Ловчѣ, Плевнѣ, при нашемъ вторичномъ пришествіи на тѣ же мѣста: заколоченныя ставни, запертые, пустые дома, невозможность за деньги достать хоть какой-нибудь провизіи... Я это испыталъ лично, когда во второй разъ, 22 августа, взяли Ловчу.

„Знакомый съ Ловчей, я взялся отыскать квартиру для князя Имеретинскаго съ Скобелевымъ, для чего вернулся (съ позиціи) въ городъ; но, увы, я не узналъ ни его, ни его обитателей. Много домовъ было разрушено, можетъ быть, нашими снарядами; другіе же заперты или заколочены, и никто изнутри не отзывался на мои стуки и крики. Встрѣчавшіеся болгары не здоровались радостно, какъ прежде; шли молча, не глядя на насъ, отвѣчали неохотно, не слышно было привычнаго намъ, во времена оны: „добре дошли“, а наоборотъ, смотрѣли хмуро, торопились проходить мимо, а одинъ болгаринъ, котораго я отлично узналъ, будучи остановленъ мною и спрошенъ, не узнаетъ ли меня, хотя и снялъ феску, но угрюмо отвѣтилъ: „Не, не вѣмъ“. Все это совершенно естественно, понятно и въ порядкѣ вещей. Мы жали то, что посѣяли.

Въ конакѣ или на телеграфной станціи, не помню именно гдѣ, нашли, написанное по-турецки, воззваніе Шейхъ-уль-Ислама къ болгарамъ; писано оно было уже послѣ переправы нашей черезъ Дунай, когда мы неудержимо стремились: «впередъ, впередъ и впередъ!» [1]) Въ этомъ воззваніи обращало на себя вниманіе слѣдующее мѣсто: „помните, что вода съ береговъ сбѣгаетъ, а песокъ остается“. Болгары многихъ мѣстностей испытали на себѣ справедливость этого цвѣтистаго изреченія главы мусульманскаго духовенства, они видѣли, какъ мы приходили, а потомъ уходили, турки же оставались и понятно, что, испытавъ это, не встрѣчали насъ съ восторгомъ“ [2]).

Понятно, что на требованіе провизіи, даже за деньги, получался отвѣтъ: „Нема, нема; турци дошли, всички забили, всички убили“... И такъ, съ одной стороны, видимое глазу довольство порождало скептицизмъ, ставило вопросъ: гдѣ бѣднота, гнетъ, и другой, истекавшій изъ перваго: зачѣмъ же эта война, а съ другой—нѣчто уже болѣе рѣзкое, даже злобное: „какъ; я пришелъ тебя освобождать, терплю муку, за тебя кровь проливаю, а ты передо мной дверь затворяешь... Неблагодарный“!

Слово было произнесено, распространилось, утвердилось,—даже до сего дня.

И не одна „сѣрая“ масса, въ своемъ естественномъ и даже законномъ невѣдѣніи, подчинилась этому внѣшнему впечатлѣнію; къ стыду нашему, и то, что называется интеллигенціей, мало освѣдомленная, не очень охочая добиваться корня, на что требуется нѣко-

---

[1]) Слова генерала Левицкаго на военномъ совѣтѣ, послѣ переправы.

[2]) „Изъ прошлаго“. Ч. 1-я. „На войнѣ“. Стр. 425. П. Паренсова.

торая работа мысли, повѣрила внѣшности; слово „неблагодарность" пустило корни и при томъ настолько, что даже одно высокопоставленное въ русской арміи лицо спросило рущукскаго митрополита Григорія, пріѣхавшаго въ 1878 году въ Санъ-Стефано: „Скажите, ваше высокопреосвященство, неужели болгары окажутся впослѣдствіи такими же неблагодарными относительно насъ, какими выказали себя румыны и сербы"? Очень умный и очень хитрый митрополитъ, никакой особой любви къ Россіи не питавшій, да въ сущности, никого кромѣ себя не любившій, большой политикъ, не безъ ехидства отвѣтилъ: „болгары будутъ относительно васъ тѣмъ, чѣмъ вы сами ихъ сдѣлаете".

И вотъ становится передъ нами страшной величины вопросъ: дѣлали ли *мы*, начиная съ С.-Стефанскаго мирнаго договора и по сей день, т. е. на протяженіи почти 30 лѣтъ, то, что отняло бы даже самую возможность повторенія разговоровъ, подобныхъ только-что приведенному выше?

Отвѣтить обстоятельно на это въ журнальной статьѣ—немыслимо. Много подробностей, освѣщающихъ поставленный мною „страшный" вопросъ, изложено въ имѣющей выйти, надѣюсь скоро, моей книгѣ „въ Болгаріи" [1]). Здѣсь же могу только привести нѣкоторые штрихи, сдѣлавъ очеркъ и предоставивъ читателю дѣлать выводы.

Проводниками политики государства, не обладающаго большой экономической, коммерческой и финансовой силой, являются только оффиціальныя лица, представители этого государства, посылаемые съ политической цѣлью въ другія страны. Нашими представителями въ Болгаріи были: А. П. Давыдовъ, котораго я, въ моихъ воспоминаніяхъ, характеризую такъ:

„Представитель державы освободительницы, человѣкъ безспорно умный, только смотрѣвшій на Болгарію черезъ очки предвзятаго нерасположенія, Давыдовъ естественно долженъ быть имѣть, и имѣлъ вначалѣ, большое вліяніе на князя (Александра Батенбергскаго); несомнѣнно, что ему Болгарія, въ значительной степени, обязана сформированіемъ перваго консервативнаго министерста [2]). Болгарію вообще онъ не любилъ, постоянно повторяя фразу: „Хотя бы меня отсюда убрали". Мнѣ придется еще неоднократно, въ теченіе моего разсказа, вернуться къ Давыдову и его дѣятельности, теперь же закончу, высказавъ мое глубокое убѣжденіе, что, будучи человѣкомъ хорошимъ, образованнымъ и честнымъ, Давыдовъ, благодаря своимъ взглядамъ на болгаръ и своему къ нимъ отношенію, сдѣлался, конечно не желая того, злымъ геніемъ, положившимъ начало колебанію хорошихъ отношеній Россіи къ

---

[1]) „Изъ прошлаго" ч. IV.

[2]) Консерватизмъ этого министерства заключался лишь въ томъ, чтобы удержаться у власти; „консервировать" себя самихъ. *П. П.*

торая работа мысли, повѣрила внѣшности; слово „неблагодарность" пустило корни и при томъ настолько, что даже одно высокопоставленное въ русской арміи лицо спросило рущукскаго митрополита Григорія, пріѣхавшаго въ 1878 году въ Санъ-Стефано: „Скажите, ваше высокопреосвященство, неужели болгары окажутся впослѣдствіи такими же неблагодарными относительно насъ, какими выказали себя румыны и сербы"? Очень умный и очень хитрый митрополитъ, никакой особой любви къ Россіи не питавшій, да въ сущности, никого кромѣ себя не любившій, большой политикъ, не безъ ехидства отвѣтилъ: „болгары будутъ относительно васъ тѣмъ, чѣмъ вы сами ихъ сдѣлаете".

И вотъ становится передъ нами страшной величины вопросъ: дѣлали ли *мы*, начиная съ С.-Стефанскаго мирнаго договора и по сей день, т. е. на протяженіи почти 30 лѣтъ, то, что отняло бы даже самую возможность повторенія разговоровъ, подобныхъ только-что приведенному выше?

Отвѣтить обстоятельно на это въ журнальной статьѣ—немыслимо. Много подробностей, освѣщающихъ поставленный мною „страшный" вопросъ, изложено въ имѣющей выйти, надѣюсь скоро, моей книгѣ „въ Болгаріи" [1]). Здѣсь же могу только привести нѣкоторые штрихи, сдѣлавъ очеркъ и предоставивъ читателю дѣлать выводы.

Проводниками политики государства, не обладающаго большой экономической, коммерческой и финансовой силой, являются только оффиціальныя лица, представители этого государства, посылаемые съ политической цѣлью въ другія страны. Нашими представителями въ Болгаріи были: А. П. Давыдовъ, котораго я, въ моихъ воспоминаніяхъ, характеризую такъ:

„Представитель державы освободительницы, человѣкъ безспорно умный, только смотрѣвшій на Болгарію черезъ очки предвзятаго нерасположенія, Давыдовъ естественно долженъ быть имѣть, и имѣлъ вначалѣ, большое вліяніе на князя (Александра Батенбергскаго); несомнѣнно, что ему Болгарія, въ значительной степени, обязана сформированіемъ перваго консервативнаго министерста [2]). Болгарію вообще онъ не любилъ, постоянно повторяя фразу: „Хотя бы меня отсюда убрали". Мнѣ придется еще неоднократно, въ теченіе моего разсказа, вернуться къ Давыдову и его дѣятельности, теперь же закончу, высказавъ мое глубокое убѣжденіе, что, будучи человѣкомъ хорошимъ, образованнымъ и честнымъ, Давыдовъ, благодаря своимъ взглядамъ на болгаръ и своему къ нимъ отношенію, сдѣлался, конечно не желая того, злымъ геніемъ, положившимъ начало колебанію хорошихъ отношеній Россіи къ

---

[1]) „Изъ прошлаго" ч. IV.

[2]) Консерватизмъ этого министерства заключался лишь въ томъ, чтобы удержаться у власти; „консервировать" себя самихъ. *П. П.*

Болгаріи и особенно Болгаріи къ Россіи, а что еще хуже, такъ это то, что, увлекаясь своей партійностью [1]), Давыдовъ, самъ не замѣчая того, игралъ въ руку иностранной дипломатіи, къ особенной радости представителя Австро-Венгріи, блистательнаго графа Кёвенгюллера" [2]).

Противовѣсомъ Давыдову былъ, состоявшій при князѣ Александрѣ нашъ полковникъ, флигель-адъютантъ Шепелевъ, замѣчательная личность, пользовавшійся всеобщимъ довѣріемъ и уваженіемъ болгаръ. Но онъ не былъ оффиціальнымъ представителемъ Россіи, да и не долго оставался въ Болгаріи. Преемникомъ Давыдова былъ Кумани, выдающійся человѣкъ, знатокъ Востока и славянскихъ земель, поступавшій совершенно противоположно Давыдову, снискавшій себѣ уваженіе всѣхъ выдающихся болгарскихъ патріотовъ; оставался недолго [3]). Въ антрактахъ между Давыдовымъ и Кумани, Кумани и Хитрово, должность представителя Россіи исправлялъ Лишинъ, слѣпое орудіе гр. Кёвенгюллера; онъ, на свой страхъ, содѣйствовалъ перевороту 1881 года, неодобряемому Россіей. Когда, къ великому сюрпризу Петербурга и Россіи, князь Александръ совершилъ свой переворотъ 27 апрѣля 1881 года уничтоживъ конституцію и принялъ на себя бразды правленія, то естественно никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы этотъ coup d'état могъ быть произведенъ безъ вѣдома, согласія и одобренія державы освободительницы; да и какъ было этому не вѣрить, когда во главѣ переворота былъ русскій генералъ Эрнротъ, дѣйствовавшій открыто, гласно, а Лишинъ—неоткрыто, негласно, но, тѣмъ не менѣе, для всѣхъ вѣдомо. Слухъ о сочувствіи Россіи этому событію поддерживался естественно австрійскимъ консульствомъ. Неучастію Россіи въ этомъ дѣлѣ не вѣрили даже у насъ; тѣмъ болѣе не вѣрили этому въ Болгаріи. Къ довершенію несчастія, Россія, вынужденная примириться съ совершившимся фактомъ, поставлена была въ необходимость идти и дальше по этому пути, а именно: вновь назначенному дипломатическому агенту, М. А. Хитрово, находившемуся во время переворота еще въ Вѣнѣ, по дорогѣ въ Болгарію, и имѣвшему въ своемъ портфелѣ инструкцію поддерживать существующій въ Болгаріи порядокъ, т. е. Тырновскую конституцію, и удерживать князя на конституціонномъ пути, по по-

---

[1]) Давыдовъ ненавидѣлъ Каравелова, сильнаго вождя сильной партіи народниковъ, ненавидѣлъ и народниковъ, видя въ нихъ не только либераловъ, но и радикаловъ. Онъ вертѣлся въ заколдованномъ кругѣ Стоилова, Грекова и Начовича, видя въ нихъ европейцевъ; но на бѣду, у которыхъ не было никакой „партіи".

[2]) „Изъ прошлаго" Ч. IV. „Въ Болгаріи". Стр. 82 и 84.

[3]) Кумани не гнушался не только «нечесаннаго», по выраженію Давыдова, Каравелова, но и Славейкова, любимаго народнаго поэта, хотя Славейковъ не признавалъ ни галстуха, ни крахмаленнаго бѣлья.

Болгаріи и особенно Болгаріи къ Россіи, а что еще хуже, такъ это то, что, увлекаясь своей партійностью [1]), Давыдовъ, самъ не замѣчая того, игралъ въ руку иностранной дипломатіи, къ особенной радости представителя Австро-Венгріи, блистательнаго графа Кёвенгюллера" [2]).

Противовѣсомъ Давыдову былъ, состоявшій при князѣ Александрѣ нашъ полковникъ, флигель-адъютантъ Шепелевъ, замѣчательная личность, пользовавшійся всеобщимъ довѣріемъ и уваженіемъ болгаръ. Но онъ не былъ оффиціальнымъ представителемъ Россіи, да и не долго оставался въ Болгаріи. Преемникомъ Давыдова былъ Кумани, выдающійся человѣкъ, знатокъ Востока и славянскихъ земель, поступавшій совершенно противоположно Давыдову, снискавшій себѣ уваженіе всѣхъ выдающихся болгарскихъ патріотовъ; оставался недолго [3]). Въ антрактахъ между Давыдовымъ и Кумани, Кумани и Хитрово, должность представителя Россіи исправлялъ Лишинъ, слѣпое орудіе гр. Кёвенгюллера; онъ, на свой страхъ, содѣйствовалъ перевороту 1881 года, неодобряемому Россіей. Когда, къ великому сюрпризу Петербурга и Россіи, князь Александръ совершилъ свой переворотъ 27 апрѣля 1881 года уничтоживъ конституцію и принялъ на себя бразды правленія, то естественно никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы этотъ coup d'état могъ быть произведенъ безъ вѣдома, согласія и одобренія державы освободительницы; да и какъ было этому не вѣрить, когда во главѣ переворота былъ русскій генералъ Эрнротъ, дѣйствовавшій открыто, гласно, а Лишинъ—неоткрыто, негласно, но, тѣмъ не менѣе, для всѣхъ вѣдомо. Слухъ о сочувствіи Россіи этому событію поддерживался естественно австрійскимъ консульствомъ. Неучастію Россіи въ этомъ дѣлѣ не вѣрили даже у насъ; тѣмъ болѣе не вѣрили этому въ Болгаріи. Къ довершенію несчастія, Россія, вынужденная примириться съ совершившимся фактомъ, поставлена была въ необходимость идти и дальше по этому пути, а именно: вновь назначенному дипломатическому агенту, М. А. Хитрово, находившемуся во время переворота еще въ Вѣнѣ, по дорогѣ въ Болгарію, и имѣвшему въ своемъ портфелѣ инструкцію поддерживать существующій въ Болгаріи порядокъ, т. е. Тырновскую конституцію, и удерживать князя на конституціонномъ пути, по по-

---

[1]) Давыдовъ ненавидѣлъ Каравелова, сильнаго вождя сильной партіи народниковъ, ненавидѣлъ и народниковъ, видя въ нихъ не только либераловъ, но и радикаловъ. Онъ вертѣлся въ заколдованномъ кругѣ Стоилова, Грекова и Начовича, видя въ нихъ европейцевъ; но на бѣду, у которыхъ не было никакой „партіи".

[2]) „Изъ прошлаго" Ч. IV. „Въ Болгаріи". Стр. 82 и 84.

[3]) Кумани не гнушался не только «нечесаннаго», по выраженію Давыдова, Каравелова, но и Славейкова, любимаго народнаго поэта, хотя Славейковъ не признавалъ ни галстуха, ни крахмаленнаго бѣлья.

лученіи извѣстія о совершившемся переворотѣ, предписано было „признать“ таковой и „поддерживать князя въ его стремленіяхъ, направленныхъ ко благу народа“. Мало того, князь задумалъ послѣ переворота объѣздъ страны и выпросилъ согласіе нашего правительства, чтобы Хитрово сопровождалъ его въ этомъ торжественномъ шествіи, побѣдномъ для Австріи, Кёвенгюллера, всѣхъ враговъ Россіи и славянства. Что же могъ думать болгарскій народъ, видя князя, совершившаго „превратъ“, рядомъ съ представителемъ русскаго государя? Да еще какимъ представителемъ, — М. А. Хитрово, столь извѣстнымъ и популярнымъ среди балканскихъ славянъ. Для болгаръ очевидно и несомнѣнно было, что Россія того хотѣла, и что ставленникъ русскій, „момче“ [1]) царя Александра, сдѣлалъ только то, что было угодно повелителю Россіи, покровителю Болгаріи. Либералы должны были притихнуть, а главари ихъ скрыться: Каравеловъ бѣжалъ въ Филиппополь и сдѣлался тамъ издателемъ газеты „Независимость“, полной самыхъ рѣзкихъ нападокъ на Россію. Цанковъ (Драганъ) тоже скрылся изъ Софіи, пославъ нашему дипломатическому агенту открытое письмо, въ которомъ, между прочимъ, заявилъ, что Болгаріи не нужно „ни русскаго меда, ни русскаго жала“ [2]).

Мой преемникъ генералъ Эрнротъ, отличный боевой генералъ и умный человѣкъ, былъ большимъ патріотомъ — финляндскимъ, что̀ и доказалъ во время бытности своей министромъ статсъ-секретаремъ по финлядскимъ дѣламъ, при томъ доказалъ настолько блистательно, что былъ уволенъ отъ службы, при императорѣ Александрѣ III, „по прошенію“.—Въ вопросѣ русско-болгарскихъ отношеній Эрнротъ исповѣдывалъ два тезиса: „историческоеп ризваніе Австріи — господствовать на Балканскомъ полуостровѣ, а противодѣйствіе этому призванію — абсурдъ“ и-„вся бѣда Россіи въ томъ, что она занимается славянскими дѣлами; ей нужно заняться своими внутренними дѣлами, а о славянахъ, особенно южныхъ — забыть. Западные же славяне — внѣ вліянія Россіи“.

На свое же положеніе въ Болгаріи смотрѣлъ, какъ на веселенькій актъ Оффенбаховской оперетки, что̀ и высказалъ въ Систовѣ, во время переворота, почтенному и любимому болгарами полковнику Өедору Николаевичу Боборыкину, выписанному мною изъ Россіи и командовавшему войсками въ Варнѣ.

---

[1]) Мальчикъ, воспитанникъ; можно такъ сказать и про сына.
П. П.

[2]) Дѣйствительная характеристика этихъ двухъ выдающихся дѣятелей Болгаріи, *безусловныхъ* сторонниковъ Россіи, будетъ приведена ниже.
П. П.

лученіи извѣстія о совершившемся переворотѣ, предписано было „признать“ таковой и „поддерживать князя въ его стремленіяхъ, направленныхъ ко благу народа“. Мало того, князь задумалъ послѣ переворота объѣздъ страны и выпросилъ согласіе нашего правительства, чтобы Хитрово сопровождалъ его въ этомъ торжественномъ шествіи, побѣдномъ для Австріи, Кёвенгюллера, всѣхъ враговъ Россіи и славянства. Что же могъ думать болгарскій народъ, видя князя, совершившаго „превратъ“, рядомъ съ представителемъ русскаго государя? Да еще какимъ представителемъ, — М. А. Хитрово, столь извѣстнымъ и популярнымъ среди балканскихъ славянъ. Для болгаръ очевидно и несомнѣнно было, что Россія того хотѣла, и что ставленникъ русскій, „момче“ [1]) царя Александра, сдѣлалъ только то, что было угодно повелителю Россіи, покровителю Болгаріи. Либералы должны были притихнуть, а главари ихъ скрыться: Каравеловъ бѣжалъ въ Филиппополь и сдѣлался тамъ издателемъ газеты „Независимость“, полной самыхъ рѣзкихъ нападокъ на Россію. Цанковъ (Драганъ) тоже скрылся изъ Софіи, пославъ нашему дипломатическому агенту открытое письмо, въ которомъ, между прочимъ, заявилъ, что Болгаріи не нужно „ни русскаго меда, ни русскаго жала“ [2]).

Мой преемникъ генералъ Эрнротъ, отличный боевой генералъ и умный человѣкъ, былъ большимъ патріотомъ — финляндскимъ, что̀ и доказалъ во время бытности своей министромъ статсъ-секретаремъ по финлядскимъ дѣламъ, при томъ доказалъ настолько блистательно, что былъ уволенъ отъ службы, при императорѣ Александрѣ III, „по прошенію“.—Въ вопросѣ русско-болгарскихъ отношеній Эрнротъ исповѣдывалъ два тезиса: „историческоеп ризваніе Австріи — господствовать на Балканскомъ полуостровѣ, а противодѣйствіе этому призванію — абсурдъ“ и-„вся бѣда Россіи въ томъ, что она занимается славянскими дѣлами; ей нужно заняться своими внутренними дѣлами, а о славянахъ, особенно южныхъ — забыть. Западные же славяне — внѣ вліянія Россіи“.

На свое же положеніе въ Болгаріи смотрѣлъ, какъ на веселенькій актъ Оффенбаховской оперетки, что̀ и высказалъ въ Систовѣ, во время переворота, почтенному и любимому болгарами полковнику Ѳедору Николаевичу Боборыкину, выписанному мною изъ Россіи и командовавшему войсками въ Варнѣ.

---

[1]) Мальчикъ, воспитанникъ; можно такъ сказать и про сына.

П. П.

[2]) Дѣйствительная характеристика этихъ двухъ выдающихся дѣятелей Болгаріи, *безусловныхъ* сторонниковъ Россіи, будетъ приведена ниже.

П. П.

Эрнротъ смѣнилъ меня, поклонника Аксакова, Хомякова, Кирѣевскаго, очевидно, по ошибкѣ и во вредъ моему отечеству, тяготѣющаго къ славянству, считающаго себя славяниномъ, исповѣдующаго: я славянинъ и ничто славянское мнѣ не чуждо.

Въ Болгаріи Хитрово былъ замѣненъ Каянусомъ, а потомъ Бахметьевымъ. Въ Румеліи талантливаго, популярнаго, уважаемаго князя Цертелева, пользовавшагося огромнымъ авторитетомъ среди болгаръ, смѣнилъ Кребель... [1]).

. . . .

Выводовъ дѣлать не буду; на сей разъ довольно сказано.

Оставивъ Россію, обратимся къ Болгаріи и болгарамъ.

21-го октября 1879 года, открылось первое Народное Собраніе княжества. Въ длинной тронной рѣчи князя [2]) обращаетъ на себя вниманіе то, что о Россіи ни разу не упомянуто. Сильно подчерки-

---

[1]) Я далекъ отъ хуленія нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ, какъ людей, но только спрашиваю: могъ ли, весьма почтенный вѣроятно, балтіецъ Кребель, быть представителемъ славянской Россіи среди славянской Румеліи (Ѳракіи), да еще въ такое смутное время борьбы?

А какъ относятся болгары къ русскимъ полезнымъ дѣятелямъ въ Болгаріи, видно изъ сообщенія газеты „Свѣтъ" 1898 г., № 140, въ которомъ описывается, какъ маленькій болгарскій городъ Ломъ-Паланка, черезъ 20 лѣтъ, благодарилъ тоже маленькаго работника на большомъ дѣлѣ, бывшаго уѣзднымъ ломъ-паланскимъ начальникомъ, русскаго офицера Павла Дмитріевича Нечаева, который, „оставивъ другимъ раздумывать патріотическія думы, обсуждать благія намѣренія, взялся самымъ энергичнымъ образомъ за живое дѣло благоустроенія города и приступилъ къ прокладыванію правильныхъ улицъ, устройству мостовыхъ, воздвиженію общественныхъ зданій: городской думы, больницы, школы, городского сада и проч. и проч. Исчисливъ затѣмъ подробно всѣ славныя и полезныя для Лома дѣла Павла Дмитріевича, которыя украшаютъ городъ и по сіе время, Ломская городская дума, въ полномъ составѣ всѣхъ гласныхъ, съ городскимъ кметомъ (городской голова) во главѣ, единогласно свидѣтельствуетъ, что за всѣ эти благодѣянія священный долгъ обязываетъ ихъ выразить своему „великому добродѣю" глубочайшую благодарность при жизни и даже по его смерти въ назиданіе грядущимъ поколѣніямъ. А потому дума постановила: послать П. Д. Нечаеву на память, въ знакъ благодарности, альбомъ, со всѣми видами улицъ, мостовъ и зданій, имъ проложенныхъ и воздвигнутыхъ, назвавъ главнѣйшую, имъ проложенную, улицу, а также и нѣкоторыя зданія именемъ „Нечаева" и, наконецъ, провозгласить его почетнымъ гражданиномъ Лома и о всемъ томъ ему сообщить".

Вотъ если бы всѣ наши дѣятели въ Болгаріи, оставивъ „благія намѣренія", которыми, какъ извѣстно, вымощенъ адъ, работали на живомъ дѣлѣ, какое кому досталось,—то было бы хорошо и разговоровъ о „неблагодарности" пожалуй бы и не было.

[2]) Въ отдѣльномъ изданіи „Изъ Прошлаго". Ч. IV, приведена полностью. *П. П.*

Эрнротъ смѣнилъ меня, поклонника Аксакова, Хомякова, Кирѣевскаго, очевидно, по ошибкѣ и во вредъ моему отечеству, тяготѣющаго къ славянству, считающаго себя славяниномъ, исповѣдующаго: я славянинъ и ничто славянское мнѣ не чуждо.

Въ Болгаріи Хитрово былъ замѣненъ Каянусомъ, а потомъ Бахметьевымъ. Въ Румеліи талантливаго, популярнаго, уважаемаго князя Цертелева, пользовавшагося огромнымъ авторитетомъ среди болгаръ, смѣнилъ Кребель... [1]).

. . . .

Выводовъ дѣлать не буду; на сей разъ довольно сказано.

Оставивъ Россію, обратимся къ Болгаріи и болгарамъ.

21-го октября 1879 года, открылось первое Народное Собраніе княжества. Въ длинной тронной рѣчи князя [2]) обращаетъ на себя вниманіе то, что о Россіи ни разу не упомянуто. Сильно подчерки-

---

[1]) Я далекъ отъ хуленія нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ, какъ людей, но только спрашиваю: могъ ли, весьма почтенный вѣроятно, балтіецъ Кребель, быть представителемъ славянской Россіи среди славянской Румеліи (Ѳракіи), да еще въ такое смутное время борьбы?

А какъ относятся болгары къ русскимъ полезнымъ дѣятелямъ въ Болгаріи, видно изъ сообщенія газеты „Свѣтъ“ 1898 г., № 140, въ которомъ описывается, какъ маленькій болгарскій городъ Ломъ-Паланка, черезъ 20 лѣтъ, благодарилъ тоже маленькаго работника на большомъ дѣлѣ, бывшаго уѣзднымъ ломъ-паланскимъ начальникомъ, русскаго офицера Павла Дмитріевича Нечаева, который, „оставивъ другимъ раздумывать патріотическія думы, обсуждать благія намѣренія, взялся самымъ энергичнымъ образомъ за живое дѣло благоустроенія города и приступилъ къ прокладыванію правильныхъ улицъ, устройству мостовыхъ, воздвиженію общественныхъ зданій: городской думы, больницы, школы, городского сада и проч. и проч. Исчисливъ затѣмъ подробно всѣ славныя и полезныя для Лома дѣла Павла Дмитріевича, которыя украшаютъ городъ и по сіе время, Ломская городская дума, въ полномъ составѣ всѣхъ гласныхъ, съ городскимъ кметомъ (городской голова) во главѣ, единогласно свидѣтельствуетъ, что за всѣ эти благодѣянія священный долгъ обязываетъ ихъ выразить своему „великому добродѣю“ глубочайшую благодарность при жизни и даже по его смерти въ назиданіе грядущимъ поколѣніямъ. А потому дума постановила: послать П. Д. Нечаеву на память, въ знакъ благодарности, альбомъ, со всѣми видами улицъ, мостовъ и зданій, имъ проложенныхъ и воздвигнутыхъ, назвавъ главнѣйшую, имъ проложенную, улицу, а также и нѣкоторыя зданія именемъ „Нечаева“ и, наконецъ, провозгласить его почетнымъ гражданиномъ Лома и о всемъ томъ ему сообщить“.

Вотъ если бы всѣ наши дѣятели въ Болгаріи, оставивъ „благія намѣренія“, которыми, какъ извѣстно, вымощенъ адъ, работали на живомъ дѣлѣ, какое кому досталось,—то было бы хорошо и разговоровъ о „неблагодарности“ пожалуй бы и не было.

[2]) Въ отдѣльномъ изданіи „Изъ Прошлаго“. Ч. IV, приведена полностью. *П. П.*

вается благодарность государю, говорится о „просвѣщенной Европѣ“, но о Россіи, хотя бы и „не просвѣщенной“, но все же „освободительницѣ“ — ни слова. Я обращаю на этотъ пропускъ вниманіе, потому что такая забывчивость не случайная; игнорированіе Россіи производилось систематично, начиная съ телеграммы, посланной княземъ государю изъ Плевны, во время торжественнаго слѣдованія его въ Софію. „Неблагодарные“ болгары, въ лицѣ своихъ избранниковъ, членовъ 1-го Народнаго Собранія 1879 года, отвѣчая на тронную рѣчь адресомъ, въ самомъ началѣ его помѣстили слѣдующее:

„...Мы высказываемъ глубокую признательность и благодарность вашей свѣтлости за то посѣщеніе, которое вы, свѣтлѣйшій князь, послѣ избранія вашего царствующимъ болгарскимъ княземъ, поспѣшили сдѣлать нашему Царю Освободителю, чтобы поблагодарить его съ своей стороны и отъ лица болгарскаго народа, за безчисленныя благодѣянія, сдѣланныя имъ *и его народомъ* [1]) для нашего освобожденія. Народное Собраніе, имѣя въ виду, что всѣ блага, которыми нынѣ наслаждается наше отечество, суть плоды *великихъ дѣлъ нашихъ освободителей* [1]), въ одномъ изъ своихъ засѣданій рѣшило: при открытіи *каждой сессіи* выражать черезъ вашу свѣтлость свою искреннюю любовь и признательность великому русскому монарху, Его Императорскому Величеству Александру II и *его народу* [1]), дабы, узы соединяющія *два братскіе народа* [1]), съ каждымъ днемъ дѣлались болѣе тѣсными и крѣпкими“.

Думается мнѣ, что все сейчасъ приведенное мною не можетъ быть признано указаніемъ на „неблагодарность“... Надо прибавить, что такъ какъ большинство собранія состояло изъ оппозиціи, либераловъ, даже радикаловъ, съ Каравеловымъ во главѣ, а слѣдовательно, по мнѣнію „нѣкоторыхъ“, состояло изъ враговъ Россіи, то если такъ писали „враги“... Какъ же писали бы „друзья“?...

Адресъ долженъ былъ быть поднесенъ 16 ноября, а 17 ноября флигель-адъютантъ полковникъ Шепелевъ телеграфировалъ шифромъ изъ Софіи въ Петербургъ, военному министру графу Милютину:

„Кризисъ продолжается. Каравелову поручено составить смѣшанный кабинетъ. Князь сталъ сговорчивѣе, но подстрекаемый дипломатами, отказывается принять адресъ палаты, пока не измѣнятъ титула на „Высочество“ *и не вычеркнутъ рѣшеніе Собранія поручать князю, при каждомъ сборѣ камеры, благодарить Государя.* Убѣждаю измѣнить редакцію адреса.

„Дипломаты“ и еще „нѣкоторые“ одолѣли; собраніе было распущено. „Нѣкоторые“ приписывали это внушеніямъ Россіи; винили и меня какъ члена кабинета. Что касается меня, то въ книгѣ моей я докажу документами, напечатавъ ихъ fac simile, что я, военный министръ, членъ кабинета, узналъ о роспускѣ Собранія, *послѣ* совершенія этого акта, не будучи преднамѣренно приглашаемъ въ тѣ

[1]) Курсивъ мой. *П. П.*

вается благодарность государю, говорится о „просвѣщенной Европѣ“, но о Россіи, хотя бы и „не просвѣщенной“, но все же „освободительницѣ“ — ни слова. Я обращаю на этотъ пропускъ вниманіе, потому что такая забывчивость не случайная; игнорированіе Россіи производилось систематично, начиная съ телеграммы, посланной княземъ государю изъ Плевны, во время торжественнаго слѣдованія его въ Софію. „Неблагодарные“ болгары, въ лицѣ своихъ избранниковъ, членовъ 1-го Народнаго Собранія 1879 года, отвѣчая на тронную рѣчь адресомъ, въ самомъ началѣ его помѣстили слѣдующее:

„...Мы высказываемъ глубокую признательность и благодарность вашей свѣтлости за то посѣщеніе, которое вы, свѣтлѣйшій князь, послѣ избранія вашего царствующимъ болгарскимъ княземъ, поспѣшили сдѣлать нашему Царю Освободителю, чтобы поблагодарить его съ своей стороны и отъ лица болгарскаго народа, за безчисленныя благодѣянія, сдѣланныя имъ *и его народомъ* [1]) для нашего освобожденія. Народное Собраніе, имѣя въ виду, что всѣ блага, которыми нынѣ наслаждается наше отечество, суть плоды *великихъ дѣлъ нашихъ освободителей* [1]), въ одномъ изъ своихъ засѣданій рѣшило: при открытіи *каждой сессіи* выражать черезъ вашу свѣтлость свою искреннюю любовь и признательность великому русскому монарху, Его Императорскому Величеству Александру II и *его народу* [1]), дабы, узы соединяющія *два братскіе народа* [1]), съ каждымъ днемъ дѣлались болѣе тѣсными и крѣпкими“.

Думается мнѣ, что все сейчасъ приведенное мною не можетъ быть признано указаніемъ на „неблагодарность“... Надо прибавить, что такъ какъ большинство собранія состояло изъ оппозиціи, либераловъ, даже радикаловъ, съ Каравеловымъ во главѣ, а слѣдовательно, по мнѣнію „нѣкоторыхъ“, состояло изъ враговъ Россіи, то если такъ писали „враги“... Какъ же писали бы „друзья“?...

Адресъ долженъ былъ быть поднесенъ 16 ноября, а 17 ноября флигель-адъютантъ полковникъ Шепелевъ телеграфировалъ шифромъ изъ Софіи въ Петербургъ, военному министру графу Милютину:

„Кризисъ продолжается. Каравелову поручено составить смѣшанный кабинетъ. Князь сталъ сговорчивѣе, но подстрекаемый дипломатами, отказывается принять адресъ палаты, пока не измѣнятъ титула на „Высочество“ *и не вычеркнутъ рѣшеніе Собранія поручать князю, при каждомъ сборѣ камеры, благодарить Государя.* Убѣждаю измѣнить редакцію адреса.

„Дипломаты“ и еще „нѣкоторые“ одолѣли; собраніе было распущено. „Нѣкоторые“ приписывали это внушеніямъ Россіи; винили и меня какъ члена кабинета. Что касается меня, то въ книгѣ моей я докажу документами, напечатавъ ихъ fac simile, что я, военный министръ, членъ кабинета, узналъ о роспускѣ Собранія, *послѣ* совершенія этого акта, не будучи преднамѣренно приглашаемъ въ тѣ

[1]) Курсивъ мой. *П. П.*

засѣданія министерскаго совѣта, на которыхъ этотъ роспускъ обсуждался и былъ рѣшенъ [1]). Что же касается до участія въ этомъ роспускѣ Россіи, то вотъ документы:

Телеграмма графа Д. А. Милютина флигель-адъютанту полковнику Шепелеву, въ отвѣтъ на его письмо отъ 4-го ноября и телеграмму отъ 13 ноября.

Софія. Флигель-адъютанту полковнику Шепелеву. 15 ноября.

„Письмо ваше 4-го ноября получено только вчера одновременно съ двумя телеграммами 13-го и 14-го ноября. Высказываемыя вами соображенія согласуются съ Высочайшею волею. *Давыдову сообщено повелѣніе совѣтовать князю не прибѣгать къ роспуску Собранія до послѣдней крайности, испытавъ сперва всѣ средства къ образованію новаго кабинета* [2]).

Что же такое писалъ Шепелевъ, что согласовалось „съ Высочайшею волею"? Статья моя такъ разрослась, что я вынужденъ съузить ея размѣры, а потому долженъ быть кратокъ. Въ концѣ телеграммы Шепелева отъ 13-го ноября сказано:

„Вѣроятно завтра кабинетъ подастъ въ отставку. Если составленіе смѣшаннаго мининистерства не удастся, то князь рѣшится скорѣе распустить Собраніе, чѣмъ призвать исключительно либераловъ. Полагаю, что этимъ дѣла ухудшатся"·

Что касается до письма Шепелева отъ 4-го ноября то, помѣщая его полностью въ моей книгѣ, я здѣсь приведу одну только небольшую выдержку той основной мысли, которая „согласуется съ Высочайшею волею":

„Прежде всего князь долженъ рѣшить принципіальный вопросъ: распустить ли Собраніе, или составить новый кабинетъ? Я откровенно высказываюсь въ пользу послѣдняго, видя въ немъ единственный спокойный исходъ изъ нынѣшнихъ затрудненій".

---

[1]) Мнѣ приходилось слышать замѣчаніе, что въ виду такого нанесеннаго мнѣ афронта, слѣдовало уйти. Отвѣчаю: если бы я это тогда сдѣлалъ, то въ виду крайняго напряженія страстей, чрезвычайнаго возбужденія массъ, мой уходъ могъ бы быть той каплей, которая переполнила бы чашу негодованія противъ князя. Мой уходъ могъ бы быть искрой большого пожара, который пожралъ бы зачатки неустановившагося еще новаго строя. Недаромъ же князь, по поводу одного событія, случившагося позже, говорилъ своимъ близкимъ: „Когда генералъ Паренсовъ мною доволенъ, армія называетъ меня „Высочество", а когда недоволенъ, что случается чаще, то „Свѣтлостью". Говорилось еще многое, что здѣсь помѣщать считаю неудобнымъ. Все это безусловная клевета; интрига, раздувавшаяся моимъ принципіальнымъ врагомъ, однимъ изъ дипломатическихъ представителей запада. Я же всегда стоялъ неуклонно на почвѣ основного закона, имѣлъ въ виду интересы Болгаріи,—да и съ Россіей связей на порывалъ. *П. П.*

[2]) Напечатанное курсивомъ въ телеграммѣ зашифровано. *П. П.*

засѣданія министерскаго совѣта, на которыхъ этотъ роспускъ обсуждался и былъ рѣшенъ [1]). Что же касается до участія въ этомъ роспускѣ Россіи, то вотъ документы:

Телеграмма графа Д. А. Милютина флигель-адъютанту полковнику Шепелеву, въ отвѣтъ на его письмо отъ 4-го ноября и телеграмму отъ 13 ноября.

Софія. Флигель-адъютанту полковнику Шепелеву. 15 ноября.

„Письмо ваше 4-го ноября получено только вчера одновременно съ двумя телеграммами 13-го и 14-го ноября. Высказываемыя вами соображенія согласуются съ Высочайшею волею. *Давыдову сообщено повелѣніе совѣтовать князю не прибѣгать къ роспуску Собранія до послѣдней крайности, испытавъ сперва всѣ средства къ образованію новаго кабинета* [2]).

Что же такое писалъ Шепелевъ, что согласовалось „съ Высочайшею волею“? Статья моя такъ разрослась, что я вынужденъ съузить ея размѣры, а потому долженъ быть кратокъ. Въ концѣ телеграммы Шепелева отъ 13-го ноября сказано:

„Вѣроятно завтра кабинетъ подастъ въ отставку. Если составленіе смѣшаннаго мининистерства не удастся, то князь рѣшится скорѣе распустить Собраніе, чѣмъ призвать исключительно либераловъ. Полагаю, что этимъ дѣла ухудшатся“.

Что касается до письма Шепелева отъ 4-го ноября то, помѣщая его полностью въ моей книгѣ, я здѣсь приведу одну только небольшую выдержку той основной мысли, которая „согласуется съ Высочайшею волею“:

„Прежде всего князь долженъ рѣшить принципіальный вопросъ: распустить ли Собраніе, или составить новый кабинетъ? Я откровенно высказываюсь въ пользу послѣдняго, видя въ немъ единственный спокойный исходъ изъ нынѣшнихъ затрудненій“.

---

[1]) Мнѣ приходилось слышать замѣчаніе, что въ виду такого нанесеннаго мнѣ афронта, слѣдовало уйти. Отвѣчаю: если бы я это тогда сдѣлалъ, то въ виду крайняго напряженія страстей, чрезвычайнаго возбужденія массъ, мой уходъ могъ бы быть той каплей, которая переполнила бы чашу негодованія противъ князя. Мой уходъ могъ бы быть искрой большого пожара, который пожралъ бы зачатки неустановившагося еще новаго строя. Недаромъ же князь, по поводу одного событія, случившагося позже, говорилъ своимъ близкимъ: „Когда генералъ Паренсовъ мною доволенъ, армія называетъ меня „Высочество“, а когда недоволенъ, что̀ случается чаще, то „Свѣтлостью“. Говорилось еще многое, что здѣсь помѣщать считаю неудобнымъ. Все это безусловная клевета; интрига, раздувавшаяся моимъ принципіальнымъ врагомъ, однимъ изъ дипломатическихъ представителей запада. Я же всегда стоялъ неуклонно на почвѣ основного закона, имѣлъ въ виду интересы Болгаріи,—да и съ Россіей связей на порывалъ. *П. П.*

[2]) Напечатанное курсивомъ въ телеграммѣ зашифровано. *П. П.*

А нѣсколько выше:

„Положеніе дѣлъ въ настоящую минуту слѣдующее: Народное Собраніе, почти полнымъ своимъ составомъ принадлежитъ къ конституціонной партіи, т. е. оппозиціи; по личному мнѣ заявленію одного изъ министровъ, приверженцы ихъ, бывшіе въ числѣ 40 человѣкъ, также перешли въ противный лагерь, за исключеніемъ какихъ-нибудь 5—8 лицъ.—Можно положительно сказать, что дни министерства Бурмова—Балабанова уже сочтены; это фактъ, игнорировать который было бы неблагоразумно. По парламентскимъ обычаямъ, будущій кабинетъ долженъ принадлежать нынѣшней оппозиціи, и она въ правѣ была бы настаивать на томъ, чтобы всѣ портфели были розданы исключительно ея приверженцамъ“.

Письмо Шепелева кончается такъ:

„Я былъ бы счастливъ получить отъ вашего сіятельства указаніе о томъ, въ какой мѣрѣ мой взглядъ на совершающіяся здѣсь событія и образъ дѣйствій отвѣчаютъ волѣ Августѣйшаго Государя.“

Отвѣтомъ было, какъ мы видѣли выше, то, что изложено въ депешѣ графа Д. А. Милютина отъ 15 ноября.

Но... Все, излагаемое мною теперь, является на свѣтъ Божій впервые, а тогда это было подъ спудомъ. И роспускъ Народнаго Собранія 1879 года и особенно переворотъ 1881 года были, по тогдашней видимости, дѣломъ рукъ Россіи. Эту видимость неустанно поддерживали враги Россіи, враги Болгаріи, враги славянства. Немудрено, что этому вѣрили въ Болгаріи; вѣрили и возмущались. Мало того, чѣмъ болѣе болгаринъ былъ патріотомъ, чѣмъ ближе были ему судьбы родины — тѣмъ возмущался онъ сильнѣе и яростно негодовалъ на, по тогдашней версіи—очевиднаго разрушителя болгарской самобытности. Повторю еще разъ, что это негодованіе, этотъ пылъ самымъ тщательнымъ и искуснымъ образомъ раздувался всѣми тѣми, кому славянское единеніе было не на руку, для кого славянское разъединеніе было задачей дѣятельности и даже существованія. Извѣстно, что въ подобныхъ осложненіяхъ, слѣпыхъ орудій, іезуитски веденной интриги—сколько угодно.—Къ тому же, тутъ—якобы несомнѣнная и якобы очевидная видимость.—Не мудрено, что пылкій и въ то время,—крайне несдержанный Каравеловъ, видя торжество враговъ его родины, гибель его идеи, принужденный бѣжать въ Румелію, сталъ во главѣ враждебнаго Россіи печатнаго органа „Независимости“, а другой, болѣе сдержанный, чѣмъ Каравеловъ, но не менѣе пламенный патріотъ—Драганъ Цанковъ, писалъ о „медѣ“ и о „жалѣ“. Оба эти популярные дѣятели были во главѣ партій, имѣли массу приверженцевъ.—Послѣдствія понятны; армія „неблагодарныхъ“—выросла.

А чѣмъ были въ дѣйствительности, по отношенію къ Россіи,

А нѣсколько выше:

„Положеніе дѣлъ въ настоящую минуту слѣдующее: Народное Собраніе, почти полнымъ своимъ составомъ принадлежитъ къ конституціонной партіи, т. е. оппозиціи; по личному мнѣ заявленію одного изъ министровъ, приверженцы ихъ, бывшіе въ числѣ 40 человѣкъ, также перешли въ противный лагерь, за исключеніемъ какихъ-нибудь 5—8 лицъ.—Можно положительно сказать, что дни министерства Бурмова—Балабанова уже сочтены; это фактъ, игнорировать который было бы неблагоразумно. По парламентскимъ обычаямъ, будущій кабинетъ долженъ принадлежать нынѣшней оппозиціи, и она въ правѣ была бы настаивать на томъ, чтобы всѣ портфели были розданы исключительно ея приверженцамъ“.

Письмо Шепелева кончается такъ:

„Я былъ бы счастливъ получить отъ вашего сіятельства указаніе о томъ, въ какой мѣрѣ мой взглядъ на совершающіяся здѣсь событія и образъ дѣйствій отвѣчаютъ волѣ Августѣйшаго Государя.“

Отвѣтомъ было, какъ мы видѣли выше, то, что изложено въ депешѣ графа Д. А. Милютина отъ 15 ноября.

Но... Все, излагаемое мною теперь, является на свѣтъ Божій впервые, а тогда это было подъ спудомъ. И роспускъ Народнаго Собранія 1879 года и особенно переворотъ 1881 года были, по тогдашней видимости, дѣломъ рукъ Россіи. Эту видимость неустанно поддерживали враги Россіи, враги Болгаріи, враги славянства. Немудрено, что этому вѣрили въ Болгаріи; вѣрили и возмущались. Мало того, чѣмъ болѣе болгаринъ былъ патріотомъ, чѣмъ ближе были ему судьбы родины — тѣмъ возмущался онъ сильнѣе и яростно негодовалъ на, по тогдашней версіи—очевиднаго разрушителя болгарской самобытности. Повторю еще разъ, что это негодованіе, этотъ пылъ самымъ тщательнымъ и искуснымъ образомъ раздувался всѣми тѣми, кому славянское единеніе было не на руку, для кого славянское разъединеніе было задачей дѣятельности и даже существованія. Извѣстно, что въ подобныхъ осложненіяхъ, слѣпыхъ орудій, іезуитски веденной интриги—сколько угодно.—Къ тому же, тутъ—якобы несомнѣнная и якобы очевидная видимость.—Не мудрено, что пылкій и въ то время,—крайне несдержанный Каравеловъ, видя торжество враговъ его родины, гибель его идеи, принужденный бѣжать въ Румелію, сталъ во главѣ враждебнаго Россіи печатнаго органа „Независимости“, а другой, болѣе сдержанный, чѣмъ Каравеловъ, но не менѣе пламенный патріотъ—Драганъ Цанковъ, писалъ о „медѣ“ и о „жалѣ“. Оба эти популярные дѣятели были во главѣ партій, имѣли массу приверженцевъ.—Послѣдствія понятны; армія „неблагодарныхъ“—выросла.

А чѣмъ были въ дѣйствительности, по отношенію къ Россіи,

оба эти лица, видно изъ слѣдующаго. — Отрывокъ письма ко мнѣ Драгана Цанкова отъ 20 февраля 1895 года.

„Однако я твердо уповаю, какъ я вчера сказалъ графу Н. П. Игнатьеву, привѣтствуя его по телеграфу по случаю годовщины Санъ-Стефанскаго договора, что пройдетъ временное умопомраченіе и заживетъ Болгарія братской русской любовью. Если Стамбуловъ не могъ задушить своими драконовскими мѣрами вѣру и любовь нашего народа къ Россіи, это еще меньше удастся X и Z [1]), особенно послѣ стольких лѣтъ испытаній".

Отрывокъ изъ письма ко мнѣ П. Каравелова отъ 21 февраля 1895 года.

„...Я искренно могу вамъ сказать, что между честными болгарами никто не вѣритъ въ желаніе Россіи обратить Болгарію въ свою провинцію, да это не было бы въ интересахъ не только Россіи, но и всего славянства. Лично я глубоко убѣжденъ и этого нисколько не стѣсняюсь открыто разглашать, что Россія въ правѣ требовать—и Болгарія должна признать этотъ нравственный и политическій долгъ,—чтобы, въ случаѣ нужды, болгарскіе солдаты сражались рядомъ съ русскимъ воинствомъ, ихъ освободителями и учителями. Это диктуетъ намъ не только долгъ признательности за освобожденіе, но и пониманіе существенныхъ интересовъ страны, самая мудрая политика. А нужно знать, что безъ особенно большихъ жертвъ со стороны народа Болгарія, въ случаѣ войны, можетъ выставить отъ 3—4 корпусовъ хорошаго, стойкаго войска. Сѣмена, брошенныя русскими инструкторами, при всѣхъ испытаніяхъ страны, не упали на безплодную почву, и будущее, дастъ Богъ, покажетъ это.

Все это заставляетъ меня твердо вѣрить, что Россія, въ отношеніи къ намъ, болгарамъ, не можетъ руководиться такой плохой политикой и несообразнымъ намѣреніемъ—превращать Болгарію въ русскую провинцію, когда она при мало-мальскомъ нормальномъ положеніи дѣлъ въ Болгаріи, смѣло можетъ разсчитывать имѣть съ собой, въ случаѣ нужды, болгарскія военныя силы, безъ всякихъ затратъ и какихъ-либо заботъ съ своей стороны.

Есть еще вопросъ, для меня безусловно ясный, и я бы желалъ, чтобы и въ Россіи смотрѣли на него надлежащимъ образомъ: между болгарами Россія пользуется искренной симпатіей *въ массѣ народа* [2]); для этого нужно стараться всѣми силами, чтобы эта масса—имѣла вліяніе на управленіе страны, въ противовѣсъ австрійскому домогательству—лишать народъ и надѣлять имъ князей. Общеизвѣстно правило Австріи покровительствовать коронованнымъ особамъ и держать въ тискахъ народы—то же самое, въ широкихъ размѣрахъ, она прилагаетъ въ своей политикѣ на Балканскомъ полуостровѣ. Это не переставало быть для меня яснымъ со дня существованія освобожденнаго, много-

---

[1]) Въ письмѣ оба лица, мнѣ хорошо знакомыя, названы; одинъ изъ нихъ уже умеръ. Но я не считаю себя въ правѣ ихъ открыть. Письмо Др. Цанкова писано вскорѣ послѣ Стамбуловскаго террора—„краснаго", вначалѣ и временно замѣненнаго другимъ, „бѣлымъ". *П. П.*

[2]) Курсивъ автора письма. *П. П.*

оба эти лица, видно изъ слѣдующаго. — Отрывокъ письма ко мнѣ Драгана Цанкова отъ 20 февраля 1895 года.

„Однако я твердо уповаю, какъ я вчера сказалъ графу Н. П. Игнатьеву, привѣтствуя его по телеграфу по случаю годовщины Санъ-Стефанскаго договора, что пройдетъ временное умопомраченіе и заживетъ Болгарія братской русской любовью. Если Стамбуловъ не могъ задушить своими драконовскими мѣрами вѣру и любовь нашего народа къ Россіи, это еще меньше удастся X и Z [1]), особенно послѣ столькихъ лѣтъ испытаній".

Отрывокъ изъ письма ко мнѣ П. Каравелова отъ 21 февраля 1895 года.

„...Я искренно могу вамъ сказать, что между честными болгарами никто не вѣритъ въ желаніе Россіи обратить Болгарію въ свою провинцію, да это не было бы въ интересахъ не только Россіи, но и всего славянства. Лично я глубоко убѣжденъ и этого нисколько не стѣсняюсь открыто разглашать, что Россія въ правѣ требовать—и Болгарія должна признать этотъ нравственный и политическій долгъ,—чтобы, въ случаѣ нужды, болгарскіе солдаты сражались рядомъ съ русскимъ воинствомъ, ихъ освободителями и учителями. Это диктуетъ намъ не только долгъ признательности за освобожденіе, но и пониманіе существенныхъ интересовъ страны, самая мудрая политика. А нужно знать, что безъ особенно большихъ жертвъ со стороны народа Болгарія, въ случаѣ войны, можетъ выставить отъ 3—4 корпусовъ хорошаго, стойкаго войска. Сѣмена, брошенныя русскими инструкторами, при всѣхъ испытаніяхъ страны, не упали на безплодную почву, и будущее, дастъ Богъ, покажетъ это.

Все это заставляетъ меня твердо вѣрить, что Россія, въ отношеніи къ намъ, болгарамъ, не можетъ руководиться такой плохой политикой и несообразнымъ намѣреніемъ—превращать Болгарію въ русскую провинцію, когда она при мало-мальскомъ нормальномъ положеніи дѣлъ въ Болгаріи, смѣло можетъ разсчитывать имѣть съ собой, въ случаѣ нужды, болгарскія военныя силы, безъ всякихъ затратъ и какихъ-либо заботъ съ своей стороны.

Есть еще вопросъ, для меня безусловно ясный, и я бы желалъ, чтобы и въ Россіи смотрѣли на него надлежащимъ образомъ: между болгарами Россія пользуется искренной симпатіей *въ массѣ народа* [2]); для этого нужно стараться всѣми силами, чтобы эта масса—имѣла вліяніе на управленіе страны, въ противовѣсъ австрійскому домогательству—лишать народъ и надѣлять имъ князей. Общеизвѣстно правило Австріи покровительствовать коронованнымъ особамъ и держать въ тискахъ народы—то же самое, въ широкихъ размѣрахъ, она прилагаетъ въ своей политикѣ на Балканскомъ полуостровѣ. Это не переставало быть для меня яснымъ со дня существованія освобожденнаго, много-

---

[1]) Въ письмѣ оба лица, мнѣ хорошо знакомыя, названы; одинъ изъ нихъ уже умеръ. Но я не считаю себя въ правѣ ихъ открыть. Письмо Др. Цанкова писано вскорѣ послѣ Стамбуловскаго террора—„краснаго", вначалѣ и временно замѣненнаго другимъ, „бѣлымъ". *П. П.*

[2]) Курсивъ автора письма. *П. П.*

страдальнаго нашего отечества, и на борьбу эту я не жалѣлъ и не пожалѣю силъ и способностей, пока ихъ у меня хватитъ.

А борьба предстоитъ упорная" [1]).

Такъ писалъ либералъ, радикалъ, *а слѣдовательно*, по мнѣнію „нѣкоторыхъ"—„врагъ Россіи".

Я очень жалѣю, что не могу привести здѣсь письменнаго отзыва другого великаго болгарскаго патріота, тырновскаго митрополита Климента, бывшаго въ мое время министромъ просвѣщенія и, за выѣздомъ князя въ Россію, регентомъ княжества. Др. Цанковъ писалъ мнѣ слѣдующее:

„Высокочтимый іерархъ—нашъ общій другъ—поручилъ моему зятю (Людсканову), послѣ полученія Вашего письма, передать Вамъ его благодарность за Вашъ сердечный привѣтъ. Митрополитъ Климентъ получилъ Ваше письмо, но въ виду непріязненнаго отношенія нынѣшнихъ нашихъ управителей къ нему, онъ счелъ благоразумнѣе не довѣрять болгарской почтѣ свой отвѣтъ Вамъ, а подождать, пока не представится болѣе надежный каналъ для переписки".

Митрополитъ Климентъ былъ посаженъ Стамбуловымъ въ Тырновскую тюрьму и послѣ освобожденія изъ нея, отъ перенесенныхъ во время этого заточенія огорченій и страданій, скончался.

Мнѣ пришлось упомянуть имя Стамбулова, имя, которое противники моихъ взглядовъ могутъ выставить въ подтвержденіе ихъ ошибочности. Стамбулова я зналъ лично, когда онъ, не имѣя возрастнаго ценза, недостигши 30 лѣтъ, благодаря подчисткѣ документовъ, попалъ въ первое Народное Собраніе. Мнѣ пришлось даже имѣть съ нимъ дѣло при слѣдующихъ обстоятельствахъ [2]). Въ отвѣтномъ адресѣ Народнаго Собранія было, между прочимъ, сказано слѣдующее:

„Государь! Народное войско всегда было для освобожденнаго народа предметомъ его гордости и особыхъ попеченій. Мы желаемъ, чтобы всеобщая воинская повинность, согласно конституціи, сдѣлалась обязательной для всѣхъ гражданъ княжества [3]). Выражая особенное удо-

---

[1]) Каравеловъ былъ русскій воспитанникъ, кончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ и служилъ у насъ по вѣдомству просвѣщенія. Во времена диктаторства Стамбулова въ Болгаріи, былъ посаженъ въ тюрьму „Черная Джамія" какъ государственный преступникъ, подвергся тамъ пыткѣ. Послѣ убійства Стамбулова выпущенъ. До конца своей жизни былъ ревностнымъ и сознательнымъ сторонникомъ Россіи.

[2]) Помѣщаемый далѣе эпизодъ позаимствованъ изъ IV-й части книги моей „Изъ Прошлаго" „въ Болгаріи".

[3]) По конституціи воинская повинность была общеобязательная, но управленіе Императорскаго комиссара, въ краткій срокъ своего существованія и по смутному состоянію страны, бывшей театромъ военныхъ дѣйствій, не успѣло выработать общаго военнаго закона отбыванія воинской повинности христіанами и мусульманами. Первое болгарское военное мини-

страдальнаго нашего отечества, и на борьбу эту я не жалѣлъ и не пожалѣю силъ и способностей, пока ихъ у меня хватитъ.

А борьба предстоитъ упорная“ [1]).

Такъ писалъ либералъ, радикалъ, *а слѣдовательно*, по мнѣнію „нѣкоторыхъ“—„врагъ Россіи“.

Я очень жалѣю, что не могу привести здѣсь письменнаго отзыва другого великаго болгарскаго патріота, тырновскаго митрополита Климента, бывшаго въ мое время министромъ просвѣщенія и, за выѣздомъ князя въ Россію, регентомъ княжества. Др. Цанковъ писалъ мнѣ слѣдующее:

„Высокочтимый іерархъ—нашъ общій другъ—поручилъ моему зятю (Людсканову), послѣ полученія Вашего письма, передать Вамъ его благодарность за Вашъ сердечный привѣтъ. Митрополитъ Климентъ получилъ Ваше письмо, но въ виду непріязненнаго отношенія нынѣшнихъ нашихъ управителей къ нему, онъ счелъ благоразумнѣе не довѣрять болгарской почтѣ свой отвѣтъ Вамъ, а подождать, пока не представится болѣе надежный каналъ для переписки“.

Митрополитъ Климентъ былъ посаженъ Стамбуловымъ въ Тырновскую тюрьму и послѣ освобожденія изъ нея, отъ перенесенныхъ во время этого заточенія огорченій и страданій, скончался.

Мнѣ пришлось упомянуть имя Стамбулова, имя, которое противники моихъ взглядовъ могутъ выставить въ подтвержденіе ихъ ошибочности. Стамбулова я зналъ лично, когда онъ, не имѣя возрастнаго ценза, недостигши 30 лѣтъ, благодаря подчисткѣ документовъ, попалъ въ первое Народное Собраніе. Мнѣ пришлось даже имѣть съ нимъ дѣло при слѣдующихъ обстоятельствахъ [2]). Въ отвѣтномъ адресѣ Народнаго Собранія было, между прочимъ, сказано слѣдующее:

„Государь! Народное войско всегда было для освобожденнаго народа предметомъ его гордости и особыхъ попеченій. Мы желаемъ, чтобы всеобщая воинская повинность, согласно конституціи, сдѣлалась обязательной для всѣхъ гражданъ княжества [3]). Выражая особенное удо-

---

[1]) Каравеловъ былъ русскій воспитанникъ, кончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ и служилъ у насъ по вѣдомству просвѣщенія. Во времена диктаторства Стамбулова въ Болгаріи, былъ посаженъ въ тюрьму „Черная Джамія“ какъ государственный преступникъ, подвергся тамъ пыткѣ. Послѣ убійства Стамбулова выпущенъ. До конца своей жизни былъ ревностнымъ и сознательнымъ сторонникомъ Россіи.

[2]) Помѣщаемый далѣе эпизодъ позаимствованъ изъ IV-й части книги моей „Изъ Прошлаго“ „въ Болгаріи“.

[3]) По конституціи воинская повинность была общеобязательная, но управленіе Императорскаго комиссара, въ краткій срокъ своего существованія и по смутному состоянію страны, бывшей театромъ военныхъ дѣйствій, не успѣло выработать общаго военнаго закона отбыванія воинской повинности христіанами и мусульманами. Первое болгарское военное мини-

вольствіе относительно того, что для вооруженныхъ силъ княжества положены прочныя основы, считаемъ своимъ долгомъ заявить, что было бы желательно улучшить способы продовольствія войскъ и обратить нужное вниманіе также и на сохраненіе здоровья солдатъ".

Прочитавъ отвѣтный адресъ и то, что было въ немъ сказано о войскѣ, я не нашелъ ничего для себя непріятнаго и чѣмъ я могъ бы обидѣться. Даже наоборотъ; я былъ доволенъ, что Собраніе высказало желаніе улучшенія содержанія войска. Это давало мнѣ поводъ пойти навстрѣчу Собранію и сообщить ему, что это улучшеніе, въ извѣстной степени, зависитъ отъ самой палаты. Для улучшенія положенія войска нужны были мѣропріятія съ двухъ сторонъ: съ одной стороны — добросовѣстное и умѣлое руководство войскомъ, — это сфера моей дѣятельности, и денежныя средства — сфера дѣятельности Собранія. Недочеты въ жизни войска были извѣстны прежде всего мнѣ, а затѣмъ, вообще, это было такое большое шило, котораго ни въ какомъ мѣшкѣ не утаишь.

Я имѣлъ въ виду представить мой отчетъ Собранію и доложить ему все, не скрывая ничего. Эти мысли я не только не скрывалъ, но говорилъ всѣмъ открыто, начиная съ моихъ коллегъ, которые первые находили, что я долженъ обидѣться, а затѣмъ высказалъ все и князю, который, вначалѣ, со мной согласился. Но вдругъ поднялась буря и поднялъ ее Давыдовъ. Онъ находилъ, что высказанное въ адресѣ желаніе объ улучшеніи содержанія войска есть оскорбленіе Россіи, Императорскому комиссару и мнѣ. Давыдовъ былъ всегда человѣкомъ прямымъ и не скрывалъ своихъ взглядовъ, а потому естественно, что взгляды эти скоро распространились въ Софіи, дошли до депутатовъ, и вотъ что случилось.

Однажды мнѣ доложили, что во дворъ временнаго дома, въ которомъ я жилъ, вошла толпа народа; выглянувъ въ окно, я увидѣлъ массу депутатовъ Народнаго Собранія и во главѣ ихъ Стамбулова. Я принялъ ихъ всѣхъ въ кабинетѣ и уже по первымъ привѣтствіямъ увидѣлъ, что толпа эта не только вполнѣ миролюбиво настроена, но даже, по отношенію ко мнѣ, дружелюбно.

Отъ лица всѣхъ заговорилъ Стамбуловъ. Сущность сказаннаго имъ заключалось въ томъ, что до нихъ дошли слухи о томъ, будто

стерство занялось этимъ вопросомъ, но существуя только съ іюля, не могло выработать къ октябрю, времени созыва Народнаго Собранія, общій законъ, тѣмъ болѣе, что по уходѣ русскихъ оккупаціонныхъ войскъ, въ восточной части княжества и южной вспыхнуло серьезное возстаніе мусульманъ. Въ отчетѣ военнаго министерства, представленномъ въ Народное Собраніе, обо всемъ этомъ было упомянуто, и заявленіе, сдѣланное въ отвѣтномъ адресѣ, было даже на руку военному министерству, заранѣе обезпечивая проектируемый имъ военный законъ. *П. П.*

вольствіе относительно того, что для вооруженныхъ силъ княжества положены прочныя основы, считаемъ своимъ долгомъ заявить, что было бы желательно улучшить способы продовольствія войскъ и обратить нужное вниманіе также и на сохраненіе здоровья солдатъ".

Прочитавъ отвѣтный адресъ и то, что было въ немъ сказано о войскѣ, я не нашелъ ничего для себя непріятнаго и чѣмъ я могъ бы обидѣться. Даже наоборотъ; я былъ доволенъ, что Собраніе высказало желаніе улучшенія содержанія войска. Это давало мнѣ поводъ пойти навстрѣчу Собранію и сообщить ему, что это улучшеніе, въ извѣстной степени, зависитъ отъ самой палаты. Для улучшенія положенія войска нужны были мѣропріятія съ двухъ сторонъ: съ одной стороны — добросовѣстное и умѣлое руководство войскомъ, — это сфера моей дѣятельности, и денежныя средства — сфера дѣятельности Собранія. Недочеты въ жизни войска были извѣстны прежде всего мнѣ, а затѣмъ, вообще, это было такое большое шило, котораго ни въ какомъ мѣшкѣ не утаишь.

Я имѣлъ въ виду представить мой отчетъ Собранію и доложить ему все, не скрывая ничего. Эти мысли я не только не скрывалъ, но говорилъ всѣмъ открыто, начиная съ моихъ коллегъ, которые первые находили, что я долженъ обидѣться, а затѣмъ высказалъ все и князю, который, вначалѣ, со мной согласился. Но вдругъ поднялась буря и поднялъ ее Давыдовъ. Онъ находилъ, что высказанное въ адресѣ желаніе объ улучшеніи содержанія войска есть оскорбленіе Россіи, Императорскому комиссару и мнѣ. Давыдовъ былъ всегда человѣкомъ прямымъ и не скрывалъ своихъ взглядовъ, а потому естественно, что взгляды эти скоро распространились въ Софіи, дошли до депутатовъ, и вотъ что случилось.

Однажды мнѣ доложили, что во дворъ временного дома, въ которомъ я жилъ, вошла толпа народа; выглянувъ въ окно, я увидѣлъ массу депутатовъ Народнаго Собранія и во главѣ ихъ Стамбулова. Я принялъ ихъ всѣхъ въ кабинетѣ и уже по первымъ привѣтствіямъ увидѣлъ, что толпа эта не только вполнѣ миролюбиво настроена, но даже, по отношенію ко мнѣ, дружелюбно.

Отъ лица всѣхъ заговорилъ Стамбуловъ. Сущность сказаннаго имъ заключалось въ томъ, что до нихъ дошли слухи о томъ, будто

стерство занялось этимъ вопросомъ, но существуя только съ іюля, не могло выработать къ октябрю, времени созыва Народнаго Собранія, общій законъ, тѣмъ болѣе, что по уходѣ русскихъ оккупаціонныхъ войскъ, въ восточной части княжества и южной вспыхнуло серьезное возстаніе мусульманъ. Въ отчетѣ военнаго министерства, представленномъ въ Народное Собраніе, обо всемъ этомъ было упомянуто, и заявленіе, сдѣланное въ отвѣтномъ адресѣ, было даже на руку военному министерству, заранѣе обезпечивая проектируемый имъ военный законъ. *П. П.*

бы я оскорбленъ словами адреса о войскѣ и что они пришли ко мнѣ, уполномоченные всѣмъ Народнымъ Собраніемъ заявить, что у нихъ не только не было мысли оскорблять меня или выражать недовѣріе, но что, наоборотъ, они вполнѣ довольны мною и моими дѣйствіями, желаютъ, чтобы я прожилъ въ Болгаріи дольше и продолжалъ бы работать по-прежнему. Въ разговорѣ съ ними я высказалъ сначала, какъ и подобало, благодарность за довѣріе, а затѣмъ высказалъ много даже непріятнаго, можетъ быть, такъ называемымъ радикаламъ; высказалъ мой взглядъ на войско, мои стремленія, просилъ не мѣшать неумѣстными, пустяшными вопросами моей трудной работѣ; въ то же время заявилъ, что самъ знаю о существованіи въ войскѣ недостатковъ, но что армія не создается въ нѣсколько мѣсяцевъ, что на это надо много времени и много трудовъ. Въ заключеніе я прибавилъ, что готовъ отвѣчать Собранію въ случаѣ запроса. Покончивъ оффиціальные разговоры и видя, что депутаты остались моими объясненіями довольны, я пошелъ дальше, и въ частномъ разговорѣ заговорилъ о представляемомъ мною новомъ бюджетѣ. Въ концѣ этой частной бесѣды, мнѣ было заявлено, что Собраніе дастъ мнѣ не 12 милліоновъ (франковъ), какъ я прошу, но 15-ть (вмѣсто 8-и прежнихъ), лишь бы я велъ дѣло чисто и въ дѣйствіяхъ моихъ не выходилъ изъ рамокъ конституціи.

Разстались мы вполнѣ довольные другъ другомъ.

Что большинство депутатовъ, въ числѣ коихъ было много селяковъ (крестьянъ), говорило искренно, я нисколько не сомнѣваюсь; насколько же былъ искрененъ самъ Стамбуловъ, конечно, не знаю; думаю однако, что въ то время онъ говорилъ искренно. Во-первыхъ, онъ тогда еще не оперился, а во-вторыхъ, вспоминая слова митрополита Григорія, приведенныя мною выше, я глубоко убѣжденъ, что многихъ изъ нашихъ враговъ въ Болгаріи, да и другихъ мѣстахъ, создали мы сами; создали ихъ главнымъ образомъ наши представители на мѣстѣ, гражданскіе и военные, не всегда удачно выбираемые, о чемъ мною сказано выше.

. . . .

Слухъ о депутаціи, ко мнѣ пришедшей, понятно, скоро распространился. Поднялась новая буря и опять-таки поднялъ ее Давыдовъ, который находилъ, что я не долженъ былъ принимать депутатовъ, да еще мирно бесѣдовать съ ними въ то время, когда въ министерской партіи и во дворцѣ были недовольны Собраніемъ и даже созрѣвалъ планъ распущенія палаты, я же находилъ невозможнымъ не принять представителей народа, депутатовъ Собранія, которому я, по закону, обязанъ дать отчетъ въ моихъ дѣйствіяхъ. Да, наконецъ, если стать на практическую точку зрѣнія, исходить

бы я оскорбленъ словами адреса о войскѣ и что они пришли ко мнѣ, уполномоченные всѣмъ Народнымъ Собраніемъ заявить, что у нихъ не только не было мысли оскорблять меня или выражать недовѣріе, но что, наоборотъ, они вполнѣ довольны мною и моими дѣйствіями, желаютъ, чтобы я прожилъ въ Болгаріи дольше и продолжалъ бы работать по-прежнему. Въ разговорѣ съ ними я высказалъ сначала, какъ и подобало, благодарность за довѣріе, а затѣмъ высказалъ много даже непріятнаго, можетъ быть, такъ называемымъ радикаламъ; высказалъ мой взглядъ на войско, мои стремленія, просилъ не мѣшать неумѣстными, пустяшными вопросами моей трудной работѣ; въ то же время заявилъ, что самъ знаю о существованіи въ войскѣ недостатковъ, но что армія не создается въ нѣсколько мѣсяцевъ, что на это надо много времени и много трудовъ. Въ заключеніе я прибавилъ, что готовъ отвѣчать Собранію въ случаѣ запроса. Покончивъ оффиціальные разговоры и видя, что депутаты остались моими объясненіями довольны, я пошелъ дальше, и въ частномъ разговорѣ заговорилъ о представляемомъ мною новомъ бюджетѣ. Въ концѣ этой частной бесѣды, мнѣ было заявлено, что Собраніе дастъ мнѣ не 12 милліоновъ (франковъ), какъ я прошу, но 15-ть (вмѣсто 8-и прежнихъ), лишь бы я велъ дѣло чисто и въ дѣйствіяхъ моихъ не выходилъ изъ рамокъ конституціи.

Разстались мы вполнѣ довольные другъ другомъ.

Что большинство депутатовъ, въ числѣ коихъ было много селяковъ (крестьянъ), говорило искренно, я нисколько не сомнѣваюсь; насколько же былъ искрененъ самъ Стамбуловъ, конечно, не знаю; думаю однако, что въ то время онъ говорилъ искренно. Во-первыхъ, онъ тогда еще не оперился, а во-вторыхъ, вспоминая слова митрополита Григорія, приведенныя мною выше, я глубоко убѣжденъ, что многихъ изъ нашихъ враговъ въ Болгаріи, да и другихъ мѣстахъ, создали мы сами; создали ихъ главнымъ образомъ наши представители на мѣстѣ, гражданскіе и военные, не всегда удачно выбираемые, о чемъ мною сказано выше.

. . . .

Слухъ о депутаціи, ко мнѣ пришедшей, понятно, скоро распространился. Поднялась новая буря и опять-таки поднялъ ее Давыдовъ, который находилъ, что я не долженъ былъ принимать депутатовъ, да еще мирно бесѣдовать съ ними въ то время, когда въ министерской партіи и во дворцѣ были недовольны Собраніемъ и даже созрѣвалъ планъ распущенія палаты, я же находилъ невозможнымъ не принять представителей народа, депутатовъ Собранія, которому я, по закону, обязанъ дать отчетъ въ моихъ дѣйствіяхъ. Да, наконецъ, если стать на практическую точку зрѣнія, исходить

Памятникъ Императору Александру II въ Софіи.

Памятникъ Императору Александру II въ Софіи.

фонд

Музей Императора Александра II въ Плевнѣ.

Музей Императора Александра II въ Плевнѣ.

только изъ государственной пользы, что было лучше: если бы я уклонился отъ бесѣды, даже, скажемъ,—выгналъ бы депутатовъ [1]), и слѣдовательно возстановилъ бы противъ себя Собраніе и провалилъ бы бюджетъ и все, задуманное мною по войску—или тотъ способъ, который принялъ я, и который кончился полнымъ торжествомъ представляемаго мною дѣла.

. . . .

Не лишено интереса то обстоятельство, что выше изложенное мнѣніе о неправильности моего поведенія сильно поддерживалось двумя лицами, которыя, по историческому ходу событій вообще, казалось бы, должны находиться въ разногласіи: австрійскимъ агентомъ, графомъ Кёвенгюллеромъ и русскимъ—д. с. с. Давыдовымъ. Что Кёвенгюллеръ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы идти противъ меня—это понятно и съ его точки зрѣнія—резонно, послѣдовательно; на то онъ и австрійскій чиновникъ; но Давыдовъ?...

Чтобы кончить съ разсказомъ о роспускѣ перваго Народнаго Собранія, привожу еще одну шифрованную телеграмму полковника Шепелева графу Милютину отъ 26-го ноября, изъ Софіи.

„Считаю своею обязанностью вновь убѣдительно просить дать князю Александру совѣтъ не распускать теперь Собраніе и въ крайности согласиться на либеральный кабинетъ. Утверждаю по совѣсти, радикаловъ здѣсь нѣтъ. Ради пользы страны и князя ему нужно быть умѣреннымъ и сдержаннымъ, не отталкивать либераловъ, а напротивъ, давъ имъ войти въ кабинетъ, держать ихъ этимъ въ рукахъ и привлечь къ себѣ. Если князь уступитъ пристрастнымъ совѣтамъ и распуститъ Собраніе, то странѣ угрожаютъ бѣдствія. Князю нужно стать сперва популярнымъ, и затѣмъ уже думать о переворотѣ. Не могу высказать всего въ телеграммѣ или письмѣ, но убѣжденъ, что изложенное имѣніе основано на вѣрной оцѣнкѣ обстоятельствъ. Хотя въ адресѣ выражено желаніе улучшить содержаніе войскъ, но я и генералъ Паренсовъ не видимъ въ этомъ обвиненія, тѣмъ болѣе, что камера заявила, что недовѣріе къ министерству не касается Паренсова. Палата раздражена слухомъ, что Давыдовъ настаиваетъ на распущеніи. Жалѣю, что не могу лично доложить обо всемъ“.

По поводу этого документа и другихъ, аналогичныхъ, приведенныхъ мною выше и многихъ другихъ, помѣщенныхъ въ моей книгѣ, замѣчу слѣдующее: они появляются на свѣтъ и становятся достояніемъ общества русскаго, а можетъ быть и болгарскаго, только теперь, черезъ 30 лѣтъ послѣ описываемыхъ событій; а дѣятельность Давыдова, и съ нимъ согласныхъ, была видна всей Софіи, слышна всей Болгаріи и притомъ своевременно. Не особенно удачный способъ пріобрѣтенія сочувствія, расположенія и „благодарности“.

[1]) Какъ тогда выражались хулители моего образа дѣйствій. *П. П.*

только изъ государственной пользы, что было лучше: если бы я уклонился отъ бесѣды, даже, скажемъ,—выгналъ бы депутатовъ [1]), и слѣдовательно возстановилъ бы противъ себя Собраніе и провалилъ бы бюджетъ и все, задуманное мною по войску—или тотъ способъ, который принялъ я, и который кончился полнымъ торжествомъ представляемаго мною дѣла.

. . . .

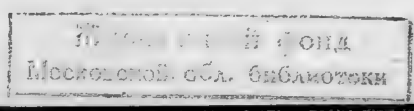
Не лишено интереса то обстоятельство, что выше изложенное мнѣніе о неправильности моего поведенія сильно поддерживалось двумя лицами, которыя, по историческому ходу событій вообще, казалось бы, должны находиться въ разногласіи: австрійскимъ агентомъ, графомъ Кёвенгюллеромъ и русскимъ—д. с. с. Давыдовымъ. Что Кёвенгюллеръ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы идти противъ меня—это понятно и съ его точки зрѣнія—резонно, послѣдовательно; на то онъ и австрійскій чиновникъ; но Давыдовъ?...

Чтобы кончить съ разсказомъ о роспускѣ перваго Народнаго Собранія, привожу еще одну шифрованную телеграмму полковника Шепелева графу Милютину отъ 26-го ноября, изъ Софіи.

„Считаю своею обязанностью вновь убѣдительно просить дать князю Александру совѣтъ не распускать теперь Собраніе и въ крайности согласиться на либеральный кабинетъ. Утверждаю по совѣсти, радикаловъ здѣсь нѣтъ. Ради пользы страны и князя ему нужно быть умѣреннымъ и сдержаннымъ, не отталкивать либераловъ, а напротивъ, давъ имъ войти въ кабинетъ, держать ихъ этимъ въ рукахъ и привлечь къ себѣ. Если князь уступитъ пристрастнымъ совѣтамъ и распуститъ Собраніе, то странѣ угрожаютъ бѣдствія. Князю нужно стать сперва популярнымъ, и затѣмъ уже думать о переворотѣ. Не могу высказать всего въ телеграммѣ или письмѣ, но убѣжденъ, что изложенное имѣніе основано на вѣрной оцѣнкѣ обстоятельствъ. Хотя въ адресѣ выражено желаніе улучшить содержаніе войскъ, но я и генералъ Паренсовъ не видимъ въ этомъ обвиненія, тѣмъ болѣе, что камера заявила, что недовѣріе къ министерству не касается Паренсова. Палата раздражена слухомъ, что Давыдовъ настаиваетъ на распущеніи. Жалѣю, что не могу лично доложить обо всемъ“.

По поводу этого документа и другихъ, аналогичныхъ, приведенныхъ мною выше и многихъ другихъ, помѣщенныхъ въ моей книгѣ, замѣчу слѣдующее: они появляются на свѣтъ и становятся достояніемъ общества русскаго, а можетъ быть и болгарскаго, только теперь, черезъ 30 лѣтъ послѣ описываемыхъ событій; а дѣятельность Давыдова, и съ нимъ согласныхъ, была видна всей Софіи, слышна всей Болгаріи и притомъ своевременно. Не особенно удачный способъ пріобрѣтенія сочувствія, расположенія и „благодарности“.

[1]) Какъ тогда выражались хулители моего образа дѣйствій. *П. П.*



Возвращусь къ Стамбулову, этому врагу Россіи. Что онъ изъ себя изображалъ въ дѣйствительности? Сынъ турчанки, полуболгаринъ—полутурокъ, недоучившійся семинаристъ Одесской семинаріи, изгнанный оттуда за нигилизмъ, въ то время расцвѣтшій въ Россіи, Стамбуловъ не можетъ быть разсматриваемъ какъ „болгаринъ“, а еще менѣе какъ представитель болгаръ, въ собирательномъ смыслѣ, по которому можно судить о болгарахъ. Непомѣрнаго честолюбія и властолюбія, совершенно безъ всякихъ принциповъ, жестокій и сластолюбивый, очень умный и до крайности рѣшительный, пламенный и краснорѣчивый ораторъ толпы, Стамбуловъ могъ бы, во времена оны, съ успѣхомъ фигурировать въ роли какого-нибудь прославленнаго желѣзною волею и злобою, бандита или пирата, вообще такого дѣятеля, котораго выдвигаютъ на верхъ вòлны бушующаго моря смуты въ обществѣ или государствѣ. Микроскопическій, жестокій Дантонъ съ примѣсью женолюбиваго Бара, Стамбуловъ взялъ палку и сдѣлался капраломъ только потому, что Болгарія того времени, очутившаяся на свободѣ послѣ 500 лѣтняго ига, въ зачаточномъ подобіи государства, послѣ неудачныхъ экспериментовъ разныхъ формъ правленія, сбитая съ толку всевозможными „давленіями“, представляла изъ себя легкую добычу для того, кто, будучи хорошо одаренъ отъ природы, не стѣснялся ничѣмъ: ни религіей, ни совѣстью и честью, ни, и говорю это утвердительно—ни патріотизмомъ. Идеаломъ, къ которому стремился Стамбуловъ, было удовлетвореніе его личныхъ страстей: властолюбія, честолюбія и сладострастія, а средствомъ къ достиженію такого блаженства—палки, пытки и казни [1]. Кто шелъ противъ него, или даже могъ бы пойти противъ него—убивался, устранялся, такъ или иначе. Россія, благожелательная къ Болгаріи, стремившаяся содѣйствовать насажденію въ ней порядка, мира, тишины, благоденствія и процвѣтанія, естественно и очевидно, должна была быть противникомъ не какого-то недоучившагося семинариста Степана Стамбулова, а всѣхъ тѣхъ принциповъ (скорѣе: безъ принциповъ), которые въ немъ воплощались и служили исключительно ко вреду самой Болгаріи, страны, только-что освобожденной отъ другого ига, страны, призванной къ извѣстной роли среди славянскихъ земель.—Но Россію устранить совсѣмъ изъ списка существующихъ—нельзя, можно только ее игнорировать, опираясь на ея „внѣшнихъ“ враговъ, идя съ ними рука объ руку. Повторяю: на Стамбулова нельзя смотрѣть какъ на представителя, какъ на воплощеніе болгаръ, Болгаріи, также какъ нельзя считать Дантона и Марата—воплощеніемъ Франціи. Поэтому и политику Стамбулова, по отно-

---

[1]) Палочная система и палочники на выборахъ.

Возвращусь къ Стамбулову, этому врагу Россіи. Что онъ изъ себя изображалъ въ дѣйствительности? Сынъ турчанки, полуболгаринъ—полутурокъ, недоучившійся семинаристъ Одесской семинаріи, изгнанный оттуда за нигилизмъ, въ то время расцвѣтшій въ Россіи, Стамбуловъ не можетъ быть разсматриваемъ какъ „болгаринъ", а еще менѣе какъ представитель болгаръ, въ собирательномъ смыслѣ, по которому можно судить о болгарахъ. Непомѣрнаго честолюбія и властолюбія, совершенно безъ всякихъ принциповъ, жестокій и сластолюбивый, очень умный и до крайности рѣшительный, пламенный и краснорѣчивый ораторъ толпы, Стамбуловъ могъ бы, во времена оны, съ успѣхомъ фигурировать въ роли какого-нибудь прославленнаго желѣзною волею и злобою, бандита или пирата, вообще такого дѣятеля, котораго выдвигаютъ на верхъ вблны бушующаго моря смуты въ обществѣ или государствѣ. Микроскопическій, жестокій Дантонъ съ примѣсью женолюбиваго Бара, Стамбуловъ взялъ палку и сдѣлался капраломъ только потому, что Болгарія того времени, очутившаяся на свободѣ послѣ 500 лѣтняго ига, въ зачаточномъ подобіи государства, послѣ неудачныхъ экспериментовъ разныхъ формъ правленія, сбитая съ толку всевозможными „давленіями", представляла изъ себя легкую добычу для того, кто, будучи хорошо одаренъ отъ природы, не стѣснялся ничѣмъ: ни религіей, ни совѣстью и честью, ни, и говорю это утвердительно—ни патріотизмомъ. Идеаломъ, къ которому стремился Стамбуловъ, было удовлетвореніе его личныхъ страстей: властолюбія, честолюбія и сладострастія, а средствомъ къ достиженію такого блаженства—палки, пытки и казни [1]). Кто шелъ противъ него, или даже могъ бы пойти противъ него—убивался, устранялся, такъ или иначе. Россія, благожелательная къ Болгаріи, стремившаяся содѣйствовать насажденію въ ней порядка, мира, тишины, благоденствія и процвѣтанія, естественно и очевидно, должна была быть противникомъ не какого-то недоучившагося семинариста Степана Стамбулова, а всѣхъ тѣхъ принциповъ (скорѣе: безъ принциповъ), которые въ немъ воплощались и служили исключительно ко вреду самой Болгаріи, страны, только-что освобожденной отъ другого ига, страны, призванной къ извѣстной роли среди славянскихъ земель.—Но Россію устранить совсѣмъ изъ списка существующихъ—нельзя, можно только ее игнорировать, опираясь на ея „внѣшнихъ" враговъ, идя съ ними рука объ руку. Повторяю: на Стамбулова нельзя смотрѣть какъ на представителя, какъ на воплощеніе болгаръ, Болгаріи, также какъ нельзя считать Дантона и Марата—воплощеніемъ Франціи. Поэтому и политику Стамбулова, по отно-

---

[1]) Палочная система и палочники на выборахъ.

шенію къ Россіи, нельзя признавать за политику *Болгаріи;* изъ этого же слѣдуетъ, что страница исторіи Болгаріи, временъ тиранніи Стамбулова, не можетъ быть разсматриваема какъ „неблагодарная“ страница изъ жизни Болгаріи по отношенію къ державѣ „освободительницѣ“. Стамбуловъ былъ особнякъ, выродокъ, и время его диктаторства было несчастнымъ, кровавымъ эпизодомъ жизни юнаго государства, прежде всѣхъ и больше всѣхъ стонавшаго подъ игомъ доморощеннаго тиранна.

О дальнѣйшемъ отношеніи къ Россіи людей, въ Болгаріи у власти бывшихъ, я по нѣкоторымъ соображеніямъ пока умолчу. Замѣчу только слѣдующее: во времена турецкаго владычества болгарское юношество, имѣвшее возможность и желаніе получить высшее образованіе, поневолѣ получало его частью въ Россіи, а также и за границей, въ разныхъ мѣстахъ, и понятно, что, пробывъ долго въ Германіи, Франціи или Англіи, да получивъ можетъ быть предварительное образованіе въ извѣстномъ константинопольскомъ „Робертъ-Колледжѣ“, оно возвращалось домой съ рѣзкимъ отпечаткомъ облика той страны, гдѣ протекли его лучшіе, молодые годы, легко воспринимающіе впечатлѣнія среды. Такое положеніе, за неимѣніемъ вначалѣ высшихъ учебныхъ заведеній въ самой Болгаріи, продолжалось нѣкоторое время и по освобожденіи ея [1]). Понятно, что, заполняя собою разныя административныя должности, становясь „правительствомъ“, все, усвоенное раньше, прикладывалось къ дѣлу, воплощалось. А гдѣ же, за границей, на Западѣ, можно получить славянскія воззрѣнія? Развѣ только въ Прагѣ? Выдающимся образцомъ сказаннаго мною былъ Стоиловъ. Бывали впрочемъ и счастливыя исключенія, къ числу каковыхъ отнесу г. Данева. Но, о томъ, что близко, мы лучше умолчимъ.

Перехожу къ теперешнему времени.

30-го августа текущаго года, въ Софіи, состоится торжественное открытіе памятника Царю—Освободителю Александру II.

Прошло 30 лѣтъ со времени освобожденія Болгаріи, и свободный болгарскій народъ увѣковѣчиваетъ свою „признательность“ и „благодарность“ Россіи. 15 лѣтъ тому назадъ одинъ изъ видныхъ дѣятелей эпохи освобожденія страны, Стоянъ Заимовъ, предложилъ воздвигнуть рядъ историческихъ памятниковъ войны 1877-78 гг. Посѣтивъ лично всѣ достопримѣчательныя, по военнымъ событіямъ, мѣста сѣверной и южной Болгаріи, г. Заимовъ энергично принялся за работу. Князь Фердинандъ горячо отозвался на задуманное дѣло;

---

[1]) Можетъ быть, продолжается, хотя отчасти, и теперь.

шенію къ Россіи, нельзя признавать за политику *Болгаріи*; изъ этого же слѣдуетъ, что страница исторіи Болгаріи, временъ тиранніи Стамбулова, не можетъ быть разсматриваема какъ „неблагодарная" страница изъ жизни Болгаріи по отношенію къ державѣ „освободительницѣ". Стамбуловъ былъ особнякъ, выродокъ, и время его диктаторства было несчастнымъ, кровавымъ эпизодомъ жизни юнаго государства, прежде всѣхъ и больше всѣхъ стонавшаго подъ игомъ доморощеннаго тиранна.

О дальнѣйшемъ отношеніи къ Россіи людей, въ Болгаріи у власти бывшихъ, я по нѣкоторымъ соображеніямъ пока умолчу. Замѣчу только слѣдующее: во времена турецкаго владычества болгарское юношество, имѣвшее возможность и желаніе получить высшее образованіе, поневолѣ получало его частью въ Россіи, а также и за границей, въ разныхъ мѣстахъ, и понятно, что, пробывъ долго въ Германіи, Франціи или Англіи, да получивъ можетъ быть предварительное образованіе въ извѣстномъ константинопольскомъ „Робертъ-Колледжѣ", оно возвращалось домой съ рѣзкимъ отпечаткомъ облика той страны, гдѣ протекли его лучшіе, молодые годы, легко воспринимающіе впечатлѣнія среды. Такое положеніе, за неимѣніемъ вначалѣ высшихъ учебныхъ заведеній въ самой Болгаріи, продолжалось нѣкоторое время и по освобожденіи ея [1]). Понятно, что, заполняя собою разныя административныя должности, становясь „правительствомъ", все, усвоенное раньше, прикладывалось къ дѣлу, воплощалось. А гдѣ же, за границей, на Западѣ, можно получить славянскія воззрѣнія? Развѣ только въ Прагѣ? Выдающимся образцомъ сказаннаго мною былъ Стоиловъ. Бывали впрочемъ и счастливыя исключенія, къ числу каковыхъ отнесу г. Данева. Но, о томъ, что близко, мы лучше умолчимъ.

Перехожу къ теперешнему времени.

30-го августа текущаго года, въ Софіи, состоится торжественное открытіе памятника Царю—Освободителю Александру II.

Прошло 30 лѣтъ со времени освобожденія Болгаріи, и свободный болгарскій народъ увѣковѣчиваетъ свою „признательность" и „благодарность" Россіи. 15 лѣтъ тому назадъ одинъ изъ видныхъ дѣятелей эпохи освобожденія страны, Стоянъ Заимовъ, предложилъ воздвигнуть рядъ историческихъ памятниковъ войны 1877-78 гг. Посѣтивъ лично всѣ достопримѣчательныя, по военнымъ событіямъ, мѣста сѣверной и южной Болгаріи, г. Заимовъ энергично принялся за работу. Князь Фердинандъ горячо отозвался на задуманное дѣло;

---

[1]) Можетъ быть, продолжается, хотя отчасти, и теперь.

съ разрѣшенія его высочества и при его содѣйствіи, въ княжествѣ, въ 1900 году, былъ основанъ комитетъ „Царь—Освободитель Александръ II“ подъ почетнымъ предсѣдательствомъ князя и въ составѣ: предсѣдатель—Стоянъ Заимовъ, члены: генералъ С. Г. Паприковъ [1], генералъ Р. Димитріевъ, русскій военный агентъ, бывшій министръ Д. К. Поповъ, профессоръ Агура, художники Митовъ и Мрыквичекъ, бывшій министръ А. Людскановъ, инженеръ Сарафовъ и капитанъ Ганчевъ. Въ помощь комитету командированы были капитанъ артиллеріи Никола Р. Михлюзовъ, отъ минист. путей сообщеній П. Дѣяновъ и отъ минист. земледѣлія и торговли Д. Гюеметовъ. Князь болгарскій, письмами къ Государю Императору, великимъ князьямъ и военному министру, просилъ разрѣшенія на полученіе нѣкоторыхъ предметовъ для музеевъ, что̀ и было исполнено.

По настоящее время комитетомъ сооружено:

1) Въ Софіи, противъ зданія Народнаго Собранія, памятникъ императору Александру II, по проекту итальянскаго скульптора Арнальда Цакони, тщательно изучившаго изображенія Царя Освободителя, исторію освободительной войны и получившаго первую премію на конкурсѣ.

2) Въ Плевнѣ, мавзолей въ память русскихъ воиновъ, павшихъ за освобожденіе Болгаріи, и музей императора Александра II, устроенный въ томъ домѣ, гдѣ Онъ принялъ саблю плѣненнаго Османа-Паши.

3) Скобелевскіе редуты обращены въ паркъ; возстановленъ въ первоначальномъ видѣ Скобелевскій редутъ № 1.

4) Въ г. Бѣла, домъ, въ которомъ жилъ императоръ Александръ II и наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ, обращенъ въ музей имени „Александра III“.

5) Въ с. Пордимъ (Порадимъ), тоже музей, имени великаго князя Николая Николаевича, бывшаго главнокомандующаго, а въ Горнемъ-Студнѣ—имени в. кн. Владиміра Александровича. Въ этомъ же селѣ устроена братская могила—курганъ, внутри пустая, гдѣ будутъ помѣщены кости павшихъ воиновъ и иконы съ неугасимыми лампадами.

6) Вблизи Плевны, гдѣ былъ раненъ и окончательно разбитъ Османъ-Паша, насыпанъ большой курганъ, на вершинѣ котораго поставлено девяти-фунтовое русское орудіе съ соотвѣтствующею надписью.

Около всѣхъ этихъ историческихъ памятниковъ разбиты роскошные скверы и цвѣтники, которые имѣютъ видъ очертанія фортовъ.

---

[1]) Бывшій военный министръ, нынѣ представитель Болгаріи въ Россіи.

съ разрѣшенія его высочества и при его содѣйствіи, въ княжествѣ, въ 1900 году, былъ основанъ комитетъ „Царь—Освободитель Александръ II“ подъ почетнымъ предсѣдательствомъ князя и въ составѣ: предсѣдатель—Стоянъ Заимовъ, члены: генералъ С. Г. Паприковъ [1], генералъ Р. Димитріевъ, русскій военный агентъ, бывшій министръ Д. К. Поповъ, профессоръ Агура, художники Митовъ и Мрыквичекъ, бывшій министръ А. Людскановъ, инженеръ Сарафовъ и капитанъ Ганчевъ. Въ помощь комитету командированы были капитанъ артиллеріи Никола Р. Михлюзовъ, отъ минист. путей сообщеній П. Дѣяновъ и отъ минист. земледѣлія и торговли Д. Гюеметовъ. Князь болгарскій, письмами къ Государю Императору, великимъ князьямъ и военному министру, просилъ разрѣшенія на полученіе нѣкоторыхъ предметовъ для музеевъ, что̀ и было исполнено.

По настоящее время комитетомъ сооружено:

1) Въ Софіи, противъ зданія Народнаго Собранія, памятникъ императору Александру II, по проекту итальянскаго скульптора Арнальда Цакони, тщательно изучившаго изображенія Царя Освободителя, исторію освободительной войны и получившаго первую премію на конкурсѣ.

2) Въ Плевнѣ, мавзолей въ память русскихъ воиновъ, павшихъ за освобожденіе Болгаріи, и музей императора Александра II, устроенный въ томъ домѣ, гдѣ Онъ принялъ саблю плѣненнаго Османа-Паши.

3) Скобелевскіе редуты обращены въ паркъ; возстановленъ въ первоначальномъ видѣ Скобелевскій редутъ № 1.

4) Въ г. Бѣла, домъ, въ которомъ жилъ императоръ Александръ II и наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ, обращенъ въ музей имени „Александра III“.

5) Въ с. Пордимъ (Порадимъ), тоже музей, имени великаго князя Николая Николаевича, бывшаго главнокомандующаго, а въ Горнемъ-Студнѣ—имени в. кн. Владиміра Александровича. Въ этомъ же селѣ устроена братская могила—курганъ, внутри пустая, гдѣ будутъ помѣщены кости павшихъ воиновъ и иконы съ неугасимыми лампадами.

6) Вблизи Плевны, гдѣ былъ раненъ и окончательно разбитъ Османъ-Паша, насыпанъ большой курганъ, на вершинѣ котораго поставлено девяти-фунтовое русское орудіе съ соотвѣтствующею надписью.

Около всѣхъ этихъ историческихъ памятниковъ разбиты роскошные скверы и цвѣтники, которые имѣютъ видъ очертанія фортовъ.

---

[1]) Бывшій военный министръ, нынѣ представитель Болгаріи въ Россіи.

Въ нихъ разставлены орудія, бывшія на войнѣ, а ворота скверовъ устроены изъ турецкихъ орудій, украшены разнымъ холоднымъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ эпохи войны, ограда же музея Александра II вся изъ турецкихъ орудій.—Въ музеяхъ помѣщены образцы русскаго вооруженія того времени, портреты героевъ войны, модели судовъ, снимки со знаменъ участвовавшихъ въ освобожденіи полковъ и манекены солдатъ. Болгары очень горячо отнеслись къ работамъ комитета. Князь Фердинандъ внесъ крупное денежное пожертвованіе, Народное Собраніе, съ своей стороны ассигновало около 900.000 франковъ, да частныхъ пожертвованій поступило болѣе 100.000 фр. [1]).

Болгарское правительство не осталось позади и оказало возможное содѣйствіе. Оно выкупило у частныхъ лицъ всѣ дома, подъ перечисленные памятники съ окружающею землею; военный министръ назначилъ цѣлые баталіоны солдатъ для возстановленія Скобелевскаго редута и для устройства садовъ; министръ путей сообщенія разрѣшилъ безплатную перевозку по Болгаріи всѣхъ, относящихся къ этому дѣлу, предметовъ. Древесные питомники Варненскій, Софійскій и принадлежащій министерству земледѣлія, пожертвовали 80.000 деревцовъ для парковъ, а князь разрѣшилъ выдачу цвѣтовъ изъ своихъ садовъ [2]).

Во многихъ газетахъ болгарскихъ и русскихъ помѣщены описанія этихъ памятниковъ и музеевъ. Чрезвычайно картинна и интересна статья г. Т. П. Старозагорскаго въ болгарской газетѣ „Дневникъ“, подъ заглавіемъ: „Прѣди и Сега“ 1881 — 1901 г. „Посѣщеніе на ония кутове въ България, градове и села, въ които освободителя на България, руския царь Александръ II-й бѣ прѣживѣлъ по нѣколко мѣсеца прѣзъ врѣмето на освободительната война 1877 года“. Т. е. „Прежде и теперь“; остальное понятно безъ перевода. Въ нѣсколькихъ номерахъ большой газеты описано интересное путешествіе автора по всѣмъ этимъ мѣстамъ, сдѣлавшимся народной святыней, его впечатлѣнія, разсказы старожиловъ, свидѣтелей этой памятной эпохи. Въ статьѣ 15-ой краснорѣчивый авторъ, описывая Бѣлу, говоритъ:

„Бывшій когда-то гаремъ Мехмедъ-бея [3]), обращенный теперь въ музей, во вѣки вѣковъ да свидѣтельствуетъ передъ поколѣніями ближайшаго и отдаленнаго будущаго, что великодушный русскій народъ,

---

[1]) И это въ маленькой Болгаріи, не очень еще богатой деньгами, при чрезвычайной бережливости и разсчетливости народнаго характера. *П. П.*

[2]) Изложенныя здѣсь подробности взяты изъ статьи Н. Р. Михлюзова. „Развѣдчикъ“ № 873.

[3]) Домъ, гдѣ жилъ императоръ Александръ II.

Въ нихъ разставлены орудія, бывшія на войнѣ, а ворота скверовъ устроены изъ турецкихъ орудій, украшены разнымъ холоднымъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ эпохи войны, ограда же музея Александра II вся изъ турецкихъ орудій.—Въ музеяхъ помѣщены образцы русскаго вооруженія того времени, портреты героевъ войны, модели судовъ, снимки со знаменъ участвовавшихъ въ освобожденіи полковъ и манекены солдатъ. Болгары очень горячо отнеслись къ работамъ комитета. Князь Фердинандъ внесъ крупное денежное пожертвованіе, Народное Собраніе, съ своей стороны ассигновало около 900.000 франковъ, да частныхъ пожертвованій поступило болѣе 100.000 фр. [1]).

Болгарское правительство не осталось позади и оказало возможное содѣйствіе. Оно выкупило у частныхъ лицъ всѣ дома, подъ перечисленные памятники съ окружающею землею; военный министръ назначилъ цѣлые баталіоны солдатъ для возстановленія Скобелевскаго редута и для устройства садовъ; министръ путей сообщенія разрѣшилъ безплатную перевозку по Болгаріи всѣхъ, относящихся къ этому дѣлу, предметовъ. Древесные питомники Варненскій, Софійскій и принадлежащій министерству земледѣлія, пожертвовали 80.000 деревцовъ для парковъ, а князь разрѣшилъ выдачу цвѣтовъ изъ своихъ садовъ [2]).

Во многихъ газетахъ болгарскихъ и русскихъ помѣщены описанія этихъ памятниковъ и музеевъ. Чрезвычайно картинна и интересна статья г. Т. П. Старозагорскаго въ болгарской газетѣ „Дневникъ", подъ заглавіемъ: „Прѣди и Сега" 1881 — 1901 г. „Посѣщеніе на ония кутове въ България, градове и села, въ които освободителя на България, руския царь Александръ II-й бѣ прѣживѣлъ по нѣколко мѣсеца прѣзъ врѣмето на освободительната война 1877 года". Т. е. „Прежде и теперь"; остальное понятно безъ перевода. Въ нѣсколькихъ номерахъ большой газеты описано интересное путешествіе автора по всѣмъ этимъ мѣстамъ, сдѣлавшимся народной святыней, его впечатлѣнія, разсказы старожиловъ, свидѣтелей этой памятной эпохи. Въ статьѣ 15-ой краснорѣчивый авторъ, описывая Бѣлу, говоритъ:

„Бывшій когда-то гаремъ Мехмедъ-бея [3]), обращенный теперь въ музей, во вѣки вѣковъ да свидѣтельствуетъ передъ поколѣніями ближайшаго и отдаленнаго будущаго, что великодушный русскій народъ,

---

[1]) И это въ маленькой Болгаріи, не очень еще богатой деньгами, при чрезвычайной бережливости и разсчетливости народнаго характера. *П. П.*

[2]) Изложенныя здѣсь подробности взяты изъ статьи Н. Р. Михлюзова. „Развѣдчикъ" № 873.

[3]) Домъ, гдѣ жилъ императоръ Александръ II.

во главѣ съ Царемъ Освободителемъ, совершилъ великое христіанское и славянское дѣло—безкорыстно освободилъ болгарское племя отъ 500 лѣтняго турецкаго ига. Та народная святыня въ Бѣлѣ да будетъ на вѣчныя времена свидѣтелемъ передъ всѣмъ человѣчествомъ, что болгарскій народъ черезъ комитетъ „Царь—Освободитель Александръ II" потрудился увѣковѣчить реальнымъ образомъ глубокую благодарность и признательность ему и его сподвижникамъ, которые дали новую жизнь болгарскому народу. Поклонъ великой памяти великаго Царя-Освободителя. Миръ его душѣ".

Послѣ всего сейчасъ описаннаго, думается мнѣ, что эти памятники, музеи, 15-ти лѣтняя работа г. Заимова и его сотрудниковъ по комитету, газетныя статьи, образчикомъ которыхъ можетъ служить статья г. Т. П. Старозагорскаго, сочувствіе правительства, общества и частныхъ лицъ,—все служитъ доказательствомъ существованія „благодарности", а не отсутствія ея. Думаю также, что всѣ тѣ, которые увидятъ эти памятники, не только 30-го августа, но и въ „поколѣніяхъ ближайшаго и отдаленнаго будущаго", вспоминая великій подвигъ „освободителей" и преклоняясь передъ его безкорыстіемъ, поймутъ, почувствуютъ великую силу „благодарности" „освобожденныхъ" и воздадутъ ей умиленный почетъ...

Не перо мое писало все изложенное; писала душа моя... Принявъ довольно продолжительное участіе въ войнѣ за освобожденіе, мнѣ пришлось достаточно поработать въ свободной уже Болгаріи и не только по одному военному дѣлу, а и по другимъ вопросамъ устроенія юнаго государства.—Послѣднее, мирное служеніе принесло мнѣ много горя и много терзаній; но я утѣшался, видя ростъ и упроченіе военныхъ силъ княжества. Вступивъ въ должность военнаго министра, я принялъ „милицію", „Болгарское *Земское* войско", а уходя, прощался съ регулярной „Болгарской *арміей*", получившей, стараніями моими и моихъ достойныхъ сотрудниковъ, а также милостью Государя Императора Александра II, на всю армію новѣйшіе, по тогдашнему времени, ружья, патроны, пушки, новое обмундированіе, снаряженіе, бѣлье для нижнихъ чиновъ. Вся организація и система комплектованія были измѣнены согласно требованіямъ „арміи", замѣнившей „милицію", „земское" войско, и т. д. Узнавая о дальнѣйшемъ успѣхѣ болгорской арміи, я радовался, имѣя смѣлость сознавать, что въ этомъ успѣхѣ молодой арміи есть, хоть и малая лепта, но все же есть и моя. Не мудрено, что труды, терзанія, а иногда и успѣхъ, сопровождавшій эти труды, породили во мнѣ особую привязанность къ болгарскому войску и Болгаріи, привязанность, не заглохшую и по сей день.—А вдобавокъ ко всему

во главѣ съ Царемъ Освободителемъ, совершилъ великое христіанское и славянское дѣло—безкорыстно освободилъ болгарское племя отъ 500 лѣтняго турецкаго ига. Та народная святыня въ Бѣлѣ да будетъ на вѣчныя времена свидѣтелемъ передъ всѣмъ человѣчествомъ, что болгарскій народъ черезъ комитетъ „Царь—Освободитель Александръ II" потрудился увѣковѣчить реальнымъ образомъ глубокую благодарность и признательность ему и его сподвижникамъ, которые дали новую жизнь болгарскому народу. Поклонъ великой памяти великаго Царя-Освободителя. Миръ его душѣ".

Послѣ всего сейчасъ описаннаго, думается мнѣ, что эти памятники, музеи, 15-ти лѣтняя работа г. Заимова и его сотрудниковъ по комитету, газетныя статьи, образчикомъ которыхъ можетъ служить статья г. Т. П. Старозагорскаго, сочувствіе правительства, общества и частныхъ лицъ,—все служитъ доказательствомъ существованія „благодарности", а не отсутствія ея. Думаю также, что всѣ тѣ, которые увидятъ эти памятники, не только 30-го августа, но и въ „поколѣніяхъ ближайшаго и отдаленнаго будущаго", вспоминая великій подвигъ „освободителей" и преклоняясь передъ его безкорыстіемъ, поймутъ, почувствуютъ великую силу „благодарности" „освобожденныхъ" и воздадутъ ей умиленный почетъ...

Не перо мое писало все изложенное; писала душа моя... Принявъ довольно продолжительное участіе въ войнѣ за освобожденіе, мнѣ пришлось достаточно поработать въ свободной уже Болгаріи и не только по одному военному дѣлу, а и по другимъ вопросамъ устроенія юнаго государства.—Послѣднее, мирное служеніе принесло мнѣ много горя и много терзаній; но я утѣшался, видя ростъ и упроченіе военныхъ силъ княжества. Вступивъ въ должность военнаго министра, я принялъ „милицію", „Болгарское *Земское* войско", а уходя, прощался съ регулярной „Болгарской *арміей*", получившей, стараніями моими и моихъ достойныхъ сотрудниковъ, а также милостью Государя Императора Александра II, на всю армію новѣйшіе, по тогдашнему времени, ружья, патроны, пушки, новое обмундированіе, снаряженіе, бѣлье для нижнихъ чиновъ. Вся организація и система комплектованія были измѣнены согласно требованіямъ „арміи", замѣнившей „милицію", „земское" войско, и т. д. Узнавая о дальнѣйшемъ успѣхѣ болгорской арміи, я радовался, имѣя смѣлость сознавать, что въ этомъ успѣхѣ молодой арміи есть, хоть и малая лепта, но все же есть и моя. Не мудрено, что труды, терзанія, а иногда и успѣхъ, сопровождавшій эти труды, породили во мнѣ особую привязанность къ болгарскому войску и Болгаріи, привязанность, не заглохшую и по сей день.—А вдобавокъ ко всему

этому, во всемъ происшедшемъ со дня переправы нашей арміи черезъ Дунай, въ теченіе 30 истекшихъ лѣтъ, я видѣлъ ростъ „славянства“.

Сказавъ это послѣднее слово, я не могу кончить моего „очерка“, не упомянувъ имя великаго русскаго писателя, обладавшаго даромъ необычайнаго проникновенія въ область человѣческаго духа, Ѳ. М. Достоевскаго. Въ концѣ вдохновенной пророческой статьи своей о славянахъ [1]) онъ говоритъ:

„... выказавъ полнѣйшее безкорыстіе, тѣмъ самымъ Россія и побѣдитъ и привлечетъ, наконецъ, къ себѣ славянъ; сначала въ бѣдѣ будутъ прибѣгать къ ней, а потомъ когда-нибудь воротятся къ ней и *прильнутъ* [2]) къ ней всѣ уже съ полной, съ дѣтской довѣрчивостью. Всѣ воротятся въ родное гнѣздо“.

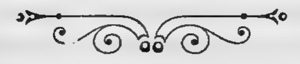
Затѣмъ, указавъ на обязанность Россіи „безпрерывно дѣломъ и великимъ примѣромъ“ объяснять славянамъ необходимость единенія „въ братствѣ и согласіи“, Ѳ. М. Достоевскій говоритъ, что такая работа самой Россіи нужна:

„для того, чтобы жить высшею жизнью, великою жизнью, свѣтить міру великой безкорыстной и чистой идеей, воплотить и создать въ концѣ концовъ великій и мощный организмъ братскаго союза племенъ, создать этотъ организмъ не политическимъ насиліемъ, не мечемъ, а убѣжденіемъ, примѣромъ, любовью, безкорыстіемъ, свѣтомъ“...

„Если націи не будутъ жить высшими цѣлями служенія человѣчеству, а только будутъ служить однимъ своимъ „интересамъ“, то погибнутъ эти націи несомнѣнно, оконченѣютъ, обезсилѣютъ и умрутъ. А выше цѣлей нѣтъ, какъ тѣ, которыя поставитъ передъ собой Россія, служа славянамъ безкорыстно и не требуя отъ нихъ благодарности, служа ихъ нравственному (не политическому лишь) возсоединенію въ великое цѣлое. Тогда только скажетъ всеславянство свое новое и рѣшительное слово человѣчеству“...

А я, остановившись *на этомъ*, кончу однимъ любимымъ, вдохновеннымъ словомъ того же великаго писателя—сердцевѣдца: „*Буди! буди!*“.

П. Паренсовъ.



---

[1]) „Одно совсѣмъ особое словцо о славянахъ, которое мнѣ давно хотѣлось сказать“. „Дневникъ писателя“ за 1877 г. Глава вторая.

[2]) Курсивъ Ѳ. М. Достоевскаго.

этому, во всемъ происшедшемъ со дня переправы нашей арміи черезъ Дунай, въ теченіе 30 истекшихъ лѣтъ, я видѣлъ ростъ „славянства“.

Сказавъ это послѣднее слово, я не могу кончить моего „очерка“, не упомянувъ имя великаго русскаго писателя, обладавшаго даромъ необычайнаго проникновенія въ область человѣческаго духа, Ѳ. М. Достоевскаго. Въ концѣ вдохновенной пророческой статьи своей о славянахъ [1]) онъ говоритъ:

„... выказавъ полнѣйшее безкорыстіе, тѣмъ самымъ Россія и побѣдитъ и привлечетъ, наконецъ, къ себѣ славянъ; сначала въ бѣдѣ будутъ прибѣгать къ ней, а потомъ когда-нибудь воротятся къ ней и *прильнутъ* [2]) къ ней всѣ уже съ полной, съ дѣтской довѣрчивостью. Всѣ воротятся въ родное гнѣздо“.

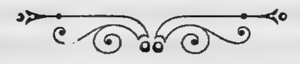
Затѣмъ, указавъ на обязанность Россіи „безпрерывно дѣломъ и великимъ примѣромъ“ объяснять славянамъ необходимость единенія „въ братствѣ и согласіи“, Ѳ. М. Достоевскій говоритъ, что такая работа самой Россіи нужна:

„для того, чтобы жить высшею жизнью, великою жизнью, свѣтить міру великой безкорыстной и чистой идеей, воплотить и создать въ концѣ концовъ великій и мощный организмъ братскаго союза племенъ, создать этотъ организмъ не политическимъ насиліемъ, не мечемъ, а убѣжденіемъ, примѣромъ, любовью, безкорыстіемъ, свѣтомъ“...

„Если націи не будутъ жить высшими цѣлями служенія человѣчеству, а только будутъ служить однимъ своимъ „интересамъ“, то погибнутъ эти націи несомнѣнно, окоченѣютъ, обезсилѣютъ и умрутъ. А выше цѣлей нѣтъ, какъ тѣ, которыя поставитъ передъ собой Россія, служа славянамъ безкорыстно и не требуя отъ нихъ благодарности, служа ихъ нравственному (не политическому лишь) возсоединенію въ великое цѣлое. Тогда только скажетъ всеславянство свое новое и рѣшительное слово человѣчеству“...

А я, остановившись *на этомъ*, кончу однимъ любимымъ, вдохновеннымъ словомъ того же великаго писателя—сердцевѣдца: „*Буди! буди!*“.

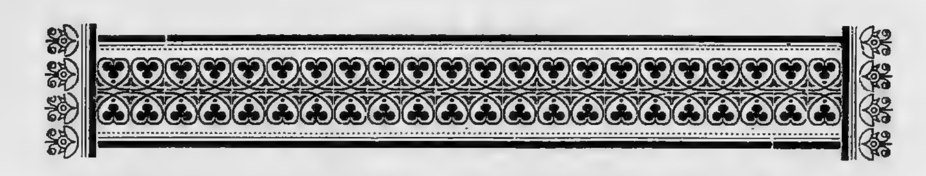
П. Паренсовъ.



---

[1]) „Одно совсѣмъ особое словцо о славянахъ, которое мнѣ давно хотѣлось сказать“. „Дневникъ писателя“ за 1877 г. Глава вторая.

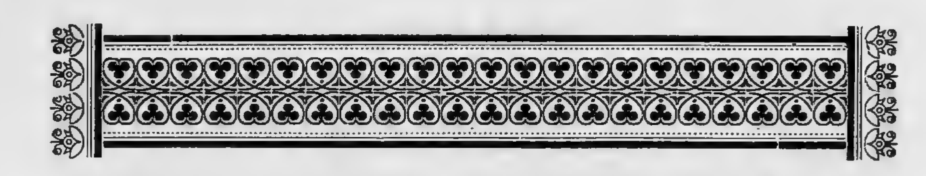
[2]) Курсивъ Ѳ. М. Достоевскаго.



25 лѣтъ ученой дѣятельности
проф. И. А. Шляпкина.

23-го апрѣля нынѣшняго года чествовали профессора Спб. университета, историка русской литературы и театра Илью Александровича Шляпкина. Было четверть вѣка его ученой и учебной работы, которая не можетъ пройти незамѣченной для русскаго общества. Выдающійся знатокъ стараго русскаго театра, имѣющаго такъ мало самостоятельныхъ изслѣдователей, авторъ крупныхъ трудовъ по нашей, главнымъ образомъ древней, литературѣ, древней письменности, библіофилъ и горячій коллекціонеръ, И. А. хорошо знакомъ всѣмъ имѣющимъ отношеніе къ соотвѣтственнымъ отраслямъ знанія и нуждающимся въ руководствѣ и поддержкѣ опытнаго ученаго и сердечнаго человѣка. По желанію редакціи „Русской Старины", помѣстившей портретъ своего стараго, уважаемаго сотрудника, приводимъ небольшія біографическія свѣдѣнія.

И. А. Шляпкинъ родился въ 1858 г. въ с. Александровкѣ, близъ Бѣлоострова, Петербургской губерніи. Окончивъ въ 1877 году III-ью Спб. гимназію вмѣстѣ съ будущимъ профессоромъ-историкомъ Н. М. Бубновымъ, поступилъ въ Петербургскій же университетъ, въ коемъ послѣ четырехлѣтняго пребыванія на филологическомъ факультетѣ былъ оставленъ при каѳедрѣ русскаго языка и словесности покойнымъ О. Ѳ. Миллеромъ (съ 1881 года). Вся дальнѣйшая дѣятельность его протекаетъ въ непрерывномъ преподаваніи въ гимназіяхъ мужскихъ и женскихъ, Александровскомъ лицеѣ, Павловскомъ училищѣ, Николаевскомъ корпусѣ и т. д.—Съ 1886 года сдѣлался, выдержавъ магистерскій экзаменъ, приватъ-доцентомъ Спб. университета. Въ 1891 г. защитилъ магистерскую диссертацію, съ 1900 г. профессорствуетъ въ томъ же университетѣ и читаетъ лекціи на Высшихъ Женскихъ курсахъ, въ Имп. Археологическомъ институтѣ,



25 лѣтъ ученой дѣятельности
проф. И. А. Шляпкина.

23-го апрѣля нынѣшняго года чествовали профессора Спб. университета, историка русской литературы и театра Илью Александровича Шляпкина. Было четверть вѣка его ученой и учебной работы, которая не можетъ пройти незамѣченной для русскаго общества. Выдающійся знатокъ стараго русскаго театра, имѣющаго такъ мало самостоятельныхъ изслѣдователей, авторъ крупныхъ трудовъ по нашей, главнымъ образомъ древней, литературѣ, древней письменности, библіофилъ и горячій коллекціонеръ, И. А. хорошо знакомъ всѣмъ имѣющимъ отношеніе къ соотвѣтственнымъ отраслямъ знанія и нуждающимся въ руководствѣ и поддержкѣ опытнаго ученаго и сердечнаго человѣка. По желанію редакціи „Русской Старины", помѣстившей портретъ своего стараго, уважаемаго сотрудника, приводимъ небольшія біографическія свѣдѣнія.

И. А. Шляпкинъ родился въ 1858 г. въ с. Александровкѣ, близъ Бѣлоострова, Петербургской губерніи. Окончивъ въ 1877 году III-ью Спб. гимназію вмѣстѣ съ будущимъ профессоромъ-историкомъ Н. М. Бубновымъ, поступилъ въ Петербургскій же университетъ, въ коемъ послѣ четырехлѣтняго пребыванія на филологическомъ факультетѣ былъ оставленъ при каѳедрѣ русскаго языка и словесности покойнымъ О. Ѳ. Миллеромъ (съ 1881 года). Вся дальнѣйшая дѣятельность его протекаетъ въ непрерывномъ преподаваніи въ гимназіяхъ мужскихъ и женскихъ, Александровскомъ лицеѣ, Павловскомъ училищѣ, Николаевскомъ корпусѣ и т. д.—Съ 1886 года сдѣлался, выдержавъ магистерскій экзаменъ, приватъ-доцентомъ Спб. университета. Въ 1891 г. защитилъ магистерскую диссертацію, съ 1900 г. профессорствуетъ въ томъ же университетѣ и читаетъ лекціи на Высшихъ Женскихъ курсахъ, въ Имп. Археологическомъ институтѣ,

Военно-Юридической академіи и Женскомъ Педагогическомъ институтѣ. Сколько молодежи прослушало его живыя, содержательныя лекціи, согрѣтыя любовью къ родному: не часто встрѣчаются люди съ такимъ полнымъ, глубокимъ чувствомъ къ своей родинѣ, съ вѣрой въ ея будущее. Излагающій эту замѣтку, бывшій ученикъ И. А., сохранилъ самыя теплыя воспоминанія о часахъ, проведенныхъ въ научной бесѣдѣ съ любимымъ профессоромъ. Особенно ярко выдѣлялись тогда его симпатичныя черты—вниманіе къ мнѣніямъ своихъ слушателей, хотя бы и самымъ дѣтскимъ, и полная готовность разъяснить каждое недоумѣніе.

Научная жизнь И. А. Шляпкина представляется въ такомъ видѣ. Болѣе важными трудами его считаются изслѣдованія и изданія: „Царевна Наталія Алексѣевна и театръ ея времени", „Св. Димитрій Ростовскій", „Слово Даніила Заточника", „Сочиненія Грибоѣдова", „Шестодневъ Георгія Писидійскаго", „Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина", „Сказка объ Ершѣ Ершовичѣ", „Ужасная измѣна сластолюбиваго житія", „Древніе русскіе кресты". Общее количество работъ профессора доходитъ до сотни; онѣ полны разнообразнаго научнаго интереса, а значительная часть ихъ затрогиваетъ и даетъ новое и неизслѣдованное [1]).

И. А. началъ свои работы главнымъ образомъ въ Имп. Общ. Любителей древней письменности, гдѣ еще съ 1879 г. состоитъ членомъ-корреспондентомъ; печатался въ „Русской Старинѣ", „Журналѣ М. Н. П". и пр. Былъ членомъ Спб. театрально-литературнаго комитета и работаетъ въ качествѣ члена въ Ученомъ комитетѣ М. Н. П. Къ 25-лѣтію Харьковскій университетъ поднесъ юбиляру дипломъ на званіе доктора русской словесности honoris causa.

Будучи по склонностямъ антикваромъ, И. А. собралъ въ своемъ „пустынномъ уголкѣ" въ Бѣлоостровѣ коллекцію картинъ, гравюръ, русскихъ древностей и библіотеку, имѣющую въ нынѣшнемъ 1907 г. свыше 10.000 названій книгъ, до 200 рукописей XII—XVIII в. и большое собраніе автографовъ.

Ради знакомства съ древностями И. А. объѣздилъ рядъ городовъ Великороссіи, особенно долго изучалъ grafitti Новгородскаго Софійскаго собора. Посвящая себя изученію также и византійскихъ древностей и искусства, посѣщалъ съ этою цѣлью Константинополь, Равенну, Венецію, Падую и т. д.; въ послѣдніе годы предался занятіямъ по древнему нашему искусству. Внимательно, любовно ищетъ, съ радостью находитъ онъ красоту въ старинныхъ русскихъ памят-

---

[1]) Перечень работамъ И. А. Шляпкина составленъ А. А. Громовымъ и напечатанъ въ нынѣшнемъ году [(2 нен.+16+1 нен.) in 8°+съ портретомъ].

Военно-Юридической академіи и Женскомъ Педагогическомъ институтѣ. Сколько молодежи прослушало его живыя, содержательныя лекціи, согрѣтыя любовью къ родному: не часто встрѣчаются люди съ такимъ полнымъ, глубокимъ чувствомъ къ своей родинѣ, съ вѣрой въ ея будущее. Излагающій эту замѣтку, бывшій ученикъ И. А., сохранилъ самыя теплыя воспоминанія о часахъ, проведенныхъ въ научной бесѣдѣ съ любимымъ профессоромъ. Особенно ярко выдѣлялись тогда его симпатичныя черты—вниманіе къ мнѣніямъ своихъ слушателей, хотя бы и самымъ дѣтскимъ, и полная готовность разъяснить каждое недоумѣніе.

Научная жизнь И. А. Шляпкина представляется въ такомъ видѣ. Болѣе важными трудами его считаются изслѣдованія и изданія: „Царевна Наталія Алексѣевна и театръ ея времени“, „Св. Димитрій Ростовскій“, „Слово Даніила Заточника“, „Сочиненія Грибоѣдова“, „Шестодневъ Георгія Писидійскаго“, „Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина“, „Сказка объ Ершѣ Ершовичѣ“, „Ужасная измѣна сластолюбиваго житія“, „Древніе русскіе кресты“. Общее количество работъ профессора доходитъ до сотни; онѣ полны разнообразнаго научнаго интереса, а значительная часть ихъ затрогиваетъ и даетъ новое и неизслѣдованное [1]).

И. А. началъ свои работы главнымъ образомъ въ Имп. Общ. Любителей древней письменности, гдѣ еще съ 1879 г. состоитъ членомъ-корреспондентомъ; печатался въ „Русской Старинѣ“, „Журналѣ М. Н. П“. и пр. Былъ членомъ Спб. театрально-литературнаго комитета и работаетъ въ качествѣ члена въ Ученомъ комитетѣ М. Н. П. Къ 25-лѣтію Харьковскій университетъ поднесъ юбиляру дипломъ на званіе доктора русской словесности honoris causa.

Будучи по склонностямъ антикваромъ, И. А. собралъ въ своемъ „пустынномъ уголкѣ“ въ Бѣлоостровѣ коллекцію картинъ, гравюръ, русскихъ древностей и библіотеку, имѣющую въ нынѣшнемъ 1907 г. свыше 10.000 названій книгъ, до 200 рукописей XII—XVIII в. и большое собраніе автографовъ.

Ради знакомства съ древностями И. А. объѣздилъ рядъ городовъ Великороссіи, особенно долго изучалъ grafitti Новгородскаго Софійскаго собора. Посвящая себя изученію также и византійскихъ древностей и искусства, посѣщалъ съ этою цѣлью Константинополь, Равенну, Венецію, Падую и т. д.; въ послѣдніе годы предался занятіямъ по древнему нашему искусству. Внимательно, любовно ищетъ, съ радостью находитъ онъ красоту въ старинныхъ русскихъ памят-

---

[1]) Перечень работамъ И. А. Шляпкина составленъ А. А. Громовымъ и напечатанъ въ нынѣшнемъ году [(2 нен.+16+1 нен.) in 8°+съ портретомъ].

никахъ, въ нашемъ древнемъ творчествѣ, а по правдивому слову поэта:

Только художникъ на всемъ чуетъ прекраснаго слѣдъ.

Въ лекціяхъ же своихъ постоянно стремится вдохнуть начало жизни въ мертвые остатки прошлаго.

Мы присоединяемъ свое сердечное привѣтствіе нашему ученому съ пожеланіемъ во вторую четверть вѣка жизненныхъ силъ и бодрости для продолженія многополезной дѣятельности.

Вас. Я.

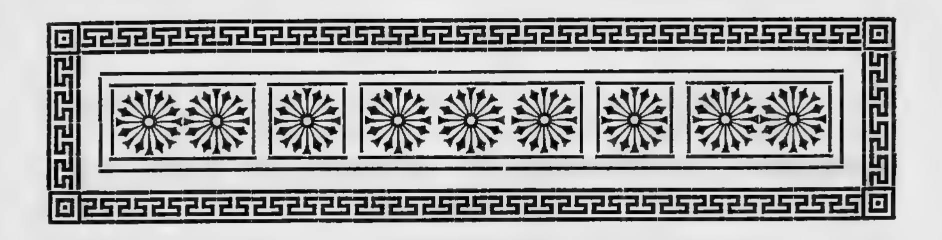
никахъ, въ нашемъ древнемъ творчествѣ, а по правдивому слову поэта:

Только художникъ на всемъ чуетъ прекраснаго слѣдъ.

Въ лекціяхъ же своихъ постоянно стремится вдохнуть начало жизни въ мертвые остатки прошлаго.

Мы присоединяемъ свое сердечное привѣтствіе нашему ученому съ пожеланіемъ во вторую четверть вѣка жизненныхъ силъ и бодрости для продолженія многополезной дѣятельности.

Вас. Я.



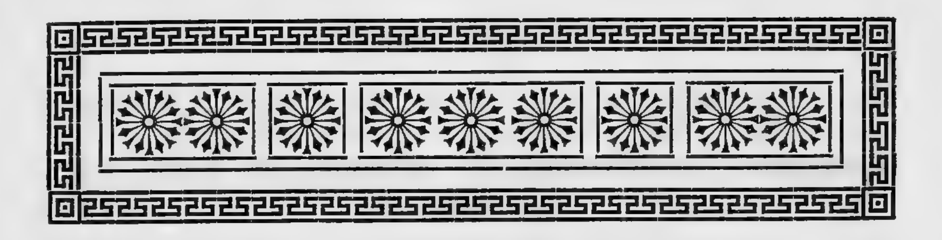
Къ исторіи 1812-го года.

При преслѣдованіи въ 1812 году французовъ, во время отступленія ихъ изъ Москвы, русскими были захвачены не лишенные интереса различные документы. Это—письма вождей великой арміи къ своимъ друзьямъ и близкимъ людямъ, а также и служебная переписка. Но какъ тѣ, такъ и другая группируются, главнымъ образомъ, около октябрьскихъ и ноябрьскихъ событій, характеризуя жизнь французовъ въ это критическое для нихъ время. Всѣ они отражаютъ въ себѣ состояніе духа сыгравшаго свою роль побѣдоноснаго воинства и свидѣтельствуютъ о томъ бѣдственномъ положеніи, въ которомъ находилась тогда армія Наполеона. Здѣсь имѣются письма Наполеона, короля Неаполитанскаго, принца Невшательскаго, маршала Жюно, принца Эмилія Гессенъ-Дармштадтскаго, маршала Виконта, Дюрока, Д'Альбиньяка и друг.

Всѣ названные документы предлагаются въ опредѣленномъ порядкѣ, въ основаніе дѣленія котораго положены не имена авторовъ писемъ, а то общее, что заключается въ самихъ этихъ письмахъ, образуя какъ бы центръ, вокругъ котораго группируются однородныя мысли. Этимъ достигается совершенно опредѣленная цѣль—освѣтить, насколько возможно, событія, направивъ весь заключающійся въ этихъ источникахъ свѣтъ на одну опредѣленную точку.

Выше упомянуто, что всѣ документы характеризуютъ дѣйствительное положеніе французовъ, относящееся, главнымъ образомъ, къ выступленію изъ Москвы, Малоярославцевскому дѣлу, Смоленску и ужасамъ во время пути отъ Москвы до Березинской катастрофы.

Затворницкій.



Къ исторіи 1812-го года.

При преслѣдованіи въ 1812 году французовъ, во время отступленія ихъ изъ Москвы, русскими были захвачены не лишенные интереса различные документы. Это—письма вождей великой арміи къ своимъ друзьямъ и близкимъ людямъ, а также и служебная переписка. Но какъ тѣ, такъ и другая группируются, главнымъ образомъ, около октябрьскихъ и ноябрьскихъ событій, характеризуя жизнь французовъ въ это критическое для нихъ время. Всѣ они отражаютъ въ себѣ состояніе духа сыгравшаго свою роль побѣдоноснаго воинства и свидѣтельствуютъ о томъ бѣдственномъ положеніи, въ которомъ находилась тогда армія Наполеона. Здѣсь имѣются письма Наполеона, короля Неаполитанскаго, принца Невшательскаго, маршала Жюно, принца Эмилія Гессенъ-Дармштадтскаго, маршала Виконта, Дюрока, Д'Альбиньяка и друг.

Всѣ названные документы предлагаются въ опредѣленномъ порядкѣ, въ основаніе дѣленія котораго положены не имена авторовъ писемъ, а то общее, что заключается въ самихъ этихъ письмахъ, образуя какъ бы центръ, вокругъ котораго группируются однородныя мысли. Этимъ достигается совершенно опредѣленная цѣль—освѣтить, насколько возможно, событія, направивъ весь заключающійся въ этихъ источникахъ свѣтъ на одну опредѣленную точку.

Выше упомянуто, что всѣ документы характеризуютъ дѣйствительное положеніе французовъ, относящееся, главнымъ образомъ, къ выступленію изъ Москвы, Малоярославцевскому дѣлу, Смоленску и ужасамъ во время пути отъ Москвы до Березинской катастрофы.

Затворницкій.

I.

Документы, относящіеся къ выступленію французовъ изъ Москвы.

11 октября 1812 года Государю Императору были представлены полученные изъ арміи документы при слѣдующей запискѣ:

№ 1. „Спѣшу представить Вашему Величеству шесть писемъ Императора Наполеона къ герцогу де-Басано и одно отъ этого Государя къ г-ну Огендорпу. Всѣ они касаются военныхъ дѣйствій и содержатъ свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ. Можно было бы предположить, что они написаны нарочно и для того, чтобы быть перехваченными, но я не нахожу въ нихъ ничего, могущаго придать правдоподобіе этому подозрѣнію. Предложеніе преувеличивать всѣ подкрѣпленія, присылаемыя союзными державами, не заключаетъ въ себѣ, какъ мнѣ кажется, подобнаго смысла. 11-го октября 1812 года“.

(Подписи на подлинной нѣтъ).

Je me hâte de transmettre à votre Majesté six lettres de l'Empereur Napoléon au Duc Bassano et une de la part de ce Souverain à Monsieur d'Ogendorp, toutes relatives aux opérations de la Guerre et qui fournissent des données qui partent de source; il serait possible de supposer que toutes ces lettres ayent été écrites à decision et afin qu'elles fussent interceptées, mais je n'y trouve rien qui puisse donner crédit à ce soupçon; l'invitation de faire exagérer tous les renforts qu'envoyaient les Puissances Confédérées ne me parais pas être dans ce sens. Le 11 Octobre 1812.

Вторая и третья записки представляютъ результатъ изслѣдованія переданныхъ Государемъ Аракчееву писемъ и излагаютъ весьма важный вопросъ о движеніи арміи на Калугу, который рѣшается преимущественно въ томъ смыслѣ, что Наполеонъ имѣлъ намѣреніе обойти Кутузова по Ново-Калужской дорогѣ и, отбросивъ его къ югу, открыть себѣ путь отъ Калуги на Смоленскъ. Въ томъ же смыслѣ высказываются и авторы приводимыхъ цитатъ. Но изъ другихъ писемъ можно видѣть, что это движеніе должно было носить характеръ демонстраціи, съ цѣлью замаскировать отступленіе на Смоленскъ.

№ 2. „Изъ числа ввѣреннымъ мнѣ Вашимъ Величествомъ писемъ, я прочелъ самъ нѣсколько. Большинство таковыхъ, помѣченныя 3/15 октября, возвѣщаютъ, что французская армія собирается покинуть Москву, не опредѣляя, по какому она пойдетъ направленію. И только въ одномъ изъ нихъ говорится объ этомъ слѣдующимъ образомъ и потому оно мнѣ кажется достойнымъ вниманія Вашего

I.

Документы, относящіеся къ выступленію французовъ изъ Москвы.

11 октября 1812 года Государю Императору были представлены полученные изъ арміи документы при слѣдующей запискѣ:

№ 1. „Спѣшу представить Вашему Величеству шесть писемъ Императора Наполеона къ герцогу де-Басано и одно отъ этого Государя къ г-ну Огендорпу. Всѣ они касаются военныхъ дѣйствій и содержатъ свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ. Можно было бы предположить, что они написаны нарочно и для того, чтобы быть перехваченными, но я не нахожу въ нихъ ничего, могущаго придать правдоподобіе этому подозрѣнію. Предложеніе преувеличивать всѣ подкрѣпленія, присылаемыя союзными державами, не заключаетъ въ себѣ, какъ мнѣ кажется, подобнаго смысла. 11-го октября 1812 года“.

(Подписи на подлинной нѣтъ).

Je me hâte de transmettre à votre Majesté six lettres de l'Empereur Napoléon au Duc Bassano et une de la part de ce Souverain à Monsieur d'Ogendorp, toutes relatives aux opérations de la Guerre et qui fournissent des données qui partent de source; il serait possible de supposer que toutes ces lettres ayent été écrites à decision et afin qu'elles fussent interceptées, mais je n'y trouve rien qui puisse donner crédit à ce soupçon; l'invitation de faire exagérer tous les renforts qu'envoyaient les Puissances Confédérées ne me parais pas être dans ce sens. Le 11 Octobre 1812.

Вторая и третья записки представляютъ результатъ изслѣдованія переданныхъ Государемъ Аракчееву писемъ и излагаютъ весьма важный вопросъ о движеніи арміи на Калугу, который рѣшается преимущественно въ томъ смыслѣ, что Наполеонъ имѣлъ намѣреніе обойти Кутузова по Ново-Калужской дорогѣ и, отбросивъ его къ югу, открыть себѣ путь отъ Калуги на Смоленскъ. Въ томъ же смыслѣ высказываются и авторы приводимыхъ цитатъ. Но изъ другихъ писемъ можно видѣть, что это движеніе должно было носить характеръ демонстраціи, съ цѣлью замаскировать отступленіе на Смоленскъ.

№ 2. „Изъ числа ввѣреннымъ мнѣ Вашимъ Величествомъ писемъ, я прочелъ самъ нѣсколько. Большинство таковыхъ, помѣченныя 3/15 октября, возвѣщаютъ, что французская армія собирается покинуть Москву, не опредѣляя, по какому она пойдетъ направленію. И только въ одномъ изъ нихъ говорится объ этомъ слѣдующимъ образомъ и потому оно мнѣ кажется достойнымъ вниманія Вашего

Величества: „Остается еще нѣсколько плитокъ бульону и небольшое число, окороковъ и ты понимаешь, что съ этимъ можно еще пройти 150 миль въ томъ или другомъ направленіи. Мы вѣроятно узнаемъ дня черезъ два, чего намъ держаться; очень возможно, что наше движеніе будетъ столь сложнымъ и столь страннымъ, что въ теченіе нѣсколько дней мы не будемъ имѣть возможности ни получать, ни отправлять эстафеты; зная умную твою головку, я предваряю тебя объ этомъ, не желая, чтобы ты тревожилась; мы будемъ въ очень милой и многочисленной компаніи, а потому не безпокойся и не удивляйся нашему молчанію; я напишу тебѣ, какъ только представится къ тому возможность, и вѣроятно мы будемъ гораздо ближе другъ къ другу; пока что, пейте за наше здоровье, но безъ нетерпѣнія. Все это портитъ кровь и совершенно напрасно“.

„Письмо это, Ваше Величество, адресовано нѣкой графинѣ д'Альбъ (d'Albe); на конвертѣ надписано „Топографическій отдѣлъ Его Величества“, а отправлено оно изъ Кремля. Къ письму этому, или лучше къ выпискѣ изъ онаго, я присоединяю копіи нѣсколькихъ другихъ, имѣющихъ большое значеніе при настоящемъ положеніи дѣлъ. Они указываютъ на отступленіе непріятельской арміи къ Смоленску. Я нашелъ, что для пользы службы Вашего Величества необходимо довести ихъ немедленно до свѣдѣнія Вашего Величества. Составленіе выписокъ изъ сей переписки продолжается. Я видѣлъ, кромѣ того, письмо Императора Наполеона къ вдовѣ г-ла Гюдена съ увѣдомленіемъ о смерти сего храбраго воина [1]). Копія съ писемъ, препровождаемая мною Вашему Величеству, кажется мнѣ весьма важною. Не пожелаете ли Вы, Государь, извлечь изъ оныхъ пользу и приказать предупредить кого слѣдуетъ. Долженъ сказать Вашему Величеству, что копія сія снята съ тѣхъ изъ писемъ, которыя не были распечатаны лицами, перехватившими и доставившими ихъ сюда. 11 октября 1812 года“.

Parmi les lettres, Sire, que Votre Majesté m'a confié j'en ai lues quelques unes moi-même, la majeure partie en date du. 3/15 Octobre annoncent que l'armée Française va quitter Moscou sans pouvoir déterminer quelle direction elle prendra; une seule en parle de la manière qui suit et à cause de cela me parait digne de vous être citée, Sire, „il reste encore quelques tablettes de bouillons, avec quelques jambons; tu vois qu'avec tout cela on peut faire *150 lieues* dans un sens ou dans l'autre. Nous saurons probablement à quoi nous en tenir dans *deux jours*. Il est *très possible* que notre mouvement soit tellement combiné et si *singulier* que nous serons pendant quelques jours sans *recevoir* ni sans *envoyer* d'estafettes; connaissant *ta bonne tête* je dois te prévenir de cela parce que je ne veux pas que tu battes la campagne, nous serons

---

[1]) Гр. Гюденъ, французскій дивизіонный генералъ (1768—1812), смертельно раненъ ядромъ въ бою при Валутинской горѣ.

Величества: „Остается еще нѣсколько плитокъ бульону и небольшое число, окороковъ и ты понимаешь, что съ этимъ можно еще пройти 150 миль въ томъ или другомъ направленіи. Мы вѣроятно узнаемъ дня черезъ два, чего намъ держаться; очень возможно, что наше движеніе будетъ столь сложнымъ и столь страннымъ, что въ теченіе нѣсколько дней мы не будемъ имѣть возможности ни получать, ни отправлять эстафеты; зная умную твою головку, я предваряю тебя объ этомъ, не желая, чтобы ты тревожилась; мы будемъ въ очень милой и многочисленной компаніи, а потому не безпокойся и не удивляйся нашему молчанію; я напишу тебѣ, какъ только представится къ тому возможность, и вѣроятно мы будемъ гораздо ближе другъ къ другу; пока что, пейте за наше здоровье, но безъ нетерпѣнія. Все это портитъ кровь и совершенно напрасно".

„Письмо это, Ваше Величество, адресовано нѣкой графинѣ д'Альбъ (d'Albe); на конвертѣ надписано „Топографическій отдѣлъ Его Величества", а отправлено оно изъ Кремля. Къ письму этому, или лучше къ выпискѣ изъ онаго, я присоединяю копіи нѣсколькихъ другихъ, имѣющихъ большое значеніе при настоящемъ положеніи дѣлъ. Они указываютъ на отступленіе непріятельской арміи къ Смоленску. Я нашелъ, что для пользы службы Вашего Величества необходимо довести ихъ немедленно до свѣдѣнія Вашего Величества. Составленіе выписокъ изъ сей переписки продолжается. Я видѣлъ, кромѣ того, письмо Императора Наполеона къ вдовѣ г-ла Гюдена съ увѣдомленіемъ о смерти сего храбраго воина [1]). Копія съ писемъ, препровождаемая мною Вашему Величеству, кажется мнѣ весьма важною. Не пожелаете ли Вы, Государь, извлечь изъ оныхъ пользу и приказать предупредить кого слѣдуетъ. Долженъ сказать Вашему Величеству, что копія сія снята съ тѣхъ изъ писемъ, которыя не были распечатаны лицами, перехватившими и доставившими ихъ сюда. 11 октября 1812 года".

Parmi les lettres, Sire, que Votre Majesté m'a confié j'en ai lues quelques unes moi-même, la majeure partie en date du. 3/15 Octobre annoncent que l'armée Française va quitter Moscou sans pouvoir déterminer quelle direction elle prendra; une seule en parle de la manière qui suit et à cause de cela me parait digne de vous être citée, Sire, „il reste encore quelques tablettes de bouillons, avec quelques jambons; tu vois qu'avec tout cela on peut faire *150 lieues* dans un sens ou dans l'autre. Nous saurons probablement à quoi nous en tenir dans *deux jours.* Il est *très possible* que notre mouvement soit tellement combiné et si *singulier* que nous serons pendant quelques jours sans *recevoir* ni sans *envoyer* d'estafettes; connaissant *ta bonne tête* je dois te prévenir de cela parce que je ne veux pas que tu battes la campagne, nous serons

[1]) Гр. Гюденъ, французскій дивизіонный генералъ (1768—1812), смертельно раненъ ядромъ въ бою при Валутинской горѣ.

en bonne et nombreuse compagnie, ainsi sois sans inquiétude et ne t'etonne pas de notre silence, aussitôt que je le pourrai, j'écrirai et probablement nous serons *plus voisins*. Buvez à notre santé en attendant sans impatience tout cela fait du mauvais sang et il n'y a pas raison d'en avoir".

Cette lettre, Sire, est à l'adresse d'une Comtesse d'Albe, sur l'enveloppe il est écrit: Bureau Topographique de Sa Majesté et la date est du Kremlin; à cette lettre, Sire, ou plutôt à son extrait j'ajoute le copie de quelques autres, d'un plus grand poids en pareilles circonstances, qui concourent à indiquer une retraite de l'armée ennemie sur Smolensk; j'ai pensé, Sire, qu'il j'était du bien de Votre Service, que sans retard Votre Majesté en ait connaissance; on continue l'extrait de toute la correspondance; j'ai vu aussi une lettre de l'Empereur Napoléon à la veuve du général Gudin sur la mort de ce brave militaire. La copie des lettres que je transmets à Votre Majesté me parait bien importante. Ne voudriez vous pas, Sire, en tirer parti et faire avertir qui il convient; je dois dire à Votre Majesté que cette copie est prise sur celles des lettres qui n'avaient pas été ouvertes par les personnes qui s'en sont saisies et les ont transmises ici. Le 11 Octobre 1812.

№ 3. „Препровождаю Вашему Величеству работу, выполненную г-номъ Бюйсомъ по разбору голландскихъ писемъ. Этимъ заканчивается первая посылка. Нѣтъ никакихъ основаній къ тому, чтобы Ваше Величество немедленно посвятили Ваше вниманіе этимъ письмамъ. Вотъ довольно любопытная записочка, оказавшаяся въ числѣ только-что перехваченныхъ писемъ; она находилась въ письмѣ нѣкоего г-на Ятака къ г-ну Колинкампу, начальнику Императорской почты въ Толочинѣ".

„Его Величество въ добромъ здоровьѣ; пользовался всегда превосходнымъ здоровьемъ; полученъ приказъ—быть ежеминутно наготовѣ отправиться; часть экипажей Его Величества уже отправилась по Калужской дорогѣ". „Ждутъ возвращенія курьера, отправленнаго въ С.-Петербургъ съ мирными предложеніями; если они откажутъ, то придется очистить Москву и уничтожить всѣ запасы муки, вина, фуража и прочіе, которые нельзя будетъ увезти съ собой, дабы не оставить никакихъ рессурсовъ остающимся тамъ жителямъ. Армейскому корпусу раздаютъ водку на три мѣсяца и придется раздать муку всѣмъ, у кого найдутся транспортныя средства. Войско страшно изнурено и желаетъ мира, а между тѣмъ придется выдержать еще бой, прежде чѣмъ занять Калугу, ибо мы туда еще не вошли и думаютъ, что бой этотъ будетъ очень сильнымъ, потому что Его Величество производилъ смотръ всей своей гвардіи и повидимому ей придется принять этотъ бой; впрочемъ, она не должна быть утомлена, потому что ни разу еще не сражалась. Одни только стрѣлки участвовали въ дѣлѣ 7-го числа. Прочтите и немедленно сожгите". Къ сей запискѣ, которую я переписалъ, прилагаю цѣлый рядъ паролей и лозунговъ; можетъ быть *полезно будетъ* знать ихъ. Сей

en bonne et nombreuse compagnie, ainsi sois sans inquiétude et ne t'etonne pas de notre silence, aussitôt que je le pourrai, j'écrirai et probablement nous serons *plus voisins*. Buvez à notre santé en attendant sans impatience tout cela fait du mauvais sang et il n'y a pas raison d'en avoir".

Cette lettre, Sire, est à l'adresse d'une Comtesse d'Albe, sur l'enveloppe il est écrit: Bureau Topographique de Sa Majesté et la date est du Kremlin; à cette lettre, Sire, ou plutôt à son extrait j'ajoute le copie de quelques autres, d'un plus grand poids en pareilles circonstances, qui concourent à indiquer une retraite de l'armée ennemie sur Smolensk; j'ai pensé, Sire, qu'il j'était du bien de Votre Service, que sans retard Votre Majesté en ait connaissance; on continue l'extrait de toute la correspondance; j'ai vu aussi une lettre de l'Empereur Napoléon à la veuve du général Gudin sur la mort de ce brave militaire. La copie des lettres que je transmets à Votre Majesté me parait bien importante. Ne voudriez vous pas, Sire, en tirer parti et faire avertir qui il convient; je dois dire à Votre Majesté que cette copie est prise sur celles des lettres qui n'avaient pas été ouvertes par les personnes qui s'en sont saisies et les ont transmises ici. Le 11 Octobre 1812.

№ 3. „Препровождаю Вашему Величеству работу, выполненную г-номъ Бюйсомъ по разбору голландскихъ писемъ. Этимъ заканчивается первая посылка. Нѣтъ никакихъ основаній къ тому, чтобы Ваше Величество немедленно посвятили Ваше вниманіе этимъ письмамъ. Вотъ довольно любопытная записочка, оказавшаяся въ числѣ только-что перехваченныхъ писемъ; она находилась въ письмѣ нѣкоего г-на Ятака къ г-ну Колинкампу, начальнику Императорской почты въ Толочинѣ".

„Его Величество въ добромъ здоровьѣ; пользовался всегда превосходнымъ здоровьемъ; полученъ приказъ—быть ежеминутно наготовѣ отправиться; часть экипажей Его Величества уже отправилась по Калужской дорогѣ". „Ждутъ возвращенія курьера, отправленнаго въ С.-Петербургъ съ мирными предложеніями; если они откажутъ, то придется очистить Москву и уничтожить всѣ запасы муки, вина, фуража и прочіе, которые нельзя будетъ увезти съ собой, дабы не оставить никакихъ рессурсовъ остающимся тамъ жителямъ. Армейскому корпусу раздаютъ водку на три мѣсяца и придется раздать муку всѣмъ, у кого найдутся транспортныя средства. Войско страшно изнурено и желаетъ мира, а между тѣмъ придется выдержать еще бой, прежде чѣмъ занять Калугу, ибо мы туда еще не вошли и думаютъ, что бой этотъ будетъ очень сильнымъ, потому что Его Величество производилъ смотръ всей своей гвардіи и повидимому ей придется принять этотъ бой; впрочемъ, она не должна быть утомлена, потому что ни разу еще не сражалась. Одни только стрѣлки участвовали въ дѣлѣ 7-го числа. Прочтите и немедленно сожгите". Къ сей запискѣ, которую я переписалъ, прилагаю цѣлый рядъ паролей и лозунговъ; можетъ быть *полезно будетъ* знать ихъ. Сей

печатный листокъ, безъ препроводительнаго письма, былъ въ конвертѣ, адресованномъ маршалу герцогу де-Беллюнъ въ Смоленскѣ.

Въ настоящее время занимаются составленіемъ выписокъ изъ всей переписки, и работа подвигается. Если Ваше Величество найдете нужнымъ пріобщить туда же и копіи съ 7 писемъ Наполеона, переданныхъ Вамъ мною вчера, то благоволите возвратить мнѣ оныя.

Je transmets à Votre Majesté le travail qu'a fait Monsieur de Buyo sur les lettres Hollandaises, cela complette le premier envoy. Rien n'invite Votre Majesté à donner à ces lettres une prompte attention, voici, Sire, un petit billet assez remarquable qui se trouve dans la correspondance nouvellement saisie, il était enfermé dans une lettre d'un Monsieur Jataka à Monsieur Colincamf, Directeur de l'Estafette de l'Empereur à Tolotzyn.

„Sa Majesté se porte fort bien, a toujours été d'une excellente santé; on a ordre de se tenir prêt à partir au 1-er moment; une partie des équipages de S. M. est déjàpartie sur la route de Kalouga".

„On attend le retour d'un courier qui a été expédié à Pétersbourg au sujet de la Paix, pour la proposer, s'ils refusent on doit évacuer Moscou et détruire toutes les provisions en farines, vins, fourages et autres que l'on ne pourra pas emporter, afin de ne laisser aucune ressource aux habitants qui resteront; l'on distribue au corps d'armée de l'eau de vie pour trois mois, l'on doit, donner de la farine à tous ceux qui auront moyens de transport. Le militaire est furieusement fatigué, désire la paix fortement, cependant il doit y avoir encore une affaire avant d'entrer à Calouga car nous n'y sommes pas et l'on présume qu'elle sera très forte, car S. M. a passé toute sa garde en revûe et il parait même, qu'elle sera forcée de donner au reste elle ne doit pas être fatiguée car elle n'a pas encore donné une seule fois, il n'y a que les carabiniers qui ont donnés à l'affaire du 7. *Lisez et brûlez de suite*".

A ce billet, Sire, que j'ai transcris, j'ajoute une série de mots d'ordre et de ralliement, peut être est il important de les connaitre; cet imprimé sans lettre d'accompagnement était sous une enveloppe à l'adresse du Maréchal Duc de Bellune à Smolensk.

L'on travaille, Sire, à l'extrait de toute la correspondance et l'ouvrage avance. Si Votre Majesté juge qu'il faut que la copie des 7 lettres de l'Empereur Napoléon que je lui ai transmis hier en fassent partie je La supplie de me les restituer. Le 12 Octobre 1812.

Письмо шталмейстера Наполеона, графа Оденарда, къ кригсъ-комиссару:

№ 4. „Г-ну Ліантей, кригсъ-комиссару.

Мы выступили изъ Москвы 18-го съ цѣлью нападенія на позицію при Малоярославцѣ для того, чтобы замаскировать наше отступательное движеніе на Смоленскъ, движеніе, являющееся жизненною необходимостью".

à M-r Lyantay Commissaire ordonnateur.

De Moscou nous sommes partis le 18 pr aller attaquer la position de Maloiaroslavetz afin de masquer notre mouvement de retraite sur Smolensk, mouvement qui est nécessaire pour vivre.

печатный листокъ, безъ препроводительнаго письма, былъ въ конвертѣ, адресованномъ маршалу герцогу де-Беллюнъ въ Смоленскѣ.

Въ настоящее время занимаются составленіемъ выписокъ изъ всей переписки, и работа подвигается. Если Ваше Величество найдете нужнымъ пріобщить туда же и копіи съ 7 писемъ Наполеона, переданныхъ Вамъ мною вчера, то благоволите возвратить мнѣ оныя.

Je transmets à Votre Majesté le travail qu'a fait Monsieur de Buyo sur les lettres Hollandaises, cela complette le premier envoy. Rien n'invite Votre Majesté à donner à ces lettres une prompte attention, voici, Sire, un petit billet assez remarquable qui se trouve dans la correspondance nouvellement saisie, il était enfermé dans une lettre d'un Monsieur Jataka à Monsieur Colincamf, Directeur de l'Estafette de l'Empereur à Tolotzyn.

„Sa Majesté se porte fort bien, a toujours été d'une excellente santé; on a ordre de se tenir prêt à partir au 1-er moment; une partie des équipages de S. M. est déjàpartie sur la route de Kalouga".

„On attend le retour d'un courier qui a été expédié à Pétersbourg au sujet de la Paix, pour la proposer, s'ils refusent on doit évacuer Moscou et détruire toutes les provisions en farines, vins, fourages et autres que l'on ne pourra pas emporter, afin de ne laisser aucune ressource aux habitants qui resteront; l'on distribue au corps d'armée de l'eau de vie pour trois mois, l'on doit, donner de la farine à tous ceux qui auront moyens de transport. Le militaire est furieusement fatigué, désire la paix fortement, cependant il doit y avoir encore une affaire avant d'entrer à Calouga car nous n'y sommes pas et l'on présume qu'elle sera très forte, car S. M. a passé toute sa garde en revûe et il parait même, qu'elle sera forcée de donner au reste elle ne doit pas être fatiguée car elle n'a pas encore donné une seule fois, il n'y a que les carabiniers qui ont donnés à l'affaire du 7. *Lisez et brûlez de suite*".

A ce billet, Sire, que j'ai transcris, j'ajoute une série de mots d'ordre et de ralliement, peut être est il important de les connaitre; cet imprimé sans lettre d'accompagnement était sous une enveloppe à l'adresse du Maréchal Duc de Bellune à Smolensk.

L'on travaille, Sire, à l'extrait de toute la correspondance et l'ouvrage avance. Si Votre Majesté juge qu'il faut que la copie des 7 lettres de l'Empereur Napoléon que je lui ai transmis hier en fassent partie je La supplie de me les restituer. Le 12 Octobre 1812.

Письмо шталмейстера Наполеона, графа Оденарда, къ кригсъ-комиссару:

№ 4. „Г-ну Ліантей, кригсъ-комиссару.

Мы выступили изъ Москвы 18-го съ цѣлью нападенія на позицію при Малоярославцѣ для того, чтобы замаскировать наше отступательное движеніе на Смоленскъ, движеніе, являющееся жизненною необходимостью".

à M-r Lyantay Commissaire ordonnateur.

De Moscou nous sommes partis le 18 pr aller attaquer la position de Maloiaroslavetz afin de masquer notre mouvement de retraite sur Smolensk, mouvement qui est nécessaire pour vivre.

То же самое говоритъ и маршалъ Дюрокъ въ письмѣ отъ 10-го ноября къ Шампаньи.

„№ 5. Я получилъ письмо Вашего Превосходительства отъ 24-го октября, въ которомъ вы сообщаете подробности событія, происшедшаго наканунѣ того дня въ Парижѣ. Сіи подробности были очень любопытны. Я сдѣлалъ изъ нихъ употребленіе, которое Ваше Превосходительство можете легко представить себѣ.

Громадное разстояніе, отдѣлявшее Его Величество во время пребыванія его въ Москвѣ отъ различныхъ корпусовъ арміи и отъ Имперіи, навело его на мысль о переходѣ къ наступательнымъ дѣйствіямъ и о приближеніи къ Литвѣ. А потому армія, передъ выступленіемъ на Смоленскую дорогу, пошла на непріятеля, бывшаго на Калужской дорогѣ, въ Калугу и, овладѣвъ его позиціями и разбивъ его самого, двинулась по намѣченной заранѣе дорогѣ.

Императоръ прибылъ вчера въ Смоленскъ. Его Величество совершенно здоровъ; часть арміи прибыла уже туда, а остальная идетъ. Погода, бывшая вначалѣ довольно хорошею, благопріятствовала движенію, но за послѣдніе дни она испортилась; морозы и снѣгъ испортили дороги. Армія нашла въ Смоленскѣ большое количество запасовъ и приближается къ странѣ, которая доставитъ ей таковыхъ въ изобиліи. Ожидаются событія въ корпусахъ слѣва, состоящихъ подъ начальствомъ маршаловъ: герцога Реджіо и Беллюнъ. На правомъ же флангѣ кн. Шварценбергу, получившему подкрѣпленіе, пришлось отразить непріятельскій корпусъ, приблизившійся къ Бугу“.

Lettre de Duroc à Champagny le 10 Nov-re.

J'ai reçu la lettre que V. E. m'a fait l'honneur de m'écrire le 24 Octobre par laquelle elle] veut bien me donner des détails sur l'évènement arrivé la veille à Paris. Ces détails étaient fort intéressants, j'en ai fait l'usage que V. E. s'imaginera facilement.

Le grand éloignement auquel S. M. était à Moscou, se trouvait des différents corps de son armée et de Son Empire lui a fait penser à reprendre l'offensive et à se rapprocher de la Lithouanie. En conséquence, l'armée avant de prendre la route de Smolensk s'est portée contre l'ennemi sur celle de Kalouga et après lui avoir enlevé ses positions et l'avoir battu, elle a pris la route projetée.

L'Emp-r est arrivé hier à Smolensk. S. M. jouit d'une parfaite santé, une partie de l'armé y est arrivée, l'autre y arrive. Le tems qui a d'abord été fort beau a beaucoup favorisé la marche, mais dans les derniers jours il s'est gâté: il y a eu de la gélée et de la neige qui ont rendu les routes difficiles. L'armée trouva à Smolensk beaucoup de ressources et elle se rapproche d'un pays qui lui en fournira abondamment. On s'attend à des évènements aux corps de Gauche commandés par les maréchaux Ducs de Reggio et de Bellune. Sur la droite, le P-ce Schwarzenberg qui a reçu des renforts, a dû repousser le corps ennemi qui s'était avancé sur le Bug.

То же самое говоритъ и маршалъ Дюрокъ въ письмѣ отъ 10-го ноября къ Шампаньи.

„№ 5. Я получилъ письмо Вашего Превосходительства отъ 24-го октября, въ которомъ вы сообщаете подробности событія, происшедшаго наканунѣ того дня въ Парижѣ. Сіи подробности были очень любопытны. Я сдѣлалъ изъ нихъ употребленіе, которое Ваше Превосходительство можете легко представить себѣ.

Громадное разстояніе, отдѣлявшее Его Величество во время пребыванія его въ Москвѣ отъ различныхъ корпусовъ арміи и отъ Имперіи, навело его на мысль о переходѣ къ наступательнымъ дѣйствіямъ и о приближеніи къ Литвѣ. А потому армія, передъ выступленіемъ на Смоленскую дорогу, пошла на непріятеля, бывшаго на Калужской дорогѣ, въ Калугу и, овладѣвъ его позиціями и разбивъ его самого, двинулась по намѣченной заранѣе дорогѣ.

Императоръ прибылъ вчера въ Смоленскъ. Его Величество совершенно здоровъ; часть арміи прибыла уже туда, а остальная идетъ. Погода, бывшая вначалѣ довольно хорошею, благопріятствовала движенію, но за послѣдніе дни она испортилась; морозы и снѣгъ испортили дороги. Армія нашла въ Смоленскѣ большое количество запасовъ и приближается къ странѣ, которая доставитъ ей таковыхъ въ изобиліи. Ожидаются событія въ корпусахъ слѣва, состоящихъ подъ начальствомъ маршаловъ: герцога Реджіо и Беллюнъ. На правомъ же флангѣ кн. Шварценбергу, получившему подкрѣпленіе, пришлось отразить непріятельскій корпусъ, приблизившійся къ Бугу“.

Lettre de Duroc à Champagny le 10 Nov-re.

J'ai reçu la lettre que V. E. m'a fait l'honneur de m'écrire le 24 Octobre par laquelle elle] veut bien me donner des détails sur l'évènement arrivé la veille à Paris. Ces détails étaient fort intéressants, j'en ai fait l'usage que V. E. s'imaginera facilement.

Le grand éloignement auquel S. M. était à Moscou, se trouvait des différents corps de son armée et de Son Empire lui a fait penser à reprendre l'offensive et à se rapprocher de la Lithouanie. En conséquence, l'armée avant de prendre la route de Smolensk s'est portée contre l'ennemi sur celle de Kalouga et après lui avoir enlevé ses positions et l'avoir battu, elle a pris la route projetée.

L'Emp-r est arrivé hier à Smolensk. S. M. jouit d'une parfaite santé, une partie de l'armé y est arrivée, l'autre y arrive. Le tems qui a d'abord été fort beau a beaucoup favorisé la marche, mais dans les derniers jours il s'est gâté: il y a eu de la gélée et de la neige qui ont rendu les routes difficiles. L'armée trouva à Smolensk beaucoup de ressources et elle se rapproche d'un pays qui lui en fournira abondamment. On s'attend à des évènements aux corps de Gauche commandés par les maréchaux Ducs de Reggio et de Bellune. Sur la droite, le P-ce Schwarzenberg qui a reçu des renforts, a dû repousser le corps ennemi qui s'était avancé sur le Bug.

Мнѣніе Дюрока (gerard Christophe-Michel-Duroc) [1]), какъ одного изъ ближайшихъ друзей Наполеона, безъ сомнѣнія, имѣетъ большое значеніе. Онъ всюду сопровождалъ Наполеона; участвовалъ въ качествѣ адъютанта генерала Бонапарте въ итальянскомъ и египетскомъ походахъ. Послѣ 18 брюмера исполнялъ различныя дипломатическія порученія. Въ сраженіи при Аустерлицѣ командовалъ дивизіей гренадеръ. Убитъ ядромъ у Вуршена (1813), на другой день послѣ бауценскаго сраженія.

Часть арміи Наполеона выступила изъ Москвы еще 18/6 октября, въ день тарутинскаго боя, по направленію въ Калугѣ; кадры линейныхъ и легкихъ полковъ, согласно предписанію герцога Невшательскаго отъ $\frac{\text{11 октября}}{\text{29 сентября}}$ были направлены прямо на Майнцъ и 6-й армейскій корпусъ, укомплектованный баварскими войсками, 17/5 октября выступилъ въ Вильну. Главная квартира покинула Москву 19/7 октября, а вслѣдъ за ней вышелъ съ молодой гвардіей и генералъ Мортье [2]), бывшій губернаторъ Москвы, взорвавъ часть Кремля.

Слѣдующіе документы рисуютъ картину „Бѣлокаменной", по оставленіи ея французами.

Инспекторъ артиллеріи пишетъ главному секретарю военнаго депо Лепину въ Данцигъ:

№ 6. „Передъ выѣздомъ изъ Москвы я распорядился уничтожить имѣвшіеся тамъ порохъ и селитру, а послѣ нашего выступленія, во время эвакуаціи Кремля, приказано было взорвать большой складъ при арсеналѣ, гдѣ собраны были порохъ и патроны, оказавшіеся въ различныхъ складахъ внѣ крѣпости".

Le 1-er Inspecteur de l'Artillerie au G-al Lepin à Dantzig.

Avant de quitter Moscou j'ai fait détruire la poudre et le salpêtre qui s'y trouvaient et après notre départ lors de l'évacuation du Kremlin on a fait sauter le g-d magasin de l'arsénal où l'on avait ressemblé les poudres et cartouches trouvés dans divers magasins extérieurs de la place.

---

[1]) Герцогъ Фріульскій, великій маршалъ Наполеона I (1772—1813).

[2]) Мортье, Эдуардъ-Адольфъ-Казимиръ-Жозефъ (1768—1835), маршалъ и пэръ Франціи, герцогъ Тревизскій. Во время похода въ Россію стоялъ во главѣ молодой гвардіи; по занятіи Москвы былъ назначенъ ея губернаторомъ, а при оставленіи взорвалъ, по приказанію Наполеона, часть Кремля; во время отступленія войска его участвовали только въ сраженіи подъ Краснымъ. Въ 1813 году былъ въ сраженіяхъ при Люценѣ, Бауценѣ, Дрезденѣ, Лейпцигѣ, Гонау; при Фершампенгаузенѣ (1814) разбитъ союзными войсками; защищалъ Парижъ и послѣ его сдачи принялъ сторону Бурбоновъ. Въ 1832 году назначенъ военнымъ министромъ, а въ 1835 г. во время парада убитъ адской машиной, предназначавшейся для короля Людовика-Филиппа и принцевъ.

Н. З.

Мнѣніе Дюрока (gerard Christophe-Michel-Duroc) [1]), какъ одного изъ ближайшихъ друзей Наполеона, безъ сомнѣнія, имѣетъ большое значеніе. Онъ всюду сопровождалъ Наполеона; участвовалъ въ качествѣ адъютанта генерала Бонапарте въ итальянскомъ и египетскомъ походахъ. Послѣ 18 брюмера исполнялъ различныя дипломатическія порученія. Въ сраженіи при Аустерлицѣ командовалъ дивизіей гренадеръ. Убитъ ядромъ у Вуршена (1813), на другой день послѣ бауценскаго сраженія.

Часть арміи Наполеона выступила изъ Москвы еще 18/6 октября, въ день тарутинскаго боя, по направленію въ Калугѣ; кадры линейныхъ и легкихъ полковъ, согласно предписанію герцога Невшательскаго отъ $\frac{\text{11 октября}}{\text{29 сентября}}$ были направлены прямо на Майнцъ и 6-й армейскій корпусъ, укомплектованный баварскими войсками, 17/5 октября выступилъ въ Вильну. Главная квартира покинула Москву 19/7 октября, а вслѣдъ за ней вышелъ съ молодой гвардіей и генералъ Мортье [2]), бывшій губернаторъ Москвы, взорвавъ часть Кремля.

Слѣдующіе документы рисуютъ картину „Бѣлокаменной", по оставленіи ея французами.

Инспекторъ артиллеріи пишетъ главному секретарю военнаго депо Лепину въ Данцигъ:

№ 6. „Передъ выѣздомъ изъ Москвы я распорядился уничтожить имѣвшіеся тамъ порохъ и селитру, а послѣ нашего выступленія, во время эвакуаціи Кремля, приказано было взорвать большой складъ при арсеналѣ, гдѣ собраны были порохъ и патроны, оказавшіеся въ различныхъ складахъ внѣ крѣпости".

Le 1-er Inspectéur de l'Artillerie au G-al Lepin à Dantzig.

Avant de quitter Moscou j'ai fait détruire la poudre et le salpêtre qui s'y trouvaient et après notre départ lors de l'évacuation du Kremlin on a fait sauter le g-d magasin de l'arsénal où l'on avait ressemblé les poudres et cartouches trouvés dans divers magasins extérieurs de la place.

---

[1]) Герцогъ Фріульскій, великій маршалъ Наполеона I (1772—1813).

[2]) Мортье, Эдуардъ-Адольфъ-Казимиръ-Жозефъ (1768—1835), маршалъ и пэръ Франціи, герцогъ Тревизскій. Во время похода въ Россію стоялъ во главѣ молодой гвардіи; по занятіи Москвы былъ назначенъ ея губернаторомъ, а при оставленіи взорвалъ, по приказанію Наполеона, часть Кремля; во время отступленія войска его участвовали только въ сраженіи подъ Краснымъ. Въ 1813 году былъ въ сраженіяхъ при Люценѣ, Бауценѣ, Дрезденѣ, Лейпцигѣ, Гонау; при Фершампенгаузенѣ (1814) разбитъ союзными войсками; защищалъ Парижъ и послѣ его сдачи принялъ сторону Бурбоновъ. Въ 1832 году назначенъ военнымъ министромъ, а въ 1835 г. во время парада убитъ адской машиной, предназначавшейся для короля Людовика-Филиппа и принцевъ.

Н. З.

Вотъ лаконическое сообщеніе г. Жирарде своей супругѣ о томъ же:

№ 7. „Не имѣя возможности оставаться долѣе въ Москвѣ, за недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ, мы взорвали все остальное и даже царскій дворецъ".

Mr. Girardet à sa femme.

Ne pouvant plus rester à Moscou par défaut de vivres, nous avons fait sauter tout le reste, même le palais des Czars.

Вотъ болѣе обстоятельная жалоба на обстоятельства состоящаго при топографическомъ отдѣлѣ г-на Теріота:

№ 8. „Г-ну Лепину, главному секретарю военнаго депо.

Существуютъ весьма важныя причины, которыя заставили насъ перейти въ отступленіе; я могъ бы ихъ легко объяснить, но о которыхъ вынужденъ помалкивать. Не скрою отъ васъ, однако, несчастья, случившагося въ нашемъ топографическомъ отдѣлѣ. Всѣ экипажи этого отдѣла, не исключая и моего крытаго шарабана, запряженнаго тремя лошадьми, вмѣстѣ съ моимъ полякомъ кучеромъ, а равно и повозокъ нашихъ, чертежниковъ со всѣмъ ихъ имуществомъ, достались казакамъ въ числѣ громаднаго обоза, захваченнаго ими на разстояніи одной мили отъ Императорской главной квартиры... Сія пріятная оказія произошла по пути отъ Боровска къ Малоярославцу; что касается до меня, то я лишился большей части своихъ пожитковъ. Главная квартира выступила изъ Москвы 19-го числа прошлаго мѣсяца. Молодая гвардія ушла двумя днями позже, предварительно взорвавъ Кремль, разрушивъ всѣ правительственныя учрежденія и предавъ огню всѣ зданія, которыя уцѣлѣли послѣ пожара, устроеннаго русскими".

M-r Thériotte attaché au Bureau Topographique à M-r Lepine Secrt-e G-al du Depôt de la Guerre.

Il y a eu des raisons majeures de notre marche rétrograde que je puis aisément expliquer et sur lesquelles je suis obligé de rester bouche close. Je ne vous tairai pourtant pas le malheur arrivé à notre Service Topographique Tous les équipages de ce service, sans en excepter mon charaban couvert, attelé de trois bons chevaux et conduit par mon domestique polonais, ainsi que l'equipage de nos dessinateurs chargé de tous leurs effets ont été pris par les Cosaques au milieu d'un convoi considérable et à une lieu du quartier Imp-l. Cette belle equipée à eu lieu entre Borovsk et Maloiaroslavetz, pour mon compte je me trouve dépourvu d'une grande partie de mes effets. Le Quartier G-al a évacué Moscou le 19 du mois dernier. La jeune garde n'eut à quitter que deux jours plus tard après avoir fait sauter le Kreml, détruit tous les établissements du Gouvernement et brulé ce qui restait des habitations échappées à l'incendie russe.

И вотъ, наконецъ, полная картина развалинъ Москвы, начерченная въ нѣсколькихъ словахъ казначеемъ арміи Пюйрюсселемъ:

№ 9. „Г-ну Леру, биржевому маклеру въ Парижѣ.

Вотъ лаконическое сообщеніе г. Жирарде своей супругѣ о томъ же:

№ 7. „Не имѣя возможности оставаться долѣе въ Москвѣ, за недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ, мы взорвали все остальное и даже царскій дворецъ".

Mr. Girardet à sa femme.

Ne pouvant plus rester à Moscou par défaut de vivres, nous avons fait sauter tout le reste, même le palais des Czars.

Вотъ болѣе обстоятельная жалоба на обстоятельства состоящаго при топографическомъ отдѣлѣ г-на Теріота:

№ 8. „Г-ну Лепину, главному секретарю военнаго депо.

Существуютъ весьма важныя причины, которыя заставили насъ перейти въ отступленіе; я могъ бы ихъ легко объяснить, но о которыхъ вынужденъ помалкивать. Не скрою отъ васъ, однако, несчастья, случившагося въ нашемъ топографическомъ отдѣлѣ. Всѣ экипажи этого отдѣла, не исключая и моего крытаго шарабана, запряженнаго тремя лошадьми, вмѣстѣ съ моимъ полякомъ кучеромъ, а равно и повозокъ нашихъ, чертежниковъ со всѣмъ ихъ имуществомъ, достались казакамъ въ числѣ громаднаго обоза, захваченнаго ими на разстояніи одной мили отъ Императорской главной квартиры... Сія пріятная оказія произошла по пути отъ Боровска къ Малоярославцу; что касается до меня, то я лишился большей части своихъ пожитковъ. Главная квартира выступила изъ Москвы 19-го числа прошлаго мѣсяца. Молодая гвардія ушла двумя днями позже, предварительно взорвавъ Кремль, разрушивъ всѣ правительственныя учрежденія и предавъ огню всѣ зданія, которыя уцѣлѣли послѣ пожара, устроеннаго русскими".

M-r Thériotte attaché au Bureau Topographique à M-r Lepine Secrt-e G-al du Depôt de la Guerre.

Il y a eu des raisons majeures de notre marche rétrograde que je puis aisément expliquer et sur lesquelles je suis obligé de rester bouche close. Je ne vous tairai pourtant pas le malheur arrivé à notre Service Topographique Tous les équipages de ce service, sans en excepter mon charaban couvert, attelé de trois bons chevaux et conduit par mon domestique polonais, ainsi que l'equipage de nos dessinateurs chargé de tous leurs effets ont été pris par les Cosaques au milieu d'un convoi considérable et à une lieu du quartier Imp-l. Cette belle equipée à eu lieu entre Borovsk et Maloiaroslavetz, pour mon compte je me trouve dépourvu d'une grande partie de mes effets. Le Quartier G-al a évacué Moscou le 19 du mois dernier. La jeune garde n'eut à quitter que deux jours plus tard après avoir fait sauter le Kreml, détruit tous les établissements du Gouvernement et brulé ce qui restait des habitations échappées à l'incendie russe.

И вотъ, наконецъ, полная картина развалинъ Москвы, начерченная въ нѣсколькихъ словахъ казначеемъ арміи Пюйрюсселемъ:

№ 9. „Г-ну Леру, биржевому маклеру въ Парижѣ.

Вы читали въ газетахъ, что мы ушли изъ Москвы 19/7-го октября. Она представляла сплошную груду дымящихся развалинъ. Передъ выступленіемъ взорвали царскій дворецъ и подожгли всѣ зданія, уцѣлѣвшія послѣ пожара. Мы практикуемъ по отношенію къ этимъ варварамъ справедливое возмездіе".

M-r Payrussel payeur de l'armée à M-r le Roux agent de change à Paris.

Vous avez vu par les jouraux que nous avons quitté Moscou le 19 Octobre. Ce n'était plus qu'un amas de ruines fumantes. En quittant on a fait sauter le Chateau Imp-l et mis le feu aux édifices que les flammes avaient respectés. Nous usons avec ces barbares de justes repressailles.

Всѣ эти лица играли весьма важную роль во время нашей отечественной войны.

Бертье, Александръ,—князь и герцогъ Невшательскій, князь Ваграмскій (1767—1815). Молодымъ офицеромъ сражался подъ начальствомъ Лафайета за независимость американскихъ англійскихъ колоній. Во время итальянскаго похода сблизился съ Наполеономъ; въ 1798 году сдѣланъ главнокомандующимъ въ Италіи, 13-го ноября вступилъ въ Римъ и провозгласилъ тамъ республику. Египетскую экспедицію совершилъ въ званіи начальника штаба; принималъ выдающееся участіе въ переходѣ черезъ Санъ-Готардъ. При провозглашеніи Наполеона императоромъ возведенъ въ маршалы; въ 1807 году назначенъ владѣтелемъ отнятаго у Пруссіи княжества Невшательскаго и возведенъ въ достоинство вице-констабеля Франціи и Имперскаго принца. Въ продолженіи войнъ 1812—14 гг. исправлялъ прежнюю должность начальника штаба при Наполеонѣ. По низложеніи Наполеона присягнулъ Бурбонамъ, а когда тотъ возвратился съ острова Эльбы, онъ, не зная на что рѣшиться, уѣхалъ къ своему тестю, въ Бамбергъ, гдѣ впалъ въ умопомѣшательство, и 1 іюня 1815 года, встревоженный проходомъ русскихъ войскъ черезъ городъ, бросился съ балкона и убился.

Маршалъ Гувіонъ-Сенъ-Сиръ (1764—1830) въ юношествѣ занимался живописью и давалъ въ Парижѣ уроки рисованія; но революція вызвала его на военное поприще. Въ 1792 году, въ чинѣ капитана національной гвардіи, онъ оставилъ Парижъ, а въ 1794—уже въ званіи дивизіоннаго генерала,—распоряжался приступомъ при осадѣ Манпуи и въ 1796—участвовалъ въ знаменитомъ 40 дневномъ отступленіи Моро вверхъ по Дунаю, черезъ Шварцвальдскіе проходы къ Рейну. Въ 1798 году смѣнилъ въ Римѣ генерала Массену, армія котораго взбунтовалась и прогнала своего главнокомандующаго; въ 1804—былъ посломъ при Мадридскомъ дворѣ; въ 1808—командовалъ 7 армейскимъ корпусомъ въ Испаніи, а при выступленіи въ 1812 году въ походъ въ Россію принялъ 6 корпусъ, состоявшій изъ баварскихъ войскъ; съ успѣхомъ сражался 5 и 6 августа при Полоцкѣ, а послѣ того какъ былъ раненъ маршалъ Удино, принялъ командованіе и 2 корпусомъ. За это дѣло онъ получилъ маршальскій жезлъ. Впослѣдствіи былъ военнымъ министромъ во Франціи, гдѣ ввелъ много улучшеній, особенно въ технику наборовъ и формированіе резервовъ. Отличался обширнымъ образованіемъ и былъ хорошимъ стратегомъ.

Вы читали въ газетахъ, что мы ушли изъ Москвы 19/7-го октября. Она представляла сплошную груду дымящихся развалинъ. Передъ выступленіемъ взорвали царскій дворецъ и подожгли всѣ зданія, уцѣлѣвшія послѣ пожара. Мы практикуемъ по отношенію къ этимъ варварамъ справедливое возмездіе".

M-r Payrussel payeur de l'armée à M-r le Roux agent de change à Paris.

Vous avez vu par les jouraux que nous avons quitté Moscou le 19 Octobre. Ce n'était plus qu'un amas de ruines fumantes. En quittant on a fait sauter le Chateau Imp-l et mis le feu aux édifices que les flammes avaient respectés. Nous usons avec ces barbares de justes repressailles.

Всѣ эти лица играли весьма важную роль во время нашей отечественной войны.

Бертье, Александръ,—князь и герцогъ Невшательскій, князь Ваграмскій (1767—1815). Молодымъ офицеромъ сражался подъ начальствомъ Лафайета за независимость американскихъ англійскихъ колоній. Во время итальянскаго похода сблизился съ Наполеономъ; въ 1798 году сдѣланъ главнокомандующимъ въ Италіи, 13-го ноября вступилъ въ Римъ и провозгласилъ тамъ республику. Египетскую экспедицію совершилъ въ званіи начальника штаба; принималъ выдающееся участіе въ переходѣ черезъ Санъ-Готардъ. При провозглашеніи Наполеона императоромъ возведенъ въ маршалы; въ 1807 году назначенъ владѣтелемъ отнятаго у Пруссіи княжества Невшательскаго и возведенъ въ достоинство вице-констабеля Франціи и Имперскаго принца. Въ продолженіи войнъ 1812—14 гг. исправлялъ прежнюю должность начальника штаба при Наполеонѣ. По низложеніи Наполеона присягнулъ Бурбонамъ, а когда тотъ возвратился съ острова Эльбы, онъ, не зная на что рѣшиться, уѣхалъ къ своему тестю, въ Бамбергъ, гдѣ впалъ въ умопомѣшательство, и 1 іюня 1815 года, встревоженный проходомъ русскихъ войскъ черезъ городъ, бросился съ балкона и убился.

Маршалъ Гувіонъ-Сенъ-Сиръ (1764—1830) въ юношествѣ занимался живописью и давалъ въ Парижѣ уроки рисованія; но революція вызвала его на военное поприще. Въ 1792 году, въ чинѣ капитана національной гвардіи, онъ оставилъ Парижъ, а въ 1794—уже въ званіи дивизіоннаго генерала,—распоряжался приступомъ при осадѣ Манпуи и въ 1796—участвовалъ въ знаменитомъ 40 дневномъ отступленіи Моро вверхъ по Дунаю, черезъ Шварцвальдскіе проходы къ Рейну. Въ 1798 году смѣнилъ въ Римѣ генерала Массену, армія котораго взбунтовалась и прогнала своего главнокомандующаго; въ 1804—былъ посломъ при Мадридскомъ дворѣ; въ 1808—командовалъ 7 армейскимъ корпусомъ въ Испаніи, а при выступленіи въ 1812 году въ походъ въ Россію принялъ 6 корпусъ, состоявшій изъ баварскихъ войскъ; съ успѣхомъ сражался 5 и 6 августа при Полоцкѣ, а послѣ того какъ былъ раненъ маршалъ Удино, принялъ командованіе и 2 корпусомъ. За это дѣло онъ получилъ маршальскій жезлъ. Впослѣдствіи былъ военнымъ министромъ во Франціи, гдѣ ввелъ много улучшеній, особенно въ технику наборовъ и формированіе резервовъ. Отличался обширнымъ образованіемъ и былъ хорошимъ стратегомъ.

Вреде, Карлъ-Филиппъ, князь баварскій, фельдмаршалъ (1767—1839). Въ 1812 году командовалъ баварскими войсками въ корпусѣ Сенъ-Сира, а въ 1813—когда политика Мюнхенскаго двора перемѣнилась, онъ, принявъ начальство надъ баварско-австрійской арміей, двинулся съ нею къ Майну, съ цѣлью преградить путь отступленія французамъ; но при Ганау войска его были разбиты, а самъ тяжело раненъ. Въ 1814 году участвовалъ во многихъ сраженіяхъ вмѣстѣ съ союзными войсками противъ французовъ. На Вѣнскомъ конгрессѣ показалъ себя отличнымъ дипломатомъ; съ 1822 года былъ генералиссимусомъ баварскихъ войскъ. *Н. З.*

„№ 10". Отъ герцога Невшательскаго маршалу Гувіонъ-Сенъ-Сиръ.

Я препроводилъ вамъ, г-нъ маршалъ, предписаніе, чтобы кадры нѣсколькихъ ротъ 4-го или 7-го баталіоновъ II-го легкаго, 26-го легкаго и 37-го линейнаго полковъ отдали въ свои баталіоны всѣхъ имѣющихся въ ихъ распоряженіи свободныхъ людей и чтобы сами они были укомплектованы и готовы къ выступленію во Францію; императоръ желаетъ, чтобы вы теперь же распорядились выступленіемъ кадровъ, назначенныхъ къ отправкѣ во Францію и перечисленныхъ мною въ письмѣ отъ 7-го сего мѣсяца.

Распорядитесь, слѣдовательно, чтобы они собрались въ Глубокомъ для того, чтобы двинуться оттуда одной колонной подъ начальствомъ назначеннаго вами офицера къ Майнцу, слѣдуя по приложенному при семъ маршруту. Извѣстите меня о выступленіи ихъ къ мѣсту назначенія, препроводивъ мнѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и подробную вѣдомость ихъ личнаго состава, и предупредите обо всемъ этомъ военнаго министра. Москва 11 октября / 29 сентября.

Герцогъ Невштательскій.

Du P-ce de Neuchatel au M-al Gouvion St. Cyr.

Je vous ai adressé des ordres, M-r le Maréchal, pour que les cadres de plusieurs compagnies des 4-e ou 6-e bat-ons des 11-e léger, 26-e léger, 2-e et 37-e Rg-ts de ligne versent dans leurs bataillons tous les hommes qu'ils peuvent avoir de disponibles et pour qu'ils soyent complettés et tenus prêts à partir pr la France. L'intention de l'Empereur est que Vous fassiez dès ce moment, mettre en marche ces cadres que je vous ai désignés dans ma lettre du 7 de ce mois pour se rendre en France.

Faites les en conséquence réunir à Ghloubonkoe pour marcher en une seule Colonne sous le Commandement d'un officier que vous désignerez et se rendre à Mayence en suivant l'itinéraire ci-joint. Instruisez moi de leur départ pour cette destination en m'adressant l'Etat détaillé de leur composition et prévenez en le Ministre de la Guerre. Le P-ce de Neuchatel.

Moscou le 11 Octobre.

Вреде, Карлъ-Филиппъ, князь баварскій, фельдмаршалъ (1767—1839). Въ 1812 году командовалъ баварскими войсками въ корпусѣ Сенъ-Сира, а въ 1813—когда политика Мюнхенскаго двора перемѣнилась, онъ, принявъ начальство надъ баварско-австрійской арміей, двинулся съ нею къ Майну, съ цѣлью преградить путь отступленія французамъ; но при Ганау войска его были разбиты, а самъ тяжело раненъ. Въ 1814 году участвовалъ во многихъ сраженіяхъ вмѣстѣ съ союзными войсками противъ французовъ. На Вѣнскомъ конгрессѣ показалъ себя отличнымъ дипломатомъ; съ 1822 года былъ генералиссимусомъ баварскихъ войскъ. *Н. З.*

„№ 10". Отъ герцога Невшательскаго маршалу Гувіонъ-Сенъ-Сиръ.

Я препроводилъ вамъ, г-нъ маршалъ, предписаніе, чтобы кадры нѣсколькихъ ротъ 4-го или 7-го баталіоновъ П-го легкаго, 26-го легкаго и 37-го линейнаго полковъ отдали въ свои баталіоны всѣхъ имѣющихся въ ихъ распоряженіи свободныхъ людей и чтобы сами они были укомплектованы и готовы къ выступленію во Францію; императоръ желаетъ, чтобы вы теперь же распорядились выступленіемъ кадровъ, назначенныхъ къ отправкѣ во Францію и перечисленныхъ мною въ письмѣ отъ 7-го сего мѣсяца.

Распорядитесь, слѣдовательно, чтобы они собрались въ Глубокомъ для того, чтобы двинуться оттуда одной колонной подъ начальствомъ назначеннаго вами офицера къ Майнцу, слѣдуя по приложенному при семъ маршруту. Извѣстите меня о выступленіи ихъ къ мѣсту назначенія, препроводивъ мнѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и подробную вѣдомость ихъ личнаго состава, и предупредите обо всемъ этомъ военнаго министра. Москва $\frac{\text{11 октября.}}{\text{29 сентября.}}$

Герцогъ Невштательскій.

Du P-ce de Neuchatel au M-al Gouvion St. Cyr.

Je vous ai adressé des ordres, M-r le Maréchal, pour que les cadres de plusieurs compagnies des 4-e ou 6-e bat-ons des 11-e léger, 26-e léger, 2-e et 37-e Rg-ts de ligne versent dans leurs bataillons tous les hommes qu'ils peuvent avoir de disponibles et pour qu'ils soyent complettés et tenus prêts à partir pr la France. L'intention de l'Empereur est que Vous fassiez dès ce moment, mettre en marche ces cadres que je vous ai désignés dans ma lettre du 7 de ce mois pour se rendre en France.

Faites les en conséquence réunir à Ghloubonkoe pour marcher en une seule Colonne sous le Commandement d'un officier que vous désignerez et se rendre à Mayence en suivant l'itinéraire ci-joint. Instruisez moi de leur départ pour cette destination en m'adressant l'Etat détaillé de leur composition et prévenez en le Ministre de la Guerre. Le P-ce de Neuchatel.

Moscou le 11 Octobre.

Le commandant de cette colonne la fera marcher bien réunie et en bon ordre, il veillera à ce que personne ne s'écarte et ne reste en arrière et maintiendra une exacte discipline en route. Moscou le H. Octobre 1812.

Le P-ce de Neuchatel.

„№ 11. Отъ князя Невшательскаго маршалу Гувіонъ-Сенъ-Сиру. Москва. 17/5 октября 1812 года.

Препровождаю вамъ при семъ, г-нъ маршалъ, письмо, адресованное мною генералу Вреде. Перешлите ему оное, познакомившись предварительно съ его содержаніемъ:

Г-ну генералу Вреде, начальнику 6-го армейскаго корпуса.

Я представилъ Императору письмо, коимъ вы увѣдомляете меня объ отправленіи Его Величествомъ королемъ Баварскимъ подкрѣпленій въ количествѣ 11 тысячъ человѣкъ, выступающихъ изъ Байрейта тремя колоннами 8-го, 14-го и 23-го сего мѣсяца.

Его Величество отнесся одобрительно къ просьбѣ вашей—о разрѣшеніи направить эти войска черезъ Калишъ, Варшаву, Гродно и Вильну, вмѣсто отправленія черезъ Познань, Торнъ, Кенигсбергъ и Ковно; а посему я далъ соотвѣтствующія предписанія г-ну маршалу герцогу де-Кастильоне, французскому посланнику въ Дрезденѣ, генералу командующему въ Глогау, генералу Дютальи въ Варшавѣ и генералу Гогендорпу въ Вильнѣ; прилагаю при семъ копію съ даннаго имъ маршрута. Я предложилъ генералу Гогендорпу увѣдомить васъ о ихъ движеніи, какъ только онъ получитъ о томъ извѣстіе. Очень важно, чтобы колонны эти были подъ начальствомъ хорошихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, дабы онѣ двигались въ порядкѣ и прибыли къ арміи въ хорошемъ состояніи и полномъ комплектѣ.

Императоръ одобрилъ и устройство вами въ Бальверчискахъ, на лѣвомъ берегу Нѣмана, вещевого склада и госпиталя для тѣхъ изъ больныхъ и раненыхъ баварскаго корпуса, выздоровленіе которыхъ оказалось бы медленнымъ.

Я увѣдомляю о семъ генерала Гогендорпа, литовскаго генералъ-губернатора и маршала герцога де-Беллюнъ; кромѣ того я предписываю имъ настоятельнѣйшимъ образомъ снова дать опредѣленныя приказанія привести въ Полоцкъ всѣ отдѣльные и проч. военные отряды баварскихъ войскъ, кои могутъ оказаться или быть задерживаемыми подъ какимъ-либо предлогомъ въ различныхъ пунктахъ подвѣдомственнаго имъ района.

Герцогъ Невшательскій".

Du P-ce Neuchatel au M-al Gouvion de S-d Cyr. Moscou le 17 Octobre 1812.

Je Vous envoye, M-r le Maréchal, la lettre que j'adresse à M-r le G-al de Wrede remettez la lui après en avoir pris connaissance.

A M-r le G-al Wrede commandant le 6-e Corps d'Armée. J'ai mis sous les yeux de l'Empereur la lettre par laquelle vous m'annoncez que S. M. le Roi

Le commandant de cette colonne la fera marcher bien réunie et en bon ordre, il veillera à ce que personne ne s'écarte et ne reste en arrière et maintiendra une exacte discipline en route. Moscou le H. Octobre 1812.

Le P-ce de Neuchatel.

„№ 11. Отъ князя Невшательскаго маршалу Гувіонъ-Сенъ-Сиру. Москва. 17/5 октября 1812 года.

Препровождаю вамъ при семъ, г-нъ маршалъ, письмо, адресованное мною генералу Вреде. Перешлите ему оное, познакомившись предварительно съ его содержаніемъ:

Г-ну генералу Вреде, начальнику 6-го армейскаго корпуса.

Я представилъ Императору письмо, коимъ вы увѣдомляете меня объ отправленіи Его Величествомъ королемъ Баварскимъ подкрѣпленій въ количествѣ 11 тысячъ человѣкъ, выступающихъ изъ Байрейта тремя колоннами 8-го, 14-го и 23-го сего мѣсяца.

Его Величество отнесся одобрительно къ просьбѣ вашей—о разрѣшеніи направить эти войска черезъ Калишъ, Варшаву, Гродно и Вильну, вмѣсто отправленія черезъ Познань, Торнъ, Кенигсбергъ и Ковно; а посему я далъ соотвѣтствующія предписанія г-ну маршалу герцогу де-Кастильоне, французскому посланнику въ Дрезденѣ, генералу командующему въ Глогау, генералу Дютальи въ Варшавѣ и генералу Гогендорпу въ Вильнѣ; прилагаю при семъ копію съ даннаго имъ маршрута. Я предложилъ генералу Гогендорпу увѣдомить васъ о ихъ движеніи, какъ только онъ получитъ о томъ извѣстіе. Очень важно, чтобы колонны эти были подъ начальствомъ хорошихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, дабы онѣ двигались въ порядкѣ и прибыли къ арміи въ хорошемъ состояніи и полномъ комплектѣ.

Императоръ одобрилъ и устройство вами въ Бальверчискахъ, на лѣвомъ берегу Нѣмана, вещевого склада и госпиталя для тѣхъ изъ больныхъ и раненыхъ баварскаго корпуса, выздоровленіе которыхъ оказалось бы медленнымъ.

Я увѣдомляю о семъ генерала Гогендорпа, литовскаго генералъ-губернатора и маршала герцога де-Беллюнъ; кромѣ того я предписываю имъ настоятельнѣйшимъ образомъ снова дать опредѣленныя приказанія привести въ Полоцкъ всѣ отдѣльные и проч. военные отряды баварскихъ войскъ, кои могутъ оказаться или быть задерживаемыми подъ какимъ-либо предлогомъ въ различныхъ пунктахъ подвѣдомственнаго имъ района.

Герцогъ Невшательскій".

Du P-ce Neuchatel au M-al Gouvion de S-d Cyr. Moscou le 17 Octobre 1812.

Je Vous envoye, M-r le Maréchal, la lettre que j'adresse à M-r le G-al de Wrede remettez la lui après en avoir pris connaissance.

A M-r le G-al Wrede commandant le 6-e Corps d'Armée. J'ai mis sous les yeux de l'Empereur la lettre par laquelle vous m'annoncez que S. M. le Roi

de Bavière envoye un renfort de 11 mille hommes partant de Bayreuth en trois colonnes les 8, 14 et 20 de ce mois.

S. M. a approuvé la demande que vous avez faite de diriger ces troupes par Kalisch, Varsovie, Grodno et Vilna, au lieu de leur faire suivre la route de Posen, Thorn, Koenigsberg et Kowno je donne des ordres en conséquence á M-r le M-l Duc de Catiglione, au Ministre de France à Dresde, au G-l commandant à Glogau, au G-al Dutaillis à Varsovie et au G-al Hogendorp à Vilna, je joins ici une copie de l'Itinéraire qu'elles suivront, j'ai recommandé au G-al Hogendorp de vous instruire de leur marche aussitôt qu'il en aura connaissance. Il est bien important que ces colonnes soyent conduites par de bons officiers et sous-officiers, afin qu'elles marchent en bon ordre et qu'elles arrivent bien entières et en bon état à l'armée.

L'Empereur a approuvé aussi l'établissement que vous formez à Balwierzisky sur la rive gauche du Niemen, d'un dépôt d'habillement et d'un hopital pour les malades et blessés du corps Bavarois susceptibles d'une convalescence de longue durée. J'en previens le G-al Hogendorp Gouv-r G-al de la Lithouanie et M-r le M-al Duc de-Bellune; je leur prescris en même tems, de la manière la plus expresse, de donner de nouveau des ordres très précis pour faire rejoindre à Polotsk tous les détachements militaires isolés etc, de troupes Bavaroises, qui peuvent se trouver ou avoir été retenus sous quelque prétexte que ce soit sur les différens points de leur commandement. Le P-ce de Neuchatel.

II.

Документы, относящіеся къ дѣлу подъ Малоярославцемъ 12—14 октября 1812 года.

Бюллетень великой арміи, составленный въ Вереѣ 27/15 октября 1812 года, трактуетъ о сраженіи подъ Малоярославцемъ. Весьма любопытно видѣть оцѣнку этого дѣла со стороны самихъ французовъ, которые несомнѣнно рисуютъ обстоятельства дѣла въ весьма розовомъ цвѣтѣ. Дѣйствительно, здѣсь происходило жестокое кровопролитное сраженіе, и всѣ историки отдаютъ должную дань напрягшему послѣднія усилія мужеству французовъ. Съ обѣихъ сторонъ было выставлено значительное количество войскъ. Городъ 8 разъ переходилъ изъ рукъ въ руки и въ концѣ концовъ былъ уступленъ французамъ. Прилагаемый документъ особенно подчеркиваетъ отличное дѣйствіе вице-короля и 4 армейскаго корпуса. Но съ неменьшимъ мужествомъ боролась итальянская дивизія Пино, первый разъ во всю кампанію пущенная въ дѣло; была пущена въ дѣло и королевская гвардія, которую русскіе офицеры называли „парижскими франтами" (Muscadins de Paris).

Характерно упоминаніе о томъ, что на полѣ битвы изъ 1.400 человѣкъ русскихъ найдено было 1.100 рекрутъ, одѣтыхъ въ сѣрыя куртки, служившихъ не болѣе 2 мѣсяцевъ, откуда сдѣлано весьма

de Bavière envoye un renfort de 11 mille hommes partant de Bayreuth en trois colonnes les 8, 14 et 20 de ce mois.

S. M. a approuvé la demande que vous avez faite de diriger ces troupes par Kalisch, Varsovie, Grodno et Vilna, au lieu de leur faire suivre la route de Posen, Thorn, Koenigsberg et Kowno je donne des ordres en conséquence á M-r le M-l Duc de Catiglione, au Ministre de France à Dresde, au G-l commandant à Glogau, au G-al Dutaillis à Varsovie et au G-al Hogendorp à Vilna, je joins ici une copie de l'Itinéraire qu'elles suivront, j'ai recommandé au G-al Hogendorp de vous instruire de leur marche aussitôt qu'il en aura connaissance. Il est bien important que ces colonnes soyent conduites par de bons officiers et sous-officiers, afin qu'elles marchent en bon ordre et qu'elles arrivent bien entières et en bon état à l'armée.

L'Empereur a approuvé aussi l'établissement que vous formez à Balwierzisky sur la rive gauche du Niemen, d'un dépôt d'habillement et d'un hopital pour les malades et blessés du corps Bavarois susceptibles d'une convalescence de longue durée. J'en previens le G-al Hogendorp Gouv-r G-al de la Lithouanie et M-r le M-al Duc de-Bellune; je leur prescris en même tems, de la manière la plus expresse, de donner de nouveau des ordres très précis pour faire rejoindre à Polotsk tous les détachements militaires isolés etc, de troupes Bavaroises, qui peuvent se trouver ou avoir été retenus sous quelque prétexte que ce soit sur les différens points de leur commandement. Le P-ce de Neuchatel.

II.

Документы, относящіеся къ дѣлу подъ Малоярославцемъ 12—14 октября 1812 года.

Бюллетень великой арміи, составленный въ Вереѣ 27/15 октября 1812 года, трактуетъ о сраженіи подъ Малоярославцемъ. Весьма любопытно видѣть оцѣнку этого дѣла со стороны самихъ французовъ, которые несомнѣнно рисуютъ обстоятельства дѣла въ весьма розовомъ цвѣтѣ. Дѣйствительно, здѣсь происходило жестокое кровопролитное сраженіе, и всѣ историки отдаютъ должную дань напрягшему послѣднія усилія мужеству французовъ. Съ обѣихъ сторонъ было выставлено значительное количество войскъ. Городъ 8 разъ переходилъ изъ рукъ въ руки и въ концѣ концовъ былъ уступленъ французамъ. Прилагаемый документъ особенно подчеркиваетъ отличное дѣйствіе вице-короля и 4 армейскаго корпуса. Но съ неменьшимъ мужествомъ боролась итальянская дивизія Пино, первый разъ во всю кампанію пущенная въ дѣло; была пущена въ дѣло и королевская гвардія, которую русскіе офицеры называли „парижскими франтами“ (Muscadins de Paris).

Характерно упоминаніе о томъ, что на полѣ битвы изъ 1.400 человѣкъ русскихъ найдено было 1.100 рекрутъ, одѣтыхъ въ сѣрыя куртки, служившихъ не болѣе 2 мѣсяцевъ, откуда сдѣлано весьма

любопытное и довольно правильное заключеніе, что въ русской пѣхотѣ только первый рядъ состоитъ изъ солдатъ, а второй и третій— уже изъ рекрутъ и ополченцевъ.

Главные герои сраженія подъ Малоярославцемъ, упоминаемые въ бюллетенѣ, были слѣдующіе:

Богарне, Евгеній (извѣстный подъ именемъ „вице-короля"), до 1814 года вице-король итальянскій, потомъ герцогъ Лейхтенбергскій и принцъ Эйхштадтскій (1781—1824). Сынъ императрицы Жозефины отъ перваго брака съ виконтомъ Александромъ Богарне; пасынокъ Наполеона, котораго сопровождалъ съ 1796 года въ итальянскомъ походѣ и въ походѣ въ Египетъ. Когда Наполеонъ провозглашенъ былъ императоромъ, сдѣланъ государственнымъ канцлеромъ и принцемъ Французской имперіи, а съ образованіемъ Итальянскаго королевства назначенъ вице-королемъ. Въ 1812 году командовалъ 4 корпусомъ „большой арміи": сражался при Островнѣ, Смоленскѣ, Бородинѣ, Малоярославцѣ, Вязьмѣ и Красномъ. По отъѣздѣ Наполеона принялъ начальство надъ остатками арміи, которую и отвелъ въ Магдебургъ. Послѣ Люцена оборонялъ Италію отъ австрійцевъ, гдѣ своимъ мужествомъ заслужилъ общее удивленіе, и только измѣна Мюрата помѣшала ему одержать рѣшительный перевѣсъ надъ противникомъ. Послѣ реставраціи получилъ отъ своего тестя, баварскаго короля, герцогства Лейхтенбергское и Эйхштадтское и съ тѣхъ поръ уже не принималъ никакого участія въ политическихъ дѣлахъ.

Даву (Davoust), Людовикъ-Николай, маршалъ Франціи, кн. Экмюльскій (1770—1823); изъ всѣхъ маршаловъ Наполеона отличался особой суровостью, доходившей до жестокости; учился вмѣстѣ съ Наполеономъ въ Бріенской школѣ. Служилъ въ сѣверной арміи Дюмурье́, въ чинѣ бригаднаго командира; участвовалъ въ походахъ 1793—95 гг., въ чинѣ бригаднаго генерала, въ мозельской и рейнской арміяхъ; въ египетской экспедиціи Бонапарте много содѣйствовалъ абукирской побѣдѣ. Въ званіи маршала Франціи, принималъ участіе въ походѣ 1805 года, въ ульмской операціи, въ сраженіи при Аустерлицѣ; 1806 г., съ корпусомъ въ 26 т., одержалъ полную побѣду надъ арміей (50—60 т.) герцога Брауншвейгскаго при Ауэрштедтѣ, за которую награжденъ титуломъ герцога Ауэрштедтскаго, а 1809 г., за экмюльскую побѣду—князя Экмюльскаго, и болѣе всѣхъ содѣйствовалъ ваграмской побѣдѣ. 1812 г. отбилъ при Салтановкѣ нападеніе корпуса Раевскаго, но не успѣлъ помѣшать соединенію арміи Багратіона съ арміей Барклая-де-Толли подъ Смоленскомъ и былъ раненъ въ бородинскомъ сраженіи. Въ войну 1813 года командовалъ французскими войсками на нижней Эльбѣ. Послѣ Лейпцигской битвы заперся въ Гамбургѣ, гдѣ блистательно выдержалъ осаду и сдалъ Гамбургъ лишь послѣ низложенія Наполеона. Во время реставраціи находился не у дѣлъ. По возвращеніи Наполеона съ острова Эльбы былъ военнымъ министромъ, командовалъ войсками подъ Парижемъ, который сдалъ союзникамъ послѣ Ватерлоо (3 іюля 1815 г.). 1818 г. получилъ доступъ ко двору Людовика XVIII, а 1819 возведенъ въ достоинство пэра Франціи.

Графъ Пино, Доминикъ (1760—1826), австрійскій фельдмаршалъ-лейтенантъ. Съ 1797 года командовалъ полкомъ французскихъ гренадеровъ.

любопытное и довольно правильное заключеніе, что въ русской пѣхотѣ только первый рядъ состоитъ изъ солдатъ, а второй и третій—уже изъ рекрутъ и ополченцевъ.

Главные герои сраженія подъ Малоярославцемъ, упоминаемые въ бюллетенѣ, были слѣдующіе:

Богарне, Евгеній (извѣстный подъ именемъ „вице-короля"), до 1814 года вице-король итальянскій, потомъ герцогъ Лейхтенбергскій и принцъ Эйхштадтскій (1781—1824). Сынъ императрицы Жозефины отъ перваго брака съ виконтомъ Александромъ Богарне; пасынокъ Наполеона, котораго сопровождалъ съ 1796 года въ итальянскомъ походѣ и въ походѣ въ Египетъ. Когда Наполеонъ провозглашенъ былъ императоромъ, сдѣланъ государственнымъ канцлеромъ и принцемъ Французской имперіи, а съ образованіемъ Итальянскаго королевства назначенъ вице-королемъ. Въ 1812 году командовалъ 4 корпусомъ „большой арміи": сражался при Островнѣ, Смоленскѣ, Бородинѣ, Малоярославцѣ, Вязьмѣ и Красномъ. По отъѣздѣ Наполеона принялъ начальство надъ остатками арміи, которую и отвелъ въ Магдебургъ. Послѣ Люцена оборонялъ Италію отъ австрійцевъ, гдѣ своимъ мужествомъ заслужилъ общее удивленіе, и только измѣна Мюрата помѣшала ему одержать рѣшительный перевѣсъ надъ противникомъ. Послѣ реставраціи получилъ отъ своего тестя, баварскаго короля, герцогства Лейхтенбергское и Эйхштадтское и съ тѣхъ поръ уже не принималъ никакого участія въ политическихъ дѣлахъ.

Даву (Davoust), Людовикъ-Николай, маршалъ Франціи, кн. Экмюльскій (1770—1823); изъ всѣхъ маршаловъ Наполеона отличался особой суровостью, доходившей до жестокости; учился вмѣстѣ съ Наполеономъ въ Бріенской школѣ. Служилъ въ сѣверной арміи Дюмурье́, въ чинѣ бригаднаго командира; участвовалъ въ походахъ 1793—95 гг., въ чинѣ бригаднаго генерала, въ мозельской и рейнской арміяхъ; въ египетской экспедиціи Бонапарте много содѣйствовалъ абукирской побѣдѣ. Въ званіи маршала Франціи, принималъ участіе въ походѣ 1805 года, въ ульмской операціи, въ сраженіи при Аустерлицѣ; 1806 г., съ корпусомъ въ 26 т., одержалъ полную побѣду надъ арміей (50—60 т.) герцога Брауншвейгскаго при Ауэрштедтѣ, за которую награжденъ титуломъ герцога Ауэрштедтскаго, а 1809 г., за экмюльскую побѣду—князя Экмюльскаго, и болѣе всѣхъ содѣйствовалъ ваграмской побѣдѣ. 1812 г. отбилъ при Салтановкѣ нападеніе корпуса Раевскаго, но не успѣлъ помѣшать соединенію арміи Багратіона съ арміей Барклая-де-Толли подъ Смоленскомъ и былъ раненъ въ бородинскомъ сраженіи. Въ войну 1813 года командовалъ французскими войсками на нижней Эльбѣ. Послѣ Лейпцигской битвы заперся въ Гамбургѣ, гдѣ блистательно выдержалъ осаду и сдалъ Гамбургъ лишь послѣ низложенія Наполеона. Во время реставраціи находился не у дѣлъ. По возвращеніи Наполеона съ острова Эльбы былъ военнымъ министромъ, командовалъ войсками подъ Парижемъ, который сдалъ союзникамъ послѣ Ватерлоо (3 іюля 1815 г.). 1818 г. получилъ доступъ ко двору Людовика XVIII, а 1819 возведенъ въ достоинство пэра Франціи.

Графъ Пино, Доминикъ (1760—1826), австрійскій фельдмаршалъ-лейтенантъ. Съ 1797 года командовалъ полкомъ французскихъ гренадеровъ.

Былъ уличенъ въ участіи въ заговорѣ для освобожденія Италіи отъ австрійцевъ и отъ власти директоріи, вслѣдствіе чего былъ долженъ бѣжать, но потомъ снова поступилъ рядовымъ подъ начальство генерала Монье. Въ 1801—02 гг. служилъ въ Тосканѣ, подъ начальствомъ Міоллиса. Въ 1804 году назначенъ итальянскимъ военнымъ министромъ, а черезъ годъ командиромъ итальянской дивизіи, съ которой участвовалъ во всѣхъ Наполеоновскихъ войнахъ. Съ особымъ мужествомъ сражался подъ Малоярославцемъ; въ 1813 году отличился подъ начальствомъ вице-короля Евгенія при Адельсбергѣ, Фіумѣ и у Болоньи. Когда въ 1814 года Миланскій сенатъ хотѣлъ просить союзныхъ монарховъ сдѣлать Евгенія ихъ королемъ, Пино, въ то время начальникъ Миланскаго гарнизона, протестовалъ противъ этого намѣренія. Послѣ того участвовалъ въ возстаніи 20 апрѣля, былъ членомъ временнаго правительства и главнокомандующимъ арміею, а по водвореніи австрійцевъ, уволенъ въ отставку съ чиномъ фельдмаршалъ-лейтенанта.

Раппъ (Жанъ, графъ Rарр), дивизіонный генералъ и 1-й адъютантъ Наполеона (1772—1821). Участвовалъ почти во всѣхъ революціонныхъ и Наполеоновскихъ войнахъ. Съ 1807 по 1809 годъ былъ губернаторомъ Данцига. Въ сраженіи при Асцернѣ (1809) отличился какъ руководитель атаки въ штыки. На парадѣ въ Шенбургѣ (23 октября) арестовалъ извѣстнаго Штабса, намѣревавшагося убить Наполеона. Во время бородинской битвы, когда былъ раненъ генералъ Компанъ, принялъ его дивизію и самъ получилъ четыре раны. При Малоярославцѣ сражался во главѣ коннаго конвоя, отразившаго внезапную атаку казаковъ. Въ 1813 году храбро защищалъ Данцигъ. При вторичномъ появленіи во Франціи Наполеона (1815) ему было поручено начальство надъ 1-ю арміею, предназначенной для дѣйствія противъ Наполеона; сдавъ ему свою армію, командовалъ рейнскою арміею, но былъ оттѣсненъ австрійцами къ Страсбургу и, заключивъ здѣсь перемиріе, склонился на сторону Людовика XVIII. Въ войскахъ это возбудило неудовольствіе, обратившееся въ открытый мятежъ: солдаты арестовали Раппа, отрѣшили офицеровъ, принудили гражданъ выплатить имъ деньги и разошлись по домамъ. Раппъ удалился въ свою деревню, въ Швейцарію, но въ 1817 году снова прибылъ въ Парижъ, былъ благосклонно принятъ королемъ, вступилъ опять на службу и пожалованъ перомъ и оберъ-гофмаршаломъ Франціи. *Н. З.*

№ 1. „29-й бюллетень великой арміи. Верея, 27—15 октября 1812 года.

$\frac{22\text{-го}}{10}$ числа князь Понятовскій [1]), двинулся къ Вереѣ. 23-го

---

[1]) Кн. Іосифъ-Антонъ Понятовскій (1762—1813) въ 1894 году сражался противъ русскихъ подъ начальствомъ Косцюшки. Въ первый періодъ Наполеоновскихъ войнъ занялся организаціей вооруженныхъ силъ Польши, число которыхъ довелъ до 10 тысячъ. Изъ нихъ около одной трети въ 1812 году вошли въ составъ 6 корпуса и подъ его начальствомъ приняли участіе въ сраженіяхъ при Смоленскѣ, Бородинѣ и Вязьмѣ. Въ 1813 году за Лейпцигское дѣло получилъ отъ Наполеона маршальскій жезлъ. 7 ноября

Былъ уличенъ въ участіи въ заговорѣ для освобожденія Италіи отъ австрійцевъ и отъ власти директоріи, вслѣдствіе чего былъ долженъ бѣжать, но потомъ снова поступилъ рядовымъ подъ начальство генерала Монье. Въ 1801—02 гг. служилъ въ Тосканѣ, подъ начальствомъ Міоллиса. Въ 1804 году назначенъ итальянскимъ военнымъ министромъ, а черезъ годъ командиромъ итальянской дивизіи, съ которой участвовалъ во всѣхъ Наполеоновскихъ войнахъ. Съ особымъ мужествомъ сражался подъ Малоярославцемъ; въ 1813 году отличился подъ начальствомъ вице-короля Евгенія при Адельсбергѣ, Фіумѣ и у Болоньи. Когда въ 1814 года Миланскій сенатъ хотѣлъ просить союзныхъ монарховъ сдѣлать Евгенія ихъ королемъ, Пино, въ то время начальникъ Миланскаго гарнизона, протестовалъ противъ этого намѣренія. Послѣ того участвовалъ въ возстаніи 20 апрѣля, былъ членомъ временнаго правительства и главнокомандующимъ арміею, а по водвореніи австрійцевъ, уволенъ въ отставку съ чиномъ фельдмаршалъ-лейтенанта.

Раппъ (Жанъ, графъ Rapp), дивизіонный генералъ и 1-й адъютантъ Наполеона (1772—1821). Участвовалъ почти во всѣхъ революціонныхъ и Наполеоновскихъ войнахъ. Съ 1807 по 1809 годъ былъ губернаторомъ Данцига. Въ сраженіи при Асспернѣ (1809) отличился какъ руководитель атаки въ штыки. На парадѣ въ Шенбургѣ (23 октября) арестовалъ извѣстнаго Штабса, намѣревавшагося убить Наполеона. Во время бородинской битвы, когда былъ раненъ генералъ Компанъ, принялъ его дивизію и самъ получилъ четыре раны. При Малоярославцѣ сражался во главѣ коннаго конвоя, отразившаго внезапную атаку казаковъ. Въ 1813 году храбро защищалъ Данцигъ. При вторичномъ появленіи во Франціи Наполеона (1815) ему было поручено начальство надъ 1-ю арміею, предназначенной для дѣйствія противъ Наполеона; сдавъ ему свою армію, командовалъ рейнскою арміею, но былъ оттѣсненъ австрійцами къ Страсбургу и, заключивъ здѣсь перемиріе, склонился на сторону Людовика XVIII. Въ войскахъ это возбудило неудовольствіе, обратившееся въ открытый мятежъ: солдаты арестовали Раппа, отрѣшили офицеровъ, принудили гражданъ выплатить имъ деньги и разошлись по домамъ. Раппъ удалился въ свою деревню, въ Швейцарію, но въ 1817 году снова прибылъ въ Парижъ, былъ благосклонно принятъ королемъ, вступилъ опять на службу и пожалованъ перомъ и оберъ-гофмаршаломъ Франціи. *Н. З.*

№ 1. „29-й бюллетень великой арміи. Верея, 27—15 октября 1812 года.

$\frac{22\text{-го}}{10}$ числа князь Понятовскій [1]), двинулся къ Вереѣ. 23-го

---

[1]) Кн. Іосифъ-Антонъ Понятовскій (1762—1813) въ 1894 году сражался противъ русскихъ подъ начальствомъ Косцюшки. Въ первый періодъ Наполеоновскихъ войнъ занялся организаціей вооруженныхъ силъ Польши, число которыхъ довелъ до 10 тысячъ. Изъ нихъ около одной трети въ 1812 году вошли въ составъ 6 корпуса и подъ его начальствомъ приняли участіе въ сраженіяхъ при Смоленскѣ, Бородинѣ и Вязьмѣ. Въ 1813 году за Лейпцигское дѣло получилъ отъ Наполеона маршальскій жезлъ. 7 ноября

армія собиралась уже послѣдовать за нимъ, какъ вдругъ послѣ полудня получено было извѣстіе о томъ, что непріятель оставилъ свой укрѣпленный лагерь и направился къ городку Малоярославцу. Сочтено было необходимымъ двинуться на него, чтобы вытѣснить его оттуда.

Вице-король получилъ приказаніе отправиться туда. Дивизія Дельзони прибыла $\frac{23\text{-го}}{11}$, въ 6 часовъ вечера, на лѣвый берегъ, овладѣла мостомъ и приняла мѣры къ возстановленію онаго. Въ ночь съ 23/11-го на 24/12-е двѣ русскихъ дивизіи вступили въ городъ и заняли очень удобныя высоты на правомъ берегу.

24/12-го на разсвѣтѣ завязался бой. Къ этому времени явилась вся непріятельская армія и заняла позицію за городомъ. Дивизіи Дельзони, Брусье (Broussier), Пино и итальянская гвардія вступали въ бой поочередно. Сраженіе это дѣлаетъ величайшую честь вице-королю и 4-му армейскому корпусу. Непріятель двинулъ въ бой двѣ трети своей арміи для того, чтобы удержать позицію. Но вотще. Какъ городъ, такъ и высоты были взяты. Отступленіе непріятеля было столь поспѣшнымъ, что онъ былъ вынужденъ побросать въ рѣку двадцать штукъ орудій. Подъ вечеръ маршалъ принцъ Экмюльскій выступилъ со своимъ корпусомъ, и вся армія расположилась въ боевомъ порядкѣ, вмѣстѣ со своей артиллеріей, 25-го числа, на той самой позиціи, которую непріятель занималъ наканунѣ.

Императоръ перенесъ свою главную квартиру 24/12-го числа въ 7 часовъ вечера въ деревню Городню. 6.000 казаковъ, пробравшихся въ лѣсъ, атаковали съ крикомъ ура тылъ позиціи и овладѣли 6 орудіями, стоявшими паркомъ. Герцогъ Истрійскій [1]) помчался туда галопомъ со всею конною гвардіею. Вся эта орда была изрублена, отброшена и опрокинута въ рѣку. Отъ нея отняли захваченную ею артиллерію и нѣсколько штукъ собственныхъ ея по-

---

Наполеонъ поручилъ Понятовскому оборону южнаго предмѣстья Лейпцига для прикрытія отступленія арміи. Удерживая свою позицію до послѣдней крайности, онъ сталъ отступать только тогда, когда союзныя войска ворвались въ городъ; въ эту минуту послѣдовалъ преждевременный взрывъ моста черезъ Эльстеръ. Тяжело раненый Понятовскій бросился въ рѣку, чтобы переплыть ее, но это дѣло, однако, ему не удалось, и онъ утонулъ въ волнахъ крутобережнаго Эльстера.

[1]) Бесьеръ, Жанъ-Батистъ, герцогъ Истрійскій (1768—1813); во время похода въ Россію командовалъ гвардіею и сильнымъ кавалерійскимъ корпусомъ; при отступленіи обнаружилъ замѣчательное хладнокровіе и осмотрительность; при началѣ кампаніи 1813 г. былъ главнокомандующимъ всей французской арміи; убитъ 1 мая 1813 года во время сраженія подъ Риппахомъ въ то время, какъ онъ направлялъ своихъ стрѣлковъ противъ русскихъ войскъ Винценгероде. *Н. З.*

армія собиралась уже послѣдовать за нимъ, какъ вдругъ послѣ полудня получено было извѣстіе о томъ, что непріятель оставилъ свой укрѣпленный лагерь и направился къ городку Малоярославцу. Сочтено было необходимымъ двинуться на него, чтобы вытѣснить его оттуда.

Вице-король получилъ приказаніе отправиться туда. Дивизія Дельзони прибыла $\frac{23\text{-го}}{11}$, въ 6 часовъ вечера, на лѣвый берегъ, овладѣла мостомъ и приняла мѣры къ возстановленію онаго. Въ ночь съ 23/11-го на 24/12-е двѣ русскихъ дивизіи вступили въ городъ и заняли очень удобныя высоты на правомъ берегу.

24/12-го на разсвѣтѣ завязался бой. Къ этому времени явилась вся непріятельская армія и заняла позицію за городомъ. Дивизіи Дельзони, Брусье (Broussier), Пино и итальянская гвардія вступали въ бой поочередно. Сраженіе это дѣлаетъ величайшую честь вице-королю и 4-му армейскому корпусу. Непріятель двинулъ въ бой двѣ трети своей арміи для того, чтобы удержать позицію. Но вотще. Какъ городъ, такъ и высоты были взяты. Отступленіе непріятеля было столь поспѣшнымъ, что онъ былъ вынужденъ побросать въ рѣку двадцать штукъ орудій. Подъ вечеръ маршалъ принцъ Экмюльскій выступилъ со своимъ корпусомъ, и вся армія расположилась въ боевомъ порядкѣ, вмѣстѣ со своей артиллеріей, 25-го числа, на той самой позиціи, которую непріятель занималъ наканунѣ.

Императоръ перенесъ свою главную квартиру 24/12-го числа въ 7 часовъ вечера въ деревню Городню. 6.000 казаковъ, пробравшихся въ лѣсъ, атаковали съ крикомъ ура тылъ позиціи и овладѣли 6 орудіями, стоявшими паркомъ. Герцогъ Истрійскій [1]) помчался туда галопомъ со всею конною гвардіею. Вся эта орда была изрублена, отброшена и опрокинута въ рѣку. Отъ нея отняли захваченную ею артиллерію и нѣсколько штукъ собственныхъ ея по-

---

Наполеонъ поручилъ Понятовскому оборону южнаго предмѣстья Лейпцига для прикрытія отступленія арміи. Удерживая свою позицію до послѣдней крайности, онъ сталъ отступать только тогда, когда союзныя войска ворвались въ городъ; въ эту минуту послѣдовалъ преждевременный взрывъ моста черезъ Эльстеръ. Тяжело раненый Понятовскій бросился въ рѣку, чтобы переплыть ее, но это дѣло, однако, ему не удалось, и онъ утонулъ въ волнахъ крутобережнаго Эльстера.

[1]) Бесьеръ, Жанъ-Батистъ, герцогъ Истрійскій (1768—1813); во время похода въ Россію командовалъ гвардіею и сильнымъ кавалерійскимъ корпусомъ; при отступленіи обнаружилъ замѣчательное хладнокровіе и осмотрительность; при началѣ кампаніи 1813 г. былъ главнокомандующимъ всей французской арміи; убитъ 1 мая 1813 года во время сраженія подъ Риппахомъ въ то время, какъ онъ направлялъ своихъ стрѣлковъ противъ русскихъ войскъ Винценгероде. *Н. З.*

возокъ. 600 человѣкъ этихъ казаковъ были убиты, ранены, а трое взяты въ плѣнъ. 30 человѣкъ гвардейцевъ были ранены, а трое убиты. У дивизіоннаго генерала графа Раппа была убита бывшая подъ нимъ лошадь. Мужество, доказанное столь много разъ этимъ генераломъ, проявляется при всякомъ удобномъ случаѣ. Въ началѣ атаки казацкіе офицеры, узнавшіе гвардію, называли ее „парижскими франтами“ (Muscadins de Paris). Драгунскій маіоръ Лёторъ отличился. Къ 8 часамъ порядокъ былъ возстановленъ.

Императоръ отправился въ Малоярославецъ, произвелъ рекогносцировку позиціи непріятеля и назначилъ атаку на слѣдующій день; однако, ночью непріятель отступилъ. Маршалъ принцъ Экмюльскій преслѣдовалъ его на протяженіи 6 миль. Императоръ не препятствовалъ ему и приказалъ двинуться на Верею.

26/14-го главная квартира находилась въ Боровскѣ, а 27/15-го въ Вереѣ. Принцъ Экмюльскій находится сегодня вечеромъ въ Боровскѣ. Маршалъ герцогъ Эльхингенъ [1]) въ Можайскѣ. Погода превосходная, дороги въ наилучшемъ состояніи; теперь конецъ осени. Такая погода продержится еще въ теченіе недѣли, а къ этому времени мы будемъ уже на своихъ новыхъ позиціяхъ. Въ бою подъ Малоярославцемъ отличалась итальянская гвардія. Она овладѣла позиціею и удержалась на ней. Генералъ баронъ Дельзони, заслуженный офицеръ, былъ убитъ тремя пулями. Наши потери составляютъ 1.500 человѣкъ убитыми или ранеными. Непріятель же потерялъ отъ 6 до 7 тысячъ человѣкъ. На полѣ битвы оказались 1.400 человѣкъ русскихъ, въ числѣ коихъ было 1.100 человѣкъ рекрутовъ, одѣтыхъ въ сѣрыя куртки и проч., служившихъ врядъ ли болѣе двухъ мѣсяцевъ. Старинная русская пѣхота уничтожена. Русская армія держится только сильными подкрѣпленіями изъ казачьихъ войскъ, только-что прибывшихъ съ Дона. Свѣдущіе люди увѣряютъ, что въ русской пѣхотѣ только первый рядъ состоитъ изъ солдатъ, второй же и третій ряды—изъ рекрутовъ и ополченцевъ, записанныхъ въ полки вопреки данному имъ обѣщанію. Русскіе потеряли убитыми трехъ генераловъ. Генералъ графъ Пино легко раненъ“.

27-me Bulletin de la Grande Armée.

Vereia, le 27 octobre. 1812.

Le 22, le Prince Poniatovsky se porta sur Vereia. Le 23, l'armée allait suivre ce mouvement lorsque dans l'après midi, on apprit que l'ennemi avait quitté son camps retranché et se portait sur la petite ville de Maloiaroslavetz On jugea nécessaire de marcher à lui pour l'en chasser.

Le Vice-Roi reçut l'ordre de s'y porter. La devision Delzoni arriva le 23,

---

[1]) Ней, Мишель, герцогъ Эльхингенскій, князь Московскій (1769—1815), въ 1812 году командовалъ 3-мъ корпусомъ. *Н. З.*

возокъ. 600 человѣкъ этихъ казаковъ были убиты, ранены, а трое взяты въ плѣнъ. 30 человѣкъ гвардейцевъ были ранены, а трое убиты. У дивизіоннаго генерала графа Раппа была убита бывшая подъ нимъ лошадь. Мужество, доказанное столь много разъ этимъ генераломъ, проявляется при всякомъ удобномъ случаѣ. Въ началѣ атаки казацкіе офицеры, узнавшіе гвардію, называли ее „парижскими франтами“ (Muscadins de Paris). Драгунскій маіоръ Лёторъ отличился. Къ 8 часамъ порядокъ былъ возстановленъ.

Императоръ отправился въ Малоярославецъ, произвелъ рекогносцировку позиціи непріятеля и назначилъ атаку на слѣдующій день; однако, ночью непріятель отступилъ. Маршалъ принцъ Экмюльскій преслѣдовалъ его на протяженіи 6 миль. Императоръ не препятствовалъ ему и приказалъ двинуться на Верею.

26/14-го главная квартира находилась въ Боровскѣ, а 27/15-го въ Вереѣ. Принцъ Экмюльскій находится сегодня вечеромъ въ Боровскѣ. Маршалъ герцогъ Эльхингенъ [1]) въ Можайскѣ. Погода превосходная, дороги въ наилучшемъ состояніи; теперь конецъ осени. Такая погода продержится еще въ теченіе недѣли, а къ этому времени мы будемъ уже на своихъ новыхъ позиціяхъ. Въ бою подъ Малоярославцемъ отличалась итальянская гвардія. Она овладѣла позиціею и удержалась на ней. Генералъ баронъ Дельзони, заслуженный офицеръ, былъ убитъ тремя пулями. Наши потери составляютъ 1.500 человѣкъ убитыми или ранеными. Непріятель же потерялъ отъ 6 до 7 тысячъ человѣкъ. На полѣ битвы оказались 1.400 человѣкъ русскихъ, въ числѣ коихъ было 1.100 человѣкъ рекрутовъ, одѣтыхъ въ сѣрыя куртки и проч., служившихъ врядъ ли болѣе двухъ мѣсяцевъ. Старинная русская пѣхота уничтожена. Русская армія держится только сильными подкрѣпленіями изъ казачьихъ войскъ, только-что прибывшихъ съ Дона. Свѣдущіе люди увѣряютъ, что въ русской пѣхотѣ только первый рядъ состоитъ изъ солдатъ, второй же и третій ряды—изъ рекрутовъ и ополченцевъ, записанныхъ въ полки вопреки данному имъ обѣщанію. Русскіе потеряли убитыми трехъ генераловъ. Генералъ графъ Пино легко раненъ“.

27-me Bulletin de la Grande Armée.

Vereia, le 27 octobre. 1812.

Le 22, le Prince Poniatovsky se porta sur Vereia. Le 23, l'armée allait suivre ce mouvement lorsque dans l'après midi, on apprit que l'ennemi avait quitté son camps retranché et se portait sur la petite ville de Maloiaroslavetz On jugea nécessaire de marcher à lui pour l'en chasser.

Le Vice-Roi reçut l'ordre de s'y porter. La devision Delzoni arriva le 23,

---

[1]) Ней, Мишель, герцогъ Эльхингенскій, князь Московскій (1769—1815), въ 1812 году командовалъ 3-мъ корпусомъ. *Н. З.*

à 6 heures du soir sur la rive gauche; s'empara du pont et le fis rétablir. Dans la nuit de 23 au 24, deux divisions russes arrivèrent dans la ville et s'emparèrent des hauteurs sur la rive droite, qui sont extrêmement favorables.

Le 24, à la pointe des jour, le combat s'engagea. Pendant ce tems l'armée ennemie parut toute entière, et vint prendre position derrière la ville. Les divisions Delzoni, Broussier et Pino et la garde italienne furent successivement engagiés. Ce combat fait le plus grand honneur au Vice-Roi et au 4-me corps d'armée. L'ennemi engagea les $^{2}/_{3}$ de son armée pour soutenir la position. Ce fut en vain. La ville fut enlevée ainsi que les hauteurs. La retraite de l'ennemi fut si précipitée qu'il fut obligé de jeter vingt pièces de Canon dans la rivière.

Vers le soir le M-al Prince d'Eckmühl déboucha avec son corps et toute l'armée se trouva en bataille avec son artillerie le 25 sur la position que l'ennemi occupait la veille.

L'Empereur porta son quartier g-al le 24 au village de Ghorodnia. A 7 heures du matin, 6000 cosaques qui s'etaient glissés dans les bois firent un houra général sur les derriéres de la position, et enlevèrent six pièces de Canon qui étaient parquèes. Le Duc d'Istrie se porta au galop avec toute la garde à cheval. Cette horde fut sabrée, ramenée et jetée dans la rivière. On lui reprit l'artillerie qu'elle avait prise, et plusieurs voitures qui lui appartenaient. Six cents de ces cosaques furent tués, blessés ou pris. Trente hommes de la garde ont été blessés et trois tués. Le G-al de division C-te Rapp a eu un cheval tué sous lui. L'intrépidité dont ce général a donnétant de preuves se montre dans toutes les occasions. Au commencement de la charge, les officiers de cosaques appelaient la garde qu'ils reconnaissaient: *Muscadins de Paris*. Le major des dragons Letort s'est fait remarquer. A huit heures l'ordre était rétabli.

L'Empereur se porta à Maloiaroslavetz, reconnut la position de l'ennemi et ordonna l'attaque pour le lendemain; mais dans la nuit l'ennemi a battu en retraite. Le Prince d'Eckmühl l'a poursuivi pendant six lieues. L'Empereur le laissa aller et ordonna le mouvement sur Vereia.

Le 26, le quartier g-al était à Borowsk et le 27 à Vereia. Le Prince d'Eckmühl est ce soir à Borowsk; le m-al Duc d'Elchingen à Mojaïsk. Le tems est superbe; les chemins sont beaux. C'est le reste de l'automne. Ce tems durera encore huit jours et à cette époque nous serons rendus dans nos nouvelles positions.

Dans le combat de Maloiaroslavetz, la garde italienne s'est distinguée. Elle a pris la position et s'y est maintenue. Le général Baron Delzoni officier distingué, a été tué de trois balles. Notre perte est de 1500 hommes tués ou blessés. Celle de l'ennemi est de 6 à 7 mille. On a trouvé sur le champs de bataille 1700 russes parmi lesquels 1100 recrues babillés de vestes grises, ayant à peine deux mois de service. L'ancienne infanterie russe est détruite. L'armée Russe n'a quelque consistance que par les nombreux renforts de cosaques récemment arriveé du Don. Des gens instruits assurent qu'il n'y a dans l'infanterie Russe que le premier rang de coldats et que les 2-d et 3-me rangs sont remplis par des recrues et des milices que, malgré la parole qu'on leur avait donnée, on y a incorporés. Les Russes ont eu trois généraux tués. Le Général Comte Pino a été légérement blessé.

Донесеніе герцога Эмилія Гессенъ-Дармштадтскаго изъ Смоленска и письмо Бильотти тоже упоминаютъ о сраженіи подъ Мало-

à 6 heures du soir sur la rive gauche; s'empara du pont et le fis rétablir. Dans la nuit de 23 au 24, deux divisions russes arrivèrent dans la ville et s'emparèrent des hauteurs sur la rive droite, qui sont extrêmement favorables.

Le 24, à la pointe des jour, le combat s'engagea. Pendant ce tems l'armée ennemie parut toute entière, et vint prendre position derrière la ville. Les divisions Delzoni, Broussier et Pino et la garde italienne furent successivement engagiés. Ce combat fait le plus grand honneur au Vice-Roi et au 4-me corps d'armée. L'ennemi engagea les $^2/_3$ de son armée pour soutenir la position. Ce fut en vain. La ville fut enlevée ainsi que les hauteurs. La retraite de l'ennemi fut si précipitée qu'il fut obligé de jeter vingt pièces de Canon dans la rivière.

Vers le soir le M-al Prince d'Eckmühl déboucha avec son corps et toute l'armée se trouva en bataille avec son artillerie le 25 sur la position que l'ennemi occupait la veille.

L'Empereur porta son quartier g-al le 24 au village de Ghorodnia. A 7 heures du matin, 6000 cosaques qui s'etaient glissés dans les bois firent un houra général sur les derriéres de la position, et enlevèrent six pièces de Canon qui étaient parquèes. Le Duc d'Istrie se porta au galop avec toute la garde à cheval. Cette horde fut sabrée, ramenée et jetée dans la rivière. On lui reprit l'artillerie qu'elle avait prise, et plusieurs voitures qui lui appartenaient. Six cents de ces cosaques furent tués, blessés ou pris. Trente hommes de la garde ont été blessés et trois tués. Le G-al de division C-te Rapp a eu un cheval tué sous lui. L'intrépidité dont ce général a donnétant de preuves se montre dans toutes les occasions. Au commencement de la charge, les officiers de cosaques appelaient la garde qu'ils reconnaissaient: *Muscadins de Paris*. Le major des dragons Letort s'est fait remarquer. A huit heures l'ordre était rétabli.

L'Empereur se porta à Maloiaroslavetz, reconnut la position de l'ennemi et ordonna l'attaque pour le lendemain; mais dans la nuit l'ennemi a battu en retraite. Le Prince d'Eckmühl l'a poursuivi pendant six lieues. L'Empereur le laissa aller et ordonna le mouvement sur Vereia.

Le 26, le quartier g-al était à Borowsk et le 27 à Vereia. Le Prince d'Eckmühl est ce soir à Borowsk; le m-al Duc d'Elchingen à Mojaïsk. Le tems est superbe; les chemins sont beaux. C'est le reste de l'automne. Ce tems durera encore huit jours et à cette époque nous serons rendus dans nos nouvelles positions.

Dans le combat de Maloiaroslavetz, la garde italienne s'est distinguée. Elle a pris la position et s'y est maintenue. Le général Baron Delzoni officier distingué, a été tué de trois balles. Notre perte est de 1500 hommes tués ou blessés. Celle de l'ennemi est de 6 à 7 mille. On a trouvé sur le champs de bataille 1700 russes parmi lesquels 1100 recrues habillés de vestes grises, ayant à peine deux mois de service. L'ancienne infanterie russe est détruite. L'armée Russe n'a quelque consistance que par les nombreux renforts de cosaques récemment arriveé du Don. Des gens instruits assurent qu'il n'y a dans l'infanterie Russe que le premier rang de coldats et que les 2-d et 3-me rangs sont remplis par des recrues et des milices que, malgré la parole qu'on leur avait donnée, on y a incorporés. Les Russes ont eu trois généraux tués. Le Général Comte Pino a été légérement blessé.

Донесеніе герцога Эмилія Гессенъ-Дармштадтскаго изъ Смоленска и письмо Бильотти тоже упоминаютъ о сраженіи подъ Мало-

ярославцемъ. Въ первомъ также высказано предположеніе, что движеніе на Калугу было только стратегическою демонстраціею. Но главное вниманіе этихъ писемъ сосредоточено на томъ печальномъ положеніи, въ которомъ находилась великая армія на обратномъ пути изъ Москвы.

„№ 2. Донесеніе герцога Эмилія Гессенъ-Дармштадтскаго царствующему герцогу. Смоленскъ 10/29 ноября 1812 года.

19/17-го октября армія отступила изъ Москвы по Калужской дорогѣ, потомъ свернула вправо на Каменское, откуда отправилась снова по Калужской дорогѣ и 24/12-го встрѣтилась съ русскими подъ Малоярославцемъ. Сраженіе, которое тамъ произошло, и которое длилось полтора дня съ величайшимъ ожесточеніемъ, окончилось наконецъ въ пользу нашей арміи, которой удалось заставить непріятеля покинуть почти непреодолимую позицію. Послѣ сего армія отступила въ Боровскъ, можетъ быть потому, что императоръ отказался отъ намѣренія идти въ Калугу, или же потому, что все движеніе это было только стратегическою демонстраціею; потомъ она направилась черезъ Можайскъ опять по Смоленской дорогѣ и послѣдовала по оной, перенося величайшія лишенія и преодолѣвая невѣроятныя трудности. Не знаю еще, проведемъ ли мы здѣсь зиму, или же станемъ зимними квартирами еще далѣе въ тылъ.

30/18-го октября по прибытіи моемъ въ Гжатскъ императоръ приказалъ мнѣ собрать 3 пѣхотныхъ полка Великаго Герцогства въ одну бригаду и принять начальствованіе надъ нею. Она должна войти въ составъ дивизіи Лаборда, изъ молодой гвардіи. Вслѣдствіе этого распоряженія я собралъ сіи полки въ Вязьмѣ и послѣдовалъ за 1-ю дивизіею молодой гвардіи. Трудность этихъ переходовъ была выше всякаго описанія. Солдатамъ приходилось дѣлать невѣроятныя, сверхчеловѣческія усилія; многіе изъ нихъ погибли. Люди, лошади и обозы остались позади въ большомъ количествѣ, и къ величайшему моему сожалѣнію я не знаю, въ состояніи ли будутъ явиться пушки гвардейскаго полка и обозъ главнаго штаба.

Не представилъ моего донесенія раньше за полнымъ отсутствіемъ почты и какихъ бы то ни было способовъ сношеній.

Герцогъ Эмиль Гессенъ-Дармштадтскій, генералъ-маіоръ."

Rapport du Prince Emil de Hesse-Darmstadt au G-d Duc Régnant Smolensk le 10 Novembre 1812.

La 19 Octobre l'armée se retira de Moscou par la route de Kalouga, se porta ensuite à droite sur Kamenskoi et de la poursuivit la route de Kalouga et se trouva en présence des Russes le 24 à Maloiaroslavetz. Le combat qui y eut lieu et qui se prolongea penqant un jour et demie avec le plus grand acharnement se décida à la fin en faveur de notre armée, qui vint à bout de

ярославцемъ. Въ первомъ также высказано предположеніе, что движеніе на Калугу было только стратегическою демонстраціею. Но главное вниманіе этихъ писемъ сосредоточено на томъ печальномъ положеніи, въ которомъ находилась великая армія на обратномъ пути изъ Москвы.

„№ 2. Донесеніе герцога Эмилія Гессенъ-Дармштадтскаго царствующему герцогу. Смоленскъ 10/29 ноября 1812 года.

19/17-го октября армія отступила изъ Москвы по Калужской дорогѣ, потомъ свернула вправо на Каменское, откуда отправилась снова по Калужской дорогѣ и 24/12-го встрѣтилась съ русскими подъ Малоярославцемъ. Сраженіе, которое тамъ произошло, и которое длилось полтора дня съ величайшимъ ожесточеніемъ, окончилось наконецъ въ пользу нашей арміи, которой удалось заставить непріятеля покинуть почти непреодолимую позицію. Послѣ сего армія отступила въ Боровскъ, можетъ быть потому, что императоръ отказался отъ намѣренія идти въ Калугу, или же потому, что все движеніе это было только стратегическою демонстраціею; потомъ она направилась черезъ Можайскъ опять по Смоленской дорогѣ и послѣдовала по оной, перенося величайшія лишенія и преодолѣвая невѣроятныя трудности. Не знаю еще, проведемъ ли мы здѣсь зиму, или же станемъ зимними квартирами еще далѣе въ тылъ.

30/18-го октября по прибытіи моемъ въ Гжатскъ императоръ приказалъ мнѣ собрать 3 пѣхотныхъ полка Великаго Герцогства въ одну бригаду и принять начальствованіе надъ нею. Она должна войти въ составъ дивизіи Лаборда, изъ молодой гвардіи. Вслѣдствіе этого распоряженія я собралъ сіи полки въ Вязьмѣ и послѣдовалъ за 1-ю дивизіею молодой гвардіи. Трудность этихъ переходовъ была выше всякаго описанія. Солдатамъ приходилось дѣлать невѣроятныя, сверхчеловѣческія усилія; многіе изъ нихъ погибли. Люди, лошади и обозы остались позади въ большомъ количествѣ, и къ величайшему моему сожалѣнію я не знаю, въ состояніи ли будутъ явиться пушки гвардейскаго полка и обозъ главнаго штаба.

Не представилъ моего донесенія раньше за полнымъ отсутствіемъ почты и какихъ бы то ни было способовъ сношеній.

Герцогъ Эмиль Гессенъ-Дармштадтскій, генералъ-маіоръ.“

Rapport du Prince Emil de Hesse-Darmstadt au G-d Duc Régnant Smolensk le 10 Novembre 1812.

La 19 Octobre l'armée se retira de Moscou par la route de Kalouga, se porta ensuite à droite sur Kamenskoi et de la poursuivit la route de Kalouga et se trouva en présence des Russes le 24 à Maloiaroslavetz. Le combat qui y eut lieu et qui se prolongea penqant un jour et demie avec le plus grand acharnement se décida à la fin en faveur de notre armée, qui vint à bout de

forcer l'ennemi à quitter une position presque inexpugnable. Soit qu'à la suite de cette affaire l'Empereur eut renoncé au projet d'aller à Kalouga ou soit que tout ce mouvement n'ait été qu'une demonstration stratégique. L'armée se retira à Borowsk, reprit par Mojaisk la route de Smolensk et la suivit ayant à supporter les plus grandes fatigues et les difficultés les plus insurmontables. J'ignore si nous passerons l'hiver ici ou si nos cantonnements seront encore plus en arrière.

Le 30 Octobre à mon arrivée à Gjatsk l'Emp-r m'ordonna de réunir sous mes ordres les 3 rég-ts d'infanterie du G-d Duché en une brigade sous mes ordres. Elle doit faire partie de la D-n de Laborde, des jeunes gardes. En suite de cet ordre je réunis les reg-ts à Wiasma et ai suivi la direction de la 1-e D-on de jeunes gardes. Ces marches étaient d'une difficulté impossible à décrir. Les soldats dûrent employer les plus grands efforts dont les forces humaines soient capables, beaucoup y succombèrent. Les hommes, les chevaux et les bagages restèrent en arrière en g-de quantité et à mon g-d regret j'ignore absolument si les canons du reg-t du corps et les équipages de l'Etat Major pourront arriver.

Je n'ai pas fait mon rapport plutôt, parce que la Poste et tous moyens de Correspondance nous ont absolument manqué.

Le Prince Emil Hesse Gen-l Major.

3 №. „Билліотти къ женѣ, изъ Вязьмы 1-го ноября.

Мы выступили изъ Москвы нѣсколько дней тому назадъ, ночью, поспѣшно направляясь по дорогѣ въ Калугу. Пройдя около 30 миль, ежедневно болѣе или менѣе тревожимые казаками, и послѣ небольшого сраженія, въ коемъ начальствовалъ король Неаполитанскій, и которое окончилось съ меньшимъ успѣхомъ, чѣмъ можно было ожидать, мы внезапно поворотили назадъ и пошли форсированными маршами, днемъ и ночью, къ Можайску. И вотъ мы добрались до Вязьмы, миляхъ въ 40 отъ Смоленска, куда мы разсчитываемъ двинуться черезъ нѣсколько дней. Мы терпимъ тѣ же невзгоды отъ голода и усталости, что и по пути сюда, съ добавленіемъ сильнаго холода, хотя и при ясной погодѣ, и большей осторожности и нерѣшительности, изъ-за близости непріятельскихъ партизановъ и мародеровъ. Тѣ, у кого нѣтъ достаточно хорошихъ лошадей, чтобы поспѣвать за арміей, вынуждены терять свои пожитки. Многіе изъ моихъ сослуживцевъ (между прочимъ г-нъ де-Флери) лишились всѣхъ своихъ вещей и сами пожгли свои экипажи, когда пришлось побросать ихъ, или же онѣ были уничтожаемы аріергардомъ. Наше шествіе не совсѣмъ походитъ на шествіе побѣдителей; больныхъ везутъ въ экипажахъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ за недостаткомъ транспортныхъ средствъ. Мнѣ досталось везти солдата, страдающаго лихорадкой. Впрочемъ, мы не безпокоимся, въ виду того, что императоръ совершенно здоровъ и лично руководитъ всѣми движеніями арміи; а посему, нѣтъ сомнѣнія, что результаты этого похода будутъ именно тѣ, на которые можно заранѣе разсчитывать.

forcer l'ennemi à quitter une position presque inexpugnable. Soit qu'à la suite de cette affaire l'Empereur eut renoncé au projet d'aller à Kalouga ou soit que tout ce mouvement n'ait été qu'une demonstration stratégique. L'armée se retira à Borowsk, reprit par Mojaisk la route de Smolensk et la suivit ayant à supporter les plus grandes fatigues et les difficultés les plus insurmontables. J'ignore si nous passerons l'hiver ici ou si nos cantonnements seront encore plus en arrière.

Le 30 Octobre à mon arrivée à Gjatsk l'Emp-r m'ordonna de réunir sous mes ordres les 3 rég-ts d'infanterie du G-d Duché en une brigade sous mes ordres. Elle doit faire partie de la D-n de Laborde, des jeunes gardes. En suite de cet ordre je réunis les reg-ts à Wiasma et ai suivi la direction de la 1-e D-on de jeunes gardes. Ces marches étaient d'une difficulté impossible à décrir. Les soldats dûrent employer les plus grands efforts dont les forces humaines soient capables, beaucoup y succombèrent. Les hommes, les chevaux et les bagages restèrent en arrière en g-de quantité et à mon g-d regret j'ignore absolument si les canons du reg-t du corps et les équipages de l'Etat Major pourront arriver.

Je n'ai pas fait mon rapport plutôt, parce que la Poste et tous moyens de Correspondance nous ont absolument manqué.

Le Prince Emil Hesse Gen-l Major.

3 № „Билліотти къ женѣ, изъ Вязьмы 1-го ноября.

Мы выступили изъ Москвы нѣсколько дней тому назадъ, ночью, поспѣшно направляясь по дорогѣ въ Калугу. Пройдя около 30 миль, ежедневно болѣе или менѣе тревожимые казаками, и послѣ небольшого сраженія, въ коемъ начальствовалъ король Неаполитанскій, и которое окончилось съ меньшимъ успѣхомъ, чѣмъ можно было ожидать, мы внезапно поворотили назадъ и пошли форсированными маршами, днемъ и ночью, къ Можайску. И вотъ мы добрались до Вязьмы, миляхъ въ 40 отъ Смоленска, куда мы разсчитываемъ двинуться черезъ нѣсколько дней. Мы терпимъ тѣ же невзгоды отъ голода и усталости, что и по пути сюда, съ добавленіемъ сильнаго холода, хотя и при ясной погодѣ, и большей осторожности и нерѣшительности, изъ-за близости непріятельскихъ партизановъ и мародеровъ. Тѣ, у кого нѣтъ достаточно хорошихъ лошадей, чтобы поспѣвать за арміей, вынуждены терять свои пожитки. Многіе изъ моихъ сослуживцевъ (между прочимъ г-нъ де-Флери) лишились всѣхъ своихъ вещей и сами пожгли свои экипажи, когда пришлось побросать ихъ, или же онѣ были уничтожаемы аріергардомъ. Наше шествіе не совсѣмъ походитъ на шествіе побѣдителей; больныхъ везутъ въ экипажахъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ за недостаткомъ транспортныхъ средствъ. Мнѣ досталось везти солдата, страдающаго лихорадкой. Впрочемъ, мы не безпокоимся, въ виду того, что императоръ совершенно здоровъ и лично руководитъ всѣми движеніями арміи; а посему, нѣтъ сомнѣнія, что результаты этого похода будутъ именно тѣ, на которые можно заранѣе разсчитывать.

въ силу обычныхъ его осторожности, удачи и основательныхъ разсчетовъ. Всѣ довольны и исполнены довѣрія и никто не жалуется на недостатокъ во всемъ."

M-r de Bigliotti à sa femme, de Wiasma le 1-er Navembre.

Nous sommes partis pendant la nuit de Moscou il y a quelques jours nous dirigeant en toute hate sur Kalouga, après avoir fait une trentaine de lieues, étant tous les jours plus ou moins harcelés par les cosaques, après une petite affaire que dirigeait le Roi de Naples et qui n'a pas eu tout le succès qu'on pouvait espérer; l'armée a sur le champ rebroussé chemin à marches forcées de nuit et de jour sur Mojaisk et nous voici arrivés à Wiasma à 40 lieues environ de Smolensk où nous esperons aller dans quelques jours. Nous sommes assaillis de mêmes misères que la disette et la fatigue nous faisait éprouver en allant, y joint un froid très vif quoique beau et une plus grande reserve et hésitation causée par la présence des maraudeurs ou partisans ennemis. Ceux qui n'ont pas d'assez bons chevaux pour suivre la marche sont forcés de perdre leurs effets. Plusieurs de mes collègues (dont M-r de Fleury) ont perdu tous leurs bagages,—et leurs voitures ont été brûlées par eux-mêmes en les abandonnant, ou détruites par l'arrière-garde.

Nous n'avons pas tout à fait l'air de marcher en conquérans, on fait emporter les malades sur les voitures des particuliers vu le manque de moyens de transport suffisants, je porte pour mon compte un soldat malade de la fièvre. Du reste on est sans inquiétude attendu que l'Emp-r se porte à merveille et que dirigeant lui-même tous les mouvements de l'armée sa marche aura sans aucun doute les résultats que sa prudence ordinaire, son bonheur et ses profondes combinaisons ont calculé d'avance. Tout le monde est content et plein de confiance et personne ne se plaint du manque de tout.

Спокойный и самоувѣренный тонъ Бильотти, очевидно, обожавшаго Наполеона, не понравился кому-то изъ русскихъ вельможъ (невозможно опредѣлить, чьей рукой), и онъ сдѣлалъ къ нему слѣдующую приписку:

„Выраженія, достойныя наиболѣе тщательно составленнаго французскаго бюллетеня. Остается узнать, какимъ образомъ самое безстыдное „бахвальство" ухитрилось бы согласить все это съ дѣйствительными фактами, и какимъ способомъ можно было доказать, что состояніе деморализаціи французской арміи является результатомъ глубокихъ соображеній, обычной осмотрительности и удачи Наполеона."

pour celle de Bigliotti.

Expressions dignes du bulletin français le mieux soigné. Reste à savoir comment la forfanterie la plus dehontée s'en tirerait pour faire coincider tout cela avec les faits, et comment on pourrait prouver que cet état de dissolution dans lequel se trouve l'armée française est le résultat des profondes combinaisons, de la prudence ordinaire et du bonheur de Napoléon.

Сообщилъ Н. Затворницкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

въ силу обычныхъ его осторожности, удачи и основательныхъ разсчетовъ. Всѣ довольны и исполнены довѣрія и никто не жалуется на недостатокъ во всемъ."

M-r de Bigliotti à sa femme, de Wiasma le 1-er Navembre.

Nous sommes partis pendant la nuit de Moscou il y a quelques jours nous dirigeant en toute hate sur Kalouga, après avoir fait une trentaine de lieues, étant tous les jours plus ou moins harcelés par les cosaques, après une petite affaire que dirigeait le Roi de Naples et qui n'a pas eu tout le succès qu'on pouvait espérer; l'armée a sur le champ rebroussé chemin à marches forcées de nuit et de jour sur Mojaisk et nous voici arrivés à Wiasma à 40 lieues environ de Smolensk où nous esperons aller dans quelques jours. Nous sommes assaillis de mêmes misères que la disette et la fatigue nous faisait éprouver en allant, y joint un froid très vif quoique beau et une plus grande reserve et hésitation causée par la présence des maraudeurs ou partisans ennemis. Ceux qui n'ont pas d'assez bons chevaux pour suivre la marche sont forcés de perdre leurs effets. Plusieurs de mes collègues (dont M-r de Fleury) ont perdu tous leurs bagages,—et leurs voitures ont été brûlées par eux-mêmes en les abandonnant, ou détruites par l'arrière-garde.

Nous n'avons pas tout à fait l'air de marcher en conquérans, on fait emporter les malades sur les voitures des particuliers vu le manque de moyens de transport suffisants, je porte pour mon compte un soldat malade de la fièvre. Du reste on est sans inquiétude attendu que l'Emp-r se porte à merveille et que dirigeant lui-même tous les mouvements de l'armée sa marche aura sans aucun doute les résultats que sa prudence ordinaire, son bonheur et ses profondes combinaisons ont calculé d'avance. Tout le monde est content et plein de confiance et personne ne se plaint du manque de tout.

Спокойный и самоувѣренный тонъ Бильотти, очевидно, обожавшаго Наполеона, не понравился кому-то изъ русскихъ вельможъ (невозможно опредѣлить, чьей рукой), и онъ сдѣлалъ къ нему слѣдующую приписку:

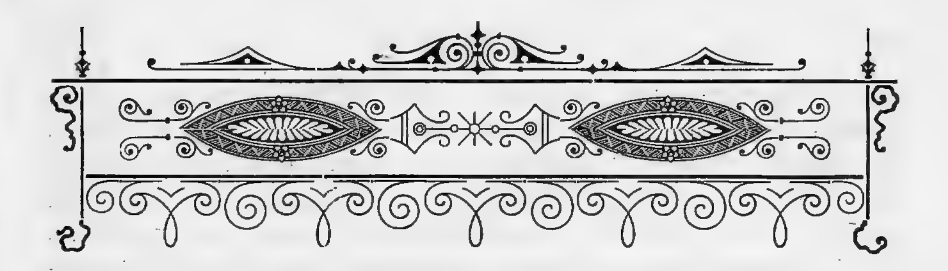
„Выраженія, достойныя наиболѣе тщательно составленнаго французскаго бюллетеня. Остается узнать, какимъ образомъ самое безстыдное „бахвальство" ухитрилось бы согласить все это съ дѣйствительными фактами, и какимъ способомъ можно было доказать, что состояніе деморализаціи французской арміи является результатомъ глубокихъ соображеній, обычной осмотрительности и удачи Наполеона."

pour celle de Bigliotti.

Expressions dignes du bulletin français le mieux soigné. Reste à savoir comment la forfanterie la plus dehontée s'en tirerait pour faire coincider tout cela avec les faits, et comment on pourrait prouver que cet état de dissolution dans lequel se trouve l'armée française est le résultat des profondes combinaisons, de la prudence ordinaire et du bonheur de Napoléon.

Сообщилъ Н. Затворницкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Русскій дворъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія.

(Записки князя Адама Чарторыйскаго (¹).

ГЛАВА IX.

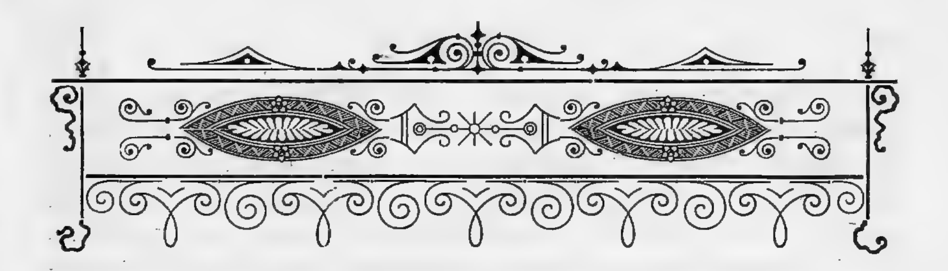
Дѣятельность тайнаго совѣта. — Графъ Строгановъ-отецъ.—Братья Воронцовы.—Сенатъ и коллегіи. Реформы. — Учрежденіе министерствъ. — Первые министры. — Министерство народнаго просвѣщенія. — Округа.—Графъ Завадовскій.

По возвращеніи государя изъ Пруссіи совѣщанія наши снова продолжались, и тайный совѣтъ получилъ особое значеніе, благодаря участію въ дѣлахъ государственныхъ трехъ нашихъ членовъ, особенно же Кочубея и Новосильцева. Пріемная послѣдняго стала наполняться людьми новаго образа мыслей, желавшими получить служебныя назначенія. Множество дѣлъ проходило черезъ его руки, и государь нашелъ въ немъ человѣка, сумѣвшаго придать національный характеръ западно-европейскимъ идеямъ, проводимымъ въ русскую жизнь.

Партія „молодыхъ людей" пользовалась также поддержкой нѣкоторыхъ старыхъ сановниковъ. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ графъ Строгановъ, отецъ графа Павла. Старый графъ провелъ большую часть жизни въ Парижѣ, въ эпоху Людовика XV, посѣщалъ извѣстные парижскіе салоны, въ которыхъ представители высшей французской аристократіи встрѣчались со знаменитыми писателями того времени; былъ знакомъ съ Гримомъ, Гольбахомъ, Д'Аланберомъ и другими энциклопедистами. Самъ графъ являлъ собою странный типъ, въ которомъ удивительнымъ образомъ сочетались: энциклопедистъ

---

¹) См. „Русская Старина", 1906 г. сентябрь.



Русскій дворъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія.

(Записки князя Адама Чарторыйскаго (¹).

ГЛАВА IX.

Дѣятельность тайнаго совѣта. — Графъ Строгановъ-отецъ.—Братья Воронцовы.—Сенатъ и коллегіи. Реформы. — Учрежденіе министерствъ. — Первые министры. — Министерство народнаго просвѣщенія. — Округа.—Графъ Завадовскій.

По возвращеніи государя изъ Пруссіи совѣщанія наши снова продолжались, и тайный совѣтъ получилъ особое значеніе, благодаря участію въ дѣлахъ государственныхъ трехъ нашихъ членовъ, особенно же Кочубея и Новосильцева. Пріемная послѣдняго стала наполняться людьми новаго образа мыслей, желавшими получить служебныя назначенія. Множество дѣлъ проходило черезъ его руки, и государь нашелъ въ немъ человѣка, сумѣвшаго придать національный характеръ западно-европейскимъ идеямъ, проводимымъ въ русскую жизнь.

Партія „молодыхъ людей“ пользовалась также поддержкой нѣкоторыхъ старыхъ сановниковъ. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ графъ Строгановъ, отецъ графа Павла. Старый графъ провелъ большую часть жизни въ Парижѣ, въ эпоху Людовика XV, посѣщалъ извѣстные парижскіе салоны, въ которыхъ представители высшей французской аристократіи встрѣчались со знаменитыми писателями того времени; былъ знакомъ съ Гримомъ, Гольбахомъ, Д'Аланберомъ и другими энциклопедистами. Самъ графъ являлъ собою странный типъ, въ которомъ удивительнымъ образомъ сочетались: энциклопедистъ

---

¹) См. „Русская Старина“, 1906 г. сентябрь.

XVIII вѣка со старымъ русскимъ бояриномъ. Онъ соединялъ остроуміе француза съ нравомъ и привычками чисто русскаго человѣка; имѣлъ большое состояніе и множество долговъ; владѣлъ обширнымъ, прекрасно обставленнымъ домомъ и весьма цѣнной картинной галлереей, описаніе которой самъ составилъ; множество слугъ, среди которыхъ были и иностранцы, наполняли его домъ; всѣ они усердно обкрадывали графа, который самъ надъ этимъ смѣялся. Роскошный столъ его былъ всегда къ услугамъ его многочисленныхъ гостей, собиравшихся въ опредѣленные дни. Въ этомъ отношеніи домъ графа Строганова отличался отъ дома оберъ-шталмейстера *Нарышкина*, у котораго общество было менѣе разнообразно, но въ немъ преобладали ученые и художники.

Несмотря на либеральный образъ мыслей, Строгановъ былъ въ душѣ царедворцемъ, для котораго положеніе и милостивый пріемъ при дворѣ представляли насущную потребность. Холодный пріемъ или малѣйшее неудовольствіе монарха дѣлали его несчастнымъ, измѣняли настроеніе духа, отымали покой. Онъ пользовался неизмѣннымъ благоволеніемъ императрицы Екатерины, Павла I, вдовствующей государыни Маріи Өеодоровны и особенно императора Александра. Послѣдній былъ искренно расположенъ къ его сыну,—чрезвычайно любилъ общество молодой графини, которая имѣла на него вліяніе, благодаря прекраснымъ качествамъ своего характера. Государь также любилъ общество стараго графа, который собиралъ у себя лицъ, наиболѣе ему симпатичныхъ по ихъ образу мыслей и склонности къ новымъ, либеральнымъ идеямъ, которыми все еще увлекался Александръ.

Не менѣе важную поддержку имѣла молодая партія въ лицѣ графа *Александра Воронцова* [1]), который пользовался репутаціей выдающагося государственнаго дѣятеля. Воронцовъ и графъ Завадовскій считались друзьями *Безбородки*, котораго они постоянно навѣщали вдвоемъ и вели съ нимъ продолжительныя политическія бесѣды. Злые языки говорили, что послѣ ихъ ухода Безбородко приказывалъ отворять настежъ окна и двери и, тяжело дыша и отдуваясь, быстрыми шагами ходилъ по комнатѣ, приговаривая въ полъголоса: „Слава Богу! Наконецъ-то ушли мои наставники“. Дѣло въ томъ, что Воронцовъ и Завадовскій нерѣдко упрекали Безбородку въ безпечности, благодаря которой онъ пренебрегалъ дѣлами въ то время, какъ его вмѣшательство въ нѣкоторые вопросы могло, по ихъ мнѣнію, принести несомнѣнную пользу дѣлу. Тѣмъ не менѣе

---

[1]) Графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ, род. 1741, † 1805. Впослѣдствіи государственный канцлеръ.

XVIII вѣка со старымъ русскимъ бояриномъ. Онъ соединялъ остроуміе француза съ нравомъ и привычками чисто русскаго человѣка; имѣлъ большое состояніе и множество долговъ; владѣлъ обширнымъ, прекрасно обставленнымъ домомъ и весьма цѣнной картинной галлереей, описаніе которой самъ составилъ; множество слугъ, среди которыхъ были и иностранцы, наполняли его домъ; всѣ они усердно обкрадывали графа, который самъ надъ этимъ смѣялся. Роскошный столъ его былъ всегда къ услугамъ его многочисленныхъ гостей, собиравшихся въ опредѣленные дни. Въ этомъ отношеніи домъ графа Строганова отличался отъ дома оберъ-шталмейстера *Нарышкина*, у котораго общество было менѣе разнообразно, но въ немъ преобладали ученые и художники.

Несмотря на либеральный образъ мыслей, Строгановъ былъ въ душѣ царедворцемъ, для котораго положеніе и милостивый пріемъ при дворѣ представляли насущную потребность. Холодный пріемъ или малѣйшее неудовольствіе монарха дѣлали его несчастнымъ, измѣняли настроеніе духа, отымали покой. Онъ пользовался неизмѣннымъ благоволеніемъ императрицы Екатерины, Павла I, вдовствующей государыни Маріи Ѳеодоровны и особенно императора Александра. Послѣдній былъ искренно расположенъ къ его сыну,—чрезвычайно любилъ общество молодой графини, которая имѣла на него вліяніе, благодаря прекраснымъ качествамъ своего характера. Государь также любилъ общество стараго графа, который собиралъ у себя лицъ, наиболѣе ему симпатичныхъ по ихъ образу мыслей и склонности къ новымъ, либеральнымъ идеямъ, которыми все еще увлекался Александръ.

Не менѣе важную поддержку имѣла молодая партія въ лицѣ графа *Александра Воронцова* [1]), который пользовался репутаціей выдающагося государственнаго дѣятеля. Воронцовъ и графъ Завадовскій считались друзьями *Безбородки*, котораго они постоянно навѣщали вдвоемъ и вели съ нимъ продолжительныя политическія бесѣды. Злые языки говорили, что послѣ ихъ ухода Безбородко приказывалъ отворять настежъ окна и двери и, тяжело дыша и отдуваясь, быстрыми шагами ходилъ по комнатѣ, приговаривая въ полъголоса: „Слава Богу! Наконецъ-то ушли мои наставники". Дѣло въ томъ, что Воронцовъ и Завадовскій нерѣдко упрекали Безбородку въ безпечности, благодаря которой онъ пренебрегалъ дѣлами въ то время, какъ его вмѣшательство въ нѣкоторые вопросы могло, по ихъ мнѣнію, принести несомнѣнную пользу дѣлу. Тѣмъ не менѣе

---

[1]) Графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ, род. 1741, † 1805. Впослѣдствіи государственный канцлеръ.

тотъ и другой являлись весьма цѣнными союзниками для нашей партіи.

Мнѣ не извѣстны причины, заставившія графа *Александра Воронцова* удалиться отъ дѣлъ въ царствованіе Екатерины. При Павлѣ I онъ благоразумно держался въ сторонѣ, несмотря на то, что императоръ былъ расположенъ къ семьѣ Воронцовыхъ, ввиду весьма благосклоннаго отношенія покойнаго отца его Петра III къ одной изъ сестеръ графа [1]). Только со вступленіемъ на престолъ Императора Александра графъ снова появился въ Петербургѣ, окруженный ореоломъ блестящаго вѣка Екатерины и съ репутаціей опытнаго государственнаго дѣятеля. Къ партіи старыхъ министровъ, большинство которыхъ, по знанію дѣла, стояло значительно ниже его, онъ не примкнулъ, предпочитая играть болѣе видную роль посредника между государемъ, стремившимся проводить свои новыя идеи, и представителями старой правительственной рутины. Онъ быстро сошелся съ партіей „молодыхъ людей".

Братъ его, графъ *Семенъ Воронцовъ* прибылъ въ Петербургъ также послѣ долгаго отсутствія. Это былъ человѣкъ твердыхъ убѣжденій, прямой, слѣпо преданный однажды усвоенной идеѣ — натура цѣльная, устойчивая. Во время переворота, предшествовавшаго вступленію на престолъ Екатерины, онъ открыто заявилъ себя сторонникомъ злополучнаго Петра III, что̀ не помѣшало однако императрицѣ назначить его вскорѣ посломъ въ Лондонъ. Эта же преданность графа *Семена Воронцова Петру III побудила Павла I* вызвать его изъ Лондона въ Петербургъ, и предложить ему на выборъ нѣсколько высшихъ должностей въ Имперіи, отъ которыхъ онъ однако отказался и просилъ оставить его въ Лондонѣ. Въ Англіи, благодаря своему благородному, положительному и открытому характеру, графъ Семенъ Романовичъ пріобрѣлъ много друзей. Онъ, что называется, сроднился съ Англіей, полюбилъ ее такою, какою она была въ тѣ времена, полюбилъ сильнѣе, чѣмъ любой завзятый торій, преклоненіе его передъ Питтомъ доходило до такой степени, что все, походившее не только на критику, но на малѣйшее обсужденіе или сомнѣніе въ политическихъ пріемахъ этого министра, считалось имъ за безсмыслицу или за непростительное заблужденіе ума и сердца. Рядомъ съ этимъ чувствомъ въ его сердцѣ жила давнишняя и горячая любовь къ старшему брату, котораго онъ считалъ

---

[1]) Извѣстная Елизавета Романовна Воронцова, родная сестра Екатерины Романовны Дашковой, сподвижницы Екатерины II въ эпоху переворота 1762 г., впослѣдствіи президента академіи наукъ и автора „Записки". К. В.

тотъ и другой являлись весьма цѣнными союзниками для нашей партіи.

Мнѣ не извѣстны причины, заставившія графа *Александра Воронцова* удалиться отъ дѣлъ въ царствованіе Екатерины. При Павлѣ I онъ благоразумно держался въ сторонѣ, несмотря на то, что императоръ былъ расположенъ къ семьѣ Воронцовыхъ, ввиду весьма благосклоннаго отношенія покойнаго отца его Петра III къ одной изъ сестеръ графа [1]. Только со вступленіемъ на престолъ Императора Александра графъ снова появился въ Петербургѣ, окруженный ореоломъ блестящаго вѣка Екатерины и съ репутаціей опытнаго государственнаго дѣятеля. Къ партіи старыхъ министровъ, большинство которыхъ, по знанію дѣла, стояло значительно ниже его, онъ не примкнулъ, предпочитая играть болѣе видную роль посредника между государемъ, стремившимся проводить свои новыя идеи, и представителями старой правительственной рутины. Онъ быстро сошелся съ партіей „молодыхъ людей".

Братъ его, графъ *Семенъ Воронцовъ* прибылъ въ Петербургъ также послѣ долгаго отсутствія. Это былъ человѣкъ твердыхъ убѣжденій, прямой, слѣпо преданный однажды усвоенной идеѣ — натура цѣльная, устойчивая. Во время переворота, предшествовавшаго вступленію на престолъ Екатерины, онъ открыто заявилъ себя сторонникомъ злополучнаго Петра III, что̀ не помѣшало однако императрицѣ назначить его вскорѣ посломъ въ Лондонъ. Эта же преданность графа *Семена Воронцова Петру III побудила Павла I* вызвать его изъ Лондона въ Петербургъ, и предложить ему на выборъ нѣсколько высшихъ должностей въ Имперіи, отъ которыхъ онъ однако отказался и просилъ оставить его въ Лондонѣ. Въ Англіи, благодаря своему благородному, положительному и открытому характеру, графъ Семенъ Романовичъ пріобрѣлъ много друзей. Онъ, что называется, сроднился съ Англіей, полюбилъ ее такою, какою она была въ тѣ времена, полюбилъ сильнѣе, чѣмъ любой завзятый торій, преклоненіе его передъ Питтомъ доходило до такой степени, что все, походившее не только на критику, но на малѣйшее обсужденіе или сомнѣніе въ политическихъ пріемахъ этого министра, считалось имъ за безсмыслицу или за непростительное заблужденіе ума и сердца. Рядомъ съ этимъ чувствомъ въ его сердцѣ жила давнишняя и горячая любовь къ старшему брату, котораго онъ считалъ

[1] Извѣстная Елизавета Романовна Воронцова, родная сестра Екатерины Романовны Дашковой, сподвижницы Екатерины II въ эпоху переворота 1762 г., впослѣдствіи президента академіи наукъ и автора „Записки". К. В.

самымъ выдающимся и честнѣйшимъ человѣкомъ въ Россіи. Къ каждому слову брата онъ прислушивался, какъ къ заповѣди, къ каждому рѣшенію, какъ къ рѣчи оракула. Его покорность, уваженіе и преданность брату были поистинѣ трогательны, такъ какъ исходили отъ сердца и были вполнѣ безкорыстны. Дружба братьевъ была такъ прочна, что они не раздѣлили даже своего наслѣдства; графъ Александръ, управлявшій ихъ общимъ состояніемъ, высылалъ брату все, что ему слѣдовало безъ малѣйшаго спора, и никому въ голову не приходило, чтобы отсутствующій братъ могъ быть имъ обиженъ.

Новосильцевъ часто посѣщалъ, въ бытность свою въ Англіи, въ царствованіе императора Павла, домъ графа Семена Воронцова, къ которому его направилъ старикъ Строгановъ; онъ сумѣлъ пріобрѣсти дружбу графа и сдѣлался своимъ, близкимъ человѣкомъ въ домѣ. Онъ служилъ какъ бы звеномъ, соединявшимъ графа Александра съ окружавшей его молодежью. Новосильцевъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ стараго графа Воронцова и бесѣдовалъ съ нимъ всегда совершенно откровенно. Возвращеніе графа Семена сблизило ихъ еще болѣе. Графъ Семенъ Воронцовъ, со своими убѣжденіями торія, долженъ былъ казаться въ Россіи крайнимъ либераломъ, что̀, несомнѣнно, не осталось безъ вліянія на его брата, въ смыслѣ поворота его къ идеямъ, назрѣвавшимъ въ головѣ императора Александра, тѣмъ болѣе, что графъ Александръ самъ не былъ чуждъ нѣкоторыхъ либеральныхъ стремленій. Въ немъ еще оставались слѣды тѣхъ воззрѣній старинной русской аристократіи, которыя особенно ярко сказались въ желаніи ограничить верховную власть при вступленіи на престолъ императрицы Анны. Онъ самъ мнѣ разсказывалъ, что во время своей юности, проѣздомъ въ Европу, онъ посѣтилъ Варшаву въ эпоху Августа III-го и уѣхалъ оттуда большимъ поклонникомъ польской аристократіи, считая ее образцомъ, завиднымъ во всѣхъ отношеніяхъ для Россіи. Русскій аристократизмъ одного изъ братьевъ Воронцовыхъ и торизмъ другого нашли себѣ примѣненіе въ предполагаемыхъ реформахъ Сената. Это высшее государственное учрежденіе являлось въ глазахъ ихъ всеобщей панацеей и главнымъ источникомъ всѣхъ правительственныхъ реформъ.

Государь по-прежнему собиралъ наши тайныя совѣщанія, обсуждалъ различные проекты, но по-прежнему держался выжидательной системы и не торопился проводить ихъ въ жизнь. Оба Воронцовы, недовольные такимъ положеніемъ дѣла, рѣшили прибѣгнуть къ энергичнымъ мѣрамъ чтобы вывести, наконецъ, Государя изъ его нерѣшительности.

самымъ выдающимся и честнѣйшимъ человѣкомъ въ Россіи. Къ каждому слову брата онъ прислушивался, какъ къ заповѣди, къ каждому рѣшенію, какъ къ рѣчи оракула. Его покорность, уваженіе и преданность брату были поистинѣ трогательны, такъ какъ исходили отъ сердца и были вполнѣ безкорыстны. Дружба братьевъ была такъ прочна, что они не раздѣлили даже своего наслѣдства; графъ Александръ, управлявшій ихъ общимъ состояніемъ, высылалъ брату все, что ему слѣдовало безъ малѣйшаго спора, и никому въ голову не приходило, чтобы отсутствующій братъ могъ быть имъ обиженъ.

Новосильцевъ часто посѣщалъ, въ бытность свою въ Англіи, въ царствованіе императора Павла, домъ графа Семена Воронцова, къ которому его направилъ старикъ Строгановъ; онъ сумѣлъ пріобрѣсти дружбу графа и сдѣлался своимъ, близкимъ человѣкомъ въ домѣ. Онъ служилъ какъ бы звеномъ, соединявшимъ графа Александра съ окружавшей его молодежью. Новосильцевъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ стараго графа Воронцова и бесѣдовалъ съ нимъ всегда совершенно откровенно. Возвращеніе графа Семена сблизило ихъ еще болѣе. Графъ Семенъ Воронцовъ, со своими убѣжденіями торія, долженъ былъ казаться въ Россіи крайнимъ либераломъ, что̀, несомнѣнно, не осталось безъ вліянія на его брата, въ смыслѣ поворота его къ идеямъ, назрѣвавшимъ въ головѣ императора Александра, тѣмъ болѣе, что графъ Александръ самъ не былъ чуждъ нѣкоторыхъ либеральныхъ стремленій. Въ немъ еще оставались слѣды тѣхъ воззрѣній старинной русской аристократіи, которыя особенно ярко сказались въ желаніи ограничить верховную власть при вступленіи на престолъ императрицы Анны. Онъ самъ мнѣ разсказывалъ, что во время своей юности, проѣздомъ въ Европу, онъ посѣтилъ Варшаву въ эпоху Августа III-го и уѣхалъ оттуда большимъ поклонникомъ польской аристократіи, считая ее образцомъ, завиднымъ во всѣхъ отношеніяхъ для Россіи. Русскій аристократизмъ одного изъ братьевъ Воронцовыхъ и торизмъ другого нашли себѣ примѣненіе въ предполагаемыхъ реформахъ Сената. Это высшее государственное учрежденіе являлось въ глазахъ ихъ всеобщей панацеей и главнымъ источникомъ всѣхъ правительственныхъ реформъ.

Государь по-прежнему собиралъ наши тайныя совѣщанія, обсуждалъ различные проекты, но по-прежнему держался выжидательной системы и не торопился проводить ихъ въ жизнь. Оба Воронцовы, недовольные такимъ положеніемъ дѣла, рѣшили прибѣгнуть къ энергичнымъ мѣрамъ чтобы вывести, наконецъ, Государя изъ его нерѣшительности.

Каменноостровскій дворецъ, въ которомъ въ то время жилъ Александръ, отдѣлялся отъ дачи Строганова Невой и мостомъ. Государь и императрица поѣхали однажды на обѣдъ къ графу Строганову, гдѣ находились и братья Воронцовы; послѣ обѣда, вставъ изъ-за стола, государь прошелся по саду и вошелъ въ одинъ изъ павильоновъ, который занималъ Новосильцовъ. Мы всѣ послѣдовали за нимъ, и вскорѣ завязалась бесѣда. Графъ Семенъ Воронцовъ, по уговору, выступилъ при этомъ случаѣ ораторомъ, въ надеждѣ, что слова его произведутъ особенное впечатлѣніе, какъ человѣка, только-что пріѣхавшаго изъ Англіи и вскорѣ вновь возвращающагося туда, слѣдовательно чуждаго тому, что происходитъ въ Петербургѣ, и вполнѣ безпристрастнаго, имѣющаго болѣе другихъ право откровенно изложить свой образъ мыслей и быть выслушаннымъ. Рѣчь его не была однако столь краснорѣчива и убѣдительна, какъ мы этого ожидали. Государь, обладавшій особенной способностью дѣлать удачныя возраженія, нѣсколько разъ ставилъ втупикъ графа Семена и его брата. Ораторъ старался доказать государю необходимость болѣе рѣшительныхъ дѣйствій, убѣдить его въ томъ, что новое царствованіе вызвало въ обществѣ надежды на улучшенія, на реформы, которыхъ ждетъ отъ него не только Россія, но и Европа. Но все это были общія фразы, и когда государь обратился съ вопросомъ, въ какой области должны главнымъ образомъ произойти эти реформы и какъ слѣдуетъ къ нимъ приступить, графъ Семенъ и его братъ были увѣрены, что они превозмогли всѣ затрудненія, указавъ на необходимость поднять, прежде всего, утраченное съ теченіемъ времени значеніе и авторитетъ Сената.

Это высшее государственное учрежденіе, облеченное, по мысли законодателя, высшею въ государствѣ властью, заключало въ себѣ, по ихъ мнѣнію, всѣ гарантіи и всѣ необходимыя средства къ проведенію намѣченныхъ реформъ. Каждая фраза графа Семена Воронцова начиналась и заканчивалась Сенатомъ, на который онъ ссылался въ каждомъ удобномъ и не удобномъ случаѣ. Онъ говорилъ о немъ такъ много, что мы всѣ рѣшили, что въ эту ночь въ ушахъ государя будутъ все время раздаваться голоса, напоминающіе ему о Сенатѣ.

Несомнѣнно, что Сенатъ, со времени учрежденія его Петромъ I-мъ, значительно видоизмѣнился, и та роль, которую онъ игралъ въ ближайшія послѣ Петра царствованія, была имъ давно утрачена. Правда, что и теперь, во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ всегда обращались къ Сенату, но это было лишь одно названіе, одинъ звукъ, который по-прежнему повторялся обществомъ, искавшимъ въ этомъ

Каменноостровскій дворецъ, въ которомъ въ то время жилъ Александръ, отдѣлялся отъ дачи Строганова Невой и мостомъ. Государь и императрица поѣхали однажды на обѣдъ къ графу Строганову, гдѣ находились и братья Воронцовы; послѣ обѣда, вставъ изъ-за стола, государь прошелся по саду и вошелъ въ одинъ изъ павильоновъ, который занималъ Новосильцовъ. Мы всѣ послѣдовали за нимъ, и вскорѣ завязалась бесѣда. Графъ Семенъ Воронцовъ, по уговору, выступилъ при этомъ случаѣ ораторомъ, въ надеждѣ, что слова его произведутъ особенное впечатлѣніе, какъ человѣка, только-что пріѣхавшаго изъ Англіи и вскорѣ вновь возвращающагося туда, слѣдовательно чуждаго тому, что происходитъ въ Петербургѣ, и вполнѣ безпристрастнаго, имѣющаго болѣе другихъ право откровенно изложить свой образъ мыслей и быть выслушаннымъ. Рѣчь его не была однако столь краснорѣчива и убѣдительна, какъ мы этого ожидали. Государь, обладавшій особенной способностью дѣлать удачныя возраженія, нѣсколько разъ ставилъ втупикъ графа Семена и его брата. Ораторъ старался доказать государю необходимость болѣе рѣшительныхъ дѣйствій, убѣдить его въ томъ, что новое царствованіе вызвало въ обществѣ надежды на улучшенія, на реформы, которыхъ ждетъ отъ него не только Россія, но и Европа. Но все это были общія фразы, и когда государь обратился съ вопросомъ, въ какой области должны главнымъ образомъ произойти эти реформы и какъ слѣдуетъ къ нимъ приступить, графъ Семенъ и его братъ были увѣрены, что они превозмогли всѣ затрудненія, указавъ на необходимость поднять, прежде всего, утраченное съ теченіемъ времени значеніе и авторитетъ Сената.

Это высшее государственное учрежденіе, облеченное, по мысли законодателя, высшею въ государствѣ властью, заключало въ себѣ, по ихъ мнѣнію, всѣ гарантіи и всѣ необходимыя средства къ проведенію намѣченныхъ реформъ. Каждая фраза графа Семена Воронцова начиналась и заканчивалась Сенатомъ, на который онъ ссылался въ каждомъ удобномъ и не удобномъ случаѣ. Онъ говорилъ о немъ такъ много, что мы всѣ рѣшили, что въ эту ночь въ ушахъ государя будутъ все время раздаваться голоса, напоминающіе ему о Сенатѣ.

Несомнѣнно, что Сенатъ, со времени учрежденія его Петромъ I-мъ, значительно видоизмѣнился, и та роль, которую онъ игралъ въ ближайшія послѣ Петра царствованія, была имъ давно утрачена. Правда, что и теперь, во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ всегда обращались къ Сенату, но это было лишь одно названіе, одинъ звукъ, который по-прежнему повторялся обществомъ, искавшимъ въ этомъ

учрежденіи той опоры, которой Сенатъ не былъ уже въ силахъ ему дать. Имѣя въ своей средѣ людей, въ большинствѣ случаевъ непригодныхъ къ службѣ, лишенныхъ энергіи, попавшихъ туда не по заслугамъ, Сенатъ не могъ, въ качествѣ высшаго государственнаго учрежденія, отвѣчать на тѣ запросы, которые предъявляла къ нему та или другая партія, или выступить въ роли ихъ руководителя.

Такое положеніе Сената послужило поводомъ къ выходу перваго манифеста, которымъ императоръ хотѣлъ возстановить и возвысить авторитетъ и достоинство этого главнѣйшаго изъ государственныхъ учрежденій. Это была, такъ сказать, осторожная подготовка умовъ къ воспринятію задуманныхъ реформъ. Желаніе поднять престижъ Сената было понятно всѣмъ и льстило русскому дворянству, такъ какъ Сенатъ былъ уже для Россіи высшей судебной властью и высшимъ государственнымъ учрежденіемъ. Хотя каждое, какое бы то ни было, слово императора, какъ слово самодержавнаго государя, имѣло силу закона и требовало безпрекословнаго повиновенія, тѣмъ не менѣе установился порядокъ, чтобы всѣ приказанія, всѣ желанія императора, въ особенности касающіяся общихъ установленій, гражданскихъ или уголовныхъ законовъ, препровождались въ Сенатъ, который ихъ опубликовывалъ и слѣдилъ за ихъ выполненіемъ.

Различнымъ департаментамъ Сената вмѣнено было въ обязанность быть не только высшей инстанціей гражданскаго и уголовнаго суда, но и карать за нарушенія правительственныхъ распоряженій. Сенатъ имѣлъ право, на основаніи императорскихъ рескриптовъ, издавать свои собственные указы, разъяснявшіе и дополнявшіе ихъ, смотря по мѣрѣ надобности. Доклады его поступали къ государю на одобреніе. Губернаторы и губернскія финансовыя учрежденія находились въ непосредственномъ вѣдѣніи Сената и обязаны были присылать ему оффиціальные доклады для представленія ихъ на благоусмотрѣніе государя. Поэтому это государственное учрежденіе и носило названіе Правительствующаго Сената. Такое объединеніе въ немъ власти, какъ судебной, такъ и исполнительной, своей сложностью замедляло и тормозило ходъ всего внутренняго управленія и не согласовалось съ новыми идеями; но не было никакой возможности тронуть это устарѣлое учрежденіе, вѣдавшее дѣла всей имперіи, не подвергая послѣднія еще большей путаницѣ, такъ велика была рутина въ ходѣ русскаго государственнаго механизма. За Сенатомъ сохранялось его административное значеніе, въ надеждѣ, что уже и наблюдалось, что оно мало по малу потеряетъ свою силу. По мысли графа Воронцова, всѣ обязанности, вся власть Сената утверждались

учрежденіи той опоры, которой Сенатъ не былъ уже въ силахъ ему дать. Имѣя въ своей средѣ людей, въ большинствѣ случаевъ непригодныхъ къ службѣ, лишенныхъ энергіи, попавшихъ туда не по заслугамъ, Сенатъ не могъ, въ качествѣ высшаго государственнаго учрежденія, отвѣчать на тѣ запросы, которые предъявляла къ нему та или другая партія, или выступить въ роли ихъ руководителя.

Такое положеніе Сената послужило поводомъ къ выходу перваго манифеста, которымъ императоръ хотѣлъ возстановить и возвысить авторитетъ и достоинство этого главнѣйшаго изъ государственныхъ учрежденій. Это была, такъ сказать, осторожная подготовка умовъ къ воспринятію задуманныхъ реформъ. Желаніе поднять престижъ Сената было понятно всѣмъ и льстило русскому дворянству, такъ какъ Сенатъ былъ уже для Россіи высшей судебной властью и высшимъ государственнымъ учрежденіемъ. Хотя каждое, какое бы то ни было, слово императора, какъ слово самодержавнаго государя, имѣло силу закона и требовало безпрекословнаго повиновенія, тѣмъ не менѣе установился порядокъ, чтобы всѣ приказанія, всѣ желанія императора, въ особенности касающіяся общихъ установленій, гражданскихъ или уголовныхъ законовъ, препровождались въ Сенатъ, который ихъ опубликовывалъ и слѣдилъ за ихъ выполненіемъ.

Различнымъ департаментамъ Сената вмѣнено было въ обязанность быть не только высшей инстанціей гражданскаго и уголовнаго суда, но и карать за нарушенія правительственныхъ распоряженій. Сенатъ имѣлъ право, на основаніи императорскихъ рескриптовъ, издавать свои собственные указы, разъяснявшіе и дополнявшіе ихъ, смотря по мѣрѣ надобности. Доклады его поступали къ государю на одобреніе. Губернаторы и губернскія финансовыя учрежденія находились въ непосредственномъ вѣдѣніи Сената и обязаны были присылать ему оффиціальные доклады для представленія ихъ на благоусмотрѣніе государя. Поэтому это государственное учрежденіе и носило названіе Правительствующаго Сената. Такое объединеніе въ немъ власти, какъ судебной, такъ и исполнительной, своей сложностью замедляло и тормозило ходъ всего внутренняго управленія и не согласовалось съ новыми идеями; но не было никакой возможности тронуть это устарѣлое учрежденіе, вѣдавшее дѣла всей имперіи, не подвергая послѣднія еще большей путаницѣ, такъ велика была рутина въ ходѣ русскаго государственнаго механизма. За Сенатомъ сохранялось его административное значеніе, въ надеждѣ, что уже и наблюдалось, что оно мало по малу потеряетъ свою силу. По мысли графа Воронцова, всѣ обязанности, вся власть Сената утверждались

за нимъ, кромѣ того ему присвоивалось право дѣлать свои представленія на указы императора и одновременно устанавливалось правило, чтобы отчеты, представляемые всѣми министрами государю, отсылались затѣмъ въ Сенатъ, имѣвшій право высказать по этому поводу свое мнѣніе.

Многіе льстили себя надеждой, что это первый шагъ къ народному представительству, такъ какъ въ программу реформъ входило прежде всего лишеніе Сената исполнительной власти и оставленіе за нимъ только значенія высшаго судилища. Затѣмъ предполагалось постепенное видоизмѣненіе Сената въ нѣчто въ родѣ Верхней Палаты, гдѣ со временемъ избранные изъ дворянскаго сословія депутаты, совмѣстно съ монархомъ, приняли бы участіе въ совѣщаніяхъ, посвященныхъ обсужденію дѣйствій министровъ въ дѣлахъ управленія и разсмотрѣнія законовъ и общихъ установленій, какъ дѣйствующихъ, такъ и проектируемыхъ. Ничего подобнаго не случилось, и дѣло приняло, какъ мы увидимъ ниже, совсѣмъ другой оборотъ.

За границей не на шутку вообразили, что Петербургскій Сенатъ имѣетъ намѣреніе стать вершителемъ судебъ Россіи и, конечно, сильно ошиблись. Это доказываетъ только, что тамъ не знаютъ Россіи и не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что въ ней происходитъ.

Согласно существующему канцелярскому порядку, всѣ рѣшенія и постановленія Сената излагаются всегда въ такой растянутой и скучной формѣ, какъ нигдѣ въ мірѣ; каждое дѣло представляетъ изъ себя объемистый томъ, и надо имѣть много храбрости, чтобы рѣшиться его прочитать. О нѣкоторыхъ сенаторахъ, читающихъ отъ строки до строки все, что они подписываютъ, говорятъ съ удивленіемъ какъ о примѣрѣ исключительнаго героизма, которому не слѣдуютъ остальные. Большинство пасуетъ передъ грандіозностью такого труда и считаетъ себя въ правѣ подписывать дѣла, не читая ихъ. Можно судить по этому, способно ли государственное учрежденіе, находящееся въ такомъ положеніи, предпринимать и проводить какія-либо реформы въ Имперіи. Но такъ какъ въ Россіи нѣтъ другого государственнаго учрежденія, подобнаго ему, поэтому слово Сенатъ у всѣхъ на устахъ и по необходимости повторяется при всякомъ случаѣ.

Появленіемъ указа о Сенатѣ первая стрѣла была пущена— государь началъ задуманное имъ дѣло. Сенатъ былъ поставленъ въ новое положеніе, что принесло бы хорошіе плоды, если бы онъ имѣлъ другой составъ. Заложивъ первый камень для будущаго зда-

за нимъ, кромѣ того ему присвоивалось право дѣлать свои представленія на указы императора и одновременно устанавливалось правило, чтобы отчеты, представляемые всѣми министрами государю, отсылались затѣмъ въ Сенатъ, имѣвшій право высказать по этому поводу свое мнѣніе.

Многіе льстили себя надеждой, что это первый шагъ къ народному представительству, такъ какъ въ программу реформъ входило прежде всего лишеніе Сената исполнительной власти и оставленіе за нимъ только значенія высшаго судилища. Затѣмъ предполагалось постепенное видоизмѣненіе Сената въ нѣчто въ родѣ Верхней Палаты, гдѣ со временемъ избранные изъ дворянскаго сословія депутаты, совмѣстно съ монархомъ, приняли бы участіе въ совѣщаніяхъ, посвященныхъ обсужденію дѣйствій министровъ въ дѣлахъ управленія и разсмотрѣнія законовъ и общихъ установленій, какъ дѣйствующихъ, такъ и проектируемыхъ. Ничего подобнаго не случилось, и дѣло приняло, какъ мы увидимъ ниже, совсѣмъ другой оборотъ.

За границей не на шутку вообразили, что Петербургскій Сенатъ имѣетъ намѣреніе стать вершителемъ судебъ Россіи и, конечно, сильно ошиблись. Это доказываетъ только, что тамъ не знаютъ Россіи и не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что въ ней происходитъ.

Согласно существующему канцелярскому порядку, всѣ рѣшенія и постановленія Сената излагаются всегда въ такой растянутой и скучной формѣ, какъ нигдѣ въ мірѣ; каждое дѣло представляетъ изъ себя объемистый томъ, и надо имѣть много храбрости, чтобы рѣшиться его прочитать. О нѣкоторыхъ сенаторахъ, читающихъ отъ строки до строки все, что они подписываютъ, говорятъ съ удивленіемъ какъ о примѣрѣ исключительнаго героизма, которому не слѣдуютъ остальные. Большинство пасуетъ передъ грандіозностью такого труда и считаетъ себя въ правѣ подписывать дѣла, не читая ихъ. Можно судить по этому, способно ли государственное учрежденіе, находящееся въ такомъ положеніи, предпринимать и проводить какія-либо реформы въ Имперіи. Но такъ какъ въ Россіи нѣтъ другого государственнаго учрежденія, подобнаго ему, поэтому слово Сенатъ у всѣхъ на устахъ и по необходимости повторяется при всякомъ случаѣ.

Появленіемъ указа о Сенатѣ первая стрѣла была пущена— государь началъ задуманное имъ дѣло. Сенатъ былъ поставленъ въ новое положеніе, что принесло бы хорошіе плоды, если бы онъ имѣлъ другой составъ. Заложивъ первый камень для будущаго зда-

нія правильной, законодательной власти и прививъ самодержавной власти зародышъ ограниченія, который могъ бы иногда служить регуляторомъ ея часто необузданнаго всемогущества, императоръ долженъ былъ заняться благоустройствомъ внутренняго управленія, чтобы придать ходу его болѣе правильности, методичности и ясности. Управленію страны не доставало именно этихъ качествъ: порядокъ отсутствовалъ, механизмъ шелъ толчками, вся администрація представляла собою полнѣйшій хаосъ, гдѣ ничто не было упорядочено и ясно опредѣлено.

Въ сущности, Россія знала только Правительствующій Сенатъ и коллегіи: военную, морскую и иностранныхъ дѣлъ, которыя занимали слѣдующую послѣ Сената ступень на правительственной іерархической лѣстницѣ. Можно было со стороны подумать, что Россія управляется совѣщательными учрежденіями, а между тѣмъ ничего подобнаго не было. Каждая коллегія черезъ одного изъ своихъ членовъ, обыкновенно черезъ предсѣдателя, входила въ сношенія съ государемъ; онъ представлялъ императору доклады коллегіи, объявлялъ ей о монаршемъ рѣшеніи. Въ Сенатѣ такого представителя, въ настоящемъ смыслѣ слова, не было, и главный прокуроръ, наблюдавшій и рѣшавшій все, что тамъ происходило, представлялъ, такъ сказать, своей особой министерства: внутреннихъ дѣлъ, полиціи, финансовъ и юстиціи. Кромѣ этого, государи учреждали иногда отдѣльныя вѣдомства и приказывали доклады, напр., коммерческаго суда, дѣлать черезъ спеціальное лицо, предсѣдательствовавшее въ этомъ судѣ. Императрица Екатерина также часто исключала изъ вѣдѣнія Сената управленіе покоренными провинціями и предоставляла его на время кому-либо изъ наиболѣе приближенныхъ къ ней лицъ, какъ напр., Потемкину, Зубову, которые правили ими непосредственно, совѣтуясь только съ императрицею.

Кромѣ того, государи имѣли при себѣ государственныхъ секретарей, черезъ которыхъ множество дѣлъ поступало непосредственно къ монархамъ и рѣшенія ихъ посылались въ Сенатъ уже въ формѣ указовъ — для приведенія ихъ въ исполненіе. Нерѣдко доклады сената и коллегіи, представленные монарху министрами или чиновниками, уполномоченными на это, вмѣсто немедленнаго утвержденія ихъ, откладывались въ сторону и затѣмъ, послѣ ознакомленія съ ихъ содержаніемъ одного изъ секретарей, представленное постановленіе отмѣнялось, или измѣнялось, или же заканчивалось рѣшеніемъ, совершенно противоположнымъ представленному. Ясно, насколько такой способъ правленія благопріятствовалъ самому полному произволу и какъ онъ поощрялъ всевозможныя выдумки, которыми защищалось самодержавіе.

нія правильной, законодательной власти и прививъ самодержавной власти зародышъ ограниченія, который могъ бы иногда служить регуляторомъ ея часто необузданнаго всемогущества, императоръ долженъ былъ заняться благоустройствомъ внутренняго управленія, чтобы придать ходу его болѣе правильности, методичности и ясности. Управленію страны не доставало именно этихъ качествъ: порядокъ отсутствовалъ, механизмъ шелъ толчками, вся администрація представляла собою полнѣйшій хаосъ, гдѣ ничто не было упорядочено и ясно опредѣлено.

Въ сущности, Россія знала только Правительствующій Сенатъ и коллегіи: военную, морскую и иностранныхъ дѣлъ, которыя занимали слѣдующую послѣ Сената ступень на правительственной іерархической лѣстницѣ. Можно было со стороны подумать, что Россія управляется совѣщательными учрежденіями, а между тѣмъ ничего подобнаго не было. Каждая коллегія черезъ одного изъ своихъ членовъ, обыкновенно черезъ предсѣдателя, входила въ сношенія съ государемъ; онъ представлялъ императору доклады коллегіи, объявлялъ ей о монаршемъ рѣшеніи. Въ Сенатѣ такого представителя, въ настоящемъ смыслѣ слова, не было, и главный прокуроръ, наблюдавшій и рѣшавшій все, что тамъ происходило, представлялъ, такъ сказать, своей особой министерства: внутреннихъ дѣлъ, полиціи, финансовъ и юстиціи. Кромѣ этого, государи учреждали иногда отдѣльныя вѣдомства и приказывали доклады, напр., коммерческаго суда, дѣлать черезъ спеціальное лицо, предсѣдательствовавшее въ этомъ судѣ. Императрица Екатерина также часто исключала изъ вѣдѣнія Сената управленіе покоренными провинціями и предоставляла его на время кому-либо изъ наиболѣе приближенныхъ къ ней лицъ, какъ напр., Потемкину, Зубову, которые правили ими непосредственно, совѣтуясь только съ императрицею.

Кромѣ того, государи имѣли при себѣ государственныхъ секретарей, черезъ которыхъ множество дѣлъ поступало непосредственно къ монархамъ и рѣшенія ихъ посылались въ Сенатъ уже въ формѣ указовъ — для приведенія ихъ въ исполненіе. Нерѣдко доклады сената и коллегіи, представленные монарху министрами или чиновниками, уполномоченными на это, вмѣсто немедленнаго утвержденія ихъ, откладывались въ сторону и затѣмъ, послѣ ознакомленія съ ихъ содержаніемъ одного изъ секретарей, представленное постановленіе отмѣнялось, или измѣнялось, или же заканчивалось рѣшеніемъ, совершенно противоположнымъ представленному. Ясно, насколько такой способъ правленія благопріятствовалъ самому полному произволу и какъ онъ поощрялъ всевозможныя выдумки, которыми защищалось самодержавіе.

Императоръ Павелъ, воображавшій себя знатокомъ военнаго дѣла и ревниво не признававшій другой власти надъ арміей, кромѣ своей, выдѣлилъ изъ дѣлъ военнаго министерства все, что касалось личнаго состава, и присвоилъ одному изъ своихъ адъютантовъ, пользовавшемуся наибольшимъ его довѣріемъ, право сообщать военному министру волю императора. Повышенія, назначенія, донесенія военнаго суда и доклады военнаго министерства представлялись на усмотрѣніе государя этимъ же самымъ адъютантомъ. Другой адъютантъ имѣлъ такія же полномочія по морскому министерству.

Иностранныя дѣла велись особеннымъ образомъ. Они были довѣрены коллегіи, обыкновенно состоявшей изъ трехъ членовъ; каждый изъ нихъ совѣщался съ государемъ отдѣльно и каждому поручалось веденіе какого-либо секретнаго дѣла или корреспонденціи, остававшихся тайной для остальныхъ членовъ. Естественно, что всѣ изъ кожи вонъ лѣзли, чтобы заслужить такое довѣріе. Екатериненскіе фавориты любили вмѣшиваться въ эту область правленія, доставлявшую имъ богатые подарки со стороны сильныхъ міра. Для веденія переговоровъ, поручаемыхъ имъ императрицей, они избирали одного изъ членовъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, любезность котораго щедро вознаграждалась. Такой именно случай былъ въ послѣдніе годы царствованія Екатерины съ княземъ Зубовымъ и графомъ Морковымъ, которые были главными инициаторами двухъ послѣднихъ раздѣловъ Польши. Графъ Остерманъ и графъ Безбородко въ совѣтѣ, созванномъ по этому поводу, подали свои голоса противъ раздѣла и уничтоженія Польши.

Во времена Павла адъютанты зачастую руководили и иностранными дѣлами. Вице-канцлеръ или самый старшій изъ членовъ коллегіи вѣдалъ только административную и финансовую части и велъ текущую корреспонденцію. Весьма понятно, что такая умная голова, какою была императрица Екатерина, находила удовольствіе въ такомъ способѣ веденія дѣлъ, такъ какъ могла, несмотря на множество затрудненій и на полное отсутствіе вокругъ нея единодушія, дать своимъ послѣднимъ рѣшительнымъ словомъ правильный ходъ государственной машинѣ. Императоръ Павелъ, несмотря на неровности его характера и на безпрестанныя, внезапныя перемѣны настроеній, тѣмъ не менѣе обладалъ твердой, непреклонной волей, которой всѣ колеса государственнаго механизма немедленно повиновались. Но если представить себѣ государя, какихъ такъ много, со слабымъ, нерѣшительнымъ характеромъ, то придется признаться, что въ этомъ случаѣ такой способъ правленія долженъ порождать много очень важныхъ затрудненій. Такой государь безпрестанно впадалъ бы въ

Императоръ Павелъ, воображавшій себя знатокомъ военнаго дѣла и ревниво не признававшій другой власти надъ арміей, кромѣ своей, выдѣлилъ изъ дѣлъ военнаго министерства все, что касалось личнаго состава, и присвоилъ одному изъ своихъ адъютантовъ, пользовавшемуся наибольшимъ его довѣріемъ, право сообщать военному министру волю императора. Повышенія, назначенія, донесенія военнаго суда и доклады военнаго министерства представлялись на усмотрѣніе государя этимъ же самымъ адъютантомъ. Другой адъютантъ имѣлъ такія же полномочія по морскому министерству.

Иностранныя дѣла велись особеннымъ образомъ. Они были довѣрены коллегіи, обыкновенно состоявшей изъ трехъ членовъ; каждый изъ нихъ совѣщался съ государемъ отдѣльно и каждому поручалось веденіе какого-либо секретнаго дѣла или корреспонденціи, остававшихся тайной для остальныхъ членовъ. Естественно, что всѣ изъ кожи вонъ лѣзли, чтобы заслужить такое довѣріе. Екатериненскіе фавориты любили вмѣшиваться въ эту область правленія, доставлявшую имъ богатые подарки со стороны сильныхъ міра. Для веденія переговоровъ, поручаемыхъ имъ императрицей, они избирали одного изъ членовъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, любезность котораго щедро вознаграждалась. Такой именно случай былъ въ послѣдніе годы царствованія Екатерины съ княземъ Зубовымъ и графомъ Морковымъ, которые были главными инціаторами двухъ послѣднихъ раздѣловъ Польши. Графъ Остерманъ и графъ Безбородко въ совѣтѣ, созванномъ по этому поводу, подали свои голоса противъ раздѣла и уничтоженія Польши.

Во времена Павла адъютанты зачастую руководили и иностранными дѣлами. Вице-канцлеръ или самый старшій изъ членовъ коллегіи вѣдалъ только административную и финансовую части и велъ текущую корреспонденцію. Весьма понятно, что такая умная голова, какою была императрица Екатерина, находила удовольствіе въ такомъ способѣ веденія дѣлъ, такъ какъ могла, несмотря на множество затрудненій и на полное отсутствіе вокругъ нея единодушія, дать своимъ послѣднимъ рѣшительнымъ словомъ правильный ходъ государственной машинѣ. Императоръ Павелъ, несмотря на неровности его характера и на безпрестанныя, внезапныя перемѣны настроеній, тѣмъ не менѣе обладалъ твердой, непреклонной волей, которой всѣ колеса государственнаго механизма немедленно повиновались. Но если представить себѣ государя, какихъ такъ много, со слабымъ, нерѣшительнымъ характеромъ, то придется признаться, что въ этомъ случаѣ такой способъ правленія долженъ порождать много очень важныхъ затрудненій. Такой государь безпрестанно впадалъ бы въ

ошибки, не былъ бы въ состояніи схватить всю суть дѣла и всесторонне разсмотрѣть каждый вопросъ. Онъ дѣйствовалъ бы, какъ въ потемкахъ, теряясь въ хаосѣ различныхъ взглядовъ и мнѣній, часто неискреннихъ, и никогда не былъ бы въ состояніи достичь намѣченной цѣли.

Во всякомъ случаѣ Россія должна быть благодарна императору Александру и тѣмъ, которые въ то время посовѣтовали ему сдѣлать попытку внести болѣе порядка и системы въ государственное управленіе.

Цѣлью реформъ было принятое въ большой части европейскихъ государствъ раздѣленіе министерствъ, точное опредѣленіе границъ ихъ вѣдомствъ, сосредоточеніе въ каждомъ министерствѣ дѣлъ одного и того же рода, т. е. централизація управленія ими, и увеличеніе черезъ это отвѣтственности высшихъ должностныхъ лицъ въ Имперіи. Надѣялись, что, кромѣ другихъ благихъ результатовъ, мѣры эти послужатъ дѣйствительнымъ средствомъ для ограниченія злоупотребленія властью, взяточничества и безчисленныхъ хищеній, составлявшихъ язву русскаго государства, такъ какъ никакое другое средство не въ силахъ было прекратить ихъ.

Императоръ учредилъ еще не бывалыя въ Россіи министерство внутреннихъ дѣлъ и полиціи, министерство финансовъ и министерство юстиціи, которыя до сихъ поръ были соединены въ лицѣ генералъ-прокурора Сената; затѣмъ возникло министерство народнаго просвѣщенія, бывшаго до сихъ поръ въ самомъ запущенномъ, плохомъ состояніи; наконецъ министерства: торговли, иностранныхъ дѣлъ, морское и военное. Въ отношеніи послѣднихъ Александръ, пропитанный правилами своего отца, не захотѣлъ измѣнить установленнаго имъ порядка и сохранилъ права своихъ личныхъ адъютантовъ; все, что касалось арміи, до самаго малѣйшаго назначенія, должно было исходить непосредственно отъ императора, чтобы армія знала его. Это было святое святыхъ, касаться котораго никто не имѣлъ права, ничье вмѣшательство не терпѣлось въ этой области, гдѣ все рѣшалось по приказу и при непосредственномъ участіи императора.

Съ теченіемъ времени званіе такого адъютанта видоизмѣнилось въ званіе начальника штаба его императорскаго величества. Это доказываетъ, что Россія все время считала себя на военномъ положеніи и ежеминутно готова была начать войну. Манифестъ, вводившій всѣ эти перемѣны въ государственномъ управленіи, наконецъ появился. Кромѣ созданія и раздѣленія министерствъ, манифестъ этотъ устанавливалъ новое положеніе, въ силу коего всѣ указы

ошибки, не былъ бы въ состояніи схватить всю суть дѣла и всесторонне разсмотрѣть каждый вопросъ. Онъ дѣйствовалъ бы, какъ въ потемкахъ, теряясь въ хаосѣ различныхъ взглядовъ и мнѣній, часто неискреннихъ, и никогда не былъ бы въ состояніи достичь намѣченной цѣли.

Во всякомъ случаѣ Россія должна быть благодарна императору Александру и тѣмъ, которые въ то время посовѣтовали ему сдѣлать попытку внести болѣе порядка и системы въ государственное управленіе.

Цѣлью реформъ было принятое въ большой части европейскихъ государствъ раздѣленіе министерствъ, точное опредѣленіе границъ ихъ вѣдомствъ, сосредоточеніе въ каждомъ министерствѣ дѣлъ одного и того же рода, т. е. централизація управленія ими, и увеличеніе черезъ это отвѣтственности высшихъ должностныхъ лицъ въ Имперіи. Надѣялись, что, кромѣ другихъ благихъ результатовъ, мѣры эти послужатъ дѣйствительнымъ средствомъ для ограниченія злоупотребленія властью, взяточничества и безчисленныхъ хищеній, составлявшихъ язву русскаго государства, такъ какъ никакое другое средство не въ силахъ было прекратить ихъ.

Императоръ учредилъ еще не бывалыя въ Россіи министерство внутреннихъ дѣлъ и полиціи, министерство финансовъ и министерство юстиціи, которыя до сихъ поръ были соединены въ лицѣ генералъ-прокурора Сената; затѣмъ возникло министерство народнаго просвѣщенія, бывшаго до сихъ поръ въ самомъ запущенномъ, плохомъ состояніи; наконецъ министерства: торговли, иностранныхъ дѣлъ, морское и военное. Въ отношеніи послѣднихъ Александръ, пропитанный правилами своего отца, не захотѣлъ измѣнить установленнаго имъ порядка и сохранилъ права своихъ личныхъ адъютантовъ; все, что касалось арміи, до самаго малѣйшаго назначенія, должно было исходить непосредственно отъ императора, чтобы армія знала его. Это было святое святыхъ, касаться котораго никто не имѣлъ права, ничье вмѣшательство не терпѣлось въ этой области, гдѣ все рѣшалось по приказу и при непосредственномъ участіи императора.

Съ теченіемъ времени званіе такого адъютанта видоизмѣнилось въ званіе начальника штаба его императорскаго величества. Это доказываетъ, что Россія все время считала себя на военномъ положеніи и ежеминутно готова была начать войну. Манифестъ, вводившій всѣ эти перемѣны въ государственномъ управленіи, наконецъ появился. Кромѣ созданія и раздѣленія министерствъ, манифестъ этотъ устанавливалъ новое положеніе, въ силу коего всѣ указы

императора должны были предварительно подписываться однимъ изъ министровъ,—это была новая попытка, которою надѣялись водворить въ Россіи отвѣтственность высшихъ чиновъ. Министры должны были собираться въ комитетѣ, куда направлялись наиболѣе важныя дѣла, затрогивавшія интересы всей Имперіи и касавшіяся нѣсколькихъ министерствъ.

Сенатъ оставался при своихъ прежнихъ функціяхъ съ присоединеніемъ еще новыхъ, весьма важныхъ; тѣ же, которыя касались собственно управленія, естественно утратили свое значеніе и вскорѣ превратились въ одну форму. То же самое произошло и со старымъ Государственнымъ Совѣтомъ, пока еще не упраздненнымъ, въ которомъ засѣдало нѣсколько важныхъ сановниковъ, большая часть которыхъ не играла никакой роли во вновь учрежденныхъ установленіяхъ. Государь продолжалъ еще отъ времени до времени посылать нѣкоторыя, особенно непріятныя или запущенныя, дѣла на разсмотрѣніе этого Совѣта. Но мало по малу по безполезности, значеніе его все болѣе и болѣе падало, пока, наконецъ, Александръ не нашелъ нужнымъ создать новый Государственный Совѣтъ по совершенно новому и болѣе обширному плану.

Всѣ эти реформы, сами по себѣ естественныя и элементарныя во всякой другой странѣ, для Россіи являлись дѣломъ новымъ и чрезвычайнымъ. Манифестъ надѣлалъ много шуму въ государствѣ и въ особенности въ петербургскихъ и московскихъ салонахъ. Снисходительность государя поощряла критическое отношеніе общества къ вводимымъ новшествамъ, насколько вообще такое отношеніе возможно въ Россіи; кромѣ того критика нашла себѣ поддержку въ лицѣ императрицы-матери, безсознательно недовольной, что сынъ ея не совѣщается съ нею о дѣлахъ, и она не имѣетъ уже вліянія на его рѣшенія. Вдовствующая императрица во всѣхъ этихъ нововведеніяхъ видѣла зародышъ либерализма, дальнѣйшее развитіе котораго ее пугало; поэтому пріемная ея сдѣлалась центромъ оппозиціи, собиравшейся здѣсь для выраженія своего недовольства существующимъ положеніемъ дѣлъ.

Вмѣстѣ съ пресловутымъ манифестомъ появились и новыя наименованія созданныхъ должностей и мѣстъ; эту часть реформы нелегко было наладить.

Во главѣ управленія всталъ *графъ Александръ Воронцовъ*, получившій, кромѣ портфеля министра иностранныхъ дѣлъ, еще званіе канцлера, льстившее его честолюбію, такъ какъ этого титула давно уже никто не удостоивался. *Графъ Кочубей* безъ тѣни сожалѣнія, скорѣе даже съ удовольствіемъ оставилъ министерство, въ

императора должны были предварительно подписываться однимъ изъ министровъ,—это была новая попытка, которою надѣялись водворить въ Россіи отвѣтственность высшихъ чиновъ. Министры должны были собираться въ комитетѣ, куда направлялись наиболѣе важныя дѣла, затрогивавшія интересы всей Имперіи и касавшіяся нѣсколькихъ министерствъ.

Сенатъ оставался при своихъ прежнихъ функціяхъ съ присоединеніемъ еще новыхъ, весьма важныхъ; тѣ же, которыя касались собственно управленія, естественно утратили свое значеніе и вскорѣ превратились въ одну форму. То же самое произошло и со старымъ Государственнымъ Совѣтомъ, пока еще не упраздненнымъ, въ которомъ засѣдало нѣсколько важныхъ сановниковъ, большая часть которыхъ не играла никакой роли во вновь учрежденныхъ установленіяхъ. Государь продолжалъ еще отъ времени до времени посылать нѣкоторыя, особенно непріятныя или запущенныя, дѣла на разсмотрѣніе этого Совѣта. Но мало по малу по безполезности, значеніе его все болѣе и болѣе падало, пока, наконецъ, Александръ не нашелъ нужнымъ создать новый Государственный Совѣтъ по совершенно новому и болѣе обширному плану.

Всѣ эти реформы, сами по себѣ естественныя и элементарныя во всякой другой странѣ, для Россіи являлись дѣломъ новымъ и чрезвычайнымъ. Манифестъ надѣлалъ много шуму въ государствѣ и въ особенности въ петербургскихъ и московскихъ салонахъ. Снисходительность государя поощряла критическое отношеніе общества къ вводимымъ новшествамъ, насколько вообще такое отношеніе возможно въ Россіи; кромѣ того критика нашла себѣ поддержку въ лицѣ императрицы-матери, безсознательно недовольной, что сынъ ея не совѣщается съ нею о дѣлахъ, и она не имѣетъ уже вліянія на его рѣшенія. Вдовствующая императрица во всѣхъ этихъ нововведеніяхъ видѣла зародышъ либерализма, дальнѣйшее развитіе котораго ее пугало; поэтому пріемная ея сдѣлалась центромъ оппозиціи, собиравшейся здѣсь для выраженія своего недовольства существующимъ положеніемъ дѣлъ.

Вмѣстѣ съ пресловутымъ манифестомъ появились и новыя наименованія созданныхъ должностей и мѣстъ; эту часть реформы нелегко было наладить.

Во главѣ управленія всталъ *графъ Александръ Воронцовъ*, получившій, кромѣ портфеля министра иностранныхъ дѣлъ, еще званіе канцлера, льстившее его честолюбію, такъ какъ этого титула давно уже никто не удостоивался. *Графъ Кочубей* безъ тѣни сожалѣнія, скорѣе даже съ удовольствіемъ оставилъ министерство, въ

которомъ, по его мнѣнію, нечего было дѣлать, благодаря системѣ безразличія, которую онъ считалъ самою удобною для Россіи и наиболѣе соотвѣтствующей характеру, взглядамъ и желаніямъ императора. Онъ съ увлеченіемъ устремился по новому пути, открывшемуся передъ нимъ, съ созданіемъ министерства *внутреннихъ дѣлъ*, портфель котораго былъ ему ввѣренъ.

Чрезвычайно важныя полицейскія и административныя функціи, лежавшія въ основѣ этого министерства, прежде тонули въ общей массѣ обязанностей Сената, генералъ-прокурора и нѣсколькихъ секретарей, назначаемыхъ государемъ. Графу Кочубею нашлось не мало дѣла въ вѣдомствѣ, бывшемъ такъ долго въ полномъ забвеніи, гдѣ дѣйствія должностныхъ лицъ отдаленныхъ отъ столицы губерній оставались безъ всякаго контроля и наблюденія; дѣла велись безъ опредѣленнаго направленія, такъ какъ централизаціи ихъ не существовало; словомъ, все зависѣло отъ произвола невѣжественныхъ и алчныхъ чиновниковъ. Упорядочить это вѣдомство, двинуть его по новому пути было большимъ и смѣлымъ дѣломъ и если графу Кочубею и не удалось осуществить всего того, что онъ задумалъ, то, конечно, не по недостатку доброй воли и любви къ дѣлу. Онъ началъ съ устройства канцелярій и раздѣлилъ ихъ на нѣсколько отдѣленій, изъ которыхъ каждое вѣдало одну изъ отраслей этого обширнаго министерства. Онъ постарался привлечь къ себѣ самыхъ ловкихъ и испытанныхъ въ дѣлахъ такого рода людей, какихъ только могъ найти. Онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы поднять значеніе провинціальныхъ губернаторовъ, и назначалъ на эти посты людей, характеръ и положеніе которыхъ являлись порукой ихъ безкорыстія и которые подавали надежду, что если они и являются новичками въ этомъ дѣлѣ, то опытъ и личное желаніе помогутъ имъ достичь многаго.

До сихъ поръ въ Россіи не существовало министерства *финансовъ*. Теперь оно было создано и вручено графу *Васильеву*, человѣку способному и опытному, бывшему заправилой финансовыхъ дѣлъ у князя Вяземскаго—единственнаго генералъ-прокурора временъ императрицы Екатерины, о которомъ вспоминали съ похвалой.

Всѣ отрасли государственныхъ доходовъ, винные откупа, банки и т. п. составили предметъ вѣдѣнія этого министерства; сюда же присоединили и горный департаментъ, рамки котораго были значительно расширены.

Обязанности министра юстиціи были соединены съ обязанностями главнаго прокурора Сената. Генералъ Беклешовъ, лишенный большей

которомъ, по его мнѣнію, нечего было дѣлать, благодаря системѣ безразличія, которую онъ считалъ самою удобною для Россіи и наиболѣе соотвѣтствующей характеру, взглядамъ и желаніямъ императора. Онъ съ увлеченіемъ устремился по новому пути, открывшемуся передъ нимъ, съ созданіемъ министерства *внутреннихъ дѣлъ*, портфель котораго былъ ему ввѣренъ.

Чрезвычайно важныя полицейскія и административныя функціи, лежавшія въ основѣ этого министерства, прежде тонули въ общей массѣ обязанностей Сената, генералъ-прокурора и нѣсколькихъ секретарей, назначаемыхъ государемъ. Графу Кочубею нашлось не мало дѣла въ вѣдомствѣ, бывшемъ такъ долго въ полномъ забвеніи, гдѣ дѣйствія должностныхъ лицъ отдаленныхъ отъ столицы губерній оставались безъ всякаго контроля и наблюденія; дѣла велись безъ опредѣленнаго направленія, такъ какъ централизаціи ихъ не существовало; словомъ, все зависѣло отъ произвола невѣжественныхъ и алчныхъ чиновниковъ. Упорядочить это вѣдомство, двинуть его по новому пути было большимъ и смѣлымъ дѣломъ и если графу Кочубею и не удалось осуществить всего того, что онъ задумалъ, то, конечно, не по недостатку доброй воли и любви къ дѣлу. Онъ началъ съ устройства канцелярій и раздѣлилъ ихъ на нѣсколько отдѣленій, изъ которыхъ каждое вѣдало одну изъ отраслей этого обширнаго министерства. Онъ постарался привлечь къ себѣ самыхъ ловкихъ и испытанныхъ въ дѣлахъ такого рода людей, какихъ только могъ найти. Онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы поднять значеніе провинціальныхъ губернаторовъ, и назначалъ на эти посты людей, характеръ и положеніе которыхъ являлись порукой ихъ безкорыстія и которые подавали надежду, что если они и являются новичками въ этомъ дѣлѣ, то опытъ и личное желаніе помогутъ имъ достичь многаго.

До сихъ поръ въ Россіи не существовало министерства *финансовъ*. Теперь оно было создано и вручено графу *Васильеву*, человѣку способному и опытному, бывшему заправилой финансовыхъ дѣлъ у князя Вяземскаго—единственнаго генералъ-прокурора временъ императрицы Екатерины, о которомъ вспоминали съ похвалой.

Всѣ отрасли государственныхъ доходовъ, винные откупа, банки и т. п. составили предметъ вѣдѣнія этого министерства; сюда же присоединили и горный департаментъ, рамки котораго были значительно расширены.

Обязанности министра юстиціи были соединены съ обязанностями главнаго прокурора Сената. Генералъ Беклешовъ, лишенный большей

части своихъ прерогативъ, благодаря появленію министерства внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, не захотѣлъ оставить за собой министерство *юстиціи* и вмѣсто него назначили *Державина*; это былъ личный выборъ государя, сдѣланный имъ совершенно безъ нашего воздѣйствія. Съ нѣкоторыми лицами, которыхъ государь самъ вводилъ въ наши собранія, онъ находился въ особенныхъ, непосредственныхъ отношеніяхъ, ему хотѣлось сдѣлать участниками новаго государственнаго управленія своихъ молодыхъ друзей, на которыхъ онъ возлагалъ большія надежды, вѣря, что они ревностно будутъ продолжать начатое дѣло и слѣдить за проведеніемъ дорогихъ сердцу императора реформъ. Графъ Кочубей уже получилъ назначеніе, но куда было дѣвать всѣхъ остальныхъ? Дать имъ министерскіе портфели—слишкомъ много, и вотъ рѣшено было создать мѣста товарищей министровъ. Такимъ образомъ „молодые люди" могли въ одно и то же время поддерживать своихъ начальниковъ въ направленіи, соотвѣтствующемъ взглядамъ императора, а ему помогать быть въ курсѣ дѣла.

Графъ Павелъ Строгановъ просилъ назначить его товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, чтобы раздѣлить трудъ съ графомъ Кочубеемъ. Новосильцевъ сталъ товарищемъ министра юстиціи, оставаясь въ то же время секретаремъ императора. Его мѣсто и его назначеніе считались самыми важными. Онъ долженъ былъ стать въ рукахъ Императора инструментомъ, съ помощью котораго Александръ собирался начать реформу законовъ и судопроизводства.

Въ это время въ Россіи не было человѣка, равнаго Новосильцеву по знанію управленія государственнымъ механизмомъ, насколько можно было вообще изучить этотъ предметъ по французскимъ и англійскимъ источникамъ. Практическій складъ ума не давалъ ему увлекаться несбыточными теоріями и всегда удерживалъ его на границѣ возможнаго. Онъ былъ ловкимъ дѣльцомъ, умѣвшимъ обходиться не только съ отдѣльными личностями, но вообще съ русскимъ народомъ, который онъ отлично изучилъ. Это были его положительныя качества, отрицательныя—пока еще не обнаружились. Онъ всегда поддерживалъ стремленіе Александра къ улучшенію положенія крестьянъ, и его перу принадлежитъ первый вышедшій по этому поводу указъ. Но къ этому еще вернемся.

Новосильцевъ возстановилъ комиссію для составленія новаго уложенія. Императрица Екатерина уже дѣлала попытку заняться этимъ важнымъ вопросомъ, что̀ вызвало такія похвалы по ея адресу со стороны Вольтера и Дидро; но работа ея въ этой области ограни-

части своихъ прерогативъ, благодаря появленію министерства внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, не захотѣлъ оставить за собой министерство *юстиціи* и вмѣсто него назначили *Державина*; это былъ личный выборъ государя, сдѣланный имъ совершенно безъ нашего воздѣйствія. Съ нѣкоторыми лицами, которыхъ государь самъ вводилъ въ наши собранія, онъ находился въ особенныхъ, непосредственныхъ отношеніяхъ, ему хотѣлось сдѣлать участниками новаго государственнаго управленія своихъ молодыхъ друзей, на которыхъ онъ возлагалъ большія надежды, вѣря, что они ревностно будутъ продолжать начатое дѣло и слѣдить за проведеніемъ дорогихъ сердцу императора реформъ. Графъ Кочубей уже получилъ назначеніе, но куда было дѣвать всѣхъ остальныхъ? Дать имъ министерскіе портфели—слишкомъ много, и вотъ рѣшено было создать мѣста товарищей министровъ. Такимъ образомъ „молодые люди“ могли въ одно и то же время поддерживать своихъ начальниковъ въ направленіи, соотвѣтствующемъ взглядамъ императора, а ему помогать быть въ курсѣ дѣла.

Графъ Павелъ Строгановъ просилъ назначить его товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, чтобы раздѣлить трудъ съ графомъ Кочубеемъ. Новосильцевъ сталъ товарищемъ министра юстиціи, оставаясь въ то же время секретаремъ императора. Его мѣсто и его назначеніе считались самыми важными. Онъ долженъ былъ стать въ рукахъ Императора инструментомъ, съ помощью котораго Александръ собирался начать реформу законовъ и судопроизводства.

Въ это время въ Россіи не было человѣка, равнаго Новосильцеву по знанію управленія государственнымъ механизмомъ, насколько можно было вообще изучить этотъ предметъ по французскимъ и англійскимъ источникамъ. Практическій складъ ума не давалъ ему увлекаться несбыточными теоріями и всегда удерживалъ его на границѣ возможнаго. Онъ былъ ловкимъ дѣльцомъ, умѣвшимъ обходиться не только съ отдѣльными личностями, но вообще съ русскимъ народомъ, который онъ отлично изучилъ. Это были его положительныя качества, отрицательныя—пока еще не обнаружились. Онъ всегда поддерживалъ стремленіе Александра къ улучшенію положенія крестьянъ, и его перу принадлежитъ первый вышедшій по этому поводу указъ. Но къ этому еще вернемся.

Новосильцевъ возстановилъ комиссію для составленія новаго уложенія. Императрица Екатерина уже дѣлала попытку заняться этимъ важнымъ вопросомъ, что̀ вызвало такія похвалы по ея адресу со стороны Вольтера и Дидро; но работа ея въ этой области ограни-

чилась опубликованіемъ наставленія, филантропическо-философскаго характера, обращеннаго Екатериной къ законодательной комиссіи, которая вскорѣ была уничтожена и трудамъ ея не суждено было увидѣть свѣтъ. По желанію государя, Новосильцевъ вернулъ къ жизни это забытое учрежденіе, со времени упраздненія котораго прошло уже болѣе 20-ти лѣтъ. Съ помощью барона Розенкампфа, нѣмецкаго юриста, Новосильцевъ организовалъ законодательную комиссію по болѣе широкому и хорошо задуманному плану и сумѣлъ дать правильное направленіе ея трудамъ. Задача состояла въ томъ, чтобы собрать всѣ указы, всѣ постановленія, всѣ существующіе русскіе законы, и распредѣлить ихъ по содержанію, по частямъ, по главамъ и т. д. Такимъ образомъ получился бы сводъ законовъ гражданскихъ, уголовныхъ, торговыхъ, административнаго судопроизводства и т. д.

Кромѣ чисто русскаго свода законовъ, такая же работа была посвящена отдѣльно собранію узаконеній для окраинъ, въ родѣ Литвы, Эстляндіи, Курляндіи и польскихъ губерній въ Малороссіи, которыя всѣ имѣли особые законы, обычаи и языкъ.

Этотъ грандіозный трудъ, правильно начатый и дѣятельно подвигаемый впередъ, занялъ не мало времени. Министры предоставили его своему товарищу, и Новосильцевъ весь отдался исключительно этой работѣ. Систематическое оглавленіе было сдѣлано барономъ Розенкампфомъ. Пока эти двое были на своихъ мѣстахъ, работа двигалась впередъ, тѣмъ не менѣе она не дала ожидаемыхъ результатовъ. Это бываетъ въ Россіи каждый разъ, когда происходятъ перемѣны лицъ, руководящихъ работой, въ то время, какъ она еще не закончена и результаты ея не выяснены.

Изъ всѣхъ „молодыхъ людей“, окружавшихъ императора, я одинъ не получилъ еще никакого назначенія. Александръ предложилъ мнѣ мѣсто товарища министра иностранныхъ дѣлъ. Графъ Воронцовъ былъ согласенъ на это; всѣ мои тогдашніе друзья и, въ особенности, императоръ уговаривали меня принять это назначеніе. Я долго отказывался и ставилъ на видъ, что русская національная партія будетъ крайне удивлена и недовольна моимъ назначеніемъ на этотъ постъ. Императоръ доказывалъ, что за время моей миссіи у короля Сардиніи я отлично зарекомендовалъ себя, какъ моими донесеніями, такъ и моимъ поведеніемъ, и что мое назначеніе не удивитъ никого; что, наконецъ, графъ Воронцовъ,—единственный человѣкъ, имѣющій право голоса въ этомъ случаѣ—согласенъ принять меня своимъ помощникомъ. Наконецъ, я сталъ соглашаться, скрѣпя сердце, такъ какъ съ принятіемъ этого назначенія меня ожидалъ новый путь,

чилась опубликованіемъ наставленія, филантропическо-философскаго характера, обращеннаго Екатериной къ законодательной комиссіи, которая вскорѣ была уничтожена и трудамъ ея не суждено было увидѣть свѣтъ. По желанію государя, Новосильцевъ вернулъ къ жизни это забытое учрежденіе, со времени упраздненія котораго прошло уже болѣе 20-ти лѣтъ. Съ помощью барона Розенкампфа, нѣмецкаго юриста, Новосильцевъ организовалъ законодательную комиссію по болѣе широкому и хорошо задуманному плану и сумѣлъ дать правильное направленіе ея трудамъ. Задача состояла въ томъ, чтобы собрать всѣ указы, всѣ постановленія, всѣ существующіе русскіе законы, и распредѣлить ихъ по содержанію, по частямъ, по главамъ и т. д. Такимъ образомъ получился бы сводъ законовъ гражданскихъ, уголовныхъ, торговыхъ, административнаго судопроизводства и т. д.

Кромѣ чисто русскаго свода законовъ, такая же работа была посвящена отдѣльно собранію узаконеній для окраинъ, въ родѣ Литвы, Эстляндіи, Курляндіи и польскихъ губерній въ Малороссіи, которыя всѣ имѣли особые законы, обычаи и языкъ.

Этотъ грандіозный трудъ, правильно начатый и дѣятельно подвигаемый впередъ, занялъ не мало времени. Министры предоставили его своему товарищу, и Новосильцевъ весь отдался исключительно этой работѣ. Систематическое оглавленіе было сдѣлано барономъ Розенкампфомъ. Пока эти двое были на своихъ мѣстахъ, работа двигалась впередъ, тѣмъ не менѣе она не дала ожидаемыхъ результатовъ. Это бываетъ въ Россіи каждый разъ, когда происходятъ перемѣны лицъ, руководящихъ работой, въ то время, какъ она еще не закончена и результаты ея не выяснены.

Изъ всѣхъ „молодыхъ людей“, окружавшихъ императора, я одинъ не получилъ еще никакого назначенія. Александръ предложилъ мнѣ мѣсто товарища министра иностранныхъ дѣлъ. Графъ Воронцовъ былъ согласенъ на это; всѣ мои тогдашніе друзья и, въ особенности, императоръ уговаривали меня принять это назначеніе. Я долго отказывался и ставилъ на видъ, что русская національная партія будетъ крайне удивлена и недовольна моимъ назначеніемъ на этотъ постъ. Императоръ доказывалъ, что за время моей миссіи у короля Сардиніи я отлично зарекомендовалъ себя, какъ моими донесеніями, такъ и моимъ поведеніемъ, и что мое назначеніе не удивитъ никого; что, наконецъ, графъ Воронцовъ,—единственный человѣкъ, имѣющій право голоса въ этомъ случаѣ—согласенъ принять меня своимъ помощникомъ. Наконецъ, я сталъ соглашаться, скрѣпя сердце, такъ какъ съ принятіемъ этого назначенія меня ожидалъ новый путь,

полный терній и удерживавшій меня въ Петербургѣ, гдѣ я всегда чувствовалъ себя, какъ тропическое растеніе, не могущее акклиматизироваться; я только и жилъ мечтой о возвращеніи домой, къ своимъ, вдали отъ которыхъ жизнь меня не радовала.

Высокое назначеніе не сдѣлало меня ни прозорливѣе, ни глубокомысленнѣе. Принимая это мѣсто, я рѣшилъ не дѣлать ничего, что могло бы оказать дурное вліяніе на будущую судьбу моей родины, но у меня не было ни опредѣленнаго плана, ни достаточно яснаго понятія о тѣхъ услугахъ, которыя я могъ бы оказать Польшѣ въ моемъ новомъ положеніи. И вотъ, какъ бы въ награду за мою уступку желаніямъ государя, мнѣ сдѣлали заманчивое предложеніе. Императоръ поручилъ мнѣ руководство народнымъ образованіемъ въ восьми польскихъ губерніяхъ, т. е. въ той части Польши, которая была ему подвластна.

Созданіе министерства народнаго просвѣщенія было для Россіи замѣчательнымъ нововведеніемъ, принесшимъ здоровые и обильные плоды, точно оцѣнить которые я не берусь. Каково бы ни было это министерство, потомство обязано благодарностью какъ ему, такъ и императору Александру, а кстати и „молодымъ людямъ“, часто осуждаемымъ, которые поддерживали государя въ его похвальныхъ начинаніяхъ и провели ихъ въ жизнь, раздѣливъ на различныя вѣдомства безпорядочный хаосъ предыдущаго государственнаго управленія. Нельзя себѣ представить ничего болѣе заброшеннаго, болѣе жалкаго, чѣмъ положеніе народнаго образованія до императора Александра. Въ Петербургской академіи наукъ, если и были кое-какія извѣстныя въ ученомъ мірѣ имена, то всѣ они принадлежали иностранцамъ, которыхъ правительству удалось привлечь въ Россію. Олера пригласили, напримѣръ, уже на закатѣ его дней, незадолго до смерти. Академія эта, мемуары которой велись большею частью на французскомъ или на нѣмецкомъ языкѣ, не имѣла никакого отношенія къ самой странѣ и нисколько не заботилась о томъ, чтобы повліять на ея успѣхи въ наукахъ. Въ Москвѣ былъ университетъ, стоявшій также въ сторонѣ отъ народа и посѣщаемый только какою-нибудь сотнею молодежи, содержимою за счетъ правительства. Своекоштные учащіеся случались очень рѣдко.

Кромѣ этихъ двухъ учрежденій, являвшихся цвѣтомъ русской науки и литературы, въ Россіи существовали только низшія школы, называемыя народными. Въ нихъ преподавались, при томъ весьма плохо, самыя элементарныя, свѣдѣнія; наблюденіе за этими школами было поручено жалкимъ воспитателямъ, спившимся отъ скуки и праздности, такъ какъ никто почти не посылалъ своихъ дѣтей въ

полный терній и удерживавшій меня въ Петербургѣ, гдѣ я всегда чувствовалъ себя, какъ тропическое растеніе, не могущее акклиматизироваться; я только и жилъ мечтой о возвращеніи домой, къ своимъ, вдали отъ которыхъ жизнь меня не радовала.

Высокое назначеніе не сдѣлало меня ни прозорливѣе, ни глубокомысленнѣе. Принимая это мѣсто, я рѣшилъ не дѣлать ничего, что могло бы оказать дурное вліяніе на будущую судьбу моей родины, но у меня не было ни опредѣленнаго плана, ни достаточно яснаго понятія о тѣхъ услугахъ, которыя я могъ бы оказать Польшѣ въ моемъ новомъ положеніи. И вотъ, какъ бы въ награду за мою уступку желаніямъ государя, мнѣ сдѣлали заманчивое предложеніе. Императоръ поручилъ мнѣ руководство народнымъ образованіемъ въ восьми польскихъ губерніяхъ, т. е. въ той части Польши, которая была ему подвластна.

Созданіе министерства народнаго просвѣщенія было для Россіи замѣчательнымъ нововведеніемъ, принесшимъ здоровые и обильные плоды, точно оцѣнить которые я не берусь. Каково бы ни было это министерство, потомство обязано благодарностью какъ ему, такъ и императору Александру, а кстати и „молодымъ людямъ", часто осуждаемымъ, которые поддерживали государя въ его похвальныхъ начинаніяхъ и провели ихъ въ жизнь, раздѣливъ на различныя вѣдомства безпорядочный хаосъ предыдущаго государственнаго управленія. Нельзя себѣ представить ничего болѣе заброшеннаго, болѣе жалкаго, чѣмъ положеніе народнаго образованія до императора Александра. Въ Петербургской академіи наукъ, если и были кое-какія извѣстныя въ ученомъ мірѣ имена, то всѣ они принадлежали иностранцамъ, которыхъ правительству удалось привлечь въ Россію. Олера пригласили, напримѣръ, уже на закатѣ его дней, незадолго до смерти. Академія эта, мемуары которой велись большею частью на французскомъ или на нѣмецкомъ языкѣ, не имѣла никакого отношенія къ самой странѣ и нисколько не заботилась о томъ, чтобы повліять на ея успѣхи въ наукахъ. Въ Москвѣ былъ университетъ, стоявшій также въ сторонѣ отъ народа и посѣщаемый только какою-нибудь сотнею молодежи, содержимою за счетъ правительства. Своекоштные учащіеся случались очень рѣдко.

Кромѣ этихъ двухъ учрежденій, являвшихся цвѣтомъ русской науки и литературы, въ Россіи существовали только низшія школы, называемыя народными. Въ нихъ преподавались, при томъ весьма плохо, самыя элементарныя, свѣдѣнія; наблюденіе за этими школами было поручено жалкимъ воспитателямъ, спившимся отъ скуки и праздности, такъ какъ никто почти не посылалъ своихъ дѣтей въ

эти школы, о которыхъ никто и не вспоминалъ. Съ возникновеніемъ министерства народнаго просвѣщенія физіономія Россіи должна была измѣниться. На болѣе основательное устройство трехъ уже существовавшихъ университетовъ, въ Москвѣ, Вильнѣ и Дерптѣ, были отпущены средства и, кромѣ того, основаны новые,—въ Петербургѣ, въ Харьковѣ и въ Казани. Каждый изъ нихъ являлся научнымъ центромъ опредѣленной части Имперіи, о просвѣщеніи которой онъ долженъ былъ заботиться; такимъ образомъ возникли, такъ называемые, учебные округа. Виленскій университетъ, чисто польскій, открытъ былъ исключительно для польскихъ губерній. Хотя объ немъ я еще буду говорить ниже, тѣмъ не менѣе не могу здѣсь не замѣтить, что въ послѣдующіе годы вся *Польша покрылась сѣтью школъ, гдѣ свободно развивалось и крѣпло чувство любви поляковъ къ своей родинѣ.*

Университетъ, куда я пригласилъ самыхъ выдающихся въ странѣ ученыхъ—и нѣсколькихъ знаменитыхъ профессоровъ изъ-за границы, дѣятельно и умѣло руководилъ этимъ движеніемъ въ Польшѣ, не оставляя желать ничего лучшаго въ этомъ отношеніи. Онъ ни отъ кого не скрывалъ своихъ дѣйствій, и прямыя ихъ послѣдствія, на которыя въ Россіи позднѣе такъ жаловались, въ то время естественно вытекали изъ великодушнаго замысла государя.

Казанскій университетъ получилъ задачу заняться просвѣщеніемъ татаръ и населенія Сибири.

Въ каждомъ университетѣ былъ свой попечитель. Всѣ попечители вмѣстѣ составляли совѣтъ народнаго просвѣщенія съ министромъ во главѣ; государь назначилъ попечителей, чтобы они не давали дѣлу народнаго образованія оставаться только на бумагѣ, но старательно и возможно успѣшнѣе проводили бы его въ жизнь.

Въ Дерптѣ попечителемъ былъ назначенъ генералъ *Клингеръ*, начальникъ одного изъ кадетскихъ корпусовъ, человѣкъ воспитанный, извѣстный нѣмецкій писатель, слегка болтливый, либералъ до мозга костей, весь отдавшійся службѣ самой деспотической странѣ, въ общемъ, весьма благонамѣренный и полный рвенія къ движенію впередъ науки и образованія.

Высказываемыя имъ эксцентричныя и мало примѣнимыя къ жизни теоріи, облекаемыя всегда въ рѣзкую и грубоватую форму, создали ему репутацію откровеннаго и энергичнаго человѣка, что и доставило ему благоволеніе Александра.

Графъ Северинъ Потоцкій былъ назначенъ попечителемъ Харьковскаго университета. Край этотъ прилегалъ къ Польшѣ, и

эти школы, о которыхъ никто и не вспоминалъ. Съ возникновеніемъ министерства народнаго просвѣщенія физіономія Россіи должна была измѣниться. На болѣе основательное устройство трехъ уже существовавшихъ университетовъ, въ Москвѣ, Вильнѣ и Дерптѣ, были отпущены средства и, кромѣ того, основаны новые,—въ Петербургѣ, въ Харьковѣ и въ Казани. Каждый изъ нихъ являлся научнымъ центромъ опредѣленной части Имперіи, о просвѣщеніи которой онъ долженъ былъ заботиться; такимъ образомъ возникли, такъ называемые, учебные округа. Виленскій университетъ, чисто польскій, открытъ былъ исключительно для польскихъ губерній. Хотя объ немъ я еще буду говорить ниже, тѣмъ не менѣе не могу здѣсь не замѣтить, что въ послѣдующіе годы вся *Польша покрылась сѣтью школъ, гдѣ свободно развивалось и крѣпло чувство любви поляковъ къ своей родинѣ.*

Университетъ, куда я пригласилъ самыхъ выдающихся въ странѣ ученыхъ—и нѣсколькихъ знаменитыхъ профессоровъ изъ-за границы, дѣятельно и умѣло руководилъ этимъ движеніемъ въ Польшѣ, не оставляя желать ничего лучшаго въ этомъ отношеніи. Онъ ни отъ кого не скрывалъ своихъ дѣйствій, и прямыя ихъ послѣдствія, на которыя въ Россіи позднѣе такъ жаловались, въ то время естественно вытекали изъ великодушнаго замысла государя.

Казанскій университетъ получилъ задачу заняться просвѣщеніемъ татаръ и населенія Сибири.

Въ каждомъ университетѣ былъ свой попечитель. Всѣ попечители вмѣстѣ составляли совѣтъ народнаго просвѣщенія съ министромъ во главѣ; государь назначилъ попечителей, чтобы они не давали дѣлу народнаго образованія оставаться только на бумагѣ, но старательно и возможно успѣшнѣе проводили бы его въ жизнь.

Въ Дерптѣ попечителемъ былъ назначенъ генералъ *Клингеръ*, начальникъ одного изъ кадетскихъ корпусовъ, человѣкъ воспитанный, извѣстный нѣмецкій писатель, слегка болтливый, либералъ до мозга костей, весь отдавшійся службѣ самой деспотической странѣ, въ общемъ, весьма благонамѣренный и полный рвенія къ движенію впередъ науки и образованія.

Высказываемыя имъ эксцентричныя и мало примѣнимыя къ жизни теоріи, облекаемыя всегда въ рѣзкую и грубоватую форму, создали ему репутацію откровеннаго и энергичнаго человѣка, что и доставило ему благоволеніе Александра.

Графъ Северинъ Потоцкій былъ назначенъ попечителемъ Харьковскаго университета. Край этотъ прилегалъ къ Польшѣ, и

жители ея жаждали получить средства къ образованію. Графъ Потоцкій, какъ полякъ, обратилъ на себя вниманіе великаго князя Александра и былъ принятъ имъ въ свой близкій кружокъ. Потоцкій восторгался личностью великаго князя и смотрѣлъ на него, какъ на идеалъ человѣка. Кромѣ назначенія его попечителемъ, онъ былъ сдѣланъ сенаторомъ третьяго департамента Правительствующаго Сената, гдѣ разсматривались дѣла польскихъ провинцій. Въ качествѣ сенатора графъ Северинъ сталъ знаменитостью въ Россіи, но объ этомъ я упомяну ниже. Какъ попечитель, онъ всегда ревностно занимался дѣлами подчиненнаго ему университета, пригласилъ туда выдающихся ученыхъ и часто посѣщалъ ввѣренную ему губернію.

Виленскій и Дерптскій университеты работали успѣшнѣе другихъ; за ними слѣдовалъ Харьковскій. Литовское, Эстляндское и Курляндское дворянство высказалось противъ Дерптскаго университета, объявившаго себя защитникомъ крестьянъ и средняго сословія. Одинъ изъ профессоровъ этого университета, *Парротъ*, большой чудакъ, выказывалъ безграничную привязанность къ императору Александру и часто доказывалъ это своей чрезмѣрной заботливостью о здоровьи государя. Я помню, между прочимъ, какъ г-жа Парротъ послала императору жилетъ собственнаго издѣлія, умоляя государя непремѣнно носить его, такъ какъ, по ея словамъ, жилетъ этотъ обладалъ свойствомъ поддерживать жизнь человѣческую. Выраженіемъ такой безграничной любви Парротъ съумѣлъ пріобрѣсти расположеніе государя, чему способствовали и его частыя поѣздки въ Петербургъ для личныхъ совѣщаній съ императоромъ.

Попечителемъ Московскаго университета былъ назначенъ *Муравьевъ*, бывшій воспитатель великаго князя и его секретарь, человѣкъ достойный, но крайне робкій и нерѣшительный. Императоръ назначилъ его товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, чтобы въ обществѣ не говорили, что только „молодые люди“ проходятъ въ товарищи министровъ и что эти мѣста были спеціально созданы для нихъ. *Новосильцева* назначили попечителемъ въ Петербургѣ. Такъ какъ въ столицѣ уже существовала медицинская академія, состоявшая въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, а юридическій факультетъ не могъ быть открытъ прежде, чѣмъ законодательная комиссія не окончитъ своихъ трудовъ, то Новосильцевъ ограничился учрежденіемъ нормальной школы или философскаго факультета съ цѣлью подготовки профессоровъ точныхъ и административныхъ наукъ, а также и словесности.

Новое учебное заведеніе блестяще начало свою дѣятельность; ученики его подавали въ началѣ большія надежды, что, впрочемъ,

жители ея жаждали получить средства къ образованію. Графъ Потоцкій, какъ полякъ, обратилъ на себя вниманіе великаго князя Александра и былъ принятъ имъ въ свой близкій кружокъ. Потоцкій восторгался личностью великаго князя и смотрѣлъ на него, какъ на идеалъ человѣка. Кромѣ назначенія его попечителемъ, онъ былъ сдѣланъ сенаторомъ третьяго департамента Правительствующаго Сената, гдѣ разсматривались дѣла польскихъ провинцій. Въ качествѣ сенатора графъ Северинъ сталъ знаменитостью въ Россіи, но объ этомъ я упомяну ниже. Какъ попечитель, онъ всегда ревностно занимался дѣлами подчиненнаго ему университета, пригласилъ туда выдающихся ученыхъ и часто посѣщалъ ввѣренную ему губернію.

Виленскій и Дерптскій университеты работали успѣшнѣе другихъ; за ними слѣдовалъ Харьковскій. Литовское, Эстляндское и Курляндское дворянство высказалось противъ Дерптскаго университета, объявившаго себя защитникомъ крестьянъ и средняго сословія. Одинъ изъ профессоровъ этого университета, *Парротъ*, большой чудакъ, выказывалъ безграничную привязанность къ императору Александру и часто доказывалъ это своей чрезмѣрной заботливостью о здоровьи государя. Я помню, между прочимъ, какъ г-жа Парротъ послала императору жилетъ собственнаго издѣлія, умоляя государя непремѣнно носить его, такъ какъ, по ея словамъ, жилетъ этотъ обладалъ свойствомъ поддерживать жизнь человѣческую. Выраженіемъ такой безграничной любви Парротъ съумѣлъ пріобрѣсти расположеніе государя, чему способствовали и его частыя поѣздки въ Петербургъ для личныхъ совѣщаній съ императоромъ.

Попечителемъ Московскаго университета былъ назначенъ *Муравьевъ*, бывшій воспитатель великаго князя и его секретарь, человѣкъ достойный, но крайне робкій и нерѣшительный. Императоръ назначилъ его товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, чтобы въ обществѣ не говорили, что только „молодые люди“ проходятъ въ товарищи министровъ и что эти мѣста были спеціально созданы для нихъ. *Новосильцева* назначили попечителемъ въ Петербургѣ. Такъ какъ въ столицѣ уже существовала медицинская академія, состоявшая въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, а юридическій факультетъ не могъ быть открытъ прежде, чѣмъ законодательная комиссія не окончитъ своихъ трудовъ, то Новосильцевъ ограничился учрежденіемъ нормальной школы или философскаго факультета съ цѣлью подготовки профессоровъ точныхъ и административныхъ наукъ, а также и словесности.

Новое учебное заведеніе блестяще начало свою дѣятельность; ученики его подавали въ началѣ большія надежды, что, впрочемъ,

длилось не долго, такъ какъ они не оправдали этихъ надеждъ, и высшая школа закрылась, не принеся замѣтной пользы.

Университеты, съ присвоенными имъ привилегіями, были учрежденіями, болѣе прочными, что̀ и доказали Московскій и Харьковскій университеты, которые, хотя и съ трудомъ, продержались въ теченіе долгаго времени, среди полнаго нерадѣнія и забвенія о нихъ.

Графъ Завадовскій былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія. Онъ служилъ секретаремъ у графа Румянцева въ одно время съ Безбородко, своимъ закадычнымъ другомъ. Графъ Румянцевъ представилъ ихъ обоихъ, какъ секретарей, императрицѣ Екатеринѣ, что̀ и положило начало ихъ блестящей карьерѣ. Безбородко выдвинулся вскорѣ своею работоспособностью и сообразительностью; онъ пользовался неизмѣннымъ довѣріемъ государыни и достигъ высшихъ должностей въ Имперіи. Сознавая свое собственное достоинство, онъ былъ единственнымъ человѣкомъ, не кадившимъ фаворитамъ и державшимся на высотѣ, благодаря личнымъ заслугамъ. Завадовскій добился того же, но другимъ путемъ. Онъ сталъ фаворитомъ Екатерины и привязался къ ней до такой степени, что̀ лишившись черезъ полгода ея расположенія, почувствовалъ себя глубоко несчастнымъ. Его друзья, Воронцовъ и Безбородко, совѣтовали ему философски отнестись къ своему положенію. Въ утѣшеніе онъ получилъ отъ императрицы подарки, на которые она не скупилась для своихъ бывшихъ фаворитовъ. На этотъ разъ подарки ея были особенно значительны, такъ какъ, помимо своего личнаго расположенія, она многимъ была обязана Завадовскому. Впослѣдствіи онъ женился, но продолжалъ быть въ милости при дворѣ. Въ министерство народнаго просвѣщенія онъ былъ приглашенъ благодаря своему другу, графу Воронцову, а также и потому, что между старыми вельможами онъ прослылъ за знатока русскаго правописанія, и многіе манифесты временъ Екатерины принадлежали его перу. Это знаніе создало ему положеніе и репутацію ученаго.

Завадовскій былъ добрымъ и справедливымъ человѣкомъ, тяжеловѣснымъ и неповоротливымъ, какъ по уму, такъ и по внѣшнему виду, не отличался быстротой соображенія и не умѣлъ схватывать оттѣнковъ дѣла; между своими современниками, не желавшими ничему учиться и ничего забыть, онъ выдѣлялся, въ ущербъ самолюбію, своимъ сочувствіемъ и притязаніемъ на пониманіе новыхъ идей и вводимыхъ улучшеній. Это не мѣшало ему въ высшей степени обладать отличительною чертою каждаго русскаго администратора: безграничною преданностью и полнымъ подчиненіемъ всему, что исходитъ свыше. Онъ приходилъ въ восторгъ отъ чтенія классическихъ авторовъ и съ удовольствіемъ цитировалъ отрывки изъ

длилось не долго, такъ какъ они не оправдали этихъ надеждъ, и высшая школа закрылась, не принеся замѣтной пользы.

Университеты, съ присвоенными имъ привилегіями, были учрежденіями, болѣе прочными, что̀ и доказали Московскій и Харьковскій университеты, которые, хотя и съ трудомъ, продержались въ теченіе долгаго времени, среди полнаго нерадѣнія и забвенія о нихъ.

Графъ Завадовскій былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія. Онъ служилъ секретаремъ у графа Румянцева въ одно время съ Безбородко, своимъ закадычнымъ другомъ. Графъ Румянцевъ представилъ ихъ обоихъ, какъ секретарей, императрицѣ Екатеринѣ, что̀ и положило начало ихъ блестящей карьерѣ. Безбородко выдвинулся вскорѣ своею работоспособностью и сообразительностью; онъ пользовался неизмѣннымъ довѣріемъ государыни и достигъ высшихъ должностей въ Имперіи. Сознавая свое собственное достоинство, онъ былъ единственнымъ человѣкомъ, не кадившимъ фаворитамъ и державшимся на высотѣ, благодаря личнымъ заслугамъ. Завадовскій добился того же, но другимъ путемъ. Онъ сталъ фаворитомъ Екатерины и привязался къ ней до такой степени, что̀ лишившись черезъ полгода ея расположенія, почувствовалъ себя глубоко несчастнымъ. Его друзья, Воронцовъ и Безбородко, совѣтовали ему философски отнестись къ своему положенію. Въ утѣшеніе онъ получилъ отъ императрицы подарки, на которые она не скупилась для своихъ бывшихъ фаворитовъ. На этотъ разъ подарки ея были особенно значительны, такъ какъ, помимо своего личнаго расположенія, она многимъ была обязана Завадовскому. Впослѣдствіи онъ женился, но продолжалъ быть въ милости при дворѣ. Въ министерство народнаго просвѣщенія онъ былъ приглашенъ благодаря своему другу, графу Воронцову, а также и потому, что между старыми вельможами онъ прослылъ за знатока русскаго правописанія, и многіе манифесты временъ Екатерины принадлежали его перу. Это знаніе создало ему положеніе и репутацію ученаго.

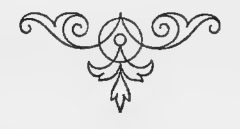
Завадовскій былъ добрымъ и справедливымъ человѣкомъ, тяжеловѣснымъ и неповоротливымъ, какъ по уму, такъ и по внѣшнему виду, не отличался быстротой соображенія и не умѣлъ схватывать оттѣнковъ дѣла; между своими современниками, не желавшими ничему учиться и ничего забыть, онъ выдѣлялся, въ ущербъ самолюбію, своимъ сочувствіемъ и притязаніемъ на пониманіе новыхъ идей и вводимыхъ улучшеній. Это не мѣшало ему въ высшей степени обладать отличительною чертою каждаго русскаго администратора: безграничною преданностью и полнымъ подчиненіемъ всему, что исходитъ свыше. Онъ приходилъ въ восторгъ отъ чтенія классическихъ авторовъ и съ удовольствіемъ цитировалъ отрывки изъ

нихъ, удержавшіеся въ памяти. Русская литература его тоже сильно интересовала. По странной случайности онъ получилъ образованіе и изучилъ латинскій языкъ въ польской іезуитской коллегіи. Онъ не забывалъ польскаго языка и рисовался этимъ, говоря съ восхищеніемъ о нашемъ старинномъ поэтѣ Янѣ Кохановскомъ, изъ сочиненій котораго онъ зналъ нѣсколько отрывковъ наизусть. Благодаря этому, онъ питалъ особую любовь ко всему польскому, выражавшуюся даже въ мелочахъ, хотя бы въ томъ, напримѣръ, что на его обѣдахъ всегда подавались польскія кушанья.

Въ то время, какъ другіе попечители часто встрѣчали сопротивленіе своимъ дѣйствіямъ со стороны министровъ, не всегда расположенныхъ уступать новымъ вѣяніямъ реформы и прогресса, я, со своей стороны, не могу ни на что пожаловаться, такъ какъ пользовался полнымъ довѣріемъ графа Завадовскаго. Достаточно было съ моей стороны малѣйшаго предположенія, чтобы онъ тотчасъ же поддержалъ меня съ полной готовностью. Я ему крайне обязанъ за его снисходительность, откровенность и дружбу, которыми онъ меня постоянно дарилъ.

Сообщилъ К. Военскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

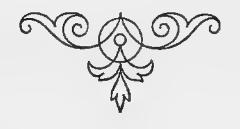


нихъ, удержавшіеся въ памяти. Русская литература его тоже сильно интересовала. По странной случайности онъ получилъ образованіе и изучилъ латинскій языкъ въ польской іезуитской коллегіи. Онъ не забывалъ польскаго языка и рисовался этимъ, говоря съ восхищеніемъ о нашемъ старинномъ поэтѣ Янѣ Кохановскомъ, изъ сочиненій котораго онъ зналъ нѣсколько отрывковъ наизусть. Благодаря этому, онъ питалъ особую любовь ко всему польскому, выражавшуюся даже въ мелочахъ, хотя бы въ томъ, напримѣръ, что на его обѣдахъ всегда подавались польскія кушанья.

Въ то время, какъ другіе попечители часто встрѣчали сопротивленіе своимъ дѣйствіямъ со стороны министровъ, не всегда расположенныхъ уступать новымъ вѣяніямъ реформы и прогресса, я, со своей стороны, не могу ни на что пожаловаться, такъ какъ пользовался полнымъ довѣріемъ графа Завадовскаго. Достаточно было съ моей стороны малѣйшаго предположенія, чтобы онъ тотчасъ же поддержалъ меня съ полной готовностью. Я ему крайне обязанъ за его снисходительность, откровенность и дружбу, которыми онъ меня постоянно дарилъ.

Сообщилъ К. Военскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Несостоявшіеся выборы.

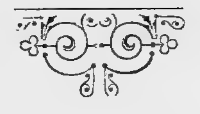
Въ одномъ изъ собраній было предложено въ кандидаты на одну изъ должностей лицо, съ фамиліей завоевателя Сибири,—не отличавшееся нравственными достоинствами.

Желая провалить этого кандидата, одинъ изъ мѣстныхъ остряковъ произнесъ слѣдующій экспромптъ:

И тотъ Ермакъ и вотъ Ермакъ,
Но ихъ сравнить нельзя никакъ,—
Одинъ сначала былъ разбойникъ,
Потомъ Сибирь завоевалъ,
А этотъ вѣчный былъ разбойникъ
И все Сибири миновалъ.

Стихотвореніе это подѣйствовало на собраніе, и предложенный кандидатъ избранъ не былъ.

Сообщено С. Е.



Несостоявшіеся выборы.

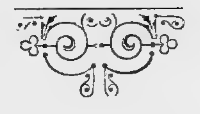
Въ одномъ изъ собраній было предложено въ кандидаты на одну изъ должностей лицо, съ фамиліей завоевателя Сибири,—не отличавшееся нравственными достоинствами.

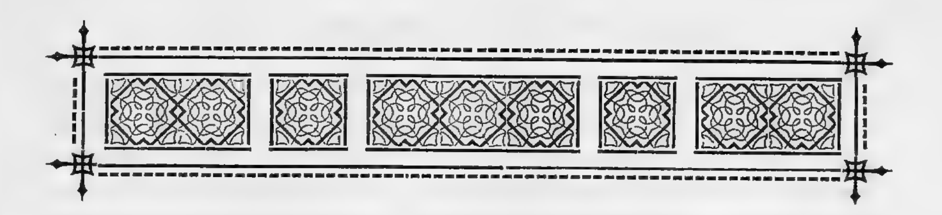
Желая провалить этого кандидата, одинъ изъ мѣстныхъ остряковъ произнесъ слѣдующій экспромптъ:

И тотъ Ермакъ и вотъ Ермакъ,
Но ихъ сравнить нельзя никакъ,—
Одинъ сначала былъ разбойникъ,
Потомъ Сибирь завоевалъ,
А этотъ вѣчный былъ разбойникъ
И все Сибири миновалъ.

Стихотвореніе это подѣйствовало на собраніе, и предложенный кандидатъ избранъ не былъ.

Сообщено С. Е.





Марина Мнишекъ и второй самозванецъ [1].

XII.

Жолкевскій подступаетъ къ столицѣ.—Переговоры съ гетманомъ.—Договоръ 27 августа.—Переговоры Жолкевскаго и Сапѣги.—Бѣгство Димитрія въ Калугу.

После сверженія Шуйскаго, боярская дума съ княземъ Ѳедоромъ Мстиславскимъ во главѣ взяла правленіе въ свои руки. Одною изъ первыхъ ея работъ было разослать грамоты съ извѣщеніемъ, что „царь и великій князь Василій Ивановичъ, по просьбѣ своихъ подданныхъ, отрекся отъ престола и ушелъ въ монастырь“. Вмѣстѣ съ тѣмъ бояре призывали народъ сплотиться для защиты православной вѣры и прислать въ столицу представителей на земскій соборъ, для избранія новаго царя.

Жолкевскій, получивъ извѣстіе о низложеніи Шуйскаго, рѣшилъ тотчасъ идти къ Москвѣ; хотя бояре на его предложеніе помочь имъ въ борьбѣ съ Димитріемъ отвѣчали, что „они не нуждаются въ его помощи и чтобы онъ не подходилъ къ столицѣ“, но гетманъ, не обращая на это ни малѣйшаго вниманія, былъ 3 августа подъ стѣнами Москвы.

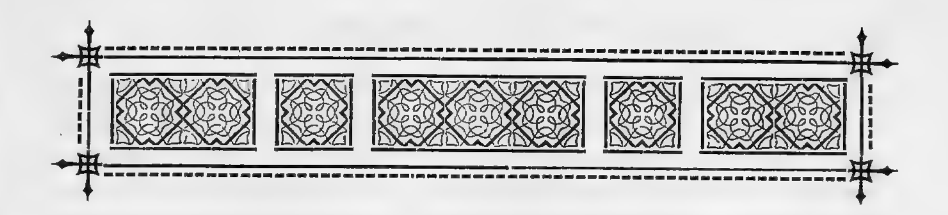
Къ нему было послано два боярскихъ сына съ вопросомъ: „пришелъ ли онъ какъ другъ или какъ врагъ“; онъ отвѣтилъ имъ, что онъ не замышляетъ ничего дурного, и если русскіе изберутъ на престолъ королевича Владислава, то онъ поможетъ имъ устранить самозванца.

Несмотря на этотъ успокоительный отвѣтъ, боярская дума очутилась въ затруднительномъ положеніи, такъ какъ изъ отвѣта Жол-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ августъ 1907 г.

*



Марина Мнишекъ и второй самозванецъ [1].

XII.

Жолкевскій подступаетъ къ столицѣ.—Переговоры съ гетманомъ.—Договоръ 27 августа.—Переговоры Жолкевскаго и Сапѣги.—Бѣгство Димитрія въ Калугу.

После сверженія Шуйскаго, боярская дума съ княземъ Өедоромъ Мстиславскимъ во главѣ взяла правленіе въ свои руки. Одною изъ первыхъ ея работъ было разослать грамоты съ извѣщеніемъ, что „царь и великій князь Василій Ивановичъ, по просьбѣ своихъ подданныхъ, отрекся отъ престола и ушелъ въ монастырь". Вмѣстѣ съ тѣмъ бояре призывали народъ сплотиться для защиты православной вѣры и прислать въ столицу представителей на земскій соборъ, для избранія новаго царя.

Жолкевскій, получивъ извѣстіе о низложеніи Шуйскаго, рѣшилъ тотчасъ идти къ Москвѣ; хотя бояре на его предложеніе помочь имъ въ борьбѣ съ Димитріемъ отвѣчали, что „они не нуждаются въ его помощи и чтобы онъ не подходилъ къ столицѣ", но гетманъ, не обращая на это ни малѣйшаго вниманія, былъ 3 августа подъ стѣнами Москвы.

Къ нему было послано два боярскихъ сына съ вопросомъ: „пришелъ ли онъ какъ другъ или какъ врагъ"; онъ отвѣтилъ имъ, что онъ не замышляетъ ничего дурного, и если русскіе изберутъ на престолъ королевича Владислава, то онъ поможетъ имъ устранить самозванца.

Несмотря на этотъ успокоительный отвѣтъ, боярская дума очутилась въ затруднительномъ положеніи, такъ какъ изъ отвѣта Жол-

[1]) См. „Русскую Старину" августъ 1907 г.

*

кевскаго можно было заключить, что гетманъ былъ готовъ помочь лишь въ томъ случаѣ, если „на престолъ будетъ избранъ королевичъ“. Бояре чувствовали, что имъ угрожаетъ опасность съ двухъ сторонъ и что необходимо войти въ соглашеніе либо съ Жолкевскимъ, либо съ самозванцемъ; рѣшеніе вопроса съ точки зрѣнія внѣшней и внутренней политики было для нихъ совершенно ясно. Въ составъ боярской думы входили главнымъ образомъ потомки старинныхъ княжескихъ родовъ, больше всего заботившіеся о томъ, чтобы сохранить свое вліятельное положеніе въ странѣ; они скорѣй могли ожидать, что ихъ права будутъ ограждены шляхетной Рѣчью Посполитой, нежели Димитріемъ, который опирался главнымъ образомъ на казаковъ, на менѣе вліятельныхъ московскихъ бояръ и отчасти на столичную чернь. Руководствуясь такими соображеніями, Мстиславскій рѣшилъ войти въ сношеніе съ Жолкевскимъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, желая удержать самозванца отъ дальнѣйшихъ непріязненныхъ дѣйствій, онъ подалъ ему надежду на то, что онъ вступитъ съ нимъ вскорѣ въ переговоры.

„27 іюля, читаемъ въ дневникѣ Сапѣги, царь послалъ въ Москву письмо, въ которомъ просилъ „бояръ и весь честный народъ“ сжалиться, прекратить кровопролитіе и передаться, ему, Димитрію. Подъ вечеръ царь и гетманъ (т. е. Сапѣга) подъѣхали къ столицѣ; изъ крѣпости вышло два думныхъ боярина: Масальскій и Салтыковъ; они сказали полякамъ, что Шуйскій низложенъ, и что бояре и весь міръ возложили на нихъ обязанность заботиться о благѣ государства. „Когда наши подъѣхали къ самымъ воротамъ города, пишетъ Сапѣга, русскіе обошлись съ ними ласково, не приказали стрѣлять въ нихъ, и звали ихъ къ себѣ вечеромъ, обѣщая завтра приступить къ переговорамъ“.

На другой день переговоры начаты не были, но когда, два дня спустя, прибылъ въ Москву Лазовскій, посланный польскимъ войскомъ съ письмомъ подобнаго же содержанія, то бояре выразили готовность приступить къ переговорамъ, извиняясь, что они „не могутъ начать ихъ тотчасъ, такъ какъ это былъ праздникъ—Ильинъ день; многіе бояре были пьяны и не могли ничего дѣлать“.

Бояре водили такимъ образомъ Лазовскаго за носъ еще двое сутокъ; наконецъ, 2 августа, когда онъ снова „поѣхалъ въ Москву за отвѣтомъ, ему дали записку, въ которой говорилось, что поляки слишкомъ замѣшкались въ русской землѣ, пора бы имъ уйти въ Литву“.

Получивъ такой отвѣтъ, Димитрій рѣшилъ не медля начать переговоры съ Сигизмундомъ и съ этой цѣлью на другой же день отправилъ торжественное посольство въ Смоленскъ.

кевскаго можно было заключить, что гетманъ былъ готовъ помочь лишь въ томъ случаѣ, если „на престолъ будетъ избранъ королевичъ". Бояре чувствовали, что имъ угрожаетъ опасность съ двухъ сторонъ и что необходимо войти въ соглашеніе либо съ Жолкевскимъ, либо съ самозванцемъ; рѣшеніе вопроса съ точки зрѣнія внѣшней и внутренней политики было для нихъ совершенно ясно. Въ составъ боярской думы входили главнымъ образомъ потомки старинныхъ княжескихъ родовъ, больше всего заботившіеся о томъ, чтобы сохранить свое вліятельное положеніе въ странѣ; они скорѣй могли ожидать, что ихъ права будутъ ограждены шляхетной Рѣчью Посполитой, нежели Димитріемъ, который опирался главнымъ образомъ на казаковъ, на менѣе вліятельныхъ московскихъ бояръ и отчасти на столичную чернь. Руководствуясь такими соображеніями, Мстиславскій рѣшилъ войти въ сношеніе съ Жолкевскимъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, желая удержать самозванца отъ дальнѣйшихъ непріязненныхъ дѣйствій, онъ подалъ ему надежду на то, что онъ вступитъ съ нимъ вскорѣ въ переговоры.

„27 іюля, читаемъ въ дневникѣ Сапѣги, царь послалъ въ Москву письмо, въ которомъ просилъ „бояръ и весь честный народъ" сжалиться, прекратить кровопролитіе и передаться, ему, Димитрію. Подъ вечеръ царь и гетманъ (т. е. Сапѣга) подъѣхали къ столицѣ; изъ крѣпости вышло два думныхъ боярина: Масальскій и Салтыковъ; они сказали полякамъ, что Шуйскій низложенъ, и что бояре и весь міръ возложили на нихъ обязанность заботиться о благѣ государства. „Когда наши подъѣхали къ самымъ воротамъ города, пишетъ Сапѣга, русскіе обошлись съ ними ласково, не приказали стрѣлять въ нихъ, и звали ихъ къ себѣ вечеромъ, обѣщая завтра приступить къ переговорамъ".

На другой день переговоры начаты не были, но когда, два дня спустя, прибылъ въ Москву Лазовскій, посланный польскимъ войскомъ съ письмомъ подобнаго же содержанія, то бояре выразили готовность приступить къ переговорамъ, извиняясь, что они „не могутъ начать ихъ тотчасъ, такъ какъ это былъ праздникъ—Ильинъ день; многіе бояре были пьяны и не могли ничего дѣлать".

Бояре водили такимъ образомъ Лазовскаго за носъ еще двое сутокъ; наконецъ, 2 августа, когда онъ снова „поѣхалъ въ Москву за отвѣтомъ, ему дали записку, въ которой говорилось, что поляки слишкомъ замѣшкались въ русской землѣ, пора бы имъ уйти въ Литву".

Получивъ такой отвѣтъ, Димитрій рѣшилъ не медля начать переговоры съ Сигизмундомъ и съ этой цѣлью на другой же день отправилъ торжественное посольство въ Смоленскъ.

Прибывъ въ королевскій обозъ, его послы „изложили письменно условія, на коихъ самозванецъ предлагалъ королю заключить тѣсный союзъ“.

Въ вознагражденіе за помощь, которой онъ просилъ у Сигизмунда, Димитрій предлагалъ ему въ теченіе десяти лѣтъ „вносить ежегодно въ казну Рѣчи Посполитой 300.000 злотыхъ“, выдавать королевичу ежегодно 100.000 злотыхъ, „всѣ инфлядскія земли возвратить Польшѣ“, „помочь Сигизмунду завоевать обратно Шведское королевство и вести войну съ прочими его врагами“.

Послы съ трудомъ добились аудіенціи у короля, который, выслушавъ ихъ, приказалъ имъ обратиться за отвѣтомъ къ брацлавскому воеводѣ; Потоцкій же разбранилъ ихъ за то, что они осмѣлились прибыть отъ имени самозванца, и совѣтовалъ имъ бросить его и служить королю и отечеству.

Тѣмъ временемъ подъ Москвою совершились важныя событія.

5 августа бояре, сговорившись съ Жолкевскимъ, собрались на большой дорогѣ, подъ Дѣвичьимъ монастыремъ на совѣщаніе: со стороны русскихъ тутъ были князь Иванъ Троекуровъ съ тремя товарищами, со стороны поляковъ Александръ Балабанъ и Станиславъ Домарадскій, подстолій львовскій. Переговоры не привели ни къ чему. Посланцы Мстиславскаго домогались, чтобы королевичъ, вступивъ на престолъ, принялъ православіе, на что поляки конечно не могли согласиться; было рѣшено, что Жолкевскій самъ встрѣтится и переговоритъ съ боярами.

Жители столицы, какъ оказалось, были не прочь видѣть на престолѣ Владислава; въ то время какъ происходили переговоры, „изъ столицы выѣхало человѣкъ двадцать бояръ, которые, стоя въ сторонкѣ, не вмѣшивались въ переговоры съ уполномоченными, но потомъ подъѣхали къ полякамъ, привѣтствовали ихъ и высказали надежду, что для Россіи настанетъ золотой вѣкъ, когда на престолѣ будетъ королевичъ“.

Недѣлю спустя, 12 августа, въ томъ же мѣстѣ съѣхался съ боярами гетманъ. „Думные бояре“, пишетъ Жолкевскій въ своемъ дневникѣ, „назначили день для переговоровъ съ гетманомъ. Противъ Дѣвичьяго монастыря былъ раскинутъ шатеръ. Съ обѣихъ сторонъ съѣхалось ровное число уполномоченныхъ. Обмѣнявшись привѣтствіями, они сошли съ коней и поздоровались. Съ гетманомъ пріѣхали полковники и ротмистры. Изъ столицы пріѣхалъ самъ князь Ѳедоръ Мстиславскій, Василій Голицынъ, Ѳедоръ Шереметевъ, Данило Мезецкій и два думныхъ дьяка: Василій Телепневъ и Томило Луговскій. Усѣвшись въ палаткѣ, онъ объявилъ отъ имени народа, что они хотятъ имѣть царемъ королевича Владислава,

Прибывъ въ королевскій обозъ, его послы „изложили письменно условія, на коихъ самозванецъ предлагалъ королю заключить тѣсный союзъ“.

Въ вознагражденіе за помощь, которой онъ просилъ у Сигизмунда, Димитрій предлагалъ ему въ теченіе десяти лѣтъ „вносить ежегодно въ казну Рѣчи Посполитой 300.000 злотыхъ“, выдавать королевичу ежегодно 100.000 злотыхъ, „всѣ инфлядскія земли возвратить Польшѣ“, „помочь Сигизмунду завоевать обратно Шведское королевство и вести войну съ прочими его врагами“.

Послы съ трудомъ добились аудіенціи у короля, который, выслушавъ ихъ, приказалъ имъ обратиться за отвѣтомъ къ брацлавскому воеводѣ; Потоцкій же разбранилъ ихъ за то, что они осмѣлились прибыть отъ имени самозванца, и совѣтовалъ имъ бросить его и служить королю и отечеству.

Тѣмъ временемъ подъ Москвою совершились важныя событія.

5 августа бояре, сговорившись съ Жолкевскимъ, собрались на большой дорогѣ, подъ Дѣвичьимъ монастыремъ на совѣщаніе: со стороны русскихъ тутъ были князь Иванъ Троекуровъ съ тремя товарищами, со стороны поляковъ Александръ Балабанъ и Станиславъ Домарадскій, подстолій львовскій. Переговоры не привели ни къ чему. Посланцы Мстиславскаго домогались, чтобы королевичъ, вступивъ на престолъ, принялъ православіе, на что поляки конечно не могли согласиться; было рѣшено, что Жолкевскій самъ встрѣтится и переговоритъ съ боярами.

Жители столицы, какъ оказалось, были не прочь видѣть на престолѣ Владислава; въ то время какъ происходили переговоры, „изъ столицы выѣхало человѣкъ двадцать бояръ, которые, стоя въ сторонкѣ, не вмѣшивались въ переговоры съ уполномоченными, но потомъ подъѣхали къ полякамъ, привѣтствовали ихъ и высказали надежду, что для Россіи настанетъ золотой вѣкъ, когда на престолѣ будетъ королевичъ“.

Недѣлю спустя, 12 августа, въ томъ же мѣстѣ съѣхался съ боярами гетманъ. „Думные бояре“, пишетъ Жолкевскій въ своемъ дневникѣ, „назначили день для переговоровъ съ гетманомъ. Противъ Дѣвичьяго монастыря былъ раскинутъ шатеръ. Съ обѣихъ сторонъ съѣхалось ровное число уполномоченныхъ. Обмѣнявшись привѣтствіями, они сошли съ коней и поздоровались. Съ гетманомъ пріѣхали полковники и ротмистры. Изъ столицы пріѣхалъ самъ князь Ѳедоръ Мстиславскій, Василій Голицынъ, Ѳедоръ Шереметевъ, Данило Мезецкій и два думныхъ дьяка: Василій Телепневъ и Томило Луговскій. Усѣвшись въ палаткѣ, онъ объявилъ отъ имени народа, что они хотятъ имѣть царемъ королевича Владислава,

но требуютъ, чтобы гетманъ далъ присягу въ томъ, что королевичъ, вступивъ на престолъ, будетъ строго держаться „нѣкоторыхъ пунктовъ, которые были перечислены въ длинномъ свиткѣ, прочитанномъ Василіемъ Телепневымъ“.

Выслушавъ эти пункты, Жолкевскій очутился въ затруднительномъ положеніи.

Онъ давно ожидалъ этихъ переговоровъ и поэтому, тотчасъ послѣ Клушинской битвы, просилъ короля прислать ему на этотъ случай инструкціи, но Сигизмундъ, по обыкновенію относившійся ко всему небрежно, и этотъ разъ не сдѣлалъ того, что у него просили. Положеніе гетмана было трудное, такъ какъ вопросъ не терпѣлъ отлагательства.

Не получивъ никакой инструкціи отъ короля, онъ тѣмъ не менѣе заявилъ, что готовъ скрѣпить крестнымъ цѣлованіемъ тѣ статьи, которыя были обсуждены и приняты Салтыковымъ и прочими боярами подъ Смоленскомъ совмѣстно съ сенаторами; прочихъ пунктовъ, которые ими не обсуждались, онъ не согласился утвердить.

Въ этихъ пунктахъ выражалось требованіе, чтобы Владиславъ женился на православной, чтобы, вступивъ на престолъ, онъ не поддерживалъ съ папою никакихъ сношеній, чтобы онъ повелѣлъ предавать смертной казни всѣхъ, кто вздумалъ бы перейти изъ православной вѣры въ католическую. Бояре требовали еще, чтобы по пріѣздѣ въ Москву онъ не допускалъ къ себѣ поляковъ, и чтобы его свита состояла не болѣе какъ изъ 300 человѣкъ.

Но эти вопросы пришлось обсуждать не долго, такъ какъ въ это самое время самозванецъ подступилъ снова къ Москвѣ. Убѣдясь въ томъ, что столица не хочетъ добровольно сдаться ему, Димитрій велѣлъ поджечь окрестныя села и хотѣлъ силою вынудить ее къ сдачѣ.

„Началась перестрѣлка, пишетъ Жолкевскій, всѣ поспѣшили къ князю Мстиславскому, чтобы дать ему знать о томъ, что происходитъ; бояре бросили переговоры и поспѣшили къ войску, а гетманъ былъ очень радъ, что переговоры прервались, въ надеждѣ, что тѣмъ временемъ будутъ получены инструкціи отъ короля“.

Онъ и послѣ того всячески затягивалъ переговоры; когда же бояре и народъ приступили къ нему, а солдаты заявили рѣшительно, что они не хотятъ болѣе служить безъ денегъ, то обѣ стороны подписали наконецъ договоръ, принявъ въ основаніе его тѣ пункты, кои были утверждены въ февралѣ мѣсяцѣ подъ Смоленскомъ. Были выработаны также инструкціи для посольства, которое предполагалось отправить къ Сигизмунду.

но требуютъ, чтобы гетманъ далъ присягу въ томъ, что королевичъ, вступивъ на престолъ, будетъ строго держаться „нѣкоторыхъ пунктовъ, которые были перечислены въ длинномъ свиткѣ, прочитанномъ Василіемъ Телепневымъ“.

Выслушавъ эти пункты, Жолкевскій очутился въ затруднительномъ положеніи.

Онъ давно ожидалъ этихъ переговоровъ и поэтому, тотчасъ послѣ Клушинской битвы, просилъ короля прислать ему на этотъ случай инструкціи, но Сигизмундъ, по обыкновенію относившійся ко всему небрежно, и этотъ разъ не сдѣлалъ того, что у него просили. Положеніе гетмана было трудное, такъ какъ вопросъ не терпѣлъ отлагательства.

Не получивъ никакой инструкціи отъ короля, онъ тѣмъ не менѣе заявилъ, что готовъ скрѣпить крестнымъ цѣлованіемъ тѣ статьи, которыя были обсуждены и приняты Салтыковымъ и прочими боярами подъ Смоленскомъ совмѣстно съ сенаторами; прочихъ пунктовъ, которые ими не обсуждались, онъ не согласился утвердить.

Въ этихъ пунктахъ выражалось требованіе, чтобы Владиславъ женился на православной, чтобы, вступивъ на престолъ, онъ не поддерживалъ съ папою никакихъ сношеній, чтобы онъ повелѣлъ предавать смертной казни всѣхъ, кто вздумалъ бы перейти изъ православной вѣры въ католическую. Бояре требовали еще, чтобы по пріѣздѣ въ Москву онъ не допускалъ къ себѣ поляковъ, и чтобы его свита состояла не болѣе какъ изъ 300 человѣкъ.

Но эти вопросы пришлось обсуждать не долго, такъ какъ въ это самое время самозванецъ подступилъ снова къ Москвѣ. Убѣдясь въ томъ, что столица не хочетъ добровольно сдаться ему, Димитрій велѣлъ поджечь окрестныя села и хотѣлъ силою вынудить ее къ сдачѣ.

„Началась перестрѣлка, пишетъ Жолкевскій, всѣ поспѣшили къ князю Мстиславскому, чтобы дать ему знать о томъ, что происходитъ; бояре бросили переговоры и поспѣшили къ войску, а гетманъ былъ очень радъ, что переговоры прервались, въ надеждѣ, что тѣмъ временемъ будутъ получены инструкціи отъ короля“.

Онъ и послѣ того всячески затягивалъ переговоры; когда же бояре и народъ приступили къ нему, а солдаты заявили рѣшительно, что они не хотятъ болѣе служить безъ денегъ, то обѣ стороны подписали наконецъ договоръ, принявъ въ основаніе его тѣ пункты, кои были утверждены въ февралѣ мѣсяцѣ подъ Смоленскомъ. Были выработаны также инструкціи для посольства, которое предполагалось отправить къ Сигизмунду.

27 августа договоръ былъ подписанъ обѣими сторонами, при самой торжественной обстановкѣ.

„На полдорогѣ отъ обоза до столицы“ было разбито два шатра; въ каждомъ изъ нихъ поставленъ алтарь, на которомъ кромѣ креста стояли образа въ богатыхъ ризахъ; около палатки стояла тысячная толпа. Въ этихъ палаткахъ московскіе бояре, а за ними Жолкевскій, полковники и ротмистры и прочія важнѣйшія лица польскаго войска присягнули на подданство королевичу Владиславу. Затѣмъ, въ теченіе семи недѣль приводили къ присягѣ населеніе, и такимъ образомъ королевичу присягнуло почти все Московское государство, за исключеніемъ Смоленска, Новгорода, Пскова и нѣкоторыхъ крѣпостей.

Два дня спустя послѣ заключенія договора, Жолкевскій дождался, наконецъ, инструкціи отъ Сигизмунда; король требовалъ, чтобы русскіе присягали не королевичу, а ему. Нѣсколько дней спустя пріѣхалъ Александръ Госѣвскій съ письмомъ отъ короля, въ которомъ онъ подтверждалъ то же. Но уже было поздно; къ тому же гетманъ, зная, какъ русскіе ненавидѣли короля, боялся, что если онъ будетъ настаивать на этомъ, то они снова перейдутъ на сторону самозванца или кого-либо иного.

Заключеніе договора было отпраздновано въ Москвѣ весьма торжественно. „29 августа, гетманъ пригласилъ къ себѣ московскихъ бояръ и не только отмѣнно угостилъ ихъ, но и обдарилъ каждаго“. Нѣсколько дней спустя гетманъ былъ приглашенъ къ князю Мстиславскому. „Я также былъ у него, пишетъ Маскевичъ, вмѣстѣ съ гетманомъ; насъ угощали въ трехъ комнатахъ. Все было приготовлено на московскій ладъ, но мнѣ ни одно блюдо не пришлось по вкусу кромѣ печеній, походившихъ на французскія! Мстиславскій подарилъ гетману сорокъ соболей, кречета и пса для охоты на медвѣдя“.

По договору, заключенному 27 августа, Жолкевскій обязался между прочимъ „отвлечь отъ Димитрія Сапѣгу и тѣхъ поляковъ и литовцевъ, кои служили ему“.

На другой же день по заключеніи договора онъ прислалъ въ обозъ самозванца двухъ польскихъ ротмистровъ, которые, собравъ „рыцарское коло, стали убѣждать поляковъ, служившихъ самозванцу, уйти и „не мѣшать далѣе королю и Рѣчи Посполитой“; гетманъ требовалъ отъ нихъ, чтобы они „либо добромъ уговорили самозванца войти въ соглашеніе съ королемъ“, либо выдали его, или, по крайней мѣрѣ, добровольно ушли отъ него.

Сапѣга цѣлыхъ два дня „совѣщался съ полковниками, ротмистрами и поручиками“ о томъ, какой отвѣтъ дать посланнымъ, и,

27 августа договоръ былъ подписанъ обѣими сторонами, при самой торжественной обстановкѣ.

„На полдорогѣ отъ обоза до столицы“ было разбито два шатра; въ каждомъ изъ нихъ поставленъ алтарь, на которомъ кромѣ креста стояли образа въ богатыхъ ризахъ; около палатки стояла тысячная толпа. Въ этихъ палаткахъ московскіе бояре, а за ними Жолкевскій, полковники и ротмистры и прочія важнѣйшія лица польскаго войска присягнули на подданство королевичу Владиславу. Затѣмъ, въ теченіе семи недѣль приводили къ присягѣ населеніе, и такимъ образомъ королевичу присягнуло почти все Московское государство, за исключеніемъ Смоленска, Новгорода, Пскова и нѣкоторыхъ крѣпостей.

Два дня спустя послѣ заключенія договора, Жолкевскій дождался, наконецъ, инструкціи отъ Сигизмунда; король требовалъ, чтобы русскіе присягали не королевичу, а ему. Нѣсколько дней спустя пріѣхалъ Александръ Госѣвскій съ письмомъ отъ короля, въ которомъ онъ подтверждалъ то же. Но уже было поздно; къ тому же гетманъ, зная, какъ русскіе ненавидѣли короля, боялся, что если онъ будетъ настаивать на этомъ, то они снова перейдутъ на сторону самозванца или кого-либо иного.

Заключеніе договора было отпраздновано въ Москвѣ весьма торжественно. „29 августа, гетманъ пригласилъ къ себѣ московскихъ бояръ и не только отмѣнно угостилъ ихъ, но и обдарилъ каждаго“. Нѣсколько дней спустя гетманъ былъ приглашенъ къ князю Мстиславскому. „Я также былъ у него, пишетъ Маскевичъ, вмѣстѣ съ гетманомъ; насъ угощали въ трехъ комнатахъ. Все было приготовлено на московскій ладъ, но мнѣ ни одно блюдо не пришлось по вкусу кромѣ печеній, походившихъ на французскія! Мстиславскій подарилъ гетману сорокъ соболей, кречета и пса для охоты на медвѣдя“.

По договору, заключенному 27 августа, Жолкевскій обязался между прочимъ „отвлечь отъ Димитрія Сапѣгу и тѣхъ поляковъ и литовцевъ, кои служили ему“.

На другой же день по заключеніи договора онъ прислалъ въ обозъ самозванца двухъ польскихъ ротмистровъ, которые, собравъ „рыцарское коло, стали убѣждать поляковъ, служившихъ самозванцу, уйти и „не мѣшать далѣе королю и Рѣчи Посполитой“; гетманъ требовалъ отъ нихъ, чтобы они „либо добромъ уговорили самозванца войти въ соглашеніе съ королемъ“, либо выдали его, или, по крайней мѣрѣ, добровольно ушли отъ него.

Сапѣга цѣлыхъ два дня „совѣщался съ полковниками, ротмистрами и поручиками“ о томъ, какой отвѣтъ дать посланнымъ, и,

наконецъ, далъ имъ письмо къ Жолкевскому, въ которомъ сторонники самозванца говорили, что „хотя они довольны тѣмъ, что столица передалась королю“, но, „радѣя о благѣ народа“, они не хотятъ отказаться отъ царя и царицы и заключать какой бы то ни было договоръ безъ его согласія и поэтому не думаютъ уйти изъ подъ столицы.

Несмотря на столь смѣлый и рѣшительный отвѣтъ, въ польскомъ войскѣ обнаружилось два теченія. 4-го августа на частномъ совѣщаніи у гетмана (т. е. у Сапѣги) и на полковыхъ коло обсуждался вопросъ о томъ, что было бы лучше—сблизить короля съ самозванцемъ или же, оставшись съ Димитріемъ, не щадя здоровья и жизни, сражаться даже со своими братьями (поляками).

Вопросъ этотъ хотѣли предложить на другой день на обсужденіе генеральнаго коло, но въ это время произошли событія, круто измѣнившія положеніе самозванца. Видя, что всѣ его доводы и убѣжденія не ведутъ ни къ чему, Жолкевскій вошелъ въ соглашеніе съ думными боярами и, занявъ карауломъ броды, „дабы о чинимыхъ имъ приготовленіяхъ не провѣдали сторонники Димитрія“, онъ выступилъ изъ лагеря, въ ночь съ 4 на 5 авуста и на разсвѣтѣ подошелъ къ обозу самозванца. На подмогу ему бояре со своей стороны вывели въ поле до 15 тысячъ войска.

Получивъ извѣстіе о приближеніи королевской арміи, Сапѣга приготовился къ бою. Московскіе бояре хотѣли тотчасъ атаковать его, но Жолкевскій не допустилъ этого, такъ какъ онъ не хотѣлъ сражаться, а хотѣлъ только, какъ онъ говорилъ, „попугать Сапѣгу“. Между тѣмъ изъ обоза самозванца прискакалъ Побѣдинскій съ пятью ротмистрами и „униженно сталъ просилъ гетмана, чтобы онъ не велъ войска въ атаку“. Жолкевскій охотно согласился на это; тѣмъ болѣе, что онъ еще до его пріѣзда послалъ Сапѣгѣ „письмецо“, въ которомъ писалъ, что онъ не хотѣлъ бы проливать кровь и прибылъ только для того, чтобы переговорить съ нимъ лично, а не черезъ посланныхъ.

Когда Сапѣга отправился на другой день къ Жолкевскому, послѣдній выѣхалъ ему навстрѣчу; поздоровавшись, они стали бесѣдовать, не сходя съ лошади. Къ нимъ присоединились маршалокъ Чарнецкій, Госѣевскій и многіе полковники.

Въ тотъ же день Жолкевскій прислалъ Сапѣгѣ письменное извѣщеніе о томъ, что, если царь войдетъ въ соглашеніе съ его императорскимъ величествомъ и не будетъ мѣшать ему, то король дастъ ему въ вознагражденіе Самборъ или Гродно, на что онъ надѣется получить на предстоящемъ сеймѣ согласіе представителей сословій.

6 августа въ обозѣ самозванца состоялось генеральное коло, на

наконецъ, далъ имъ письмо къ Жолкевскому, въ которомъ сторонники самозванца говорили, что „хотя они довольны тѣмъ, что столица передалась королю“, но, „радѣя о благѣ народа“, они не хотятъ отказаться отъ царя и царицы и заключать какой бы то ни было договоръ безъ его согласія и поэтому не думаютъ уйти изъ подъ столицы.

Несмотря на столь смѣлый и рѣшительный отвѣтъ, въ польскомъ войскѣ обнаружилось два теченія. 4-го августа на частномъ совѣщаніи у гетмана (т. е. у Сапѣги) и на полковыхъ коло обсуждался вопросъ о томъ, что было бы лучше—сблизить короля съ самозванцемъ или же, оставшись съ Димитріемъ, не щадя здоровья и жизни, сражаться даже со своими братьями (поляками).

Вопросъ этотъ хотѣли предложить на другой день на обсужденіе генеральнаго коло, но въ это время произошли событія, круто измѣнившія положеніе самозванца. Видя, что всѣ его доводы и убѣжденія не ведутъ ни къ чему, Жолкевскій вошелъ въ соглашеніе съ думными боярами и, занявъ карауломъ броды, „дабы о чинимыхъ имъ приготовленіяхъ не провѣдали сторонники Димитрія“, онъ выступилъ изъ лагеря, въ ночь съ 4 на 5 авуста и на разсвѣтѣ подошелъ къ обозу самозванца. На подмогу ему бояре со своей стороны вывели въ поле до 15 тысячъ войска.

Получивъ извѣстіе о приближеніи королевской арміи, Сапѣга приготовился къ бою. Московскіе бояре хотѣли тотчасъ атаковать его, но Жолкевскій не допустилъ этого, такъ какъ онъ не хотѣлъ сражаться, а хотѣлъ только, какъ онъ говорилъ, „попугать Сапѣгу“. Между тѣмъ изъ обоза самозванца прискакалъ Побѣдинскій съ пятью ротмистрами и „униженно сталъ просилъ гетмана, чтобы онъ не велъ войска въ атаку“. Жолкевскій охотно согласился на это; тѣмъ болѣе, что онъ еще до его пріѣзда послалъ Сапѣгѣ „письмецо“, въ которомъ писалъ, что онъ не хотѣлъ бы проливать кровь и прибылъ только для того, чтобы переговорить съ нимъ лично, а не черезъ посланныхъ.

Когда Сапѣга отправился на другой день къ Жолкевскому, послѣдній выѣхалъ ему навстрѣчу; поздоровавшись, они стали бесѣдовать, не сходя съ лошади. Къ нимъ присоединились маршалокъ Чарнецкій, Госѣевскій и многіе полковники.

Въ тотъ же день Жолкевскій прислалъ Сапѣгѣ письменное извѣщеніе о томъ, что, если царь войдетъ въ соглашеніе съ его императорскимъ величествомъ и не будетъ мѣшать ему, то король дастъ ему въ вознагражденіе Самборъ или Гродно, на что онъ надѣется получить на предстоящемъ сеймѣ согласіе представителей сословій.

6 августа въ обозѣ самозванца состоялось генеральное коло, на

которомъ былъ одобренъ договоръ, заключенный между Сапѣгой и Жолкевскимъ.

Димитрій находился въ это время „у своей жены“ въ Никольскомъ монастырѣ на Угрѣ, въ двухъ миляхъ отъ обоза. Къ нему были посланы Буховецъ и Побѣдинскій, которые стали убѣждать его, что такъ какъ не было ни малѣйшей надежды на то, что онъ могъ „утвердиться на престолѣ“, то ему слѣдовало войти въ договоръ съ королемъ; и что онъ могъ бы въ такомъ случаѣ разсчитывать на хорошее вознагражденіе.

Всѣ ихъ доводы были напрасны. Послѣ сверженія Шуйскаго самозванецъ льстилъ себя надеждою, что ему удастся воцариться въ Москвѣ, ибо у него были сторонники не только въ столицѣ, но ему передались снова нѣкоторые города и крѣпости; на его сторону перешелъ также съ донскими казаками Заруцкій. Все это предвѣщало, по его мнѣнію, благопріятный для него оборотъ дѣла, и это несомнѣнно было причиною того, что самозванецъ гордо отвѣтилъ на предложеніе посланныхъ, что „онъ не думаетъ и не намѣренъ заключать никакихъ договоровъ“.

— Я согласился бы скорѣй „служить какому-нибудь холопу и такимъ образомъ добывать себѣ хлѣбъ, нежели смотрѣть изъ рукъ е. к. в.“, сказалъ онъ.

Еще болѣе недружелюбно приняла посланныхъ Марина; она воскликнула:

— Пускай е. к. в. уступитъ царю Краковъ; а царь отдастъ ему Варшаву!

Узнавъ о томъ, Жолкевскій рѣшилъ „захватить этого бездѣльника и заточить въ монастырь“; онъ условился обо всемъ съ боярами. „Мы двинулись въ путь“, писалъ онъ королю, „въ первомъ часу ночи. Я вышелъ съ войскомъ и казаками на дорогу, ведшую къ Никольскому монастырю. Бояре насъ уже поджидали. Въ то время какъ я совѣщался съ ними о томъ, какъ обложить монастырь, къ намъ прискакалъ отъ самозванца Пушкинъ и сообщилъ, что Димитрій бѣжалъ съ нѣсколькими стами человѣкъ свиты, посадивъ на коней свою жену и прочихъ женщинъ, ее не покидавшихъ.

„Остановивъ войско, я поспѣшилъ къ Сапѣгѣ, который выѣхалъ мнѣ навстрѣчу изъ своего обоза. Онъ подтвердилъ мнѣ полученное нами извѣстіе; о чемъ онъ узналъ отъ Валавскаго, который былъ у самозванца „въ ту минуту, когда онъ тронулся въ путь“.

Димитрія давно уже тревожили переговоры, которые велись королемъ съ польскимъ войскомъ, находившимся у него на службѣ, поэтому какъ только онъ узналъ о пріѣздѣ посланныхъ гетманомъ, онъ тотчасъ началъ въ тайнѣ готовиться къ отъѣзду. Но объ этомъ

которомъ былъ одобренъ договоръ, заключенный между Сапѣгой и Жолкевскимъ.

Димитрій находился въ это время „у своей жены“ въ Никольскомъ монастырѣ на Угрѣ, въ двухъ миляхъ отъ обоза. Къ нему были посланы Буховецъ и Побѣдинскій, которые стали убѣждать его, что такъ какъ не было ни малѣйшей надежды на то, что онъ могъ „утвердиться на престолѣ“, то ему слѣдовало войти въ договоръ съ королемъ; и что онъ могъ бы въ такомъ случаѣ разсчитывать на хорошее вознагражденіе.

Всѣ ихъ доводы были напрасны. Послѣ сверженія Шуйскаго самозванецъ льстилъ себя надеждою, что ему удастся воцариться въ Москвѣ, ибо у него были сторонники не только въ столицѣ, но ему передались снова нѣкоторые города и крѣпости; на его сторону перешелъ также съ донскими казаками Заруцкій. Все это предвѣщало, по его мнѣнію, благопріятный для него оборотъ дѣла, и это несомнѣнно было причиною того, что самозванецъ гордо отвѣтилъ на предложеніе посланныхъ, что „онъ не думаетъ и не намѣренъ заключать никакихъ договоровъ“.

— Я согласился бы скорѣй „служить какому-нибудь холопу и такимъ образомъ добывать себѣ хлѣбъ, нежели смотрѣть изъ рукъ е. к. в.“, сказалъ онъ.

Еще болѣе недружелюбно приняла посланныхъ Марина; она воскликнула:

— Пускай е. к. в. уступитъ царю Краковъ; а царь отдастъ ему Варшаву!

Узнавъ о томъ, Жолкевскій рѣшилъ „захватить этого бездѣльника и заточить въ монастырь“; онъ условился обо всемъ съ боярами. „Мы двинулись въ путь“, писалъ онъ королю, „въ первомъ часу ночи. Я вышелъ съ войскомъ и казаками на дорогу, ведшую къ Никольскому монастырю. Бояре насъ уже поджидали. Въ то время какъ я совѣщался съ ними о томъ, какъ обложить монастырь, къ намъ прискакалъ отъ самозванца Пушкинъ и сообщилъ, что Димитрій бѣжалъ съ нѣсколькими стами человѣкъ свиты, посадивъ на коней свою жену и прочихъ женщинъ, ее не покидавшихъ.

„Остановивъ войско, я поспѣшилъ къ Сапѣгѣ, который выѣхалъ мнѣ навстрѣчу изъ своего обоза. Онъ подтвердилъ мнѣ полученное нами извѣстіе; о чемъ онъ узналъ отъ Валавскаго, который былъ у самозванца „въ ту минуту, когда онъ тронулся въ путь“.

Димитрія давно уже тревожили переговоры, которые велись королемъ съ польскимъ войскомъ, находившимся у него на службѣ, поэтому какъ только онъ узналъ о пріѣздѣ посланныхъ гетманомъ, онъ тотчасъ началъ въ тайнѣ готовиться къ отъѣзду. Но объ этомъ

узнали окружающіе, и на другой день „въ его обозѣ было большое волненіе“, такъ какъ нѣкоторые бояре и татары также собрались уѣзжать. Но Сапѣгѣ удалось успокоить ихъ и удержать отъ этого намѣренія. Когда на 6 сентября одинъ „предатель“ предупредилъ самозванца о готовившейся ему бѣдѣ, онъ тотчасъ рѣшилъ выполнить свое намѣреніе. Съ нимъ вмѣстѣ, кромѣ Марины и ея женской прислуги, уѣхалъ изъ лагеря Заруцкій съ пятью сотнями донскихъ казаковъ.

Жолкевскій хотѣлъ послать за нимъ погоню, но рѣшилъ, что Димитрій вѣроятно уже такъ далеко, что его не догнать.

Самозванецъ бѣжалъ въ Калугу. Это имѣло для него крайне неблагопріятныя послѣдствія. За нимъ послѣдовали только казаки, да нѣсколько боярскихъ сыновей; всѣ прочіе остались въ обозѣ и цѣловали крестъ королевичу, даже тѣ города, которые присылали недавно самозванцу „челобитныя“, почти всѣ передались Владиславу. Послѣ этого Димитрій окончательно утратилъ всякое вліяніе, и хотя онъ все еще не отказывался отъ мысли „сѣсть на престолъ“, но его счастливая звѣзда съ этого момента закатилась окончательно.

XIII.

Бояре отправляютъ посольство къ Сигизмунду. — Роль Василія Голицына. — Недовольство столицы. — Отъѣздъ Жолкевскаго. — Госѣевскій сурово наказываетъ польскихъ солдатъ. — Враги Сигизмунда договариваются съ самозванцемъ. — Уразъ-Мухаммедъ. — Смерть второго Димитрія. — Волненіе въ Калугѣ.

Заключая 27 августа договоръ съ боярами, Жолкевскій условился съ ними относительно посылки большого посольства въ королевскій обозъ подъ Смоленскъ, съ цѣлью предложить Владиславу корону и условиться съ Сигизмундомъ относительно нѣкоторыхъ требованій, не оговоренныхъ въ трактатахъ.

Успѣхъ предстоявшихъ переговоровъ зависѣлъ въ значительной степени отъ выбора пословъ; гетманъ усиленно старался о томъ, чтобы во главѣ посольства стоялъ человѣкъ искренно преданный королевичу.

Среди московскихъ бояръ особенно выдавался въ ту пору своимъ умомъ честолюбивый и хитрый Василій Голицынъ. „Неспокойная голова“, говорили о немъ современники, онъ „былъ бы не прочь самъ возсѣсть на престолъ“. Онъ такъ ловко съумѣлъ повести дѣло, что хотя онъ только-что передъ тѣмъ открыто добивался короны, но Жолкевскій вполнѣ довѣрялъ ему и даже старался о томъ, чтобы онъ былъ посланъ къ Сигизмунду; впослѣдствіи оказалось,

узнали окружающіе, и на другой день „въ его обозѣ было большое волненіе“, такъ какъ нѣкоторые бояре и татары также собрались уѣзжать. Но Сапѣгѣ удалось успокоить ихъ и удержать отъ этого намѣренія. Когда на 6 сентября одинъ „предатель“ предупредилъ самозванца о готовившейся ему бѣдѣ, онъ тотчасъ рѣшилъ выполнить свое намѣреніе. Съ нимъ вмѣстѣ, кромѣ Марины и ея женской прислуги, уѣхалъ изъ лагеря Заруцкій съ пятью сотнями донскихъ казаковъ.

Жолкевскій хотѣлъ послать за нимъ погоню, но рѣшилъ, что Димитрій вѣроятно уже такъ далеко, что его не догнать.

Самозванецъ бѣжалъ въ Калугу. Это имѣло для него крайне неблагопріятныя послѣдствія. За нимъ послѣдовали только казаки, да нѣсколько боярскихъ сыновей; всѣ прочіе остались въ обозѣ и цѣловали крестъ королевичу, даже тѣ города, которые присылали недавно самозванцу „челобитныя“, почти всѣ передались Владиславу. Послѣ этого Димитрій окончательно утратилъ всякое вліяніе, и хотя онъ все еще не отказывался отъ мысли „сѣсть на престолъ“, но его счастливая звѣзда съ этого момента закатилась окончательно.

XIII.

Бояре отправляютъ посольство къ Сигизмунду. — Роль Василія Голицына. — Недовольство столицы. — Отъѣздъ Жолкевскаго. — Госѣевскій сурово наказываетъ польскихъ солдатъ. — Враги Сигизмунда договариваются съ самозванцемъ. — Уразъ-Мухаммедъ. — Смерть второго Димитрія. — Волненіе въ Калугѣ.

Заключая 27 августа договоръ съ боярами, Жолкевскій условился съ ними относительно посылки большого посольства въ королевскій обозъ подъ Смоленскъ, съ цѣлью предложить Владиславу корону и условиться съ Сигизмундомъ относительно нѣкоторыхъ требованій, не оговоренныхъ въ трактатахъ.

Успѣхъ предстоявшихъ переговоровъ зависѣлъ въ значительной степени отъ выбора пословъ; гетманъ усиленно старался о томъ, чтобы во главѣ посольства стоялъ человѣкъ искренно преданный королевичу.

Среди московскихъ бояръ особенно выдавался въ ту пору своимъ умомъ честолюбивый и хитрый Василій Голицынъ. „Неспокойная голова“, говорили о немъ современники, онъ „былъ бы не прочь самъ возсѣсть на престолъ“. Онъ такъ ловко съумѣлъ повести дѣло, что хотя онъ только-что передъ тѣмъ открыто добивался короны, но Жолкевскій вполнѣ довѣрялъ ему и даже старался о томъ, чтобы онъ былъ посланъ къ Сигизмунду; впослѣдствіи оказалось,

что благородный Жолкевскій жестоко ошибся довѣряя Голицыну.

Съ согласія гетмана во главѣ посольства сталъ также Филаретъ Романовъ, митрополитъ ростовскій. Хотя Жолкевскій и пишетъ въ своемъ дневникѣ, что онъ настаивалъ на посылкѣ Голицына и Филарета лишь съ тою цѣлью, чтобы король могъ быть увѣреннымъ, что первый изъ нихъ не будетъ добиваться короны для себя лично, а второй для своего сына Михаила, но письмо гетмана къ королю рисуетъ вѣрнѣе его тогдашніе виды, нежели дневникъ, написанный съ цѣлью самооправданія, что Жолкевскій дѣйствительно довѣрялъ въ то время Голицыну, видно изъ того, что гетманъ согласился,—какъ онъ и самъ о томъ упоминаетъ,—„чтобы Голицынъ выбралъ прочихъ членовъ посольства по своему собственному усмотрѣнію“. Въ числѣ его спутниковъ были: князь Данило Мизецкій, Василій Сунинъ и думный дьякъ Томило Луговской.

Посольство, прибывъ въ Смоленскъ 17 октября, было принято весьма торжественно. Такъ какъ оно было многочисленно,—въ составъ его вмѣстѣ съ конвоемъ входило 776 чел.—то оно было размѣщено въ палаткахъ противъ королевскаго обоза, по другую сторону Днѣпра, подъ Троицкимъ монастыремъ. Для надзора было приставлено, ввидѣ почетной стражи, 600 чел. пѣхоты.

Переговоры тянулись два мѣсяца. Послы на засѣданіяхъ добивались совершенно невозможнаго, а именно чтобы Владиславъ перешелъ въ лоно восточной церкви, женился на православной; чтобы, вступивъ на престолъ, онъ не поддерживалъ съ папою никакихъ сношеній по дѣламъ религіи; чтобы въ его свитѣ было ограниченное число поляковъ, и чтобы онъ никого изъ нихъ не назначалъ на оффиціальныя должности. Они требовали кромѣ того, чтобы русскимъ были возвращены всѣ взятыя за послѣднее время крѣпости; чтобы король снялъ осаду Смоленска—и чтобы заключенный между ними договоръ былъ утвержденъ сеймомъ и сенатомъ. Наконецъ они просили, чтобы Владиславъ пріѣхалъ въ Москву какъ можно скорѣе.

Договориться обѣимъ сторонамъ было очень трудно, тѣмъ болѣе, что король и сенаторы, которые были съ нимъ подъ Смоленскомъ, не одобряли договора, заключеннаго Жолкевскимъ. Сигизмундъ, какъ извѣстно, самъ хотѣлъ вступить на Московскій престолъ. Два Потоцкихъ, изъ зависти къ гетману, склоняли къ этому короля; желая угодить Сигизмунду, и нѣкоторые сенаторы, какъ, напр., Щенсный Крыскій, поддерживали его въ этомъ намѣреніи, но противъ этого энергично возсталъ Левъ Сапѣга вѣроятно потому, что въ случаѣ заключенія подобнаго договора, польскому войску пришлось бы отступить отъ Смоленска, ему не удалось бы тогда вернуть

что благородный Жолкевскій жестоко ошибся довѣряя Голицыну.

Съ согласія гетмана во главѣ посольства сталъ также Филаретъ Романовъ, митрополитъ ростовскій. Хотя Жолкевскій и пишетъ въ своемъ дневникѣ, что онъ настаивалъ на посылкѣ Голицына и Филарета лишь съ тою цѣлью, чтобы король могъ быть увѣреннымъ, что первый изъ нихъ не будетъ добиваться короны для себя лично, а второй для своего сына Михаила, но письмо гетмана къ королю рисуетъ вѣрнѣе его тогдашніе виды, нежели дневникъ, написанный съ цѣлью самооправданія, что Жолкевскій дѣйствительно довѣрялъ въ то время Голицыну, видно изъ того, что гетманъ согласился,—какъ онъ и самъ о томъ упоминаетъ,—„чтобы Голицынъ выбралъ прочихъ членовъ посольства по своему собственному усмотрѣнію“. Въ числѣ его спутниковъ были: князь Данило Мизецкій, Василій Сунинъ и думный дьякъ Томило Луговской.

Посольство, прибывъ въ Смоленскъ 17 октября, было принято весьма торжественно. Такъ какъ оно было многочисленно,—въ составъ его вмѣстѣ съ конвоемъ входило 776 чел.—то оно было размѣщено въ палаткахъ противъ королевскаго обоза, по другую сторону Днѣпра, подъ Троицкимъ монастыремъ. Для надзора было приставлено, ввидѣ почетной стражи, 600 чел. пѣхоты.

Переговоры тянулись два мѣсяца. Послы на засѣданіяхъ добивались совершенно невозможнаго, а именно чтобы Владиславъ перешелъ въ лоно восточной церкви, женился на православной; чтобы, вступивъ на престолъ, онъ не поддерживалъ съ папою никакихъ сношеній по дѣламъ религіи; чтобы въ его свитѣ было ограниченное число поляковъ, и чтобы онъ никого изъ нихъ не назначалъ на оффиціальныя должности. Они требовали кромѣ того, чтобы русскимъ были возвращены всѣ взятыя за послѣднее время крѣпости; чтобы король снялъ осаду Смоленска—и чтобы заключенный между ними договоръ былъ утвержденъ сеймомъ и сенатомъ. Наконецъ они просили, чтобы Владиславъ пріѣхалъ въ Москву какъ можно скорѣе.

Договориться обѣимъ сторонамъ было очень трудно, тѣмъ болѣе, что король и сенаторы, которые были съ нимъ подъ Смоленскомъ, не одобряли договора, заключеннаго Жолкевскимъ. Сигизмундъ, какъ извѣстно, самъ хотѣлъ вступить на Московскій престолъ. Два Потоцкихъ, изъ зависти къ гетману, склоняли къ этому короля; желая угодить Сигизмунду, и нѣкоторые сенаторы, какъ, напр., Щенсный Крыскій, поддерживали его въ этомъ намѣреніи, но противъ этого энергично возсталъ Левъ Сапѣга вѣроятно потому, что въ случаѣ заключенія подобнаго договора, польскому войску пришлось бы отступить отъ Смоленска, ему не удалось бы тогда вернуть

тѣхъ обширныхъ имѣній, какими владѣли нѣкогда его предки въ смоленскомъ воеводствѣ. Такимъ образомъ несговорчивость Сигизмунда, зависть и личные замыслы его совѣтниковъ—все было противъ договора, заключеннаго гетманомъ.

Короля поддержали сенаторы, къ которымъ онъ разослалъ гонцовъ съ письмами, желая узнать ихъ мнѣніе. По словамъ Кобержицкаго, немногіе изъ нихъ совѣтовали послать въ Москву Владислава: одни были зато, чтобы отложить рѣшеніе вопроса до ближайшаго сейма, другіе —совѣтовали отвѣтить отказомъ, ссылаясь на то, что королевичъ слишкомъ молодъ, что его опасно посылать въ то время, когда въ Московскомъ государствѣ царствуетъ такая смута; между прочимъ они упоминали о торжественномъ заявленіи Сигизмунда, что онъ принимаетъ участіе въ этомъ дѣлѣ не изъ корыстныхъ цѣлей, а изъ желанія добра Рѣчи Посполитой.

При такомъ разногласіи трудно было придти къ соглашенію. Правда, послы соглашались отложить обсужденіе нѣкоторыхъ статей договора до сейма, но они настоятельно требовали, чтобы королевичъ ѣхалъ какъ можно скорѣе въ Москву; сенаторы же, не давая на это никакого отвѣта, требовали со своей стороны немедленной сдачи Смоленска.

Такое отношеніе къ дѣлу Сигизмунда и сенаторовъ до того возмутило пословъ, что многіе уже въ началѣ ноября уѣхали обратно въ Москву; когда тамъ узнали, съ ихъ словъ, о томъ, какъ поступаетъ король, это возбудило страшное неудовольствіе и ропотъ, тѣмъ болѣе, что въ самой столицѣ было достаточно поводовъ къ недовольству поляками. 18 сентября, пишетъ одинъ очевидецъ, въ Москвѣ былъ пущенъ слухъ, что Сапѣга уходитъ въ Переяславль; бояре тотчасъ заперли городскія ворота и приставили къ нимъ стражу. Человѣкъ двадцать поляковъ, ѣхавшихъ въ городъ, увидавъ, что ворота заперты, дали знать польскому войску, что русскіе измѣнили, и казаки начали грабить русскихъ, пріѣхавшихъ въ ихъ обозъ съ товарами. Поднялся страшный шумъ, который Сапѣгѣ едва удалось усмирить. На большой дорогѣ оказалось до трехсотъ убитыхъ и раненыхъ лошадей.

На другой день къ гетману пріѣхали бояре жаловаться на своеволіе войска. Сапѣга изъявилъ готовность казнить зачинщиковъ безпорядка и удовлетворить русскихъ за убитыхъ лошадей.

Между тѣмъ подъѣхалъ Сапѣга съ нѣсколькими товарищами. Бояре, которые немного подвыпили, напали на него за то, что онъ допустилъ подобное своеволіе; Ляпуновъ кинулся на него съ саблей, говоря:

тѣхъ обширныхъ имѣній, какими владѣли нѣкогда его предки въ смоленскомъ воеводствѣ. Такимъ образомъ несговорчивость Сигизмунда, зависть и личные замыслы его совѣтниковъ—все было противъ договора, заключеннаго гетманомъ.

Короля поддержали сенаторы, къ которымъ онъ разослалъ гонцовъ съ письмами, желая узнать ихъ мнѣніе. По словамъ Кобержицкаго, немногіе изъ нихъ совѣтовали послать въ Москву Владислава: одни были зато, чтобы отложить рѣшеніе вопроса до ближайшаго сейма, другіе—совѣтовали отвѣтить отказомъ, ссылаясь на то, что королевичъ слишкомъ молодъ, что его опасно посылать въ то время, когда въ Московскомъ государствѣ царствуетъ такая смута; между прочимъ они упоминали о торжественномъ заявленіи Сигизмунда, что онъ принимаетъ участіе въ этомъ дѣлѣ не изъ корыстныхъ цѣлей, а изъ желанія добра Рѣчи Посполитой.

При такомъ разногласіи трудно было придти къ соглашенію. Правда, послы соглашались отложить обсужденіе нѣкоторыхъ статей договора до сейма, но они настоятельно требовали, чтобы королевичъ ѣхалъ какъ можно скорѣе въ Москву; сенаторы же, не давая на это никакого отвѣта, требовали со своей стороны немедленной сдачи Смоленска.

Такое отношеніе къ дѣлу Сигизмунда и сенаторовъ до того возмутило пословъ, что многіе уже въ началѣ ноября уѣхали обратно въ Москву; когда тамъ узнали, съ ихъ словъ, о томъ, какъ поступаетъ король, это возбудило страшное неудовольствіе и ропотъ, тѣмъ болѣе, что въ самой столицѣ было достаточно поводовъ къ недовольству поляками. 18 сентября, пишетъ одинъ очевидецъ, въ Москвѣ былъ пущенъ слухъ, что Сапѣга уходитъ въ Переяславль; бояре тотчасъ заперли городскія ворота и приставили къ нимъ стражу. Человѣкъ двадцать поляковъ, ѣхавшихъ въ городъ, увидавъ, что ворота заперты, дали знать польскому войску, что русскіе измѣнили, и казаки начали грабить русскихъ, пріѣхавшихъ въ ихъ обозъ съ товарами. Поднялся страшный шумъ, который Сапѣгѣ едва удалось усмирить. На большой дорогѣ оказалось до трехсотъ убитыхъ и раненыхъ лошадей.

На другой день къ гетману пріѣхали бояре жаловаться на самоволіе войска. Сапѣга изъявилъ готовность казнить зачинщиковъ безпорядка и удовлетворить русскихъ за убитыхъ лошадей.

Между тѣмъ подъѣхалъ Сапѣга съ нѣсколькими товарищами. Бояре, которые немного подвыпили, напали на него за то, что онъ допустилъ подобное своеволіе; Ляпуновъ кинулся на него съ саблей, говоря:

— Ты хочешь насъ выдать царьку!—Гетману пришлось разнимать ихъ.

Сапѣгѣ удалось въ концѣ концовъ убѣдить войско, идти въ Сѣверскую землю, куда они и выступили 24 числа, но волненіе не улеглось.

Послѣ ухода Сапѣги, бояре, видя, что народъ продолжаетъ волноваться, совѣтовали гетману ввести войско въ столицу, на что̀ онъ согласился; когда же въ Москву явились уполномоченные для расквартированія офицеровъ и солдатъ, то какой-то чернецъ сталъ бить въ набатъ, крича, что поляки вступаютъ въ городъ. Это было сдѣлано по подстрекательству Шуйскихъ и патріарха.

Бояре были сильно перепуганы и отправились къ гетману, прося его повременить дня два.

Это вызвало такое негодованіе въ польскомъ войскѣ, что ихъ чуть не убили; они были обязаны своимъ спасеніемъ только Жолкевскому, который отослалъ ихъ обратно въ Москву; Василія Шуйскаго отправилъ подъ стражею въ Осиповъ монастырь, а Димитрія и Ивана Шуйскихъ—въ Бѣлы.

Но и по высылкѣ Шуйскихъ „патріархъ не пересталъ мутить народъ". 10 октября онъ собралъ большое число дворянъ и служилыхъ людей, которые совѣщались съ нимъ о томъ, можно ли нарушить крестное цѣлованіе. Патріархъ дважды посылалъ за боярами, приглашая ихъ къ себѣ. Они отговаривались тѣмъ, что заняты дѣлами службы. Въ третій разъ онъ послалъ сказать имъ, что если они не придутъ къ нему, то онъ самъ придетъ къ нимъ съ народомъ. Наконецъ бояре явились и должны были выслушать не мало „мятежныхъ рѣчей отъ самого гетмана и отъ рыцарства". Болѣе всего укоряли гетмана за то, что Жолкевскій не послалъ никого изъ полковниковъ и ротмистровъ противъ самозванца въ Калугу. Уѣзжая, бояре сказали патріарху, „чтобы онъ лучше занимался церковными дѣлами, а не мѣшался въ земскія дѣла, ибо никогда не бывало, чтобы попы занимались государственными дѣлами".

Когда бояре пріѣхали на другой день къ Жолкевскому, онъ во всемъ съумѣлъ оправдаться и, сговорившись съ ними, ввелъ часть войска въ столицу.

Въ Москвѣ было въ то время 18.000 стрѣлковъ. Бояре опасались, чтобы, въ случаѣ какихъ-либо безпорядковъ, они не стали дѣйствовать заодно съ чернью. Поэтому Жолкевскій отправилъ значительную часть ихъ подъ командою Ивана Салтыкова противъ шведовъ (послѣ низложенія Шуйскаго, шведы начали войну съ русскими и взяли Ладожскую крѣпость).

Онъ старался какъ-нибудь поладить и съ патріархомъ, „который

— Ты хочешь насъ выдать царьку!—Гетману пришлось разнимать ихъ.

Сапѣгѣ удалось въ концѣ концовъ убѣдить войско, идти въ Сѣверскую землю, куда они и выступили 24 числа, но волненіе не улеглось.

Послѣ ухода Сапѣги, бояре, видя, что народъ продолжаетъ волноваться, совѣтовали гетману ввести войско въ столицу, на что̀ онъ согласился; когда же въ Москву явились уполномоченные для расквартированія офицеровъ и солдатъ, то какой-то чернецъ сталъ бить въ набатъ, крича, что поляки вступаютъ въ городъ. Это было сдѣлано по подстрекательству Шуйскихъ и патріарха.

Бояре были сильно перепуганы и отправились къ гетману, прося его повременить дня два.

Это вызвало такое негодованіе въ польскомъ войскѣ, что ихъ чуть не убили; они были обязаны своимъ спасеніемъ только Жолкевскому, который отослалъ ихъ обратно въ Москву; Василія Шуйскаго отправилъ подъ стражею въ Осиповъ монастырь, а Димитрія и Ивана Шуйскихъ—въ Бѣлы.

Но и по высылкѣ Шуйскихъ „патріархъ неересталъ мутить народъ". 10 октября онъ собралъ большое число дворянъ и служилыхъ людей, которые совѣщались съ нимъ о томъ, можно ли нарушить крестное цѣлованіе. Патріархъ дважды посылалъ за боярами, приглашая ихъ къ себѣ. Они отговаривались тѣмъ, что заняты дѣлами службы. Въ третій разъ онъ послалъ сказать имъ, что если они не придутъ къ нему, то онъ самъ придетъ къ нимъ съ народомъ. Наконецъ бояре явились и должны были выслушать не мало „мятежныхъ рѣчей отъ самого гетмана и отъ рыцарства". Болѣе всего укоряли гетмана за то, что Жолкевскій не послалъ никого изъ полковниковъ и ротмистровъ противъ самозванца въ Калугу. Уѣзжая, бояре сказали патріарху, „чтобы онъ лучше занимался церковными дѣлами, а не мѣшался въ земскія дѣла, ибо никогда не бывало, чтобы попы занимались государственными дѣлами".

Когда бояре пріѣхали на другой день къ Жолкевскому, онъ во всемъ съумѣлъ оправдаться и, сговорившись съ ними, ввелъ часть войска въ столицу.

Въ Москвѣ было въ то время 18.000 стрѣлковъ. Бояре опасались, чтобы, въ случаѣ какихъ-либо безпорядковъ, они не стали дѣйствовать заодно съ чернью. Поэтому Жолкевскій отправилъ значительную часть ихъ подъ командою Ивана Салтыкова противъ шведовъ (послѣ низложенія Шуйскаго, шведы начали войну съ русскими и взяли Ладожскую крѣпость).

Онъ старался какъ-нибудь поладить и съ патріархомъ, „который

очень не благоволилъ къ полякамъ, какъ къ католикамъ"; сначала онъ сносился съ нимъ черезъ посланныхъ, а затѣмъ самъ побывалъ у него. Гермогенъ держалъ себя такъ, что гетману казалось, будто онъ его „обошелъ" и онъ даже подружился съ нимъ, но вскорѣ оказалось, что относительно патріарха ошибся онъ точно также, какъ относительно Голицына.

Устроивъ дѣла въ Москвѣ, гетманъ рѣшилъ отправиться въ королевскій обозъ подъ Смоленскъ, съ намѣреніемъ убѣдить Сигизмунда въ томъ, что если бы обнаружилось его желаніе вступить на московскій престолъ, то это могло возбудить всеобщее волненіе. Онъ не открылъ боярамъ истинной цѣли своей поѣздки, сказавъ только, что онъ ѣхалъ доложить обо всемъ королю и рѣшить вмѣстѣ съ нимъ, какимъ образомъ можно было бы устранить самозванца, засѣвшаго въ Калугѣ.

Передъ самымъ отъѣздомъ гетмана изъ Москвы пріѣхалъ къ нему Мстиславскій съ боярами. Они стали просить его о двухъ вещахъ: во-первыхъ, чтобы онъ не уѣзжалъ, такъ какъ „при немъ все спокойно, если же онъ уѣдетъ, то его своевольное войско можетъ затѣять какую-нибудь ссору съ русскими"; во-вторыхъ, они выразили желаніе, чтобы вмѣстѣ съ королевичемъ, который по молодости лѣтъ не умѣлъ еще управлять государствомъ, пріѣхалъ бы самъ король.

Князь Мстиславскій и знатнѣйшіе бояре проводили гетмана за нѣсколько верстъ отъ города; когда онъ проѣзжалъ по улицамъ, чернь бѣжала вокругъ его кареты, прощалась съ нимъ и благословляла его.

9 ноября Жолкевскій былъ уже въ королевскомъ обозѣ, гдѣ ему выѣхали навстрѣчу всѣ сенаторы, шляхтичи и часть войска. Вслѣдъ за нимъ привезли въ Смоленскъ Шуйскихъ. На другой день онъ получилъ аудіенцію у короля. Моментъ былъ торжественный: когда Жолкевскій, какъ побѣдитель, передалъ королю плѣннаго московскаго царя и его братьевъ.

На слѣдующій день, на частной аудіенціи онъ убѣждалъ Сигизмунда въ необходимости строго выполнить всѣ условія договора, ради блага династіи и Рѣчи Посполитой, но его убѣжденія были тщетны, ибо, по выраженію гетмана, „уши короля были глухи ко всѣмъ его убѣжденіямъ".

Между тѣмъ въ Москвѣ, благодаря энергіи Госѣевскаго, которому гетманъ ввѣрилъ временно начальство надъ войскомъ, установились дружественныя отношенія между польскимъ гарнизономъ и мѣстными жителями. Правда, со стороны поляковъ были попытки къ своеволію, но это не нарушило спокойствія, такъ какъ за эти

очень не благоволилъ къ полякамъ, какъ къ католикамъ"; сначала онъ сносился съ нимъ черезъ посланныхъ, а затѣмъ самъ побывалъ у него. Гермогенъ держалъ себя такъ, что гетману казалось, будто онъ его „обошелъ" и онъ даже подружился съ нимъ, но вскорѣ оказалось, что относительно патріарха ошибся онъ точно такъже, какъ относительно Голицына.

Устроивъ дѣла въ Москвѣ, гетманъ рѣшилъ отправиться въ королевскій обозъ подъ Смоленскъ, съ намѣреніемъ убѣдить Сигизмунда въ томъ, что если бы обнаружилось его желаніе вступить на московскій престолъ, то это могло возбудить всеобщее волненіе. Онъ не открылъ боярамъ истинной цѣли своей поѣздки, сказавъ только, что онъ ѣхалъ доложить обо всемъ королю и рѣшить вмѣстѣ съ нимъ, какимъ образомъ можно было бы устранить самозванца, засѣвшаго въ Калугѣ.

Передъ самымъ отъѣздомъ гетмана изъ Москвы пріѣхалъ къ нему Мстиславскій съ боярами. Они стали просить его о двухъ вещахъ: во-первыхъ, чтобы онъ не уѣзжалъ, такъ какъ „при немъ все спокойно, если же онъ уѣдетъ, то его своевольное войско можетъ затѣять какую-нибудь ссору съ русскими"; во-вторыхъ, они выразили желаніе, чтобы вмѣстѣ съ королевичемъ, который по молодости лѣтъ не умѣлъ еще управлять государствомъ, пріѣхалъ бы самъ король.

Князь Мстиславскій и знатнѣйшіе бояре проводили гетмана за нѣсколько верстъ отъ города; когда онъ проѣзжалъ по улицамъ, чернь бѣжала вокругъ его кареты, прощалась съ нимъ и благословляла его.

9 ноября Жолкевскій былъ уже въ королевскомъ обозѣ, гдѣ ему выѣхали навстрѣчу всѣ сенаторы, шляхтичи и часть войска. Вслѣдъ за нимъ привезли въ Смоленскъ Шуйскихъ. На другой день онъ получилъ аудіенцію у короля. Моментъ былъ торжественный: когда Жолкевскій, какъ побѣдитель, передалъ королю плѣннаго московскаго царя и его братьевъ.

На слѣдующій день, па частной аудіенціи онъ убѣждалъ Сигизмунда въ необходимости строго выполнить всѣ условія договора, ради блага династіи и Рѣчи Посполитой, но его убѣжденія были тщетны, ибо, по выраженію гетмана, „уши короля были глухи ко всѣмъ его убѣжденіямъ".

Между тѣмъ въ Москвѣ, благодаря энергіи Госѣевскаго, которому гетманъ ввѣрилъ временно начальство надъ войскомъ, установились дружественныя отношенія между польскимъ гарнизономъ и мѣстными жителями. Правда, со стороны поляковъ были попытки къ своеволію, но это не нарушило спокойствія, такъ какъ за эти

попытки они были строго наказаны. Такъ, напр., „нѣкій Блинскій, напившись допьяна, выстрѣлилъ нѣсколько разъ въ образъ Божіей Матери, написанный надъ Никольскими воротами. Когда бояре пожаловались на это Госѣевскому, то коло приговорило его къ смерти; передъ воротами былъ сложенъ костеръ, на которомъ его сожгли". По приказу Госѣевскаго на всѣхъ городскихъ воротахъ было расклеено послѣ этого объявленіе, гласившее, что всѣ тѣ, кои будутъ уличены въ подобномъ святатотствѣ, подвергнутся столь же суровому наказанію. Другой разъ случилось, что одинъ изъ челядниковъ похитилъ боярскую дочку въ то время, какъ она возвращалась съ родителями изъ бани. Родители не знали, кому жаловаться. По прошествіи двухъ недѣль дочка возвратилась домой. Тогда нашли и виновнаго; коло приговорило его, по польскимъ законамъ, къ смертной казни, но приговоръ былъ отмѣненъ и его наказали кнутомъ. „Онъ былъ радъ радешенекъ, что остался живъ; русскіе успокоились".

Еще строже поступили съ четырьмя гайдуками, которые подрались въ Кремлѣ, близъ соборовъ; это было сочтено оскорбленіемъ святыни; въ ту же ночь двое поляковъ украли нѣсколько яблокъ и орѣховъ у одного купца въ Китай-городѣ. Всѣ шестеро были приговорены къ смертной казни. Ихъ вывели на лобное мѣсто, и они были бы казнены, если бы не заступился патріархъ; впрочемъ, ихъ поступокъ не остался безнаказаннымъ, такъ какъ ихъ вывели, по московскому обычаю, на площадь и наказали кнутомъ.

Несмотря на справедливость и строгость, которую проявляли польскіе начальники, между поляками и русскими не было взаимнаго довѣрія. „Мы соблюдали, пишетъ Маскевичъ, величайшую осторожность; у всѣхъ воротъ и на перекресткахъ день и ночь стояла стража. Такъ прожили мы нѣсколько недѣль; приглашали другъ друга на обѣды, но на умѣ у насъ было совсѣмъ иное; по русской пословицѣ „у насъ была улыбка на устахъ, но мы держали камень за пазухой".

Самозванецъ не замедлилъ этимъ воспользоваться. „Франтъ, сидящій въ Калугѣ, не дремлетъ, писалъ одинъ современникъ, а всячески старается приманить и расположить къ себѣ всѣхъ и каждаго. Чуть не каждый день полякамъ удавалось захватить нѣсколько шпіоновъ, подосланныхъ Димитріемъ".

Жолкевскій, стараясь войти съ нимъ въ соглашеніе, разрѣшилъ своему ближайшему другу и совѣтнику Валавскому отправиться въ Калугу и „подать самозванцу надежду на милостивое расположеніе короля". Съ этой же цѣлью Янъ-Петръ Сапѣга поддерживалъ постоянно переписку съ нимъ и съ Мариной, но и ему также не удалось установить согласія между ними и королемъ.

попытки они были строго наказаны. Такъ, напр., „нѣкій Блинскій, напившись допьяна, выстрѣлилъ нѣсколько разъ въ образъ Божіей Матери, написанный надъ Никольскими воротами. Когда бояре пожаловались на это Госѣевскому, то коло приговорило его къ смерти; передъ воротами былъ сложенъ костеръ, на которомъ его сожгли". По приказу Госѣевскаго на всѣхъ городскихъ воротахъ было расклеено послѣ этого объявленіе, гласившее, что всѣ тѣ, кои будутъ уличены въ подобномъ святатотствѣ, подвергнутся столь же суровому наказанію. Другой разъ случилось, что одинъ изъ челядниковъ похитилъ боярскую дочку въ то время, какъ она возвращалась съ родителями изъ бани. Родители не знали, кому жаловаться. По прошествіи двухъ недѣль дочка возвратилась домой. Тогда нашли и виновнаго; коло приговорило его, по польскимъ законамъ, къ смертной казни, но приговоръ былъ отмѣненъ и его наказали кнутомъ. „Онъ былъ радъ радешенекъ, что остался живъ; русскіе успокоились".

Еще строже поступили съ четырьмя гайдуками, которые подрались въ Кремлѣ, близъ соборовъ; это было сочтено оскорбленіемъ святыни; въ ту же ночь двое поляковъ украли нѣсколько яблокъ и орѣховъ у одного купца въ Китай-городѣ. Всѣ шестеро были приговорены къ смертной казни. Ихъ вывели на лобное мѣсто, и они были бы казнены, если бы не заступился патріархъ; впрочемъ, ихъ поступокъ не остался безнаказаннымъ, такъ какъ ихъ вывели, по московскому обычаю, на площадь и наказали кнутомъ.

Несмотря на справедливость и строгость, которую проявляли польскіе начальники, между поляками и русскими не было взаимнаго довѣрія. „Мы соблюдали, пишетъ Маскевичъ, величайшую осторожность; у всѣхъ воротъ и на перекресткахъ день и ночь стояла стража. Такъ прожили мы нѣсколько недѣль; приглашали другъ друга на обѣды, но на умѣ у насъ было совсѣмъ иное; по русской пословицѣ „у насъ была улыбка на устахъ, но мы держали камень за пазухой".

Самозванецъ не замедлилъ этимъ воспользоваться. „Франтъ, сидящій въ Калугѣ, не дремлетъ, писалъ одинъ современникъ, а всячески старается приманить и расположить къ себѣ всѣхъ и каждаго. Чуть не каждый день полякамъ удавалось захватить нѣсколько шпіоновъ, подосланныхъ Димитріемъ".

Жолкевскій, стараясь войти съ нимъ въ соглашеніе, разрѣшилъ своему ближайшему другу и совѣтнику Валавскому отправиться въ Калугу и „подать самозванцу надежду на милостивое расположеніе короля". Съ этой же цѣлью Янъ-Петръ Сапѣга поддерживалъ постоянно переписку съ нимъ и съ Мариной, но и ему также не удалось установить согласія между ними и королемъ.

Самозванецъ не особенно былъ склоненъ идти на уступки, такъ какъ онъ получилъ въ это время благопріятныя вѣсти изъ столицы. Въ октябрѣ мѣсяцѣ его сторонники составили заговоръ съ цѣлью вызвать возстаніе въ Москвѣ, вырѣзать польскій гарнизонъ и посадить на престолъ Димитрія. Но заговоръ былъ вскорѣ обнаруженъ.

Нѣсколько дней спустя послѣ отъѣзда Жолкевскаго, разъѣздъ, высланный въ окрестности Серпухова, захватилъ двухъ донскихъ казаковъ, служившихъ въ войскѣ самозванца, изъ коихъ одинъ добровольно сознался въ томъ, что изъ Москвы отправились представители сословій съ письмами къ самозванцу, въ коихъ ему предлагали престолъ. Онъ же показалъ, что сторонники Димитрія замышляли при помощи какой-нибудь хитрости уничтожить королевское войско, перебить всѣхъ, а „князя Мстиславскаго, ограбивъ, въ одной рубашкѣ привезти къ вору (т. е. къ самозванцу)“.

Во главѣ заговора, въ которомъ принимали участіе стрѣльцы и масса черни, стояли Иванъ Воротынскій, Александръ Засѣкинъ и князь Андрей Голицынъ, братъ Василія. Послѣдній долженъ былъ обо всемъ условиться съ самозванцемъ. Главныхъ виновныхъ, т. е. Андрея Голицына и Воротынскаго, немедленно арестовали, о чемъ Госѣевскій донесъ королю; вскорѣ послѣ этого, 26 ноября, пріѣхалъ подъ Смоленскъ князь Масальскій, посланный боярами къ королю съ донесеніемъ о заговорѣ.

Это показало Сигизмунду, что Димитрій былъ все еще опаснымъ противникомъ; поэтому король рѣшилъ прервать съ нимъ всякіе переговоры и либо захватить его въ плѣнъ, либо такъ или иначе отдѣлаться отъ него. Съ этой цѣлью была обнародована 3 декабря королевская грамота, коей жителей Калуги убѣждали отказаться отъ самозванца, арестовать его, отослать въ королевскій обозъ и служить вѣрою и правдою королю и его сыну. Одновременно съ этимъ король рѣшилъ ускорить переговоры съ Сапѣгой и убѣдить его въ необходимости дѣйствовать противъ Димитрія.

Узнавъ о переговорахъ, начатыхъ Сапѣгою съ Сигизмундомъ, самозванецъ былъ этимъ до того взволнованъ, что рѣшилъ уйти на Донъ въ Воронежъ. Желая укрыться въ этомъ городѣ, самозванецъ укрѣпилъ его и снабдилъ всѣмъ необходимымъ. Но ему не пришлось воспользоваться этимъ убѣжищемъ, такъ какъ онъ ускорилъ своимъ собственнымъ поведеніемъ свою гибель.

Однимъ изъ его сторонниковъ былъ издавна касимовскій царь Уразъ-Мухаммедъ, перешедшій на сторону Димитрія, какъ только тотъ подступилъ къ Москвѣ; когда же самозванецъ бѣжалъ въ Калугу, Мухаммедъ сталъ открыто на сторону Сигизмунда.

Самозванецъ не особенно былъ склоненъ идти на уступки, такъ какъ онъ получилъ въ это время благопріятныя вѣсти изъ столицы. Въ октябрѣ мѣсяцѣ его сторонники составили заговоръ съ цѣлью вызвать возстаніе въ Москвѣ, вырѣзать польскій гарнизонъ и посадить на престолъ Димитрія. Но заговоръ былъ вскорѣ обнаруженъ.

Нѣсколько дней спустя послѣ отъѣзда Жолкевскаго, разъѣздъ, высланный въ окрестности Серпухова, захватилъ двухъ донскихъ казаковъ, служившихъ въ войскѣ самозванца, изъ коихъ одинъ добровольно сознался въ томъ, что изъ Москвы отправились представители сословій съ письмами къ самозванцу, въ коихъ ему предлагали престолъ. Онъ же показалъ, что сторонники Димитрія замышляли при помощи какой-нибудь хитрости уничтожить королевское войско, перебить всѣхъ, а „князя Мстиславскаго, ограбивъ, въ одной рубашкѣ привезти къ вору (т. е. къ самозванцу)“.

Во главѣ заговора, въ которомъ принимали участіе стрѣльцы и масса черни, стояли Иванъ Воротынскій, Александръ Засѣкинъ и князь Андрей Голицынъ, братъ Василія. Послѣдній долженъ былъ обо всемъ условиться съ самозванцемъ. Главныхъ виновныхъ, т. е. Андрея Голицына и Воротынскаго, немедленно арестовали, о чемъ Госѣевскій донесъ королю; вскорѣ послѣ этого, 26 ноября, пріѣхалъ подъ Смоленскъ князь Масальскій, посланный боярами къ королю съ донесеніемъ о заговорѣ.

Это показало Сигизмунду, что Димитрій былъ все еще опаснымъ противникомъ; поэтому король рѣшилъ прервать съ нимъ всякіе переговоры и либо захватить его въ плѣнъ, либо такъ или иначе отдѣлаться отъ него. Съ этой цѣлью была обнародована 3 декабря королевская грамота, коей жителей Калуги убѣждали отказаться отъ самозванца, арестовать его, отослать въ королевскій обозъ и служить вѣрою и правдою королю и его сыну. Одновременно съ этимъ король рѣшилъ ускорить переговоры съ Сапѣгой и убѣдить его въ необходимости дѣйствовать противъ Димитрія.

Узнавъ о переговорахъ, начатыхъ Сапѣгою съ Сигизмундомъ, самозванецъ былъ этимъ до того взволнованъ, что рѣшилъ уйти на Донъ въ Воронежъ. Желая укрыться въ этомъ городѣ, самозванецъ укрѣпилъ его и снабдилъ всѣмъ необходимымъ. Но ему не пришлось воспользоваться этимъ убѣжищемъ, такъ какъ онъ ускорилъ своимъ собственнымъ поведеніемъ свою гибель.

Однимъ изъ его сторонниковъ былъ издавна касимовскій царь Уразъ-Мухаммедъ, перешедшій на сторону Димитрія, какъ только тотъ подступилъ къ Москвѣ; когда же самозванецъ бѣжалъ въ Калугу, Мухаммедъ сталъ открыто на сторону Сигизмунда.

— Я вамъ удивляюсь, люди добрые—говорилъ онъ полякамъ, служившимъ въ войскѣ самозванца,—что вы помогаете не королю, своему монарху, и не своему отечеству, а какому-то неизвѣстному человѣку, безъ рода и племени.

Въ это время прибылъ въ Тушино персидскій посолъ. Онъ долго колебался, къ кому ему обратиться: къ Димитрію, къ Шуйскому или къ королю польскому. Уразъ-Мухаммедъ посовѣтовалъ ему ѣхать къ Сигизмунду, присовокупивъ:

— Вотъ и я также ѣду къ нему на поклонъ.—И дѣйствительно, онъ пріѣхалъ въ королевскій обозъ подъ Смоленскъ въ началѣ апрѣля 1610 г. „цѣловалъ руку королю, просилъ принять его на службу Рѣчи Посполитой и, давъ ему войско, послать его противъ враговъ короля“.

Два мѣсяца спустя Уразъ-Мухаммедъ выступилъ вмѣстѣ съ Жолкевскимъ навстрѣчу Димитрію Шуйскому и все время былъ вѣренъ и преданъ Сигизмунду.

Между тѣмъ въ Калугѣ находились его сынъ, жена и мать. Соскучившись по нимъ, царь касимовскій въ сентябрѣ мѣсяцѣ тайно отправился въ Калугу; но дорожа благоволеніемъ Сигизмунда и сочувствіемъ, которое онъ встрѣтилъ со стороны рыцарства и гетмана, онъ рѣшилъ не оставаться въ этомъ городѣ и уѣхать обратно, взявъ съ собою сына; но послѣдній не только не повиновался ему, но даже предупредилъ о томъ самозванца. Тогда Димитрій рѣшилъ отомстить Уразъ-Мухаммеду и приказалъ его убить, а потомъ бросить его въ воду; а для того чтобы не возстановить этимъ поступкомъ противъ себя народъ, онъ распустилъ слухъ, будто Уразъ бѣжалъ изъ Калуги.

„Многіе, пишетъ Жолкевскій, въ особенности татары, очень сожалѣли касимовскаго царя. Въ числѣ этихъ лицъ былъ князь Петръ Урусовъ, человѣкъ смѣлый, рѣшительный, который изъ мести рѣшилъ покончить съ Димитріемъ. Впрочемъ, онъ имѣлъ и личную злобу на него за то, что когда онъ, Урусовъ, сталъ осуждать убійство Уразъ-Мухаммеда, то самозванецъ велѣлъ наказать его кнутомъ и заключить въ тюрьму, откуда онъ былъ освобожденъ только по заступничеству Марины. Выпущенный на свободу, онъ принялъ участіе въ стычкѣ, которую войско самозванца имѣло съ польскимъ отрядомъ Чаплинскаго, который былъ имъ разбитъ, при чемъ въ Калугу доставлено не малое число плѣнныхъ.

Эта маленькая побѣда очень обрадовала самозванца; по этому поводу за обѣдомъ 22 декабря онъ былъ очень веселъ. Онъ имѣлъ обыкновеніе на радостяхъ кататься. Такъ и въ этотъ день, „подвыпивъ, онъ приказалъ послѣ обѣда запречь сани и отправился прокатиться по большой дорогѣ, ведшей въ столицу“. За нимъ ѣхало

— Я вамъ удивляюсь, люди добрые—говорилъ онъ полякамъ, служившимъ въ войскѣ самозванца,—что вы помогаете не королю, своему монарху, и не своему отечеству, а какому-то неизвѣстному человѣку, безъ рода и племени.

Въ это время прибылъ въ Тушино персидскій посолъ. Онъ долго колебался, къ кому ему обратиться: къ Димитрію, къ Шуйскому или къ королю польскому. Уразъ-Мухаммедъ посовѣтовалъ ему ѣхать къ Сигизмунду, присовокупивъ:

— Вотъ и я также ѣду къ нему на поклонъ.—И дѣйствительно, онъ пріѣхалъ въ королевскій обозъ подъ Смоленскъ въ началѣ апрѣля 1610 г. „цѣловалъ руку королю, просилъ принять его на службу Рѣчи Посполитой и, давъ ему войско, послать его противъ враговъ короля“.

Два мѣсяца спустя Уразъ-Мухаммедъ выступилъ вмѣстѣ съ Жолкевскимъ навстрѣчу Димитрію Шуйскому и все время былъ вѣренъ и преданъ Сигизмунду.

Между тѣмъ въ Калугѣ находились его сынъ, жена и мать. Соскучившись по нимъ, царь касимовскій въ сентябрѣ мѣсяцѣ тайно отправился въ Калугу; но дорожа благоволеніемъ Сигизмунда и сочувствіемъ, которое онъ встрѣтилъ со стороны рыцарства и гетмана, онъ рѣшилъ не оставаться въ этомъ городѣ и уѣхать обратно, взявъ съ собою сына; но послѣдній не только не повиновался ему, но даже предупредилъ о томъ самозванца. Тогда Димитрій рѣшилъ отомстить Уразъ-Мухаммеду и приказалъ его убить, а потомъ бросить его въ воду; а для того чтобы не возстановить этимъ поступкомъ противъ себя народъ, онъ распустилъ слухъ, будто Уразъ бѣжалъ изъ Калуги.

„Многіе, пишетъ Жолкевскій, въ особенности татары, очень сожалѣли касимовскаго царя. Въ числѣ этихъ лицъ былъ князь Петръ Урусовъ, человѣкъ смѣлый, рѣшительный, который изъ мести рѣшилъ покончить съ Димитріемъ. Впрочемъ, онъ имѣлъ и личную злобу на него за то, что когда онъ, Урусовъ, сталъ осуждать убійство Уразъ-Мухаммеда, то самозванецъ велѣлъ наказать его кнутомъ и заключить въ тюрьму, откуда онъ былъ освобожденъ только по заступничеству Марины. Выпущенный на свободу, онъ принялъ участіе въ стычкѣ, которую войско самозванца имѣло съ польскимъ отрядомъ Чаплинскаго, который былъ имъ разбитъ, при чемъ въ Калугу доставлено не малое число плѣнныхъ.

Эта маленькая побѣда очень обрадовала самозванца; по этому поводу за обѣдомъ 22 декабря онъ былъ очень веселъ. Онъ имѣлъ обыкновеніе на радостяхъ кататься. Такъ и въ этотъ день, „подвыпивъ, онъ приказалъ послѣ обѣда запречь сани и отправился прокатиться по большой дорогѣ, ведшей въ столицу“. За нимъ ѣхало

300 человѣкъ татаръ, надъ коими старшимъ былъ Петръ Урусовъ, человѣкъ двадцать бояръ и десять человѣкъ свиты. На другихъ саняхъ везли разные напитки, медъ, водку, коими самозванецъ угощалъ въ полѣ бояръ и болѣе важныхъ татаръ".

Димитрій былъ въ отличномъ расположеніи духа; его свита загоняла зайцевъ и пьянствовала. Урусовъ воспользовался удобнымъ моментомъ, чтобы выполнить свой замыселъ; пользуясь общей сумятицей, онъ приказалъ нѣсколькимъ человѣкамъ татаръ окружить бояръ, сопровождавшихъ Димитрія, а самъ бросился съ остальными на самозванца. Остановивъ лошадей и схвативъ кучера, онъ убилъ самозванца, сидѣвшаго въ саняхъ, выстрѣливъ въ него изъ пистолета, а потомъ отсѣкъ ему голову и руки. Прочіе татары, соскочивъ съ коней, жестоко изрубили его и убили и ранили нѣсколько человѣкъ; самъ же Урусовъ и татары, бывшіе съ нимъ въ заговорѣ спаслись бѣгствомъ.

Такъ покончилъ свою жизнь второй самозванецъ, къ которому кромѣ Марины никто не чувствовалъ расположенія, и котораго никто не пожалѣлъ. Необразованный, грубый, пьяница, любившій сквернословить, не имѣвшій никакого авторитета и никакихъ личныхъ качествъ, онъ былъ совершенно непригоденъ къ той роли, которую онъ взялъ на себя. Очень скоро послѣ его появленія почти всѣ стали считать его самозванцемъ. Его не любили даже тѣ, кои защищали его и считались его сторонниками; подъ конецъ онъ всѣхъ оттолкнулъ отъ себя своимъ самовластіемъ и неблагоразумнымъ поведеніемъ.

Когда вѣсть объ его убійствѣ разнеслась въ Калугѣ, въ церкви ударили въ набатъ и народъ толпами устремился за городъ, чтобы видѣть трупъ Димитрія. Вскорѣ узнала о несчастьи и Марина. Хотя она была въ то время беременна, но „она выбѣжала изъ крѣпости, съ отчаяніемъ рвала на себѣ волосы, не хотѣла жить безъ него и кричала, чтобы и ее убили". Она даже покушалась на свою жизнь, но раны, которыя она нанесла себѣ, не были смертельны.

Между тѣмъ народъ отправился за тѣломъ самозванца, которое долго лежало въ полѣ на саняхъ; его привезли въ городъ и въ присутствіи царицы внесли въ крѣпость.

Въ городѣ было страшное волненіе. Донскіе казаки, въ отмщеніе за смерть Димитрія, перебили всѣхъ татаръ. Чернь готова была кинуться на поляковъ и навѣрно всѣхъ ихъ перебила бы, если бы князь Шаховской энергично не подавилъ волненія и не защитилъ ихъ.

Послѣ убійства Димитрія, который былъ погребенъ два дня спустя въ крѣпостной церкви, среди его сторонниковъ началась полнѣй-

300 человѣкъ татаръ, надъ коими старшимъ былъ Петръ Урусовъ, человѣкъ двадцать бояръ и десять человѣкъ свиты. На другихъ саняхъ везли разные напитки, медъ, водку, коими самозванецъ угощалъ въ полѣ бояръ и болѣе важныхъ татаръ".

Димитрій былъ въ отличномъ расположеніи духа; его свита загоняла зайцевъ и пьянствовала. Урусовъ воспользовался удобнымъ моментомъ, чтобы выполнить свой замыселъ; пользуясь общей сумятицей, онъ приказалъ нѣсколькимъ человѣкамъ татаръ окружить бояръ, сопровождавшихъ Димитрія, а самъ бросился съ остальными на самозванца. Остановивъ лошадей и схвативъ кучера, онъ убилъ самозванца, сидѣвшаго въ саняхъ, выстрѣливъ въ него изъ пистолета, а потомъ отсѣкъ ему голову и руки. Прочіе татары, соскочивъ съ коней, жестоко изрубили его и убили и ранили нѣсколько человѣкъ; самъ же Урусовъ и татары, бывшіе съ нимъ въ заговорѣ спаслись бѣгствомъ.

Такъ покончилъ свою жизнь второй самозванецъ, къ которому кромѣ Марины никто не чувствовалъ расположенія, и котораго никто не пожалѣлъ. Необразованный, грубый, пьяница, любившій сквернословить, не имѣвшій никакого авторитета и никакихъ личныхъ качествъ, онъ былъ совершенно непригоденъ къ той роли, которую онъ взялъ на себя. Очень скоро послѣ его появленія почти всѣ стали считать его самозванцемъ. Его не любили даже тѣ, кои защищали его и считались его сторонниками; подъ конецъ онъ всѣхъ оттолкнулъ отъ себя своимъ самовластіемъ и неблагоразумнымъ поведеніемъ.

Когда вѣсть объ его убійствѣ разнеслась въ Калугѣ, въ церкви ударили въ набатъ и народъ толпами устремился за городъ, чтобы видѣть трупъ Димитрія. Вскорѣ узнала о несчастьи и Марина. Хотя она была въ то время беременна, но „она выбѣжала изъ крѣпости, съ отчаяніемъ рвала на себѣ волосы, не хотѣла жить безъ него и кричала, чтобы и ее убили". Она даже покушалась на свою жизнь, но раны, которыя она нанесла себѣ, не были смертельны.

Между тѣмъ народъ отправился за тѣломъ самозванца, которое долго лежало въ полѣ на саняхъ; его привезли въ городъ и въ присутствіи царицы внесли въ крѣпость.

Въ городѣ было страшное волненіе. Донскіе казаки, въ отмщеніе за смерть Димитрія, перебили всѣхъ татаръ. Чернь готова была кинуться на поляковъ и навѣрно всѣхъ ихъ перебила бы, если бы князь Шаховской энергично не подавилъ волненія и не защитилъ ихъ.

Послѣ убійства Димитрія, который былъ погребенъ два дня спустя въ крѣпостной церкви, среди его сторонниковъ началась полнѣй-

шая анархія. Даже Заруцкій хотѣлъ уйти изъ Калуги, но „народъ не выпустилъ его изъ тюрьмы“. Донскіе казаки заявили о своей готовности защищать царицу, но боярамъ удалось захватить власть въ свои руки; они немедленно рѣшили перейти на сторону Владислава и, чтобы не допустить интригъ со стороны Марины, держали подъ строгимъ карауломъ ее и находившихся при ней поляковъ.

Узнавъ о смерти самозванца, Сапѣга пошелъ къ Калугѣ, съ намѣреніемъ взять крѣпость и городъ. 26 декабря онъ остановился близъ Спасова монастыря, откуда послалъ съ Латовскимъ письма къ „царицѣ, боярамъ и народу“, предлагая имъ заключить съ нимъ договоръ. На слѣдующій день съ подобными же предложеніями были посланы Будзило и Тышкевичъ. Переговоры длились нѣсколько дней, и хотя калужане выразили готовность передаться королевичу, „которому Москва уже цѣловала крестъ“, однако когда 30 числа „Сапѣга прислалъ своихъ уполномоченныхъ для веденія переговоровъ, они даже не допустили ихъ въ городъ и, вступивъ въ бой съ поляками, перестрѣливались съ ними до вечера“.

Видя такое настроеніе жителей и не имѣя достаточныхъ силъ, чтобы подчинить ихъ силою, Сапѣга долженъ былъ отступить; онъ отошелъ къ Перемышлю, который добровольно передался Владиславу.

Марину все это время держали подъ строгимъ карауломъ. Когда Сапѣга подошелъ 30 декабря къ Калугѣ, къ нему явился человѣкъ съ письмомъ отъ Марины, въ которомъ она умоляла его освободить ее и вернуть ей свободу.

Такъ печально закончился второй, полный тревогъ и приключеній, періодъ жизни этой гордой и честолюбивой женщины.

(Продолженіе слѣдуетъ).

шая анархія. Даже Заруцкій хотѣлъ уйти изъ Калуги, но „народъ не выпустилъ его изъ тюрьмы“. Донскіе казаки заявили о своей готовности защищать царицу, но боярамъ удалось захватить власть въ свои руки; они немедленно рѣшили перейти на сторону Владислава и, чтобы не допустить интригъ со стороны Марины, держали подъ строгимъ карауломъ ее и находившихся при ней поляковъ.

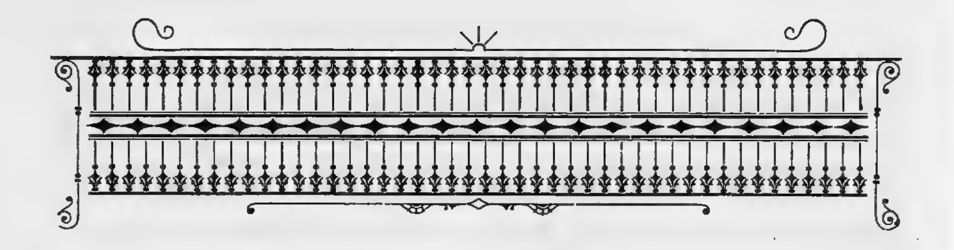
Узнавъ о смерти самозванца, Сапѣга пошелъ къ Калугѣ, съ намѣреніемъ взять крѣпость и городъ. 26 декабря онъ остановился близъ Спасова монастыря, откуда послалъ съ Латовскимъ письма къ „царицѣ, боярамъ и народу“, предлагая имъ заключить съ нимъ договоръ. На слѣдующій день съ подобными же предложеніями были посланы Будзило и Тышкевичъ. Переговоры длились нѣсколько дней, и хотя калужане выразили готовность передаться королевичу, „которому Москва уже цѣловала крестъ“, однако когда 30 числа „Сапѣга прислалъ своихъ уполномоченныхъ для веденія переговоровъ, они даже не допустили ихъ въ городъ и, вступивъ въ бой съ поляками, перестрѣливались съ ними до вечера“.

Видя такое настроеніе жителей и не имѣя достаточныхъ силъ, чтобы подчинить ихъ силою, Сапѣга долженъ былъ отступить; онъ отошелъ къ Перемышлю, который добровольно передался Владиславу.

Марину все это время держали подъ строгимъ карауломъ. Когда Сапѣга подошелъ 30 декабря къ Калугѣ, къ нему явился человѣкъ съ письмомъ отъ Марины, въ которомъ она умоляла его освободить ее и вернуть ей свободу.

Такъ печально закончился второй, полный тревогъ и приключеній, періодъ жизни этой гордой и честолюбивой женщины.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Воспоминанія Ѳ. А. Скалонъ.

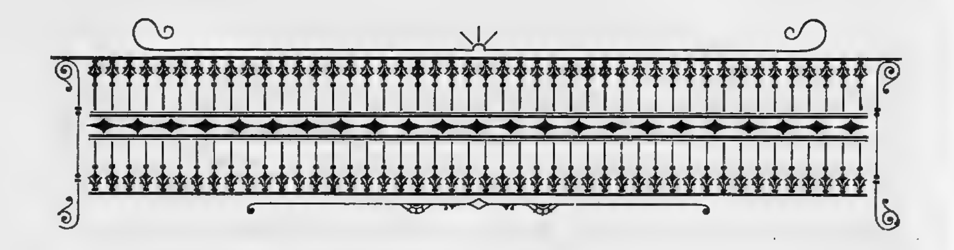
Въ 1840 году 27-го октября въ зданіи главнаго штаба, что подъ аркой, я увидѣлъ свѣтъ Божій. Матушку Ольгу Григорьевну, рожденную баронесу Криденеръ, я не помню. Мнѣ было два года, когда она скончалась. Послѣ родовъ младшаго брата, Данилы, по назначенію доктора ей была пущена кровь. Фельдшеръ прорѣзалъ жилу, а можетъ быть, и заразилъ ланцетомъ, только матушка скончалась черезъ нѣсколько дней, и мы осиротѣли.

У батюшки Антона Антоновича насъ осталось шесть человѣкъ: четыре сестры и два брата.

Въ памяти моей отчетливо сохранилось прощаніе съ матушкой. Ясно вижу лицо пастора Фромана, красный свѣтъ свѣчъ; матушку въ гробу, сестеръ, себя на рукахъ старушки няни; затѣмъ вижу, какъ отецъ меня взялъ на руки и поднесъ къ матушкѣ прощаться...

Сознаніе своего маленькаго я проявляется уже на другой квартирѣ, въ четвертомъ этажѣ, подлѣ той же арки главнаго штаба. Вижу себя на окнѣ и гляжу на проходящіе подъ арку полки пѣхоты и кавалеріи. Въ пѣхотѣ должно быть меня поразили кивера съ высокими султанами, въ кавалеріи—шапки, эполеты и барабаны у конно-гренадеръ, потому что и теперь я особенно ясно себѣ ихъ представляю.

Ходила за мной старая няня Авдотья Ивановна. Старушка была умная и развила во мнѣ любовь къ порядку. Въ моихъ игрушкахъ всегда сохранялся образцовый порядокъ. „Поигралъ, батюшка, и прибери"—говорила старушка, и я всегда прибиралъ свои игрушки



Воспоминанія Э. А. Скалонъ.

Въ 1840 году 27-го октября въ зданіи главнаго штаба, что подъ аркой, я увидѣлъ свѣтъ Божій. Матушку Ольгу Григорьевну, рожденную баронесу Криденеръ, я не помню. Мнѣ было два года, когда она скончалась. Послѣ родовъ младшаго брата, Данилы, по назначенію доктора ей была пущена кровь. Фельдшеръ прорѣзалъ жилу, а можетъ быть, и заразилъ ланцетомъ, только матушка скончалась черезъ нѣсколько дней, и мы осиротѣли.

У батюшки Антона Антоновича насъ осталось шесть человѣкъ: четыре сестры и два брата.

Въ памяти моей отчетливо сохранилось прощаніе съ матушкой. Ясно вижу лицо пастора Фромана, красный свѣтъ свѣчъ; матушку въ гробу, сестеръ, себя на рукахъ старушки няни; затѣмъ вижу, какъ отецъ меня взялъ на руки и поднесъ къ матушкѣ прощаться...

Сознаніе своего маленькаго я проявляется уже на другой квартирѣ, въ четвертомъ этажѣ, подлѣ той же арки главнаго штаба. Вижу себя на окнѣ и гляжу на проходящіе подъ арку полки пѣхоты и кавалеріи. Въ пѣхотѣ должно быть меня поразили кивера съ высокими султанами, въ кавалеріи—шапки, эполеты и барабаны у конно-гренадеръ, потому что и теперь я особенно ясно себѣ ихъ представляю.

Ходила за мной старая няня Авдотья Ивановна. Старушка была умная и развила во мнѣ любовь къ порядку. Въ моихъ игрушкахъ всегда сохранялся образцовый порядокъ. „Поигралъ, батюшка, и прибери“—говорила старушка, и я всегда прибиралъ свои игрушки

въ шкафъ. Съ тѣхъ поръ привычка эта такъ укоренилась, что я, что бы ни дѣлалъ, по окончаніи всегда за собою прибираю, а благодаря этому мнѣ въ жизни рѣдко, когда приходилось терять время въ розыскахъ.

Сестры меня очень любили, въ особенности сестра Софія Антоновна. Съ младшей сестрой Ольгой я охотно и дружно игралъ.

Батюшка очень былъ занятъ службой, и мы видѣли его только къ обѣду. Въ домѣ было царство гувернантокъ. Сестры любили хорошенькую француженку Тунъ, не сжились съ англичанкой миссъ Доссонъ и ненавидѣли маленькую, желчную и властолюбивую нѣмку фрейленъ Цвейдлеръ. Француженка вышла замужъ за товарища отца по службѣ полковника Искрицкаго. Свадьба эта вскружила головы остальнымъ гувернанткамъ и отразилась нескончаемыми капризами и сценами между ними и бѣдными сестрами. Въ особенности тяжело было старшей сестрѣ Каролинѣ Антоновнѣ, оставшейся послѣ матушки 16-ти лѣтъ. Сестру Эмилію Антоновну и брата Александра мало помню, должно быть, потому, что между нами была не столь большая разница въ возрастѣ.

Изъ людей вспоминаю: Бота, или, какъ его иначе звали,—Фильку. Онъ былъ ловокъ и услужливъ; но затѣмъ попалъ въ шайку воровъ и выкралъ у батюшки всѣ драгоцѣнныя вещи матушки. Покража была большая и не нашлась; помню повара, съ которымъ, должно быть, дружила няня, но онъ представляется мнѣ больше подъ видомъ картинки „Котъ и Поваръ“ изъ басенъ Крылова; дѣвушекъ Грушу и Дашу. Рябая Груша была добрая, ласковая дѣвушка,—я ее очень любилъ; она вышла замужъ за фельдфебеля и уже, будучи офицеромъ, я ходилъ иногда къ ней пить кофе.

У отца былъ чудный бѣлый пудель, Дудка, общій любимецъ. Само собой разумѣется, что онъ входилъ въ число моихъ друзей: неразлучной куклы Ваньки, дѣтской сабли и барабана. Дудка былъ необыкновенно уменъ и привязанъ къ отцу. Однажды батюшка уѣхалъ въ свои имѣнія. Было это зимою. Дудку заперли на сутки, а когда выпустили, то вскорѣ хватились, гдѣ Дудка? Дудка изчезъ. Между тѣмъ батюшка ѣхалъ по Московскому тракту; на третьи сутки, во время перекладки лошадей, въ открытую ямщикомъ дверь вдругъ, какъ пуля, влетѣлъ Дудка и бросился ласкаться къ отцу. Какимъ образомъ онъ нашелъ слѣдъ и нагналъ батюшку въ такомъ значительномъ разстояніи отъ дома, трудно понять.

До пяти лѣтъ воспоминанія мои очень ограничены. Жилось мнѣ хорошо. Какъ младшаго—всѣ меня любили, а папа называлъ меня „маменькины сливки“,—потому что матушка кормила меня до кончины или почти два года.

въ шкафъ. Съ тѣхъ поръ привычка эта такъ укоренилась, что я, что бы ни дѣлалъ, по окончаніи всегда за собою прибираю, а благодаря этому мнѣ въ жизни рѣдко, когда приходилось терять время въ розыскахъ.

Сестры меня очень любили, въ особенности сестра Софія Антоновна. Съ младшей сестрой Ольгой я охотно и дружно игралъ.

Батюшка очень былъ занятъ службой, и мы видѣли его только къ обѣду. Въ домѣ было царство гувернантокъ. Сестры любили хорошенькую француженку Тунъ, не сжились съ англичанкой миссъ Доссонъ и ненавидѣли маленькую, желчную и властолюбивую нѣмку фрейленъ Цвейдлеръ. Француженка вышла замужъ за товарища отца по службѣ полковника Искрицкаго. Свадьба эта вскружила головы остальнымъ гувернанткамъ и отразилась нескончаемыми капризами и сценами между ними и бѣдными сестрами. Въ особенности тяжело было старшей сестрѣ Каролинѣ Антоновнѣ, оставшейся послѣ матушки 16-ти лѣтъ. Сестру Эмилію Антоновну и брата Александра мало помню, должно быть, потому, что между нами была не столь большая разница въ возрастѣ.

Изъ людей вспоминаю: Бота, или, какъ его иначе звали,—Фильку. Онъ былъ ловокъ и услужливъ; но затѣмъ попалъ въ шайку воровъ и выкралъ у батюшки всѣ драгоцѣнныя вещи матушки. Покража была большая и не нашлась; помню повара, съ которымъ, должно быть, дружила няня, но онъ представляется мнѣ больше подъ видомъ картинки „Котъ и Поваръ“ изъ басенъ Крылова; дѣвушекъ Грушу и Дашу. Рябая Груша была добрая, ласковая дѣвушка,—я ее очень любилъ; она вышла замужъ за фельдфебеля и уже, будучи офицеромъ, я ходилъ иногда къ ней пить кофе.

У отца былъ чудный бѣлый пудель, Дудка, общій любимецъ. Само собой разумѣется, что онъ входилъ въ число моихъ друзей: неразлучной куклы Ваньки, дѣтской сабли и барабана. Дудка былъ необыкновенно уменъ и привязанъ къ отцу. Однажды батюшка уѣхалъ въ свои имѣнія. Было это зимою. Дудку заперли на сутки, а когда выпустили, то вскорѣ хватились, гдѣ Дудка? Дудка изчезъ. Между тѣмъ батюшка ѣхалъ по Московскому тракту; на третьи сутки, во время перекладки лошадей, въ открытую ямщикомъ дверь вдругъ, какъ пуля, влетѣлъ Дудка и бросился ласкаться къ отцу. Какимъ образомъ онъ нашелъ слѣдъ и нагналъ батюшку въ такомъ значительномъ разстояніи отъ дома, трудно понять.

До пяти лѣтъ воспоминаніи мои очень ограничены. Жилось мнѣ хорошо. Какъ младшаго—всѣ меня любили, а папа называлъ меня „маменькины сливки“,—потому что матушка кормила меня до кончины или почти два года.

Лѣтомъ мы выѣзжали на дачу. Первыя впечатлѣнія весны и лѣта относятся, должно быть, къ четыремъ годамъ. Жили мы на Карповкѣ, и я смутно помню садъ и павильонъ, въ которомъ стояла модель корабля, и жилъ самъ хозяинъ, угощавшій меня и сестру Ольгу пирожками.

На пятомъ году, зимою, пріѣхалъ изъ Казани нашъ родственникъ, докторъ Христіанъ Андреевичъ Нордштремъ, полный жизни, веселый—онъ замѣтно оживилъ нашъ домъ.

Красавица сестра Эмилія Антоновна простудилась и заболѣла воспаленіемъ легкихъ. Пользовали ее лучшіе врачи того времени: Арндъ и Шольцъ. Христіанъ Андреевичъ исполнялъ предписанія докторовъ. Больной становилось все хуже и, наконецъ, доктора дошли до предписанія мошуса. Отецъ былъ очень удрученъ, уже потерялъ всякую надежду и, видя, какъ сестра задыхалась, всталъ на колѣни и началъ молиться. Христіанъ Андреевичъ подошелъ къ нему и отодвинулъ со словами: „Еще не все потеряно, молиться успѣете потомъ, а теперь надо дѣйствовать“. Съ этими словами онъ подошелъ къ окну, отворилъ форточку. Живительная струя воздуха заставила сестру открыть глаза. Это такъ подѣйствовало на отца, что онъ сталъ безпрекословно исполнять приказанія Христіана Андреевича. Принесли ванну, больную посадили на минуту въ холодную воду, затѣмъ завернули въ простыни, терли и мѣняли ихъ нѣсколько разъ, пока не вызвали реакцію. Дыханіе освободилось. Сестра стала оживать. На утро пріѣхали доктора и очень удивились видимому улучшенію. Отецъ поблагодарилъ ихъ и передалъ дальнѣйшее леченіе Христіану Андреевичу. Сестра стала поправляться. Христіанъ Андреевичъ приказалъ купить козу и поилъ сестру парнымъ молокомъ. Коза очень меня занимала и изъ всего разсказаннаго со словъ отца вспоминаю только пребываніе козы въ нашемъ домѣ.

Въ началѣ апрѣля Христіанъ Андреевичъ перевезъ сестру на дачу въ Лѣсной и держалъ весь день на воздухѣ. Въ маѣ и мы переѣхали. Здѣсь воспоминанія мои становятся довольно ясными и разнообразными. Прогулки въ окрестныхъ паркахъ; посѣщенія семьи директора Лѣсного института Егора Карловича Швенгельма, жена котораго, наша родственница, была урожденная баронесса Криденеръ, дочь управляющаго дворомъ великаго князя Михаила Павловича, барона Карла Антоновича Криденеръ. Стали пополняться и мои зоологическія познанія. Къ пуделю Дудкѣ и козѣ присоединилось болѣе близкое знакомство съ лошадьми, коровами, курами, бабочками, жуками и кузнечиками. Къ этому же времени относится и первое

Лѣтомъ мы выѣзжали на дачу. Первыя впечатлѣнія весны и лѣта относятся, должно быть, къ четыремъ годамъ. Жили мы на Карповкѣ, и я смутно помню садъ и павильонъ, въ которомъ стояла модель корабля, и жилъ самъ хозяинъ, угощавшій меня и сестру Ольгу пирожками.

На пятомъ году, зимою, пріѣхалъ изъ Казани нашъ родственникъ, докторъ Христіанъ Андреевичъ Нордштремъ, полный жизни, веселый—онъ замѣтно оживилъ нашъ домъ.

Красавица сестра Эмилія Антоновна простудилась и заболѣла воспаленіемъ легкихъ. Пользовали ее лучшіе врачи того времени: Арндъ и Шольцъ. Христіанъ Андреевичъ исполнялъ предписанія докторовъ. Больной становилось все хуже и, наконецъ, доктора дошли до предписанія мошуса. Отецъ былъ очень удрученъ, уже потерялъ всякую надежду и, видя, какъ сестра задыхалась, всталъ на колѣни и началъ молиться. Христіанъ Андреевичъ подошелъ къ нему и отодвинулъ со словами: „Еще не все потеряно, молиться успѣете потомъ, а теперь надо дѣйствовать“. Съ этими словами онъ подошелъ къ окну, отворилъ форточку. Живительная струя воздуха заставила сестру открыть глаза. Это такъ подѣйствовало на отца, что онъ сталъ безпрекословно исполнять приказанія Христіана Андреевича. Принесли ванну, больную посадили на минуту въ холодную воду, затѣмъ завернули въ простыни, терли и мѣняли ихъ нѣсколько разъ, пока не вызвали реакцію. Дыханіе освободилось. Сестра стала оживать. На утро пріѣхали доктора и очень удивились видимому улучшенію. Отецъ поблагодарилъ ихъ и передалъ дальнѣйшее леченіе Христіану Андреевичу. Сестра стала поправляться. Христіанъ Андреевичъ приказалъ купить козу и поилъ сестру парнымъ молокомъ. Коза очень меня занимала и изъ всего разсказаннаго со словъ отца вспоминаю только пребываніе козы въ нашемъ домѣ.

Въ началѣ апрѣля Христіанъ Андреевичъ перевезъ сестру на дачу въ Лѣсной и держалъ весь день на воздухѣ. Въ маѣ и мы переѣхали. Здѣсь воспоминанія мои становятся довольно ясными и разнообразными. Прогулки въ окрестныхъ паркахъ; посѣщенія семьи директора Лѣсного института Егора Карловича Швенгельма, жена котораго, наша родственница, была урожденная баронесса Криденеръ, дочь управляющаго дворомъ великаго князя Михаила Павловича, барона Карла Антоновича Криденеръ. Стали пополняться и мои зоологическія познанія. Къ пуделю Дудкѣ и козѣ присоединилось болѣе близкое знакомство съ лошадьми, коровами, курами, бабочками, жуками и кузнечиками. Къ этому же времени относится и первое

чувство красоты природы и безсознательное влеченіе къ прекрасной половинѣ человѣчества.

Должно быть, сильно было впечатлѣніе, которое врѣзалось такими неизгладимыми чертами въ моей памяти. Еще и теперь, когда мысль безотчетно витаетъ въ далекомъ прошломъ, мнѣ представляется картина великолѣпнаго солнечнаго заката, и я, пораженный его невиданною красотою, обращаюсь за объясненіемъ къ миловидной дѣвушкѣ, которая меня ведетъ за руку и привѣтливо улыбаясь объясняетъ, что это солнце, скрываясь на ночь, золотитъ и румянитъ небосклонъ. Дѣвушка эта была наша сосѣдка—Бетси Нувель. Она рано скончалась, при жизни мнѣ не доводилось съ ней встрѣчаться, но съ того вечера меня къ ней влекло, и я теперь еще, почитая ея память, ежегодно навѣщаю ея могилу.

Мнѣ было по шестому году. Сестра матушки Агнеса Григорьевна Михаелисъ уговорила батюшку отпустить старушку няню и замѣнить ее нѣмкой. Это была красивая и хорошая особа, я съ ней дружилъ, но дичился и по утрамъ, просыпаясь въ ея отсутствіе, запиралъ двери и одѣвался одинъ. Къ такой самостоятельности пріучила меня старушка няня.—„Самъ, батюшка, дѣлай“, бывало приговаривала она—„пріучайся обходиться безъ людей. Такъ-то лучше будетъ жить: отъ другихъ не зависишь“.

Зимою сестеръ обучали танцамъ. Я очень любилъ смотрѣть, какъ ихъ учительница, госпожа Цель, слегка приподымая обѣими руками юбки, отчетливо выдѣлывала разныя па. Сестра Софи очень успѣвала въ музыкѣ, и я, слушая ее, любилъ взбираться на фортепіано, при чемъ однажды, слишкомъ наклонившись надъ пюпитромъ, обжегъ себѣ ухо и клокъ волосъ.

Когда у насъ въ собирались гости, отецъ иногда выносилъ меня къ нимъ видѣ автомата съ барабаномъ, покрытаго газомъ. Батюшка дѣлалъ видъ, будто заводитъ меня, затѣмъ снималъ газъ, и я, барабаня, поворачивалъ голову и кланялся на всѣ стороны.

Весною насъ пригласила къ себѣ въ имѣніе графиня Эмилія Павловна Сиверсъ, вдова сподвижника императора Александра Павловича и перваго директора инженернаго училища. Имѣніе графини „Георгіевское“ находилось въ Ямбургскомъ уѣздѣ. Мы ѣхали по Нарвскому тракту до станціи Черковицы, а затѣмъ сворачивали проселкомъ до Георгіевска. Въ жизни нашей поѣздка эта составила событіе и важный переворотъ. Ѣхали въ старинныхъ экипажахъ, въ которыхъ при жизни матушки все семейство ѣздило за границу.

Среди насъ выдающееся значеніе пріобрѣла сестра Эмилія Антоновна. Она была чрезвычайно красива и богато одарена талантами. Мало по малу она стала руководительницей всѣхъ нашихъ дѣй-

чувство красоты природы и безсознательное влеченіе къ прекрасной половинѣ человѣчества.

Должно быть, сильно было впечатлѣніе, которое врѣзалось такими неизгладимыми чертами въ моей памяти. Еще и теперь, когда мысль безотчетно витаетъ въ далекомъ прошломъ, мнѣ представляется картина великолѣпнаго солнечнаго заката, и я, пораженный его невиданною красотою, обращаюсь за объясненіемъ къ миловидной дѣвушкѣ, которая меня ведетъ за руку и привѣтливо улыбаясь объясняетъ, что это солнце, скрываясь на ночь, золотитъ и румянитъ небосклонъ. Дѣвушка эта была наша сосѣдка—Бетси Нувель. Она рано скончалась, при жизни мнѣ не доводилось съ ней встрѣчаться, но съ того вечера меня къ ней влекло, и я теперь еще, почитая ея память, ежегодно навѣщаю ея могилу.

Мнѣ было по шестому году. Сестра матушки Агнеса Григорьевна Михаелисъ уговорила батюшку отпустить старушку няню и замѣнить ее нѣмкой. Это была красивая и хорошая особа, я съ ней дружилъ, но дичился и по утрамъ, просыпаясь въ ея отсутствіе, запиралъ двери и одѣвался одинъ. Къ такой самостоятельности пріучила меня старушка няня.—„Самъ, батюшка, дѣлай“, бывало приговаривала она—„пріучайся обходиться безъ людей. Такъ-то лучше будетъ жить: отъ другихъ не зависишь“.

Зимою сестеръ обучали танцамъ. Я очень любилъ смотрѣть, какъ ихъ учительница, госпожа Цель, слегка приподымая обѣими руками юбки, отчетливо выдѣлывала разныя па. Сестра Софи очень успѣвала въ музыкѣ, и я, слушая ее, любилъ взбираться на фортепіано, причемъ однажды, слишкомъ наклонившись надъ пюпитромъ, обжегъ себѣ ухо и клокъ волосъ.

Когда у насъ въ собирались гости, отецъ иногда выносилъ меня къ нимъ видѣ автомата съ барабаномъ, покрытаго газомъ. Батюшка дѣлалъ видъ, будто заводитъ меня, затѣмъ снималъ газъ, и я, барабаня, поворачивалъ голову и кланялся на всѣ стороны.

Весною насъ пригласила къ себѣ въ имѣніе графиня Эмилія Павловна Сиверсъ, вдова сподвижника императора Александра Павловича и перваго директора инженернаго училища. Имѣніе графини „Георгіевское“ находилось въ Ямбургскомъ уѣздѣ. Мы ѣхали по Нарвскому тракту до станціи Черковицы, а затѣмъ сворачивали проселкомъ до Георгіевска. Въ жизни нашей поѣздка эта составила событіе и важный переворотъ. Ѣхали въ старинныхъ экипажахъ, въ которыхъ при жизни матушки все семейство ѣздило за границу.

Среди насъ выдающееся значеніе пріобрѣла сестра Эмилія Антоновна. Она была чрезвычайно красива и богато одарена талантами. Мало по малу она стала руководительницей всѣхъ нашихъ дѣй-

ствій. Ея тонкія черты лица отличались правильностью, большіе синіе глаза—съ строгимъ взглядомъ, которому по временамъ только противорѣчили миловидныя ямочки на щекахъ. Милочка, какъ мы ее звали, объяснила намъ двумъ съ сестрою Ольгою, какъ себя держать въ чужомъ домѣ. Наставленія эти связывали нашу свободу и немного страшили. Но дорога разсѣяла насъ и отвлекла наше вниманіе на окружающую мѣстность. Все было ново, все насъ занимало. Ямщики, кони, встрѣчные дилижансы съ кондукторами, игравшими на трубахъ, большіе каменные станціонные дома, выстроенные по одному образцу квадратомъ, причемъ передній фасъ занимала гостиница для пріѣзжающихъ и царскія комнаты. Чисто выбѣленныя стѣны были украшены цвѣтными англійскими гравюрами. Потомъ мы часто ѣздили этимъ трактомъ, и всѣ эти гравюры съ амурами, нимфами и прекрасно исполненными сюжетами изъ шекспировскихъ сценъ, вмѣстѣ съ сторожилами изъ прислуги, вошли въ число нашихъ излюбленныхъ предметовъ и друзей дѣтства. Весною мы ихъ радостно привѣтствовали въ предвидѣніи каникулъ и деревенской свободы,—осенью, возвращаясь въ городъ, съ грустью разставались и прощались съ ними до будущей весны.

Было за полночь, когда стали подъѣзжать наши рыдваны къ усадьбѣ. Вотъ показались: перекрестокъ въ полѣ съ одинокимъ дубомъ, сельскій лазаретъ у опушки парка, лужайка съ кузницею, кусты сирени и за ними неожиданно выступившій боковой фасадъ деревяннаго дома, на высокомъ каменномъ фундаментѣ съ двумя окнами, глядѣвшими, какъ бы, глазами исподлобья скошенной крыши. Еще нѣсколько шаговъ, и мы остановились у крыльца съ стеклянною галлереею, выступившею изъ длиннаго фасада съ двадцатью четырьмя окнами и мезониномъ надъ серединою дома.

Въ одномъ изъ оконъ отворилась форточка, и показалось красивое продолговатое лицо молодой графини Юліи Егоровны. Увидавъ насъ, она выбѣжала на крыльцо и, ласково привѣтствуя, расцѣловала меня и сестеръ. Утромъ, несмотря на утомленіе отъ дороги и множества новыхъ впечатлѣній, мы рано проснулись и съ любопытствомъ оглядывали наше помѣщеніе и видъ изъ оконъ на зеленую лужайку съ одинокой липой, окруженной куртинами кустарныхъ растеній. Въ глубинѣ, противъ дома, былъ фруктовый садъ и длинное одноэтажное каменное зданіе съ оранжереею и квартирами семейныхъ дворовыхъ. Въ 8 часовъ утра всѣ собрались къ утреннему чаю. Столовая была полна родныхъ, которыхъ мы видѣли въ первый разъ. Юлія Егоровна подвела насъ къ матушкѣ графинѣ Эмиліи Павловнѣ, которая погладила меня по головкѣ и что-то сказала, чего я не понялъ. Все общество говорило по-нѣмецки, а для насъ

ствій. Ея тонкія черты лица отличались правильностью, большіе синіе глаза—съ строгимъ взглядомъ, которому по временамъ только противорѣчили миловидныя ямочки на щекахъ. Милочка, какъ мы ее звали, объяснила намъ двумъ съ сестрою Ольгою, какъ себя держать въ чужомъ домѣ. Наставленія эти связывали нашу свободу и немного страшили. Но дорога разсѣяла насъ и отвлекла наше вниманіе на окружающую мѣстность. Все было ново, все насъ занимало. Ямщики, кони, встрѣчные дилижансы съ кондукторами, игравшими на трубахъ, большіе каменные станціонные дома, выстроенные по одному образцу квадратомъ, причемъ передній фасъ занимала гостиница для пріѣзжающихъ и царскія комнаты. Чисто выбѣленныя стѣны были украшены цвѣтными англійскими гравюрами. Потомъ мы часто ѣздили этимъ трактомъ, и всѣ эти гравюры съ амурами, нимфами и прекрасно исполненными сюжетами изъ шекспировскихъ сценъ, вмѣстѣ съ сторожилами изъ прислуги, вошли въ число нашихъ излюбленныхъ предметовъ и друзей дѣтства. Весною мы ихъ радостно привѣтствовали въ предвидѣніи каникулъ и деревенской свободы,—осенью, возвращаясь въ городъ, съ грустью разставались и прощались съ ними до будущей весны.

Было за полночь, когда стали подъѣзжать наши рыдваны къ усадьбѣ. Вотъ показались: перекрестокъ въ полѣ съ одинокимъ дубомъ, сельскій лазаретъ у опушки парка, лужайка съ кузницею, кусты сирени и за ними неожиданно выступившій боковой фасадъ деревяннаго дома, на высокомъ каменномъ фундаментѣ съ двумя окнами, глядѣвшими, какъ бы, глазами исподлобья скошенной крыши. Еще нѣсколько шаговъ, и мы остановились у крыльца съ стеклянною галлереею, выступившею изъ длиннаго фасада съ двадцатью четырьмя окнами и мезониномъ надъ серединою дома.

Въ одномъ изъ оконъ отворилась форточка, и показалось красивое продолговатое лицо молодой графини Юліи Егоровны. Увидавъ насъ, она выбѣжала на крыльцо и, ласково привѣтствуя, расцѣловала меня и сестеръ. Утромъ, несмотря на утомленіе отъ дороги и множества новыхъ впечатлѣній, мы рано проснулись и съ любопытствомъ оглядывали наше помѣщеніе и видъ изъ оконъ на зеленую лужайку съ одинокой липой, окруженной куртинами кустарныхъ растеній. Въ глубинѣ, противъ дома, былъ фруктовый садъ и длинное одноэтажное каменное зданіе съ оранжереею и квартирами семейныхъ дворовыхъ. Въ 8 часовъ утра всѣ собрались къ утреннему чаю. Столовая была полна родныхъ, которыхъ мы видѣли въ первый разъ. Юлія Егоровна подвела насъ къ матушкѣ графинѣ Эмиліи Павловнѣ, которая погладила меня по головкѣ и что-то сказала, чего я не понялъ. Все общество говорило по-нѣмецки, а для насъ

это былъ совершенно чуждый языкъ,—помню, что я ничего не понималъ и затѣмъ помню, что уже среди лѣта я самъ говорилъ по-нѣмецки.

Какъ ребенка, меня всѣ ласкали и жалѣли, какъ сироту, оставшагося двухъ лѣтъ безъ материнскаго призора. Особенно я привязался къ графинѣ Аннѣ Егоровнѣ. Черты ея неземной красоты всѣмъ извѣстны, всѣ ихъ знаютъ, кто только любовался знаменитымъ „Ангеломъ съ кадиломъ"—Нефа. Нефъ былъ въ родствѣ съ графинею Эмиліею Павловною, но только съ лѣвой стороны и написалъ этотъ прекрасный образъ графини Анны съ ея дочери. Ни одинъ портретъ Нефа не былъ столь удаченъ по сходству, какъ это произведеніе.

Среди лѣта пріѣхалъ батюшка. Мы бѣгали вокругъ дома и въ паркѣ съ его прудами. Въ теплые дни насъ съ сестрою Ольгой пускали босикомъ. Однажды подошла къ намъ Анна Егоровна и, взявъ за руки, повела въ паркъ, который былъ за фруктовымъ садомъ. Въ одной изъ прилегавшихъ аллей стоялъ батюшка, обнявши правой рукой графиню Юлію Егоровну. Ихъ окружали Эмилія Павловна и мои сестры съ братомъ Александромъ.—„Я вамъ беру маму, дѣти"—обратился къ намъ батюшка,—„любите ее и она будетъ васъ любить". Свадьба была осенью. Вѣнчалъ пасторъ изъ Нарвы, въ большомъ залѣ. Съѣхалось много родныхъ. Я стоялъ подлѣ графини Анны Егоровны и крѣпко держалъ ее за руку. Во мнѣ было уже сознаніе, что наступила перемѣна въ нашей жизни. Старшія сестры вѣроятно обсуждали вслухъ наше новое положеніе, и слово „мачеха" меня невольно страшило.

Съ этого времени мы начали звать графиню Эмилію Павловну—бабушкой, а Юлію Егоровну—мама.

По совѣсти долженъ сказать, что, при большомъ умѣ, она была, вообще говоря, хорошая мачеха. Въ отношеніяхъ мачехи и дѣтей перваго брака—главное тактъ и въ обращеніи ровность. Иногда доставалось сестрамъ,—мнѣ же и младшей сестрѣ Ольгѣ жилось лучше. Сестра Милочка подружилась съ Анной Егоровной, да и по своему *царственному* характеру она сохранила полную независимость. Тяжело было сестрѣ Каролинѣ Антоновнѣ, такъ какъ ей было шестнадцать лѣтъ, и она переносила все въ себѣ. Брата Александра тотчасъ же отправили въ Лифляндію, въ какой-то дворянскій пансіонъ „Парцемойзъ", изъ котораго онъ бѣжалъ. Матушкѣ было трудно съ нимъ ладить, и она нерѣдко плакала. Тогда братъ, по необыкновенно доброму своему сердцу, подчинялся, но не надолго. Его отдали въ пансіонъ Шакѣева, гдѣ онъ очень лѣнился, а жаль, потому что былъ съ хорошими способностями и отлично могъ

это былъ совершенно чуждый языкъ,—помню, что я ничего не понималъ и затѣмъ помню, что уже среди лѣта я самъ говорилъ по-нѣмецки.

Какъ ребенка, меня всѣ ласкали и жалѣли, какъ сироту, оставшагося двухъ лѣтъ безъ материнскаго призора. Особенно я привязался къ графинѣ Аннѣ Егоровнѣ. Черты ея неземной красоты всѣмъ извѣстны, всѣ ихъ знаютъ, кто только любовался знаменитымъ „Ангеломъ съ кадиломъ“—Нефа. Нефъ былъ въ родствѣ съ графинею Эмиліею Павловною, но только съ лѣвой стороны и написалъ этотъ прекрасный образъ графини Анны съ ея дочери. Ни одинъ портретъ Нефа не былъ столь удаченъ по сходству, какъ это произведеніе.

Среди лѣта пріѣхалъ батюшка. Мы бѣгали вокругъ дома и въ паркѣ съ его прудами. Въ теплые дни насъ съ сестрою Ольгой пускали босикомъ. Однажды подошла къ намъ Анна Егоровна и, взявъ за руки, повела въ паркъ, который былъ за фруктовымъ садомъ. Въ одной изъ прилегавшихъ аллей стоялъ батюшка, обнявши правой рукой графиню Юлію Егоровну. Ихъ окружали Эмилія Павловна и мои сестры съ братомъ Александромъ.—„Я вамъ беру маму, дѣти“—обратился къ намъ батюшка,—„любите ее и она будетъ васъ любить“. Свадьба была осенью. Вѣнчалъ пасторъ изъ Нарвы, въ большомъ залѣ. Съѣхалось много родныхъ. Я стоялъ подлѣ графини Анны Егоровны и крѣпко держалъ ее за руку. Во мнѣ было уже сознаніе, что наступила перемѣна въ нашей жизни. Старшія сестры вѣроятно обсуждали вслухъ наше новое положеніе, и слово „мачеха“ меня невольно страшило.

Съ этого времени мы начали звать графиню Эмилію Павловну—бабушкой, а Юлію Егоровну—мама.

По совѣсти долженъ сказать, что, при большомъ умѣ, она была, вообще говоря, хорошая мачеха. Въ отношеніяхъ мачехи и дѣтей перваго брака—главное тактъ и въ обращеніи ровность. Иногда доставалось сестрамъ,—мнѣ же и младшей сестрѣ Ольгѣ жилось лучше. Сестра Милочка подружилась съ Анной Егоровной, да и по своему *царственному* характеру она сохранила полную независимость. Тяжело было сестрѣ Каролинѣ Антоновнѣ, такъ какъ ей было шестнадцать лѣтъ, и она переносила все въ себѣ. Брата Александра тотчасъ же отправили въ Лифляндію, въ какой-то дворянскій пансіонъ „Парцемойзъ“, изъ котораго онъ бѣжалъ. Матушкѣ было трудно съ нимъ ладить, и она нерѣдко плакала. Тогда братъ, по необыкновенно доброму своему сердцу, подчинялся, но не надолго. Его отдали въ пансіонъ Шакѣева, гдѣ онъ очень лѣнился, а жаль, потому что былъ съ хорошими способностями и отлично могъ

учиться, когда хотѣлъ. Съ годами, въ особенности, когда мы подросли, у насъ установились наилучшія отношенія, и всѣ мы полюбили и относились съ большимъ уваженіемъ къ матушкѣ Юліи Егоровнѣ.

Собственно говоря, замѣткою этою я унесся далеко впередъ и погрѣшилъ противъ изложенія въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ.

Бабушка, графиня Эмилія Павловна, была замѣчательная женщина. Она въ полномъ смыслѣ слова отвѣчала понятію châtelane. Всегда ровная, какъ въ движеніяхъ, исполненныхъ прирожденнаго достоинства, такъ и въ расположеніи духа, она никогда не возвышала голоса. Высшее ея замѣчаніе было: „не дѣлай этого“. До конца дней она сохранила красивыя черты лица и необыкновенную свѣжесть кожи. Ручка у нея была маленькая, пухленькая и если бывало она начнетъ ею гладить больное мѣсто, то удивительно успокаивала всякую боль.

Она вышла замужъ за графа Егора Карловича Сиверса, который былъ директоромъ Николаевскаго инженернаго училища и уже въ лѣтахъ. Она рано овдовѣла и осталась съ пятью малолѣтними дѣтьми и большимъ разстроеннымъ состояніемъ. Опекуны совѣтовали ей ликвидировать имѣнія; она не согласилась, заперлась съ дѣтьми въ купленномъ незадолго до смерти мужа имѣніи и стала хозяйничать съ такимъ успѣхомъ, что ко времени моего разсказа Георгіевскъ представлялъ изъ себя огромное благоустроенное имѣніе съ полной чашей всего, что только требовала тогдашняя помѣщичья жизнь. Кромѣ того, было большое имѣніе Оттенхофъ въ Лифляндіи и въ Петербургѣ каменный домъ на Почтамтской. Вся обстановка отличалась зажиточностью. Превосходныя каменныя, хозяйственныя постройки, образцовый порядокъ въ домѣ, въ саду, въ паркѣ, въ поляхъ, на скотномъ дворѣ и въ конюшнѣ. До четырнадцати лѣтъ я проводилъ каникулы у бабушки и ко всему приглядѣлся. Это былъ домъ—полная чаша во всемъ и гостепріимно открытый для многихъ родныхъ. Въ первые годы, кромѣ нашей семьи изъ семи-восьми человѣкъ, гостили: сестра бабушки Анна Павловна Криденеръ съ дочерью и сыномъ, другая сестра Александра Павловна, жена брата Николая Павловича [1]) съ семействомъ изъ трехъ дѣтей, въ числѣ которыхъ старшій баронъ Ѳедоръ Николаевичъ былъ моимъ лучшимъ другомъ и преданнымъ товарищемъ дѣтства; семейство сенатора Цеймерна изъ шести человѣкъ и наѣздомъ се-

---

[1]) Бывшій командиръ 9 корпуса и помощникъ командующаго войсками Варшавскаго округа.

учиться, когда хотѣлъ. Съ годами, въ особенности, когда мы подросли, у насъ установились наилучшія отношенія, и всѣ мы полюбили и относились съ большимъ уваженіемъ къ матушкѣ Юліи Егоровнѣ.

Собственно говоря, замѣткою этою я унесся далеко впередъ и погрѣшилъ противъ изложенія въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ.

Бабушка, графиня Эмилія Павловна, была замѣчательная женщина. Она въ полномъ смыслѣ слова отвѣчала понятію châtelane. Всегда ровная, какъ въ движеніяхъ, исполненныхъ прирожденнаго достоинства, такъ и въ расположеніи духа, она никогда не возвышала голоса. Высшее ея замѣчаніе было: „не дѣлай этого“. До конца дней она сохранила красивыя черты лица и необыкновенную свѣжесть кожи. Ручка у нея была маленькая, пухленькая и если бывало она начнетъ ею гладить больное мѣсто, то удивительно успокаивала всякую боль.

Она вышла замужъ за графа Егора Карловича Сиверса, который былъ директоромъ Николаевскаго инженернаго училища и уже въ лѣтахъ. Она рано овдовѣла и осталась съ пятью малолѣтними дѣтьми и большимъ разстроеннымъ состояніемъ. Опекуны совѣтовали ей ликвидировать имѣнія; она не согласилась, заперлась съ дѣтьми въ купленномъ незадолго до смерти мужа имѣніи и стала хозяйничать съ такимъ успѣхомъ, что ко времени моего разсказа Георгіевскъ представлялъ изъ себя огромное благоустроенное имѣніе съ полной чашей всего, что только требовала тогдашняя помѣщичья жизнь. Кромѣ того, было большое имѣніе Оттенхофъ въ Лифляндіи и въ Петербургѣ каменный домъ на Почтамтской. Вся обстановка отличалась зажиточностью. Превосходныя каменныя, хозяйственныя постройки, образцовый порядокъ въ домѣ, въ саду, въ паркѣ, въ поляхъ, на скотномъ дворѣ и въ конюшнѣ. До четырнадцати лѣтъ я проводилъ каникулы у бабушки и ко всему приглядѣлся. Это былъ домъ—полная чаша во всемъ и гостепріимно открытый для многихъ родныхъ. Въ первые годы, кромѣ нашей семьи изъ семи-восьми человѣкъ, гостили: сестра бабушки Анна Павловна Криденеръ съ дочерью и сыномъ, другая сестра Александра Павловна, жена брата Николая Павловича [1]) съ семействомъ изъ трехъ дѣтей, въ числѣ которыхъ старшій баронъ Ѳедоръ Николаевичъ былъ моимъ лучшимъ другомъ и преданнымъ товарищемъ дѣтства; семейство сенатора Цеймерна изъ шести человѣкъ и наѣздомъ се-

[1]) Бывшій командиръ 9 корпуса и помощникъ командующаго войсками Варшавскаго округа.

мейство младшей дочери бабушки Шарлотты Егоровны Бергъ и пр. и пр. За столъ садилось не менѣе тридцати человѣкъ. Жилось намъ очень весело. Молодежь проводила свободное время въ играхъ и прогулкахъ. По вечерамъ всѣ мы заслушивались игрою въ четыре руки сестеръ Анны и Марьи Егоровны. Благодаря имъ я сроднился съ хорошею музыкою, часто слушая произведенія лучшихъ мастеровъ, какъ Бетховена, Моцарта, Гайдна, Шуберта и др.

Бабушка иногда пѣла, акомпанируя себѣ на гитарѣ. Это было для насъ особымъ праздникомъ. Она пѣла въ полголоса, но слышна была артистка. У Эмиліи Владиміровны, дочери Анны Павловны, былъ превосходный голосъ soprano, но мало обработанный, и пѣніе ея меня мало восхищало.

Усадьба, или, какъ она называлась въ Ингерманландіи, „мыза" Георгіевская, лежала въ центрѣ трехъ деревень, расположенныхъ полукругомъ, верстахъ въ трехъ отъ нея; названія ихъ: Рудилово, Войносоло и Пиллово указывало на ихъ финское происхожденіе, но населеніе въ Рудиловѣ и Войносолѣ было по преимуществу русское. Зато Пиллово среди женщинъ и дѣтей даже не знало русскаго языка.

Дворовыхъ, до 60 душъ, мы всѣхъ знали; у насъ съ Ѳедей Криденеромъ среди мальчиковъ были даже большіе пріятели. Крестьянъ видѣли только на барщинѣ, или когда дѣвушки и парни въ большіе праздники приходили поздравить бабушку и получали угощеніе и подарки за работы въ саду и паркѣ. Мы это очень любили. Для насъ были весельемъ и праздникомъ сѣнокосъ и жатва. На дальній сѣнокосъ у полумызка, за Рудиловымъ, ѣздили пикникомъ съ провизіей и водкой для рабочихъ. На ближнихъ сѣнокосахъ мы съ Ѳедей, какъ я звалъ своего друга Ѳедора Николаевича Криденера, проводили цѣлые дни. Однажды не хватило водки, насъ послали домой, и мы принесли большую бутыль. На обратномъ пути искусились, попробовали и опьянѣли, за что получили хорошую трепку.

По дорогѣ въ Пиллово, въ верстѣ отъ мызы, была винокурня со скотнымъ дворомъ для быковъ, которыхъ откармливали бардой, и гдѣ жилъ управляющій Эйхельманъ. Мы его ненавидѣли. Это былъ честный, но грубый нѣмецъ, который въ строгости держалъ крестьянъ. Посѣщая для купанья винокурню, не разъ доводилось слышать крики на скотномъ дворѣ, гдѣ онъ подвергалъ тѣлеснымъ наказаніямъ провинившихся мужиковъ и бабъ. Съ годами, начитавшись объ американскихъ плантаторахъ, я ихъ представлялъ въ воображеніи не иначе, какъ въ видѣ смуглыхъ, рыжихъ Эйхельмановъ. Когда онъ говорилъ, то необыкновенно раздувалъ ноздри и закидывалъ голову назадъ,—

мейство младшей дочери бабушки Шарлотты Егоровны Бергъ и пр. и пр. За столъ садилось не менѣе тридцати человѣкъ. Жилось намъ очень весело. Молодежь проводила свободное время въ играхъ и прогулкахъ. По вечерамъ всѣ мы заслушивались игрою въ четыре руки сестеръ Анны и Марьи Егоровны. Благодаря имъ я сроднился съ хорошею музыкою, часто слушая произведенія лучшихъ мастеровъ, какъ Бетховена, Моцарта, Гайдна, Шуберта и др.

Бабушка иногда пѣла, акомпанируя себѣ на гитарѣ. Это было для насъ особымъ праздникомъ. Она пѣла въ полголоса, но слышна была артистка. У Эмиліи Владиміровны, дочери Анны Павловны, былъ превосходный голосъ soprano, но мало обработанный, и пѣніе ея меня мало восхищало.

Усадьба, или, какъ она называлась въ Ингерманландіи, „мыза" Георгіевская, лежала въ центрѣ трехъ деревень, расположенныхъ полукругомъ, верстахъ въ трехъ отъ нея; названія ихъ: Рудилово, Войносоло и Пиллово указывало на ихъ финское происхожденіе, но населеніе въ Рудиловѣ и Войносолѣ было по преимуществу русское. Зато Пиллово среди женщинъ и дѣтей даже не знало русскаго языка.

Дворовыхъ, до 60 душъ, мы всѣхъ знали; у насъ съ Ѳедей Криденеромъ среди мальчиковъ были даже большіе пріятели. Крестьянъ видѣли только на барщинѣ, или когда дѣвушки и парни въ большіе праздники приходили поздравить бабушку и получали угощеніе и подарки за работы въ саду и паркѣ. Мы это очень любили. Для насъ были весельемъ и праздникомъ сѣнокосъ и жатва. На дальній сѣнокосъ у полумызка, за Рудиловымъ, ѣздили пикникомъ съ провизіей и водкой для рабочихъ. На ближнихъ сѣнокосахъ мы съ Ѳедей, какъ я звалъ своего друга Ѳедора Николаевича Криденера, проводили цѣлые дни. Однажды не хватило водки, насъ послали домой, и мы принесли большую бутыль. На обратномъ пути искусились, попробовали и опьянѣли, за что получили хорошую трепку.

По дорогѣ въ Пиллово, въ верстѣ отъ мызы, была винокурня со скотнымъ дворомъ для быковъ, которыхъ откармливали бардой, и гдѣ жилъ управляющій Эйхельманъ. Мы его ненавидѣли. Это былъ честный, но грубый нѣмецъ, который въ строгости держалъ крестьянъ. Посѣщая для купанья винокурню, не разъ доводилось слышать крики на скотномъ дворѣ, гдѣ онъ подвергалъ тѣлеснымъ наказаніямъ провинившихся мужиковъ и бабъ. Съ годами, начитавшись объ американскихъ плантаторахъ, я ихъ представлялъ въ воображеніи не иначе, какъ въ видѣ смуглыхъ, рыжихъ Эйхельмановъ. Когда онъ говорилъ, то необыкновенно раздувалъ ноздри и закидывалъ голову назадъ,—

казалось, изъ него такъ и выходила злоба, а между тѣмъ онъ былъ недурной человѣкъ, отличный семьянинъ, и крестьяне его уважали за справедливость.

Время было такое: били людей по убѣжденію, а не изъ злобы. Даже царственныя лица не были отъ этого изъяты. Императоръ Николай Павловичъ съ братомъ Михаиломъ Павловичемъ много претерпѣли отъ своего воспитателя Ламздорфа. Я это знаю изъ разсказовъ моего великаго князя, который самъ нѣсколько разъ подвергался жестокимъ наказаніямъ—розгами. Мы, молодежь, ужасно возмущались и возставали противъ сѣченія, и намъ не разъ удавалось заступаться за тѣхъ, которымъ Эйхельманъ угрожалъ. Бабушка этого не любила и не позволяла наказывать безъ своего утвержденія; отъ нея доставалось пьяницамъ или буянамъ, на которыхъ жаловались семейные. Но Эйхельманъ не очень этимъ стѣснялся и поколачивалъ безъ разрѣшенія.

Лѣтомъ я по большей части пользовался полною свободою, и только непогода удерживала насъ дома. Христіанъ Андреевичъ, заставлявшій насъ круглый годъ обтираться съ головы до ногъ мокрымъ полотенцемъ, приказывалъ лѣтомъ бѣгать босикомъ и проводить день на воздухѣ, что̀ и исполнялось къ нашему великому удовольствію. Спасибо ему. Въ особенности мы любили ночныя поѣздки на пильную мельницу, которая была построена на запрудѣ небольшого ручья. Запруда эта образовала озерцо въ крутыхъ берегахъ, поросшихъ высокимъ лѣсомъ. Насъ собиралось человѣкъ двадцать молодежи и дѣтей. Охотники до рыбной ловли, изъ дворовыхъ, обыкновенно брались съ собою; они забрасывали и тянули неводъ и вытаскивали окуней, плотву, щукъ и карасей; на берегу разводился костеръ, варилась уха и истреблялась взятая провизія. Теплая лѣтняя ночь, мерцанье звѣздъ, таинственный свѣтъ луны, красный отблескъ костровъ, все это настраивало воображеніе, и въ душѣ пробуждались впечатлѣнія еще не извѣданныхъ чаръ природы. Иногда ѣздили въ каменистый оврагъ за Рудиловымъ, гдѣ стояла водяная мельница на два постава. Въ долинѣ водились змѣи, которыхъ наши лѣсники ловили, находя ихъ свернувшимися подъ плитняками. Хватая рукою за хвостъ, ихъ быстро крутили и затѣмъ клали въ пасть никотинъ изъ трубки. Мѣдянка шалѣла и свернутая клубкомъ укладывалась въ ягдташъ.

Въ окрестныхъ лѣсахъ собирали грибы, ягоды и орѣхи. На рѣкѣ Суммѣ ловили раковъ. Въ дни рожденія бабушки, мамаши, тетушекъ—столовая, галлерея, или балконъ убирались гирляндами изъ дубовыхъ вѣтокъ и полевыхъ цвѣтовъ. Крендель, окруженный подарками, украшался восковыми свѣчами по числу прожитыхъ лѣтъ.

казалось, изъ него такъ и выходила злоба, а между тѣмъ онъ былъ недурной человѣкъ, отличный семьянинъ, и крестьяне его уважали за справедливость.

Время было такое: били людей по убѣжденію, а не изъ злобы. Даже царственныя лица не были отъ этого изъяты. Императоръ Николай Павловичъ съ братомъ Михаиломъ Павловичемъ много претерпѣли отъ своего воспитателя Ламздорфа. Я это знаю изъ разсказовъ моего великаго князя, который самъ нѣсколько разъ подвергался жестокимъ наказаніямъ—розгами. Мы, молодежь, ужасно возмущались и возставали противъ сѣченія, и намъ не разъ удавалось заступаться за тѣхъ, которымъ Эйхельманъ угрожалъ. Бабушка этого не любила и не позволяла наказывать безъ своего утвержденія; отъ нея доставалось пьяницамъ или буянамъ, на которыхъ жаловались семейные. Но Эйхельманъ не очень этимъ стѣснялся и поколачивалъ безъ разрѣшенія.

Лѣтомъ я по большей части пользовался полною свободою, и только непогода удерживала насъ дома. Христіанъ Андреевичъ, заставлявшій насъ круглый годъ обтираться съ головы до ногъ мокрымъ полотенцемъ, приказывалъ лѣтомъ бѣгать босикомъ и проводить день на воздухѣ, что̀ и исполнялось къ нашему великому удовольствію. Спасибо ему. Въ особенности мы любили ночныя поѣздки на пильную мельницу, которая была построена на запрудѣ небольшого ручья. Запруда эта образовала озерцо въ крутыхъ берегахъ, поросшихъ высокимъ лѣсомъ. Насъ собиралось человѣкъ двадцать молодежи и дѣтей. Охотники до рыбной ловли, изъ дворовыхъ, обыкновенно брались съ собою; они забрасывали и тянули неводъ и вытаскивали окуней, плотву, щукъ и карасей; на берегу разводился костеръ, варилась уха и истреблялась взятая провизія. Теплая лѣтняя ночь, мерцанье звѣздъ, таинственный свѣтъ луны, красный отблескъ костровъ, все это настраивало воображеніе, и въ душѣ пробуждались впечатлѣнія еще не извѣданныхъ чаръ природы. Иногда ѣздили въ каменистый оврагъ за Рудиловымъ, гдѣ стояла водяная мельница на два постава. Въ долинѣ водились змѣи, которыхъ наши лѣсники ловили, находя ихъ свернувшимися подъ плитняками. Хватая рукою за хвостъ, ихъ быстро крутили и затѣмъ клали въ пасть никотинъ изъ трубки. Мѣдянка шалѣла и свернутая клубкомъ укладывалась въ ягдташъ.

Въ окрестныхъ лѣсахъ собирали грибы, ягоды и орѣхи. На рѣкѣ Суммѣ ловили раковъ. Въ дни рожденія бабушки, мамаши, тетушекъ—столовая, галлерея, или балконъ убирались гирляндами изъ дубовыхъ вѣтокъ и полевыхъ цвѣтовъ. Крендель, окруженный подарками, украшался восковыми свѣчами по числу прожитыхъ лѣтъ.

Цвѣты собирались и гирлянды плелись на зарѣ и съ восходомъ солнца, къ 8 часамъ утра, все было готово. Занятія эти наполняли дни, которые незамѣтно подходили къ осени.

На конюшнѣ у бабушки было до двадцати лошадей, въ сараяхъ стояли экипажи всевозможныхъ фасоновъ: тутъ были высокія дорожныя кареты съ важами, брички на стоячихъ рессорахъ, тарантасики, дрожки, кибитки, сани, дроги для прогулокъ, такъ называемыя „колбасы“, на которыя мы нанизывались гуськомъ человѣкъ по шести,—наконецъ дроги особаго фасона, на которыхъ размѣщалось до восьми, а съ дѣтьми до десяти человѣкъ.

Въ числѣ лошадей была пара великолѣпныхъ караковыхъ рысаковъ: „Корягинъ“ и „Красавчикъ“, которыми правилъ кучеръ Нестифоръ. Ихъ прислалъ въ подарокъ изъ Малороссіи старшій братъ бабушки Павелъ Павловичъ Криденеръ, командовавшій Кирасирскимъ, великой княгини Маріи Николаевны, полкомъ. Лошади были горячія и дѣтей до ихъ экипажа не допускали. Насъ возилъ добродушный, кривой на одинъ глазъ кучеръ Христіанъ, котораго мы особенно любили, такъ какъ его появленіе въ Петербургъ обыкновенно совпадало съ поѣздкою въ деревню на долгихъ.

До Георгіевска сто двадцать верстъ; мы ѣздили двое сутокъ, останавливаясь на ночь въ Ѳедоровскомъ, имѣніи старшей дочери бабушки Марьи Егоровны Вейссъ. Она вышла замужъ за Вейсса и прожила съ нимъ около трехъ лѣтъ. Заболѣвъ тифомъ, она лишилась мужа, который заразился у ея постели и не выдержалъ болѣзни. Отъ Марьи Егоровны это скрыли и сказали о смерти мужа послѣ благополучнаго кризиса. Ее это такъ поразило, что она попросила всѣхъ родныхъ никогда при ней не говорить о мужѣ. Это свято исполнялось всѣмъ семействомъ. Выздоровѣвши, она отправилась въ Ѳедоровское и тамъ переживала первое время тяжелаго горя, запираясь цѣлыми часами въ кабинетѣ мужа; кабинетъ былъ всегда запертъ и сохранялся въ томъ видѣ, какъ былъ при покойномъ мужѣ. Затѣмъ Марья Егоровна проживала или у бабушки со всѣми нами, или большей частью у своей сестры Шарлоты Егоровны Бергъ въ Зангницѣ, родовомъ имѣніи фельдмаршала графа Ѳедора Ѳедоровича Берга. Шарлота Егоровна была замужемъ за Октавомъ Ѳедоровичемъ, братомъ фельдмаршала, дѣти котораго были потомъ имъ усыновлены.

Почти оставленный и необитаемый Ѳедоровскъ съ огромнымъ, мрачнымъ, двухъ-этажнымъ каменнымъ домомъ, пріобрѣлъ славу дома, въ которомъ водятся привидѣнія. Главнымъ фасадомъ онъ былъ обращенъ на Нарвское шоссе, и ходили разсказы, что проѣзжающіе мимо въ глухую полночь не разъ видѣли, какъ мелькаетъ

Цвѣты собирались и гирлянды плелись на зарѣ и съ восходомъ солнца, къ 8 часамъ утра, все было готово. Занятія эти наполняли дни, которые незамѣтно подходили къ осени.

На конюшнѣ у бабушки было до двадцати лошадей, въ сараяхъ стояли экипажи всевозможныхъ фасоновъ: тутъ были высокія дорожныя кареты съ важами, брички на стоячихъ рессорахъ, тарантасики, дрожки, кибитки, сани, дроги для прогулокъ, такъ называемыя „колбасы“, на которыя мы нанизывались гуськомъ человѣкъ по шести,—наконецъ дроги особаго фасона, на которыхъ размѣщалось до восьми, а съ дѣтьми до десяти человѣкъ.

Въ числѣ лошадей была пара великолѣпныхъ караковыхъ рысаковъ: „Корягинъ“ и „Красавчикъ“, которыми правилъ кучеръ Нестифоръ. Ихъ прислалъ въ подарокъ изъ Малороссіи старшій братъ бабушки Павелъ Павловичъ Криденеръ, командовавшій Кирасирскимъ, великой княгини Маріи Николаевны, полкомъ. Лошади были горячія и дѣтей до ихъ экипажа не допускали. Насъ возилъ добродушный, кривой на одинъ глазъ кучеръ Христіанъ, котораго мы особенно любили, такъ какъ его появленіе въ Петербургъ обыкновенно совпадало съ поѣздкою въ деревню на долгихъ.

До Георгіевска сто двадцать верстъ; мы ѣздили двое сутокъ, останавливаясь на ночь въ Ѳедоровскомъ, имѣніи старшей дочери бабушки Марьи Егоровны Вейссъ. Она вышла замужъ за Вейсса и прожила съ нимъ около трехъ лѣтъ. Заболѣвъ тифомъ, она лишилась мужа, который заразился у ея постели и не выдержалъ болѣзни. Отъ Марьи Егоровны это скрыли и сказали о смерти мужа послѣ благополучнаго кризиса. Ее это такъ поразило, что она попросила всѣхъ родныхъ никогда при ней не говорить о мужѣ. Это свято исполнялось всѣмъ семействомъ. Выздоровѣвши, она отправилась въ Ѳедоровское и тамъ переживала первое время тяжелаго горя, запираясь цѣлыми часами въ кабинетѣ мужа; кабинетъ былъ всегда запертъ и сохранялся въ томъ видѣ, какъ былъ при покойномъ мужѣ. Затѣмъ Марья Егоровна проживала или у бабушки со всѣми нами, или большей частью у своей сестры Шарлоты Егоровны Бергъ въ Зангницѣ, родовомъ имѣніи фельдмаршала графа Ѳедора Ѳедоровича Берга. Шарлота Егоровна была замужемъ за Октавомъ Ѳедоровичемъ, братомъ фельдмаршала, дѣти котораго были потомъ имъ усыновлены.

Почти оставленный и необитаемый Ѳедоровскъ съ огромнымъ, мрачнымъ, двухъ-этажнымъ каменнымъ домомъ, пріобрѣлъ славу дома, въ которомъ водятся привидѣнія. Главнымъ фасадомъ онъ былъ обращенъ на Нарвское шоссе, и ходили разсказы, что проѣзжающіе мимо въ глухую полночь не разъ видѣли, какъ мелькаетъ

огонекъ и быстро проносится вслѣдъ за нимъ бѣлый неопредѣленный образъ, исчезая въ крайнихъ двухъ окнахъ, гдѣ находился кабинетъ.

Въ 1848 году, во время холеры, отецъ въ началѣ лѣта помѣстилъ насъ въ Ораніенбаумѣ, гдѣ не было холерныхъ заболѣваній. Мы жили на маленькихъ дачахъ у воротъ. Купались, гуляли и не могли дождаться поѣздки въ Георгіевскъ, куда насъ отправили только въ концѣ іюля съ приказаніемъ Христіана Андреевича—пить парное молоко прямо изъ подъ коровы и кушать сколько угодно ягодъ и яблоковъ. Мы это въ точности исполняли.

Черезъ сорокъ лѣтъ, во время послѣдней холерной эпидеміи, мнѣ пришлось читать, что по изслѣдованіямъ бактеріологовъ фруктовыя кислоты убиваютъ холерныхъ бациллъ. Христіанъ Андреевичъ многихъ спасалъ съ помощью энергичныхъ укутываній въ мокрыя простыни и растираній до возбужденія реакціи, затѣмъ согрѣвающими компрессами.

На станціи Кипѣнь, провожая насъ въ Георгіевскъ, батюшка узналъ, что одинъ ямщикъ заболѣлъ холерою, и съ помощью названныхъ пріемовъ ему удалось остановить судороги и спасти ямщика.

Сообщилъ Д. А. Скалонъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

огонекъ и быстро проносится вслѣдъ за нимъ бѣлый неопредѣленный образъ, исчезая въ крайнихъ двухъ окнахъ, гдѣ находился кабинетъ.

Въ 1848 году, во время холеры, отецъ въ началѣ лѣта помѣстилъ насъ въ Ораніенбаумѣ, гдѣ не было холерныхъ заболѣваній. Мы жили на маленькихъ дачахъ у воротъ. Купались, гуляли и не могли дождаться поѣздки въ Георгіевскъ, куда насъ отправили только въ концѣ іюля съ приказаніемъ Христіана Андреевича—пить парное молоко прямо изъ подъ коровы и кушать сколько угодно ягодъ и яблоковъ. Мы это въ точности исполняли.

Черезъ сорокъ лѣтъ, во время послѣдней холерной эпидеміи, мнѣ пришлось читать, что по изслѣдованіямъ бактеріологовъ фруктовыя кислоты убиваютъ холерныхъ бациллъ. Христіанъ Андреевичъ многихъ спасалъ съ помощью энергичныхъ укутываній въ мокрыя простыни и растираній до возбужденія реакціи, затѣмъ согрѣвающими компрессами.

На станціи Кипѣнь, провожая насъ въ Георгіевскъ, батюшка узналъ, что одинъ ямщикъ заболѣлъ холерою, и съ помощью названныхъ пріемовъ ему удалось остановить судороги и спасти ямщика.

Сообщилъ Д. А. Скалонъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Выдержки изъ офицерскаго формулярнаго списка за 1845 годъ [1]).

ФОРМУЛЯРНЫЙ СПИСОКЪ

о службѣ и достоинствѣ 14 полевой артиллерійской бригады подпоручика NN, переведеннаго изъ оной въ 6 артиллерійскую бригаду въ легкую № 6 батарею.

За 1845 годъ.

На 1 страницѣ:

Поступилъ кадетомъ на дѣйствительную службу въ Польскій Калишскій кадетскій корпусъ	29 Августа 1824 г.
Подпрапорщикомъ въ чинѣ фейерверкера 4 класса	5 Августа 1828 „
Фейерверкеромъ 3 класса	15 Августа 1830 „
Фейерверкеромъ 2 класса въ ракетную пѣшую полуроту польскихъ войскъ	1 Ноября 1830 „
Произведенъ мятежническимъ правительствомъ въ подпоручики съ переводомъ въ пѣшую артиллерію	6 Декабря 1830 „
Тѣмъ же правительствомъ произведенъ въ поручики съ переводомъ въ конно-артиллерійскую роту польскихъ войскъ	7 Августа 1831 „
Переименованъ канониромъ съ назначеніемъ въ гарнизонной артиллерійской бригады Кинбургскаго гарнизона въ роту № 1	6 Іюня 1833 „
Бомбардиромъ	30 Іюня 1835 „
Фейерверкеромъ 4 класса той же роты	2 Іюля 1836 „
Фейерверкеромъ 3 класса	3 Іюня 1837 „

---

[1]) Офицеръ этотъ происходилъ изъ дворянъ Краковскаго воеводства, былъ кальвинскаго вѣроисповѣданія, участвовалъ въ 1844 году въ цѣломъ рядѣ сраженій съ горцами на Кавказѣ, съ венгерцами въ 1849 году и въ войну 1853-56 г.г. — въ сраженіи 4 августа на Ѳедюхиныхъ высотахъ; вышелъ въ отставку въ 1857 году съ чиномъ полковника и въ 1880 году скончался.

Л. Д.

Выдержки изъ офицерскаго формулярнаго списка за 1845 годъ [1]).

ФОРМУЛЯРНЫЙ СПИСОКЪ

о службѣ и достоинствѣ 14 полевой артиллерійской бригады подпоручика NN, переведеннаго изъ оной въ 6 артиллерійскую бригаду въ легкую № 6 батарею.

За 1845 годъ.

На 1 страницѣ:

Поступилъ кадетомъ на дѣйствительную службу въ Польскій Калишскій кадетскій корпусъ	29 Августа 1824 г.
Подпрапорщикомъ въ чинѣ фейерверкера 4 класса	5 Августа 1828 „
Фейерверкеромъ 3 класса	15 Августа 1830 „
Фейерверкеромъ 2 класса въ ракетную пѣшую полуроту польскихъ войскъ.	1 Ноября 1830 „
Произведенъ мятежническимъ правительствомъ въ подпоручики съ переводомъ въ пѣшую артиллерію.	6 Декабря 1830 „
Тѣмъ же правительствомъ произведенъ въ поручики съ переводомъ въ конно-артиллерійскую роту польскихъ войскъ	7 Августа 1831 „
Переименованъ канониромъ съ назначеніемъ въ гарнизонной артиллерійской бригады Кинбургскаго гарнизона въ роту № 1. . .	6 Іюня 1833 „
Бомбардиромъ.	30 Іюня 1835 „
Фейерверкеромъ 4 класса той же роты . . .	2 Іюля 1836 „
Фейерверкеромъ 3 класса.	3 Іюня 1837 „

---

[1]) Офицеръ этотъ происходилъ изъ дворянъ Краковскаго воеводства, былъ кальвинскаго вѣроисповѣданія, участвовалъ въ 1844 году въ цѣломъ рядѣ сраженій съ горцами на Кавказѣ, съ венгерцами въ 1849 году и въ войну 1853–56 г.г. — въ сраженіи 4 августа на Ѳедюхиныхъ высотахъ; вышелъ въ отставку въ 1857 году съ чиномъ полковника и въ 1880 году скончался.

Л. Д.

По Высочайшему приказу произведенъ прапорщикомъ въ 14 полевую артиллерійскую бригаду, въ легкую № 3 батарею. . . .	30 Августа 1837 г.
Подпоручикомъ на вакансію	28 Іюня 1840 „

На предпослѣдней страницѣ формулярнаго списка по заголовку: „Россійской грамотѣ читать и писать и другія какія науки знаетъ-ли? — сказано: „*Россійской, польской, французской и нѣмецкой грамотѣ читать и писать умѣетъ, математику и алгебру, артиллерію, ариѳметику и фортификацію знаетъ*".

На послѣдней страницѣ сказано:

„*1828 года, сентября 9-го, при осмотрѣ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ кадетскаго польскаго корпуса, за примѣрное и усердное стараніе въ окончаніи наукъ награжденъ серебрянымъ темлякомъ*".

На той же страницѣ:

„*1830 года, августа 13 дня, при осмотрѣ Его Высочествомъ Артиллерійской школы за отличное усердіе къ фронтовой службѣ и хорошее знаніе наукъ награжденъ подпрапорщикомъ и на погоны гасиками*".

Сообщилъ Л. Д.

По Высочайшему приказу произведенъ прапорщикомъ въ 14 полевую артиллерійскую бригаду, въ легкую № 3 батарею. . . .	30 Августа 1837 г.
Подпоручикомъ на вакансію	28 Іюня 1840 „

На предпослѣдней страницѣ формулярнаго списка по заголовку: „Россійской грамотѣ читать и писать и другія какія науки знаетъ-ли? — сказано: *„Россійской, польской, французской и нѣмецкой грамотѣ читать и писать умѣетъ, математику и алгебру, артиллерію, ариѳметику и фортификацію знаетъ“.*

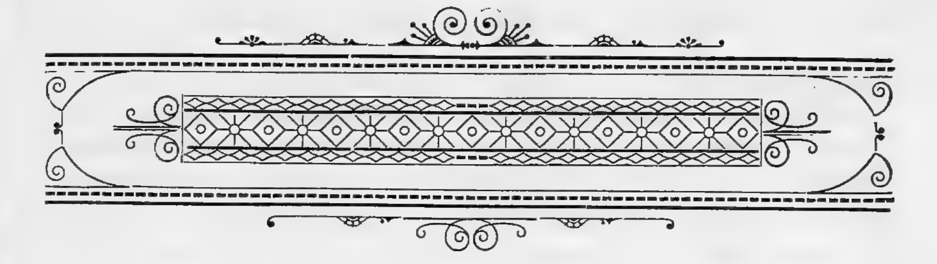
На послѣдней страницѣ сказано:

„1828 года, сентября 9-го, при осмотрѣ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ кадетскаго польскаго корпуса, за примѣрное и усердное стараніе въ окончаніи наукъ награжденъ серебрянымъ темлякомъ“.

На той же страницѣ:

„1830 года, августа 13 дня, при осмотрѣ Его Высочествомъ Артиллерійской школы за отличное усердіе къ фронтовой службѣ и хорошее знаніе наукъ награжденъ подпрапорщикомъ и на погоны гасиками“.

Сообщилъ Л. Д.



Россія и Англія въ началѣ царствованія императора Николая I.

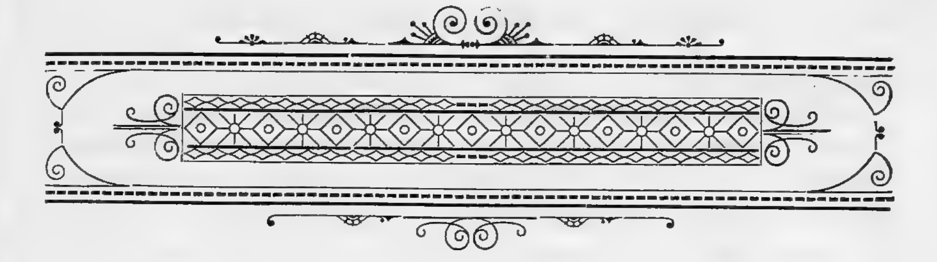
(По донесеніямъ англійскаго посла лорда Странгфорда).

I.

Восшествіе на престолъ императора Николая I.—Его отношеніе къ событіямъ 14 декабря 1825 г.—Взглядъ Императора на Восточный вопросъ.

27 ноября (9 декабря) 1825 года въ пятницу фельдъегерь, прибывшій изъ Таганрога, привезъ извѣстіе [1]) въ Петербургъ о смерти императора Александра I, послѣдовавшей 19 ноября (1 декабря) въ Таганрогѣ. Нотою того же дня (27 ноября—9 декабря) управляющій министерствомъ иностр. дѣлъ ст.-секретарь графъ Нессельроде увѣдомилъ о происшедшемъ и дипломатическихъ представителей иностранныхъ державъ, аккредитованныхъ при русскомъ дворѣ. Въ концѣ ея также упоминалось, что по полученіи извѣстія о кончинѣ государя „августѣйшіе члены императорской семьи, министры и Государственный Совѣтъ собрались во дворцѣ, гдѣ первый его высочество великій князь Николай, а вслѣдъ за нимъ и всѣ присутствовавшіе сановники, равно какъ и всѣ полки императорской гвардіи принесли присягу на вѣрность подданства е. в. императору Констан-

[1]) См. письма отъ князя Волконскаго и генералъ-адъютанта Дибича къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Заслуживаетъ вниманія, что Дибичъ въ концѣ письма, касаясь будущаго преемника покойнаго императора, выражался такъ: „съ покорностью ожидаю повелѣнія отъ новаго нашего законнаго государя, императора Константина Павловича". Письма напечатаны у Шильдера, Императоръ Николай I т. I (П. 1903), 617, 618.



Россія и Англія въ началѣ царствованія императора Николая I.

(По донесеніямъ англійскаго посла лорда Странгфорда).

I.

Восшествіе на престолъ императора Николая I.—Его отношеніе къ событіямъ 14 декабря 1825 г.—Взглядъ Императора на Восточный вопросъ.

27 ноября (9 декабря) 1825 года въ пятницу фельдъегерь, прибывшій изъ Таганрога, привезъ извѣстіе [1]) въ Петербургъ о смерти императора Александра I, послѣдовавшей 19 ноября (1 декабря) въ Таганрогѣ. Нотою того же дня (27 ноября—9 декабря) управляющій министерствомъ иностр. дѣлъ ст.-секретарь графъ Нессельроде увѣдомилъ о происшедшемъ и дипломатическихъ представителей иностранныхъ державъ, аккредитованныхъ при русскомъ дворѣ. Въ концѣ ея также упоминалось, что по полученіи извѣстія о кончинѣ государя „августѣйшіе члены императорской семьи, министры и Государственный Совѣтъ собрались во дворцѣ, гдѣ первый его высочество великій князь Николай, а вслѣдъ за нимъ и всѣ присутствовавшіе сановники, равно какъ и всѣ полки императорской гвардіи принесли присягу на вѣрность подданства е. в. императору Констан-

---

[1]) См. письма отъ князя Волконскаго и генералъ-адъютанта Дибича къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Заслуживаетъ вниманія, что Дибичъ въ концѣ письма, касаясь будущаго преемника покойнаго императора, выражался такъ: „съ покорностью ожидаю повелѣнія отъ новаго нашего законнаго государя, императора Константина Павловича". Письма напечатаны у Шильдера, Императоръ Николай I т. I (П. 1903), 617, 618.

тину". Какого-либо указанія на будущую политику русскаго кабинета въ этомъ спѣшномъ увѣдомленіи не было. Дальнѣйшій ходъ событій извѣстенъ. Утромъ 13 декабря Нессельроде узналъ отъ Николая Павловича о его рѣшеніи положить конецъ междуцарствію и позднимъ вечеромъ того же дня въ секретномъ засѣданіи [1]) Государственнаго Совѣта въ присутствіи будущаго императора заслушанъ былъ манифестъ о восшествіи на престолъ императора Николая I и отреченіи Константина Павловича, при чемъ начало царствованія повелѣно было считать съ 19 ноября 1825 года. Мятежъ, вспыхнувшій на слѣдующій день, хотя и быстро былъ подавленъ, оставилъ въ душѣ молодого монарха тяжелыя воспоминанія на всю жизнь и сдѣлалъ его рѣшительнымъ противникомъ всякаго освободительнаго движенія, гдѣ бы оно ни проявлялось. Эти печальныя событія возвышали сами собою въ глазахъ Николая I охранительныя тенденціи Вѣнскаго и послѣдующихъ конгрессовъ, и началъ Священнаго союза, основаннаго императоромъ Александромъ I, слѣдуя которымъ Россія не только жертвовала своими собственными интересами, но возстановляла противъ себя общественное мнѣніе западно-европейскихъ государствъ, которое съ распространеніемъ въ Европѣ конституціонныхъ учрежденій стало оказывать огромное вліяніе и на ходъ внѣшней политики европейскихъ державъ. Этимъ объясняется сложность и важность Восточнаго вопроса: для западныхъ державъ это не былъ только вопросъ о судьбѣ грековъ, славянъ и будущемъ Турецкой имперіи, но лишь одинъ изъ фазисовъ борьбы народовъ съ правительствами, пробуждающихся новыхъ національныхъ стремленій съ отживающими традиціями Священнаго союза. Этимъ объясняется, почему русское правительство, желая доказать лойяльность своей политики, иногда шло на компромиссъ съ европейскими державами и старалось оправдывать свой образъ дѣйствій [2]).

Въ тотъ же достопамятный день 14 декабря графъ Нессельроде успѣлъ оповѣстить иностранныхъ дипломатическихъ представителей

[1]) Подробное описаніе этого замѣчательнаго собранія Госуд. Совѣта см. въ изданіи Госуд. канцеляріи Государственный Совѣтъ, 1801—1901; С. П. 1901, стр. 47—52.

[2]) Замѣтимъ, между прочимъ, что въ иностр. архивахъ хранятся не только отчетъ слѣдств. ком. по дѣлу о декабристахъ (подъ загл. Rapport de la Commission d'Enquête... p. 1—138; см. въ Лонд. Гос. Арх. P. R. Off. Russia № 274), но даже сообщенія гр. Нессельроде объ арестахъ отдѣльныхъ лицъ (см. прил. отъ 29 янв.; 29 февр.; 4 марта 1826 г. (ст. ст.) въ св. № 279). На рукоп. описаніи событій 14 дек. на сенат. площади сдѣланы какія-то поправки, очевидно, какъ дополненія къ оффиц. сообщенію.

тину“. Какого-либо указанія на будущую политику русскаго кабинета въ этомъ спѣшномъ увѣдомленіи не было. Дальнѣйшій ходъ событій извѣстенъ. Утромъ 13 декабря Нессельроде узналъ отъ Николая Павловича о его рѣшеніи положить конецъ междуцарствію и позднимъ вечеромъ того же дня въ секретномъ засѣданіи [1]) Государственнаго Совѣта въ присутствіи будущаго императора заслушанъ былъ манифестъ о восшествіи на престолъ императора Николая I и отреченіи Константина Павловича, при чемъ начало царствованія повелѣно было считать съ 19 ноября 1825 года. Мятежъ, вспыхнувшій на слѣдующій день, хотя и быстро былъ подавленъ, оставилъ въ душѣ молодого монарха тяжелыя воспоминанія на всю жизнь и сдѣлалъ его рѣшительнымъ противникомъ всякаго освободительнаго движенія, гдѣ бы оно ни проявлялось. Эти печальныя событія возвышали сами собою въ глазахъ Николая I охранительныя тенденціи Вѣнскаго и послѣдующихъ конгрессовъ, и началъ Священнаго союза, основаннаго императоромъ Александромъ I, слѣдуя которымъ Россія не только жертвовала своими собственными интересами, но возстановляла противъ себя общественное мнѣніе западно-европейскихъ государствъ, которое съ распространеніемъ въ Европѣ конституціонныхъ учрежденій стало оказывать огромное вліяніе и на ходъ внѣшней политики европейскихъ державъ. Этимъ объясняется сложность и важность Восточнаго вопроса: для западныхъ державъ это не былъ только вопросъ о судьбѣ грековъ, славянъ и будущемъ Турецкой имперіи, но лишь одинъ изъ фазисовъ борьбы народовъ съ правительствами, пробуждающихся новыхъ національныхъ стремленій съ отживающими традиціями Священнаго союза. Этимъ объясняется, почему русское правительство, желая доказать лойяльность своей политики, иногда шло на компромиссъ съ европейскими державами и старалось оправдывать свой образъ дѣйствій [2]).

Въ тотъ же достопамятный день 14 декабря графъ Нессельроде успѣлъ оповѣстить иностранныхъ дипломатическихъ представителей

---

[1]) Подробное описаніе этого замѣчательнаго собранія Госуд. Совѣта см. въ изданіи Госуд. канцеляріи Государственный Совѣтъ, 1801—1901; С. П. 1901, стр. 47—52.

[2]) Замѣтимъ, между прочимъ, что въ иностр. архивахъ хранятся не только отчетъ слѣдств. ком. по дѣлу о декабристахъ (подъ загл. Rapport de la Commission d'Enquête... p. 1—138; см. въ Лонд. Гос. Арх. P. R. Off. Russia № 274), но даже сообщенія гр. Нессельроде объ арестахъ отдѣльныхъ лицъ (см. прил. отъ 29 янв.; 29 февр.; 4 марта 1826 г. (ст. ст.) въ св. № 279). На рукоп. описаніи событій 14 дек. на сенат. площади сдѣланы какія-то поправки, очевидно, какъ дополненія къ оффиц. сообщенію.

въ Петербургѣ о восшествіи на престолъ императора Николая. Текстъ ноты къ англійскому послу — Странгфорду гласилъ слѣдующее:

„Нижеподписавшійся, статсъ-секретарь, управляющій и. министерствомъ иностр. дѣлъ, нотою отъ 27 минувшаго ноября довелъ до свѣдѣнія его превосходительства виконта Странгфорда о тяжкой утратѣ, понесенной Россіей. Нынѣ ему поручено оффиціально увѣдомить г. виконта Странгфорда обо всѣхъ обстоятельствахъ, слѣдовавшихъ за симъ прискорбнымъ (déplorable) событіемъ, и съ этой цѣлью онъ имѣетъ честь сообщить при семъ приложенный манифестъ по особому повелѣнію новаго Государя, вступившаго на престолъ Россіи, Польши и Финляндіи. Какъ наслѣдникъ государствъ императора Александра I (Applé à l'heritage des Etats de l'Empereur Alexandre) императоръ Николай унаслѣдовалъ также тѣ принципы, которые руководили политикой его августѣйшаго предшественника и его и. в. повелѣлъ предписать всѣмъ своимъ посламъ, министрамъ и агентамъ при иностранныхъ державахъ, дабы они объявили, что онъ, всѣми силами слѣдуя по стопамъ оплакиваемаго имъ государя— будетъ исповѣдывать ту же вѣрность принятымъ на себя обязательствамъ, то же уваженіе ко всѣмъ правамъ, санкціонируемымъ существующими трактатами, ту же привязанность къ охранительнымъ началамъ (aux maximes conservatrices) всеобщаго мира и связей, существующихъ между всѣми державами. Въ отвѣтъ на это, Императоръ надѣется встрѣтить и съ ихъ стороны то же расположеніе поддерживать эти отношенія тѣсной дружбы и взаимнаго довѣрія, которыя, (еще) установленныя и поддерживаемыя при императорѣ Александрѣ I, доставили Европѣ десять лѣтъ спокойствія“ [1]).

Здѣсь уже болѣе опредѣленно выступаютъ начала той охранительной политики, которой намѣренъ былъ слѣдовать преемникъ императора Александра I въ сношеніяхъ съ европейскими державами. Нѣсколько дней спустя дипломатическіе представители имѣли случай услышать уже отъ самого императора, какъ онъ относился къ недавно пережитымъ событіямъ, и какъ онъ намѣренъ былъ дѣйствовать въ будущемъ. Въ день новаго года (1-го янв. 1826—20 дек. 1825) дипломатическій корпусъ былъ приглашенъ на общую, хотя и частную аудіенцію, во дворецъ. Здѣсь присутствовали послы Австріи и Великобританіи—гр. Лебцельтернъ и лордъ Странгфордъ, датскій посланникъ Бломе, сардинскій гр. де-Саль, баварскій—баронъ Гизе, французскій посолъ Ля-Ферроне, пользовавшійся особымъ

---

[1]) Publ. Rec. Off. Russia № 271.

въ Петербургѣ о восшествіи на престолъ императора Николая. Текстъ ноты къ англійскому послу — Странгфорду гласилъ слѣдующее:

„Нижеподписавшійся, статсъ-секретарь, управляющій и. министерствомъ иностр. дѣлъ, нотою отъ 27 минувшаго ноября довелъ до свѣдѣнія его превосходительства виконта Странгфорда о тяжкой утратѣ, понесенной Россіей. Нынѣ ему поручено оффиціально увѣдомить г. виконта Странгфорда обо всѣхъ обстоятельствахъ, слѣдовавшихъ за симъ прискорбнымъ (déplorable) событіемъ, и съ этой цѣлью онъ имѣетъ честь сообщить при семъ приложенный манифестъ по особому повелѣнію новаго Государя, вступившаго на престолъ Россіи, Польши и Финляндіи. Какъ наслѣдникъ государствъ императора Александра I (Applé à l'heritage des Etats de l'Empereur Alexandre) императоръ Николай унаслѣдовалъ также тѣ принципы, которые руководили политикой его августѣйшаго предшественника и его и. в. повелѣлъ предписать всѣмъ своимъ посламъ, министрамъ и агентамъ при иностранныхъ державахъ, дабы они объявили, что онъ, всѣми силами слѣдуя по стопамъ оплакиваемаго имъ государя— будетъ исповѣдывать ту же вѣрность принятымъ на себя обязательствамъ, то же уваженіе ко всѣмъ правамъ, санкціонируемымъ существующими трактатами, ту же привязанность къ охранительнымъ началамъ (aux maximes conservatrices) всеобщаго мира и связей, существующихъ между всѣми державами. Въ отвѣтъ на это, Императоръ надѣется встрѣтить и съ ихъ стороны то же расположеніе поддерживать эти отношенія тѣсной дружбы и взаимнаго довѣрія, которыя, (еще) установленныя и поддерживаемыя при императорѣ Александрѣ I, доставили Европѣ десять лѣтъ спокойствія" [1].

Здѣсь уже болѣе опредѣленно выступаютъ начала той охранительной политики, которой намѣренъ былъ слѣдовать преемникъ императора Александра I въ сношеніяхъ съ европейскими державами. Нѣсколько дней спустя дипломатическіе представители имѣли случай услышать уже отъ самого императора, какъ онъ относился къ недавно пережитымъ событіямъ, и какъ онъ намѣренъ былъ дѣйствовать въ будущемъ. Въ день новаго года (1-го янв. 1826—20 дек. 1825) дипломатическій корпусъ былъ приглашенъ на общую, хотя и частную аудіенцію, во дворецъ. Здѣсь присутствовали послы Австріи и Великобританіи—гр. Лебцельтернъ и лордъ Странгфордъ, датскій посланникъ Бломе, сардинскій гр. де-Саль, баварскій—баронъ Гизе, французскій посолъ Ля-Ферроне, пользовавшійся особымъ

---

[1]) Publ. Rec. Off. Russia № 271.

расположеніемъ Николая Павловича за свои симпатіи къ Россіи (right—headed man, mais diablement russe—такъ говорили англичане о Ля-Ферроне). Эту достопамятную для многихъ дипломатовъ аудіенцію англійскій посолъ описалъ въ депешѣ [1]) къ великобританскому министру иностр. дѣлъ Георгу Каннингу, помѣченной $\frac{\text{4 января 1826}}{\text{23 декабря 1825}}$ года. „Я имѣлъ честь—сообщаетъ виконтъ Страгфордъ—въ минувшее воскресенье быть допущеннымъ къ частной аудіенціи и былъ принятъ е. в. Императоромъ весьма милостиво. Императору угодно было показать мнѣ свое желаніе и намѣреніе продолжать ко мнѣ то довѣріе, которое выказывалъ ко мнѣ его предшественникъ; онъ былъ доволенъ моимъ назначеніемъ при этомъ дворѣ [2]), но болѣе всего онъ выражалъ искренное и горячее желаніе заслужить и поддерживать дружбу, съ его величествомъ, о личной любезности котораго къ нему во время своего пребыванія въ Англіи Императоръ вспомнилъ съ чувствомъ глубокой признательности. Онъ неоднократно выражалъ мнѣ желаніе и увѣренія, что онъ не забылъ и никогда не забудетъ вниманія, оказаннаго ему королемъ (Англіи)... Затѣмъ Императоръ перешелъ въ другую комнату, гдѣ собрались заранѣе приглашенные всѣ иностранные министры здѣсь аккредитованные. Императоръ въ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ (въ чемъ я не могу не отдать ему справедливости) благодарилъ насъ за участіе къ нему, проявленное нами въ знаменательный день его восшествія на престолъ. Онъ приглашалъ насъ всѣхъ и каждаго передать своимъ государямъ его настойчивое желаніе заслужить довѣріе, хотя, какъ онъ признавался, онъ еще не пріобрѣлъ на то права. Онъ будетъ избѣгать основательныхъ поводовъ къ неудовольствіямъ, хотя бы таковые и были въ началѣ его поприща, на которое онъ вступилъ молодымъ человѣкомъ, всего 29 лѣтъ, неожиданно, призванный нести наиболѣе тяжелыя обязанности безъ достаточной подготовки, опыта, и не будучи въ состояніи дать какія-либо гарантіи относительно будущаго своего образа

---

[1]) Ibid. Russia № 279.

[2]) Smythe Percy Clinton Sydney siksth viscount Strangford (1780—1855) рано началъ дипломъ. карьеру, въ 1802 г. б. уже секретаремъ посольства въ Лиссабонѣ, затѣмъ полном. министромъ тамъ же; съ іюля 1807 б. посломъ въ Швеціи (въ 1808 служилъ въ Бразиліи); въ нач. авг. 1820 аккредитованъ въ Турціи, гдѣ дѣйствовалъ согласно съ Австріей, на аудіенціи у султана 18 мая 1821 высказывалъ мысли о *цѣлости* Тур. имперіи les aveux qu'Flle (sa Majesté le Roi) ne cesse de taire... pour la prosperité, repos, l'*integrité* de l'Empire Otoman), въ нач. 1825 б. аккредитованъ въ С. Петербургѣ, но въ Россіи оставался недолго; отличался связями, богатствомъ.

расположеніемъ Николая Павловича за свои симпатіи къ Россіи (right—headed man, mais diablement russe—такъ говорили англичане о Ля-Ферроне). Эту достопамятную для многихъ дипломатовъ аудіенцію англійскій посолъ описалъ въ депешѣ [1]) къ великобританскому министру иностр. дѣлъ Георгу Каннингу, помѣченной $\frac{\text{4 января 1826}}{\text{23 декабря 1825}}$ года. „Я имѣлъ честь—сообщаетъ виконтъ Страгфордъ—въ минувшее воскресенье быть допущеннымъ къ частной аудіенціи и былъ принятъ е. в. Императоромъ весьма милостиво. Императору угодно было показать мнѣ свое желаніе и намѣреніе продолжать ко мнѣ то довѣріе, которое выказывалъ ко мнѣ его предшественникъ; онъ былъ доволенъ моимъ назначеніемъ при этомъ дворѣ [2]), но болѣе всего онъ выражалъ искренное и горячее желаніе заслужить и поддерживать дружбу, съ его величествомъ, о личной любезности котораго къ нему во время своего пребыванія въ Англіи Императоръ вспомнилъ съ чувствомъ глубокой признательности. Онъ неоднократно выражалъ мнѣ желаніе и увѣренія, что онъ не забылъ и никогда не забудетъ вниманія, оказаннаго ему королемъ (Англіи)... Затѣмъ Императоръ перешелъ въ другую комнату, гдѣ собрались заранѣе приглашенные всѣ иностранные министры здѣсь аккредитованные. Императоръ въ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ (въ чемъ я не могу не отдать ему справедливости) благодарилъ насъ за участіе къ нему, проявленное нами въ знаменательный день его восшествія на престолъ. Онъ приглашалъ насъ всѣхъ и каждаго передать своимъ государямъ его настойчивое желаніе заслужить довѣріе, хотя, какъ онъ признавался, онъ еще не пріобрѣлъ на то права. Онъ будетъ избѣгать основательныхъ поводовъ къ неудовольствіямъ, хотя бы таковые и были въ началѣ его поприща, на которое онъ вступилъ молодымъ человѣкомъ, всего 29 лѣтъ, неожиданно, призванный нести наиболѣе тяжелыя обязанности безъ достаточной подготовки, опыта, и не будучи въ состояніи дать какія-либо гарантіи относительно будущаго своего образа

---

[1]) Ibid. Russia № 279.

[2]) Smythe Percy Clinton Sydney siksth viscount Strangford (1780—1855) рано началъ диплом. карьеру, въ 1802 г. б. уже секретаремъ посольства въ Лиссабонѣ, затѣмъ полном. министромъ тамъ же; съ іюля 1807 б. посломъ въ Швеціи (въ 1808 служилъ въ Бразиліи); въ нач. авг. 1820 аккредитованъ въ Турціи, гдѣ дѣйствовалъ согласно съ Австріей, на аудіенціи у султана 18 мая 1821 высказывалъ мысли о *цѣлости* Тур. имперіи les aveux qu'Elle (sa Majesté le Roi) ne cesse de faire... pour la prosperité, repos, l'*integrité* de l'Empire Otoman), въ нач. 1825 б. аккредитованъ въ С.-Петербургѣ, но въ Россіи оставался недолго; отличался связями, богатствомъ.

дѣйствій кромѣ чистоты (purity) своихъ намѣреній и непреклонной рѣшимости слѣдовать во всемъ по стопамъ своего предшественника.

Засимъ Его Величество въ выраженіяхъ, въ высшей степени достойныхъ его какъ государя и человѣка, перешелъ къ злополучнымъ событіямъ прошлаго понедѣльника. Онъ описывалъ ихъ въ выраженіяхъ, трогавшихъ сердце каждаго, кто ихъ слышалъ, съ чувствомъ скорби, съ какой онъ счелъ себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ мѣрамъ, столь не отвѣчающимъ его настроенію. Онъ гордился и восторгался поведеніемъ народа вообще и отдѣльными случаями героизма, самопожертвованія, чему онъ лично былъ свидѣтелемъ. Онъ говорилъ съ искренней печалью, что банда злоумышленниковъ и заговорщиковъ эксплоатировала лучшія чувства его народа, ввела въ заблужденіе его привязанность къ Императорскому Дому, и эти самыя чувства (привязанности) сдѣлала своимъ орудіемъ, дабы ниспровергнуть монархію и сдѣлать эту обширную Имперію сценой общаго разгрома. Онъ съ огорченіемъ упоминалъ имена князя Трубецкаго [1]) и князя Оболенскаго, какъ лицъ, принимавшихъ наиболѣе дѣятельное и наиболѣе преступное участіе въ этихъ событіяхъ. При этомъ Императоръ прибавилъ, что заговоръ—давняго происхожденія, онъ возникъ около 1815 года, и покойный Императоръ вполнѣ былъ освѣдомленъ (tully avare of its existence) о его существованіи и, хотя мудрыми и подозрительными мѣрами, онъ сдерживалъ заговорщиковъ много лѣтъ и противодѣйствовалъ всѣмъ ихъ планамъ (all their schemes)—лишь въ послѣдніе моменты (своей жизни) онъ проникся горестнымъ сознаніемъ, что ихъ замыслы все еще продолжались, и что въ какой-либо день они могутъ поставить страну и правительство въ очень опасное положеніе". „Затѣмъ

---

[1]) Объ арестѣ кн. Сергѣя Трубецкаго франц. посолъ Ля-Ферроне сообщалъ слѣд. Кн. Т. былъ зятемъ гр. Лаваля и шуриномъ г-жи Лебцельтернъ, жены посла Австріи. Вечеромъ 14 дек. онъ съ женою пришелъ переночевать къ гр. Лебцельтерну, и былъ уже въ постели, когда гр. Нессельроде велѣлъ доложить о себѣ гр. Лебцельтерну и объявилъ ему, что онъ (Нессельроде) съ величайшимъ сожалѣніемъ долженъ исполнить приказаніе Императора, и что необходимо кн. Трубецкому тотчасъ же послѣдовать за флиг.-адъют. кн. Голицынымъ, которому поручено безъ замедленія привести его къ Его Величеству. Лебцельтернъ не протестовалъ. Кн. Трубецкой одѣлся, сошелъ внизъ въ мундирѣ и при шпагѣ. Кн. Голицынъ спросилъ у него шпагу и объявилъ, что онъ арестованъ, и, обезоруживъ, повелъ его во дворецъ. Затѣмъ подъ конвоемъ шести кирасиръ Трубецкого отвезли въ крѣпость. Воцареніе императора Николая, С. Татищева въ «Рус. Вѣст.» 1893, мартъ, стр. 163.

дѣйствій кромѣ чистоты (purity) своихъ намѣреній и непреклонной рѣшимости слѣдовать во всемъ по стопамъ своего предшественника.

Засимъ Его Величество въ выраженіяхъ, въ высшей степени достойныхъ его какъ государя и человѣка, перешелъ къ злополучнымъ событіямъ прошлаго понедѣльника. Онъ описывалъ ихъ въ выраженіяхъ, трогавшихъ сердце каждаго, кто ихъ слышалъ, съ чувствомъ скорби, съ какой онъ счелъ себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ мѣрамъ, столь не отвѣчающимъ его настроенію. Онъ гордился и восторгался поведеніемъ народа вообще и отдѣльными случаями героизма, самопожертвованія, чему онъ лично былъ свидѣтелемъ. Онъ говорилъ съ искренней печалью, что банда злоумышленниковъ и заговорщиковъ эксплоатировала лучшія чувства его народа, ввела въ заблужденіе его привязанность къ Императорскому Дому, и эти самыя чувства (привязанности) сдѣлала своимъ орудіемъ, дабы ниспровергнуть монархію и сдѣлать эту обширную Имперію сценой общаго разгрома. Онъ съ огорченіемъ упоминалъ имена князя Трубецкаго [1]) и князя Оболенскаго, какъ лицъ, принимавшихъ наиболѣе дѣятельное и наиболѣе преступное участіе въ этихъ событіяхъ. При этомъ Императоръ прибавилъ, что заговоръ—давняго происхожденія, онъ возникъ около 1815 года, и покойный Императоръ вполнѣ былъ освѣдомленъ (tully avare of its existence) о его существованіи и, хотя мудрыми и подозрительными мѣрами, онъ сдерживалъ заговорщиковъ много лѣтъ и противодѣйствовалъ всѣмъ ихъ планамъ (all their schemes)—лишь въ послѣдніе моменты (своей жизни) онъ проникся горестнымъ сознаніемъ, что ихъ замыслы все еще продолжались, и что въ какой-либо день они могутъ поставить страну и правительство въ очень опасное положеніе". „Затѣмъ

[1]) Объ арестѣ кн. Сергѣя Трубецкаго франц. посолъ Ля-Ферроне сообщалъ слѣд. Кн. Т. былъ зятемъ гр. Лаваля и шуриномъ г-жи Лебцельтернъ, жены посла Австріи. Вечеромъ 14 дек. онъ съ женою пришелъ переночевать къ гр. Лебцельтерну, и былъ уже въ постели, когда гр. Нессельроде велѣлъ доложить о себѣ гр. Лебцельтерну и объявилъ ему, что онъ (Нессельроде) съ величайшимъ сожалѣніемъ долженъ исполнить приказаніе Императора, и что необходимо кн. Трубецкому тотчасъ же послѣдовать за флиг.-адъют. кн. Голицынымъ, которому поручено безъ замедленія привести его къ Его Величеству. Лебцельтернъ не протестовалъ. Кн. Трубецкой одѣлся, сошелъ внизъ въ мундирѣ и при шпагѣ. Кн. Голицынъ спросилъ у него шпагу и объявилъ, что онъ арестованъ, и, обезоруживъ, повелъ его во дворецъ. Затѣмъ подъ конвоемъ шести кирасиръ Трубецкого отвезли въ крѣпость. Воцареніе императора Николая, С. Татищева въ «Рус. Вѣст.» 1893, мартъ, стр. 163.

Императоръ простился съ дипломатическимъ корпусомъ и еще разъ съ одушевленіемъ обратился къ намъ, какъ къ джентельменамъ и людямъ честнымъ—приглашая отдать должную справедливость его чувствамъ и намѣреніямъ и довести о нихъ до свѣдѣнія нашихъ правительствъ въ такой формѣ, чтобы положить основаніе взаимному довѣрію между Императоромъ и ими, каковое установить и поддерживать являлось первымъ желаніемъ его сердца" [1]).

Послѣ этого Императоръ пригласилъ съ собой въ кабинетъ французскаго посла гр. Ля-Ферроне и, заливаясь горькими слезами, оправдывалъ передъ нимъ [2]), какъ человѣкъ, свой образъ дѣйствій. „Я начинаю царствовать—говорилъ онъ—подъ грустнымъ предзнаменованіемъ и съ страшными обязанностями..... съ вожаками, съ зачинщиками заговора будетъ поступлено безъ жалости, безъ пощады... Я буду непреклоненъ; я обязанъ дать этотъ урокъ Россіи и Европѣ".

Такимъ образомъ основные контуры русской, какъ внѣшней, такъ и внутренней политики были намѣчены; реакція, вызванная несчастной внутренней смутой, привела къ тому, что борьба противъ всякихъ проявленій освободительнаго движенія возводилась въ принципъ, и оставалось ждать послѣдствій, къ какимъ могла привести Россію эта система.

Гдѣ же, спрашивается, искать руководящихъ началъ для этой охранительной политики? Естественно руководящіе принципы диктовалъ тотъ Священный Союзъ [3]), который основанъ былъ императоромъ Александромъ I, и тотъ „концертъ" европейскихъ державъ, сложившійся подъ вліяніемъ борьбы съ Наполеономъ, котораго европейскія державы отправили на скалы св. Елены не за то только, что онъ передѣлалъ карту Европы, но главнымъ образомъ за то, что онъ вносилъ смуту и революцію и въ ихъ собственныя государства [4]). Эта система внѣшней политики Россіи уже къ концу царствованія Александра I обнаруживала и свои грустныя стороны: она отвлекала Россію отъ внутреннихъ реформъ, она лишала ея политику должной само-

---

[1]) Publ. Rec. Off. Russia № 279.

[2]) К. Гревилль слышалъ разсказъ объ этомъ отъ Ля-Ферроне, когда онъ былъ уже посломъ въ Римѣ (24 мая 1830) и передаетъ его такъ (Memoirs I, 381): on dismissing them (т. е. дипл. корпусъ) he had taken hiw into his closet, when he burst into tears and said. You have just seen me act the part of Emperor; you must now witness the feelings of the man Y speak to you as tomy best friend, from whem Y conceal nothing.

[3]) Рѣшительный протестъ противъ идей Свящ. союза выразили лишь Сѣв.-Ам. Соед. Штаты, см. мою брошюру: „Внѣшняя политики Сѣв.-Амер. С. Шт. и ученіе Монроэ". С.-Петербургъ 1903.

[4]) См. мою брошюру: „Наполеонъ I и Англія", Варшава 1906.

Императоръ простился съ дипломатическимъ корпусомъ и еще разъ съ одушевленіемъ обратился къ намъ, какъ къ джентельменамъ и людямъ честнымъ—приглашая отдать должную справедливость его чувствамъ и намѣреніямъ и довести о нихъ до свѣдѣнія нашихъ правительствъ въ такой формѣ, чтобы положить основаніе взаимному довѣрію между Императоромъ и ими, каковое установить и поддерживать являлось первымъ желаніемъ его сердца" [1]).

Послѣ этого Императоръ пригласилъ съ собой въ кабинетъ французскаго посла гр. Ля-Ферроне и, заливаясь горькими слезами, оправдывалъ передъ нимъ [2]), какъ человѣкъ, свой образъ дѣйствій. „Я начинаю царствовать—говорилъ онъ—подъ грустнымъ предзнаменованіемъ и съ страшными обязанностями..... съ вожаками, съ зачинщиками заговора будетъ поступлено безъ жалости, безъ пощады... Я буду непреклоненъ; я обязанъ дать этотъ урокъ Россіи и Европѣ".

Такимъ образомъ основные контуры русской, какъ внѣшней, такъ и внутренней политики были намѣчены; реакція, вызванная несчастной внутренней смутой, привела къ тому, что борьба противъ всякихъ проявленій освободительнаго движенія возводилась въ принципъ, и оставалось ждать послѣдствій, къ какимъ могла привести Россію эта система.

Гдѣ же, спрашивается, искать руководящихъ началъ для этой охранительной политики? Естественно руководящіе принципы диктовалъ тотъ Священный Союзъ [3]), который основанъ былъ императоромъ Александромъ I, и тотъ „концертъ" европейскихъ державъ, сложившійся подъ вліяніемъ борьбы съ Наполеономъ, котораго европейскія державы отправили на скалы св. Елены не за то только, что онъ передѣлалъ карту Европы, но главнымъ образомъ за то, что онъ вносилъ смуту и революцію и въ ихъ собственныя государства [4]). Эта система внѣшней политики Россіи уже къ концу царствованія Александра I обнаруживала и свои грустныя стороны: она отвлекала Россію отъ внутреннихъ реформъ, она лишала ея политику должной само-

---

[1]) Publ. Rec. Off. Russia № 279.

[2]) К. Гревилль слышалъ разсказъ объ этомъ отъ Ля-Ферроне, когда онъ былъ уже посломъ въ Римѣ (24 мая 1830) и передаетъ его такъ (Memoirs I, 381): on dismissing them (т. е. дипл. корпусъ) he had taken hiw into his closet, when he burst into tears and said. You have just seen me act the part of Emperor; you must now witness the feelings of the man Y speak to you as tomy best friend, from whem Y conceal nothing.

[3]) Рѣшительный протестъ противъ идей Свящ. союза выразили лишь Сѣв.-Ам. Соед. Штаты, см. мою брошюру: „Внѣшняя политики Сѣв.-Амер. С. Шт. и ученіе Монроэ". С.-Петербургъ 1903.

[4]) См. мою брошюру: „Наполеонъ I и Англія", Варшава 1906.

стоятельности, твердости и послѣдовательности и даже прямо-таки роняла престижъ Россіи (греки, боровшіеся за свою независимость, искали посредничества и покровительства у державъ—глубоко Россіи враждебныхъ: Англіи и Австріи)...

Между тѣмъ вѣра въ прочность консервативнаго союза европейскихъ державъ у императора Николая I сложилась сама собою подъ впечатлѣніемъ 14 декабря, она крѣпла подъ вліяніемъ и дальнѣйшихъ проявленій революціоннаго движенія въ Европѣ (въ 1830—31 г.), и поддерживалась искусной тактикой Меттерниха.

Съ первыхъ дней новаго царствованія Англія внимательно слѣдитъ за будущимъ курсомъ русской внѣшней политики и ее ближайшимъ образомъ интересовали два главныхъ вопроса: во-первыхъ, какое положеніе займетъ Россія въ отношеніи Греціи, т. е. въ восточномъ вопросѣ и, во-вторыхъ, будетъ ли она дѣйствовать самостоятельно, или солидарно съ другими европейскими державами.

На первый вопросъ лордъ Странгфордъ послалъ (5/17 янв. 1826) въ Англію Георгу Каннингу кратенькую записку на франц. языкѣ, въ коей императоръ Николай I высказывался о восточныхъ дѣлахъ французскому представителю Ля-Ферроне. Николай I указывалъ, что покойный императоръ оставилъ ему „великое дѣло“ [1]), которое нужно порѣшить скоро и окончательно. Къ этому обязывалъ его долгъ передъ Россіей и уваженіе къ памяти его брата. Если возможно будетъ дѣйствовать съ союзниками—тѣмъ лучше; если же нѣтъ—Императоръ будетъ дѣйствовать самостоятельно.

Въ депешѣ отъ $\frac{24\text{ января}}{5\text{ февраля}}$ 1826 года лордъ Странгфордъ передаетъ взгляды Николая I на отношенія къ европейскимъ державамъ. Императоръ вѣрилъ, что союзъ (? Священный), основанный Александромъ I, еще существуетъ и держится согласіемъ всѣхъ его членовъ(?) Nour sommes cinq (говорилъ онъ послу 23 января) je dèsire que nous puissions tous toujours marcher sur une même ligne. Cependant s'il un de cinq vient à troncher, je regarderai notre systeme comme entierement fini et notre égalité de marche comme absolument rompue et alors je ne prendrai conseil qu'à moi. Je compte pourtant sur la stabilité de l'Alliance—et certes ce ne sera pas moi qui serai le premier à en douter.

[1]) „Je ne veux pas (говорилъ императоръ Николай I) vous parler politique. Vous savez cependant qu'il y a une grande affaire que nous avons sur les bras. Il faut qu'elle se termine promptement et complettement. Je vous le repête d'une manière ou autre il faut qu'elle se termine. Je le dois à la Russie, et à la mémoire de mon Frère. Si cela peut se faire *avec* mes Alliés tant mieux. C'est que je désire ardemment. Dans l'autre hypothèse je ferai de moi-même ce qu'il faut pour la finir—et je sais ce qu'il faudra alors“.

стоятельности, твердости и послѣдовательности и даже прямо-таки роняла престижъ Россіи (греки, боровшіеся за свою независимость, искали посредничества и покровительства у державъ—глубоко Россіи враждебныхъ: Англіи и Австріи)...

Между тѣмъ вѣра въ прочность консервативнаго союза европейскихъ державъ у императора Николая I сложилась сама собою подъ впечатлѣніемъ 14 декабря, она крѣпла подъ вліяніемъ и дальнѣйшихъ проявленій революціоннаго движенія въ Европѣ (въ 1830—31 г.), и поддерживалась искусной тактикой Меттерниха.

Съ первыхъ дней новаго царствованія Англія внимательно слѣдитъ за будущимъ курсомъ русской внѣшней политики и ее ближайшимъ образомъ интересовали два главныхъ вопроса: во-первыхъ, какое положеніе займетъ Россія въ отношеніи Греціи, т. е. въ восточномъ вопросѣ и, во-вторыхъ, будетъ ли она дѣйствовать самостоятельно, или солидарно съ другими европейскими державами.

На первый вопросъ лордъ Странгфордъ послалъ (5/17 янв. 1826) въ Англію Георгу Каннингу кратенькую записку на франц. языкѣ, въ коей императоръ Николай I высказывался о восточныхъ дѣлахъ французскому представителю Ля-Ферроне. Николай I указывалъ, что покойный императоръ оставилъ ему „великое дѣло“ [1]), которое нужно порѣшить скоро и окончательно. Къ этому обязывалъ его долгъ передъ Россіей и уваженіе къ памяти его брата. Если возможно будетъ дѣйствовать съ союзниками—тѣмъ лучше; если же нѣтъ—Императоръ будетъ дѣйствовать самостоятельно.

Въ депешѣ отъ $\frac{\text{24 января}}{\text{5 февраля}}$ 1826 года лордъ Странгфордъ передаетъ взгляды Николая I на отношенія къ европейскимъ державамъ. Императоръ вѣрилъ, что союзъ (? Священный), основанный Александромъ I, еще существуетъ и держится согласіемъ всѣхъ его членовъ(?) Nour sommes cinq (говорилъ онъ послу 23 января) je dèsire que nous puissions tous toujours marcher sur une même ligne. Cependant s'il un de cinq vient à troncher, je regarderai notre systeme comme entierement fini et notre égalité de marche comme absolument rompue et alors je ne prendrai conseil qu'à moi. Je compte pourtant sur la stabilité de l'Alliance—et certes ce ne sera pas moi qui serai le premier à en douter.

[1]) „Je ne veux pas (говорилъ императоръ Николай I) vous parler politique. Vous savez cependant qu'il y a une grande affaire que nous avons sur les bras. Il faut qu'elle se termine promptement et complettement. Je vous le repête d'une manière ou autre il faut qu'elle se termine. Je le dois à la Russie, et à la mémoire de mon Frère. Si cela peut se faire *avec* mes Alliés tant mieux. C'est que je désire ardemment. Dans l'autre hypothèse je ferai de moi-même ce qu'il faut pour la finir—et je sais ce qu'il faudra alors“.

Лордъ Странгфордъ полагалъ, что императоръ воспользуется первымъ предлогомъ, чтобы отдѣлиться отъ союза европейскихъ державъ, и будетъ дѣйствовать самостоятельно, а что Австрійскій кабинетъ наоборотъ будетъ поддерживать эту зависимость Россіи отъ европейскаго концерта, доказывая, что это необходимо въ интересахъ безопасности императора и будущности его короны и что однимъ словомъ внѣ „охраняющаго щита этого союза нѣтъ спасенія отъ заговорщиковъ и карбонаріевъ“ [1]).

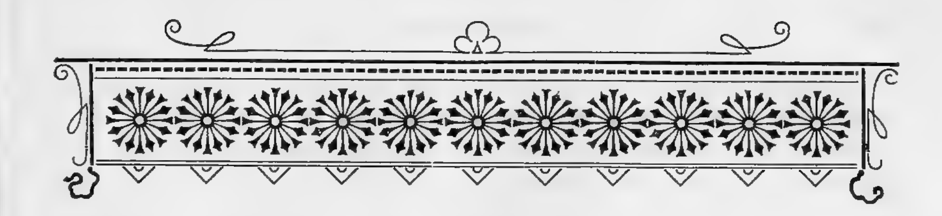
Проф. В. Александренко.

[1]) His safety and preservation of His Crown depend upon His connecting Himself yet more closely with the Alliance,—and that, in short, except under its protecting shield there is no salvation from conspirators and carbonari.

Лордъ Странгфордъ полагалъ, что императоръ воспользуется первымъ предлогомъ, чтобы отдѣлиться отъ союза европейскихъ державъ, и будетъ дѣйствовать самостоятельно, а что Австрійскій кабинетъ наоборотъ будетъ поддерживать эту зависимость Россіи отъ европейскаго концерта, доказывая, что это необходимо въ интересахъ безопасности императора и будущности его короны и что однимъ словомъ внѣ „охраняющаго щита этого союза нѣтъ спасенія отъ заговорщиковъ и карбонаріевъ“ [1]).

Проф. В. Александренко.

[1]) His safety and preservation of His Crown depend upon His connecting Himself yet more closely with the Alliance,—and that, in short, except under its protecting shield there is no salvation from conspirators and carbonari.



Пережитое [1].

(Отрывочныя воспоминанія за 25 лѣтъ службы).

Весь край былъ объявленъ на военномъ положеніи и въ февралѣ прибыли въ Бѣлостокъ 2 стрѣлковый баталіонъ, два баталіона Калужскаго и Софійскаго полковъ, двѣ батареи 2 артиллерійской бригады и 2 или 3 сотни Донскихъ казаковъ. Общимъ начальникомъ всѣхъ войскъ въ Бѣлостокѣ и его уѣздѣ былъ начальникъ 2 пѣхотной дивизіи генералъ Манюкинъ; его отрядный штабъ усилился двумя прибывшими капитанами генеральнаго штаба Тугенгольдомъ [2] и Комаровымъ [3] и ординарцемъ — штабсъ-ротмистромъ Сумскаго гусарскаго полка Бялымъ.

Вся пѣхота и конница стали по тѣснымъ (въ буквальномъ смыслѣ) квартирамъ въ городѣ, а батареи на окраинѣ его, около желѣзнодорожнаго вокзала, имѣя паркъ на ближайшемъ выгонѣ. Штабъ отряда помѣстился въ той же небольшой квартирѣ, которую занималъ генералъ Манюкинъ, помощникомъ коего былъ тогда генералъ Эггеръ.

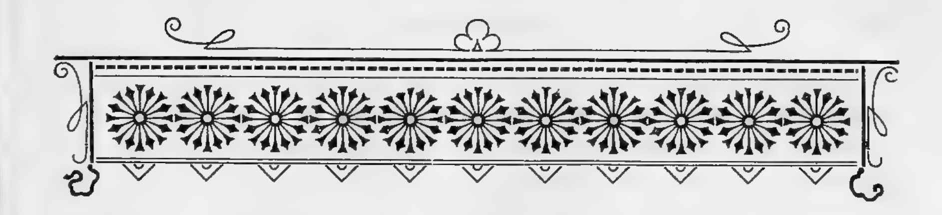
Въ концѣ января, по какой-то служебной надобности, посѣтилъ Бѣлостокъ генералъ Веселитскій, лишенный правой руки, потерянной однако не въ сраженіи, обладавшій типичною солдатскою физіономіею, слывшій первоклассньмъ „дантистомъ“ и извѣстный по неудачному

---

¹) См. „Русская Старина“, августъ 1907 г.

²) Впослѣдствіи генералъ, состоявшій подъ конецъ службы въ корпусѣ Пограничной стражи.

³) Бывшій во время Турецко-Сербской войны начальникомъ штаба Тимокско-Моравской арміи, нынѣ полковникъ въ отставкѣ и редакторъ газеты „Свѣтъ“.



Пережитое [1].

(Отрывочныя воспоминанія за 25 лѣтъ службы).

Весь край былъ объявленъ на военномъ положеніи и въ февралѣ прибыли въ Бѣлостокъ 2 стрѣлковый баталіонъ, два баталіона Калужскаго и Софійскаго полковъ, двѣ батареи 2 артиллерійской бригады и 2 или 3 сотни Донскихъ казаковъ. Общимъ начальникомъ всѣхъ войскъ въ Бѣлостокѣ и его уѣздѣ былъ начальникъ 2 пѣхотной дивизіи генералъ Манюкинъ; его отрядный штабъ усилился двумя прибывшими капитанами генеральнаго штаба Тугенгольдомъ [2]) и Комаровымъ [3]) и ординарцемъ — штабсъ-ротмистромъ Сумскаго гусарскаго полка Бялымъ.

Вся пѣхота и конница стали по тѣснымъ (въ буквальномъ смыслѣ) квартирамъ въ городѣ, а батареи на окраинѣ его, около желѣзнодорожнаго вокзала, имѣя паркъ на ближайшемъ выгонѣ. Штабъ отряда помѣстился въ той же небольшой квартирѣ, которую занималъ генералъ Манюкинъ, помощникомъ коего былъ тогда генералъ Эггеръ.

Въ концѣ января, по какой-то служебной надобности, посѣтилъ Бѣлостокъ генералъ Веселитскій, лишенный правой руки, потерянной однако не въ сраженіи, обладавшій типичною солдатскою физіономіею, слывшій первоклассным „дантистомъ“ и извѣстный по неудачному

---

[1]) См. „Русская Старина“, августъ 1907 г.

[2]) Впослѣдствіи генералъ, состоявшій подъ конецъ службы въ корпусѣ Пограничной стражи.

[3]) Бывшій во время Турецко-Сербской войны начальникомъ штаба Тимокско-Моравской арміи, нынѣ полковникъ въ отставкѣ и редакторъ газеты „Свѣтъ“.

командованію войсками въ 1853 году во время ночного штурма укрѣпленія Арабъ-Табіе, при осадѣ Силистріи [1]).

Донесенія о появленіи бандъ повстанцевъ то тамъ, то сямъ участились; погода испортилась и начались оттепели. Частыя экспедиціи сильно отозвались на обуви офицеровъ и нижнихъ чиновъ и этой бѣдѣ разъ помогли, выславъ по мѣсту нахожденія отряда нѣсколько полковыхъ телѣгъ съ сапогами [2]).

Такъ какъ отрядамъ приходилось бо́льшею частью дѣйствовать въ лѣсахъ, то экспедиціи производились обыкновенно мелкими отрядами изъ 3—4 ротъ съ сотнею казаковъ или эскадрономъ уланъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ придавалась артиллерія.

Въ концѣ января получены были извѣстія о сосредоточеніи въ м. Семятичи, Бѣльскаго уѣзда, весьма значительной банды инсургентовъ подъ командою нѣкоего „Замѐчека", силою, какъ говорили, до 6 тысячъ человѣкъ. Для дѣйствій противъ этой банды сформированъ былъ въ Бѣлостокѣ особый отрядъ, въ составъ коего вошли три стрѣлковыя роты Либавскаго полка, 1 и 3 роты 2-го стрѣлковаго баталіона, 5 и 2 стрѣлковыя роты 5-го пѣхотнаго Калужскаго полка, 4 орудія нарѣзной легкой № 3 батареи 2 артиллерійской бригады и сотня Донскихъ казаковъ; при отрядѣ былъ обозъ, состоявшій преимущественно изъ вольно-наемныхъ обывательскихъ подводъ; это послѣднее упоминаю потому, что часть возницъ при первыхъ выстрѣлахъ побросала повозки и убѣжала; ихъ пришлось замѣнить нижними чинами изъ строя.

Общее командованіе отрядомъ принялъ на себя генералъ Манюкинъ, а начальникомъ отряднаго штаба назначенъ былъ генеральнаго штаба капитанъ Гейнсъ; полковой адъютантъ Либавскаго полка также былъ въ составѣ отряда, и мнѣ поручено было временно исправлять его должность.

---

[1]) Въ Бѣлостокѣ мнѣ пришлось тогда случайно узнать о печальной участи, постигшей товарища по училищу, подпоручика 27 Витебскаго полка Ж—скаго. Служа въ Ченстоховѣ, онъ влюбился въ какую-то панѐнку; та поставила условіемъ (вѣроятно брака), чтобы онъ бѣжалъ „до лясу" къ повстанцамъ и, будучи „заядлою полькою", вѣроятно сдѣлала это по наущенію своего духовнаго отца-ксендза (а это тогда бывало). Ж—скій (русскаго происхожденія и православный) бѣжалъ и, по разсказу, участвовалъ въ нападеніи банды инсургентовъ на гор. Ново-Радомскъ; спустя нѣкоторое время, желая скрыться за границу, Ж—скій былъ пойманъ передъ отходомъ поѣзда на дебаркадерѣ Ченстоховскаго вокзала, судимъ военно-полевымъ судомъ и разстрѣлянъ.

[2]) Въ первыхъ числахъ марта были доставлены въ Бѣлостокскую тюрьму взятые въ плѣнъ во время одной стычки въ Мозырскомъ уѣздѣ предводитель банды Рачинскій съ своимъ адъютантомъ Голіано.

командованію войсками въ 1853 году во время ночного штурма укрѣпленія Арабъ-Табіе, при осадѣ Силистріи [1]).

Донесенія о появленіи бандъ повстанцевъ то тамъ, то сямъ участились; погода испортилась и начались оттепели. Частыя экспедиціи сильно отозвались на обуви офицеровъ и нижнихъ чиновъ и этой бѣдѣ разъ помогли, выславъ по мѣсту нахожденія отряда нѣсколько полковыхъ телѣгъ съ сапогами [2]).

Такъ какъ отрядамъ приходилось бо́льшею частью дѣйствовать въ лѣсахъ, то экспедиціи производились обыкновенно мелкими отрядами изъ 3—4 ротъ съ сотнею казаковъ или эскадрономъ уланъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ придавалась артиллерія.

Въ концѣ января получены были извѣстія о сосредоточеніи въ м. Семятичи, Бѣльскаго уѣзда, весьма значительной банды инсургентовъ подъ командою нѣкоего „Замѐчека", силою, какъ говорили, до 6 тысячъ человѣкъ. Для дѣйствій противъ этой банды сформированъ былъ въ Бѣлостокѣ особый отрядъ, въ составъ коего вошли три стрѣлковыя роты Либавскаго полка, 1 и 3 роты 2-го стрѣлковаго баталіона, 5 и 2 стрѣлковыя роты 5-го пѣхотнаго Калужскаго полка, 4 орудія нарѣзной легкой № 3 батареи 2 артиллерійской бригады и сотня Донскихъ казаковъ; при отрядѣ былъ обозъ, состоявшій преимущественно изъ вольно-наемныхъ обывательскихъ подводъ; это послѣднее упоминаю потому, что часть возницъ при первыхъ выстрѣлахъ побросала повозки и убѣжала; ихъ пришлось замѣнить нижними чинами изъ строя.

Общее командованіе отрядомъ принялъ на себя генералъ Манюкинъ, а начальникомъ отряднаго штаба назначенъ былъ генеральнаго штаба капитанъ Гейнсъ; полковой адъютантъ Либавскаго полка также былъ въ составѣ отряда, и мнѣ поручено было временно исправлять его должность.

---

[1]) Въ Бѣлостокѣ мнѣ пришлось тогда случайно узнать о печальной участи, постигшей товарища по училищу, подпоручика 27 Витебскаго полка Ж—скаго. Служа въ Ченстоховѣ, онъ влюбился въ какую-то панéнку; та поставила условіемъ (вѣроятно брака), чтобы онъ бѣжалъ „до лясу" къ повстанцамъ и, будучи „заядлою полькою", вѣроятно сдѣлала это по наущенію своего духовнаго отца-ксендза (а это тогда бывало). Ж—скій (русскаго происхожденія и православный) бѣжалъ и, по разсказу, участвовалъ въ нападеніи банды инсургентовъ на гор. Ново-Радомскъ; спустя нѣкоторое время, желая скрыться за границу, Ж—скій былъ пойманъ передъ отходомъ поѣзда на дебаркадерѣ Ченстоховскаго вокзала, судимъ военно-полевымъ судомъ и разстрѣлянъ.

[2]) Въ первыхъ числахъ марта были доставлены въ Бѣлостокскую тюрьму взятые въ плѣнъ во время одной стычки въ Мозырскомъ уѣздѣ предводитель банды Рачинскій съ своимъ адъютантомъ Голіано.

Въ день выступленія, раннимъ утромъ, части войскъ отряда выстроились на той улицѣ, гдѣ былъ штабъ Либавскаго полка. Строй имѣлъ довольно пестрый видъ, такъ какъ часть нижнихъ чиновъ была въ короткихъ полушубкахъ, имѣя скатанныя шинели черезъ плечо.

Прибылъ верхомъ генералъ Манюкинъ съ штабомъ, объѣхалъ войска отряда, сказалъ имъ короткую энергическую рѣчь и, вызвавъ пѣсельниковъ, приказалъ двигаться въ направленіи къ м. Рудки (принадлежавшее, кажется, графу Оссолинскому), гдѣ былъ назначенъ первый ночлегъ.

Временнымъ начальникомъ войскъ Бѣлостокскаго гарнизона остался генералъ Эггеръ.

Я не остановлюсь на подробностяхъ боя подъ Семятичами, такъ какъ они мнѣ извѣстны исключительно изъ устныхъ разсказовъ офицеровъ—участниковъ этого боя, а отчасти изъ современныхъ донесеній; приведу лишь нѣсколько частностей.

Первые дни изъ отряда не было получаемо извѣстій, но на 5 или 6 день привезли въ Бѣлостокъ на подводѣ подполковника Филимонова, командовавшаго стрѣлковыми ротами Либавскаго полка, тяжело раненаго пулею въ лѣвую часть живота во время ночной атаки кладбища м. Семятичи; его тотчасъ отправили въ мѣстный госпиталь.

Опуская все извѣстное мнѣ изъ разсказовъ объ этомъ боѣ, скажу лишь, что результатомъ его былъ полный разгромъ банды „Замѐчека“ и совершенное ея разсѣяніе, при чемъ мѣстечко Семятичи, съ находившимся тамъ за̀мкомъ камергера Феншау,—сожжено [1]).

По возвращеніи отряда въ Бѣлостокъ, раненныхъ нижнихъ чиновъ и повстанцевъ помѣстили въ лазареты и городскую больницу, убитыхъ солдатъ съ военными почестями похоронили, а плѣнныхъ отправили въ тюремный замокъ. Всѣ плѣнные, раздѣленные на категоріи (т. е. взятые съ оружіемъ въ рукахъ или безъ оружія, бывшіе начальствующими лицами въ бандѣ и пр.), допрашиваемы были въ слѣдственной комиссіи и затѣмъ, по конфирмаціи заключеній ея, отправляемы кто рядовымъ на Кавказъ или въ Оренбург-

---

[1]) Вечеромъ 25 января началось дѣло и когда наступленіе мятежниковъ было отбито, отрядъ въ виду сильной темноты отошелъ на ночлегъ къ д. Чертоево—въ 4 верстахъ отъ м. Семятичи; съ утра 26 числа бой начался снова, завершившійся штурмомъ мѣстечка.—Артиллеріею выпущено было 98 выстрѣловъ, при чемъ, когда позднимъ вечеромъ мятежники перешли въ наступленіе, батарея дала два залпа картечью на весьма близкомъ разстояніи, заставивъ толпы повернуть и бѣжать къ мѣстечку.

Въ день выступленія, раннимъ утромъ, части войскъ отряда выстроились на той улицѣ, гдѣ былъ штабъ Либавскаго полка. Строй имѣлъ довольно пестрый видъ, такъ какъ часть нижнихъ чиновъ была въ короткихъ полушубкахъ, имѣя скатанныя шинели черезъ плечо.

Прибылъ верхомъ генералъ Манюкинъ съ штабомъ, объѣхалъ войска отряда, сказалъ имъ короткую энергическую рѣчь и, вызвавъ пѣсельниковъ, приказалъ двигаться въ направленіи къ м. Рудки (принадлежавшее, кажется, графу Оссолинскому), гдѣ былъ назначенъ первый ночлегъ.

Временнымъ начальникомъ войскъ Бѣлостокскаго гарнизона остался генералъ Эггеръ.

Я не остановлюсь на подробностяхъ боя подъ Семятичами, такъ какъ они мнѣ извѣстны исключительно изъ устныхъ разсказовъ офицеровъ—участниковъ этого боя, а отчасти изъ современныхъ донесеній; приведу лишь нѣсколько частностей.

Первые дни изъ отряда не было получаемо извѣстій, но на 5 или 6 день привезли въ Бѣлостокъ на подводѣ подполковника Филимонова, командовавшаго стрѣлковыми ротами Либавскаго полка, тяжело раненаго пулею въ лѣвую часть живота во время ночной атаки кладбища м. Семятичи; его тотчасъ отправили въ мѣстный госпиталь.

Опуская все извѣстное мнѣ изъ разсказовъ объ этомъ боѣ, скажу лишь, что результатомъ его былъ полный разгромъ банды „Замѣчека“ и совершенное ея разсѣяніе, при чемъ мѣстечко Семятичи, съ находившимся тамъ зàмкомъ камергера Феншау,—сожжено [1]).

По возвращеніи отряда въ Бѣлостокъ, раненныхъ нижнихъ чиновъ и повстанцевъ помѣстили въ лазареты и городскую больницу, убитыхъ солдатъ съ военными почестями похоронили, а плѣнныхъ отправили въ тюремный замокъ. Всѣ плѣнные, раздѣленные на категоріи (т. е. взятые съ оружіемъ въ рукахъ или безъ оружія, бывшіе начальствующими лицами въ бандѣ и пр.), допрашиваемы были въ слѣдственной комиссіи и затѣмъ, по конфирмаціи заключеній ея, отправляемы кто рядовымъ на Кавказъ или въ Оренбург-

---

[1]) Вечеромъ 25 января началось дѣло и когда наступленіе мятежниковъ было отбито, отрядъ въ виду сильной темноты отошелъ на ночлегъ къ д. Чертоево—въ 4 верстахъ отъ м. Семятичи; съ утра 26 числа бой начался снова, завершившійся штурмомъ мѣстечка.—Артиллеріею выпущено было 98 выстрѣловъ, при чемъ, когда позднимъ вечеромъ мятежники перешли въ наступленіе, батарея дала два залпа картечью на весьма близкомъ разстояніи, заставивъ толпы повернуть и бѣжать къ мѣстечку.

скій край, а кто и подальше—въ Сибирь. Одну изъ такихъ партій конфирмованныхъ мятежниковъ. 9 іюня поручено было мнѣ отвезти въ Петербургъ, гдѣ и сдать въ пересыльную тюрьму; въ конвой назначенъ былъ одинъ $^1/_2$ взводъ Либавскаго полка. Партія состояла изъ 22 инсургентовъ, взятыхъ въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ, и составъ ея былъ вполнѣ разношерстный, а именно: помѣщики, арендаторы, фабричные мастеровые, крестьяне и даже маркеръ одной изъ Бѣлостокскихъ гостинницъ. Всѣ они осуждены были на 20 лѣтнюю службу рядовыми. Партія доѣхала благополучно до Петербурга, гдѣ и сдана, какъ было указано, а я съ конвоемъ, спустя сутки, вернулся въ Бѣлостокъ.

Экспедиціи противъ инсургентовъ между тѣмъ продолжались и банды ихъ появлялись иногда близъ Бѣлостока. Во время экспедицій находили иногда на лѣсныхъ дорогахъ и у усадебъ повѣшенныхъ, съ прикрѣпленнымъ къ груди листкомъ бумаги и надписью на ней: „здрайца ойчизны“ (т. е. измѣнникъ отечеству); такъ звѣрски мстили повстанцы за малѣйшую услугу нашимъ экспедиціоннымъ отрядамъ.

Изъ сохранившагося письма моего отъ 3 мая 1863 года видно, что „съ конца апрѣля всѣ войска Бѣлостокскаго гарнизона выведены были въ лагери, расположенные у пяти городскихъ заставъ; того же числа (то есть 3 мая) рано утромъ отправился въ недалекую экспедицію отрядъ въ составѣ 3-хъ ротъ Либавскаго полка съ 2 орудіями, сотнею казаковъ, и $^1/_2$ эскадрономъ уланъ, а 1 мая банда инсургентовъ произвела около станціи Чижево нападеніе на пассажирскій поѣздъ; находившійся вблизи отрядъ изъ двухъ ротъ того же полка съ сотнею казаковъ, атаковалъ мятежниковъ, разбилъ ихъ и разсѣялъ; изъ состава отряда 2 рядовыхъ было убито и 13 ранено, при чемъ трое тяжело и особенно одинъ казакъ, получившій 8 пулевыхъ ранъ. Потери инсургентовъ были значительны. Нашихъ убитыхъ и раненныхъ 2 мая привезли въ Бѣлостокъ, гдѣ первыхъ съ военными почестями похоронили, а послѣднихъ помѣстили въ госпиталь“.

Независимо разъѣздовъ, высылавшихся изъ Бѣлостока на развѣдки, войска охранялись еще и цѣпями аванпостовъ; сверхъ сего, выставлены были небольшіе охранительные отряды у моста черезъ р. Супрасль, въ м. Хорощѣ и еще въ нѣсколькихъ пунктахъ. Ежедневно, кромѣ дежурныхъ и рундовъ, назначался еще дежурный по всѣмъ войскамъ гарнизона штабъ-офицеръ, въ обязанность коего входила и повѣрка службы на аванпостахъ.

Приведу позорный случай бѣгства изъ Бѣлостока къ повстанцамъ 12 апрѣля двухъ офицеровъ Либавскаго полка штабсъ-капитана

скій край, а кто и подальше—въ Сибирь. Одну изъ такихъ партій конфирмованныхъ мятежниковъ. 9 іюня поручено было мнѣ отвезти въ Петербургъ, гдѣ и сдать въ пересыльную тюрьму; въ конвой назначенъ былъ одинъ $^1/_2$ взводъ Либавскаго полка. Партія состояла изъ 22 инсургентовъ, взятыхъ въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ, и составъ ея былъ вполнѣ разношерстный, а именно: помѣщики, арендаторы, фабричные мастеровые, крестьяне и даже маркеръ одной изъ Бѣлостокскихъ гостинницъ. Всѣ они осуждены были на 20 лѣтнюю службу рядовыми. Партія доѣхала благополучно до Петербурга, гдѣ и сдана, какъ было указано, а я съ конвоемъ, спустя сутки, вернулся въ Бѣлостокъ.

Экспедиціи противъ инсургентовъ между тѣмъ продолжались и банды ихъ появлялись иногда близъ Бѣлостока. Во время экспедицій находили иногда на лѣсныхъ дорогахъ и у усадебъ повѣшенныхъ, съ прикрѣпленнымъ къ груди листкомъ бумаги и надписью на ней: „здрайца ойчизны“ (т. е. измѣнникъ отечеству); такъ звѣрски мстили повстанцы за малѣйшую услугу нашимъ экспедиціоннымъ отрядамъ.

Изъ сохранившагося письма моего отъ 3 мая 1863 года видно, что „съ конца апрѣля всѣ войска Бѣлостокскаго гарнизона выведены были въ лагери, расположенные у пяти городскихъ заставъ; того же числа (то есть 3 мая) рано утромъ отправился въ недалекую экспедицію отрядъ въ составѣ 3-хъ ротъ Либавскаго полка съ 2 орудіями, сотнею казаковъ, и $^1/_2$ эскадрономъ уланъ, а 1 мая банда инсургентовъ произвела около станціи Чижево нападеніе на пассажирскій поѣздъ; находившійся вблизи отрядъ изъ двухъ ротъ того же полка съ сотнею казаковъ, атаковалъ мятежниковъ, разбилъ ихъ и разсѣялъ; изъ состава отряда 2 рядовыхъ было убито и 13 ранено, при чемъ трое тяжело и особенно одинъ казакъ, получившій 8 пулевыхъ ранъ. Потери инсургентовъ были значительны. Нашихъ убитыхъ и раненныхъ 2 мая привезли въ Бѣлостокъ, гдѣ первыхъ съ военными почестями похоронили, а послѣднихъ помѣстили въ госпиталь“.

Независимо разъѣздовъ, высылавшихся изъ Бѣлостока на развѣдки, войска охранялись еще и цѣпями аванпостовъ; сверхъ сего, выставлены были небольшіе охранительные отряды у моста черезъ р. Супрасль, въ м. Хорощѣ и еще въ нѣсколькихъ пунктахъ. Ежедневно, кромѣ дежурныхъ и рундовъ, назначался еще дежурный по всѣмъ войскамъ гарнизона штабъ-офицеръ, въ обязанность коего входила и повѣрка службы на аванпостахъ.

Приведу позорный случай бѣгства изъ Бѣлостока къ повстанцамъ 12 апрѣля двухъ офицеровъ Либавскаго полка штабсъ-капитана

Эйтмановича 2 [1]) и подпоручика Брандта, а спустя нѣсколько дней и третьяго—поручика Ландсберга.

Произошло это такъ. Штабсъ-капитанъ Эйтмановичъ 2, будучи дежурнымъ по карауламъ (его 2 стрѣлковая рота была на аванпостахъ), вечеромъ 11 апрѣля пришелъ въ помѣщеніе полковой библіотеки съ подпоручикомъ Брандтомъ, бывшимъ въ тотъ же день рундомъ.

Кромѣ меня, въ библіотечной комнатѣ было еще 2—3 офицера дежурной роты, ночевавшей на полковомъ дворѣ. Чтобы скоротать время, занялись мы сначала чаепитіемъ, а потомъ сѣли играть въ какую-то безобидную игру въ карты. Около 2 часовъ утра Эйтмановичъ и Брандтъ ушли, сказавъ, что „идутъ повѣрять посты аванпостной цѣпи, а затѣмъ домой, такъ какъ, вѣроятно, никакой тревоги не будетъ". Все было ими сказано такъ естественно, что никому изъ насъ и въ голову не могло придти, что они рѣшили бѣжать къ повстанцамъ („до лясу"). Утромъ, часовъ около восьми, получено было извѣстіе о побѣгѣ ихъ и вице-унтеръ-офицера 2 стрѣлковой роты Лауба. Немедленно отправленъ былъ въ погоню отрядъ казаковъ, скоро однако возвратившійся, такъ какъ повстанцевъ уже и слѣдъ простылъ. Спустя дня два дѣло выяснилось, ибо неожиданно вернулся названный унтеръ-офицеръ, одѣтый въ поношенный статскій костюмъ; при опросѣ его, оказалось слѣдующее: Эйтмановичъ и Брандтъ, подъ предлогомъ стрѣльбы въ цѣль изъ винтовки, приказали взять Лаубѣ круглую офицерскую мишень и свою винтовку съ патронами и слѣдовать за ними. Подойдя къ аванпостной цѣпи, Эйтмановичъ, знавшій „отзывъ" и „пропускъ", отвѣтилъ на окликъ часоваго на посту и въ сопровожденіи Брандта и Лаубы направился за цѣпь; когда они приблизились къ опушкѣ лѣса, тамъ уже оказалась банда повстанцевъ, очевидно ихъ поджидавшая. Оба офицера тотчасъ переодѣлись въ приготовленное тамъ статское платье и, подъ угрозою, приказали унтеръ-офицеру Лауба сдѣлать то же самое, при чемъ объявили его фельдфебелемъ банды, которая тотчасъ же и направилась въ глубь лѣса. Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, Лауба, подъ предлогомъ повѣрки выставленныхъ бандою часовыхъ, вышелъ къ лѣсной опушкѣ и, ударомъ приклада сваливъ замертво ближайшаго часоваго, бросился бѣжать по направленію нашихъ аванпостовъ, а затѣмъ прибылъ въ Бѣлостокъ. Этотъ правдивый и безхитростный разсказъ я лично слышалъ при до-

---

[1]) Командовавшаго 2 стрѣлковою ротою, участвовавшаго съ нею въ дѣлѣ подъ Семятичами и награжденнаго за это дѣло орденомъ св. Анны 3 степени съ мечами и бантомъ.

Эйтмановича 2 [1]) и подпоручика Брандта, а спустя нѣсколько дней и третьяго—поручика Ландсберга.

Произошло это такъ. Штабсъ-капитанъ Эйтмановичъ 2, будучи дежурнымъ по карауламъ (его 2 стрѣлковая рота была на аванпостахъ), вечеромъ 11 апрѣля пришелъ въ помѣщеніе полковой библіотеки съ подпоручикомъ Брандтомъ, бывшимъ въ тотъ же день рундомъ.

Кромѣ меня, въ библіотечной комнатѣ было еще 2—3 офицера дежурной роты, ночевавшей на полковомъ дворѣ. Чтобы скоротать время, занялись мы сначала чаепитіемъ, а потомъ сѣли играть въ какую-то безобидную игру въ карты. Около 2 часовъ утра Эйтмановичъ и Брандтъ ушли, сказавъ, что „идутъ повѣрять посты аванпостной цѣпи, а затѣмъ домой, такъ какъ, вѣроятно, никакой тревоги не будетъ“. Все было ими сказано такъ естественно, что никому изъ насъ и въ голову не могло придти, что они рѣшили бѣжать къ повстанцамъ („до лясу“). Утромъ, часовъ около восьми, получено было извѣстіе о побѣгѣ ихъ и вице-унтеръ-офицера 2 стрѣлковой роты Лауба. Немедленно отправленъ былъ въ погоню отрядъ казаковъ, скоро однако возвратившійся, такъ какъ повстанцевъ уже и слѣдъ простылъ. Спустя дня два дѣло выяснилось, ибо неожиданно вернулся названный унтеръ-офицеръ, одѣтый въ поношенный статскій костюмъ; при опросѣ его, оказалось слѣдующее: Эйтмановичъ и Брандтъ, подъ предлогомъ стрѣльбы въ цѣль изъ винтовки, приказали взять Лаубѣ круглую офицерскую мишень и свою винтовку съ патронами и слѣдовать за ними. Подойдя къ аванпостной цѣпи, Эйтмановичъ, знавшій „отзывъ“ и „пропускъ“, отвѣтилъ на окликъ часоваго на посту и въ сопровожденіи Брандта и Лаубы направился за цѣпь; когда они приблизились къ опушкѣ лѣса, тамъ уже оказалась банда повстанцевъ, очевидно ихъ поджидавшая. Оба офицера тотчасъ переодѣлись въ приготовленное тамъ статское платье и, подъ угрозою, приказали унтеръ-офицеру Лауба сдѣлать то же самое, при чемъ объявили его фельдфебелемъ банды, которая тотчасъ же и направилась въ глубь лѣса. Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, Лауба, подъ предлогомъ повѣрки выставленныхъ бандою часовыхъ, вышелъ къ лѣсной опушкѣ и, ударомъ приклада сваливъ замертво ближайшаго часоваго, бросился бѣжать по направленію нашихъ аванпостовъ, а затѣмъ прибылъ въ Бѣлостокъ. Этотъ правдивый и безхитростный разсказъ я лично слышалъ при до-

[1]) Командовавшаго 2 стрѣлковою ротою, участвовавшаго съ нею въ дѣлѣ подъ Семятичами и награжденнаго за это дѣло орденомъ св. Анны 3 степени съ мечами и бантомъ.

просѣ названнаго унтеръ-офицера; по сдѣланному представленію онъ былъ награжденъ медалью „за усердіе“, произведенъ въ старшіе унтеръ-офицеры и получилъ наградныхъ 25 рублей. Что сталось съ Эйтмановичемъ и Брандтомъ—точно не было извѣстно, но, повидимому, спустя нѣкоторое время, первый въ одной изъ стычекъ былъ убитъ, а второй—Брандтъ—былъ „народовымъ ржондомъ“, назначенъ „начальникомъ Августовскаго воеводства“ (фактически не существовавшаго), и это случайно узнали изъ одного приказа по „воеводству“, найденнаго у плѣннаго инсургента, — подписаннаго Брандтомъ,—признавъ его почеркъ.

Спустя нѣкоторое время, кромѣ упомянутыхъ двухъ офицеровъ, бѣжали изъ полка къ повстанцамъ еще 3 офицера (въ числѣ ихъ одинъ ротный командиръ) и юнкеръ. Приведу выдержку изъ сохранившагося письма моего изъ Бѣлостока отъ 20 апрѣля 1863 года о стычкѣ, въ которой, въ качествѣ начальника банды, участвовалъ упомянутый выше штабсъ-капитанъ Эйтмановичъ 2.

„Въ 40—45 верстахъ отъ Бѣлостока сформирована была бѣжавшими офицерами банда въ 700—800 человѣкъ; по полученіи свѣдѣній о пребываніи этой банды въ лѣсу, у дер. Королевъ-Мостъ, 16 апрѣля направлены были для поимки ея 6 отрядовъ (изъ Бѣлостока, Гродны, Соколокъ и царства Польскаго), при чемъ отрядъ, высланный изъ Бѣлостока, состоялъ подъ начальствомъ полковника Пригоровскаго изъ трехъ ротъ 2 стрѣлковаго баталіона съ 2 орудіями и эскадрона уланъ, а отрядъ, высланный изъ Гродны—изъ 2 ротъ Калужскаго полка, эскадрона Курляндскихъ уланъ и $^1/_2$ сотни казаковъ. 17 апрѣля Бѣлостокскій отрядъ, войдя по пути въ одну деревню, нашелъ крестьянина, возившаго повстанцамъ провіантъ и, при опросѣ, показавшаго, что банда ихъ находится въ глубинѣ ближайшаго къ деревнѣ лѣса; ему приказали вести отрядъ туда; по пути кое-гдѣ встрѣчались повѣшенные на деревьяхъ и на одномъ деревѣ висѣло даже три трупа. Когда отрядъ дошелъ до лѣсного перекрестка, было на столько болотисто, что орудія приходилось зачастую вытаскивать изъ топи руками солдатъ. Отрядъ пріостановился, выдѣливъ по одной изъ болотистыхъ дорогъ двѣ роты съ $^1/_2$ эскадрономъ уланъ; эта часть отряда, пройдя около 2—$2^1/_2$ верстъ почти по трясинѣ, внезапно встрѣчена была огнемъ цѣпи мятежниковъ съ разстоянія въ 100 шаговъ. Было $3^1/_2$ часа по полудни. Послѣ ожесточенной перестрѣлки, повстанцы начали перестраиваться въ колонны для атаки и одною изъ нихъ лично командовалъ Эйтмановичъ, бывшій въ польскомъ костюмѣ и въ конфедераткѣ; къ счастью, подоспѣла еще одна рота, и пѣхота пошла въ штыки. Въ это же время къ флангу позиціи инсургентовъ подходили пере-

просѣ названнаго унтеръ-офицера; по сдѣланному представленію онъ былъ награжденъ медалью „за усердіе“, произведенъ въ старшіе унтеръ-офицеры и получилъ наградныхъ 25 рублей. Что сталось съ Эйтмановичемъ и Брандтомъ—точно не было извѣстно, но, повидимому, спустя нѣкоторое время, первый въ одной изъ стычекъ былъ убитъ, а второй—Брандтъ—былъ „народо́вымъ ржондомъ“, назначенъ „начальникомъ Августовскаго воеводства“ (фактически не существовавшаго), и это случайно узнали изъ одного приказа по „воеводству“, найденнаго у плѣннаго инсургента, — подписаннаго Брандтомъ,—признавъ его по̀черкъ.

Спустя нѣкоторое время, кромѣ упомянутыхъ двухъ офицеровъ, бѣжали изъ полка къ повстанцамъ еще 3 офицера (въ числѣ ихъ одинъ ротный командиръ) и юнкеръ. Приведу выдержку изъ сохранившагося письма моего изъ Бѣлостока отъ 20 апрѣля 1863 года о стычкѣ, въ которой, въ качествѣ начальника банды, участвовалъ упомянутый выше штабсъ-капитанъ Эйтмановичъ 2.

„Въ 40—45 верстахъ отъ Бѣлостока сформирована была бѣжавшими офицерами банда въ 700—800 человѣкъ; по полученіи свѣдѣній о пребываніи этой банды въ лѣсу, у дер. Королевъ-Мостъ, 16 апрѣля направлены были для поимки ея 6 отрядовъ (изъ Бѣлостока, Гродны, Соколокъ и царства Польскаго), при чемъ отрядъ, высланный изъ Бѣлостока, состоялъ подъ начальствомъ полковника Пригоровскаго изъ трехъ ротъ 2 стрѣлковаго баталіона съ 2 орудіями и эскадрона уланъ, а отрядъ, высланный изъ Гродны—изъ 2 ротъ Калужскаго полка, эскадрона Курляндскихъ уланъ и $^1/_2$ сотни казаковъ. 17 апрѣля Бѣлостокскій отрядъ, войдя по пути въ одну деревню, нашелъ крестьянина, возившаго повстанцамъ провіантъ и, при опросѣ, показавшаго, что банда ихъ находится въ глубинѣ ближайшаго къ деревнѣ лѣса; ему приказали вести отрядъ туда; по пути кое-гдѣ встрѣчались повѣшенные на деревьяхъ и на одномъ деревѣ висѣло даже три трупа. Когда отрядъ дошелъ до лѣсного перекрестка, было на столько болотисто, что орудія приходилось зачастую вытаскивать изъ топи руками солдатъ. Отрядъ пріостановился, выдѣливъ по одной изъ болотистыхъ дорогъ двѣ роты съ $^1/_2$ эскадрономъ уланъ; эта часть отряда, пройдя около 2—$2^1/_2$ верстъ почти по трясинѣ, внезапно встрѣчена была огнемъ цѣпи мятежниковъ съ разстоянія въ 100 шаговъ. Было $3^1/_2$ часа по полудни. Послѣ ожесточенной перестрѣлки, повстанцы начали перестраиваться въ колонны для атаки и одною изъ нихъ лично командовалъ Эйтмановичъ, бывшій въ польскомъ костюмѣ и въ конфедераткѣ; къ счастью, подоспѣла еще одна рота, и пѣхота пошла въ штыки. Въ это же время къ флангу позиціи инсургентовъ подходили пере-

довыя части Гродненскаго отряда полковника Пенхержевскаго. Повстанцы не выдержали и бросились бѣжать въ разсыпную; преслѣдованіе ихъ по болоту было весьма затруднительно, и бой окончился въ 6-мъ часу. Кромѣ раненныхъ, убито было около 200 повстанцевъ (въ числѣ ихъ бѣжавшіе офицеры Либавскаго полка), и взято въ плѣнъ 27 человѣкъ; захваченъ значительный обозъ, много ружей и 19 лошадей, частью раненныхъ. Съ нашей стороны—въ одной только 2 ротѣ стрѣлковаго баталіона было 3 рядовыхъ убито и 11 ранено; затѣмъ убитъ одинъ уланъ и ранено—5 нижнихъ чиновъ въ третьей ротѣ стрѣл. баталіона и 4—въ ротахъ Калужскаго полка. Между прочимъ, у всѣхъ повѣшенныхъ повстанцами въ лѣсу, къ груди прикрѣплена была бумага, съ указаніемъ въ ней причины казни".

Еще за мѣсяцъ или болѣе до этого случая, въ полку получено было оффиціальнымъ путемъ предложеніе желающимъ офицерамъ католикамъ и уроженцамъ царства Польскаго перевестись въ пѣхотные полки, расположенные во внутреннихъ губерніяхъ съ отпускомъ даже прогонныхъ денегъ, но этимъ вполнѣ гуманнымъ предложеніемъ воспользовались весьма немногіе [1]).

Упомяну также, что офицерами, фамиліи коихъ оканчивались на „скій" или „вичъ", иногда по почтѣ получались письма изъ Варшавы, съ вложеніемъ печатныхъ прокламацій „народòваго ржонда"; въ этихъ прокламаціяхъ безъ подписи, но съ синею печатью и надписью на ней „ржòндъ народòвый, тымъ часовый" (то есть временное народное правительство), предлагалось оставить ряды арміи и перейти на сторону повстанцевъ, при чемъ добавлялось, что не исполнившіе этого поляки - офицеры „будутъ лишены политическихъ и гражданскихъ правъ въ будущей свободной Польшѣ" [2]).

По сохранившемуся письму моему 24 марта 1863 года, привожу ниже краткое описаніе дѣйствій противъ инсургентовъ экспедиціонныхъ отрядовъ, направленныхъ во второй половинѣ марта изъ Бѣлостока и Соколки.

---

[1]) Въ Варшавѣ издавался тогда генераломъ Меньковымъ „журналъ военныхъ дѣйствій", составлявшійся по оффиціальнымъ источникамъ и реляціямъ. Повстанцы имѣли подобный же журналъ" Wiadomosti z pola bitwy (т. е. вѣдомости съ поля битвы), печатавшійся въ подпольной типографіи въ Варшавѣ. Иногда экземпляры этого журнала высылались неизвѣстно кѣмъ почтою на имя нѣкоторыхъ офицеровъ Либавскаго полка, носившихъ польскія фамиліи.

[2]) Въ этихъ прокламаціяхъ, въ началѣ или концѣ текста еще были слова: „рувносць, вòльносць, неподлѐглосць" (т. е. равенство, свобода и независимость).

довыя части Гродненскаго отряда полковника Пенхержевскаго. Повстанцы не выдержали и бросились бѣжать въ разсыпную; преслѣдованіе ихъ по болоту было весьма затруднительно, и бой окончился въ 6-мъ часу. Кромѣ раненныхъ, убито было около 200 повстанцевъ (въ числѣ ихъ бѣжавшіе офицеры Либавскаго полка), и взято въ плѣнъ 27 человѣкъ; захваченъ значительный обозъ, много ружей и 19 лошадей, частью раненныхъ. Съ нашей стороны—въ одной только 2 ротѣ стрѣлковаго баталіона было 3 рядовыхъ убито и 11 ранено; затѣмъ убитъ одинъ уланъ и ранено—5 нижнихъ чиновъ въ третьей ротѣ стрѣл. баталіона и 4—въ ротахъ Калужскаго полка. Между прочимъ, у всѣхъ повѣшенныхъ повстанцами въ лѣсу, къ груди прикрѣплена была бумага, съ указаніемъ въ ней причины казни".

Еще за мѣсяцъ или болѣе до этого случая, въ полку получено было оффиціальнымъ путемъ предложеніе желающимъ офицерамъ католикамъ и уроженцамъ царства Польскаго перевестись въ пѣхотные полки, расположенные во внутреннихъ губерніяхъ съ отпускомъ даже прогонныхъ денегъ, но этимъ вполнѣ гуманнымъ предложеніемъ воспользовались весьма немногіе [1]).

Упомяну также, что офицерами, фамиліи коихъ оканчивались на „скій" или „вичъ", иногда по почтѣ получались письма изъ Варшавы, съ вложеніемъ печатныхъ прокламацій „народȯваго ржонда"; въ этихъ прокламаціяхъ безъ подписи, но съ синею печатью и надписью на ней „ржȯндъ народȯвый, тымъ часовый" (то есть временное народное правительство), предлагалось оставить ряды арміи и перейти на сторону повстанцевъ, при чемъ добавлялось, что не исполнившіе этого поляки - офицеры „будутъ лишены политическихъ и гражданскихъ правъ въ будущей свободной Польшѣ" [2]).

По сохранившемуся письму моему 24 марта 1863 года, привожу ниже краткое описаніе дѣйствій противъ инсургентовъ экспедиціонныхъ отрядовъ, направленныхъ во второй половинѣ марта изъ Бѣлостока и Соколки.

---

[1]) Въ Варшавѣ издавался тогда генераломъ Меньковымъ „журналъ военныхъ дѣйствій", составлявшійся по оффиціальнымъ источникамъ и реляціямъ. Повстанцы имѣли подобный же журналъ" Wiadomosti z pola bitwy (т. е. вѣдомости съ поля битвы), печатавшійся въ подпольной типографіи въ Варшавѣ. Иногда экземпляры этого журнала высылались неизвѣстно кѣмъ почтою на имя нѣкоторыхъ офицеровъ Либавскаго полка, носившихъ польскія фамиліи.

[2]) Въ этихъ прокламаціяхъ, въ началѣ или концѣ текста еще были слова: „рувносць, вȯльносць, неподлѐглосць" (т. е. равенство, свобода и независимость).

Отрядъ генерала Зайцева, разбивъ банду инсургентовъ недалеко отъ Ломжи, преслѣдовалъ ее въ направленіи къ Тикоцину и Гоніондзу. Для поимки банды направлены были два отряда—одинъ подъ начальствомъ полковника Пригоровскаго изъ Бѣлостока,—въ составѣ 3 ротъ Либавскаго полка и двухъ 2 стрѣлк. баталіона, съ эскадрономъ Петербургскихъ уланъ, сотнею казаковъ и 2-я орудіями и другой—подъ командою полковника Вернера изъ Соколки, въ составѣ 4 ротъ Калужскаго полка съ 2 орудіями. Бандою инсургентовъ командовалъ нѣкій Путятицкій. Бѣлостокскій отрядъ, переночевавъ въ Тикоцинѣ, направился къ Кнышину двумя дорогами: по одной—эскадронъ съ казачьею сотнею и по другой—остальныя войска отряда подъ личнымъ начальствомъ полковника Пригоровскаго; когда эта послѣдняя колонна подходила къ опушкѣ лѣса, встрѣченъ былъ крестьянинъ, кричавшій „ратуйте, ратуйте“, (т. е. спасите) и показавшій, что банда инсургентовъ только-что вошла въ лѣсъ; въ то же время по близости замѣченъ былъ и обозъ повстанцевъ подъ прикрытіемъ 40 человѣкъ на коняхъ. Тотчасъ же отрядъ перестроился въ боевой порядокъ, выславъ 1 и 7 роты Либавскаго полка въ цѣпь, двинувшуюся бѣгомъ къ лѣсу. Инсургенты были настигнуты въ лѣсу, разбиты и разсѣяны, понеся большія потери убитыми и раненными; съ нашей стороны потерь вовсе не было. Одновременно захваченъ былъ и весь инсургентскій обозъ, а изъ состава его конвоя 14 человѣкъ переколото и 10 взято въ плѣнъ. Въ обозѣ захвачено было между прочимъ: 13 верховыхъ лошадей, 2 бочки съ соленымъ мясомъ, 2 пуда пороха, до 100 ружей и 200 косъ, 4 пищеварныхъ котла, переписка, до 300 рубахъ (тутъ же расхватанныхъ солдатами), много сабель, пистолетовъ и нѣкоторое количество сала. При преслѣдованіи бѣжавшихъ повстанцевъ, ими утеряна была часть конфедератокъ, украшенныхъ революціонными кокардами и султанами изъ перьевъ. 23 марта, днемъ, отрядъ полковника Пригоровскаго вступилъ обратно въ Бѣлостокъ съ пѣснями, при чемъ въ головѣ отряда ѣхала часть уланъ въ захваченныхъ конфедераткахъ, лихо надѣтыхъ по-улански — на бекрень.

Побѣги нижнихъ чиновъ къ инсургентамъ были весьма рѣдки. Такъ, бѣжавшій юнкеръ Либавскаго полка въ одной изъ стычекъ взятъ былъ въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ; его судили полевымъ судомъ и разстрѣляли въ Бѣлостокѣ. Мнѣ пришлось присутствовать при его казни. Осужденный былъ еще совсѣмъ юноша; когда его вели, подъ конвоемъ, на мѣсто казни, онъ до послѣдней минуты глупо бравировалъ, куря сигару и не обращая вниманія на слова шедшаго рядомъ съ нимъ ксендза, сказавшаго: „прѣше жутить си-

Отрядъ генерала Зайцева, разбивъ банду инсургентовъ недалеко отъ Ломжи, преслѣдовалъ ее въ направленіи къ Тикоцину и Гоніондзу. Для поимки банды направлены были два отряда—одинъ подъ начальствомъ полковника Пригоровскаго изъ Бѣлостока,—въ составѣ 3 ротъ Либавскаго полка и двухъ 2 стрѣлк. баталіона, съ эскадрономъ Петербургскихъ уланъ, сотнею казаковъ и 2-я орудіями и другой—подъ командою полковника Вернера изъ Соколки, въ составѣ 4 ротъ Калужскаго полка съ 2 орудіями. Бандою инсургентовъ командовалъ нѣкій Путятицкій. Бѣлостокскій отрядъ, переночевавъ въ Тикоцинѣ, направился къ Кнышину двумя дорогами: по одной—эскадронъ съ казачьею сотнею и по другой—остальныя войска отряда подъ личнымъ начальствомъ полковника Пригоровскаго; когда эта послѣдняя колонна подходила къ опушкѣ лѣса, встрѣченъ былъ крестьянинъ, кричавшій „ратуйте, ратуйте“, (т. е. спасите) и показавшій, что банда инсургентовъ только-что вошла въ лѣсъ; въ то же время по близости замѣченъ былъ и обозъ повстанцевъ подъ прикрытіемъ 40 человѣкъ на коняхъ. Тотчасъ же отрядъ перестроился въ боевой порядокъ, выславъ 1 и 7 роты Либавскаго полка въ цѣпь, двинувшуюся бѣгомъ къ лѣсу. Инсургенты были настигнуты въ лѣсу, разбиты и разсѣяны, понеся большія потери убитыми и раненными; съ нашей стороны потерь вовсе не было. Одновременно захваченъ былъ и весь инсургентскій обозъ, а изъ состава его конвоя 14 человѣкъ переколото и 10 взято въ плѣнъ. Въ обозѣ захвачено было между прочимъ: 13 верховыхъ лошадей, 2 бочки съ соленымъ мясомъ, 2 пуда пороха, до 100 ружей и 200 косъ, 4 пищеварныхъ котла, переписка, до 300 рубахъ (тутъ же расхватанныхъ солдатами), много сабель, пистолетовъ и нѣкоторое количество сала. При преслѣдованіи бѣжавшихъ повстанцевъ, ими утеряна была часть конфедератокъ, украшенныхъ революціонными кокардами и султанами изъ перьевъ. 23 марта, днемъ, отрядъ полковника Пригоровскаго вступилъ обратно въ Бѣлостокъ съ пѣснями, при чемъ въ головѣ отряда ѣхала часть уланъ въ захваченныхъ конфедераткахъ, лихо надѣтыхъ по-улански — на бекрень.

Побѣги нижнихъ чиновъ къ инсургентамъ были весьма рѣдки. Такъ, бѣжавшій юнкеръ Либавскаго полка въ одной изъ стычекъ взятъ былъ въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ; его судили полевымъ судомъ и разстрѣляли въ Бѣлостокѣ. Мнѣ пришлось присутствовать при его казни. Осужденный былъ еще совсѣмъ юноша; когда его вели, подъ конвоемъ, на мѣсто казни, онъ до послѣдней минуты глупо бравировалъ, куря сигару и не обращая вниманія на слова шедшаго рядомъ съ нимъ ксендза, сказавшаго: „прѳше жутить си-

га̀ру, тѐрразъ не та̀кій часъ, жѐбы па̀лить", а во время чтенія приговора, съ осужденнаго пришлось насильно снять шапку.

Что творилось въ это время въ Царствѣ Польскомъ, узнавалось изъ газетъ и частью изъ разсказовъ офицеровъ, ѣздившихъ въ Варшаву [1]). Тамъ произведено было покушеніе на жизнь намѣстника великаго князя Константина Николаевича, когда его высочество съ графомъ Велепольскимъ подъѣзжали въ экипажѣ къ зданію Большого театра. Великій князь былъ раненъ, а виновный—Ярошинскій—схваченъ и, кажется на слѣдующій же день, повѣшенъ на городской площади. Было покушеніе и на жизнь генералъ-полиціймейстера Трепова (впослѣдствіи с.-петербургскаго градоначальника) въ Саксонскомъ саду, при чемъ генералъ былъ раненъ топорикомъ, насаженнымъ на палку.

Доходили извѣстія и про Виленскія событія; тамъ съ мятежниками поступали круто. Въ то время генералъ-губернаторомъ Сѣверо-Западнаго края былъ генералъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ [2]), а войсками собственно въ Виленской губерніи командовалъ начальникъ 3 пѣхотной дивизіи генералъ Ганецкій (впослѣдствіи командиръ гренадерскаго корпуса, отличившійся 28 ноября 1877 года подъ Плевною), и отрядомъ подъ его начальствомъ была разбита на голову крупная банда повстанцевъ Сѣраковскаго, бывшаго офицера генеральнаго штаба, взятаго въ плѣнъ и, по приговору полевого суда, повѣшеннаго въ Вильнѣ. Ходили слухи и про не совсѣмъ удачное для нашихъ войскъ дѣло у м. Попеляны, въ Ковенской губерніи, гдѣ повстанцами командовалъ ксендзъ Мацкевичъ.

---

[1]) Тогда въ Варшавѣ Саксонская гостинница (Hôtel Sáski) была излюбленною офицерствомъ съ малыми достатками, какъ по сравнительной дешевизнѣ нумеровъ и центральному своему положенію въ наиболѣе оживленной части Краковскаго предмѣстья, такъ и потому, что тамъ можно было сытно и весьма дешево пообѣдать, а именно за 22½ коп. (1 злотъ и 15 грошей польскихъ) давали пять (!) блюдъ: „зупа" (супъ), „штука мѐнса" (кусокъ вар. мяса съ приправою), „яжѝна" (зелень), „печѐсте" (жаркое) и „легомѝна" (пирожное).—Нынѣ цѣнъ такихъ нѣтъ.—Изъ „цукерень" (кондитерскихъ) славилась Лурса—на углу Европейской гостинницы, а спеціально гвардейскимъ ресторапомъ былъ ресторанъ Франсуа, гдѣ „во время оно" просаживались изрядныя суммы на наличныя и въ кредитъ. Офицерами арміи этотъ ресторанъ рѣдко посѣщался.

[2]) Про трехъ генералъ-губернаторовъ края—Муравьева, Кауфмана и Баранова, мнѣ пришлось какъ-то впослѣдствіи слышать въ Вильнѣ про ихъ дѣятельность такую характерную поговорку: Муравьевъ мало говорилъ и много дѣлалъ, Кауфманъ много говорилъ и мало дѣлалъ, а Барановъ ничего не говорилъ и ничего не дѣлалъ. Въ правдивости подобной характеристики не ручаюсь и передаю, что слышалъ.

гàру, тѐрразъ не тàкій часъ, жѐбы пàлить", а во время чтенія приговора, съ осужденнаго пришлось насильно снять шапку.

Что творилось въ это время въ Царствѣ Польскомъ, узнавалось изъ газетъ и частью изъ разсказовъ офицеровъ, ѣздившихъ въ Варшаву [1]). Тамъ произведено было покушеніе на жизнь намѣстника великаго князя Константина Николаевича, когда его высочество съ графомъ Велепольскимъ подъѣзжали въ экипажѣ къ зданію Большого театра. Великій князь былъ раненъ, а виновный—Ярошинскій—схваченъ и, кажется на слѣдующій же день, повѣшенъ на городской площади. Было покушеніе и на жизнь генералъ-полиціймейстера Трепова (впослѣдствіи с.-петербургскаго градоначальника) въ Саксонскомъ саду, при чемъ генералъ былъ раненъ топорикомъ, насаженнымъ на палку.

Доходили извѣстія и про Виленскія событія; тамъ съ мятежниками поступали круто. Въ то время генералъ-губернаторомъ Сѣверо-Западнаго края былъ генералъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ [2]), а войсками собственно въ Виленской губерніи командовалъ начальникъ 3 пѣхотной дивизіи генералъ Ганецкій (впослѣдствіи командиръ гренадерскаго корпуса, отличившійся 28 ноября 1877 года подъ Плевною), и отрядомъ подъ его начальствомъ была разбита на голову крупная банда повстанцевъ Сѣраковскаго, бывшаго офицера генеральнаго штаба, взятаго въ плѣнъ и, по приговору полевого суда, повѣшеннаго въ Вильнѣ. Ходили слухи и про не совсѣмъ удачное для нашихъ войскъ дѣло у м. Попеляны, въ Ковенской губерніи, гдѣ повстанцами командовалъ ксендзъ Мацкевичъ.

---

[1]) Тогда въ Варшавѣ Саксонская гостинница (Hôtel Sáski) была излюбленною офицерствомъ съ малыми достатками, какъ по сравнительной дешевизнѣ нумеровъ и центральному своему положенію въ наиболѣе оживленной части Краковскаго предмѣстья, такъ и потому, что тамъ можно было сытно и весьма дешево пообѣдать, а именно за 22½ коп. (1 злотъ и 15 грошей польскихъ) давали пять (!) блюдъ: „зупа" (супъ), „штука мѐнса" (кусокъ вар. мяса съ приправою), „яжѝна" (зелень), „печѐсте" (жаркое) и „легомѝна" (пирожное).—Нынѣ цѣнъ такихъ нѣтъ.—Изъ „цукерень" (кондитерскихъ) славилась Лурса—на углу Европейской гостинницы, а спеціально гвардейскимъ рестораномъ былъ ресторанъ Франсуа, гдѣ „во время оно" просаживались изрядныя суммы на наличныя и въ кредитъ. Офицерами арміи этотъ ресторанъ рѣдко посѣщался.

[2]) Про трехъ генералъ-губернаторовъ края—Муравьева, Кауфмана и Баранова, мнѣ пришлось какъ-то впослѣдствіи слышать въ Вильнѣ про ихъ дѣятельность такую характерную поговорку: Муравьевъ мало говорилъ и много дѣлалъ, Кауфманъ много говорилъ и мало дѣлалъ, а Барановъ ничего не говорилъ и ничего не дѣлалъ. Въ правдивости подобной характеристики не ручаюсь и передаю, что слышалъ.

Приведу прискорбный случай, извѣстный мнѣ изъ разсказовъ очевидцевъ и частью изъ слѣдственнаго дѣла, порученнаго подполковнику Либавскаго полка Веревкину; одинъ изъ экспедиціонныхъ отрядовъ подъ командою генерала графа Ностица, преслѣдуя банду мятежниковъ и потерявъ ее какъ-то изъ виду, напалъ по пути на имѣніе г-на Снитко (русскаго и православнаго), недалеко отъ Высоко-Литовска, раззорилъ и частью сжегъ имѣніе, при чемъ самъ Снитко былъ убитъ; разсказывали при этомъ, что сынъ его спасся бѣгствомъ въ Гродну, гдѣ и подалъ мѣстному предводителю дворянства графу Скаржинскому жалобу, послужившую поводомъ къ назначенію слѣдствія. Дѣло это однако, кажется, замяли, хотя кое-кто изъ виновныхъ и получилъ должное возмездіе.

Выше упомянуто было о бѣгствѣ „до лясу" поручика Ландсберга; это случилось спустя дня два-три послѣ бѣгства Эйтмановича и Брандта; черезъ нѣсколько дней Ландсбергъ вернулся въ Бѣлостокъ, сознался въ побѣгѣ, и мнѣ поручено было его арестовать и отвести на гауптвахту. Вскорѣ этотъ офицеръ былъ отправленъ въ Вильну, тамъ судимъ и сосланъ въ Сибирь на поселеніе [1]).

Нѣкоторые изъ тогдашнихъ начальниковъ, особенно изъ числа штабъ-офицеровъ, знакомы были съ тактикою развѣ только по наслышкѣ, не рѣдко игнорировали самыми элементарными тактическими пріемами, и познанія ихъ въ военномъ дѣлѣ зачастую не шли далѣе строевого устава [2]). Къ счастью, отряды инсургентовъ, особенно въ Западномъ краѣ, были плохо организованы, почти не обучены и кое-какъ вооружены по преимуществу косами, насаженными на древки (такіе инсургенты назывались косиньерами) и малогодными одностволками, и, въ добавокъ, руководились, мало свѣдущими въ военномъ дѣлѣ помѣщиками или ксендзами. Рѣдкое исключеніе представляли такіе „довудцы", какъ Лангевичъ, Чаховскій, Тачановскій, Подлевскій

[1]) Въ февралѣ гарнизонъ Бѣлостока усиленъ былъ двумя баталіонами Софійскаго и Копорскаго полковъ.

[2]) Напримѣръ, съ почтеннымъ маіоромъ Либавскаго полка Б—омъ былъ слѣдующій случай какъ-то въ началѣ лѣта 1863 года. Будучи дежурнымъ по войскамъ гарнизона, онъ, — въ сумеркахъ, — усѣвшись на „извощика" отправился „повѣрять аванпосты" въ сопровожденіи казачьяго конвоя. Генералъ Манюкинъ, стоявшій на балконѣ своей квартиры, замѣтилъ этотъ оригинальный кортежъ и спросилъ проѣзжавшаго маіора: „куда это, маіоръ!"—тотъ отвѣтилъ: „ѣду повѣрять аванпосты, ваше п-во!" — на это генералъ сказалъ: „это на извощикѣ-то! эхъ вы резервная маіорина! отправляйтесь и вернувшись доложите командиру полка".—Я былъ личнымъ свидѣтелемъ этого.

Приведу прискорбный случай, извѣстный мнѣ изъ разсказовъ очевидцевъ и частью изъ слѣдственнаго дѣла, порученнаго подполковнику Либавскаго полка Веревкину; одинъ изъ экспедиціонныхъ отрядовъ подъ командою генерала графа Ностица, преслѣдуя банду мятежниковъ и потерявъ ее какъ-то изъ виду, напалъ по пути на имѣніе г-на Снитко (русскаго и православнаго), недалеко отъ Высоко-Литовска, раззорилъ и частью сжегъ имѣніе, при чемъ самъ Снитко былъ убитъ; разсказывали при этомъ, что сынъ его спасся бѣгствомъ въ Гродну, гдѣ и подалъ мѣстному предводителю дворянства графу Скаржинскому жалобу, послужившую поводомъ къ назначенію слѣдствія. Дѣло это однако, кажется, замяли, хотя кое-кто изъ виновныхъ и получилъ должное возмездіе.

Выше упомянуто было о бѣгствѣ „до лясу" поручика Ландсберга; это случилось спустя дня два-три послѣ бѣгства Эйтмановича и Брандта; черезъ нѣсколько дней Ландсбергъ вернулся въ Бѣлостокъ, сознался въ побѣгѣ, и мнѣ поручено было его арестовать и отвести на гауптвахту. Вскорѣ этотъ офицеръ былъ отправленъ въ Вильну, тамъ судимъ и сосланъ въ Сибирь на поселеніе [1]).

Нѣкоторые изъ тогдашнихъ начальниковъ, особенно изъ числа штабъ-офицеровъ, знакомы были съ тактикою развѣ только по наслышкѣ, не рѣдко игнорировали самыми элементарными тактическими пріемами, и познанія ихъ въ военномъ дѣлѣ зачастую не шли далѣе строевого устава [2]). Къ счастью, отряды инсургентовъ, особенно въ Западномъ краѣ, были плохо организованы, почти не обучены и кое-какъ вооружены по преимуществу косами, насаженными на древки (такіе инсургенты назывались косиньерами) и малогодными одностволками, и, въ добавокъ, руководились, мало свѣдущими въ военномъ дѣлѣ помѣщиками или ксендзами. Рѣдкое исключеніе представляли такіе „довудцы", какъ Лангевичъ, Чаховскій, Тачановскій, Подлевскій

---

[1]) Въ февралѣ гарнизонъ Бѣлостока усиленъ былъ двумя баталіонами Софійскаго и Копорскаго полковъ.

[2]) Напримѣръ, съ почтеннымъ маіоромъ Либавскаго полка Б—омъ былъ слѣдующій случай какъ-то въ началѣ лѣта 1863 года. Будучи дежурнымъ по войскамъ гарнизона, онъ, — въ сумеркахъ, — усѣвшись на „извощика" отправился „повѣрять аванпосты" въ сопровожденіи казачьяго конвоя. Генералъ Манюкинъ, стоявшій на балконѣ своей квартиры, замѣтилъ этотъ оригинальный кортежъ и спросилъ проѣзжавшаго маіора: „куда это, маіоръ!"—тотъ отвѣтилъ: „ѣду повѣрять аванпосты, ваше п-во!" — на это генералъ сказалъ: „это на извощикѣ-то! эхъ вы резервная маіорина! отправляйтесь и вернувшись доложите командиру полка".—Я былъ личнымъ свидѣтелемъ этого.

(бывшій офицеръ артиллеристъ), Мацкевичъ и Сѣраковскій — съ ними приходилось серьезно считаться.

Войска, въ первые мѣсяцы мятежа топографическихъ картъ не имѣли, но у инсургентовъ онѣ были. Такъ, въ дѣлѣ подъ Пенскомъ (Бѣлостокскаго уѣзда) были отбиты, въ числѣ прочаго имущества, очень хорошія топографическія карты. Между прочимъ дѣло это, невозможно раздутое въ реляціи, было болѣе чѣмъ мелко, такъ какъ отряду изъ четырехъ ротъ Калужскаго полка съ эскадрономъ Петербургскихъ уланъ, подъ командою командира названнаго полка полковника Вернера (впослѣдствіи начальника 29 пѣхотной дивизіи) пришлось имѣть стычку только съ слабымъ конвоемъ, прикрывавшимъ обозъ повстанцевъ. Конвой, конечно, разнесли и отбили большой обозъ съ различнымъ имуществомъ, состоявшимъ изъ бѣлья, предметовъ обмундированія и продовольствія, топографическихъ картъ и значительнаго количества разнообразнаго оружія, собственно говоря представлявшаго собою совершенный ломъ. Для пересчета и разбора забраннаго оружія назначена была сортировочная комиссія, въ числѣ членовъ коей былъ и я. Порядочнаго и годнаго оружія было мало, но за то масса прикрѣпленныхъ къ древкамъ косъ, старыхъ, — частью покрытыхъ ржавчиною,—одностволокъ и двустволокъ („дубельтувокъ"), изъ коихъ нѣкоторыя мѣстами скрѣплены были даже бичевкою. Вообще, повторяю, реляцію объ этомъ дѣлѣ сильно преувеличили, видимо не пожалѣвъ чернилъ. Конечно, пожалованы были за это „дѣло" и боевыя награды отличившимся, при чемъ какой-то орденъ съ мечами получилъ генеральнаго штаба капитанъ Тугенгольдъ, и я лично присутствовалъ въ штабѣ дивизіи, когда этотъ орденъ ему пришпиливалъ къ мундиру генералъ Манюкинъ, очевидно продѣлавшій это нарочно, такъ какъ прекрасно зналъ цѣну стычки подъ Пенскомъ, но при фабрикаціи тогда нѣкоторыхъ реляцій руководились поговоркою „жарь во всю и куй желѣзо, пока горячо", ну и выковывали героевъ дешевой марки. Прискорбное дѣло въ Жиржинскомъ лѣсу (Люблинской губерніи) упоминается какъ отрицательный примѣръ въ курсахъ тактики, и оно слишкомъ извѣстно, чтобы о немъ здѣсь упоминать [1]); я однако приведу почти аналогичный

[1]) По разсказамъ, припоминаю нѣсколько частностей этого печальнаго дѣла. Направлялась такъ называемая „оказія" изъ Ивангорода въ Люблинъ; конвойный отрядъ состоялъ изъ двухъ ротъ Брестъ-Литовскаго крѣпостного полка, при чемъ нижніе чины будто бы имѣли только по 7 патроновъ на человѣка. Къ „оказіи" пристроились коммиссаріатскій чиновникъ съ крупною суммою казенныхъ денегъ, нѣсколько вновь произведенныхъ офицеровъ, слѣдовавшихъ въ свои части, и партія арестантовъ.

(бывшій офицеръ артиллеристъ), Мацкевичъ и Сѣраковскій — съ ними приходилось серьезно считаться.

Войска, въ первые мѣсяцы мятежа топографическихъ картъ не имѣли, но у инсургентовъ онѣ были. Такъ, въ дѣлѣ подъ Пенскомъ (Бѣлостокскаго уѣзда) были отбиты, въ числѣ прочаго имущества, очень хорошія топографическія карты. Между прочимъ дѣло это, невозможно раздутое въ реляціи, было болѣе чѣмъ мелко, такъ какъ отряду изъ четырехъ ротъ Калужскаго полка съ эскадрономъ Петербургскихъ уланъ, подъ командою командира названнаго полка полковника Вернера (впослѣдствіи начальника 29 пѣхотной дивизіи) пришлось имѣть стычку только съ слабымъ конвоемъ, прикрывавшимъ обозъ повстанцевъ. Конвой, конечно, разнесли и отбили большой обозъ съ различнымъ имуществомъ, состоявшимъ изъ бѣлья, предметовъ обмундированія и продовольствія, топографическихъ картъ и значительнаго количества разнообразнаго оружія, собственно говоря представлявшаго собою совершенный ломъ. Для пересчета и разбора забраннаго оружія назначена была сортировочная комиссія, въ числѣ членовъ коей былъ и я. Порядочнаго и годнаго оружія было мало, но за то масса прикрѣпленныхъ къ древкамъ косъ, старыхъ, — частью покрытыхъ ржавчиною,—одностволокъ и двустволокъ („дубельтувокъ“), изъ коихъ нѣкоторыя мѣстами скрѣплены были даже бичевкою. Вообще, повторяю, реляцію объ этомъ дѣлѣ сильно преувеличили, видимо не пожалѣвъ чернилъ. Конечно, пожалованы были за это „дѣло“ и боевыя награды отличившимся, при чемъ какой-то орденъ съ мечами получилъ генеральнаго штаба капитанъ Тугенгольдъ, и я лично присутствовалъ въ штабѣ дивизіи, когда этотъ орденъ ему пришпиливалъ къ мундиру генералъ Манюкинъ, очевидно продѣлавшій это нарочно, такъ какъ прекрасно зналъ цѣну стычки подъ Пенскомъ, но при фабрикаціи тогда нѣкоторыхъ реляцій руководились поговоркою „жарь во всю и куй желѣзо, пока горячо“, ну и выковывали героевъ дешевой марки. Прискорбное дѣло въ Жиржинскомъ лѣсу (Люблинской губерніи) упоминается какъ отрицательный примѣръ въ курсахъ тактики, и оно слишкомъ извѣстно, чтобы о немъ здѣсь упоминать [1]); я однако приведу почти аналогичный

---

[1]) По разсказамъ, припоминаю нѣсколько частностей этого печальнаго дѣла. Направлялась такъ называемая „оказія“ изъ Ивангорода въ Люблинъ; конвойный отрядъ состоялъ изъ двухъ ротъ Брестъ-Литовскаго крѣпостного полка, при чемъ нижніе чины будто бы имѣли только по 7 патроновъ на человѣка. Къ „оказіи“ пристроились коммиссаріатскій чиновникъ съ крупною суммою казенныхъ денегъ, нѣсколько вновь произведенныхъ офицеровъ, слѣдовавшихъ въ свои части, и партія арестантовъ.

примѣръ, къ счастью не имѣвшій такихъ тяжелыхъ послѣдствій. Въ раіонѣ дѣйствій собственно Либавскаго полка отряды ходили, иногда сильно растянувшись по лѣснымъ дорогамъ и зачастую безъ бокового охраненія; все сходило благополучно при такомъ халатномъ исполненіи походнаго движенія, но одинъ случай заставилъ нѣсколько очнуться. Направленному изъ Бѣлостока экспедиціонному отряду изъ нѣсколькихъ ротъ съ эскадрономъ Петербургскихъ уланъ пришлось по пути проходить по широкой грунтовой дорогѣ, пролегавшей черезъ густой лѣсъ. По обыкновенію колонна шла растянувшись, безъ бокового охраненія, имѣя лишь въ нѣкоторомъ разстояніи отъ авангарда въ передовомъ отрядѣ взводъ уланъ, впереди коего, въ свою очередь, слѣдовалъ головной разъѣздъ изъ 5 — 6 уланъ и съ этимъ разъѣздомъ ѣхалъ генеральнаго штаба полковникъ Гейнсъ съ младшимъ лекаремъ Либавскаго полка. Все было, повидимому, благополучно, но вдругъ, неожиданно, съ опушки почти въ упоръ раздалось нѣсколько выстрѣловъ, коими два улана были ранены и упали съ лошадей. Сейчасъ же часть передоваго отряда спѣшилась и бросилась въ лѣсъ, но, проплутавъ въ немъ нѣкоторое время и никого не найдя, вернулась на дорогу. Такимъ образомъ, отрядъ, дойдя до назначеннаго конечнаго пункта, ни одного повстанца не встрѣтилъ, но потерялъ ранеными двухъ уланъ, коихъ и привезли въ Бѣлостокъ на подводѣ.

Л. Д.

(Продолженіе слѣдуетъ).

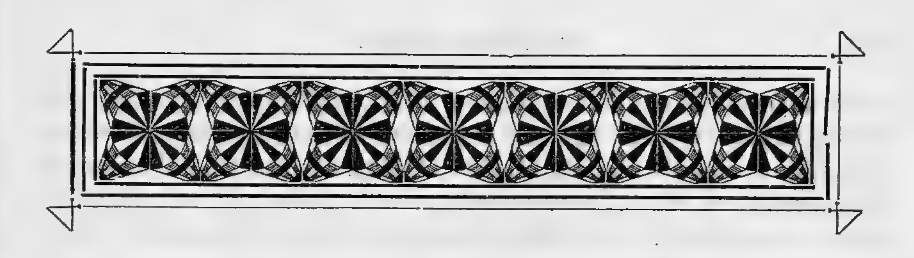
Когда колонна, не имѣвшая бокового охраненія, втянулась въ густой лѣсъ (Жиржинскій), внезапно напали съ обѣихъ опушекъ повстанцы, вооруженные преимущественно косами, и началась форменная бойня. Результатъ извѣстенъ. Отрядъ потерпѣлъ большой уронъ убитыми, ранеными и плѣнными; спаслось немного. Особенную храбрость и неустрашимость выказалъ саперный поручикъ Лявданскій, пробившійся съ группою нижнихъ чиновъ и арестантовъ, вооружившихся ружьями убитыхъ солдатъ.

примѣръ, къ счастью не имѣвшій такихъ тяжелыхъ послѣдствій. Въ раіонѣ дѣйствій собственно Либавскаго полка отряды ходили, иногда сильно растянувшись по лѣснымъ дорогамъ и зачастую безъ бокового охраненія; все сходило благополучно при такомъ халатномъ исполненіи походнаго движенія, но одинъ случай заставилъ нѣсколько очнуться. Направленному изъ Бѣлостока экспедиціонному отряду изъ нѣсколькихъ ротъ съ эскадрономъ Петербургскихъ уланъ пришлось по пути проходить по широкой грунтовой дорогѣ, пролегавшей черезъ густой лѣсъ. По обыкновенію колонна шла растянувшись, безъ бокового охраненія, имѣя лишь въ нѣкоторомъ разстояніи отъ авангарда въ передовомъ отрядѣ взводъ уланъ, впереди коего, въ свою очередь, слѣдовалъ головной разъѣздъ изъ 5 — 6 уланъ и съ этимъ разъѣздомъ ѣхалъ генеральнаго штаба полковникъ Гейнсъ съ младшимъ лекаремъ Либавскаго полка. Все было, повидимому, благополучно, но вдругъ, неожиданно, съ опушки почти въ упоръ раздалось нѣсколько выстрѣловъ, коими два улана были ранены и упали съ лошадей. Сейчасъ же часть передоваго отряда спѣшилась и бросилась въ лѣсъ, но, проплутавъ въ немъ нѣкоторое время и никого не найдя, вернулась на дорогу. Такимъ образомъ, отрядъ, дойдя до назначеннаго конечнаго пункта, ни одного повстанца не встрѣтилъ, но потерялъ ранеными двухъ уланъ, коихъ и привезли въ Бѣлостокъ на подводѣ.

Л. Д.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Когда колонна, не имѣвшая бокового охраненія, втянулась въ густой лѣсъ (Жиржинскій), внезапно напали съ обѣихъ опушекъ повстанцы, вооруженные преимущественно косами, и началась форменная бойня. Результатъ извѣстенъ. Отрядъ потерпѣлъ большой уронъ убитыми, ранеными и плѣнными; спаслось немного. Особенную храбрость и неустрашимость выказалъ саперный поручикъ Лявданскій, пробившійся съ группою нижнихъ чиновъ и арестантовъ, вооружившихся ружьями убитыхъ солдатъ.



Къ исторіи Грузіи [1]).

(Окончаніе).

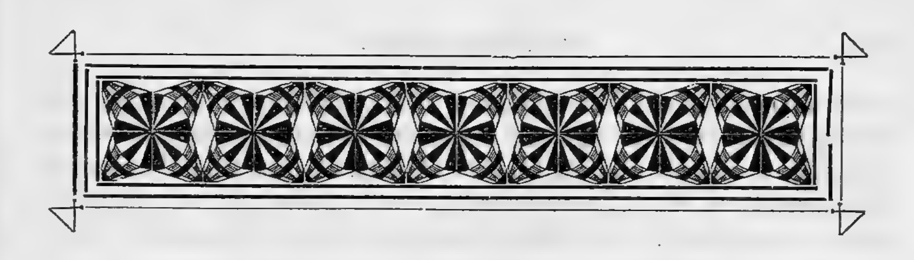
Его Императорскому Величеству.

Инспектора кавалеріи Кавказской инспекціи генералъ-лейтенанта Глазенапа.

РАПОРТЪ.

Высочайшій рескриптъ Вашего Императорскаго Величества отъ 21-го числа прошедшаго мѣсяца налагаетъ на меня долгъ подвергнуть къ освященнымъ стопамъ Вашимъ мое обозрѣніе всѣхъ обстоятельствъ и положенія Кавказской линіи и вселяетъ въ меня смѣлость надѣяться, что Ваше Императорское Величество, со стороны моихъ распоряженій не найдя никакихъ упущеній, Всемилостивѣйше удостоите ихъ Высочайшаго Вашего воззрѣнія.—Ваше Императорское Величество изъ онаго изволите усмотрѣть, что малочисленность на линіи войскъ, не взирая на стеченіе многихъ еще стороннихъ и огорчительныхъ обстоятельствъ, противоборствуя доселѣ всѣмъ усиліямъ возставшихъ повсюду, и, такъ сказать, почти воедино слившихся горскихъ и другихъ всѣхъ сорока семи народовъ, начиная отъ чеченцовъ и до предѣловъ Анапскихъ, содержитъ однако жъ—еще линію во всей сохранности. — Не касаясь политическихъ внушеній (хотя во многомъ я ихъ и полагаю причиною таковому общественному и упорному отъ сопредѣльныхъ всѣхъ народовъ противу линіи союзу, и можетъ быть либо отъ Персіянъ, либо отъ Порты возжигаемому), я сію связь разсматриваю только яко имѣющую свою колыбель отчасти въ пустомъ неудовольствіи противу насъ по двумъ причинамъ, о которыхъ упомяну ниже; причи-

[1]) См. „Русская Старина“ августъ 1907 г.



Къ исторіи Грузіи [1]).

(Окончаніе).

Его Императорскому Величеству.

Инспектора кавалеріи Кавказской инспекціи генералъ-лейтенанта Глазенапа.

РАПОРТЪ.

Высочайшій рескриптъ Вашего Императорскаго Величества отъ 21-го числа прошедшаго мѣсяца налагаетъ на меня долгъ подвергнуть къ освященнымъ стопамъ Вашимъ мое обозрѣніе всѣхъ обстоятельствъ и положенія Кавказской линіи и вселяетъ въ меня смѣлость надѣяться, что Ваше Императорское Величество, со стороны моихъ распоряженій не найдя никакихъ упущеній, Всемилостивѣйше удостоите ихъ Высочайшаго Вашего воззрѣнія.—Ваше Императорское Величество изъ онаго изволите усмотрѣть, что малочисленность на линіи войскъ, не взирая на стеченіе многихъ еще стороннихъ и огорчительныхъ обстоятельствъ, противоборствуя доселѣ всѣмъ усиліямъ возставшихъ повсюду, и, такъ сказать, почти воедино слившихся горскихъ и другихъ всѣхъ сорока семи народовъ, начиная отъ чеченцовъ и до предѣловъ Анапскихъ, содержитъ однако жъ—еще линію во всей сохранности. — Не касаясь политическихъ внушеній (хотя во многомъ я ихъ и полагаю причиною таковому общественному и упорному отъ сопредѣльныхъ всѣхъ народовъ противу линіи союзу, и можетъ быть либо отъ Персіянъ, либо отъ Порты возжигаемому), я сію связь разсматриваю только яко имѣющую свою колыбель отчасти въ пустомъ неудовольствіи противу насъ по двумъ причинамъ, о которыхъ упомяну ниже; причи-

---

[1]) См. „Русская Старина“ августъ 1907 г.

намъ внушеннымъ имъ со стороны яко достаточный предлогъ къ начатію своей вражды противу насъ, а отчасти въ духовныхъ между народовъ разглашеніяхъ. „Будто всякій магометанинъ, обитающій съ христіанами, или на земли христіанской, по алкорану ихъ долженъ быть проклятымъ“. О таковыхъ разглашеніяхъ, побудившихъ большую часть абазинцевъ и нагайцевъ оставить свои жилища, я совершенно извѣстенъ; и возмутитель Адиль-Гирей, раздраженный сверхъ того смертію убитаго при Чегемѣ сына своего Ислама-Гирея, почитается между горцами, кабардинцами и закубанцами мужемъ святымъ и пророкомъ.—Два раза на Чегемѣ заключалъ я миръ съ кабардинцами и возвращался за Бажань и два раза сей возмутитель, потаеннымъ образомъ пробираяся чрезъ горы, возвращался въ Большую Кабарду и вновь возмущалъ оную.

Онъ съ другими еще хаджіями и муллами разъѣзжая отъ одного народа къ другому, и обольщая ихъ суровою своею жизнію, безпрестанно ихъ въ семъ мнѣніи утверждаетъ и подвизаетъ ихъ къ упорнѣйшимъ битвамъ, возмущеніямъ и къ изведенію отъ насъ и остальной части нагайцевъ.—Касательно же внушенія того или другого изъ мусульманскихъ дворовъ, въ томъ убѣждаетъ меня изобиліе въ Кабардѣ и между закубанцами денегъ, ибо самъ горскій возмутитель Дударука, ласкаемый грузинскимъ царевичемъ Александромъ, платя всѣмъ золотомъ и серебромъ, чрезъ сіе единственно и усиливается наемными изъ нихъ войсками. При семъ случаѣ я поставляю себѣ долгомъ донести Вашему Императорскому Величеству, что знавши вліяніе и оборотливость сего Дударука, я уже тысячу рублей обѣщалъ тому, кто намъ его доставитъ живого въ руки. Построеніе Кисловодскаго укрѣпленія и намѣреніе вывесть къ намъ дзюгорцевъ суть тѣ причины, о которыхъ я имѣлъ честь упомянуть выше.

Если бы я съ самаго начала могъ проникнуть всѣ политическія соглашенія, о коихъ я ни откуда извѣщенъ не былъ, то я бы уже тотчасъ послѣ Чегемскаго сраженія не преминулъ притворное кабардинцовъ раскаяніе признать за обнаруживающееся теперь ихъ лицемѣріе, стремившееся только къ удаленію нашихъ войскъ, къ выигранію времени, расплодить и утвердить свои связи и дождаться своихъ союзниковъ, и начала въ горахъ своихъ успѣховъ. Связь персидскаго владѣльца Бабы-Хана съ царевичемъ Александромъ, сего съ Дударукою, а сего послѣдняго со всѣми кабардинскими народами чрезъ Адиль-Гирея, полковника Расламбека Мисостова и Шамаху Наврузова Вашему Императорскому Величеству должна быть извѣстна. И такъ подвергши вамъ какъ-бы предварительно и вкратцѣ извѣстное мнѣ изъ политическихъ отношеній касательно

намъ внушеннымъ имъ со стороны яко достаточный предлогъ къ начатію своей вражды противу насъ, а отчасти въ духовныхъ между народовъ разглашеніяхъ. „Будто всякій магометанинъ, обитающій съ христіанами, или на земли христіанской, по алкорану ихъ долженъ быть проклятымъ“. О таковыхъ разглашеніяхъ, побудившихъ большую часть абазинцевъ и нагайцевъ оставить свои жилища, я совершенно извѣстенъ; и возмутитель Адиль-Гирей, раздраженный сверхъ того смертію убитаго при Чегемѣ сына своего Ислама-Гирея, почитается между горцами, кабардинцами и закубанцами мужемъ святымъ и пророкомъ.—Два раза на Чегемѣ заключалъ я миръ съ кабардинцами и возвращался за Бажань и два раза сей возмутитель, потаеннымъ образомъ пробираяся чрезъ горы, возвращался въ Большую Кабарду и вновь возмущалъ оную.

Онъ съ другими еще хаджіями и муллами разъѣзжая отъ одного народа къ другому, и обольщая ихъ суровою своею жизнію, безпрестанно ихъ въ семъ мнѣніи утверждаетъ и подвизаетъ ихъ къ упорнѣйшимъ битвамъ, возмущеніямъ и къ изведенію отъ насъ и остальной части нагайцевъ.—Касательно же внушенія того или другого изъ мусульманскихъ дворовъ, въ томъ убѣждаетъ меня изобиліе въ Кабардѣ и между закубанцами денегъ, ибо самъ горскій возмутитель Дударука, ласкаемый грузинскимъ царевичемъ Александромъ, платя всѣмъ золотомъ и серебромъ, чрезъ сіе единственно и усиливается наемными изъ нихъ войсками. При семъ случаѣ я поставляю себѣ долгомъ донести Вашему Императорскому Величеству, что знавши вліяніе и оборотливость сего Дударука, я уже тысячу рублей обѣщалъ тому, кто намъ его доставитъ живого въ руки. Построеніе Кисловодскаго укрѣпленія и намѣреніе вывесть къ намъ дзюгорцевъ суть тѣ причины, о которыхъ я имѣлъ честь упомянуть выше.

Если бы я съ самаго начала могъ проникнуть всѣ политическія соглашенія, о коихъ я ни откуда извѣщенъ не былъ, то я бы уже тотчасъ послѣ Чегемскаго сраженія не преминулъ притворное кабардинцовъ раскаяніе признать за обнаруживающееся теперь ихъ лицемѣріе, стремившееся только къ удаленію нашихъ войскъ, къ выигранію времени, расплодить и утвердить свои связи и дождаться своихъ союзниковъ, и начала въ горахъ своихъ успѣховъ. Связь персидскаго владѣльца Бабы-Хана съ царевичемъ Александромъ, сего съ Дударукою, а сего послѣдняго со всѣми кабардинскими народами чрезъ Адиль-Гирея, полковника Расламбека Мисостова и Шамаху Наврузова Вашему Императорскому Величеству должна быть извѣстна. И такъ подвергши вамъ какъ-бы предварительно и вкратцѣ извѣстное мнѣ изъ политическихъ отношеній касательно

вліянія оныхъ на здѣшніе народы, безъ всякой нравственности, и не имѣющіе ни понятія о мирѣ, ни предмета жизни, я дерзаю коснуться теперь воинскаго на линіи положенія.

Оное съ перваго взгляда можетъ быть конечно не изображаетъ собою той опасности, которая по всей истинѣ его сопровождаетъ.

Вглянувши съ одной стороны отъ самаго Кизляра до Екатериноградa и Кисловодскаго укрѣпленія и оттуда внизъ по Кубани до устья сей рѣки, а при томъ на цѣлое пространство отъ Моздока и до Казбека, стрегомые шестью мушкетерскими ротами Казанскаго полка, до половины по необходимости къ своимъ крѣпостямъ какъ-бы пригвожденными и въ мѣстахъ, коихъ промежутки безъ связи и перерѣзаны вѣроломными народами; и потомъ разсматривая, какими заставлено силами все сіе пространство? Нельзя не замѣтить, что защита онаго подвержена крайнему затрудненію, равно какъ и успѣваніе повсюду, чтобъ то и дѣло отражать нападенія многочисленныхъ рѣшительныхъ толпищъ, съ дерзостію даже сквозь фронтъ прорывающихся, между тѣмъ, какъ въ промежуткахъ оныхъ прокрадываясь другія толпы потаенно производятъ разбойническіе свои наѣзды.—Защита сія одна уже занимаетъ горсть войска, составленнаго изъ Вологодскаго мушкетерскаго полка, въ коемъ недостаетъ девяти сотъ семи человѣкъ, хотя и растянутъ отъ Моздока до Кизляра; Казанскаго Гранодерскаго баталіона, коего двѣ роты должны ограждать Георгіевскъ; одного егерскаго полка, защищающаго Кисловодское укрѣпленіе, Константиногорскъ, и разные посты по Кубани вплоть до Темнолѣскаго ретраншамента, Суздальскаго мушкетерскаго полка также на знатномъ разстояніи по рѣкѣ Кубани растянутаго и четырехъ драгунскихъ полковъ, отъ безпрестанныхъ переходовъ въ большое изнуреніе уже пришедшихъ и изъ коихъ по причинѣ малолюдства *Борисоглѣбскій драгунской полкъ* едва можетъ ли входить въ счетъ съ ними.

Удерживая линію въ переходахъ съ одного мѣста на другое съ сею горстью, теряя всѣ способы пожертвовать рвенію моему и храбрости воиновъ предпріятіемъ рѣшительнаго и необходимо нужнаго движенія за рѣку Малку, а особливо за Кубань. Не достаетъ только одного егерскаго и еще бы одного мушкетерскаго полка, и только Вашему Императорскому Величеству возможно наградить сей недостатокъ, и хотя бы изъ Екатеринодара, яко самаго ближняго мѣста перевесть сюда на время стоящій тамъ 12-й Егерскій полкъ и нѣсколько Запорожскихъ казаковъ. Имѣвши у себя, какъ я уже имѣлъ счастіе сказать выше, хотя одинъ еще регулярный полкъ съ Запорожскими казаками, я бы при помощи ожидаемыхъ мною шести новыхъ Донскихъ полковъ, изъ коихъ два уже прибыли и отравлены

вліянія оныхъ на здѣшніе народы, безъ всякой нравственности, и не имѣющіе ни понятія о мирѣ, ни предмета жизни, я дерзаю коснуться теперь воинскаго на линіи положенія.

Оное съ перваго взгляда можетъ быть конечно не изображаетъ собою той опасности, которая по всей истинѣ его сопровождаетъ.

Вглянувши съ одной стороны отъ самаго Кизляра до Екатеринограда и Кисловодскаго укрѣпленія и оттуда внизъ по Кубани до устья сей рѣки, а при томъ на цѣлое пространство отъ Моздока и до Казбека, стрегомые шестью мушкетерскими ротами Казанскаго полка, до половины по необходимости къ своимъ крѣпостямъ какъ-бы пригвожденными и въ мѣстахъ, коихъ промежутки безъ связи и перерѣзаны вѣроломными народами; и потомъ разсматривая, какими заставлено силами все сіе пространство? Нельзя не замѣтить, что защита онаго подвержена крайнему затрудненію, равно какъ и успѣваніе повсюду, чтобъ то и дѣло отражать нападенія многочисленныхъ рѣшительныхъ толпищъ, съ дерзостію даже сквозь фронтъ прорывающихся, между тѣмъ, какъ въ промежуткахъ оныхъ прокрадываясь другія толпы потаенно производятъ разбойническіе свои наѣзды.—Защита сія одна уже занимаетъ горсть войска, составленнаго изъ Вологодскаго мушкетерскаго полка, въ коемъ недостаетъ девяти сотъ семи человѣкъ, хотя и растянутъ отъ Моздока до Кизляра; Казанскаго Гранодерскаго баталіона, коего двѣ роты должны ограждать Георгіевскъ; одного егерскаго полка, защищающаго Кисловодское укрѣпленіе, Константиногорскъ, и разные посты по Кубани вплоть до Темнолѣскаго ретраншамента, Суздальскаго мушкетерскаго полка также на знатномъ разстояніи по рѣкѣ Кубани растянутаго и четырехъ драгунскихъ полковъ, отъ безпрестанныхъ переходовъ въ большое изнуреніе уже пришедшихъ и изъ коихъ по причинѣ малолюдства *Борисоглѣбскій драгунской полкъ* едва можетъ ли входить въ счетъ съ ними.

Удерживая линію въ переходахъ съ одного мѣста на другое съ сею горстью, теряя всѣ способы пожертвовать рвенію моему и храбрости воиновъ предпріятіемъ рѣшительнаго и необходимо нужнаго движенія за рѣку Малку, а особливо за Кубань. Не достаетъ только одного егерскаго и еще бы одного мушкетерскаго полка, и только Вашему Императорскому Величеству возможно наградить сей недостатокъ, и хотя бы изъ Екатеринодара, яко самаго ближняго мѣста перевесть сюда на время стоящій тамъ 12-й Егерскій полкъ и нѣсколько Запорожскихъ казаковъ. Имѣвши у себя, какъ я уже имѣлъ счастіе сказать выше, хотя одинъ еще регулярный полкъ съ Запорожскими казаками, я бы при помощи ожидаемыхъ мною шести новыхъ Донскихъ полковъ, изъ коихъ два уже прибыли и отравлены

отъ меня одинъ къ отряду генералъ-маіора Лихачева къ Баталь-Пашинской переправѣ, а другой къ генералъ-маіору Мейеру, стоящему близъ Бѣломечетскаго поста при рѣкѣ Малкѣ, могъ бы въ скорости укротить всѣ возмущенія чеченцовъ, горцовъ, кабардинцовъ и закубанцовъ къ славѣ Вашего Императорскаго Величества. — Я уже сіи народы не называю мятежниками, но отнюдь не называю ихъ таковыми по моему убѣжденію; а не примѣчая въ нихъ одни только потаенныя движенія, но большія скопища явно нападающія, вижу уже въ нихъ отважныхъ и открытыхъ непріятелей.—Сдѣлавши по моему долгу предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ таковое изображеніе, я сіе не дѣлаю однакожъ отъ каковой-либо смущенности моего духа, не взирая на то, что на той сторонѣ рѣки Кубани стоитъ при Расламбекѣ Мисостовѣ двадцать тысячъ непріятелей, изъ коихъ большая партія, ежедневно переправляясь на сію сторону, сбиваетъ посты и опять возвращается на свой берегъ, какъ еще и перваго числа сего мѣсяца сбили они посты Бѣломечетскій и Усть-Невинскій и сожгли казачьи строенія, хотя и были опять прогнаны приспѣвшимъ туда генералъ-маіоромъ Лихачевымъ, прикрывающимъ по сей рѣкѣ три брода; не взирая, что въ таковомъ же количествѣ скитаются толпища отъ Татартупа до Кисловодскаго укрѣпленія, изъ коихъ до тысячи человѣкъ при Шамахѣ Наврузовѣ и трехъ Адиль-Гиреяхъ сдѣлали 30-го числа прошедшаго мѣсяца нападеніе на Солдатскую слободу; что многочисленная же толпа чеченцевъ и кабардинцевъ Малой Кабарды пробѣгаетъ пространство между Моздокомъ и Елизаветинскимъ редутомъ; что меня самого при всѣхъ моихъ выѣздахъ для обозрѣнія постовъ стерегутъ непріятельскія партіи; и что по рапорту изъ Владикавказской крѣпости, подполковника Максимова отъ 27-го числа прошедшаго мѣсяца и Казбекъ занятъ же Дударукою. — И такъ доношу сіе Вашему Императорскому Величеству не отъ упадка въ духѣ. — Единая слава быть въ службѣ Вашего Императорскаго Величества; храбрость, оказанная Россійскими войсками въ большомъ сраженіи при Чегемѣ, ознаменованная при переходѣ генералъ-маіора Дехтерева за рѣку Урухъ; подвигъ Борисоглѣбскаго драгунскаго полка полковника Давыдова противу абазинцевъ и кабардинцевъ, при чемъ захваченъ былъ въ плѣнъ братъ Султана Менгли-Гирея, Султанъ Бахты-Гирей съ пятью князьями и девятнадцатью его подданными; неустрашимый переходъ на Кубань генералъ-маіора Лихачева, дравшагося черезъ четыре дня съ многочисленнымъ непріятелемъ; не допущеніе генералъ-маіоромъ Мейеромъ знатнаго толпища черезъ рѣку Малку, покушавшагося 31-го числа прошедшаго мѣсяца въ осьми верстахъ выше Бѣломечетскаго поста прорваться къ Марьинской для содѣланія злодѣяній, и удержаніе по

отъ меня одинъ къ отряду генералъ-маіора Лихачева къ Баталь-Пашинской переправѣ, а другой къ генералъ-маіору Мейеру, стоящему близъ Бѣломечетскаго поста при рѣкѣ Малкѣ, могъ бы въ скорости укротить всѣ возмущенія чеченцовъ, горцовъ, кабардинцовъ и закубанцовъ къ славѣ Вашего Императорскаго Величества. — Я уже сіи народы не называю мятежниками, но отнюдь не называю ихъ таковыми по моему убѣжденію; а не примѣчая въ нихъ одни только потаенныя движенія, но большія скопища явно нападающія, вижу уже въ нихъ отважныхъ и открытыхъ непріятелей.—Сдѣлавши по моему долгу предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ таковое изображеніе, я сіе не дѣлаю однакожъ отъ каковой-либо смущенности моего духа, не взирая на то, что на той сторонѣ рѣки Кубани стоитъ при Расламбекѣ Мисостовѣ двадцать тысячъ непріятелей, изъ коихъ большая партія, ежедневно переправляясь на сію сторону, сбиваетъ посты и опять возвращается на свой берегъ, какъ еще и перваго числа сего мѣсяца сбили они посты Бѣломечетскій и Усть-Невинскій и сожгли казачьи строенія, хотя и были опять прогнаны приспѣвшимъ туда генералъ-маіоромъ Лихачевымъ, прикрывающимъ по сей рѣкѣ три брода; не взирая, что въ таковомъ же количествѣ скитаются толпища отъ Татартупа до Кисловодскаго укрѣпленія, изъ коихъ до тысячи человѣкъ при Шамахѣ Наврузовѣ и трехъ Адиль-Гиреяхъ сдѣлали 30-го числа прошедшаго мѣсяца нападеніе на Солдатскую слободу; что многочисленная же толпа чеченцевъ и кабардинцевъ Малой Кабарды пробѣгаетъ пространство между Моздокомъ и Елизаветинскимъ редутомъ; что меня самого при всѣхъ моихъ выѣздахъ для обозрѣнія постовъ стерегутъ непріятельскія партіи; и что по рапорту изъ Владикавказской крѣпости, подполковника Максимова отъ 27-го числа прошедшаго мѣсяца и Казбекъ занятъ же Дударукою. — И такъ доношу сіе Вашему Императорскому Величеству не отъ упадка въ духѣ. — Единая слава быть въ службѣ Вашего Императорскаго Величества; храбрость, оказанная Россійскими войсками въ большомъ сраженіи при Чегемѣ, ознаменованная при переходѣ генералъ-маіора Дехтерева за рѣку Урухъ; подвигъ Борисоглѣбскаго драгунскаго полка полковника Давыдова противу абазинцевъ и кабардинцевъ, при чемъ захваченъ былъ въ плѣнъ братъ Султана Менгли-Гирея, Султанъ Бахты-Гирей съ пятью князьями и девятнадцатью его подданными; неустрашимый переходъ на Кубань генералъ-маіора Лихачева, дравшагося черезъ четыре дня съ многочисленнымъ непріятелемъ; не допущеніе генералъ-маіоромъ Мейеромъ знатнаго толпища черезъ рѣку Малку, покушавшагося 31-го числа прошедшаго мѣсяца въ осьми верстахъ выше Бѣломечетскаго поста прорваться къ Марьинской для содѣланія злодѣяній, и удержаніе по

сіе время всей линіи суть довольныя подпоры для моего духа, исполненнаго сверхъ того всѣмъ жаромъ воинскаго усердія; со всѣмъ тѣмъ, и при всѣхъ таковыхъ неблагопріятныхъ видахъ я однако жъ надѣюсь не только ее и впредь удержать, но можетъ быть съ помощью Бога и наказать всѣхъ непріятелей. Сверхъ того я осмѣлился писать къ войсковому атаману полковнику Бурсаку, дабы онъ съ своими Черноморцами сдѣлалъ бы за Кубань диверсію противу Закубанскихъ народовъ, для того единственно, чтобъ отклонить ихъ силы, въ одинъ пунктъ границъ Кавказской линіи стекшіяся, и отъ котораго вчерашняго числа получилъ увѣдомленіе, что онъ безъ особливаго отъ вышняго начальства повелѣнія диверсіи за Кубань сдѣлать не смѣетъ; писалъ къ Анапскому пашѣ, объясняя наглости противъ Россіи Закубанскаго народа, подъ покровительствомъ Порты живущаго; изготовилъ въ Владикавказѣ по Высочайшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію для открытія коммуникаціи съ Грузіею при генералъ-маіорѣ Несвѣтаевѣ шесть мушкетерскихъ ротъ Казанскаго мушкетерскаго полка при шести легкихъ орудіяхъ полевой артиллеріи, и казачій Донской полкъ Рышкина; сверхъ того далъ восемьдесятъ рекрутъ для дѣланія по Тереку мостовъ и, чтобъ ввесть по-прежнему въ Ларсъ одну роту съ двумѣсячнымъ провіантомъ и однимъ орудіемъ. Сей отрядъ начнетъ свое дѣйствіе съ 1-го сентября. Генералъ-маіора Лихачева противу поставилъ я двадцати тысячамъ закубанцевъ съ союзниками, расположившимися за Кубанью насупротивъ Бѣломечетскаго поста съ шестью ротами егерей, однимъ баталіономъ Суздальскаго мушкетерскаго полка, двѣнадцатью эскадронами драгунъ при генералъ-маіорахъ Леццано и Дегтеревѣ, новопришедшимъ Донскимъ полкомъ Грекова, Волгскими, Моздокскими и Хоперскими казаками и десятью орудіями, расположа его отъ Баталъ-Пашинской переправы и до Невиннаго мыса полукружіемъ, такъ, чтобъ дать въ тетивѣ онаго проходъ непріятелю и тогда со всѣхъ сторонъ его атаковать; генералъ-маіора Мейера на рѣкѣ Малкѣ близъ тамошняго Бѣломечетскаго поста съ четырью гранодерскими ротами Казанскаго и Вологодскаго мушкетерскихъ полковъ, четырью орудіями, новымъ Донскимъ полкомъ Крюкова, и полутораста Волгскихъ и Моздокскихъ казаковъ, насупротивъ многочисленныхъ кабардинцевъ при Шамахъ Наврузовѣ и Адилгиреевѣ, и пріуготовивъ ввѣренный мнѣ драгунскій полкъ на его подкрѣпленіе по востребованію. Затѣмъ остается въ Прохладномъ Вологодская мушкетерская рота при орудіи, въ Солдатской рота же при одномъ орудіи, въ Георгіевскѣ двѣ Кавказскія гранодерскія роты, въ Екатериноградѣ одна Вологодская мушкетерская, два Нижегородскіе эскадрона, въ Константиногорскѣ

сіе время всей линіи суть довольныя подпоры для моего духа, исполненнаго сверхъ того всѣмъ жаромъ воинскаго усердія; со всѣмъ тѣмъ, и при всѣхъ таковыхъ неблагопріятныхъ видахъ я однако жъ надѣюсь не только ее и впредь удержать, но можетъ быть съ помощью Бога и наказать всѣхъ непріятелей. Сверхъ того я осмѣлился писать къ войсковому атаману полковнику Бурсаку, дабы онъ съ своими Черноморцами сдѣлалъ бы за Кубань диверсію противу Закубанскихъ народовъ, для того единственно, чтобъ отклонить ихъ силы, въ одинъ пунктъ границъ Кавказской линіи стекшіяся, и отъ котораго вчерашняго числа получилъ увѣдомленіе, что онъ безъ особливаго отъ вышняго начальства повелѣнія диверсіи за Кубань сдѣлать не смѣетъ; писалъ къ Анапскому пашѣ, объясняя наглости противъ Россіи Закубанскаго народа, подъ покровительствомъ Порты живущаго; изготовилъ въ Владикавказѣ по Высочайшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію для открытія коммуникаціи съ Грузіею при генералъ-маіорѣ Несвѣтаевѣ шесть мушкетерскихъ ротъ Казанскаго мушкетерскаго полка при шести легкихъ орудіяхъ полевой артиллеріи, и казачій Донской полкъ Рышкина; сверхъ того далъ восемьдесятъ рекрутъ для дѣланія по Тереку мостовъ и, чтобъ ввесть по-прежнему въ Ларсъ одну роту съ двумѣсячнымъ провіантомъ и однимъ орудіемъ. Сей отрядъ начнетъ свое дѣйствіе съ 1-го сентября. Генералъ-маіора Лихачева противу поставилъ я двадцати тысячамъ закубанцевъ съ союзниками, расположившимися за Кубанью насупротивъ Бѣломечетскаго поста съ шестью ротами егерей, однимъ баталіономъ Суздальскаго мушкетерскаго полка, двѣнадцатью эскадронами драгунъ при генералъ-маіорахъ Леццано и Дегтеревѣ, новопришедшимъ Донскимъ полкомъ Грекова, Волгскими, Моздокскими и Хоперскими казаками и десятью орудіями, расположа его отъ Баталъ-Пашинской переправы и до Невиннаго мыса полукружіемъ, такъ, чтобъ дать въ тетивѣ онаго проходъ непріятелю и тогда со всѣхъ сторонъ его атаковать; генералъ-маіора Мейера на рѣкѣ Малкѣ близъ тамошняго Бѣломечетскаго поста съ четырью гранодерскими ротами Казанскаго и Вологодскаго мушкетерскихъ полковъ, четырью орудіями, новымъ Донскимъ полкомъ Крюкова, и полутораста Волгскихъ и Моздокскихъ казаковъ, насупротивъ многочисленныхъ кабардинцевъ при Шамахъ Наврузовѣ и Адилгиреевѣ, и пріуготовивъ ввѣренный мнѣ драгунскій полкъ на его подкрѣпленіе по востребованію. Затѣмъ остается въ Прохладномъ Вологодская мушкетерская рота при орудіи, въ Солдатской рота же при одномъ орудіи, въ Георгіевскѣ двѣ Кавказскія гранодерскія роты, въ Екатеринoградѣ одна Вологодская мушкетерская, два Нижегородскіе эскадрона, въ Константиногорскѣ

двѣ и въ Кисловодскомъ укрѣпленіи три егерскія роты, и промежутки заняты Донскими полками Кутейникова и Кошкина. Имѣя нужду въ генералахъ, а особливо таковыхъ, каковъ Лихачевъ и Мейеръ, я принужденнымъ нашелся открытіе коммуникаціи въ горахъ препоручить генералъ-маіору Несвѣтаеву.

Генералъ-маіоръ султанъ Менгли-Гирей съ тремя стами вооруженныхъ нагайцевъ присоединился также къ генералъ-маіору Лихачеву. По прибытіи шести Донскихъ полковъ, я намѣренъ и старые полки удержать здѣсь на линіи, и не прежде ихъ смѣнить, какъ уже при совершенномъ успокоеніи линіи. На сихъ дняхъ я надѣюсь, хотя отъ части укомплектовать полки рекрутами, за оставленіемъ того числа, которое нужно для укомплектованія полковъ въ Грузіи. О чемъ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше осмѣливаюсь симъ донести. Подлинный подписалъ генералъ-лейтенантъ Глазенапъ.

Съ подлиннымъ вѣрно: подписалъ статскій совѣтникъ Паглиновскій.

Въ благополучномъ Георгіевскѣ, Кавказской губерніи, Августа 16 дня 1804 года.

Сообщилъ Н. Затворницкій.

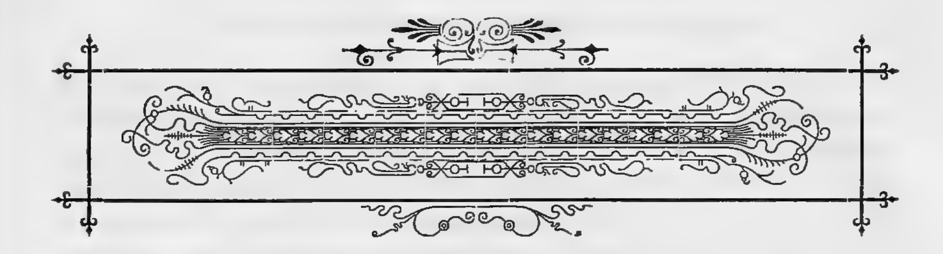
двѣ и въ Кисловодскомъ укрѣпленіи три егерскія роты, и промежутки заняты Донскими полками Кутейникова и Кошкина. Имѣя нужду въ генералахъ, а особливо таковыхъ, каковъ Лихачевъ и Мейеръ, я принужденнымъ нашелся открытіе коммуникаціи въ горахъ препоручить генералъ-маіору Несвѣтаеву.

Генералъ-маіоръ султанъ Менгли-Гирей съ тремя стами вооруженныхъ нагайцевъ присоединился также къ генералъ-маіору Лихачеву. По прибытіи шести Донскихъ полковъ, я намѣренъ и старые полки удержать здѣсь на линіи, и не прежде ихъ смѣнить, какъ уже при совершенномъ успокоеніи линіи. На сихъ дняхъ я надѣюсь, хотя отъ части укомплектовать полки рекрутами, за оставленіемъ того числа, которое нужно для укомплектованія полковъ въ Грузіи. О чемъ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше осмѣливаюсь симъ донести. Подлинный подписалъ генералъ-лейтенантъ Глазенапъ.

Съ подлиннымъ вѣрно: подписалъ статскій совѣтникъ Паглиновскій.

Въ благополучномъ Георгіевскѣ, Кавказской губерніи, Августа 16 дня 1804 года.

Сообщилъ Н. Затворницкій.

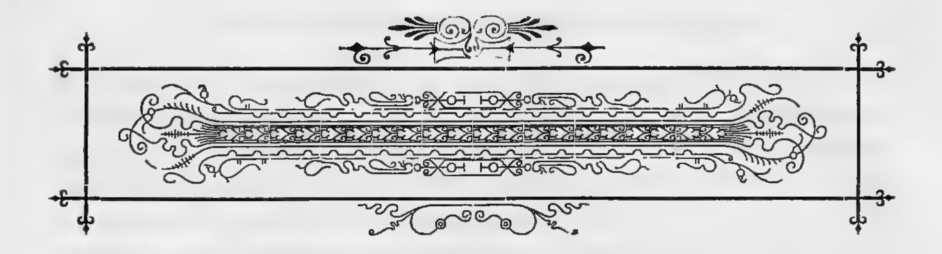


Извѣстіе

о пребываніи въ Римѣ, въ 1774 или 1775 годахъ, неизвѣстной принцессы Елисаветы, именовавшей себя дочерью россійской императрицы Елисаветы Петровны.

(Почерпнуто изъ оставшихся о ней свѣдѣній въ Архивѣ Италіанскаго департамента бывшаго Польскаго королевства.

Неизвѣстная принцесса Елисавета, именовавшая себя дочерью россійской императрицы Елисаветы Петровны, сколько можно было узнать, появилась въ италіанскихъ городахъ прежде всего въ Венеціи, въ сопровожденіи виленскаго воеводы князя Радзивилла, и отправилась вмѣстѣ съ нимъ въ Рагузу, дабы проѣхать потомъ въ Константинополь. Князь и вся свита обходились съ нею почтительно. Она хранила строжайшее инкогнито предъ частными людьми, но главное намѣреніе ея состояло въ достиженіи Всероссійскаго престола, на который она тайно объявила свои требованія при Рагузскомъ сенатѣ. Сенатъ заблагоразсудилъ отнестись въ Петербургъ къ своему повѣренному, который обо всемъ сообщилъ графу Панину, а сей поручилъ ему отписать въ Рагузу, что нѣтъ нужды обращать вниманія на сію побродяжку (aventuriera). Между тѣмъ наступившій миръ между Россіею и Портою воспрепятствовалъ ей продолжать путь въ Константинополь. Князь Радзивиллъ разстался съ нею и поѣхалъ въ Венецію, а принцесса отправилась въ Римъ, въ сопровожденіи трехъ польскихъ дворянъ, перешедшихъ въ ея службу отъ Радзивилла.—Поведеніе ея въ Римѣ было непонятно и покрыто



Извѣстіе

о пребываніи въ Римѣ, въ 1774 или 1775 годахъ, неизвѣстной принцессы Елисаветы, именовавшей себя дочерью россійской императрицы Елисаветы Петровны.

(Почерпнуто изъ оставшихся о ней свѣдѣній въ Архивѣ Италіанскаго департамента бывшаго Польскаго королевства.

Неизвѣстная принцесса Елисавета, именовавшая себя дочерью россійской императрицы Елисаветы Петровны, сколько можно было узнать, появилась въ италіанскихъ городахъ прежде всего въ Венеціи, въ сопровожденіи виленскаго воеводы князя Радзивилла, и отправилась вмѣстѣ съ нимъ въ Рагузу, дабы проѣхать потомъ въ Константинополь. Князь и вся свита обходились съ нею почтительно. Она хранила строжайшее инкогнито предъ частными людьми, но главное намѣреніе ея состояло въ достиженіи Всероссійскаго престола, на который она тайно объявила свои требованія при Рагузскомъ сенатѣ. Сенатъ заблагоразсудилъ отнестись въ Петербургъ къ своему повѣренному, который обо всемъ сообщилъ графу Панину, а сей поручилъ ему отписать въ Рагузу, что нѣтъ нужды обращать вниманія на сію побродяжку (aventuriera). Между тѣмъ наступившій миръ между Россіею и Портою воспрепятствовалъ ей продолжать путь въ Константинополь. Князь Радзивиллъ разстался съ нею и поѣхалъ въ Венецію, а принцесса отправилась въ Римъ, въ сопровожденіи трехъ польскихъ дворянъ, перешедшихъ въ ея службу отъ Радзивилла.—Поведеніе ея въ Римѣ было непонятно и покрыто

тайною. Она не была ни въ чьемъ домѣ, никто также и ее къ себѣ не принималъ кромѣ нѣкоторыхъ поляковъ; она содержала себя съ довольнымъ великолѣпіемъ и прикрывала настоящее свое происхожденіе съ такимъ искусствомъ, что публика подозрѣвала нѣчто великое, сокрытое въ ея лицѣ, и дѣлала на часть ея множество разныхъ заключеній.—О ней писано 3 января 1775 года изъ Рима слѣдующимъ образомъ: „Иностранная дама, родомъ изъ Польши, живущая въ домѣ г-на Жуани на Марсовомъ полѣ, прибыла сюда въ сопровожденіи одного польскаго экс-іезуита, двухъ другихъ поляковъ и одной горничной служанки. Она платитъ за квартиру по 50 цехиновъ въ мѣсяцъ и 35 за карету [1]); ни съ кѣмъ не имѣетъ знакомства и ѣздитъ прогуливаться въ каретѣ съ закрытыми стеклами. На квартирѣ ея экс-іезуитъ даетъ аудіенцію приходящимъ. Теперь онъ ищетъ для нея двухъ или трехъ тысячъ цехиновъ“.

Многіе начали ее считать обманщицею по причинѣ ея скрытности и безпрестаннаго набиранія долговъ, коихъ не уплачивала.— Она истощала всевозможныя средства и хитрости въ Римѣ и внѣ Рима къ полученію денегъ, и дабы имѣть большій кредитъ, говорила, что имѣетъ за границею великія богатства и много земель въ Германіи, именно же въ Оберштейнѣ, принадлежавшихъ яко бы предъ симъ пресѣкшейся фамиліи графовъ Линажскихъ, а нынѣ пожалованныхъ ей владѣтельнымъ курфирстомъ Трирскимъ.

Такова была ея домашняя жизнь; приступимъ нынѣ къ поведенію политическому. Расчисливъ, что можно ожидать пособія со стороны Польши, она тотчасъ по прибытіи своемъ въ Римъ обратилась къ кардиналу Албани, декану Священной коллегіи и протектору Польскаго королевства и просила назначить ей время для свиданія, но такъ, чтобы о томъ публика не была извѣстна.—Она посылала къ нему письма чрезъ поляка Станишевскаго и чрезъ упоминаемаго выше капеллана своего (Канецкаго), требуя дозволенія видѣться съ кардиналомъ въ конклавѣ. Напрасно ее увѣряли, что и самыя почетнѣйшія дамы не могутъ приближаться даже и къ внѣшнему окну конклава; она не переставала упорствовать въ своемъ желаніи; въ послѣдствіи времени хотѣла даже переодѣться и едва можно было отклонить ее отъ сего намѣренія. Не находя средствъ

[1]) Цехинъ около 3 рублей сер.; слѣдов., за квартиру около 150 р. и за карету около 105 р. въ мѣсяцъ.

тайною. Она не была ни въ чьемъ домѣ, никто также и ее къ себѣ не принималъ кромѣ нѣкоторыхъ поляковъ; она содержала себя съ довольнымъ великолѣпіемъ и прикрывала настоящее свое происхожденіе съ такимъ искусствомъ, что публика подозрѣвала нѣчто великое, сокрытое въ ея лицѣ, и дѣлала на часть ея множество разныхъ заключеній.—О ней писано 3 января 1775 года изъ Рима слѣдующимъ образомъ: „Иностранная дама, родомъ изъ Польши, живущая въ домѣ г-на Жуани на Марсовомъ полѣ, прибыла сюда въ сопровожденіи одного польскаго экс-іезуита, двухъ другихъ поляковъ и одной горничной служанки. Она платитъ за квартиру по 50 цехиновъ въ мѣсяцъ и 35 за карету [1]); ни съ кѣмъ не имѣетъ знакомства и ѣздитъ прогуливаться въ каретѣ съ закрытыми стеклами. На квартирѣ ея экс-іезуитъ даетъ аудіенцію приходящимъ. Теперь онъ ищетъ для нея двухъ или трехъ тысячъ цехиновъ“.

Многіе начали ее считать обманщицею по причинѣ ея скрытности и безпрестаннаго набиранія долговъ, коихъ не уплачивала.—Она истощала всевозможныя средства и хитрости въ Римѣ и внѣ Рима къ полученію денегъ, и дабы имѣть большій кредитъ, говорила, что имѣетъ за границею великія богатства и много земель въ Германіи, именно же въ Оберштейнѣ, принадлежавшихъ яко бы предъ симъ пресѣкшейся фамиліи графовъ Линажскихъ, а нынѣ пожалованныхъ ей владѣтельнымъ курфирстомъ Трирскимъ.

Такова была ея домашняя жизнь; приступимъ нынѣ къ поведенію политическому. Расчисливъ, что можно ожидать пособія со стороны Польши, она тотчасъ по прибытіи своемъ въ Римъ обратилась къ кардиналу Албани, декану Священной коллегіи и протектору Польскаго королевства и просила назначить ей время для свиданія, но такъ, чтобы о томъ публика не была извѣстна. —Она посылала къ нему письма чрезъ поляка Станишевскаго и чрезъ упоминаемаго выше капеллана своего (Канецкаго), требуя дозволенія видѣться съ кардиналомъ въ конклавѣ. Напрасно ее увѣряли, что и самыя почетнѣйшія дамы не могутъ приближаться даже и къ внѣшнему окну конклава; она не переставала упорствовать въ своемъ желаніи; въ послѣдствіи времени хотѣла даже переодѣться и едва можно было отклонить ее отъ сего намѣренія. Не находя средствъ

---

[1]) Цехинъ около 3 рублей сер.; слѣдов., за квартиру около 150 р. и за карету около 105 р. въ мѣсяцъ.

переговорить съ нимъ лично, она удовольствовалась перепискою и, вскорѣ познакомившись съ аббатомъ Рокотани, доставляла письма первому по большей части чрезъ сего послѣдняго.—Въ письмѣ отъ 14 января она слѣдующимъ образомъ обнаруживаетъ свои планы: „Наконецъ я рѣшилась объявить себя со стороны Польши и отправиться въ Кіевъ; войска наши въ 50 миляхъ оттуда. Прежде сего я было долго колебалась; мнѣ казалось лучше отправиться чрезъ Неаполитанскія владѣнія до Тарента, переѣхать въ Албанію, а потомъ сухимъ путемъ въ Константинополь; ибо нынѣ вся Европа обратила взоры свои на Порту, но съ другой стороны я вижу, сколь нужно пособить Польшѣ“. При семъ письмѣ препроводила она къ нему собственноручную выписку изъ оставленнаго якобы покойною императрицею духовнаго завѣщанія, о коемъ не безполезно будетъ упомянуть здѣсь подробнѣе.

Завѣщаніе сіе состояло въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) Всероссійскій престолъ оставляется принцессѣ Елизаветѣ въ вѣчное и потомственное владѣніе. 2) Во время малолѣтства ея поручается самодержавное управленіе Голштинскому герцогу Петру съ обязанностію воспитывать ее приличнымъ образомъ. 3) Ему же предоставляется право имѣть и носить императорскій титулъ по смерть; будущій же супругъ Елизаветы исключается изъ сего права и не прежде можетъ воспріять таковый титулъ, какъ по смерти Петра. 4) Елизавета будетъ имѣть право назначать членовъ своего совѣта. 5) Возстановляются прежнія права при ея вступленіи на тронъ; въ войскѣ же она можетъ дѣлать такія учрежденія, какія ей заблагоразсудится. 6) Всѣ гражданскія и военныя присутственныя мѣста должны ей давать отчеты всякіе три года. 7) Каждую недѣлю будетъ происходить публичная аудіенція; прошенія будутъ подаваемы въ присутствіи императрицы, на которыя она одна только будетъ дѣлать рѣшенія, и ей же предоставляется право перемѣнять законы. 8) Въ совѣтѣ рѣшаются дѣла по большинству голосовъ и мнѣнія онаго утверждаются императрицею. 9) Народъ русскій долженъ стараться пребывать въ мирѣ съ сосѣдственными землями. Императрица отправитъ посланниковъ по всѣмъ дворамъ и будетъ смѣнять ихъ каждые три года. 10) Никто изъ иностранцевъ и иновѣрцевъ не можетъ получать важныхъ государственныхъ должностей. 11) Совѣтъ будетъ назначать ревизоровъ для осмотра отдаленныхъ областей. 12) Правители отдаленныхъ областей, какъ-то Сибири и проч., будутъ отъ времени до времени доставлять отчеты въ управленіи своемъ; если же учинятъ тамъ какое-либо важное открытіе, то сообщаетъ о семъ особому департаменту въ столицѣ, изъ котораго сіе поступитъ, по прошествіи трехъ мѣсяцевъ, на рѣшеніе импе-

переговорить съ нимъ лично, она удовольствовалась перепискою и, вскорѣ познакомившись съ аббатомъ Рокотани, доставляла письма первому по большей части чрезъ сего послѣдняго.—Въ письмѣ отъ 14 января она слѣдующимъ образомъ обнаруживаетъ свои планы: „Наконецъ я рѣшилась объявить себя со стороны Польши и отправиться въ Кіевъ; войска наши въ 50 миляхъ оттуда. Прежде сего я было долго колебалась; мнѣ казалось лучше отправиться чрезъ Неаполитанскія владѣнія до Тарента, переѣхать въ Албанію, а потомъ сухимъ путемъ въ Константинополь; ибо нынѣ вся Европа обратила взоры свои на Порту, но съ другой стороны я вижу, сколь нужно пособить Польшѣ". При семъ письмѣ препроводила она къ нему собственноручную выписку изъ оставленнаго якобы покойною императрицею духовнаго завѣщанія, о коемъ не безполезно будетъ упомянуть здѣсь подробнѣе.

Завѣщаніе сіе состояло въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) Всероссійскій престолъ оставляется принцессѣ Елизаветѣ въ вѣчное и потомственное владѣніе. 2) Во время малолѣтства ея поручается самодержавное управленіе Голштинскому герцогу Петру съ обязанностію воспитывать ее приличнымъ образомъ. 3) Ему же предоставляется право имѣть и носить императорскій титулъ по смерть; будущій же супругъ Елизаветы исключается изъ сего права и не прежде можетъ воспріять таковый титулъ, какъ по смерти Петра. 4) Елизавета будетъ имѣть право назначать членовъ своего совѣта. 5) Возстановляются прежнія права при ея вступленіи на тронъ; въ войскѣ же она можетъ дѣлать такія учрежденія, какія ей заблагоразсудится. 6) Всѣ гражданскія и военныя присутственныя мѣста должны ей давать отчеты всякіе три года. 7) Каждую недѣлю будетъ происходить публичная аудіенція; прошенія будутъ подаваемы въ присутствіи императрицы, на которыя она одна только будетъ дѣлать рѣшенія, и ей же предоставляется право перемѣнять законы. 8) Въ совѣтѣ рѣшаются дѣла по большинству голосовъ и мнѣнія онаго утверждаются императрицею. 9) Народъ русскій долженъ стараться пребывать въ мирѣ съ сосѣдственными землями. Императрица отправитъ посланниковъ по всѣмъ дворамъ и будетъ смѣнять ихъ каждые три года. 10) Никто изъ иностранцевъ и иновѣрцевъ не можетъ получать важныхъ государственныхъ должностей. 11) Совѣтъ будетъ назначать ревизоровъ для осмотра отдаленныхъ областей. 12) Правители отдаленныхъ областей, какъ-то Сибири и проч., будутъ отъ времени до времени доставлять отчеты въ управленіи своемъ; если же учинятъ тамъ какое-либо важное открытіе, то сообщаетъ о семъ особому департаменту въ столицѣ, изъ котораго сіе поступитъ, по прошествіи трехъ мѣсяцевъ, на рѣшеніе импе-

ратрицы во время публичной аудіенціи, и потомъ будетъ объявляемо въ продолженіе девяти дней при звукѣ бубновъ на перекресткахъ улицъ. 13) Въ Азіатской Россіи должно подѣлать разныя учрежденія, для споспѣшествованія торговлѣ и земледѣлію, и завести колоніи при совершенной вѣротерпимости, но при томъ подъ надзоромъ особыхъ чиновниковъ. 14) Въ разныхъ мѣстахъ будутъ поселены разнаго рода художники и ремесленники, кои будутъ состоять подъ непосредственною властію императрицы. 15) Всякое новое изобрѣтеніе и открытіе будетъ ободряемо и награждаемо. 16) Въ каждомъ городѣ учредятся на казенномъ иждевеніи народныя училища. 17) Училища сіи будутъ осматриваемы духовенствомъ. 18) Всѣ церкви будутъ содержаться на иждивеніи правительства. 19) Въ каждомъ уѣздѣ будетъ дѣлано ежегодное исчисленіе жителей и каждые три года будутъ посылаемы особые чиновники для собранія сихъ списковъ. 20) Учредятся двѣ академіи, гражданская и военная; оныя будутъ одна отъ другой отдѣлены и назначены для воспитанія сыновей гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ. 21) Для подкидышей и незаконнорожденныхъ дѣтей учредятся особыя заведенія, въ коихъ они будутъ воспитываемы и потомъ отдаваемы въ службу, смотря по способностямъ; отличившихся же императрица можетъ причислить къ законнорожденнымъ съ предоставленіемъ права носить желтую кокарду съ черными краями. 22) Наконецъ подтверждается всѣмъ вѣрноподданнымъ признавать ее настоящею императрицею и проч.

Въ письмахъ своихъ къ кардиналу Албани Елизавета объявила требованія свои на Всероссійскій престолъ, говоря, что небо назначило ей вѣнецъ для благосостоянія церкви и счастія народовъ.— Албани ей отвѣчалъ, что онъ благодаритъ ее за довѣренность, что она можетъ во всемъ положиться на аббата Рокатани, что истина требованій ея не подлежитъ сомнѣнію и что онъ желаетъ ей возможныхъ успѣховъ. —Тогда Елизавета объяснила ему всѣ свои планы; она писала между прочимъ: „Мы имѣемъ преимущество; всѣ народы за насъ; но все бы погибло, ежели бы можно было проникнуть въ наши виды.—Я намѣревалась проѣхать въ Константинополь чрезъ Рагузу.—На что мнѣ было рѣшиться въ критическихъ обстоятельствахъ? я могла лишиться жизни и чести.—Надлежало вооружиться мужествомъ и избрать другую дорогу.—Всѣ способы истощились; письма мои перехватывали; одно только Провидѣніе укрѣпляло насъ своею силою.—Но возвращаясь къ главному предмету, ежели я буду только имѣть счастіе побѣдить непріятелей, то не примину заключить договоръ съ римскимъ дворомъ, и употреблю всѣ возможныя средства, чтобы народъ призналъ власть римской церкви. Всѣ

ратрицы во время публичной аудіенціи, и потомъ будетъ объявляемо въ продолженіе девяти дней при звукѣ бубновъ на перекресткахъ улицъ. 13) Въ Азіатской Россіи должно подѣлать разныя учрежденія, для споспѣшествованія торговлѣ и земледѣлію, и завести колоніи при совершенной вѣротерпимости, но при томъ подъ надзоромъ особыхъ чиновниковъ. 14) Въ разныхъ мѣстахъ будутъ поселены разнаго рода художники и ремесленники, кои будутъ состоять подъ непосредственною властію императрицы. 15) Всякое новое изобрѣтеніе и открытіе будетъ ободряемо и награждаемо. 16) Въ каждомъ городѣ учредятся на казенномъ иждевеніи народныя училища. 17) Училища сіи будутъ осматриваемы духовенствомъ. 18) Всѣ церкви будутъ содержаться на иждивеніи правительства. 19) Въ каждомъ уѣздѣ будетъ дѣлано ежегодное исчисленіе жителей и каждые три года будутъ посылаемы особые чиновники для собранія сихъ списковъ. 20) Учредятся двѣ академіи, гражданская и военная; оныя будутъ одна отъ другой отдѣлены и назначены для воспитанія сыновей гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ. 21) Для подкидышей и незаконнорожденныхъ дѣтей учредятся особыя заведенія, въ коихъ они будутъ воспитываемы и потомъ отдаваемы въ службу, смотря по способностямъ; отличившихся же императрица можетъ причислить къ законнорожденнымъ съ предоставленіемъ права носить желтую кокарду съ черными краями. 22) Наконецъ подтверждается всѣмъ вѣрноподданнымъ признавать ее настоящею императрицею и проч.

Въ письмахъ своихъ къ кардиналу Албани Елизавета объявила требованія свои на Всероссійскій престолъ, говоря, что небо назначило ей вѣнецъ для благосостоянія церкви и счастія народовъ.— Албани ей отвѣчалъ, что онъ благодаритъ ее за довѣренность, что она можетъ во всемъ положиться на аббата Рокатани, что истина требованій ея не подлежитъ сомнѣнію и что онъ желаетъ ей возможныхъ успѣховъ. —Тогда Елизавета объяснила ему всѣ свои планы; она писала между прочимъ: „Мы имѣемъ преимущество; всѣ народы за насъ; но все бы погибло, ежели бы можно было проникнуть въ наши виды.—Я намѣревалась проѣхать въ Константинополь чрезъ Рагузу.—На что мнѣ было рѣшиться въ критическихъ обстоятельствахъ? я могла лишиться жизни и чести.—Надлежало вооружиться мужествомъ и избрать другую дорогу.—Всѣ способы истощились; письма мои перехватывали; одно только Провидѣніе укрѣпляло насъ своею силою.—Но возвращаясь къ главному предмету, ежели я буду только имѣть счастіе побѣдить непріятелей, то не примину заключить договоръ съ римскимъ дворомъ, и употреблю всѣ возможныя средства, чтобы народъ призналъ власть римской церкви. Все

сіе никому иному неизвѣстно, и я заклинаю васъ хранить тайну". — Далѣе она говоритъ, что будетъ содѣйствовать кардиналу Албани къ достиженію папскаго престола, и наконецъ проситъ не опасаться, чтобы полъ ея измѣнилъ твердости ея намѣреній.

Въ то же время принцесса сія обращалась къ польскому министру маркизу Античи и искала случая съ нимъ объясниться лично, но обстоятельства заставляли его не обращать на то вниманія. Принцесса писала къ нему письма, изъ коихъ въ послѣднемъ увѣдомляла, что ей должно поговорить объ дѣлахъ, касающихся до польскаго короля, и министръ согласился.

Въ личномъ свиданіи съ Античи принцесса сказывала о себѣ что она дочь императрицы россійской Елизаветы, рожденная отъ тайнаго брака ея съ княземъ Разумовскимъ, гетманомъ казацкимъ; что воспитана въ Персіи при одномъ изъ родственниковъ сего князя, что персидскими деньгами возбудила въ Россіи народное волненіе въ свою пользу, что имѣетъ всѣ средства къ доставленію себѣ успѣха, и что по сей причинѣ желаетъ отправиться прежде въ Берлинъ, а потомъ въ Варшаву для личнаго свиданія съ королемъ, коему намѣрена сообщить многіе планы, могущіе послужить къ собственной его и Рѣчи Посполитой пользѣ, и посему требовала она Античи совѣта и преподанія средствъ къ свиданію.

Античи усмотрѣлъ хитрости ея разговора; ему казалось, что она должна быть воспитана въ Германіи, ибо она говорила хорошо по-французски, играла на арфѣ, прекрасно рисовала и показывала большія свѣдѣнія въ архитектурѣ.

Принцесса сія имѣла прекрасный видъ и станъ, прекрасную грудь, бѣлое тѣло, румянецъ на лицѣ, лѣвый глазъ немного косой,— имѣла много ума, большія познанія, глубокія свѣдѣнія тогдашнихъ политическихъ системъ, о состояніи Дворовъ и въ особенности Польши и Сѣвера, прекрасно изъяснялась на французскомъ языкѣ и притомъ, съ такимъ искусствомъ и ловкимъ изложеніемъ мыслей, что могла привести въ замѣшательство всякаго, не очень осторожнаго.

Вскорѣ Античи уразумѣлъ, что всѣ ея намѣренія клонились къ полученію денегъ, коими она надѣялась поддерживать кредитъ свой для достиженія главной цѣли своей; она не щадила никакихъ учтивостей и выдумокъ. — Въ письмѣ отъ 17-го января она изъясняла: „Въ собесѣдованіи моемъ съ Вами я нашла въ Васъ столько благородности, ума и добродѣтелей, что даже и по сіе время нахожусь

сіе никому иному неизвѣстно, и я заклинаю васъ хранить тайну". — Далѣе она говоритъ, что будетъ содѣйствовать кардиналу Албани къ достиженію папскаго престола, и наконецъ проситъ не опасаться, чтобы полъ ея измѣнилъ твердости ея намѣреній.

Въ то же время принцесса сія обращалась къ польскому министру маркизу Античи и искала случая съ нимъ объясниться лично, но обстоятельства заставляли его не обращать на то вниманія. Принцесса писала къ нему письма, изъ коихъ въ послѣднемъ увѣдомляла, что ей должно поговорить объ дѣлахъ, касающихся до польскаго короля, и министръ согласился.

Въ личномъ свиданіи съ Античи принцесса сказывала о себѣ что она дочь императрицы россійской Елизаветы, рожденная отъ тайнаго брака ея съ княземъ Разумовскимъ, гетманомъ казацкимъ; что воспитана въ Персіи при одномъ изъ родственниковъ сего князя, что персидскими деньгами возбудила въ Россіи народное волненіе въ свою пользу, что имѣетъ всѣ средства къ доставленію себѣ успѣха, и что по сей причинѣ желаетъ отправиться прежде въ Берлинъ, а потомъ въ Варшаву для личнаго свиданія съ королемъ, коему намѣрена сообщить многіе планы, могущіе послужить къ собственной его и Рѣчи Посполитой пользѣ, и посему требовала она Античи совѣта и преподанія средствъ къ свиданію.

Античи усмотрѣлъ хитрости ея разговора; ему казалось, что она должна быть воспитана въ Германіи, ибо она говорила хорошо по-французски, играла на арфѣ, прекрасно рисовала и показывала большія свѣдѣнія въ архитектурѣ.

Принцесса сія имѣла прекрасный видъ и станъ, прекрасную грудь, бѣлое тѣло, румянецъ на лицѣ, лѣвый глазъ немного косой,— имѣла много ума, большія познанія, глубокія свѣдѣнія тогдашнихъ политическихъ системъ, о состояніи Дворовъ, и въ особенности Польши и Сѣвера, прекрасно изъяснялась на французскомъ языкѣ и при томъ, съ такимъ искусствомъ и ловкимъ изложеніемъ мыслей, что могла привести въ замѣшательство всякаго, не очень осторожнаго.

Вскорѣ Античи уразумѣлъ, что всѣ ея намѣренія клонились къ полученію денегъ, коими она надѣялась поддерживать кредитъ свой для достиженія главной цѣли своей; она не щадила никакихъ учтивостей и выдумокъ. — Въ письмѣ отъ 17-го января она изъясняла: „Въ собесѣдованіи моемъ съ Вами я нашла въ Васъ столько благородности, ума и добродѣтелей, что даже и по сіе время нахожусь

въ океанѣ размышленій и удивленія... вчера ввечеру я получила множество писемъ, адресованныхъ ко мнѣ въ Рагузу; въ то же время получила я извѣстіе, что миръ будетъ ратификованъ. — Невозможно изобразить смятеній, царствующихъ теперь при Портѣ". — Потомъ она объясняетъ, что намѣрена обратиться къ Польшѣ, и что отправитъ курьера въ Берлинъ, — и продолжаетъ: „Я ничего для себя не желаю, но хочу только имѣть славу возстановленія Польши; я имѣю къ тому средства, не замедлю доставить королю нужныя суммы денегъ изъ Персіи для веденія войны, съ нимъ соединится и нашъ народъ; что же касается до короля Прусскаго, я это принимаю на себя, и потому должно о семъ подумать особо! Курьеръ, котораго мы отправимъ въ Константинополь, будетъ имѣть депеши и въ Персію.—Увидѣвшись съ королемъ, отправлюсь въ Польскую украйну (Cosaquie appartenante à la Pologne), а ѣдучи въ Польшу, повидаюсь также и съ королемъ Прусскимъ; на пути же отсюда въ Берлинъ будетъ мнѣ довольно времени надуматься о депешахъ, кои онъ получилъ съ нашимъ курьеромъ; никто сего не будетъ подозрѣвать, ибо всѣ думаютъ, что я отправляюсь въ Германію въ Имперскія земли. Какой бы ни приняли оборотъ дѣла наши, я всегда найду средство воспрепятствовать злу.—Небо, поборающее намъ, доставитъ намъ успѣхъ, ежели станутъ намъ помогать; въ противномъ случаѣ я оставляю всѣхъ и устрою для себя пріятное убѣжище".—Письмо сіе заключаетъ она испрашиваніемъ совѣта у Античи и увѣреніемъ, что благодарность ея будетъ вѣчна.

Античи отвѣчалъ 19 января, что онъ не знаетъ лучше соотвѣтствовать ея довѣренности, какъ чистосердечнымъ совѣтомъ:—„И такъ позвольте, чтобы я Вамъ предложилъ избрать то самое намѣреніе, которое я усматриваю въ Вашемъ письмѣ, то есть, чтобы, оставя всякіе планы, удалиться въ пріятное уединеніе.—Всякое иное намѣреніе покажется для благомыслящихъ людей опаснымъ, и даже противнымъ долгу и гласу совѣсти; оно можетъ даже показаться химерическимъ, или по крайней мѣрѣ источникомъ бѣдствій".

5 февраля Елисавета благодарила его за совѣтъ, хвалила его благоразуміе, проницательность, просила извинить въ причиненномъ ею безпокойствѣ и обѣщала удалиться въ Германію. Античи поздравилъ ее вѣжливо съ предпринятымъ намѣреніемъ.

Изъ оставшихся писемъ, касательно пребыванія ея въ Римѣ, явствуетъ, что она не щадила разсказовъ для поддержанія высокаго о себѣ мнѣнія.—Она говорила, напримѣръ, что имѣетъ на Архипелагѣ въ распоряженіи своемъ цѣлый флотъ, что можетъ жаловать кавалерскій Голштинскій орденъ съ инвеститурою богатыхъ коман-

въ океанѣ размышленій и удивленія... вчера ввечеру я получила множество писемъ, адресованныхъ ко мнѣ въ Рагузу; въ то же время получила я извѣстіе, что миръ будетъ ратификованъ. — Невозможно изобразить смятеній, царствующихъ теперь при Портѣ". — Потомъ она объясняетъ, что намѣрена обратиться къ Польшѣ, и что отправитъ курьера въ Берлинъ, — и продолжаетъ: „Я ничего для себя не желаю, но хочу только имѣть славу возстановленія Польши; я имѣю къ тому средства, не замедлю доставить королю нужныя суммы денегъ изъ Персіи для веденія войны, съ нимъ соединится и нашъ народъ; что же касается до короля Прусскаго, я это принимаю на себя, и потому должно о семъ подумать особо! Курьеръ, котораго мы отправимъ въ Константинополь, будетъ имѣть депеши и въ Персію.—Увидѣвшись съ королемъ, отправлюсь въ Польскую украйну (Cosaquie appartenante à la Pologne), а ѣдучи въ Польшу, повидаюсь также и съ королемъ Прусскимъ; на пути же отсюда въ Берлинъ будетъ мнѣ довольно времени надуматься о депешахъ, кои онъ получилъ съ нашимъ курьеромъ; никто сего не будетъ подозрѣвать, ибо всѣ думаютъ, что я отправляюсь въ Германію въ Имперскія земли. Какой бы ни приняли оборотъ дѣла наши, я всегда найду средство воспрепятствовать злу.—Небо, побороающее намъ, доставитъ намъ успѣхъ, ежели станутъ намъ помогать; въ противномъ случаѣ я оставляю всѣхъ и устрою для себя пріятное убѣжище".—Письмо сіе заключаетъ она испрашиваніемъ совѣта у Античи и увѣреніемъ, что благодарность ея будетъ вѣчна.

Античи отвѣчалъ 19 января, что онъ не знаетъ лучше соотвѣтствовать ея довѣренности, какъ чистосердечнымъ совѣтомъ:—„И такъ позвольте, чтобы я Вамъ предложилъ избрать то самое намѣреніе, которое я усматриваю въ Вашемъ письмѣ, то есть, чтобы, оставя всякіе планы, удалиться въ пріятное уединеніе.—Всякое иное намѣреніе покажется для благомыслящихъ людей опаснымъ, и даже противнымъ долгу и гласу совѣсти; оно можетъ даже показаться химерическимъ, или по крайней мѣрѣ источникомъ бѣдствій".

5 февраля Елисавета благодарила его за совѣтъ, хвалила его благоразуміе, проницательность, просила извинить въ причиненномъ ею безпокойствѣ и обѣщала удалиться въ Германію. Античи поздравилъ ее вѣжливо съ предпринятымъ намѣреніемъ.

Изъ оставшихся писемъ, касательно пребыванія ея въ Римѣ, явствуетъ, что она не щадила разсказовъ для поддержанія высокаго о себѣ мнѣнія.—Она говорила, напримѣръ, что имѣетъ на Архипелагѣ въ распоряженіи своемъ цѣлый флотъ, что можетъ жаловать кавалерскій Голштинскій орденъ съ инвеститурою богатыхъ коман-

дарствъ, что первый министръ Трирскій есть ея великій другъ и предлагаетъ ей свои услуги въ заключеніи трактата о сочетаніи ея бракомъ съ герцогомъ Голштинскимъ, но при семъ надлежало бы ей согласиться перемѣнить религію и отказаться отъ правъ на Всероссійскій престолъ.—Говоря о своихъ планахъ, она хвастала, что можетъ доставить блаженство Польшѣ, что оставитъ для Екатерины Петербургъ и уголокъ Лифляндіи, что короля прусскаго постарается усыпить, и что ничего не опасается со стороны австрійцевъ.—Въ письмѣ къ графу Орлову изъясняла между прочимъ, что Разумовскій предводительствуетъ частію ея народа подъ именемъ Пугачева и пользуется особенною любовію народною, каковою одушевлены всѣ русскіе къ законнымъ наслѣдникамъ престола.

Достойны также замѣчанія нѣкоторыя изъ разныхъ о ней заключеній.—По словамъ Чіадсея, происхожденіе ея знатно; онъ говорилъ, что помнитъ, какъ видѣлъ ее неоднократно въ императорскомъ дворцѣ въ Петербургѣ, гдѣ онъ служилъ въ военной службѣ, и слышалъ тогда, что она была обручена сыну дяди Петра III-го, который былъ внукомъ Георгія, герцога Голштинскаго.—Онъ присовокупляетъ, что принцесса сія, по смерти мужа и тестя, бывшаго ревельскимъ губернаторомъ, уѣхала въ Петербургъ и пребывала въ Кенигсбергѣ, куда принуждена была удалиться по причинѣ перемѣны правительства. Другой современникъ, Г. Лескарисъ, увѣрялъ, что она дочь императора турецкаго. Многіе почитали ее также знатною польскою уроженкою.

Между тѣмъ прибылъ въ Римъ русской службы маіоръ Христіанецкій, одинъ изъ свиты находившагося въ Ливорно графа Орлова, и пріѣздомъ своимъ привелъ принцессу въ великое опасеніе.—Вскорѣ замѣчено, что недовѣрчивость ихъ обратилась во взаимную пріязнь, и что русскій чиновникъ сталъ ее навѣщать очень часто. Потомъ графъ Орловъ освѣдомлялся о ней чрезъ одного англичанина и въ случаѣ нужды поручилъ ему снабдить ее деньгами на дорогу. Сначала она было отвергнула предложеніе сіе съ негодованіемъ, но послѣ, вслѣдствіе личнаго свиданія съ англичаниномъ, приняла оное и, уплативъ долги свои, выѣхала неожиданно изъ Рима по утру 11 числа февраля.

Что съ нею послѣдовало потомъ, неизвѣстно; но 20 марта писано изъ Пизы о ея пребываніи въ семъ городѣ.—Въ семъ письмѣ сказано, что графъ Орловъ нанималъ для нея квартиру, ѣздилъ съ нею на прогулку и въ театръ и обходился съ нею почтительно.—Никто изъ русскихъ чиновниковъ не садился въ ея присутствіи; если же кто говорилъ съ нею, то, казалось, стоялъ на колѣнахъ.—Замѣчено

дарствъ, что первый министръ Трирскій есть ея великій другъ и предлагаетъ ей свои услуги въ заключеніи трактата о сочетаніи ея бракомъ съ герцогомъ Голштинскимъ, но при семъ надлежало бы ей согласиться перемѣнить религію и отказаться отъ правъ на Всероссійскій престолъ.—Говоря о своихъ планахъ, она хвастала, что можетъ доставить блаженство Польшѣ, что оставитъ для Екатерины Петербургъ и уголокъ Лифляндіи, что короля прусскаго постарается усыпить, и что ничего не опасается со стороны австрійцевъ.—Въ письмѣ къ графу Орлову изъясняла между прочимъ, что Разумовскій предводительствуетъ частію ея народа подъ именемъ Пугачева и пользуется особенною любовію народною, каковою одушевлены всѣ русскіе къ законнымъ наслѣдникамъ престола.

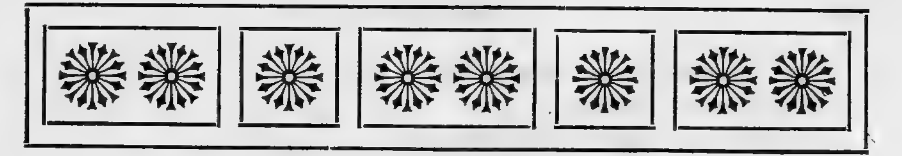
Достойны также замѣчанія нѣкоторыя изъ разныхъ о ней заключеній.—По словамъ Чіадсея, происхожденіе ея знатно; онъ говорилъ, что помнитъ, какъ видѣлъ ее неоднократно въ императорскомъ дворцѣ въ Петербургѣ, гдѣ онъ служилъ въ военной службѣ, и слышалъ тогда, что она была обручена сыну дяди Петра III-го, который былъ внукомъ Георгія, герцога Голштинскаго.—Онъ присовокупляетъ, что принцесса сія, по смерти мужа и тестя, бывшаго ревельскимъ губернаторомъ, уѣхала въ Петербургъ и пребывала въ Кенигсбергѣ, куда принуждена была удалиться по причинѣ перемѣны правительства. Другой современникъ, Г. Лескарисъ, увѣрялъ, что она дочь императора турецкаго. Многіе почитали ее также знатною польскою уроженкою.

Между тѣмъ прибылъ въ Римъ русской службы маіоръ Христіанецкій, одинъ изъ свиты находившагося въ Ливорно графа Орлова, и пріѣздомъ своимъ привелъ принцессу въ великое опасеніе.—Вскорѣ замѣчено, что недовѣрчивость ихъ обратилась во взаимную пріязнь, и что русскій чиновникъ сталъ ее навѣщать очень часто. Потомъ графъ Орловъ освѣдомлялся о ней чрезъ одного англичанина и въ случаѣ нужды поручилъ ему снабдить ее деньгами на дорогу. Сначала она было отвергнула предложеніе сіе съ негодованіемъ, но послѣ, вслѣдствіе личнаго свиданія съ англичаниномъ, приняла оное и, уплативъ долги свои, выѣхала неожиданно изъ Рима по утру 11 числа февраля.

Что съ нею послѣдовало потомъ, неизвѣстно; но 20 марта писано изъ Пизы о ея пребываніи въ семъ городѣ.—Въ семъ письмѣ сказано, что графъ Орловъ нанималъ для нея квартиру, ѣздилъ съ нею на прогулку и въ театръ и обходился съ нею почтительно.—Никто изъ русскихъ чиновниковъ не садился въ ея присутствіи; если же кто говорилъ съ нею, то, казалось, стоялъ на колѣнахъ.—Замѣчено

также, что госпожа Демидова (Давыдова), до того времени не разлучная съ графомъ, уже нигдѣ болѣе съ нимъ не являлась.— Изъ Пизы отправился онъ съ принцессою въ Ливорно, а оттуда, какъ сказывали, въ Бордо, гдѣ, по словамъ нѣкоторыхъ, она была взята подъ стражу контръ-адмираломъ Грейсомъ, а въ Пизѣ велѣно забрать оставшуюся ея свиту.—Наконецъ, пронесся тамъ слухъ, что Елисавета и сопутникъ ея лишились жизни въ Бордо.

также, что госпожа Демидова (Давыдова), до того времени не разлучная съ графомъ, уже нигдѣ болѣе съ нимъ не являлась.— Изъ Пизы отправился онъ съ принцессою въ Ливорно, а оттуда, какъ сказывали, въ Бордо, гдѣ, по словамъ нѣкоторыхъ, она была взята подъ стражу контръ-адмираломъ Грейсомъ, а въ Пизѣ велѣно забрать оставшуюся ея свиту.—Наконецъ, пронесся тамъ слухъ, что Елисавета и сопутникъ ея лишились жизни въ Бордо.



Записки графа Ланжерона.

Война съ Турціей 1806—1812 гг. [1])

Переводъ съ французской рукописи, подъ редакціей Е. Каменскаго.

Кампанія 1808 года.

Главнокомандующій южной арміей князь Прозоровскій расположилъ свои войска по зимнимъ квартирамъ въ Бессарабіи, Молдавіи и въ обѣихъ Валахіяхъ слѣдующимъ образомъ:

1) Въ Малой Валахіи отрядъ генералъ-маіора Исаева 1-го;

Штабъ квартирка въ Краіовѣ,

6 баталіоновъ пѣхоты,

4—12-ти фунтовыхъ пушки,

6 орудій казачей донской артиллеріи,

2) Корпусъ генералъ-лейтенанта Милорадовича.

Штабъ квартира-Бухарестъ,

12 баталіоновъ пѣхоты,

20 эскадроновъ конницы,

8—12-ти фунтовыхъ пушекъ,

12 конно-артиллерійскихъ орудій.

Понтонный полубаталіонъ,

1 баталіонъ піонеровъ,

3 полка казаковъ.

Отрядъ генерала Исаева находился въ подчиненіи генерала Милорадовича, а авангардомъ его корпуса командовалъ генералъ-маіоръ Уланіусъ.

3) Авангардъ арміи подъ командой генерала Платова.

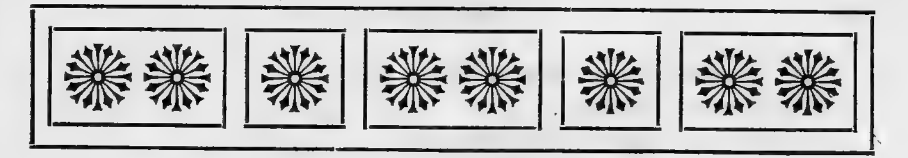
Штабъ-квартира—Бузео.

6 баталіоновъ пѣхоты,

---

[1]) См. „Русская Старина“ 1907 г., августъ.

*



Записки графа Ланжерона.

Война съ Турціей 1806—1812 гг. [1])

Переводъ съ французской рукописи, подъ редакціей Е. Каменскаго.

Кампанія 1808 года.

Главнокомандующій южной арміей князь Прозоровскій расположилъ свои войска по зимнимъ квартирамъ въ Бессарабіи, Молдавіи и въ обѣихъ Валахіяхъ слѣдующимъ образомъ:

1) Въ Малой Валахіи отрядъ генералъ-маіора Исаева 1-го;

Штабъ квартирка въ Краіовѣ,

6 баталіоновъ пѣхоты,

4—12-ти фунтовыхъ пушки,

6 орудій казачей донской артиллеріи,

2) Корпусъ генералъ-лейтенанта Милорадовича.

Штабъ квартира-Бухарестъ,

12 баталіоновъ пѣхоты,

20 эскадроновъ конницы,

8—12-ти фунтовыхъ пушекъ,

12 конно-артиллерійскихъ орудій.

Понтонный полубаталіонъ,

1 баталіонъ піонеровъ,

3 полка казаковъ.

Отрядъ генерала Исаева находился въ подчиненіи генерала Милорадовича, а авангардомъ его корпуса командовалъ генералъ-маіоръ Уланіусъ.

3) Авангардъ арміи подъ командой генерала Платова.

Штабъ-квартира—Бузео.

6 баталіоновъ пѣхоты,

---

[1]) См. „Русская Старина“ 1907 г., августъ.

*

12 орудій конной артиллеріи,

6 полковъ казаковъ.

4) Корпусъ графа Сергѣя Каменскаго.

Штабъ-квартира—Фокшаны.

(Галацкій отрядъ генералъ-маіора Колюбакина былъ также подчиненъ графу Каменскому).

12 баталіоновъ пѣхоты (изъ нихъ одинъ былъ составленъ изъ Кіевскаго ополченія).

20 эскадроновъ конницы,

12—12-ти фунтовыхъ пушекъ,

1 понтонный полубаталіонъ,

1 казачій полкъ.

5) Отрядъ генералъ-лейтенанта Засса.

Штабъ-квартира—Каларашъ на Прутѣ. Отрядъ, расположенный въ Рени подъ командой генералъ-маіора Ловейко, былъ подчиненъ генер.-лейт. Зассу.

7 баталіоновъ пѣхоты,

10 эскадроновъ конницы,

10 донскихъ орудій,

2 сотни казаковъ.

6) Отрядъ генер.-лейтенанта графа Ланжерона.

Штабъ-квартира—Формоза.

12 баталіоновъ, изъ нихъ 2 изъ Кіевскаго ополченія,

12—12-ти фунт. пушекъ,

8 полковъ казаковъ.

7) Отрядъ генер.-лейтенанта Рота.

Штабъ-квартира—Килія,

9 баталіоновъ пѣхоты, изъ которыхъ 1 гарнизонный,

1 баталіонъ піонеровъ,

5 эскадроновъ конницы,

1 казачій полкъ.

8) Отрядъ генер.-лейтенанта князя Гика.

Штабъ-квартира—Яссы.

7 баталіононъ пѣхоты,

12 донскихъ орудій,

6 полковъ казаковъ.

9) Резервный корпусъ ген.-лейт. Ртищева.

Штабъ-квартира—Кишеневъ.

6 баталіоновъ пѣхоты,

12 донскихъ конно-артиллерійскихъ орудій,

6 полковъ казаковъ,

1 понтонный баталіонъ.

12 орудій конной артиллеріи,

6 полковъ казаковъ.

4) Корпусъ графа Сергѣя Каменскаго.

Штабъ-квартира—Фокшаны.

(Галацкій отрядъ генералъ-маіора Колюбакина былъ также подчиненъ графу Каменскому).

12 баталіоновъ пѣхоты (изъ нихъ одинъ былъ составленъ изъ Кіевскаго ополченія).

20 эскадроновъ конницы,

12—12-ти фунтовыхъ пушекъ,

1 понтонный полубаталіонъ,

1 казачій полкъ.

5) Отрядъ генералъ-лейтенанта Засса.

Штабъ-квартира—Каларашъ на Прутѣ. Отрядъ, расположенный въ Рени подъ командой генералъ-маіора Ловейко, былъ подчиненъ генер.-лейт. Зассу.

7 баталіоновъ пѣхоты,

10 эскадроновъ конницы,

10 донскихъ орудій,

2 сотни казаковъ.

6) Отрядъ генер.-лейтенанта графа Ланжерона.

Штабъ-квартира—Формоза.

12 баталіоновъ, изъ нихъ 2 изъ Кіевскаго ополченія,

12—12-ти фунт. пушекъ,

8 полковъ казаковъ.

7) Отрядъ генер.-лейтенанта Рота.

Штабъ-квартира—Килія,

9 баталіоновъ пѣхоты, изъ которыхъ 1 гарнизонный,

1 баталіонъ піонеровъ,

5 эскадроновъ конницы,

1 казачій полкъ.

8) Отрядъ генер.-лейтенанта князя Гика.

Штабъ-квартира—Яссы.

7 баталіононъ пѣхоты,

12 донскихъ орудій,

6 полковъ казаковъ.

9) Резервный корпусъ ген.-лейт. Ртищева.

Штабъ-квартира—Кишеневъ.

6 баталіоновъ пѣхоты,

12 донскихъ конно-артиллерійскихъ орудій,

6 полковъ казаковъ,

1 понтонный баталіонъ.

10) Гарнизоны:

1 баталіонъ въ Хотинѣ,

1 баталіонъ въ Бендерахъ,

3 баталіона Полтавскаго ополченія въ окрестностяхъ Бендеръ.

Итого:

80 эскадроновъ,

82 батальона (изъ которыхъ 9 ополченскихъ и гарнизонныхъ),

48—12-ти фунтовыхъ пушекъ,

48 конно-артиллерійскихъ орудій, изъ которыхъ 24 Донской артиллеріи 110 полковыхъ пушекъ,

2 понтонныхъ баталіона,

2 піонерныхъ баталіона,

27 казачьихъ полковъ.

Всего 80.000 человѣкъ.

Князь Прозоровскій провелъ зиму въ Яссахъ, гдѣ былъ расположенъ и его штабъ. Роскошь, богатство и порядокъ, господствовавшіе въ главной квартирѣ, выказывали въ главнокомандующемъ барина, достойнаго представителя Россіи; онъ три раза въ день приглашалъ къ себѣ за столъ болѣе 100 человѣкъ. Несмотря на преклонные годы кн. Прозоровскаго, его дѣятельность была необыкновенна. Онъ не имѣлъ ни минуты покоя, который былъ ему такъ необходимъ.

Его умственная дѣятельность, связанная съ неусыпной любовью къ работѣ, входила во всѣ подробности жизни войскъ его арміи; магазины, канцелярія, транспорты, почта—все было устроено имъ въ полномъ порядкѣ, а служба во всѣхъ частяхъ была такъ хорошо организована, что и при преемникахъ его, менѣе свѣдущихъ, сохранился его духъ. Его ревность къ службѣ, иногда даже чрезмѣрная, его лѣта, чинъ и представительность, которой онъ себя окружалъ, все внушало къ нему уваженіе. Его желаніе славы своему отечеству и государю, его патріотизмъ и глубокая честность заставляли относиться къ нему съ уваженіемъ даже тѣхъ, которые имѣли дѣло съ его строгостью. Тѣмъ не менѣе, онъ со всѣми нами обращался какъ съ дѣтьми, не имѣвшими никакого понятія о войнѣ и о службѣ. Я слышалъ, какъ онъ говорилъ генералу Аракчееву, которому было 52 года, и генералу Кутузову 64-хъ лѣтъ, что они были слишкомъ молоды, чтобы знать то, о чемъ онъ имъ говорилъ. Прозоровскій привезъ съ собой своихъ клевретовъ, но его выборъ былъ рѣдко удаченъ.

М. Кушниковъ былъ прежде его адъютантомъ, а впослѣдствіи адъютантомъ у Суворова въ Италіянской кампаніи, потомъ вице-губернаторомъ въ Москвѣ, губернаторомъ въ Петербургѣ и сенаторомъ.

10) Гарнизоны:

1 баталіонъ въ Хотинѣ,

1 баталіонъ въ Бендерахъ,

3 баталіона Полтавскаго ополченія въ окрестностяхъ Бендеръ.

Итого:

80 эскадроновъ,

82 батальона (изъ которыхъ 9 ополченскихъ и гарнизонныхъ),

48—12-ти фунтовыхъ пушекъ,

48 конно-артиллерійскихъ орудій, изъ которыхъ 24 Донской артиллеріи 110 полковыхъ пушекъ,

2 понтонныхъ баталіона,

2 піонерныхъ баталіона,

27 казачьихъ полковъ.

Всего 80.000 человѣкъ.

Князь Прозоровскій провелъ зиму въ Яссахъ, гдѣ былъ расположенъ и его штабъ. Роскошь, богатство и порядокъ, господствовавшіе въ главной квартирѣ, выказывали въ главнокомандующемъ барина, достойнаго представителя Россіи; онъ три раза въ день приглашалъ къ себѣ за столъ болѣе 100 человѣкъ. Несмотря на преклонные годы кн. Прозоровскаго, его дѣятельность была необыкновенна. Онъ не имѣлъ ни минуты покоя, который былъ ему такъ необходимъ. Его умственная дѣятельность, связанная съ неусыпной любовью къ работѣ, входила во всѣ подробности жизни войскъ его арміи; магазины, канцелярія, транспорты, почта—все было устроено имъ въ полномъ порядкѣ, а служба во всѣхъ частяхъ была такъ хорошо организована, что и при преемникахъ его, менѣе свѣдущихъ, сохранился его духъ. Его ревность къ службѣ, иногда даже чрезмѣрная, его лѣта, чинъ и представительность, которой онъ себя окружалъ, все внушало къ нему уваженіе. Его желаніе славы своему отечеству и государю, его патріотизмъ и глубокая честность заставляли относиться къ нему съ уваженіемъ даже тѣхъ, которые имѣли дѣло съ его строгостью. Тѣмъ не менѣе, онъ со всѣми нами обращался какъ съ дѣтьми, не имѣвшими никакого понятія о войнѣ и о службѣ. Я слышалъ, какъ онъ говорилъ генералу Аракчееву, которому было 52 года, и генералу Кутузову 64-хъ лѣтъ, что они были слишкомъ молоды, чтобы знать то, о чемъ онъ имъ говорилъ. Прозоровскій привезъ съ собой своихъ клевретовъ, но его выборъ былъ рѣдко удаченъ.

М. Кушниковъ былъ прежде его адъютантомъ, а впослѣдствіи адъютантомъ у Суворова въ Италіянской кампаніи, потомъ вице-губернаторомъ въ Москвѣ, губернаторомъ въ Петербургѣ и сенаторомъ.

Прозоровскій назначилъ его предсѣдателемъ совѣта въ Валахіи и въ Молдавіи. Это былъ человѣкъ умный, исполнительный, привѣтливый и хорошаго общества, знающій дѣло и строгій.

Говорили, что онъ съумѣлъ воспользоваться выгодами, представлявшимися въ этихъ двухъ деморализованныхъ областяхъ, которыми онъ управлялъ, гдѣ раньше не знали, что можно обойтись и безъ подкуповъ. Я думаю, что на него клеветали и что ему приписывали вины его подчиненныхъ, которые, какъ и всѣ служащіе въ Россіи, были не безъ грѣха. Кушниковъ былъ особенно виноватъ, приблизивъ къ себѣ человѣка низкаго происхожденія, по фамиліи Крупинскаго, молодого, умнаго, ловкаго, но страшно испорченнаго и безнравственнаго, который продавалъ мѣста и негласно дѣлился взятками съ сенаторомъ; но все это не доказано, а потому я не могу это утверждать. Кушниковъ никогда не былъ тѣмъ, чѣмъ его считали; онъ всегда былъ честнымъ человѣкомъ.

Нужно отдать ему справедливость, что онъ вручилъ гражданское управленіе Молдавіи такимъ людямъ, которые дѣйствительно заслуживали отличія, и что эта область была во время войны настолько хорошо управляема, насколько это возможно въ странѣ, гдѣ нѣтъ законовъ, правосудія и нравственности. Старый Георгій Большій, принадлежавшій къ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій страны, былъ казначеемъ и, фактически, первымъ министромъ и оставался имъ до самой смерти. Преемникъ его Козатъ Разнованъ сохранилъ за собой это мѣсто, вопреки господствующаго обычая страны ежегодно смѣнять чиновниковъ; онъ былъ человѣкъ большого ума, но совершеннѣйшей коректурой Большаго.

Остальные члены Дивана были также хорошо выбраны. Но если Кушниковъ дѣлалъ удачный выборъ служащихъ въ Молдавіи, то въ Валахіи онъ не проявилъ ни прозорливости, ни твердости или вѣрнѣе онъ уступилъ вліянію Милорадовича, съ которымъ былъ друженъ еще съ Италіянской кампаніи. Въ чемъ дѣйствительно можно было упрекать Кушникова, такъ это въ дѣлѣ Роя—Ротина. Когда турки назначили туда пашу и учредили округъ подъ названіемъ Роя (такой же какъ и Браиловъ въ Аргіевѣ и другихъ крѣпостяхъ), какъ содержаніе паши, они взяли для этой цѣли земли молдавскихъ бояръ, давъ имъ за это солидное вознагражденіе. Когда же мы заняли области, то бояре эти потребовали обратно свои земли, на которыя они уже не имѣли никакихъ правъ. Кушниковъ приказалъ возвратить имъ эти земли, несмотря на большой доходъ, который онѣ приносили странѣ; это странное распоряженіе вызвало разговоры, что Кушниковъ получилъ не малый кушъ за свое благодѣяніе.

Прозоровскій назначилъ его предсѣдателемъ совѣта въ Валахіи и въ Молдавіи. Это былъ человѣкъ умный, исполнительный, привѣтливый и хорошаго общества, знающій дѣло и строгій.

Говорили, что онъ съумѣлъ воспользоваться выгодами, представлявшимися въ этихъ двухъ деморализованныхъ областяхъ, которыми онъ управлялъ, гдѣ раньше не знали, что можно обойтись и безъ подкуповъ. Я думаю, что на него клеветали и что ему приписывали вины его подчиненныхъ, которые, какъ и всѣ служащіе въ Россіи, были не безъ грѣха. Кушниковъ былъ особенно виноватъ, приблизивъ къ себѣ человѣка низкаго происхожденія, по фамиліи Крупинскаго, молодого, умнаго, ловкаго, но страшно испорченнаго и безнравственнаго, который продавалъ мѣста и негласно дѣлился взятками съ сенаторомъ; но все это не доказано, а потому я и не могу это утверждать. Кушниковъ никогда не былъ тѣмъ, чѣмъ его считали; онъ всегда былъ честнымъ человѣкомъ.

Нужно отдать ему справедливость, что онъ вручилъ гражданское управленіе Молдавіи такимъ людямъ, которые дѣйствительно заслуживали отличія, и что эта область была во время войны настолько хорошо управляема, насколько это возможно въ странѣ, гдѣ нѣтъ законовъ, правосудія и нравственности. Старый Георгій Большій, принадлежавшій къ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій страны, былъ казначеемъ и, фактически, первымъ министромъ и оставался имъ до самой смерти. Преемникъ его Козатъ Разнованъ сохранилъ за собой это мѣсто, вопреки господствующаго обычая страны ежегодно смѣнять чиновниковъ; онъ былъ человѣкъ большого ума, но совершеннѣйшей коректурой Большаго.

Остальные члены Дивана были также хорошо выбраны. Но если Кушниковъ дѣлалъ удачный выборъ служащихъ въ Молдавіи, то въ Валахіи онъ не проявилъ ни прозорливости, ни твердости или вѣрнѣе онъ уступилъ вліянію Милорадовича, съ которымъ былъ друженъ еще съ Италіянской кампаніи. Въ чемъ дѣйствительно можно было упрекать Кушникова, такъ это въ дѣлѣ Роя—Ротина. Когда турки назначили туда пашу и учредили округъ подъ названіемъ Роя (такой же какъ и Браиловъ въ Аргіевѣ и другихъ крѣпостяхъ), какъ содержаніе паши, они взяли для этой цѣли земли молдавскихъ бояръ, давъ имъ за это солидное вознагражденіе. Когда же мы заняли области, то бояре эти потребовали обратно свои земли, на которыя они уже не имѣли никакихъ правъ. Кушниковъ приказалъ возвратить имъ эти земли, несмотря на большой доходъ, который онѣ приносили странѣ; это странное распоряженіе вызвало разговоры, что Кушниковъ получилъ не малый кушъ за свое благодѣяніе.

Князь Прозоровскій поручилъ свою канцелярію нѣмцу Безаку, человѣку, обладавшему необычайной памятью, прекрасно владѣвшему русскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ языками, свѣдущимъ въ дѣлѣ, однимъ словомъ, соединявшимъ въ себѣ всѣ качества, чтобы законно пользоваться довѣріемъ своего начальника; но при всемъ этомъ, онъ былъ человѣкъ крайне безнравственный. Государь зналъ его, но нисколько не уважалъ и съ неудовольствіемъ видѣлъ, что Прозоровскій пользуется его услугами. Безакъ и раньше служилъ въ нѣсколькихъ канцеляріяхъ, но былъ уволенъ оттуда безъ права поступленія куда-либо. Несмотря на этотъ приказъ, Прозоровскій все-таки принялъ его и приблизилъ къ себѣ. Какъ и всѣ самолюбивые люди, старикъ былъ увѣренъ, что Безакъ, будучи подъ его начальствомъ и направленіемъ, не позволитъ себѣ ничего несвойственнаго его положенію; однако говорятъ, что онъ ошибся, и въ подтвержденіе этихъ слуховъ перечисляютъ нѣсколько фактовъ, которые заставляютъ вѣрить... но во всякомъ случаѣ я ничего не могу утверждать; впрочемъ, я поговорю еще объ этомъ подробнѣе въ журналѣ кампаніи 1809 года. Князь Прозоровскій привелъ также съ собой много волонтеровъ изъ Москвы и Петербурга. Они состояли, главнымъ образомъ, изъ сановниковъ, камеръ-юнкеровъ, камергеровъ, адъютантовъ свиты государя и гвардейскихъ офицеровъ, содѣйствовавшихъ блеску и величію главной квартиры.

Въ 1806 году, во время войны съ французами, въ Россіи было собрано ополченіе въ 400.000 человѣкъ, снаряженіе и содержаніе котораго, а равно и пожертвованія народа, дѣлало честь патріотизму и энергіи русскихъ и устрашило Наполеона.

Это ополченіе было раздѣлено по губерніямъ и ввѣрялось старымъ отставнымъ чинамъ, въ числѣ которыхъ были лучшія русскія фамиліи какъ-то: графъ Орловъ, князь Сергѣй Голицынъ и др. Князь Прозоровскій имѣлъ удивительную слабость къ этимъ новымъ ополченіямъ, такъ что даже послѣ роспуска ополченцевъ онъ принялъ всѣхъ офицеровъ, служившихъ тамъ, въ канцеляріи, коммиссаріаты, склады и почты. Многіе изъ нихъ по своимъ способностямъ были гораздо ниже занимаемыхъ должностей, но такъ какъ все равно должности эти должны были быть замѣщены офицерами изъ строя, что конечно ослабило бы армію, то приходилось мириться съ этимъ недостаткомъ. Мало того, кн. Прозоровскій выхлопоталъ зачисленіе всѣхъ этихъ офицеровъ въ полки, тѣми же чинами, которые они занимали въ ополченіи. Большинство этихъ новыхъ офицеровъ никогда не служившихъ въ арміи, а вышедшихъ изъ чиновниковъ губернскихъ канцелярій, не только не оправдали сдѣланнаго имъ

Князь Прозоровскій поручилъ свою канцелярію нѣмцу Безаку, человѣку, обладавшему необычайной памятью, прекрасно владѣвшему русскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ языками, свѣдущимъ въ дѣлѣ, однимъ словомъ, соединявшимъ въ себѣ всѣ качества, чтобы законно пользоваться довѣріемъ своего начальника; но при всемъ этомъ, онъ былъ человѣкъ крайне безнравственный. Государь зналъ его, но нисколько не уважалъ и съ неудовольствіемъ видѣлъ, что Прозоровскій пользуется его услугами. Безакъ и раньше служилъ въ нѣсколькихъ канцеляріяхъ, но былъ уволенъ оттуда безъ права поступленія куда-либо. Несмотря на этотъ приказъ, Прозоровскій все-таки принялъ его и приблизилъ къ себѣ. Какъ и всѣ самолюбивые люди, старикъ былъ увѣренъ, что Безакъ, будучи подъ его начальствомъ и направленіемъ, не позволитъ себѣ ничего несвойственнаго его положенію; однако говорятъ, что онъ ошибся, и въ подтвержденіе этихъ слуховъ перечисляютъ нѣсколько фактовъ, которые заставляютъ вѣрить... но во всякомъ случаѣ я ничего не могу утверждать; впрочемъ, я поговорю еще объ этомъ подробнѣе въ журналѣ кампаніи 1809 года. Князь Прозоровскій привелъ также съ собой много волонтеровъ изъ Москвы и Петербурга. Они состояли, главнымъ образомъ, изъ сановниковъ, камеръ-юнкеровъ, камергеровъ, адъютантовъ свиты государя и гвардейскихъ офицеровъ, содѣйствовавшихъ блеску и величію главной квартиры.

Въ 1806 году, во время войны съ французами, въ Россіи было собрано ополченіе въ 400.000 человѣкъ, снаряженіе и содержаніе котораго, а равно и пожертвованія народа, дѣлало честь патріотизму и энергіи русскихъ и устрашило Наполеона.

Это ополченіе было раздѣлено по губерніямъ и ввѣрялось старымъ отставнымъ чинамъ, въ числѣ которыхъ были лучшія русскія фамиліи какъ-то: графъ Орловъ, князь Сергѣй Голицынъ и др. Князь Прозоровскій имѣлъ удивительную слабость къ этимъ новымъ ополченіямъ, такъ что даже послѣ роспуска ополченцевъ онъ принялъ всѣхъ офицеровъ, служившихъ тамъ, въ канцеляріи, коммиссаріаты, склады и почты. Многіе изъ нихъ по своимъ способностямъ были гораздо ниже занимаемыхъ должностей, но такъ какъ все равно должности эти должны были быть замѣщены офицерами изъ строя, что конечно ослабило бы армію, то приходилось мириться съ этимъ недостаткомъ. Мало того, кн. Прозоровскій выхлопоталъ зачисленіе всѣхъ этихъ офицеровъ въ полки, тѣми же чинами, которые они занимали въ ополченіи. Большинство этихъ новыхъ офицеровъ никогда не служившихъ въ арміи, а вышедшихъ изъ чиновниковъ губернскихъ канцелярій, не только не оправдали сдѣланнаго имъ

довѣрія, но скорѣе, по своимъ неудовлетворительнымъ качествамъ, составляли бремя учрежденія, гдѣ они служили.

Вслѣдствіе такого наплыва новыхъ офицеровъ, служившіе въ войскахъ унтеръ-офицеры изъ дворянъ потеряли всякую надежду на скорое производство въ офицерскій чинъ.

Если такъ много было сдѣлано для ополченскихъ офицеровъ, то совершенно иначе поступили съ нижними чинами ополченій, которые были собраны только для войны съ французами и по окончаніи оной должны были быть уволены по домамъ. Однако же изъ этихъ ополченцевъ было взято насильно болѣе 100.000 человѣкъ, которыми и была укомплектована армія. Служили они плохо, многіе изъ нихъ бѣжали и были даже случаи возмущенія цѣлыхъ баталіоновъ, но всѣ они силою наказаній были приведены къ послушанію.

Главнокомандующій кн. Прозоровскій распредѣлилъ всѣ ополченія по разнымъ полкамъ, что́ можно поставить ему въ заслугу; этимъ и слѣдовало бы ограничиться, но онъ обращался съ виновными безчеловѣчно. Бѣглые солдаты и крестьяне, попавшіе въ ополченцы, были возвращены первые—въ свои полки, а вторые—своимъ господамъ; это было мѣрою благоразумной строгости. Но бродяги эти были арестованы, закованы и долгое время содержались въ Яссахъ, гдѣ они въ цѣпяхъ бродили по улицамъ и подъ конвоемъ полицейскихъ просили милостыню. Впослѣдствіи они были отправлены въ Кавказскую армію, бывшую противъ турокъ; отсюда многіе бѣжали и были очень полезны персамъ. Жалованья ополченцамъ за прошлое время заплачено не было и даже ихъ командиры и офицеры не получили ни провіантскихъ, ни фуражныхъ денегъ. Въ этомъ отношеніи кн. Прозоровскій ничего не сдѣлалъ.

Въ концѣ 1807 года прибыла 16-ая дивизія; она была только-что сформирована изъ пограничныхъ Сибирскихъ и Оренбургскихъ линейныхъ полковъ. Это были лучшіе солдаты въ Россіи, но офицеры, переведенные большею частью изъ гарнизонныхъ войскъ или поступившіе изъ уволенныхъ въ отставку, были только посредственны. Исключеніе составляли только офицеры Новгородскаго и Камчатскаго полковъ и произведенные изъ кадетъ и пажей.

Дивизія состояла:

Пѣхота:

Новгородскій полкъ (этотъ полкъ былъ прежде въ 12-ой дивизіи)... Шефъ г.-м. Репнинскій

Нейшлотскій . . . . полк. Баллъ.

Мингрельскій . . . . г.-м. Унгернстернбергъ.

Камчатскій . . . . г.-м. Тучковъ.

довѣрія, но скорѣе, по своимъ неудовлетворительнымъ качествамъ, составляли бремя учрежденія, гдѣ они служили.

Вслѣдствіе такого наплыва новыхъ офицеровъ, служившіе въ войскахъ унтеръ-офицеры изъ дворянъ потеряли всякую надежду на скорое производство въ офицерскій чинъ.

Если такъ много было сдѣлано для ополченскихъ офицеровъ, то совершенно иначе поступили съ нижними чинами ополченій, которые были собраны только для войны съ французами и по окончаніи оной должны были быть уволены по домамъ. Однако же изъ этихъ ополченцевъ было взято насильно болѣе 100.000 человѣкъ, которыми и была укомплектована армія. Служили они плохо, многіе изъ нихъ бѣжали и были даже случаи возмущенія цѣлыхъ баталіоновъ, но всѣ они силою наказаній были приведены къ послушанію.

Главнокомандующій кн. Прозоровскій распредѣлилъ всѣ ополченія по разнымъ полкамъ, что́ можно поставить ему въ заслугу; этимъ и слѣдовало бы ограничиться, но онъ обращался съ виновными безчеловѣчно. Бѣглые солдаты и крестьяне, попавшіе въ ополченцы, были возвращены первые—въ свои полки, а вторые—своимъ господамъ; это было мѣрою благоразумной строгости. Но бродяги эти были арестованы, закованы и долгое время содержались въ Яссахъ, гдѣ они въ цѣпяхъ бродили по улицамъ и подъ конвоемъ полицейскихъ просили милостыню. Впослѣдствіи они были отправлены въ Кавказскую армію, бывшую противъ турокъ; отсюда многіе бѣжали и были очень полезны персамъ. Жалованья ополченцамъ за прошлое время заплачено не было и даже ихъ командиры и офицеры не получили ни провіантскихъ, ни фуражныхъ денегъ. Въ этомъ отношеніи кн. Прозоровскій ничего не сдѣлалъ.

Въ концѣ 1807 года прибыла 16-ая дивизія; она была только-что сформирована изъ пограничныхъ Сибирскихъ и Оренбургскихъ линейныхъ полковъ. Это были лучшіе солдаты въ Россіи, но офицеры, переведенные большею частью изъ гарнизонныхъ войскъ или поступившіе изъ уволенныхъ въ отставку, были только посредственны. Исключеніе составляли только офицеры Новгородскаго и Камчатскаго полковъ и произведенные изъ кадетъ и пажей.

Дивизія состояла:

Пѣхота:

Новгородскій полкъ (этотъ полкъ былъ прежде въ 12-ой дивизіи)... Шефъ г.-м. Репнинскій

Нейшлотскій . . . . полк. Баллъ.

Мингрельскій . . . . г.-м. Унгернстернбергъ.

Камчатскій . . . . г.-м. Тучковъ.

Охотскій . . . . г.-м. Лидерсъ.
29-ый Егерскій . . . . полк. Карамонишевъ

Драгуны.

Дерптскій . . . . г.-м. графъ Паленъ.
Тираспольскій . . . . г.-м. Войновичъ, а
послѣ его смерти г.-м. Репнинскій.

Гусары.

Ольвіопольскій полкъ . . . . г.-м. Потоновъ, а
послѣ его смерти г.-м. Дегтеревъ.

Вскорѣ начальникомъ дивизіи былъ назначенъ г.-л. Николай Ртищевъ. Это былъ болѣе канцелярскій, кабинетный дѣятель, чѣмъ военный человѣкъ. Генералъ - отъ - кавалеріи Степанъ Апраксинъ, сформировавшій эту дивизію, былъ однимъ изъ самыхъ важныхъ и богатыхъ сановниковъ въ Россіи, и черезъ это занималъ высокое общественное положеніе въ Москвѣ; но онъ не былъ хорошимъ военнымъ. Князь Прозоровскій не любилъ его и, будучи крайне недовольнымъ его назначеніемъ, скоро избавился отъ него, доложивъ государю, что ввиду старости и дряхлости Апраксина и большого числа незнакомыхъ ему, Прозоровскому, генераловъ въ его арміи, онъ нуждается въ помощникѣ, которому бы онъ могъ больше довѣрять, и просилъ о назначеніи Кутузова.

Прозоровскій страшно ошибся въ своемъ выборѣ и нѣкоторое время спустя ему пришлось очень раскаяться въ своемъ избраніи.

Это назначеніе не было очень лестнымъ для Кутузова, который уже командовалъ русскими и австрійскими арміями въ войнѣ съ Наполеономъ, здѣсь же, въ войнѣ съ турками, онъ уже являлся вторымъ, но, въ силу своего характера, онъ легко подчинялся всякимъ требованіямъ и поэтому согласился на предложеніе Прозоровскаго. Онъ могъ бы быть даже полезнымъ князю, если бы не его обычная слабость къ вину и интригамъ [1]).

Кутузовъ, будучи очень умнымъ, былъ въ то же время страшно слабохарактерный и соединялъ въ себѣ ловкость, хитрость и дѣйствительные таланты съ поразительной безнравственностью. Необыкновенная память, серьезное образованіе, любезное обращеніе, разговоръ полный интереса и добродушіе (на самомъ дѣлѣ немного поддѣльное, но пріятное для довѣрчивыхъ людей)—вотъ симпатичныя стороны Кутузова; но за то его жестокость, грубость, когда онъ горячился или имѣлъ дѣло съ людьми, которыхъ нечего бояться и въ то же время его угодливость, доходящая до раболѣпства по отношенію къ высокостоящимъ, непреодолимая лѣнь, простирающаяся на

[1]) Не совсѣмъ справедливая и односторонняя характеристика Кутузова которому Ланжеронъ оставилъ только умъ и счастье. *Ред.*

Охотскій . . . . г.-м. Лидерсъ.
29-ый Егерскій . . . . полк. Карамонишевъ

Драгуны.

Дерптскій . . . . г.-м. графъ Паленъ.
Тираспольскій . . . . г.-м. Войновичъ, а
послѣ его смерти г.-м. Репнинскій.

Гусары.

Ольвіопольскій полкъ . . . . г.-м. Потоновъ, а
послѣ его смерти г.-м. Дегтеревъ.

Вскорѣ начальникомъ дивизіи былъ назначенъ г.-л. Николай Ртищевъ. Это былъ болѣе канцелярскій, кабинетный дѣятель, чѣмъ военный человѣкъ. Генералъ-отъ-кавалеріи Степанъ Апраксинъ, сформировавшій эту дивизію, былъ однимъ изъ самыхъ важныхъ и богатыхъ сановниковъ въ Россіи, и черезъ это занималъ высокое общественное положеніе въ Москвѣ; но онъ не былъ хорошимъ военнымъ. Князь Прозоровскій не любилъ его и, будучи крайне недовольнымъ его назначеніемъ, скоро избавился отъ него, доложивъ государю, что ввиду старости и дряхлости Апраксина и большого числа незнакомыхъ ему, Прозоровскому, генераловъ въ его арміи, онъ нуждается въ помощникѣ, которому бы онъ могъ больше довѣрять, и просилъ о назначеніи Кутузова.

Прозоровскій страшно ошибся въ своемъ выборѣ и нѣкоторое время спустя ему пришлось очень раскаяться въ своемъ избраніи.

Это назначеніе не было очень лестнымъ для Кутузова, который уже командовалъ русскими и австрійскими арміями въ войнѣ съ Наполеономъ, здѣсь же, въ войнѣ съ турками, онъ уже являлся вторымъ, но, въ силу своего характера, онъ легко подчинялся всякимъ требованіямъ и поэтому согласился на предложеніе Прозоровскаго. Онъ могъ бы быть даже полезнымъ князю, если бы не его обычная слабость къ вину и интригамъ [1]).

Кутузовъ, будучи очень умнымъ, былъ въ то же время страшно слабохарактерный и соединялъ въ себѣ ловкость, хитрость и дѣйствительные таланты съ поразительной безнравственностью. Необыкновенная память, серьезное образованіе, любезное обращеніе, разговоръ полный интереса и добродушіе (на самомъ дѣлѣ немного поддѣльное, но пріятное для довѣрчивыхъ людей)—вотъ симпатичныя стороны Кутузова; но за то его жестокость, грубость, когда онъ горячился или имѣлъ дѣло съ людьми, которыхъ нечего бояться и въ то же время его угодливость, доходящая до раболѣпства по отношенію къ высокостоящимъ, непреодолимая лѣнь, простирающаяся на

[1]) Не совсѣмъ справедливая и односторонняя характеристика Кутузова которому Ланжеронъ оставилъ только умъ и счастье. *Ред.*

все, апатія, эгоизмъ, вольнодумство и неделикатное отношеніе въ денежныхъ дѣлахъ, составляли противоположныя стороны этого человѣка.

Кутузовъ участвовалъ во многихъ сраженіяхъ и получилъ уже настолько опыта, что свободно могъ судить какъ о планѣ кампаніи, такъ и объ отдаваемыхъ ему приказаніяхъ. Ему легко было различить достойнаго начальника отъ несоотвѣтствующаго и рѣшить дѣло въ затруднительномъ положеніи, но всѣ эти качества были парализованы въ немъ нерѣшительностью и лѣнью физической и нравственной, которая часто и была помѣхой въ его дѣйствіяхъ.

Однажды, въ битвѣ, стоя на мѣстѣ, онъ услыхалъ издалека свистъ летящаго снаряда; онъ настолько растерялся, что, вмѣсто того, чтобы что-нибудь предпринять, даже не сошелъ съ своего мѣста, а остался неподвиженъ, творя надъ собой крестное знаменіе. Самъ онъ не только никогда не производилъ рекогносцировки мѣстности и непріятельской позиціи, но даже не осматривалъ стоянку своихъ войскъ, и я помню, какъ онъ, пробывъ какъ-то около четырехъ мѣсяцевъ въ лагерѣ, ничего не зналъ кромѣ своей палатки.

Слишкомъ полный и даже тяжеловѣсный, онъ не могъ долго сидѣть на лошади; усталость настолько вліяла на него, что послѣ часового ученья, которое для него казалось цѣлымъ вѣкомъ, онъ уже не годился больше ни для какого дѣла.

Эта же лѣнь его простиралась и на кабинетныя дѣла и для него было ужасно трудно заставить себя взяться за перо. Его помощники, адъютанты и секретари дѣлали изъ него все, что имъ было угодно, и несмотря на то, что Кутузовъ безъ сомнѣнія былъ умнѣе и болѣе знающій, чѣмъ они, онъ не ставилъ себѣ въ трудъ провѣрять ихъ работу, а тѣмъ болѣе поправлять ее. Онъ подписывалъ все, что ему ни подавали, только бы поскорѣе освободиться отъ дѣлъ, которымъ онъ и такъ-то отдавалъ всего нѣсколько минутъ въ день, возлагая ихъ главнымъ образомъ на дежурныхъ генераловъ арміи.

Вставалъ онъ очень поздно, ѣлъ много, спалъ 3 часа послѣ обѣда, а затѣмъ ему нужно было еще два часа, чтобы придти въ сознаніе.

Кутузовъ ужасно легко подчинялся женскому вліянію, и женщины, какія бы онѣ ни были, господствовали надъ нимъ самымъ неограниченнымъ образомъ.

Это вліяніе женщинъ на толстаго, одноглазаго старика прямо было смѣшно въ обществѣ, но то же время и опасно, если страдающій такой слабостью назначался во главѣ войскъ. Онъ ничего не скрывалъ отъ своихъ повелительницъ и ни въ чемъ имъ не отка-

все, апатія, эгоизмъ, вольнодумство и неделикатное отношеніе въ денежныхъ дѣлахъ, составляли противоположныя стороны этого человѣка.

Кутузовъ участвовалъ во многихъ сраженіяхъ и получилъ уже настолько опыта, что свободно могъ судить какъ о планѣ кампаніи, такъ и объ отдаваемыхъ ему приказаніяхъ. Ему легко было различить достойнаго начальника отъ несоотвѣтствующаго и рѣшить дѣло въ затруднительномъ положеніи, но всѣ эти качества были парализованы въ немъ нерѣшительностью и лѣнью физической и нравственной, которая часто и была помѣхой въ его дѣйствіяхъ.

Однажды, въ битвѣ, стоя на мѣстѣ, онъ услыхалъ издалека свистъ летящаго снаряда; онъ настолько растерялся, что, вмѣсто того, чтобы что-нибудь предпринять, даже не сошелъ съ своего мѣста, а остался неподвиженъ, творя надъ собой крестное знаменіе. Самъ онъ не только никогда не производилъ рекогносцировки мѣстности и непріятельской позиціи, но даже не осматривалъ стоянку своихъ войскъ, и я помню, какъ онъ, пробывъ какъ-то около четырехъ мѣсяцевъ въ лагерѣ, ничего не зналъ кромѣ своей палатки.

Слишкомъ полный и даже тяжеловѣсный, онъ не могъ долго сидѣть на лошади; усталость настолько вліяла на него, что послѣ часового ученья, которое для него казалось цѣлымъ вѣкомъ, онъ уже не годился больше ни для какого дѣла.

Эта же лѣнь его простиралась и на кабинетныя дѣла и для него было ужасно трудно заставить себя взяться за перо. Его помощники, адъютанты и секретари дѣлали изъ него все, что имъ было угодно, и несмотря на то, что Кутузовъ безъ сомнѣнія былъ умнѣе и болѣе знающій, чѣмъ они, онъ не ставилъ себѣ въ трудъ провѣрять ихъ работу, а тѣмъ болѣе поправлять ее. Онъ подписывалъ все, что ему ни подавали, только бы поскорѣе освободиться отъ дѣлъ, которымъ онъ и такъ-то отдавалъ всего нѣсколько минутъ въ день, возлагая ихъ главнымъ образомъ на дежурныхъ генераловъ арміи.

Вставалъ онъ очень поздно, ѣлъ много, спалъ 3 часа послѣ обѣда, а затѣмъ ему нужно было еще два часа, чтобы придти въ сознаніе.

Кутузовъ ужасно легко подчинялся женскому вліянію, и женщины, какія бы онѣ ни были, господствовали надъ нимъ самымъ неограниченнымъ образомъ.

Это вліяніе женщинъ на толстаго, одноглазаго старика прямо было смѣшно въ обществѣ, но то же время и опасно, если страдающій такой слабостью назначался во главѣ войскъ. Онъ ничего не скрывалъ отъ своихъ повелительницъ и ни въ чемъ имъ не отка-

зывалъ, а вслѣдствіе этого возникала конечно масса неудобствъ. Но этотъ же Кутузовъ, такой безнравственный въ своемъ поведеніи и въ своихъ принципахъ и такой посредственный, какъ начальникъ арміи, обладалъ качествомъ, которое кардиналъ Мазарини требовалъ отъ своихъ подчиненныхъ: онъ былъ счастливъ. Исключая Аустерлица, гдѣ его нельзя упрекать за бѣдствія, потому что онъ былъ только номинальнымъ начальникомъ, фортуна вездѣ благопріятствовала ему, а эта удивительная кампанія 1812 года возвысила его счастье и славу до высочайшей степени.

Кутузовъ былъ раненъ нѣсколько разъ, изъ нихъ одна рана, между прочимъ, очень оригинальная: въ Крыму, во время атаки одного редута, онъ былъ раненъ въ голову, между висками [1]), и его спасеніе тѣмъ болѣе чудесно, что онъ даже не потерялъ зрѣнія и продолжалъ видѣть такъ же хорошо, какъ и прежде, но въ 60 лѣтъ онъ потерялъ одинъ глазъ и теперь опасался потерять и другой [2]).

Молдаване тотчасъ же воспользовались пріѣздомъ Кутузова, чтобы за деньги купить мѣста въ таможняхъ, которыя Прозоровскій и имѣлъ слабость имъ уступить...

Прозоровскій смѣстилъ дежурнаго генерала Цицерева, замѣнивъ его генераломъ Тучковымъ; но выборъ этотъ не былъ удаченъ. Хотя Тучковъ и обладалъ умомъ и знаніями, а въ войнѣ былъ предпріимчивъ и талантливъ, но онъ былъ, въ то же время, лѣнивъ, неспособенъ и корыстолюбивъ; при немъ творились неслыханныя грабительства.

Генералъ-лейтенантъ *Платовъ*, атаманъ Донскихъ казаковъ, тоже прибылъ съ нѣсколькими полками казаковъ, воевавшими въ Пруссіи. Платову было уже около 60 лѣтъ; сначала онъ былъ простымъ казакомъ, затѣмъ офицеромъ, командиромъ полка и всегда во всѣхъ чинахъ онъ былъ самымъ храбрымъ, самымъ блестящимъ казакомъ въ арміи. Покровительствуемый княземъ Потемкинымъ, онъ не разъ отличался, служа подъ его начальствомъ. Въ царствованіе Павла онъ былъ лишенъ всѣхъ милостей и заключенъ въ крѣпость на 8 лѣтъ, а затѣмъ благодаря непостоянству рѣшеній и

---

[1]) Онъ мнѣ разсказывалъ, что во время своего путешествія въ Голландію, онъ узналъ, что одинъ знаменитый профессоръ хирургіи и анатоміи долженъ былъ защищать диссертацію относительно ранъ и доказать, что рана, которую будто бы, какъ говорили, получилъ Кутузовъ, есть не что иное, какъ сказка, потому что съ такой раной трудно остаться въ живыхъ и уже совершенно невозможно сохранить зрѣніе. Кутузовъ отправился его слушать и, послѣ лекціи профессора, онъ всталъ и сказалъ ему передъ всей аудиторіей: „Г-нъ профессоръ, вотъ я здѣсь и я васъ вижу“.

[2]) (1827). Кутузовъ умеръ 68 лѣтъ въ 1813 г. въ Бунцлау, въ Силезіи.

зывалъ, а вслѣдствіе этого возникала конечно масса неудобствъ. Но этотъ же Кутузовъ, такой безнравственный въ своемъ поведеніи и въ своихъ принципахъ и такой посредственный, какъ начальникъ арміи, обладалъ качествомъ, которое кардиналъ Мазарини требовалъ отъ своихъ подчиненныхъ: онъ былъ счастливъ. Исключая Аустерлица, гдѣ его нельзя упрекать за бѣдствія, потому что онъ былъ только номинальнымъ начальникомъ, фортуна вездѣ благопріятствовала ему, а эта удивительная кампанія 1812 года возвысила его счастье и славу до высочайшей степени.

Кутузовъ былъ раненъ нѣсколько разъ, изъ нихъ одна рана, между прочимъ, очень оригинальная: въ Крыму, во время атаки одного редута, онъ былъ раненъ въ голову, между висками [1]), и его спасеніе тѣмъ болѣе чудесно, что онъ даже не потерялъ зрѣнія и продолжалъ видѣть такъ же хорошо, какъ и прежде, но въ 60 лѣтъ онъ потерялъ одинъ глазъ и теперь опасался потерять и другой [2]).

Молдаване тотчасъ же воспользовались пріѣздомъ Кутузова, чтобы за деньги купить мѣста въ таможняхъ, которыя Прозоровскій и имѣлъ слабость имъ уступить...

Прозоровскій смѣстилъ дежурнаго генерала Цицерева, замѣнивъ его генераломъ Тучковымъ; но выборъ этотъ не былъ удаченъ. Хотя Тучковъ и обладалъ умомъ и знаніями, а въ войнѣ былъ предпріимчивъ и талантливъ, но онъ былъ, въ то же время, лѣнивъ, неспособенъ и корыстолюбивъ; при немъ творились неслыханныя грабительства.

Генералъ-лейтенантъ *Платовъ*, атаманъ Донскихъ казаковъ, тоже прибылъ съ нѣсколькими полками казаковъ, воевавшими въ Пруссіи. Платову было уже около 60 лѣтъ; сначала онъ былъ простымъ казакомъ, затѣмъ офицеромъ, командиромъ полка и всегда во всѣхъ чинахъ онъ былъ самымъ храбрымъ, самымъ блестящимъ казакомъ въ арміи. Покровительствуемый княземъ Потемкинымъ, онъ не разъ отличался, служа подъ его начальствомъ. Въ царствованіе Павла онъ былъ лишенъ всѣхъ милостей и заключенъ въ крѣпость на 8 лѣтъ, а затѣмъ благодаря непостоянству рѣшеній и

[1]) Онъ мнѣ разсказывалъ, что во время своего путешествія въ Голландію, онъ узналъ, что одинъ знаменитый профессоръ хирургіи и анатоміи долженъ былъ защищать диссертацію относительно ранъ и доказать, что рана, которую будто бы, какъ говорили, получилъ Кутузовъ, есть не что иное, какъ сказка, потому что съ такой раной трудно остаться въ живыхъ и уже совершенно невозможно сохранить зрѣніе. Кутузовъ отправился его слушать и, послѣ лекціи профессора, онъ всталъ и сказалъ ему передъ всей аудиторіей: „Г-нъ профессоръ, вотъ я здѣсь и я васъ вижу".

[2]) (1827). Кутузовъ умеръ 68 лѣтъ въ 1813 г. въ Бунцлау, въ Силезіи.

противоположностей этого государя, составлявшихъ главную основу его характера, онъ наконецъ получилъ свободу и былъ назначенъ Донскимъ атаманомъ, что считалось важнымъ и завиднымъ постомъ.

Павелъ хотѣлъ его послать въ Индію съ 40.000 казаками, чтобы уничтожить тамъ могущество англичанъ, и Платовъ уже былъ въ дорогѣ, когда Павелъ скончался.

Платовъ, хотя еще по-прежнему храбрый, не былъ уже такъ дѣятеленъ, какъ раньше. Состарившійся и утомленный продолжительной опалой и тремя годами крѣпостнаго заключенія, онъ уже не имѣлъ прежняго усердія и свѣжести ума, но все-таки сохранилъ еще всѣ наклонности казака.

Это былъ человѣкъ корыстолюбивый, не особенно щепетильный въ способахъ пріобрѣтенія денегъ, которыя онъ, вмѣстѣ со скопленными имъ на Дону богатствами, помѣщалъ чуть не по всѣмъ банкирскимъ конторамъ въ Петербургѣ. Наконецъ, будучи безъ всякаго образованія, онъ былъ совершенно неспособенъ командовать регулярными войсками, къ которымъ питалъ глубочайшее презрѣніе; къ тому же онъ былъ нелюбимъ и казаками за свою двуличность царедворца, которую особенно явно проявилъ при князѣ Потемкинѣ.

Платовъ и его казаки вошли въ моду въ Петербургѣ, гдѣ всегда ко всякимъ событіямъ относятся уже слишкомъ пристрастно. Правда, казаки хорошо послужили въ Прусскую кампанію, но ихъ успѣхи уже слишкомъ превозносили. Взятіе нѣсколькихъ обозовъ, нѣсколькихъ французскихъ генераловъ и пораженіе нѣсколькихъ эскадроновъ, уже разбитыхъ кавалеріей, не составляли еще особенно гигантскихъ подвиговъ, чтобы оправдать тѣ чины и кресты, которыми такъ усердно награждали казаковъ, и Георгіевскій крестъ 2-ой степени, такъ легко доставшійся Платову.

Мы были очень удивлены поведеніемъ Прозоровскаго, такъ ненавидящаго всегда всѣхъ фаворитовъ и сторонниковъ Потемкина, не только раздѣляющаго пристрастіе послѣдняго къ Платову, но изъ всѣхъ силъ покровительствующаго ему [1]).

Съ Платовымъ прибыли также: генералъ Денисовъ, человѣкъ весьма посредственный; Николай Иловайскій, храбрый казакъ, но ничего больше и Павелъ Иловайскій. Послѣдній былъ однимъ изъ лучшихъ офицеровъ, способный не только командовать своими казаками на аванпостахъ, но и быть начальникомъ регулярныхъ войскъ и отдѣльныхъ корпусовъ. Онъ былъ очень хорошо воспитанъ и, обладая достойными качествами, какъ человѣкъ и какъ служака, пользовался всеобщимъ уваженіемъ.

---

[1]) Также далеко не безпристрастна характеристика Платова. *Ред.*

противоположностей этого государя, составлявшихъ главную основу его характера, онъ наконецъ получилъ свободу и былъ назначенъ Донскимъ атаманомъ, что считалось важнымъ и завиднымъ постомъ.

Павелъ хотѣлъ его послать въ Индію съ 40.000 казаками, чтобы уничтожить тамъ могущество англичанъ, и Платовъ уже былъ въ дорогѣ, когда Павелъ скончался.

Платовъ, хотя еще по-прежнему храбрый, не былъ уже такъ дѣятеленъ, какъ раньше. Состарившійся и утомленный продолжительной опалой и тремя годами крѣпостнаго заключенія, онъ уже не имѣлъ прежняго усердія и свѣжести ума, но все-таки сохранилъ еще всѣ наклонности казака.

Это былъ человѣкъ корыстолюбивый, не особенно щепетильный въ способахъ пріобрѣтенія денегъ, которыя онъ, вмѣстѣ со скопленными имъ на Дону богатствами, помѣщалъ чуть не по всѣмъ банкирскимъ конторамъ въ Петербургѣ. Наконецъ, будучи безъ всякаго образованія, онъ былъ совершенно неспособенъ командовать регулярными войсками, къ которымъ питалъ глубочайшее презрѣніе; къ тому же онъ былъ нелюбимъ и казаками за свою двуличность царедворца, которую особенно явно проявилъ при князѣ Потемкинѣ.

Платовъ и его казаки вошли въ моду въ Петербургѣ, гдѣ всегда ко всякимъ событіямъ относятся уже слишкомъ пристрастно. Правда, казаки хорошо послужили въ Прусскую кампанію, но ихъ успѣхи уже слишкомъ превозносили. Взятіе нѣсколькихъ обозовъ, нѣсколькихъ французскихъ генераловъ и пораженіе нѣсколькихъ эскадроновъ, уже разбитыхъ кавалеріей, не составляли еще особенно гигантскихъ подвиговъ, чтобы оправдать тѣ чины и кресты, которыми такъ усердно награждали казаковъ, и Георгіевскій крестъ 2-ой степени, такъ легко доставшійся Платову.

Мы были очень удивлены поведеніемъ Прозоровскаго, такъ ненавидящаго всегда всѣхъ фаворитовъ и сторонниковъ Потемкина, не только раздѣляющаго пристрастіе послѣдняго къ Платову, но изъ всѣхъ силъ покровительствующаго ему [1]).

Съ Платовымъ прибыли также: генералъ Денисовъ, человѣкъ весьма посредственный; Николай Иловайскій, храбрый казакъ, но ничего больше и Павелъ Иловайскій. Послѣдній былъ однимъ изъ лучшихъ офицеровъ, способный не только командовать своими казаками на аванпостахъ, но и быть начальникомъ регулярныхъ войскъ и отдѣльныхъ корпусовъ. Онъ былъ очень хорошо воспитанъ и, обладая достойными качествами, какъ человѣкъ и какъ служака, пользовался всеобщимъ уваженіемъ.

---

[1]) Также далеко не беспристрастна характеристика Платова. *Ред.*

Прибытіе всѣхъ этихъ войскъ и генераловъ не предвѣщало мира, мы даже вскорѣ убѣдились, что его и не ждали особенно, такъ какъ еще весной и зимой прибыли еще три дивизіи, изъ которыхъ двѣ участвовали въ Прусской войнѣ; а одна только-что возвратилась съ Іоническихъ острововъ. Эти три дивизіи были 8-ая и 22-ая, прибывшая изъ Польши, и 15-ая изъ Корфу. Составъ ихъ былъ слѣдующій:

8-ая дивизія.

Начальникъ дивизіи—генер.-лейтенантъ Пуръ-Эссенъ 3-й.

Пѣхота.

Полки:

Архангелогородскій . . .	Графъ Николай Каменскій и полковникъ Эссенъ.
Шлиссельбургскій . . .	Полковникъ Керенъ.
Староингерманландскій . .	Ген.-маіоръ Энгельгардъ.
Воронежскій	Полковникъ Сутковъ.
7-ой Егерскій	Генералъ Мюллеръ, а послѣ его отставки, полковникъ Лаптевъ.

Драгуны.

Петербургскій	Генер.-маіоръ графъ Мантейфель.
Ливонскій	Генер.-маіоръ Ильинскій.
Волынскіе уланы . . .	Полковникъ графъ Д'Орурвъ.

22-ая дивизія.

Начальникъ дивизіи генералъ-лейтенантъ графъ Макаръ Олсуфьевъ.

Пѣхота.

Полки:

Выборгскій	Ген.-лейт. Олсуфьевъ. Полковникъ Емельяновъ.
Вятскій	Полковникъ Санти, а потомъ полковникъ Бертизеевъ.
Олонецкій	Полковникъ Турчаниновъ. Этотъ полкъ впослѣдствіи былъ переведенъ въ Молдавію въ дивизію Милорадовича.
Пензенскій	Полковникъ Шеншинъ (убитъ въ 1808 г.).
Старооскольскій	Полковникъ Шкапскій, а послѣ него полковникъ Желтухинъ.

Прибытіе всѣхъ этихъ войскъ и генераловъ не предвѣщало мира, мы даже вскорѣ убѣдились, что его и не ждали особенно, такъ какъ еще весной и зимой прибыли еще три дивизіи, изъ которыхъ двѣ участвовали въ Прусской войнѣ; а одна только-что возвратилась съ Іоническихъ островов. Эти три дивизіи были 8-ая и 22-ая, прибывшая изъ Польши, и 15-ая изъ Корфу. Составъ ихъ былъ слѣдующій:

8-ая дивизія.

Начальникъ дивизіи—генер.-лейтенантъ Пуръ-Эссенъ 3-й.

П ѣ х о т а.

Полки:

Архангелогородскій	Графъ Николай Каменскій и полковникъ Эссенъ.
Шлиссельбургскій . . .	Полковникъ Керенъ.
Староингерманландскій . .	Ген.-маіоръ Энгельгардъ.
Воронежскій	Полковникъ Сутковъ.
7-ой Егерскій	Генералъ Мюллеръ, а послѣ его отставки, полковникъ Лаптевъ.

Д р а г у н ы.

Петербургскій	Генер.-маіоръ графъ Мантейфель.
Ливонскій	Генер.-маіоръ Ильинскій.
Волынскіе уланы . . .	Полковникъ графъ Д'Орурк.

22-ая дивизія.

Начальникъ дивизіи генералъ-лейтенантъ графъ Макаръ Олсуфьевъ.

П ѣ х о т а.

Полки:

Выборгскій	Ген.-лейт. Олсуфьевъ. Полковникъ Емельяновъ.
Вятскій	Полковникъ Санти, а потомъ полковникъ Бертизеевъ.
Олонецкій	Полковникъ Турчаниновъ. Этотъ полкъ впослѣдствіи былъ переведенъ въ Молдавію въ дивизію Милорадовича.
Пензенскій	Полковникъ Шеншинъ (убитъ въ 1808 г.).
Старооскольскій	Полковникъ Шкапскій, а послѣ него полковникъ Желтухинъ.

29-ый Егерскій	Полковникъ Каламоничевъ. Сначала этотъ полкъ входилъ въ составъ 16-ой дивизіи, но потомъ его замѣнили 27-мъ, которымъ командовалъ полк. Гримгаммеръ.

Кирасиры Ея Величества,—этотъ полкъ возвратился въ Россію и не вернулся оттуда.

Переяславскіе драгуны . .	Генералъ-лейтенантъ Зассъ.
Чугуевскіе уланы	Генералъ-маіоръ Лисаневичъ.

15-ая дивизія.

Начальникъ дивизіи генералъ-лейтенантъ Евгеній Марковъ.

Пѣхота.

Полки:

Козловскій	Полковникъ Радецкій.
Куринскій	Генер.-маіоръ Назимовъ.
Витебскій	Генер.-маіоръ Степановъ.
Колыванскій	Генер.-маіоръ Попандопулло.
13-й Егерскій	Ген.-маіоръ Стеллеръ.
14-й Егерскій	Князь Борисъ Вяземскій.

Драгуны.

Смоленскій	Ген.-маіоръ Гамперъ.
Житомірскій	Ген.-маіоръ Ребиндеръ.

Генералъ-лейтенантъ Зассъ, несмотря на то, что былъ гораздо старше Олсуфьева, находился все-таки въ его дивизіи. Государю было извѣстно все происшедшее въ Киліи, и онъ не любилъ и не уважалъ Засса. Подобное отношеніе должно было бы заставить Засса уйти со службы, но онъ не сдѣлалъ этого, а только открыто жаловался всѣмъ. Прозоровскій, зная его военныя доблести и считая его однимъ изъ лучшихъ генераловъ арміи, доложилъ государю, что Зассъ былъ обойденъ по службѣ, вслѣдствіе чего, его назначили начальникомъ дивизіи, формировавшейся въ Москвѣ; но Прозоровскій задержалъ его и далъ ему 16-ю дивизію, а Ртищева, отъ котораго хотѣли избавиться, отправили въ Москву [1]).

[1]) Затѣмъ Ртищевъ былъ посланъ на Кавказъ, гдѣ онъ и командовалъ нѣсколько времени. Онъ прекрасно послужилъ своему Отечеству, всегда выказывая умъ, осторожность и энергію. Ему удалось удачно окончить войну съ персами и поддержать мирныя сношенія съ воинственными и враждебными Россіи племенами, которыя со всѣхъ сторонъ окружали наши владѣнія. Собственно говоря, онъ заслуживалъ гораздо больше наградъ, чѣмъ онъ получилъ. Ему была пожалована лента св. Александра и онъ былъ произведенъ въ полные генералы.

29-ый Егерскій . . . . . — Полковникъ Каламоничевъ. Сначала этотъ полкъ входилъ въ составъ 16-ой дивизіи, но потомъ его замѣнили 27-мъ, которымъ командовалъ полк. Гримгаммеръ.

Кирасиры Ея Величества,—этотъ полкъ возвратился въ Россію и не вернулся оттуда.

Переяславскіе драгуны . . Генералъ-лейтенантъ Зассъ.
Чугуевскіе уланы . . . . Генералъ-маіоръ Лисаневичъ.

15-ая дивизія.

Начальникъ дивизіи генералъ-лейтенантъ Евгеній Марковъ.

Пѣхота.

Полки:

Козловскій	Полковникъ Радецкій.
Куринскій	Генер.-маіоръ Назимовъ.
Витебскій	Генер.-маіоръ Степановъ.
Колыванскій	Генер.-маіоръ Попандопулло.
13-й Егерскій	Ген.-маіоръ Стеллеръ.
14-й Егерскій	Князь Борисъ Вяземскій.

Драгуны.

Смоленскій	Ген.-маіоръ Гамперъ.
Житомірскій	Ген.-маіоръ Ребиндеръ.

Генералъ-лейтенантъ Зассъ, несмотря на то, что былъ гораздо старше Олсуфьева, находился все-таки въ его дивизіи. Государю было извѣстно все происшедшее въ Киліи, и онъ не любилъ и не уважалъ Засса. Подобное отношеніе должно было бы заставить Засса уйти со службы, но онъ не сдѣлалъ этого, а только открыто жаловался всѣмъ. Прозоровскій, зная его военныя доблести и считая его однимъ изъ лучшихъ генераловъ арміи, доложилъ государю, что Зассъ былъ обойденъ по службѣ, вслѣдствіе чего, его назначили начальникомъ дивизіи, формировавшейся въ Москвѣ; но Прозоровскій задержалъ его и далъ ему 16-ю дивизію, а Ртищева, отъ котораго хотѣли избавиться, отправили въ Москву [1]).

[1]) Затѣмъ Ртищевъ былъ посланъ на Кавказъ, гдѣ онъ и командовалъ нѣсколько времени. Онъ прекрасно послужилъ своему Отечеству, всегда выказывая умъ, осторожность и энергію. Ему удалось удачно окончить войну съ персами и поддержать мирныя сношенія съ воинственными и враждебными Россіи племенами, которыя со всѣхъ сторонъ окружали наши владѣнія. Собственно говоря, онъ заслуживалъ гораздо больше наградъ, чѣмъ онъ получилъ. Ему была пожалована лента св. Александра и онъ былъ произведенъ въ полные генералы.

Всѣ эти новыя дивизіи были превосходны и поражали выправкой и обученіемъ, послѣ тяжелой и кровопролитной войны съ французами, когда цѣлые полки бывали много разъ разбиты. Можно было думать, что видишь передъ собой войска, въ теченіе долгаго времени, не покидавшія своихъ стоянокъ. Это доказываетъ, какъ хороши элементы, составляющіе русскую армію, и что въ короткое время изъ нихъ можно образовать прекрасныя войска. Достаточно того, чтобы въ полку оставалось немного офицеровъ и старыхъ солдатъ и, черезъ годъ, такой полкъ былъ бы наравнѣ съ лучшими. Вообще легкость, съ которой можно сформировать, въ короткое время, хорошія войска, большое счастье для Россіи, гдѣ матеріалъ для воинской повинности огромный.

Графъ Аракчеевъ, тогда военный министръ, совсѣмъ не государственный человѣкъ, не политикъ, и чрезвычайно мелочной, вздумалъ обнародовать ежегодную убыль въ полкахъ; эти вычисленія ужаснули насъ; въ полгода, безъ войнъ, убыль равнялась 24.000 солдатамъ, умершихъ и бѣжавшихъ! Слѣдовательно, ежегодную убыль можно считать въ 48.000 человѣкъ, т. е. равную 6-ой части существующей тогда регулярной арміи. Я не думаю, чтобы въ какой-нибудь другой арміи потери пропорціонально приближались бы даже и къ половинѣ нашихъ.

Особенно много умираетъ и дезертируетъ рекрутовъ, несмотря на заботы, которыми ихъ окружаютъ со временъ Павла I. Большая часть ихъ очень молоды и имъ ужасно трудно переносить разставаніе съ родной деревней; горе, которое они испытываютъ при этомъ, настолько сильно, что вгоняетъ ихъ въ чахотку и другія болѣзни, отъ которыхъ они и умираютъ. Затѣмъ, чтобы прибыть въ свои полки, они должны дѣлать огромные переходы, отъ 2-хъ до 3-хъ тысячъ верстъ, и при тяжеломъ снаряженіи русскаго солдата (всего онъ несетъ 60 русскихъ фунтовъ) для мальчика 16-ти, 18-ти лѣтъ, какими обыкновенно бываютъ рекруты, слишкомъ непосильный трудъ. Нужно было бы установить законъ, воспрещающій принимать на службу моложе 20-ти лѣтъ.

8-ая дивизія особенно отличалась прекраснымъ составомъ и порядкомъ. Архангелогородскій полкъ считался лучшимъ въ арміи, и въ этой войнѣ онъ поддержалъ свою репутацію. Другіе полки были также хороши. С.-Петербургскій драгунскій полкъ прославился въ Прусской войнѣ, гдѣ онъ участвовалъ подъ начальствомъ полковника Дехтерева. Ливонскій полкъ былъ превосходенъ, а графъ Д' Орурктъ былъ отличнымъ офицеромъ.

Генералъ-лейтенантъ Эссенъ 3-й былъ изъ гатчинцевъ, но онъ довольно равнодушно относился къ чести принадлежать къ такой

Всѣ эти новыя дивизіи были превосходны и поражали выправкой и обученіемъ, послѣ тяжелой и кровопролитной войны съ французами, когда цѣлые полки бывали много разъ разбиты. Можно было думать, что видишь передъ собой войска, въ теченіе долгаго времени, не покидавшія своихъ стоянокъ. Это доказываетъ, какъ хороши элементы, составляющіе русскую армію, и что въ короткое время изъ нихъ можно образовать прекрасныя войска. Достаточно того, чтобы въ полку оставалось немного офицеровъ и старыхъ солдатъ и, черезъ годъ, такой полкъ былъ бы наравнѣ съ лучшими. Вообще легкость, съ которой можно сформировать, въ короткое время, хорошія войска, большое счастье для Россіи, гдѣ матеріалъ для воинской повинности огромный.

Графъ Аракчеевъ, тогда военный министръ, совсѣмъ не государственный человѣкъ, не политикъ, и чрезвычайно мелочной, вздумалъ обнародовать ежегодную убыль въ полкахъ; эти вычисленія ужаснули насъ; въ полгода, безъ войнъ, убыль равнялась 24.000 солдатамъ, умершихъ и бѣжавшихъ! Слѣдовательно, ежегодную убыль можно считать въ 48.000 человѣкъ, т. е. равную 6-ой части существующей тогда регулярной арміи. Я не думаю, чтобы въ какой-нибудь другой арміи потери пропорціонально приближались бы даже и къ половинѣ нашихъ.

Особенно много умираетъ и дезертируетъ рекрутовъ, несмотря на заботы, которыми ихъ окружаютъ со временъ Павла I. Большая часть ихъ очень молоды и имъ ужасно трудно переносить разставаніе съ родной деревней; горе, которое они испытываютъ при этомъ, настолько сильно, что вгоняетъ ихъ въ чахотку и другія болѣзни, отъ которыхъ они и умираютъ. Затѣмъ, чтобы прибыть въ свои полки, они должны дѣлать огромные переходы, отъ 2-хъ до 3-хъ тысячъ верстъ, и при тяжеломъ снаряженіи русскаго солдата (всего онъ несетъ 60 русскихъ фунтовъ) для мальчика 16-ти, 18-ти лѣтъ, какими обыкновенно бываютъ рекруты, слишкомъ непосильный трудъ. Нужно было бы установить законъ, воспрещающій принимать на службу моложе 20-ти лѣтъ.

8-ая дивизія особенно отличалась прекраснымъ составомъ и порядкомъ. Архангелогородскій полкъ считался лучшимъ въ арміи, и въ этой войнѣ онъ поддержалъ свою репутацію. Другіе полки были также хороши. С.-Петербургскій драгунскій полкъ прославился въ Прусской войнѣ, гдѣ онъ участвовалъ подъ начальствомъ полковника Дехтерева. Ливонскій полкъ былъ превосходенъ, а графъ Д' Орурк былъ отличнымъ офицеромъ.

Генералъ-лейтенантъ Эссенъ 3-й былъ изъ гатчинцевъ, но онъ довольно равнодушно относился къ чести принадлежать къ такой

дивизіи. Это былъ человѣкъ весьма уважаемый, неутомимый работникъ и храбрый солдатъ; онъ хорошо зналъ службу. Единственно, чего ему не хватало, такъ это образованія. Онъ не могъ скрывать этого недостатка и дѣлался ужасно нерѣшительнымъ, стоя во главѣ, но въ то же время онъ былъ незамѣнимъ, какъ лицо второстепенное, соединяя въ себѣ хладнокровіе, мужество и привычку командовать частями всѣхъ родовъ оружія.

15-ая дивизія вся состояла только изъ старыхъ служакъ, которые пробыли 7, 8 лѣтъ въ Корфу и блестяще дѣйствовали въ Эпирѣ; о чемъ къ несчастью мало кому было извѣстно. Эта дивизія, въ лицѣ Попандопуло, имѣла своимъ начальникомъ одного изъ самыхъ интеллигентныхъ генераловъ арміи. Старый Стеллеръ былъ также изъ лучшихъ генераловъ; но князь Василій Вяземскій, хотя и образованный, не имѣлъ никакихъ военныхъ талантовъ. Что же касается Степанова и Назимова, то они были ниже всякой посредственности, а ихъ начальникъ Марковъ былъ еще ничтожнѣе ихъ.

Въ составъ 22-ой дивизіи входили очень хорошіе полки. Начальникомъ этой дивизіи былъ Олсуфьевъ, человѣкъ храбрый, честный, но чрезвычайно слабый, не достаточно образованный и не получившій военнаго опыта, необходимаго при его чинѣ.

Офицеры 8-ой и 22-ой дивизіи, гордые войной съ Пруссіей, относились къ намъ свысока, презирая насъ за то, что мы не участвовали ни въ одной кампаніи. На турокъ они смотрѣли какъ на стадо барановъ, которое должно было бы быть прогнано бичемъ и что для того, чтобы прогнать ихъ, вполнѣ достаточно однихъ казаковъ. Но эти бараны не такъ легко подчинялись и фанфаронство этихъ двухъ дивизій было жестоко наказано, такъ какъ онѣ больше всѣхъ пострадали въ этой войнѣ.

Прибытіе этихъ трехъ дивизій пополнило нашу армію до 6-ти полныхъ дивизій, которыя, съ 11-ю баталіонами 13-ой дивизіи, состоявшей подъ моимъ начальствомъ, и 3 баталіонами 9-ой дивизіи, составляли, въ общемъ итогѣ 122 баталіона, 200 эскадроновъ, 17 казачьихъ полковъ и многочисленную артиллерію; всего было болѣе 100.000 вооруженныхъ людей. Конечно, такія силы не были собраны исключительно для веденія переговоровъ, поэтому никто уже болѣе не вѣрилъ въ миръ, который долженъ былъ быть заключенъ въ Парижѣ.

Графъ Петръ Толстой, нашъ посолъ во Франціи, долженъ былъ вести переговоры, и Наполеонъ, который, благодаря своей геніальности, предвидѣлъ, во что обойдется союзникамъ эта война, веденная при данныхъ обстоятельствахъ, не долженъ былъ, согласно

дивизіи. Это былъ человѣкъ весьма уважаемый, неутомимый работникъ и храбрый солдатъ; онъ хорошо зналъ службу. Единственно, чего ему не хватало, такъ это образованія. Онъ не могъ скрывать этого недостатка и дѣлался ужасно нерѣшительнымъ, стоя во главѣ, но въ то же время онъ былъ незамѣнимъ, какъ лицо второстепенное, соединяя въ себѣ хладнокровіе, мужество и привычку командовать частями всѣхъ родовъ оружія.

15-ая дивизія вся состояла только изъ старыхъ служакъ, которые пробыли 7, 8 лѣтъ въ Корфу и блестяще дѣйствовали въ Эпирѣ; о чемъ къ несчастью мало кому было извѣстно. Эта дивизія, въ лицѣ Попандопуло, имѣла своимъ начальникомъ одного изъ самыхъ интеллигентныхъ генераловъ арміи. Старый Стеллеръ былъ также изъ лучшихъ генераловъ; но князь Василій Вяземскій, хотя и образованный, не имѣлъ никакихъ военныхъ талантовъ. Что же касается Степанова и Назимова, то они были ниже всякой посредственности, а ихъ начальникъ Марковъ былъ еще ничтожнѣе ихъ.

Въ составъ 22-ой дивизіи входили очень хорошіе полки. Начальникомъ этой дивизіи былъ Олсуфьевъ, человѣкъ храбрый, честный, но чрезвычайно слабый, не достаточно образованный и не получившій военнаго опыта, необходимаго при его чинѣ.

Офицеры 8-ой и 22-ой дивизіи, гордые войной съ Пруссіей, относились къ намъ свысока, презирая насъ за то, что мы не участвовали ни въ одной кампаніи. На турокъ они смотрѣли какъ на стадо барановъ, которое должно было бы быть прогнано бичемъ и что для того, чтобы прогнать ихъ, вполнѣ достаточно однихъ казаковъ. Но эти бараны не такъ легко подчинялись и фанфаронство этихъ двухъ дивизій было жестоко наказано, такъ какъ онѣ больше всѣхъ пострадали въ этой войнѣ.

Прибытіе этихъ трехъ дивизій пополнило нашу армію до 6-ти полныхъ дивизій, которыя, съ 11-ю баталіонами 13-ой дивизіи, состоявшей подъ моимъ начальствомъ, и 3 баталіонами 9-ой дивизіи, составляли, въ общемъ итогѣ 122 баталіона, 200 эскадроновъ, 17 казачьихъ полковъ и многочисленную артиллерію; всего было болѣе 100.000 вооруженныхъ людей. Конечно, такія силы не были собраны исключительно для веденія переговоровъ, поэтому никто уже болѣе не вѣрилъ въ миръ, который долженъ былъ быть заключенъ въ Парижѣ.

Графъ Петръ Толстой, нашъ посолъ во Франціи, долженъ былъ вести переговоры, и Наполеонъ, который, благодаря своей геніальности, предвидѣлъ, во что обойдется союзникамъ эта война, веденная при данныхъ обстоятельствахъ, не долженъ былъ, согласно

своимъ планамъ, ни совѣтовать, ни помогать имъ. Цѣлыхъ 18 мѣсяцевъ тянулись переговоры и обмѣнъ мнѣній.

Только въ зиму съ 1808 на 1809 годъ было рѣшено (что будетъ видно ниже), что мира не будетъ, потому что Францiя его не желала.

Все было спокойно въ продолженiе зимы, которую я проводилъ въ Формозѣ, въ Бессарабiи и въ Фальгахъ на Прутѣ, гдѣ я и заболѣлъ сильнымъ нервнымъ разстройствомъ. Отрядъ, которымъ я командовалъ, былъ расположенъ по р. Пруту по очень хорошимъ деревнямъ.

Главный квартирмейстеръ армiи, полковникъ Хоментовскiй, человѣкъ очень не самостоятельный и настолько скупой, что даже не держалъ ни экипажа, ни лошадей, не умѣлъ распорядиться подчиненными ему офицерами и даже не подумалъ въ теченiе шести кампанiй о необходимости имѣть точный планъ мѣстности, занятой нашими войсками [1]), а вполнѣ довольствовался старыми и мало точными картами, на которыхъ много покинутыхъ и разрушенныхъ деревень были показаны существующими. Я уже говорилъ, что въ Бессарабiи татарскiя деревни были въ 1807 году покинуты своими жителями, а ихъ дома были такъ быстро уничтожены, что черезъ шесть мѣсяцевъ съ трудомъ можно было найти даже расположенiе этихъ деревень, но на картахъ онѣ все еще значились. Еще въ 1771 году генераломъ Бауеромъ были точно нанесены на планы долины, горы и рѣки, но деревни кочевниковъ Бессарабiи еще не были обозначены, а также и пути движенiя войскъ; впрочемъ, постоянное движенiе войскъ въ то время настолько разорило обитателей деревень и даже городовъ, расположенныхъ на большихъ дорогахъ (Фокшаны, Рымникъ, Бузео) и заставило жителей укрыться въ горахъ, что совершенно измѣнило страну, и при такихъ условiяхъ уже никакая карта не могла служить указанiемъ для расположенiя войскъ по квартирамъ. Нашему квартирмистру пришлось приложить много энергiи и знанiй, чтобы вновь исправить всѣ карты; напр., на Прутѣ значился городъ Троянъ, когда-то очень значительный и многолюдный, но въ 1808 г. въ немъ было всего три дома; между тѣмъ Хоментовскiй поставилъ туда цѣлый полкъ. Нижегородскiй полкъ былъ размѣщенъ въ трехъ деревняхъ, въ которыхъ, въ 1807 году, значилось отъ 500 до 600 домовъ, но гдѣ, въ 1808 г., уже не существовало ни одного дома.

---

[1]) Точный планъ мѣстности, гдѣ мы вели сраженiя, былъ исполненъ офицерами главнаго штаба, прикомандированными къ различнымъ отрядамъ, согласно приказанiю частныхъ начальниковъ.

своимъ планамъ, ни совѣтовать, ни помогать имъ. Цѣлыхъ 18 мѣсяцевъ тянулись переговоры и обмѣнъ мнѣній.

Только въ зиму съ 1808 на 1809 годъ было рѣшено (что будетъ видно ниже), что мира не будетъ, потому что Францiя его не желала.

Все было спокойно въ продолженiе зимы, которую я проводилъ въ Формозѣ, въ Бессарабiи и въ Фальгахъ на Прутѣ, гдѣ я и заболѣлъ сильнымъ нервнымъ разстройствомъ. Отрядъ, которымъ я командовалъ, былъ расположенъ по р. Пруту по очень хорошимъ деревнямъ.

Главный квартирмейстеръ армiи, полковникъ Хоментовскiй, человѣкъ очень не самостоятельный и настолько скупой, что даже не держалъ ни экипажа, ни лошадей, не умѣлъ распорядиться подчиненными ему офицерами и даже не подумалъ въ теченiе шести кампанiй о необходимости имѣть точный планъ мѣстности, занятой нашими войсками [1]), а вполнѣ довольствовался старыми и мало точными картами, на которыхъ много покинутыхъ и разрушенныхъ деревень были показаны существующими. Я уже говорилъ, что въ Бессарабiи татарскiя деревни были въ 1807 году покинуты своими жителями, а ихъ дома были такъ быстро уничтожены, что черезъ шесть мѣсяцевъ съ трудомъ можно было найти даже расположенiе этихъ деревень, но на картахъ онѣ все еще значились. Еще въ 1771 году генераломъ Бауеромъ были точно нанесены на планы долины, горы и рѣки, но деревни кочевниковъ Бессарабiи еще не были обозначены, а также и пути движенiя войскъ; впрочемъ, постоянное движенiе войскъ въ то время настолько разорило обитателей деревень и даже городовъ, расположенныхъ на большихъ дорогахъ (Фокшаны, Рымникъ, Бузео) и заставило жителей укрыться въ горахъ, что совершенно измѣнило страну, и при такихъ условiяхъ уже никакая карта не могла служить указанiемъ для расположенiя войскъ по квартирамъ. Нашему квартирмистру пришлось приложить много энергiи и знанiй, чтобы вновь исправить всѣ карты; напр., на Прутѣ значился городъ Троянъ, когда-то очень значительный и многолюдный, но въ 1808 г. въ немъ было всего три дома; между тѣмъ Хоментовскiй поставилъ туда цѣлый полкъ. Нижегородскiй полкъ былъ размѣщенъ въ трехъ деревняхъ, въ которыхъ, въ 1807 году, значилось отъ 500 до 600 домовъ, но гдѣ, въ 1808 г., уже не существовало ни одного дома.

---

[1]) Точный планъ мѣстности, гдѣ мы вели сраженiя, былъ исполненъ офицерами главнаго штаба, прикомандированными къ различнымъ отрядамъ, согласно приказанiю частныхъ начальниковъ.

Доложивъ о семъ Прозоровскому и указавъ, что во время перемирія нѣтъ надобности оставлять полкъ противъ Измаила, я все-таки не получилъ разрѣшенія перевести его; вслѣдствіе чего и былъ принужденъ построить для полка землянки, которыя, будучи выстроены въ началѣ зимы, были такъ сыры, что въ полку развился скорбутъ и изъ цѣлаго полка осталось только 180 человѣкъ. Перевести ихъ въ Бендеры я получилъ разрѣшеніе только черезъ четыре мѣсяца.

Прозоровскій прямо ненавидѣлъ командира этого полка, генерала Хитрово, за грабительства, которыя онъ позволялъ себѣ и о чемъ было извѣстно Прозоровскому. Онъ самъ видѣлъ, какъ полковыя лошади и повозки, нагруженныя казеннымъ лѣсомъ и хлѣбомъ, отправлялись черезъ Одессу въ имѣнія командира, и его справедливое негодованіе на командира несправедливо падало и на полкъ.

Когда Прозоровскій узналъ о томъ ужасномъ положеніи, въ которомъ находился этотъ несчастный полкъ, онъ отправилъ генерала Ртищева, меня и одного доктора изъ штаба арміи для производства строжайшаго разслѣдованія. Мы сговорились всѣ донести, что единственная причина болѣзни—сырость землянокъ и что отношеніе Хитрово къ своимъ больнымъ было самое теплое и заботливое (это было такъ на самомъ дѣлѣ), но Прозоровскій не положился на наше заключеніе и, вслѣдствіе его упрямства, этотъ прекрасный полкъ, такъ много стоившій мнѣ хлопотъ во время суровой и снѣжной зимы, когда еще совсѣмъ не было проложено дорогъ, совершенно погибъ.

Отрядъ Ротова, расположенный въ Киліи, тоже въ землянкахъ по берегу Кочегульскаго озера, не былъ счастливѣе, такъ какъ оба его полка: Бутырскій и Нарвскій были истреблены. Эта зима стоила двумъ нашимъ отрядамъ 4.000 человѣкъ, несмотря на заботы, труды и издержки начальниковъ.

Такое расположеніе войскъ было совершенно безполезно, но Прозоровскій воображалъ, что мы продолжаемъ вести войну съ турками, поэтому приказалъ мнѣ установить сигнальные посты, совершенно излишніе и очень утомительные.

1-го апрѣля Пегливанъ сообщилъ мнѣ о томъ, что перемиріе кончается и что, если, благодаря переговорамъ, мы получимъ Измаилъ, то онъ будетъ защищать его и противъ насъ и противъ турокъ, такъ какъ желаетъ оставить его за собой. Я отвѣтилъ ему, что мнѣ было извѣстно о заключеніи мира и что я не имѣю приказаній возобновлять войну.

Князь Прозоровскій, которому я сообщилъ о нашей перепискѣ, предположивъ, что Пегливанъ хочетъ атаковать насъ и, опасаясь,

Доложивъ о семъ Прозоровскому и указавъ, что во время перемирія нѣтъ надобности оставлять полкъ противъ Измаила, я все-таки не получилъ разрѣшенія перевести его; вслѣдствіе чего и былъ принужденъ построить для полка землянки, которыя, будучи выстроены въ началѣ зимы, были такъ сыры, что въ полку развился скорбутъ и изъ цѣлаго полка осталось только 180 человѣкъ. Перевести ихъ въ Бендеры я получилъ разрѣшеніе только черезъ четыре мѣсяца.

Прозоровскій прямо ненавидѣлъ командира этого полка, генерала Хитрово, за грабительства, которыя онъ позволялъ себѣ и о чемъ было извѣстно Прозоровскому. Онъ самъ видѣлъ, какъ полковыя лошади и повозки, нагруженныя казеннымъ лѣсомъ и хлѣбомъ, отправлялись черезъ Одессу въ имѣнія командира, и его справедливое негодованіе на командира несправедливо падало и на полкъ.

Когда Прозоровскій узналъ о томъ ужасномъ положеніи, въ которомъ находился этотъ несчастный полкъ, онъ отправилъ генерала Ртищева, меня и одного доктора изъ штаба арміи для производства строжайшаго разслѣдованія. Мы сговорились всѣ донести, что единственная причина болѣзни—сырость землянокъ и что отношеніе Хитрово къ своимъ больнымъ было самое теплое и заботливое (это было такъ на самомъ дѣлѣ), но Прозоровскій не положился на наше заключеніе и, вслѣдствіе его упрямства, этотъ прекрасный полкъ, такъ много стоившій мнѣ хлопотъ во время суровой и снѣжной зимы, когда еще совсѣмъ не было проложено дорогъ, совершенно погибъ.

Отрядъ Ротова, расположенный въ Киліи, тоже въ землянкахъ по берегу Кочегульскаго озера, не былъ счастливѣе, такъ какъ оба его полка: Бутырскій и Нарвскій были истреблены. Эта зима стоила двумъ нашимъ отрядамъ 4.000 человѣкъ, несмотря на заботы, труды и издержки начальниковъ.

Такое расположеніе войскъ было совершенно безполезно, но Прозоровскій воображалъ, что мы продолжаемъ вести войну съ турками, поэтому приказалъ мнѣ установить сигнальные посты, совершенно излишніе и очень утомительные.

1-го апрѣля Пегливанъ сообщилъ мнѣ о томъ, что перемиріе кончается и что, если, благодаря переговорамъ, мы получимъ Измаилъ, то онъ будетъ защищать его и противъ насъ и противъ турокъ, такъ какъ желаетъ оставить его за собой. Я отвѣтилъ ему, что мнѣ было извѣстно о заключеніи мира и что я не имѣю приказаній возобновлять войну.

Князь Прозоровскій, которому я сообщилъ о нашей перепискѣ, предположивъ, что Пегливанъ хочетъ атаковать насъ и, опасаясь,

чтобы онъ не овладѣлъ нашими 6-ю знаменами и 6-ю пушками Нижегородскаго полка, остававшимися безъ защиты, приказалъ мнѣ поспѣшно собрать 6 баталіоновъ 11-го Егерскаго и Нашебургскаго полковъ и отправилъ меня съ ними въ землянки, гдѣ я и провелъ очень неудобно и совершенно безполезно цѣлый мѣсяцъ.

Въ маѣ 1808 года, вернулся во Францію французскій посолъ въ Константинополѣ и нашъ злѣйшій врагъ Себастіани... Онъ проѣхалъ черезъ Шумлу, Рущукъ, Бухарестъ и Яссы, и вездѣ ему были оказаны большія почести. Отовсюду для сопровожденія его были высылаемы эскадроны, а охрана его была точно такая же, какъ и для нашего главнокомандующаго. Послѣдній же, по слабости ли, изъ желанія ли угодить своему двору, или изъ страха, который внушалъ тогда Наполеонъ, забылъ о своихъ лѣтахъ, чинѣ и достоинствѣ и былъ уже слишкомъ привѣтливъ къ французскому послу. Себастіани замѣтилъ эту слабость и воспользовался ею, чтобы узнать все, что ему было нужно. Онъ былъ однако очень любезенъ къ князю и, между прочими любезностями, обращенными къ князю, онъ выразилъ свое удовольствіе, чествуя Нестора генераловъ. Этотъ комплиментъ былъ не особенно удаченъ, но Прозоровскій нашелъ его очень лестнымъ.

Впрочемъ, Себастіани, который зналъ, чего держаться во время этой войны, повѣдалъ ему съ большей откровенностью, чего отъ него можно было ожидать, что мы должны приготовиться испытать большія затрудненія въ этой войнѣ и что онъ, прекрасно зная турокъ и ихъ способы вести войну, самъ посовѣтовалъ имъ укрѣпляться до послѣдней деревушки и уже тамъ ожидать насъ, но ни въ какомъ случаѣ не давать сраженія въ открытомъ полѣ. Князь Прозоровскій уже зналъ объ этомъ отъ генералъ-адъютанта Маріяжи, который, уѣхавъ отъ Мустафы-Байрактара, проѣхалъ Яссы раньше Себастіани. Совѣты, которые этотъ посланникъ далъ туркамъ, были такъ хороши, что они ихъ исполнили въ точности.

Въ маѣ мѣсяцѣ князь Прозоровскій вмѣстѣ съ своими войсками расположился лагеремъ, такъ какъ былъ увѣренъ, что мы все еще находимся на боевыхъ позиціяхъ. Такое размѣщеніе было совершенно безполезно. Было бы безъ сомнѣнія лучше, если бы онъ поставилъ свои войска по деревнямъ, расположеннымъ въ горахъ, которыя граничатъ съ Трансильваніей, Буковиной и проч.; тогда, быть можетъ, онъ сохранилъ бы около 12.000 человѣкъ, погибшихъ въ лагеряхъ отъ болѣзни.

Исаевъ расположился около Краіова, а Милорадовичъ—около Бухареста, въ Капачени, и здѣсь постоянная безпечность, недостатокъ заботливости по отношенію къ своимъ войскамъ, а также пло-

*

чтобы онъ не овладѣлъ нашими 6-ю знаменами и 6-ю пушками Нижегородскаго полка, остававшимися безъ защиты, приказалъ мнѣ поспѣшно собрать 6 баталіоновъ 11-го Егерскаго и Нашебургскаго полковъ и отправилъ меня съ ними въ землянки, гдѣ я и провелъ очень неудобно и совершенно безполезно цѣлый мѣсяцъ.

Въ маѣ 1808 года, вернулся во Францію французскій посолъ въ Константинополѣ и нашъ злѣйшій врагъ Себастіани... Онъ проѣхалъ черезъ Шумлу, Рущукъ, Бухарестъ и Яссы, и вездѣ ему были оказаны большія почести. Отовсюду для сопровожденія его были высылаемы эскадроны, а охрана его была точно такая же, какъ и для нашего главнокомандующаго. Послѣдній же, по слабости ли, изъ желанія ли угодить своему двору, или изъ страха, который внушалъ тогда Наполеонъ, забылъ о своихъ лѣтахъ, чинѣ и достоинствѣ и былъ уже слишкомъ привѣтливъ къ французскому послу. Себастіани замѣтилъ эту слабость и воспользовался ею, чтобы узнать все, что ему было нужно. Онъ былъ однако очень любезенъ къ князю и, между прочими любезностями, обращенными къ князю, онъ выразилъ свое удовольствіе, чествуя Нестора генераловъ. Этотъ комплиментъ былъ не особенно удаченъ, но Прозоровскій нашелъ его очень лестнымъ.

Впрочемъ, Себастіани, который зналъ, чего держаться во время этой войны, повѣдалъ ему съ большей откровенностью, чего отъ него можно было ожидать, что мы должны приготовиться испытать большія затрудненія въ этой войнѣ и что онъ, прекрасно зная турокъ и ихъ способы вести войну, самъ посовѣтовалъ имъ укрѣпляться до послѣдней деревушки и уже тамъ ожидать насъ, но ни въ какомъ случаѣ не давать сраженія въ открытомъ полѣ. Князь Прозоровскій уже зналъ объ этомъ отъ генералъ-адъютанта Маріяжи, который, уѣхавъ отъ Мустафы-Байрактара, проѣхалъ Яссы раньше Себастіани. Совѣты, которые этотъ посланникъ далъ туркамъ, были такъ хороши, что они ихъ исполнили въ точности.

Въ маѣ мѣсяцѣ князь Прозоровскій вмѣстѣ съ своими войсками расположился лагеремъ, такъ какъ былъ увѣренъ, что мы все еще находимся на боевыхъ позиціяхъ. Такое размѣщеніе было совершенно безполезно. Было бы безъ сомнѣнія лучше, если бы онъ поставилъ свои войска по деревнямъ, расположеннымъ въ горахъ, которыя граничатъ съ Трансильваніей, Буковиной и проч.; тогда, быть можетъ, онъ сохранилъ бы около 12.000 человѣкъ, погибшихъ въ лагеряхъ отъ болѣзни.

Исаевъ расположился около Краіова, а Милорадовичъ—около Бухареста, въ Капачени, и здѣсь постоянная безпечность, недостатокъ заботливости по отношенію къ своимъ войскамъ, а также пло-

*

хой провіантъ, который поставляли его друзья валахи, стоило жизни почти четвертой части несчастныхъ солдатъ, состоящихъ подъ его начальствомъ. Самъ онъ оставался въ Бухарестѣ, въ домѣ Филипеско, и только изрѣдка посѣщалъ лагерь. 15-ая дивизія, которая прибыла значительно позднѣе, расположилась около Фокшанъ. Князь Прозоровскій и генералъ Кутузовъ вмѣстѣ съ 8-ой и 22-ой дивизіями, а также и частью 12-ой и 16-ой провели лѣто въ большомъ Кальяновскомъ лагерѣ.

С. Кальяни расположено около Сербонешти, между Серетомъ и Потурно,—въ 25 верстахъ отъ Фокшанъ и въ 20 верстахъ отъ Текучъ. Здѣсь, въ 1789 году, останавливался фельдмаршалъ Суворовъ. Это была великолѣпная оборонительная позиція, и намъ только не доставало непріятеля.

Генералъ Кутузовъ покинулъ Яссы только для того, чтобы посѣтить Кальяни; онъ скоро вернулся обратно въ Яссы, не выходя никуда изъ своей комнаты или изъ кареты.

Князь Прозоровскій издалъ приказъ, по которому всѣ женщины должны были быть изгнаны изъ лагеря. Военный министръ графъ Аракчеевъ подтвердилъ этотъ приказъ, но это ни къ чему не привело, и я никогда не видалъ въ лагеряхъ такого множества женскаго персонала, какъ тогда. Кутузовъ не могъ существовать безъ ихъ общества, и онѣ окружали его толпами. Прозоровскій не зналъ объ этомъ или дѣлалъ видъ, что не знаетъ, но только Кальяновскій лагерь былъ переполненъ всевозможными интригами.

Князь Прозоровскій, всегда дѣятельный и желавшій все видѣть самъ, безпрестанно наѣзжалъ въ Хотинъ, Болтини (навстрѣчу 15-ой дивизіи), Бухарестъ и въ Бессарабію.

Я расположился въ с. Табакъ, а Ротовъ въ Татарбунарѣ. Князь Прозоровскій издалъ диспозицію общую для всей арміи. Для всѣхъ этихъ поѣздокъ онъ велѣлъ выставлять черезъ каждыя 15 верстъ по 80 полковыхъ лошадей и на каждомъ изъ этихъ этаповъ были расположены баталіоны егерей, эскадроны кавалеріи и казаки для его конвоированія; онъ все воображалъ, что турки непремѣнно что-нибудь противъ него предпринимаютъ.

На одной станціи, около Табака, въ ожиданіи лошадей, онъ вмѣстѣ со мной и генераломъ Гартингомъ, сопровождавшимъ его въ этомъ путешествіи, прошелъ съ полъ-версты впередъ. Навстрѣчу намъ шли наметомъ возвращавшіеся съ разъѣзда 50 казаковъ. Прозоровскій, вообразивъ, что это турки, пустился бѣжать, насколько ему позволяли его 80 лѣтъ, а намъ съ Гартингомъ ничего больше не оставалось дѣлать, какъ бѣжать за нимъ, чтобы его остановить;

хой провіантъ, который поставляли его друзья валахи, стоило жизни почти четвертой части несчастныхъ солдатъ, состоящихъ подъ его начальствомъ. Самъ онъ оставался въ Бухарестѣ, въ домѣ Филипеско, и только изрѣдка посѣщалъ лагерь. 15-ая дивизія, которая прибыла значительно позднѣе, расположилась около Фокшанъ. Князь Прозоровскій и генералъ Кутузовъ вмѣстѣ съ 8-ой и 22-ой дивизіями, а также и частью 12-ой и 16-ой провели лѣто въ большомъ Кальяновскомъ лагерѣ.

С. Кальяни расположено около Сербонешти, между Серетомъ и Потурно,—въ 25 верстахъ отъ Фокшанъ и въ 20 верстахъ отъ Текучъ. Здѣсь, въ 1789 году, останавливался фельдмаршалъ Суворовъ. Это была великолѣпная оборонительная позиція, и намъ только не доставало непріятеля.

Генералъ Кутузовъ покинулъ Яссы только для того, чтобы посѣтить Кальяни; онъ скоро вернулся обратно въ Яссы, не выходя никуда изъ своей комнаты или изъ кареты.

Князь Прозоровскій издалъ приказъ, по которому всѣ женщины должны были быть изгнаны изъ лагеря. Военный министръ графъ Аракчеевъ подтвердилъ этотъ приказъ, но это ни къ чему не привело, и я никогда не видалъ въ лагеряхъ такого множества женскаго персонала, какъ тогда. Кутузовъ не могъ существовать безъ ихъ общества, и онѣ окружали его толпами. Прозоровскій не зналъ объ этомъ или дѣлалъ видъ, что не знаетъ, но только Кальяновскій лагерь былъ переполненъ всевозможными интригами.

Князь Прозоровскій, всегда дѣятельный и желавшій все видѣть самъ, безпрестанно наѣзжалъ въ Хотинъ, Болтини (навстрѣчу 15-ой дивизіи), Бухарестъ и въ Бессарабію.

Я расположился въ с. Табакъ, а Ротовъ въ Татарбунарѣ. Князь Прозоровскій издалъ диспозицію общую для всей арміи. Для всѣхъ этихъ поѣздокъ онъ велѣлъ выставлять черезъ каждыя 15 верстъ по 80 полковыхъ лошадей и на каждомъ изъ этихъ этаповъ были расположены баталіоны егерей, эскадроны кавалеріи и казаки для его конвоированія; онъ все воображалъ, что турки непремѣнно что-нибудь противъ него предпринимаютъ.

На одной станціи, около Табака, въ ожиданіи лошадей, онъ вмѣстѣ со мной и генераломъ Гартингомъ, сопровождавшимъ его въ этомъ путешествіи, прошелъ съ полъ-версты впередъ. Навстрѣчу намъ шли наметомъ возвращавшіеся съ разъѣзда 50 казаковъ. Прозоровскій, вообразивъ, что это турки, пустился бѣжать, насколько ему позволяли его 80 лѣтъ, а намъ съ Гартингомъ ничего больше не оставалось дѣлать, какъ бѣжать за нимъ, чтобы его остановить;

мы это и сдѣлали; но это бѣгство трехъ генераловъ дѣйствительно было комично.

Въ Татарбунарѣ у князя Прозоровскаго произошли неудовольствія противъ генерала Ротова за то, что тотъ приказалъ снять часовыхъ лагеря и охрану постовъ и собраться къ своимъ полкамъ, которые должны были продефилировать мимо князя. Нѣкоторое время спустя пришелъ и мой чередъ попасть въ немилость изъ-за той же причины. Нашъ старый фельдмаршалъ былъ чрезвычайно точенъ во времени, и его строгость, вѣрнѣе сказать, педантичность, доходила прямо до необычайности; въ этомъ отношеніи онъ раздѣлялъ мнѣніе фельдмаршала Румянцева, подъ начальствомъ котораго и служилъ. Улучшенія, которыя ввелъ князь Потемкинъ въ солдатской жизни, одеждѣ и службѣ, казались ему оскорбленіемъ порядка, а невниманіе къ какимъ-нибудь мелочамъ—преступленіемъ.

Онъ самъ назначалъ число карауловъ, которое должно было имѣть въ лагеряхъ; число ихъ было такъ велико, что оно равнялось почти четверти всѣхъ находящихся подъ ружьемъ. Было двѣ цѣпи часовыхъ, дотого сжатыхъ, что издали ихъ принимали за линейныя войска.

Это страшно утомляло войска, что при жаркомъ климатѣ Молдавіи и Валахіи и при употребленіи не зрѣлыхъ плодовъ, поѣдавшихся солдатами безъ всякихъ предосторожностей, а также и при недостаткѣ вниманія, вслѣдствіе чего они ужасно страдали въ холодныя ночи—все это было причиной многихъ заболѣваній, развившихся въ лагерѣ. Въ одномъ Кальяновскомъ лагерѣ, въ госпиталѣ, было болѣе 4.000 человѣкъ, а ежедневно умирало отъ 20-ти, до 30-ти человѣкъ. Число дезертировавшихъ солдатъ, устраивавшихъ свое бѣгство съ помощью жителей, дошло до невѣроятной цифры. Жалѣя солдатъ болѣе, чѣмъ Прозоровскій, и зная хорошо по опыту климатъ береговъ Дуная, я сдѣлалъ распоряженіе, чтобы часовые на день снимались и требовалъ, чтобы солдаты одѣвались теплѣе, а ночью покрывались бы шинелями, запретилъ употребленіе въ пищу плодовъ и даже арбузовъ, разрѣшенныхъ прежде, такъ какъ солдаты съѣдали даже и корки арбузовъ. Этими предосторожностями я достигъ, что лихорадки прекратились и, въ моей дивизіи, въ каждомъ полку было не болѣе какъ по 50 человѣкъ больныхъ. Это служитъ доказательствомъ, что заботами и хорошимъ питаніемъ можно ослабить эпидемію, уносившую такъ много жертвъ изъ нашей Молдавской арміи.

Одинъ солдатъ, бѣжавшій изъ лагеря, былъ пойманъ и приведенъ къ главнокомандующему, который всегда самъ опрашивалъ дезертировъ. Солдатъ сознался, что онъ убѣжалъ, когда цѣпь часо-

мы это и сдѣлали; но это бѣгство трехъ генераловъ дѣйствительно было комично.

Въ Татарбунарѣ у князя Прозоровскаго произошли неудовольствія противъ генерала Ротова за то, что тотъ приказалъ снять часовыхъ лагеря и охрану постовъ и собраться къ своимъ полкамъ, которые должны были продефилировать мимо князя. Нѣкоторое время спустя пришелъ и мой чередъ попасть въ немилость изъ-за той же причины. Нашъ старый фельдмаршалъ былъ чрезвычайно точенъ во времени, и его строгость, вѣрнѣе сказать, педантичность, доходила прямо до необычайности; въ этомъ отношеніи онъ раздѣлялъ мнѣніе фельдмаршала Румянцева, подъ начальствомъ котораго и служилъ. Улучшенія, которыя ввелъ князь Потемкинъ въ солдатской жизни, одеждѣ и службѣ, казались ему оскорбленіемъ порядка, а невниманіе къ какимъ-нибудь мелочамъ—преступленіемъ.

Онъ самъ назначалъ число карауловъ, которое должно было имѣть въ лагеряхъ; число ихъ было такъ велико, что оно равнялось почти четверти всѣхъ находящихся подъ ружьемъ. Было двѣ цѣпи часовыхъ, дотого сжатыхъ, что издали ихъ принимали за линейныя войска.

Это страшно утомляло войска, что при жаркомъ климатѣ Молдавіи и Валахіи и при употребленіи не зрѣлыхъ плодовъ, поѣдавшихся солдатами безъ всякихъ предосторожностей, а также и при недостаткѣ вниманія, вслѣдствіе чего они ужасно страдали въ холодныя ночи—все это было причиной многихъ заболѣваній, развившихся въ лагерѣ. Въ одномъ Кальяновскомъ лагерѣ, въ госпиталѣ, было болѣе 4.000 человѣкъ, а ежедневно умирало отъ 20-ти, до 30-ти человѣкъ. Число дезертировавшихъ солдатъ, устраивавшихъ свое бѣгство съ помощью жителей, дошло до невѣроятной цифры. Жалѣя солдатъ болѣе, чѣмъ Прозоровскій, и зная хорошо по опыту климатъ береговъ Дуная, я сдѣлалъ распоряженіе, чтобы часовые на день снимались и требовалъ, чтобы солдаты одѣвались теплѣе, а ночью покрывались бы шинелями, запретилъ употребленіе въ пищу плодовъ и даже арбузовъ, разрѣшенныхъ прежде, такъ какъ солдаты съѣдали даже и корки арбузовъ. Этими предосторожностями я достигъ, что лихорадки прекратились и, въ моей дивизіи, въ каждомъ полку было не болѣе какъ по 50 человѣкъ больныхъ. Это служитъ доказательствомъ, что заботами и хорошимъ питаніемъ можно ослабить эпидемію, уносившую такъ много жертвъ изъ нашей Молдавской арміи.

Одинъ солдатъ, бѣжавшій изъ лагеря, былъ пойманъ и приведенъ къ главнокомандующему, который всегда самъ опрашивалъ дезертировъ. Солдатъ сознался, что онъ убѣжалъ, когда цѣпь часо-

выхъ была снята (конечно, такое сообщеніе было для меня очень непріятно). Показаніе солдата привело въ ярость князя Прозоровскаго, и онъ послалъ мнѣ слѣдующее собственноручное письмо:

„По тому способу дѣйствій, какъ Вы исполняете приказанія Вашихъ начальниковъ, я вижу, что Вы начали службу въ Россіи во времена князя Потемкина, когда служба была совершенно испорчена. Я долженъ Вамъ сказать, Ваше Превосходительство, что модная филантропія не пригодна къ военному дѣлу и что главная обязанность подчиненнаго генерала состоитъ въ точномъ и слѣпомъ послушаніи своего начальника. Почтеніе и уваженіе, которое я къ Вамъ питаю, составляютъ единственную причину, по которой я не рѣшаюсь придать этотъ упрекъ гласности“.

Я думалъ, что этимъ дѣло и кончится, но это письмо не помѣшало нашему почтенному старцу сдѣлать мнѣ публичный выговоръ въ приказѣ по арміи. Мнѣ служило утѣшеніемъ все-таки, что я спасъ жизнь не одной тысячѣ человѣкъ!

Тѣмъ не менѣе, по окончаніи кампаніи, суровый, но справедливый князь Прозоровскій не могъ не отдать мнѣ благодарности въ приказѣ (въ противоположность предъидущему) за мои заботы объ арміи и за сохраненіе жизни солдатъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ кн. Прозоровскій, зная, что Пегливанъ укрѣпился въ Измаилѣ, сталъ опасаться за Бессарабію (гдѣ, собственно говоря, онъ ничего не могъ потерять кромѣ выжженной солнцемъ травы) и заставилъ меня перейти изъ с. Табакъ къ озеру Котлибухъ, гдѣ я и расположился въ 25 верстахъ отъ Измаила. Передвиженіе это было совершенно безполезно.

Прошло болѣе 2-хъ мѣсяцевъ, какъ мой отрядъ соединился съ отрядомъ генерала Ротта, передвинутымъ изъ Татарбунара, гдѣ было оставлено 2 баталіона совершенно больныхъ солдатъ. Въ Киліи же остались маленькій гарнизонъ и флотилія.

Въ продолженіе всего лѣта я поддерживалъ очень дѣятельную и крайне дружескую переписку съ Пегливаномъ, который, повидимому, не хотѣлъ ничего предпринимать противъ меня.

Онъ предупредилъ меня о готовящихся мятежахъ 19-го мая и 16-го іюля, низвергнувшихъ съ престола султановъ Селима и Мустафу и возведшихъ на кровавый престолъ султана Махмуда. Ниже, (въ объяснительной запискѣ) я изложу историческія подробности этихъ событій.

Эта вторая революція, когда Мустафа-Байрактаръ, рущукскій ага, смѣнилъ великаго визиря, дала Пегливану большія надежды на будущее благосостояніе.

Мустафа, также какъ и Пегливанъ, были разбойники, связанные

выхъ была снята (конечно, такое сообщеніе было для меня очень непріятно). Показаніе солдата привело въ ярость князя Прозоровскаго, и онъ послалъ мнѣ слѣдующее собственноручное письмо:

„По тому способу дѣйствій, какъ Вы исполняете приказанія Вашихъ начальниковъ, я вижу, что Вы начали службу въ Россіи во времена князя Потемкина, когда служба была совершенно испорчена. Я долженъ Вамъ сказать, Ваше Превосходительство, что модная филантропія не пригодна къ военному дѣлу и что главная обязанность подчиненнаго генерала состоитъ въ точномъ и слѣпомъ послушаніи своего начальника. Почтеніе и уваженіе, которое я къ Вамъ питаю, составляютъ единственную причину, по которой я не рѣшаюсь придать этотъ упрекъ гласности“.

Я думалъ, что этимъ дѣло и кончится, но это письмо не помѣшало нашему почтенному старцу сдѣлать мнѣ публичный выговоръ въ приказѣ по арміи. Мнѣ служило утѣшеніемъ все-таки, что я спасъ жизнь не одной тысячѣ человѣкъ!

Тѣмъ не менѣе, по окончаніи кампаніи, суровый, но справедливый князь Прозоровскій не могъ не отдать мнѣ благодарности въ приказѣ (въ противоположность предъидущему) за мои заботы объ арміи и за сохраненіе жизни солдатъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ кн. Прозоровскій, зная, что Пегливанъ укрѣпился въ Измаилѣ, сталъ опасаться за Бессарабію (гдѣ, собственно говоря, онъ ничего не могъ потерять кромѣ выжженной солнцемъ травы) и заставилъ меня перейти изъ с. Табакъ къ озеру Котлибухъ, гдѣ я и расположился въ 25 верстахъ отъ Измаила. Передвиженіе это было совершенно безполезно.

Прошло болѣе 2-хъ мѣсяцевъ, какъ мой отрядъ соединился съ отрядомъ генерала Ротта, передвинутымъ изъ Татарбунара, гдѣ было оставлено 2 баталіона совершенно больныхъ солдатъ. Въ Киліи же остались маленькій гарнизонъ и флотилія.

Въ продолженіе всего лѣта я поддерживалъ очень дѣятельную и крайне дружескую переписку съ Пегливаномъ, который, повидимому, не хотѣлъ ничего предпринимать противъ меня.

Онъ предупредилъ меня о готовящихся мятежахъ 19-го мая и 16-го іюля, низвергнувшихъ съ престола султановъ Селима и Мустафу и возведшихъ на кровавый престолъ султана Махмуда. Ниже, (въ объяснительной запискѣ) я изложу историческія подробности этихъ событій.

Эта вторая революція, когда Мустафа-Байрактаръ, рущукскій ага, смѣнилъ великаго визиря, дала Пегливану большія надежды на будущее благосостояніе.

Мустафа, также какъ и Пегливанъ, были разбойники, связанные

между собой общими интересами, но третья революція 2-го ноября, стоившая жизни новому великому визирю, разрушила всѣ радужныя надежды Пегливана. Обезпокоенный своей судьбой, онъ былъ такъ неостороженъ, что открылъ мнѣ всѣ свои планы.

Въ положеніи Пегливана необходимо было имѣть деньги, а такъ какъ Пегливанъ зналъ, что таковыя имѣются у бабадагскаго аги, то онъ рѣшилъ поѣхать туда и преслѣдовать его различными угрозами до тѣхъ поръ, пока тотъ не согласится дать ему средства для Измаильскаго гарнизона.

Отсюда видно, какъ одинъ паша грабитъ у другого награбленное же имущество. Какая нація! Какое управленіе!

Прежній великій визирь Мустафа Челибей, сверженный съ престола и смѣненный Мустафой, былъ совсѣмъ ограбленъ, лишенъ всѣхъ своихъ имѣній и отправленъ въ Измаилъ, гдѣ онъ и его приближенные и оставались, находясь подъ постояннымъ страхомъ потерять свою жизнь, въ ожиданіи приказанія Пегливана.

Е. Каменскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

между собой общими интересами, но третья революція 2-го ноября, стоившая жизни новому великому визирю, разрушила всѣ радужныя надежды Пегливана. Обезпокоенный своей судьбой, онъ былъ такъ неостороженъ, что открылъ мнѣ всѣ свои планы.

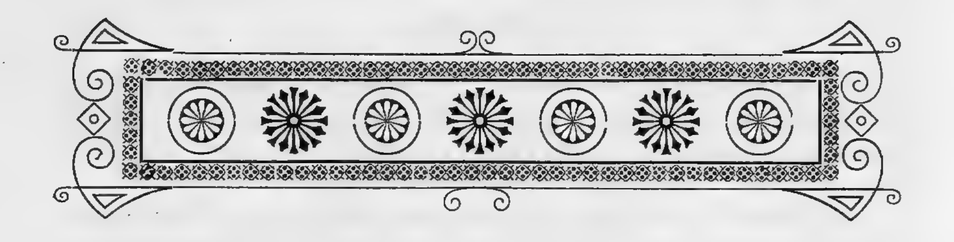
Въ положеніи Пегливана необходимо было имѣть деньги, а такъ какъ Пегливанъ зналъ, что таковыя имѣются у бабадагскаго аги, то онъ рѣшилъ поѣхать туда и преслѣдовать его различными угрозами до тѣхъ поръ, пока тотъ не согласится дать ему средства для Измаильскаго гарнизона.

Отсюда видно, какъ одинъ паша грабитъ у другого награбленное же имущество. Какая нація! Какое управленіе!

Прежній великій визирь Мустафа Челибей, сверженный съ престола и смѣненный Мустафой, былъ совсѣмъ ограбленъ, лишенъ всѣхъ своихъ имѣній и отправленъ въ Измаилъ, гдѣ онъ и его приближенные и оставались, находясь подъ постояннымъ страхомъ потерять свою жизнь, въ ожиданіи приказанія Пегливана.

Е. Каменскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).



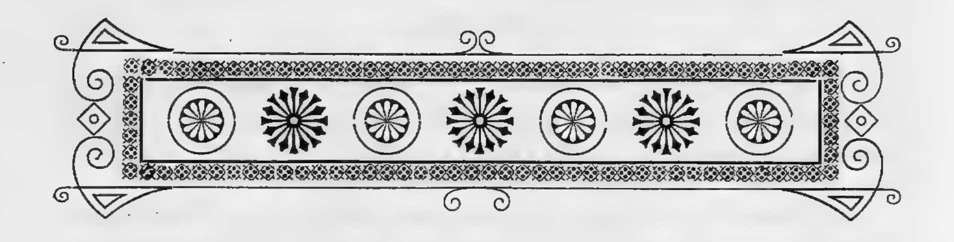
История карелъ[1]).

III.

Переселеніе карелъ-біармовъ отъ береговъ Бѣлаго моря на перешеекъ между Ладожскимъ озеромъ и Финскимъ заливомъ.

Могущество и значеніе Біармійскаго государства основывалось на томъ торговомъ движеніи, которое въ VII, VIII отчасти въ IX вѣкѣ шло отъ устьевъ Волги, отъ хозаръ, къ среднему теченію ея, къ болгарамъ, затѣмъ къ устью Сѣв. Двины, біармамъ, получавшимъ себѣ наиболѣе цѣнные продукты для участія въ этомъ торговомъ движеніи отъ лапландцевъ. Во вторую половину IX вѣка въ нынѣшней южной Россіи появляются печенѣги и другіе кочевники, пошатнувшіе могущество хозарской державы и тѣмъ сильно сократившіе торговое движеніе по Волгѣ. Въ то же самое время по берегамъ Нѣмецкаго моря и юго-западнымъ берегамъ Балтійскаго моря сформировывались германскими племенами новыя государства, вызвавшія мореходство на этихъ моряхъ, слѣдствіемъ чего было возникновеніе новаго торговаго пути отъ восточныхъ береговъ Балтійскаго моря на западъ. Продукты, которыми была богата тогдашняя лапландская глушь, могли найти себѣ столь же хорошій сбытъ и на новомъ западномъ пути. Но въ отношеніи къ этому новому западному торговому движенію карелы-біармы оказывались въ крайне невыгодныхъ условіяхъ: они были теперь не между источникомъ полученія продуктовъ обмѣна съ одной стороны и мѣстностями сбы-

[1]) См. „Русская Старина“ 1907 г. августъ.



Исторія карелъ[1]).

III.

Переселеніе карелъ-біармовъ отъ береговъ Бѣлаго моря на перешеекъ между Ладожскимъ озеромъ и Финскимъ заливомъ.

Могущество и значеніе Біармійскаго государства основывалось на томъ торговомъ движеніи, которое въ VII, VIII отчасти въ IX вѣкѣ шло отъ устьевъ Волги, отъ хозаръ, къ среднему теченію ея, къ болгарамъ, затѣмъ къ устью Сѣв. Двины, біармамъ, получавшимъ себѣ наиболѣе цѣнные продукты для участія въ этомъ торговомъ движеніи отъ лапландцевъ. Во вторую половину IX вѣка въ нынѣшней южной Россіи появляются печенѣги и другіе кочевники, пошатнувшіе могущество хозарской державы и тѣмъ сильно сократившіе торговое движеніе по Волгѣ. Въ то же самое время по берегамъ Нѣмецкаго моря и юго-западнымъ берегамъ Балтійскаго моря сформировывались германскими племенами новыя государства, вызвавшія мореходство на этихъ моряхъ, слѣдствіемъ чего было возникновеніе новаго торговаго пути отъ восточныхъ береговъ Балтійскаго моря на западъ. Продукты, которыми была богата тогдашняя лапландская глушь, могли найти себѣ столь же хорошій сбытъ и на новомъ западномъ пути. Но въ отношеніи къ этому новому западному торговому движенію карелы-біармы оказывались въ крайне невыгодныхъ условіяхъ: они были теперь не между источникомъ полученія продуктовъ обмѣна съ одной стороны и мѣстностями сбы-

[1]) См. „Русская Старина" 1907 г. августъ.

та ихъ съ другой, какъ то было во времена процвѣтанія восточнаго торговаго движенія, а на такой окраинѣ новаго торговаго движенія, положеніе на которой грозило имъ голодною смертію. Хорошее знакомство съ лапландскою глушью указало кареламъ на выходъ изъ такого положенія: нужно было занять и въ этомъ новомъ западномъ торговомъ движеніи то же положеніе посредниковъ между лапландскою глушью съ одной стороны и мѣстами сбыта продуктовъ лапландской глуши на западѣ съ другой стороны. А такое положеніе они могли занять, лишь переселившись на извѣстный уже имъ перешеекъ между Ладожскимъ озеромъ и Финскимъ заливомъ, который былъ занятъ ихъ же данниками лапландцами. Большая часть карелъ-біармовъ, по всей вѣроятности, и переселилась сюда въ теченіе X вѣка. Переселеніе, очевидно, шло тѣмъ самымъ путемъ, которымъ карелы и прежде пересѣкали лапландскую глушь по направленію съ сѣвера на югъ, т. е. съ рѣки Кеми на верховье рѣки Улео, отсюда на озера Сайменскаго бассейна: Піэлисъ-ярви, Ориреси, Пюхяярви. Пюхяярви же отдѣляется лишь волокомъ въ 2 мили шириною отъ рѣкъ, впадающихъ въ Ладожское озеро.

Первое время при торговомъ обмѣнѣ карелъ съ западомъ происходитъ у нихъ смѣшеніе принесенныхъ ими съ собою арабскихъ монетъ и вообще украшеній востока съ западными, при чемъ послѣднія скоро вытѣснили монеты и украшенія востока. По поводу этого смѣшенія монетъ и украшеній мы читаемъ въ „Kuvauksia Suomen Kansan esihistoriasta“ слѣдующее: „Постепенное измѣненіе стараго на новое видно изъ появленія западныхъ монетъ въ ряду арабскихъ во многихъ находкахъ Швеціи. Имѣется въ виду главнымъ образомъ островъ Готтландъ, бывшій за все время язычества и особенно за время восточной торговли центромъ восточной Скандинавіи. Объ измѣненіи пишетъ Х. Хильдебрандъ: въ началѣ западные элементы ничтожны сравнительно съ восточными, потомъ они дѣлаются равными, и наконецъ—встрѣчаются лишь отдѣльныя арабскія монеты среди сотенъ монетъ земель Западной Европы... Что касается времени этихъ западныхъ сношеній, могу лишь дать намеки: за начало можно считать время правленія Оттона Великаго (936—973), наиболѣе же юныя англійскія деньги отчеканены Вильгельмомъ Завоевателемъ, такъ что онѣ послѣ 1066 года...

„Наибольшіе клады англосаксонскихъ монетъ земля въ Финляндіи и Кареліи скрыла въ Ускела, Райсіо, Ноусіайненъ, Пялькяне, Ностола, Куркіоки и пр., и деньги относятся главнымъ образомъ къ англійскому государю Этельреду II (978—1016) и датскому—Кнуту Великому (1016—1035)“. (Стр. 198, 199).

та ихъ съ другой, какъ то было во времена процвѣтанія восточнаго торговаго движенія, а на такой окраинѣ новаго торговаго движенія, положеніе на которой грозило имъ голодною смертію. Хорошее знакомство съ лапландскою глушью указало кареламъ на выходъ изъ такого положенія: нужно было занять и въ этомъ новомъ западномъ торговомъ движеніи то же положеніе посредниковъ между лапландскою глушью съ одной стороны и мѣстами сбыта продуктовъ лапландской глуши на западѣ съ другой стороны. А такое положеніе они могли занять, лишь переселившись на извѣстный уже имъ перешеекъ между Ладожскимъ озеромъ и Финскимъ заливомъ, который былъ занятъ ихъ же данниками лапландцами. Большая часть карелъ-біармовъ, по всей вѣроятности, и переселилась сюда въ теченіе X вѣка. Переселеніе, очевидно, шло тѣмъ самымъ путемъ, которымъ карелы и прежде пересѣкали лапландскую глушь по направленію съ сѣвера на югъ, т. е. съ рѣки Кеми на верховье рѣки Улео, отсюда на озера Сайменскаго бассейна: Піэлисъ-ярви, Ориввеси, Пюхяярви. Пюхяярви же отдѣляется лишь волокомъ въ 2 мили шириною отъ рѣкъ, впадающихъ въ Ладожское озеро.

Первое время при торговомъ обмѣнѣ карелъ съ западомъ происходитъ у нихъ смѣшеніе принесенныхъ ими съ собою арабскихъ монетъ и вообще украшеній востока съ западными, при чемъ послѣднія скоро вытѣснили монеты и украшенія востока. По поводу этого смѣшенія монетъ и украшеній мы читаемъ въ „Kuvauksia Suomen Kansan esihistoriasta“ слѣдующее: „Постепенное измѣненіе стараго на новое видно изъ появленія западныхъ монетъ въ ряду арабскихъ во многихъ находкахъ Швеціи. Имѣется въ виду главнымъ образомъ островъ Готтландъ, бывшій за все время язычества и особенно за время восточной торговли центромъ восточной Скандинавіи. Объ измѣненіи пишетъ Х. Хильдебрандъ: въ началѣ западные элементы ничтожны сравнительно съ восточными, потомъ они дѣлаются равными, и наконецъ—встрѣчаются лишь отдѣльныя арабскія монеты среди сотенъ монетъ земель Западной Европы... Что касается времени этихъ западныхъ сношеній, могу лишь дать намеки: за начало можно считать время правленія Оттона Великаго (936—973), наиболѣе же юныя англійскія деньги отчеканены Вильгельмомъ Завоевателемъ, такъ что онѣ послѣ 1066 года...

„Наибольшіе клады англосаксонскихъ монетъ земля въ Финляндіи и Кареліи скрыла въ Ускела, Райсіо, Ноусіайненъ, Пялькяне, Ностола, Куркіоки и пр., и деньги относятся главнымъ образомъ къ англійскому государю Этельреду II (978—1016) и датскому—Кнуту Великому (1016—1035)“. (Стр. 198, 199).

Большая часть карелъ осѣла по сѣверо-западнымъ берегамъ Ладожскаго озера и нижнему теченію рѣки Вуоксы; часть ихъ прошла отсюда въ нижнее теченіе рѣки Невы и сдѣлалась извѣстною подъ именемъ ижоръ. Лапландцы, жившіе по сѣверо-западнымъ берегамъ Ладожскаго озера, или погибли въ неравной борьбѣ или подчинились кареламъ, слившись скоро съ ними. Вожане, населявшіе мѣстности по нижнему теченію Невы, были оттѣснены къ западу. Меньшая часть карелъ пошла по восточному берегу Ладожскаго озера и послѣ борьбы съ вепсами осѣла около нынѣшняго города Олонца. О борьбѣ карелъ съ вепсами говорятъ преданія, сохранившіяся среди олонецкихъ карелъ, показывающихъ могилы, гдѣ похоронена погибшая чудь [1]). Часть карелъ осталась въ мѣстностяхъ при устьѣ Улео, осталась часть и въ мѣстностяхъ при устьѣ Сѣв. Двины и по южнымъ берегамъ Бѣлаго моря. Несмотря на разселеніе, сношенія между карелами то мирныя—торговыя, то враждебныя не прекратились. „Въ 1887 году земля открыла свое сокровище въ Халике, на участкѣ Маяланкроувской торпы Іоэнсуйскаго помѣстья. Была найдена спрятанною въ глиняной посудинѣ группа очень замѣчательныхъ серебряныхъ предметовъ: 36 большихъ и маленькихъ, искусно украшенныхъ жемчужинъ, входившихъ въ красивую шейную или грудную цѣпь; крестъ Распятаго, золоченый, украшенный изображеніями и вырѣзанными именами святыхъ, а также два крестообразныхъ, открывающихся ящичка для храненія мощей—оба украшенные различно вырѣзанными изображеніями Христа и святыхъ и кольцами. Всѣ три креста были на серебряной цѣпочкѣ каждый. Эти серебряныя вещи относятся къ раннимъ среднимъ вѣкамъ; украшенія же ихъ такія, которыя употреблялись въ Западной Европѣ и Скандинавіи около 1000—1100 годовъ...“ [2]). Очевидно, эти серебряныя вещи попали сюда во время пути отъ приладожскихъ карелъ къ приботническимъ или наоборотъ. Между же приботническими и прибѣломорскими карелами часто велись войны, начиная съ IX вѣка, кончившіяся пораженіемъ приботническихъ и переселеніемъ въ нижнее теченіе Улео новой толпы прибѣломорскихъ [3]).

---

[1]) Борьба Новгорода со шведами и финнами по народнымъ сказаніямъ Елисѣева. (Древняя и Новая Россія 1880, кн. X).

[2]) Kuvauksia Suomen Kansan esihistoriasta, стр. 259.

[3]) Suomen asukaat pakanuuden aikana, стр. 64.

Большая часть карелъ осѣла по сѣверо-западнымъ берегамъ Ладожскаго озера и нижнему теченію рѣки Вуоксы; часть ихъ прошла отсюда въ нижнее теченіе рѣки Невы и сдѣлалась извѣстною подъ именемъ ижоръ. Лапландцы, жившіе по сѣверо-западнымъ берегамъ Ладожскаго озера, или погибли въ неравной борьбѣ или подчинились кареламъ, слившись скоро съ ними. Вожане, населявшіе мѣстности по нижнему теченію Невы, были оттѣснены къ западу. Меньшая часть карелъ пошла по восточному берегу Ладожскаго озера и послѣ борьбы съ вепсами осѣла около нынѣшняго города Олонца. О борьбѣ карелъ съ вепсами говорятъ преданія, сохранившіяся среди олонецкихъ карелъ, показывающихъ могилы, гдѣ похоронена погибшая чудь [1]). Часть карелъ осталась въ мѣстностяхъ при устьѣ Улео, осталась часть и въ мѣстностяхъ при устьѣ Сѣв. Двины и по южнымъ берегамъ Бѣлаго моря. Несмотря на разселеніе, сношенія между карелами то мирныя—торговыя, то враждебныя не прекратились. „Въ 1887 году земля открыла свое сокровище въ Халике, на участкѣ Маяланкроувской торпы Іоэнсуйскаго помѣстья. Была найдена спрятанною въ глиняной посудинѣ группа очень замѣчательныхъ серебряныхъ предметовъ: 36 большихъ и маленькихъ, искусно украшенныхъ жемчужинъ, входившихъ въ красивую шейную или грудную цѣпь; крестъ Распятаго, золоченый, украшенный изображеніями и вырѣзанными именами святыхъ, а также два крестообразныхъ, открывающихся ящичка для храненія мощей—оба украшенные различно вырѣзанными изображеніями Христа и святыхъ и кольцами. Всѣ три креста были на серебряной цѣпочкѣ каждый. Эти серебряныя вещи относятся къ раннимъ среднимъ вѣкамъ; украшенія же ихъ такія, которыя употреблялись въ Западной Европѣ и Скандинавіи около 1000—1100 годовъ...“ [2]). Очевидно, эти серебряныя вещи попали сюда во время пути отъ приладожскихъ карелъ къ приботническимъ или наоборотъ. Между же приботническими и прибѣломорскими карелами часто велись войны, начиная съ IX вѣка, кончившіяся пораженіемъ приботническихъ и переселеніемъ въ нижнее теченіе Улео новой толпы прибѣломорскихъ [3]).

---

[1]) Борьба Новгорода со шведами и финнами по народнымъ сказаніямъ Елисѣева. (Древняя и Новая Россія 1880, кн. X).

[2]) Kuvauksia Suomen Kansan esihistoriasta, стр. 259.

[3]) Suomen asukaat pakanuuden aikana, стр. 64.

Вѣтви карельскаго племени по переселенію значительной ихъ части къ берегамъ Ладожскаго озера.

Несмотря однако на эти сношенія, каждая изъ вѣтвей карельскаго племени съ момента разселенія имѣла свою исторію, при чемъ наибольшую извѣстность въ исторіи получили приладожскіе карелы, поселившіеся на перешейкѣ между Ладожскимъ озеромъ и Финскимъ заливомъ. Для ознакомленія съ географическими условіями этого перешейка, оказавшими вліяніе на занятія поселившихся здѣсь карелъ, мы воспользуемся трудомъ Руута — Viipurin Kaupungin Historia 1904. Viipuri (Исторія города Выборга). Изъ этого труда мы узнаемъ, что въ прежнія времена рѣка Вуокса изливала часть своихъ водъ прямо въ Финскій заливъ въ мѣстѣ нынѣшняго Выборга посредствомъ рукава, который, отдѣлившись отъ Вуоксы у Хейньоки, вливался въ Финскій заливъ черезъ Юливези, представлявшее тогда большое озеро. Происходящее столѣтіями поднятіе почвы понемногу сдѣлало этотъ рукавъ труднопроходимымъ и наконецъ совершенно отдѣлило его отъ Вуоксы. Однако въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, когда водные пути были единственными средствами сообщенія, этотъ путь былъ на-ряду съ Невою, соединительнымъ путемъ между Финскимъ заливомъ и Ладожскимъ озеромъ. Еще въ XVI вѣкѣ пользовались имъ, хотя въ это время на немъ уже было до 8 волоковъ, нѣкоторые въ $^1/_6$ мили длиною, такъ что большія и тяжело нагруженныя лодки не могли быть отправляемы по этому пути. Несмотря на такія неудобства, этотъ путь былъ важенъ для новгородцевъ въ тѣхъ случаяхъ, когда путь по Невѣ бывалъ кѣмъ-либо изъ враговъ Новгорода закрытъ для торговаго движенія, что̀ бывало довольно часто—вначалѣ со стороны викинговъ — скандинавовъ, или морскихъ разбойниковъ, потомъ со стороны ганзейскихъ купцовъ, ливонскихъ рыцарей и пр. Для самихъ карелъ этотъ водный путь былъ важенъ не только въ торговомъ отношеніи, но и въ отношеніи рыболовства и охоты. Берега Финскаго залива были богаты рыбою, мѣстныя озера близъ морскихъ береговъ привлекали къ себѣ бобрами, поселиться же по берегамъ Финскаго залива было опасно изъ-за нападеній проходившихъ мимо викинговъ и морскихъ разбойниковъ. Поэтому карелы ежегодно направлялись по этому пути съ береговъ Ладожскаго озера и рѣки Вуоксы на ловлю рыбы по прибрежнымъ островамъ Финскаго залива и ловлю бобровъ по лѣснымъ озерамъ близъ морскихъ береговъ. Находясь на рыбной ловлѣ по островамъ Финскаго залива, карелы вступали при случаѣ въ торговыя сношенія съ купцами,

Вѣтви карельскаго племени по переселенію значительной ихъ части къ берегамъ Ладожскаго озера.

Несмотря однако на эти сношенія, каждая изъ вѣтвей карельскаго племени съ момента разселенія имѣла свою исторію, при чемъ наибольшую извѣстность въ исторіи получили приладожскіе карелы, поселившіеся на перешейкѣ между Ладожскимъ озеромъ и Финскимъ заливомъ. Для ознакомленія съ географическими условіями этого перешейка, оказавшими вліяніе на занятія поселившихся здѣсь карелъ, мы воспользуемся трудомъ Руута — Viipurin Kaupungin Historia 1904. Viipuri (Исторія города Выборга). Изъ этого труда мы узнаемъ, что въ прежнія времена рѣка Вуокса изливала часть своихъ водъ прямо въ Финскій заливъ въ мѣстѣ нынѣшняго Выборга посредствомъ рукава, который, отдѣлившись отъ Вуоксы у Хейньоки, вливался въ Финскій заливъ черезъ Юливези, представлявшее тогда большое озеро. Происходящее столѣтіями поднятіе почвы понемногу сдѣлало этотъ рукавъ труднопроходимымъ и наконецъ совершенно отдѣлило его отъ Вуоксы. Однако въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, когда водные пути были единственными средствами сообщенія, этотъ путь былъ на-ряду съ Невою, соединительнымъ путемъ между Финскимъ заливомъ и Ладожскимъ озеромъ. Еще въ XVI вѣкѣ пользовались имъ, хотя въ это время на немъ уже было до 8 волоковъ, нѣкоторые въ $^{1}/_{6}$ мили длиною, такъ что большія и тяжело нагруженныя лодки не могли быть отправляемы по этому пути. Несмотря на такія неудобства, этотъ путь былъ важенъ для новгородцевъ въ тѣхъ случаяхъ, когда путь по Невѣ бывалъ кѣмъ-либо изъ враговъ Новгорода закрытъ для торговаго движенія, что̀ бывало довольно часто—вначалѣ со стороны викинговъ — скандинавовъ, или морскихъ разбойниковъ, потомъ со стороны ганзейскихъ купцовъ, ливонскихъ рыцарей и пр. Для самихъ карелъ этотъ водный путь былъ важенъ не только въ торговомъ отношеніи, но и въ отношеніи рыболовства и охоты. Берега Финскаго залива были богаты рыбою, мѣстныя озера близъ морскихъ береговъ привлекали къ себѣ бобрами, поселиться же по берегамъ Финскаго залива было опасно изъ-за нападеній проходившихъ мимо викинговъ и морскихъ разбойниковъ. Поэтому карелы ежегодно направлялись по этому пути съ береговъ Ладожскаго озера и рѣки Вуоксы на ловлю рыбы по прибрежнымъ островамъ Финскаго залива и ловлю бобровъ по лѣснымъ озерамъ близъ морскихъ береговъ. Находясь на рыбной ловлѣ по островамъ Финскаго залива, карелы вступали при случаѣ въ торговыя сношенія съ купцами,

направлявшимися къ устьямъ Невы и дѣлавшими обыкновенно продолжительную остановку въ Койвистскомъ (Бьеркскомъ) проливѣ. Но такъ какъ встрѣчи съ купцами были случайными и небезопасными въ виду возможныхъ нападеній разбойниковъ, что̀ не позволяло купцамъ свободно разложить для торговли всѣ свои товары, то Новгородъ и получилъ для карелъ значеніе рынка, гдѣ во всякое время могъ быть произведенъ обмѣнъ продуктовъ. При этихъ условіяхъ и карелы и новгородцы нуждались другъ въ другѣ и въ силу этого сдѣлались союзниками. Для карелъ, поселившихся на перешейкѣ между Ладожскимъ озеромъ и Финскимъ заливомъ, союзъ съ Новгородомъ былъ необходимъ и въ виду той вражды, которая возгорѣлась у нихъ съ ихъ западными сосѣдями ямелястами изъ-за притязаній на лапландскую глушь. Въ интересахъ новгородцевъ было помочь кареламъ овладѣть по возможности большимъ пространствомъ лапландской глуши, такъ какъ тѣмъ болѣе тогда карелы привозили въ Новгородъ шкурокъ пушного звѣря. Враждебныя же отношенія къ кареламъ были неудобны и въ томъ отношеніи, что могли отвлечь карелъ отъ Новгорода и вызвать появленіе торговаго города въ Койвистскомъ проливѣ. Поэтому-то вплоть до XIV вѣка карелы, жившіе между Ладожскимъ озеромъ и Финскимъ заливомъ, состоя въ тѣсномъ союзѣ съ Новгородомъ, въ то же время были независимы отъ него. Независимость карелъ подтверждается соглашеніемъ Новгорода съ княземъ Ярославомъ Ярославовичемъ въ 1264 году, въ которомъ перечисляются владѣнія Новгорода, но не говорится о Кареліи. Та же самая независимость карелъ обнаруживается и въ договорѣ Новгорода съ готландскими и нѣмецкими купцами 1270 года. По этому договору новгородскій князь отвѣчаетъ за убытки иноземныхъ купцовъ, понесенные ими въ новгородскихъ владѣніяхъ. „Но если готландцы и нѣмцы будутъ въ пути въ Кареліи и если съ ними что случится тамъ, то новгородцы къ этому не имѣютъ никакого отношенія“ [1]).

Древнѣйшіе города приладожскихъ карелъ: Олонецъ, Тиверскъ, Корела.

Нѣсколько иныя отношенія къ Новгороду были у карелъ Олонца. Поселившись въ странѣ враждебныхъ вепсовъ и имѣя въ Новгородѣ единственный для себя рынокъ, они съ самаго начала стали въ подчиненное положеніе къ Новгороду, безъ попытокъ даже противодѣйствовать ему. Неудивительно, поэтому, читать въ

[1]) Suomen Keskiajan historia. Forsström, 508, 509.

направлявшимися къ устьямъ Невы и дѣлавшими обыкновенно продолжительную остановку въ Койвистскомъ (Бьеркскомъ) проливѣ. Но такъ какъ встрѣчи съ купцами были случайными и небезопасными въ виду возможныхъ нападеній разбойниковъ, что не позволяло купцамъ свободно разложить для торговли всѣ свои товары, то Новгородъ и получилъ для карелъ значеніе рынка, гдѣ во всякое время могъ быть произведенъ обмѣнъ продуктовъ. При этихъ условіяхъ и карелы и новгородцы нуждались другъ въ другѣ и въ силу этого сдѣлались союзниками. Для карелъ, поселившихся на перешейкѣ между Ладожскимъ озеромъ и Финскимъ заливомъ, союзъ съ Новгородомъ былъ необходимъ и въ виду той вражды, которая возгорѣлась у нихъ съ ихъ западными сосѣдями ямелястами изъ-за притязаній на лапландскую глушь. Въ интересахъ новгородцевъ было помочь кареламъ овладѣть по возможности большимъ пространствомъ лапландской глуши, такъ какъ тѣмъ болѣе тогда карелы привозили въ Новгородъ шкурокъ пушного звѣря. Враждебныя же отношенія къ кареламъ были неудобны и въ томъ отношеніи, что могли отвлечь карелъ отъ Новгорода и вызвать появленіе торговаго города въ Койвистскомъ проливѣ. Поэтому-то вплоть до XIV вѣка карелы, жившіе между Ладожскимъ озеромъ и Финскимъ заливомъ, состоя въ тѣсномъ союзѣ съ Новгородомъ, въ то же время были независимы отъ него. Независимость карелъ подтверждается соглашеніемъ Новгорода съ княземъ Ярославомъ Ярославовичемъ въ 1264 году, въ которомъ перечисляются владѣнія Новгорода, но не говорится о Кареліи. Та же самая независимость карелъ обнаруживается и въ договорѣ Новгорода съ готландскими и нѣмецкими купцами 1270 года. По этому договору новгородскій князь отвѣчаетъ за убытки иноземныхъ купцовъ, понесенные ими въ новгородскихъ владѣніяхъ. „Но если готландцы и нѣмцы будутъ въ пути въ Кареліи и если съ ними что случится тамъ, то новгородцы къ этому не имѣютъ никакого отношенія“ [1]).

Древнѣйшіе города приладожскихъ карелъ: Олонецъ, Тиверскъ, Корела.

Нѣсколько иныя отношенія къ Новгороду были у карелъ Олонца. Поселившись въ странѣ враждебныхъ вепсовъ и имѣя въ Новгородѣ единственный для себя рынокъ, они съ самаго начала стали въ подчиненное положеніе къ Новгороду, безъ попытокъ даже противодѣйствовать ему. Неудивительно, поэтому, читать въ

[1]) Suomen Keskiajan historia. Forsström, 508, 509.

уставѣ новгородскаго князя Святослава отъ 1134 года о повинности олончанъ платить новгородскому владыкѣ 3 гривны. Это—первое упоминаніе Олонца въ памятникахъ. Происхожденіе названія Олонецъ Эрвасти объясняетъ такъ: „хотя и трудно объяснить, какъ произошло русское названіе Олонецъ, или какъ оно произносится—Алонецъ, все же вѣрно, что это названіе есть видоизмѣненіе первоначальной финской формы. Быть можетъ, первоначально слово это по-фински звучало Alannus, откуда по-русски получилось Алонецъ, а по-карельски—съ выпаденіемъ ради сокращенія звука a Alnos и съ перемѣною l на u Aunus. Мѣстность около Олонца есть бросающаяся постороннему человѣку въ глаза низменность (по-фински—aloako)“ [1]. „Олоньсь—Alannus, какъ городъ, впервые въ лѣтописи упоминается въ 1228 году.

По другую отъ Олонца сторону Ладожскаго озера наибольшее значеніе имѣлъ при поселеніи здѣсь карелъ городъ Тиверскъ. Слѣды его сохранились до настоящаго времени при прежнемъ руслѣ рѣки Вуоксы, въ разстояніи одной мили отъ Ряйсяльской кирки по дорогѣ къ Кивиніэми. Островъ, на которомъ была крѣпость, простирается на 225 метровъ въ длину и отъ 44 до 60 метровъ въ ширину. Тотъ фактъ, что ни въ одномъ изъ изслѣдованныхъ основаній бывшихъ здѣсь построекъ не найдено ни кирпича, ни известковаго цемента, равно какъ и старинные предметы, найденные въ развалинахъ этой крѣпости, говорятъ за существованіе этого города уже во времена язычества. „Двѣ арабскія монеты, найденныя въ развалинахъ, могутъ служить руководствомъ при опредѣленіи возраста крѣпости. Одна изъ монетъ отчеканена въ промежутокъ времени между 894 и 902 годомъ, вѣроятно, въ Самаркандѣ или Ташкентѣ; другая отъ 976 года. Вѣроятно, деньги прибыли въ Карелію въ XI или въ XII вѣкѣ, переходя во время продолжительнаго пути изъ Средней Азіи изъ рукъ въ руки. Весь кладъ зарытъ въ землю, можетъ быть, въ срединѣ или концѣ XII вѣка“ [2]. Тиверскій городъ существовалъ до 1411 года, когда его разрушили шведы. Впрочемъ, задолго уже до XV вѣка Тиверскъ потерялъ свое торговое и военное значеніе, уступивъ его городу Корелѣ, или какъ называли его шведы—Кексгольму. На скалѣ при устьѣ Вуоксы, по предположенію Т. Швиндта [3]), въ XII вѣкѣ, а вѣроятно, и ранѣе, карелами было построено укрѣпленіе такое же, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ западныхъ береговъ Ладожскаго озера. Существованіе въ

[1]) Ervasti Vâkiluvunseikoista Venâjân Karjalassa, 294.

[2]) Suomen Keskiajan historia. Forstrôm, 512.

[3]) Kakisalmen pesâlinnan ja entisen linnoitetun Kaupungin rakennushistorian aineksia. T. Schvindt.

уставѣ новгородскаго князя Святослава отъ 1134 года о повинности олончанъ платить новгородскому владыкѣ 3 гривны. Это—первое упоминаніе Олонца въ памятникахъ. Происхожденіе названія Олонецъ Эрвасти объясняетъ такъ: „хотя и трудно объяснить, какъ произошло русское названіе Олонецъ, или какъ оно произносится—Алонецъ, все же вѣрно, что это названіе есть видоизмѣненіе первоначальной финской формы. Быть можетъ, первоначально слово это по-фински звучало Alannus, откуда по-русски получилось Алонецъ, а по-карельски—съ выпаденіемъ ради сокращенія звука а Alnos и съ перемѣною l на u Aunus. Мѣстность около Олонца есть бросающаяся постороннему человѣку въ глаза низменность (по-фински—aloako)" [1]). „Олоньсь—Alannus, какъ городъ, впервые въ лѣтописи упоминается въ 1228 году.

По другую отъ Олонца сторону Ладожскаго озера наибольшее значеніе имѣлъ при поселеніи здѣсь карелъ городъ Тиверскъ. Слѣды его сохранились до настоящаго времени при прежнемъ руслѣ рѣки Вуоксы, въ разстояніи одной мили отъ Ряйсяльской кирки по дорогѣ къ Кивиніэми. Островъ, на которомъ была крѣпость, простирается на 225 метровъ въ длину и отъ 44 до 60 метровъ въ ширину. Тотъ фактъ, что ни въ одномъ изъ изслѣдованныхъ основаній бывшихъ здѣсь построекъ не найдено ни кирпича, ни известковаго цемента, равно какъ и старинные предметы, найденные въ развалинахъ этой крѣпости, говорятъ за существованіе этого города уже во времена язычества. „Двѣ арабскія монеты, найденныя въ развалинахъ, могутъ служить руководствомъ при опредѣленіи возраста крѣпости. Одна изъ монетъ отчеканена въ промежутокъ времени между 894 и 902 годомъ, вѣроятно, въ Самаркандѣ или Ташкентѣ; другая отъ 976 года. Вѣроятно, деньги прибыли въ Карелію въ XI или въ XII вѣкѣ, переходя во время продолжительнаго пути изъ Средней Азіи изъ рукъ въ руки. Весь кладъ зарытъ въ землю, можетъ быть, въ срединѣ или концѣ XII вѣка" [2]). Тиверскій городъ существовалъ до 1411 года, когда его разрушили шведы. Впрочемъ, задолго уже до XV вѣка Тиверскъ потерялъ свое торговое и военное значеніе, уступивъ его городу Корелѣ, или какъ называли его шведы—Кексгольму. На скалѣ при устьѣ Вуоксы, по предположенію Т. Швиндта [3]), въ XII вѣкѣ, а вѣроятно, и ранѣе, карелами было построено укрѣпленіе такое же, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ западныхъ береговъ Ладожскаго озера. Существованіе въ

[1]) Ervasti Väkiluvunseikoista Venäjän Karjalassa, 294.

[2]) Suomen Keskiajan historia. Forström, 512.

[3]) Kakisalmen pesälinnan ja entisen linnoitetun Kaupungin rakennushistorian aineksia. T. Schvindt.

XI вѣкѣ торговыхъ городковъ въ другихъ пунктахъ сѣверо-западныхъ береговъ Ладожскаго озера подтверждается показаніями археологіи. „На Линнавуори въ Куркіоки, находящейся на южномъ берегу Хямескаго залива, найдено очень много старинныхъ предметовъ, и въ ихъ числѣ: двѣ нѣмецкихъ серебряныхъ монеты XI вѣка и одна чеканенная арабская дирхема IX вѣка“ [1]). Въ этихъ и другихъ подобныхъ имъ находкахъ мы имѣемъ доказательство существовавшаго торговаго движенія по Ладожскому озеру и по рѣкѣ Вуоксѣ уже въ XI вѣкѣ.

Морскіе набѣги карелъ.

Къ сожалѣнію лишь, ни карелы, ни новгородцы не обратили въ свое время должнаго вниманія на укрѣпленіе западнаго конечнаго пункта того воднаго пути, который шелъ по Вуоксѣ изъ Ладожскаго озера въ Финскій заливъ. Мы имѣемъ въ виду нынѣшній Выборгскій заливъ, который, хотя и былъ въ сторонѣ отъ тогдашняго торговаго пути къ устью Невы, однако представлялъ собою удобный выходъ въ море. Отсюда карелы съ торговыми цѣлями направлялись въ Койвисто, отсюда же предпринимали и свои морскіе набѣги на своихъ соплеменниковъ—ямь и на шведовъ. Такъ въ 1143 году карелы предприняли морской набѣгъ на ямь, но неудачно: имъ пришлось бѣжать, при чемъ два ихъ корабля потерпѣли крушеніе. Наиболѣе замѣчательнымъ ихъ морскимъ набѣгомъ былъ набѣгъ на Швецію въ 1187 году. Этотъ набѣгъ былъ вызванъ желаніемъ отомстить викингамъ за ихъ девятилѣтнія постоянныя враждебныя дѣйствія противъ карелъ и русскихъ подъ начальствомъ ярла Іона. Появившись съ хорошимъ флотомъ у береговъ Швеціи, карелы по обычаю пробрались въ озеро Меларъ, предварительно сжегши епископское имѣніе Альмарстекъ и убивъ проживавшаго тамъ упсальскаго архіепископа Іоанна. Карелы напали на старый городъ Сигтуну, „самый сильный и богатый торговый городъ Швеціи, въ которомъ одновременно правило 4 бургомистра, и обойти который по валамъ можно было не менѣе, чѣмъ въ 6 часовъ“ [2]). Городъ былъ разграбленъ и сожженъ такъ, что снова подняться онъ уже не могъ. Чтобы заградить на будущее время входъ въ озеро Меларъ, шведы построили при входѣ въ Меларъ городъ Стокгольмъ, къ которому и перешло значеніе города Сигтуны. Ярлъ Іонъ палъ въ битвѣ съ карелами, что́ и доставило радость Кареліи и Россіи [3]). „Карелы на

---

[1]) Kuvauksia Suomen Kansan esihistoriasta, 208.
[2]) Suomen asukaat pakanuuden aikana, стр. 87, 83.
[3]) Kuvauksia Viipurin historiasta. G. Lagus, стр. 5.

XI вѣкѣ торговыхъ городковъ въ другихъ пунктахъ сѣверо-западныхъ береговъ Ладожскаго озера подтверждается показаніями археологіи. „На Линнавуори въ Куркіоки, находящейся на южномъ берегу Хямескаго залива, найдено очень много старинныхъ предметовъ, и въ ихъ числѣ: двѣ нѣмецкихъ серебряныхъ монеты XI вѣка и одна чеканенная арабская дирхема IX вѣка" [1]). Въ этихъ и другихъ подобныхъ имъ находкахъ мы имѣемъ доказательство существовавшаго торговаго движенія по Ладожскому озеру и по рѣкѣ Вуоксѣ уже въ XI вѣкѣ.

Морскіе набѣги карелъ.

Къ сожалѣнію лишь, ни карелы, ни новгородцы не обратили въ свое время должнаго вниманія на укрѣпленіе западнаго конечнаго пункта того воднаго пути, который шелъ по Вуоксѣ изъ Ладожскаго озера въ Финскій заливъ. Мы имѣемъ въ виду нынѣшній Выборгскій заливъ, который, хотя и былъ въ сторонѣ отъ тогдашняго торговаго пути къ устью Невы, однако представлялъ собою удобный выходъ въ море. Отсюда карелы съ торговыми цѣлями направлялись въ Койвисто, отсюда же предпринимали и свои морскіе набѣги на своихъ соплеменниковъ—ямь и на шведовъ. Такъ въ 1143 году карелы предприняли морской набѣгъ на ямь, но неудачно: имъ пришлось бѣжать, при чемъ два ихъ корабля потерпѣли крушеніе. Наиболѣе замѣчательнымъ ихъ морскимъ набѣгомъ былъ набѣгъ на Швецію въ 1187 году. Этотъ набѣгъ былъ вызванъ желаніемъ отомстить викингамъ за ихъ девятилѣтнія постоянныя враждебныя дѣйствія противъ карелъ и русскихъ подъ начальствомъ ярла Іона. Появившись съ хорошимъ флотомъ у береговъ Швеціи, карелы по обычаю пробрались въ озеро Меларъ, предварительно сжегши епископское имѣніе Альмарстекъ и убивъ проживавшаго тамъ упсальскаго архіепископа Іоанна. Карелы напали на старый городъ Сигтуну, „самый сильный и богатый торговый городъ Швеціи, въ которомъ одновременно правило 4 бургомистра, и обойти который по валамъ можно было не менѣе, чѣмъ въ 6 часовъ" [2]). Городъ былъ разграбленъ и сожженъ такъ, что снова подняться онъ уже не могъ. Чтобы заградить на будущее время входъ въ озеро Меларъ, шведы построили при входѣ въ Меларъ городъ Стокгольмъ, къ которому и перешло значеніе города Сигтуны. Ярлъ Іонъ палъ въ битвѣ съ карелами, что̀ и доставило радость Кареліи и Россіи [3]). „Карелы на

---

[1]) Kuvauksia Suomen Kansan esihistoriasta, 208.
[2]) Suomen asukaat pakanuuden aikana, стр. 87, 83.
[3]) Kuvauksia Viipurin historiasta. G. Lagus, стр. 5.

память увезли съ собою мѣдныя двери отъ церкви, которыя показываютъ еще и теперь въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ... Карелы продолжали свои опустошительные набѣги. Прошло около 100 лѣтъ со времени разрушенія Сигтуни, какъ одна папская булла убѣждаетъ предпринять крестовый походъ противъ карелъ за все еще продолжающіяся ихъ опустошенія“ [1]). Вообще походы съ одной стороны карелъ и новгородцевъ на финновъ и шведовъ и съ другой финновъ и шведовъ на карелъ и новгородцевъ были довольно частымъ явленіемъ въ XII и XIII вѣкахъ. Такъ въ 1142, 1149, 1164, 1228, 1292 годы финны и шведы дѣлаютъ набѣги на карелъ и новгородцевъ, въ 1178, 1176, 1191, 1198, 1227, 1292 карелы и новгородцы дѣлаютъ набѣги на финновъ и шведовъ. О характерѣ этихъ набѣговъ можно судить по буллѣ папы Александра IV въ 1256 году: „Враги Христа, которыхъ обыкновенно зовутъ карелами, убивали много христіанъ, проливали много крови, сжигали много деревень и опустошали много полей, оскверняли священныя мѣста, предназначенныя для богослуженія, похищали многихъ крещеныхъ дѣтей, которыхъ они забирали для того, чтобы вырастить ихъ въ язычествѣ и держать въ жесточайшемъ рабствѣ“ [2]).

Западныя и южныя границы карельской земли.

Вражда между карелами и ямью постоянно поддерживалась изъза лапландской глуши, которая привлекала къ себѣ и тѣхъ и другихъ какъ рыбными богатствами своихъ озеръ и обиліемъ пушного звѣря въ лѣсахъ, такъ и возможностью собрать дань съ лапландцевъ. Поводы для столкновеній стали въ особенности частыми, когда карельскіе колонисты появились не только по юго-восточнымъ берегамъ Сайменскаго озера, но и въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ ямью въ такъ называемой области Саво (между нынѣшними С.-Михелемъ и Нейшлотомъ). Одновременно съ этимъ, т. е. въ XI вѣкѣ, карелы занимаютъ берегъ Финскаго залива около нынѣшняго Выборга и Койвисто и, какъ выше было указано, устья Невы. Очевидно, карельское населеніе здѣсь быстро увеличилось въ числѣ такъ, что образовалось много новыхъ кихлакундъ, составившихъ нѣсколько маакундъ со старѣйшинами во главѣ, величавшимися званіемъ кунингасовъ (князей). Такъ ижоры составляли маакунду, имѣвшую во главѣ такого кунингаса. Наша лѣтопись подъ 1240 годомъ говоритъ о такомъ кунингасѣ Пемцѣ или Пемцшѣ. Въ его

---

[1]) Suomen asukaat pakanuuden aikana, стр. 87, 88.

[2]) Suomen keskiajan historia, стр. 135.

память увезли съ собою мѣдныя двери отъ церкви, которыя показываютъ еще и теперь въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ... Карелы продолжали свои опустошительные набѣги. Прошло около 100 лѣтъ со времени разрушенія Сигтуни, какъ одна папская булла убѣждаетъ предпринять крестовый походъ противъ карелъ за все еще продолжающіяся ихъ опустошенія“ [1]). Вообще походы съ одной стороны карелъ и новгородцевъ на финновъ и шведовъ и съ другой финновъ и шведовъ на карелъ и новгородцевъ были довольно частымъ явленіемъ въ XII и XIII вѣкахъ. Такъ въ 1142, 1149, 1164, 1228, 1292 годы финны и шведы дѣлаютъ набѣги на карелъ и новгородцевъ, въ 1178, 1176, 1191, 1198, 1227, 1292 карелы и новгородцы дѣлаютъ набѣги на финновъ и шведовъ. О характерѣ этихъ набѣговъ можно судить по буллѣ папы Александра IV въ 1256 году: „Враги Христа, которыхъ обыкновенно зовутъ карелами, убивали много христіанъ, проливали много крови, сжигали много деревень и опустошали много полей, оскверняли священныя мѣста, предназначенныя для богослуженія, похищали многихъ крещеныхъ дѣтей, которыхъ они забирали для того, чтобы вырастить ихъ въ язычествѣ и держать въ жесточайшемъ рабствѣ“ [2]).

Западныя и южныя границы карельской земли.

Вражда между карелами и ямью постоянно поддерживалась изъза лапландской глуши, которая привлекала къ себѣ и тѣхъ и другихъ какъ рыбными богатствами своихъ озеръ и обиліемъ пушного звѣря въ лѣсахъ, такъ и возможностью собрать дань съ лапландцевъ. Поводы для столкновеній стали въ особенности частыми, когда карельскіе колонисты появились не только по юго-восточнымъ берегамъ Сайменскаго озера, но и въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ ямью въ такъ называемой области Саво (между нынѣшними С.-Михелемъ и Нейшлотомъ). Одновременно съ этимъ, т. е. въ XI вѣкѣ, карелы занимаютъ берегъ Финскаго залива около нынѣшняго Выборга и Койвисто и, какъ выше было указано, устья Невы. Очевидно, карельское населеніе здѣсь быстро увеличилось въ числѣ такъ, что образовалось много новыхъ кихлакундъ, составившихъ нѣсколько маакундъ со старѣйшинами во главѣ, величавшимися званіемъ кунингасовъ (князей). Такъ ижоры составляли маакунду, имѣвшую во главѣ такого кунингаса. Наша лѣтопись подъ 1240 годомъ говоритъ о такомъ кунингасѣ Пемцѣ или Пемцшѣ. Въ его

---

[1]) Suomen asukaat pakanuuden aikana, стр. 87, 88.

[2]) Suomen keskiajan historia, стр. 135.

владѣніяхъ было торговое селеніе въ устьѣ Невы, гдѣ при проходѣ ганзейскихъ купцовъ въ Новгородъ происходилъ торгъ ихъ съ ижорами. Правитель ижоръ бралъ подъ свою защиту иноземные корабли на пространствѣ отъ Койвисто до Невы.

Карелы сѣверныхъ береговъ Ладожскаго озера присвоили себѣ право на лѣсную глушь сѣверныхъ частей Сайменскаго озера, при чемъ ихъ область охоты и рыболовства соприкасалась съ областью охоты и рыболовства карелъ бассейна рѣки Улео.

Взаимные споры карелъ и ямелястовъ о правѣ охоты и рыбной ловли въ лапландской глуши, равно и о правѣ собирать дань съ лапландцевъ, уже съ незапамятныхъ временъ приблизительно опредѣлили границу между карельскою лапландскою глушью и глушью ямелястовъ. Все находившееся къ сѣверу, сѣверо-востоку и востоку отъ рѣки Пюхяйоки и водъ Кейтеле, принадлежало кареламъ, т. е. кареламъ принадлежали почти цѣликомъ нынѣшнія губерніи: Улеоборгская, Куопіоская, Михельская и Выборгская. Карелы, жившіе на всемъ пространствѣ этихъ нынѣшнихъ губерній, были до начала XIV вѣка независимы, состоя лишь въ союзѣ съ новгородцами.

Сообщилъ В. Крохинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

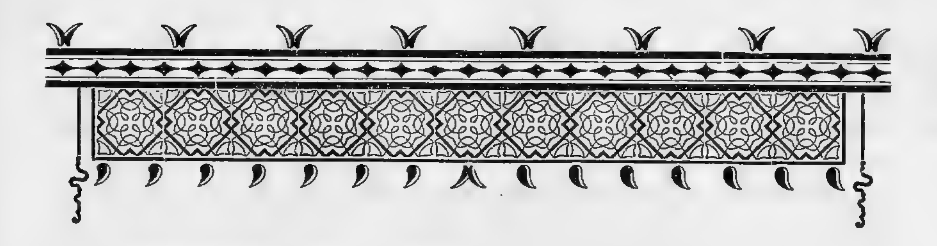
владѣніяхъ было торговое селеніе въ устьѣ Невы, гдѣ при проходѣ ганзейскихъ купцовъ въ Новгородъ происходилъ торгъ ихъ съ ижорами. Правитель ижоръ бралъ подъ свою защиту иноземные корабли на пространствѣ отъ Койвисто до Невы.

Карелы сѣверныхъ береговъ Ладожскаго озера присвоили себѣ право на лѣсную глушь сѣверныхъ частей Сайменскаго озера, причемъ ихъ область охоты и рыболовства соприкасалась съ областью охоты и рыболовства карелъ бассейна рѣки Улео.

Взаимные споры карелъ и ямелястовъ о правѣ охоты и рыбной ловли въ лапландской глуши, равно и о правѣ собирать дань съ лапландцевъ, уже съ незапамятныхъ временъ приблизительно опредѣлили границу между карельскою лапландскою глушью и глушью ямелястовъ. Все находившееся къ сѣверу, сѣверо-востоку и востоку отъ рѣки Пюхяйоки и водъ Кейтеле, принадлежало кареламъ, т. е. кареламъ принадлежали почти цѣликомъ нынѣшнія губерніи: Улеоборгская, Куопіоская, Михельская и Выборгская. Карелы, жившіе на всемъ пространствѣ этихъ нынѣшнихъ губерній, были до начала XIV вѣка независимы, состоя лишь въ союзѣ съ новгородцами.

Сообщилъ В. Крохинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Къ финляндскому „вопросу".

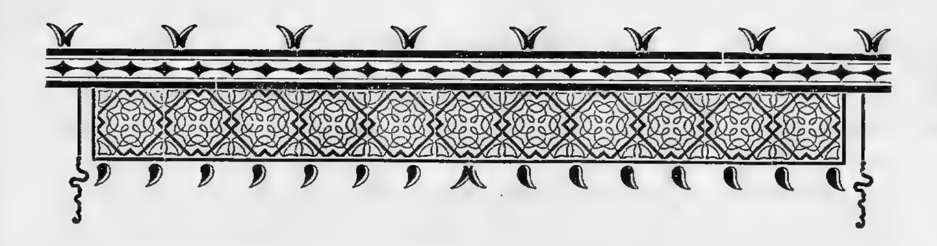
Мнѣнія Н. А. Манассеина и Э. В. Фриша по проекту финляндской кодификаціонной комиссіи 1885—1887 гг.

Въ настоящее время, какъ извѣстно, финляндскимъ сенатомъ составленъ проектъ особой формы правленія для Финляндіи, закрѣпляющій за этою окраиной, пользующейся въ мѣстныхъ своихъ дѣлахъ извѣстною внутреннею автономіею, положеніе не провинціи, но совершенно особаго государства, связаннаго съ Россіею единственно только въ лицѣ общаго надъ обѣими Монарха.

Такъ какъ съ дальнѣйшимъ движеніемъ означеннаго проекта такъ называемый „финляндскій вопросъ" неминуемо долженъ будетъ подвергнуться снова публичному обсужденію, то мнѣнія по этому сложному дѣлу выдающихся русскихъ государственныхъ людей безспорно должны привлечь всеобщее вниманіе. Въ виду этого считаемъ долгомъ своимъ познакомить читателей съ заключеніемъ такихъ извѣстныхъ русскихъ законовѣдовъ, какъ нынѣ покойные: бывшій Министръ Юстиціи Н. А. Манассеинъ и недавно скончавшійся предсѣдатель Государственнаго Совѣта [1]) Э. В. Фришъ. Заключенія эти высказаны были семнадцать лѣтъ тому назадъ и, слѣдовательно, въ настоящее время уже пріобрѣли характеръ историческихъ документовъ; но интересъ приведенныхъ въ нихъ соображеній сохранилъ и понынѣ все свое значеніе, такъ какъ характеръ домогательствъ финляндскихъ нисколько не измѣнился: теперь они только стали увѣреннѣе и откровеннѣе.

Во время шведскаго владычества Финляндія была обыкновенною шведскою провинціей, управлявшейся на основаніи общихъ шведскихъ законовъ. Къ моменту окончательнаго ея покоренія русскимъ оружіемъ она дѣлилась на шесть губерній, не имѣвшихъ никакого общаго мѣстнаго управленія и зависѣвшихъ непосредственно отъ центральныхъ государственныхъ учрежденій и властей въ Стокгольмѣ. Прежде существовавшая (въ XVII и частью XVIII столѣтіи) должность финляндскаго генералъ-губернатора была совершенно упразднена и Форма Правленія 1772 г. (§ 33), даже запретила учрежденіе впредь такой должности „внутри государства". Общее собирательное названіе „Великое Княжество Финляндское", пожалованное Финляндіи въ 1581 году, продолжало иногда появляться въ швед-

[1]) Въ то время бывшій Главноуправляющимъ Кодификаціоннымъ Отдѣломъ при Государственномъ Совѣтѣ.



Къ финляндскому „вопросу“.

Мнѣнія Н. А. Манассеина и Э. В. Фриша по проекту финляндской кодификаціонной комиссіи 1885—1887 гг.

Въ настоящее время, какъ извѣстно, финляндскимъ сенатомъ составленъ проектъ особой формы правленія для Финляндіи, закрѣпляющій за этою окраиной, пользующейся въ мѣстныхъ своихъ дѣлахъ извѣстною внутреннею автономіею, положеніе не провинціи, но совершенно особаго государства, связаннаго съ Россіею единственно только въ лицѣ общаго надъ обѣими Монарха.

Такъ какъ съ дальнѣйшимъ движеніемъ означеннаго проекта такъ называемый „финляндскій вопросъ“ неминуемо долженъ будетъ подвергнуться снова публичному обсужденію, то мнѣнія по этому сложному дѣлу выдающихся русскихъ государственныхъ людей безспорно должны привлечь всеобщее вниманіе. Въ виду этого считаемъ долгомъ своимъ познакомить читателей съ заключеніемъ такихъ извѣстныхъ русскихъ законовѣдовъ, какъ нынѣ покойные: бывшій Министръ Юстиціи Н. А. Манассеинъ и недавно скончавшійся предсѣдатель Государственнаго Совѣта [1]) Э. В. Фришъ. Заключенія эти высказаны были семнадцать лѣтъ тому назадъ и, слѣдовательно, въ настоящее время уже пріобрѣли характеръ историческихъ документовъ; но интересъ приведенныхъ въ нихъ соображеній сохранилъ и понынѣ все свое значеніе, такъ какъ характеръ домогательствъ финляндскихъ нисколько не измѣнился: теперь они только стали увѣреннѣе и откровеннѣе.

Во время шведскаго владычества Финляндія была обыкновенною шведскою провинціей, управлявшейся на основаніи общихъ шведскихъ законовъ. Къ моменту окончательнаго ея покоренія русскимъ оружіемъ она дѣлилась на шесть губерній, не имѣвшихъ никакого общаго мѣстнаго управленія и зависѣвшихъ непосредственно отъ центральныхъ государственныхъ учрежденій и властей въ Стокгольмѣ. Прежде существовавшая (въ XVII и частью XVIII столѣтіи) должность финляндскаго генералъ-губернатора была совершенно упразднена и Форма Правленія 1772 г. (§ 33), даже запретила учрежденіе впредь такой должности „внутри государства“. Общее собирательное названіе „Великое Княжество Финляндское“, пожалованное Финляндіи въ 1581 году, продолжало иногда появляться въ швед-

[1]) Въ то время бывшій Главноуправляющимъ Кодификаціоннымъ Отдѣломъ при Государственномъ Совѣтѣ.

скихъ государственныхъ актахъ, хотя употребленіе прежняго титула шведскихъ королей „Великій князь Финляндскій“, начиная съ Карла XII-го, вовсе прекратилось.

Такое положеніе занимала шведская Финляндія, когда по завоеваніи ея въ 1808 г. русскими войсками, она Высочайшимъ Манифестомъ 20-го Марта того-же года объявлена была навсегда присоединенной къ Россійской Имперіи и отъ обывателей ея повелѣно было принять присягу на вѣрноподданство. Объ этомъ присоединеніи были вслѣдъ затѣмъ оффиціально оповѣщены русскимъ правительствомъ всѣ иностранныя державы. О намѣреніи Императора Александра I сохранить въ этомъ краѣ, и по присоединеніи его къ Россіи, прежніе шведскіе законы, было возвѣщено *„обывателямъ новоприсоединенной Финляндіи“* еще 5-го іюля того-же года, въ особомъ Манифестѣ, вмѣстѣ съ указаніемъ на присягу, принесенную ими *„на вѣрное и вѣчное ихъ скипетру Россійскому подданство“* и на включеніе ихъ *„въ чреду народовъ, скипетру Россійскому подвластныхъ и единую Имперію составляющихъ“*. Объ указанномъ намѣреніи было возвѣщено и еще раньше въ прокламаціяхъ русскаго главнокомандующаго, а затѣмъ подтверждено прибывшей въ Петербургъ послѣ присяги особой финляндской депутаціи. Тогда-же рѣшено было учредить для Финляндіи особое Главное Управленіе, изъ мѣстныхъ жителей, подъ предсѣдательствомъ Генералъ-Губернатора, назначеніе котораго и состоялось въ декабрѣ 1808 года. Очевидно, такое рѣшеніе вызвано было вовсе не требованіями „основныхъ законовъ“ (какъ толкуютъ финляндскіе юристы), а просто явилось, какъ естественный результатъ неудобства управлять изъ центральныхъ государственныхъ учрежденій Петербурга финляндскими губерніями при условіи дарованнаго особенною милостью Побѣдителя сохраненія въ нихъ прежнихъ шведскихъ законовъ. Для представленія мнѣній о наилучшей организаціи этого Совѣта, и о нѣкоторыхъ другихъ дѣлахъ, созваны были въ 1809 году въ Борго представители четырехъ сословій на земскій сеймъ (ландтагъ), при чемъ, такъ какъ въ Швеціи такихъ ландтаговъ не созывалось, руководствовались правилами для созыва шведскихъ риксдаговъ. Боргоскій Сеймъ былъ открытъ лично Императоромъ Александромъ, который пожелалъ еще разъ („вновь“) подтвердить сословіямъ данное имъ ранѣе обѣщаніе о сохраненіи дѣйствовавшихъ въ краѣ шведскихъ законовъ, послѣ котораго сословные представители вторично принесли Ему вѣрноподданническую присягу. Финляндцы приравниваютъ это обѣщаніе (такъ называемую Высочайшую Грамоту отъ 15-го Марта 1809 года), къ присягѣ шведскихъ королей на вѣрность конституціи, въ отвѣтъ на которую присягали королю шведскіе государственные чины. Послѣдній разъ для финляндцевъ такая присяга приносилась шведскимъ рикдагомъ въ 1800 г. при коронаціи Короля Густава IV Адольфа и ея формою воспользовались для составленія текста присяги земскимъ чинамъ Боргоскаго Сейма. При этомъ, однако, сдѣлано было весьма существенное измѣненіе, ясно указывающее на то, въ какихъ именно предѣлахъ понималось въ то время сохраненіе Финляндіи шведскихъ законовъ. Въ присягѣ чиновъ шведскаго риксдага перечислены основные государственные законы шведскаго королевства [1]): въ присягѣ сословій

[1]) Стокгольмское соглашеніе о престолонаслѣдіи 1742 г., Весторосское соглашеніе о престолонаслѣдіи 1544 г., Норчёпингское рѣшеніе 1604 г. (о томъ-же), Форма Правленія 1772 г. и Актъ Соединенія и Охраненія 1789 г. Эти-же законы дѣйствовали въ Швеціи и въ Мартѣ 1809 года.

скихъ государственныхъ актахъ, хотя употребленіе прежняго титула шведскихъ королей „Великій князь Финляндскій", начиная съ Карла XII-го, вовсе прекратилось.

Такое положеніе занимала шведская Финляндія, когда по завоеваніи ея въ 1808 г. русскими войсками, она Высочайшимъ Манифестомъ 20-го Марта того-же года объявлена была навсегда присоединенной къ Россійской Имперіи и отъ обывателей ея повелѣно было принять присягу на вѣрноподданство. Объ этомъ присоединеніи были вслѣдъ затѣмъ оффиціально оповѣщены русскимъ правительствомъ всѣ иностранныя державы. О намѣреніи Императора Александра I сохранить въ этомъ краѣ, и по присоединеніи его къ Россіи, прежніе шведскіе законы, было возвѣщено *„обывателямъ новоприсоединенной Финляндіи"* еще 5-го іюля того-же года, въ особомъ Манифестѣ, вмѣстѣ съ указаніемъ на присягу, принесенную ими *„на вѣрное и вѣчное ихъ скипетру Россійскому подданство"* и на включеніе ихъ *„въ чреду народовъ, скипетру Россійскому подвластныхъ и единую Имперію составляющихъ"*. Объ указанномъ намѣреніи было возвѣщено и еще раньше въ прокламаціяхъ русскаго главнокомандующаго, а затѣмъ подтверждено прибывшей въ Петербургъ послѣ присяги особой финляндской депутаціи. Тогда-же рѣшено было учредить для Финляндіи особое Главное Управленіе, изъ мѣстныхъ жителей, подъ предсѣдательствомъ Генералъ-Губернатора, назначеніе котораго и состоялось въ декабрѣ 1808 года. Очевидно, такое рѣшеніе вызвано было вовсе не требованіями „основныхъ законовъ" (какъ толкуютъ финляндскіе юристы), а просто явилось, какъ естественный результатъ неудобства управлять изъ центральныхъ государственныхъ учрежденій Петербурга финляндскими губерніями при условіи дарованнаго особенною милостью Побѣдителя сохраненія въ нихъ прежнихъ шведскихъ законовъ. Для представленія мнѣній о наилучшей организаціи этого Совѣта, и о нѣкоторыхъ другихъ дѣлахъ, созваны были въ 1809 году въ Борго представители четырехъ сословій на земскій сеймъ (ландтагъ), при чемъ, такъ какъ въ Швеціи такихъ ландтаговъ не созывалось, руководствовались правилами для созыва шведскихъ риксдаговъ. Боргоскій Сеймъ былъ открытъ лично Императоромъ Александромъ, который пожелалъ еще разъ („вновь") подтвердить сословіямъ данное имъ ранѣе обѣщаніе о сохраненіи дѣйствовавшихъ въ краѣ шведскихъ законовъ, послѣ котораго сословные представители вторично принесли Ему вѣрноподданническую присягу. Финляндцы приравниваютъ это обѣщаніе (такъ называемую Высочайшую Грамоту отъ 15-го Марта 1809 года), къ присягѣ шведскихъ королей на вѣрность конституціи, въ отвѣтъ на которую присягали королю шведскіе государственные чины. Послѣдній разъ для финляндцевъ такая присяга приносилась шведскимъ рикдагомъ въ 1800 г. при коронаціи Короля Густава IV Адольфа и ея формою воспользовались для составленія текста присяги земскимъ чинамъ Боргоскаго Сейма. При этомъ, однако, сдѣлано было весьма существенное измѣненіе, ясно указывающее на то, въ какихъ именно предѣлахъ понималось въ то время сохраненіе Финляндіи шведскихъ законовъ. Въ присягѣ чиновъ шведскаго риксдага перечислены основные государственные законы шведскаго королевства [1]): въ присягѣ сословій

[1]) Стокгольмское соглашеніе о престолонаслѣдіи 1742 г., Весторосское соглашеніе о престолонаслѣдіи 1544 г., Норчёпингское рѣшеніе 1604 г. (о томъ-же), Форма Правленія 1772 г. и Актъ Соединенія и Охраненія 1789 г. Эти-же законы дѣйствовали въ Швеціи и въ Мартѣ 1809 года.

Боргоскаго сейма *ни одного изъ нихъ не упомянуто* [1]). Очевидно, что въ Финляндіи, изъ части шведскаго королевства сдѣлавшейся частью же Россійской Имперіи [2]), законы эти, какъ установлявшіе порядокъ престолонаслѣдія, основы государственнаго устройства и высшаго управленія независимаго государства, въ большей и важнѣйшей своей части (касательно войны, мира, союза съ иностранными державами, центральныхъ государственныхъ учрежденій, королевскаго двора и принцевъ королевскаго дома, нераздѣльности королевства, избранія новой династіи и т. п.) въ силу самаго факта выхода Финляндіи изъ-подъ власти Швеціи теряли всякое значеніе. Баронъ Маннергеймъ, одинъ изъ выдающихся финляндскихъ дѣятелей того времени, членъ финляндской депутаціи, предсѣдатель финансовой комиссіи на Боргосскомъ сеймѣ, а впослѣдствіи членъ Правительствующаго Совѣта (позднѣе—Императорскаго Финляндскаго Сената) въ своихъ запискахъ (цитированныхъ финляндскимъ историкомъ Робертомъ Кастреномъ) [3]) писалъ, что на этомъ сеймѣ питали лишь „*надежду* найти удобный случай, при болѣе спокойныхъ обстоятельствахъ, во время слѣдующаго сейма *составить и утвердить конституцію Финляндіи*", надежду, которая, по словамъ того-же Маннергейма, къ концу царствованія Александра I-го, стала „несбыточной мечтой".

Осуществленія именно этой мечты, въ формѣ созданія для Финляндіи положенія совершенно отдѣльнаго государства, независимаго отъ Россійской Имперіи и связаннаго съ нею только въ Лицѣ Монарха, Императора въ Россіи и Великаго Князя въ Финляндіи, при полномъ и коренномъ различіи правъ того и другого— финляндцы упорно добивались и продолжаютъ добиваться вотъ уже около ста лѣтъ. Употребленіе въ обращеніяхъ и государственныхъ актахъ временъ окончательнаго присоединенія Финляндіи выраженій общаго характера давало отчасти свободу этимъ домогательствамъ.

Тотъ же историкъ Кастре́нъ сообщаетъ, что еще въ 1819 году предсѣдатель Финляндской Комиссіи баронъ Ребиндеръ (позднѣе финляндскій министръ-статсъ-секретарь) предложилъ этой комиссіи составить проектъ „государственной организаціи и управленія" Финляндіею, т. е. иначе говоря, проектъ особой финляндской конституціи, съ тѣмъ, чтобы передать этотъ проектъ на обсужденіе сейма; но проекты эти были отвергнуты. Въ 1865 г. при Императорѣ Александрѣ II-мъ образована была по Высочайшему повелѣнію особая комиссія изъ финляндцевъ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-лейтенанта Норденстама, которой поручена была кодификація мѣстныхъ финляндскихъ законовъ. Для руководства ей дана была особая Высочайше утвержденная программа, на первомъ мѣстѣ которой опредѣленно было выражено, что „Великое Княжество Финляндское, составляющее *часть* Россійской Имперіи, *нераздѣльно* соединено съ нею". Тѣмъ не менѣе Комиссія, вмѣсто кодификаціи, составила проектъ „Формы правленія для Великаго

---

[1]) Сказано только, что чины Сейма обязываются соблюдать „основные законы и установленія сего края таковыми, каковыми они существуютъ и находятся въ дѣйствіи".

[2]) По ст. IV Фридрихсгамскаго мирнаго договора „губерніи сіи" (а не „Финляндія" и не „Великое Княжество") перешли „въ собственность и державное обладаніе *Имперіи* Россійской", а не только Ея Императора.

[3]) На стр. 229 его книги „Skildringar ur Finlands nyaste Historia". (Очерки новѣйшей исторіи Финляндіи).

Боргоскаго сейма *ни одного изъ нихъ не упомянуто* [1]). Очевидно, что въ Финляндіи, изъ части шведскаго королевства сдѣлавшейся частью же Россійской Имперіи [2]), законы эти, какъ установлявшіе порядокъ престолонаслѣдія, основы государственнаго устройства и высшаго управленія независимаго государства, въ большей и важнѣйшей своей части (касательно войны, мира, союза съ иностранными державами, центральныхъ государственныхъ учрежденій, королевскаго двора и принцевъ королевскаго дома, нераздѣльности королевства, избранія новой династіи и т. п.) въ силу самаго факта выхода Финляндіи изъ-подъ власти Швеціи теряли всякое значеніе. Баронъ Маннергеймъ, одинъ изъ выдающихся финляндскихъ дѣятелей того времени, членъ финляндской депутаціи, предсѣдатель финансовой комиссіи на Боргосскомъ сеймѣ, а впослѣдствіи членъ Правительствующаго Совѣта (позднѣе—Императорскаго Финляндскаго Сената) въ своихъ запискахъ (цитированныхъ финляндскимъ историкомъ Робертомъ Кастреномъ) [3]) писалъ, что на этомъ сеймѣ питали лишь „*надежду* найти удобный случай, при болѣе спокойныхъ обстоятельствахъ, во время слѣдующаго сейма *составить и утвердить конституцію Финляндіи*“, надежду, которая, по словамъ того-же Маннергейма, къ концу царствованія Александра I-го, стала „несбыточной мечтой“.

Осуществленія именно этой мечты, въ формѣ созданія для Финляндіи положенія совершенно отдѣльнаго государства, независимаго отъ Россійской Имперіи и связаннаго съ нею только въ Лицѣ Монарха, Императора въ Россіи и Великаго Князя въ Финляндіи, при полномъ и коренномъ различіи правъ того и другого—финляндцы упорно добивались и продолжаютъ добиваться вотъ уже около ста лѣтъ. Употребленіе въ обращеніяхъ и государственныхъ актахъ временъ окончательнаго присоединенія Финляндіи выраженій общаго характера давало отчасти свободу этимъ домогательствамъ.

Тотъ же историкъ Кастре́нъ сообщаетъ, что еще въ 1819 году предсѣдатель Финляндской Комиссіи баронъ Ребиндеръ (позднѣе финляндскій министръ-статсъ-секретарь) предложилъ этой комиссіи составить проектъ „государственной организаціи и управленія“ Финляндіею, т. е. иначе говоря, проектъ особой финляндской конституціи, съ тѣмъ, чтобы передать этотъ проектъ на обсужденіе сейма; но проекты эти были отвергнуты. Въ 1865 г. при Императорѣ Александрѣ II-мъ образована была по Высочайшему повелѣнію особая комиссія изъ финляндцевъ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-лейтенанта Норденстама, которой поручена была кодификація мѣстныхъ финляндскихъ законовъ. Для руководства ей дана была особая Высочайше утвержденная программа, на первомъ мѣстѣ которой опредѣленно было выражено, что „Великое Княжество Финляндское, составляющее *часть* Россійской Имперіи, *нераздѣльно* соединено съ нею“. Тѣмъ не менѣе Комиссія, вмѣсто кодификаціи, составила проектъ „Формы правленія для Великаго

---

[1]) Сказано только, что чины Сейма обязываются соблюдать „основные законы и установленія сего края таковыми, каковыми они существуютъ и находятся въ дѣйствіи“.

[2]) По ст. IV Фридрихсгамскаго мирнаго договора „губерніи сіи“ (а не „Финляндія“ и не „Великое Княжество“) перешли „въ собственность и державное обладаніе *Имперіи* Россійской“, а не только Ея Императора.

[3]) На стр. 229 его книги „Skildringar ur Finlands nyaste Historia“. (Очерки новѣйшей исторіи Финляндіи).

Княжества Финляндскаго", въ русскомъ переводѣ названный болѣе скромно „Уложеніемъ". Проектъ этотъ не удостоился Высочайшаго одобренія.

Съ тѣхъ поръ вопросъ о примѣнимости къ Финляндіи шведскихъ основныхъ законовъ оставался въ прежнемъ положеніи около двадцати лѣтъ. Въ 1884 году состоялось Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи особаго временного комитета [1]) изъ предсѣдателя и четырехъ членовъ *съ порученіемъ сему комитету составить систематическій сводъ всѣхъ дѣйствующихъ узаконеній, относящихся къ государственному праву Финляндіи, съ присовокупленіемъ примѣчаній о томъ, что въ практикѣ права стало дѣйствовать взамѣнъ непримѣнимыхъ нынѣ или неполныхъ основныхъ законоположеній.* Комитетъ этотъ точно также составилъ особый проектъ „Формы правленія", при чемъ одинъ изъ его членовъ, профессоръ государственнаго права въ Гельсингфорскомъ Александровскомъ университетѣ г. Робертъ *Германсонъ* составилъ свой отдѣльный проэктъ. По этимъ именно проектамъ и высказаны были печатаемыя ниже заключенія. Проекты эти постигла та же участь, что и всѣ предшествующіе: они были отвергнуты, а кодификація финляндскихъ мѣстныхъ законовъ препоручена была Финляндскому Сенату, который въ 1891 году составилъ такой же проектъ (подъ заглавіемъ „Сводъ дѣйствующихъ основныхъ законовъ Великаго Княжества Финляндскаго"), являющійся ничѣмъ инымъ, какъ экстрактомъ изъ первыхъ двухъ проектовъ, только-что неудостоенныхъ Высочайшаго одобренія. И этотъ проектъ не былъ одобренъ.

Дальнѣйшихъ попытокъ въ этомъ направленіи, до нашихъ дней, когда, какъ сказано выше, нынѣшнимъ составомъ Финляндскаго Сената, подъ предлогомъ недавняго переизданія Сеймоваго Устава, разработана была и новая „Форма Правленія"—не было. Но домогательства, опредѣленно выраженныя въ проектахъ 1884—1891 годовъ, послужили въ свою очередь поводомъ къ учрежденію въ 1893 году особаго совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ д. т. сов. Н. X. Бунге, выдвинувшаго вопросъ объ общегосударственныхъ законахъ, т. е. равно необходимыхъ для всей Имперіи, со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго. Законы этого рода издавались и ранѣе, но не единообразно, то въ формѣ манифестовъ, то указовъ, то Высочайшихъ повелѣній. Имѣвшіяся правила касались только порядка изданія мѣстныхъ финляндскихъ законовъ; для составленія-же, внесенія, разсмотрѣнія и утвержденія общегосударственныхъ узаконеній никакихъ правилъ не было. Совѣщаніе Н. X. Бунге признало, что проекты общегосударственныхъ законовъ подлежатъ окончательному разсмотрѣнію въ Государственномъ Совѣтѣ. За смертью Императора Александра III работы Совѣщанія не получили дальнѣйшаго движенія, но уже черезъ пять лѣтъ (въ 1898 году), силою обстоятельствъ, вопросъ былъ снова поднятъ на очередь. Образовано было Особое Совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Государственнаго Совѣта Великаго Князя Михаила Николаевича, „для начертанія законодательнаго акта о порядкѣ изданія общегосударственныхъ законовъ, касающихся Имперіи и Финляндіи".

Совѣщаніе усмотрѣло, что Финляндскій край состоитъ въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской. Особый порядокъ внутренняго управленія и Всемилостивѣйшее удостовѣреніе о сохраненіи за нимъ его правъ и преимуществъ и особаго церковнаго устройства край этотъ

---

[1]) Подъ предсѣдательствомъ прокурора Императорскаго Финляндскаго Сената *Вейссенберга.*

Княжества Финляндскаго", въ русскомъ переводѣ названный болѣе скромно „Уложеніемъ". Проектъ этотъ не удостоился Высочайшаго одобренія.

Съ тѣхъ поръ вопросъ о примѣнимости къ Финляндіи шведскихъ основныхъ законовъ оставался въ прежнемъ положеніи около двадцати лѣтъ. Въ 1884 году состоялось Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи особаго временного комитета [1]) изъ предсѣдателя и четырехъ членовъ *съ порученіемъ сему комитету составить систематическій сводъ всѣхъ дѣйствующихъ узаконеній, относящихся къ государственному праву Финляндіи, съ присовокупленіемъ примѣчаній о томъ, что въ практикѣ права стало дѣйствовать взамѣнъ непримѣнимыхъ нынѣ или неполныхъ основныхъ законоположеній.* Комитетъ этотъ точно также составилъ особый проектъ „Формы правленія", при чемъ одинъ изъ его членовъ, профессоръ государственнаго права въ Гельсингфорскомъ Александровскомъ университетѣ г. Робертъ *Германсонъ* составилъ свой отдѣльный проэктъ. По этимъ именно проектамъ и высказаны были печатаемыя ниже заключенія. Проекты эти постигла та же участь, что и всѣ предшествующіе: они были отвергнуты, а кодификація финляндскихъ мѣстныхъ законовъ препоручена была Финляндскому Сенату, который въ 1891 году составилъ такой же проектъ (подъ заглавіемъ „Сводъ дѣйствующихъ основныхъ законовъ Великаго Княжества Финляндскаго"), являющійся ничѣмъ инымъ, какъ экстрактомъ изъ первыхъ двухъ проектовъ, только-что неудостоенныхъ Высочайшаго одобренія. И этотъ проектъ не былъ одобренъ.

Дальнѣйшихъ попытокъ въ этомъ направленіи, до нашихъ дней, когда, какъ сказано выше, нынѣшнимъ составомъ Финляндскаго Сената, подъ предлогомъ недавняго переизданія Сеймоваго Устава, разработана была и новая „Форма Правленія"—не было. Но домогательства, опредѣленно выраженныя въ проектахъ 1884—1891 годовъ, послужили въ свою очередь поводомъ къ учрежденію въ 1893 году особаго совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ д. т. сов. Н. Х. Бунге, выдвинувшаго вопросъ объ общегосударственныхъ законахъ, т. е. равно необходимыхъ для всей Имперіи, со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго. Законы этого рода издавались и ранѣе, но не единообразно, то въ формѣ манифестовъ, то указовъ, то Высочайшихъ повелѣній. Имѣвшіяся правила касались только порядка изданія мѣстныхъ финляндскихъ законовъ; для составленія-же, внесенія, разсмотрѣнія и утвержденія общегосударственныхъ узаконеній никакихъ правилъ не было. Совѣщаніе Н. Х. Бунге признало, что проекты общегосударственныхъ законовъ подлежатъ окончательному разсмотрѣнію въ Государственномъ Совѣтѣ. За смертью Императора Александра III работы Совѣщанія не получили дальнѣйшаго движенія, но уже черезъ пять лѣтъ (въ 1898 году), силою обстоятельствъ, вопросъ былъ снова поднятъ на очередь. Образовано было Особое Совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Государственнаго Совѣта Великаго Князя Михаила Николаевича, „для начертанія законодательнаго акта о порядкѣ изданія общегосударственныхъ законовъ, касающихся Имперіи и Финляндіи".

Совѣщаніе усмотрѣло, что Финляндскій край состоитъ въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской. Особый порядокъ внутренняго управленія и Всемилостивѣйшее удостовѣреніе о сохраненіи за нимъ его правъ и преимуществъ и особаго церковнаго устройства край этотъ

---

[1]) Подъ предсѣдательствомъ прокурора Императорскаго Финляндскаго Сената *Вейссенберга*.

получилъ по волѣ Россійскихъ монарховъ; законы края не только сохраняютъ свое дѣйствіе, но получили во многихъ частяхъ своихъ дальнѣйшее развитіе, въ соотвѣтствіи потребностямъ населенія Финляндіи. Такимъ образомъ единеніе ея съ Россіею не препятствовало свободному развитію мѣстныхъ учрежденій, а достигнутое Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ благосостояніе свидѣтельствуетъ о соотвѣтствіи такого единенія собственнымъ его выгодамъ. Тѣмъ не менѣе взаимныя отношенія Имперіи и Великаго Княжества оказались недостаточно опредѣленными. Великое Княжество Финляндское, управляемое подъ Верховною властью Всероссійскаго Императора, на основаніи особенныхъ учрежденій, составляетъ нераздѣльную часть Россійскаго Государства. Поэтому, независимо отъ условій быта финляндскаго края и его нуждъ, нѣкоторые предметы, требующіе законодательнаго опредѣленія для этого края, имѣютъ столь тѣсную связь съ общегосударственными потребностями цѣлой Имперіи, что было бы несовмѣстно со строемъ общеимперскаго законодательства разрѣшать этого рода вопросы исключительнымъ дѣйствіемъ органовъ Великаго Княжества Финляндскаго. Очевидно, что предначертанные въ разрѣшеніе такихъ вопросовъ законопроекты, пройдя въ установленномъ порядкѣ чрезъ Финляндскій сеймъ, подлежатъ, на общемъ основаніи, соображенію въ законодательномъ учрежденіи Государства Россійскаго, откуда уже должны восходить на окончательное утвержденіе Верховною властью Монарха. Въ этомъ только случаѣ могутъ быть, по всей справедливости, обезпечены, безъ ущерба мѣстнымъ интересамъ Финляндіи, пользы населенія Имперіи.

Труды этого Совѣщанія удостоились Высочайшаго утвержденія и при манифестѣ 3 февраля 1899 г. опубликованы были „Основныя Положенія" объ изданіи общегосударственныхъ законовъ. Ими установлено, чтобы каждый законъ, издаваемый для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго, а также законъ, примѣняемый въ предѣлахъ Великаго Княжества, но касающійся общегосударственныхъ интересовъ, или связанный съ законодательствомъ Имперіи, восходилъ съ заключеніями сената и сейма на разрѣшеніе Государственнаго Совѣта, при участіи въ немъ съ правомъ голоса генералъ-губернатора, министра статсъ-секретаря и не менѣе двухъ финляндскихъ сенаторовъ.

Финляндія, управляясь по особому порядку, въ то же время входитъ въ составъ Россійскаго Государства. Особый ея порядокъ можетъ касаться законодательнаго и административнаго управленія только по предметамъ, не затрогивающимъ интересовъ Имперіи. Поэтому компетенція сейма закономъ 3 февраля 1899 года нисколько не была умалена. Въ вопросахъ общегосударственныхъ сеймъ можетъ, очевидно, имѣть значеніе органа только совѣщательнаго. До сего времени не было, да и не могло быть закона, въ силу котораго финляндскія учрежденія, сенатъ или сеймъ, были бы призваны окончательно рѣшать вопросы, касающіеся всего Государства Россійскаго.

Изданіемъ манифеста 3 февраля 1899 года разрѣшенъ былъ коренной вопросъ въ финляндскомъ дѣлѣ. Мѣстное финляндское законодательство отдѣлялось отъ общеимперскаго и при томъ такъ, что первое предоставлялось вполнѣ разработкѣ самихъ финляндцевъ, а по второму—требовалось только ихъ участіе, ихъ мнѣніе. Въ Россіи это воззрѣніе встрѣчено было сочувственно и въ финляндскій вопросъ внесена была значительная ясность и опредѣленность.

получилъ по волѣ Россійскихъ монарховъ; законы края не только сохраняютъ свое дѣйствіе, но получили во многихъ частяхъ своихъ дальнѣйшее развитіе, въ соотвѣтствіи потребностямъ населенія Финляндіи. Такимъ образомъ единеніе ея съ Россіею не препятствовало свободному развитію мѣстныхъ учрежденій, а достигнутое Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ благосостояніе свидѣтельствуетъ о соотвѣтствіи такого единенія собственнымъ его выгодамъ. Тѣмъ не менѣе взаимныя отношенія Имперіи и Великаго Княжества оказались недостаточно опредѣленными. Великое Княжество Финляндское, управляемое подъ Верховною властью Всероссійскаго Императора, на основаніи особенныхъ учрежденій, составляетъ нераздѣльную часть Россійскаго Государства. Поэтому, независимо отъ условій быта финляндскаго края и его нуждъ, нѣкоторые предметы, требующіе законодательнаго опредѣленія для этого края, имѣютъ столь тѣсную связь съ общегосударственными потребностями цѣлой Имперіи, что было бы несовмѣстно со строемъ общеимперскаго законодательства разрѣшать этого рода вопросы исключительнымъ дѣйствіемъ органовъ Великаго Княжества Финляндскаго. Очевидно, что предначертанные въ разрѣшеніе такихъ вопросовъ законопроекты, пройдя въ установленномъ порядкѣ чрезъ Финляндскій сеймъ, подлежатъ, на общемъ основаніи, соображенію въ законодательномъ учрежденіи Государства Россійскаго, откуда уже должны восходить на окончательное утвержденіе Верховною властью Монарха. Въ этомъ только случаѣ могутъ быть, по всей справедливости, обезпечены, безъ ущерба мѣстнымъ интересамъ Финляндіи, пользы населенія Имперіи.

Труды этого Совѣщанія удостоились Высочайшаго утвержденія и при манифестѣ 3 февраля 1899 г. опубликованы были „Основныя Положенія“ объ изданіи общегосударственныхъ законовъ. Ими установлено, чтобы каждый законъ, издаваемый для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго, а также законъ, примѣняемый въ предѣлахъ Великаго Княжества, но касающійся общегосударственныхъ интересовъ, или связанный съ законодательствомъ Имперіи, восходилъ съ заключеніями сената и сейма на разрѣшеніе Государственнаго Совѣта, при участіи въ немъ съ правомъ голоса генералъ-губернатора, министра статсъ-секретаря и не менѣе двухъ финляндскихъ сенаторовъ.

Финляндія, управляясь по особому порядку, въ то же время входитъ въ составъ Россійскаго Государства. Особый ея порядокъ можетъ касаться законодательнаго и административнаго управленія только по предметамъ, не затрогивающимъ интересовъ Имперіи. Поэтому компетенція сейма закономъ 3 февраля 1899 года нисколько не была умалена. Въ вопросахъ общегосударственныхъ сеймъ можетъ, очевидно, имѣть значеніе органа только совѣщательнаго. До сего времени не было, да и не могло быть закона, въ силу котораго финляндскія учрежденія, сенатъ или сеймъ, были бы призваны окончательно рѣшать вопросы, касающіеся всего Государства Россійскаго.

Изданіемъ манифеста 3 февраля 1899 года разрѣшенъ былъ коренной вопросъ въ финляндскомъ дѣлѣ. Мѣстное финляндское законодательство отдѣлялось отъ общеимперскаго и при томъ такъ, что первое предоставлялось вполнѣ разработкѣ самихъ финляндцевъ, а по второму—требовалось только ихъ участіе, ихъ мнѣніе. Въ Россіи это воззрѣніе встрѣчено было сочувственно и въ финляндскій вопросъ внесена была значительная ясность и опредѣленность.

Съ учрежденіемъ Государственной Думы порядокъ общегосударственнаго законодательства долженъ былъ подвергнуться коренному измѣненію. Въ манифестѣ 6-го августа 1905 года было всенародно провозглашено, что о порядкѣ участія въ Государственной Думѣ выборныхъ отъ Великаго Княжества Финляндскаго по вопросамъ общимъ для Имперіи и сего края узаконеній будетъ указано особо.

Но, послѣ изданія 22 октября 1905 г. Высочайшаго Манифеста, пріостановившаго [1]) дѣйствіе основныхъ положеній 3 февраля 1899 г. и совершенно отмѣнившаго цѣлый рядъ узаконеній объединительнаго характера, въ русскомъ обществѣ и печати укоренилось воззрѣніе, что Финляндія получила самостоятельность, что ей создано новое государственно-политическое положеніе и что унія ея съ Россіей окончательно закрѣплена. На самомъ дѣлѣ помянутый Манифестъ отмѣнилъ лишь узаконенія послѣднихъ лѣтъ, коими имѣлось въ виду установить болѣе тѣсную связь Великаго Княжества съ остальными частями Имперіи; но сама Финляндія, какъ была, такъ и остается, окраиной и частью Имперіи. Никакой новой политической самостоятельности ей не было предоставлено; главные акты, установившіе правовое положеніе Финляндіи въ составѣ Россійской Имперіи, остались въ своей силѣ. Какъ до манифеста 22 октября, такъ и послѣ него [2]), Финляндія осталась въ державномъ обладаніи Имперіи Россійской и составляетъ нераздѣльную ея часть, какъ выражено въ ст. 2 нашихъ Основныхъ Государственныхъ Законовъ 1906 года.

Н. А. Т.

---

[1]) Но не *отмѣнившаго*.

[2]) Изданіе 20 іюля 1906 г. новаго сеймоваго устава также ни въ чемъ не измѣнило политическаго положенія Финляндіи, такъ какъ уставъ этотъ ввелъ лишь новый распорядокъ сеймовой дѣятельности, принявъ однопалатную систему и расширивъ избирательное право, до распространенія его на женщинъ включительно.

Съ учрежденіемъ Государственной Думы порядокъ общегосударственнаго законодательства долженъ былъ подвергнуться коренному измѣненію. Въ манифестѣ 6-го августа 1905 года было всенародно провозглашено, что о порядкѣ участія въ Государственной Думѣ выборныхъ отъ Великаго Княжества Финляндскаго по вопросамъ общимъ для Имперіи и сего края узаконеній будетъ указано особо.

Но, послѣ изданія 22 октября 1905 г. Высочайшаго Манифеста, пріостановившаго [1]) дѣйствіе основныхъ положеній 3 февраля 1899 г. и совершенно отмѣнившаго цѣлый рядъ узаконеній объединительнаго характера, въ русскомъ обществѣ и печати укоренилось воззрѣніе, что Финляндія получила самостоятельность, что ей создано новое государственно-политическое положеніе и что унія ея съ Россіей окончательно закрѣплена. На самомъ дѣлѣ помянутый Манифестъ отмѣнилъ лишь узаконенія послѣднихъ лѣтъ, коими имѣлось въ виду установить болѣе тѣсную связь Великаго Княжества съ остальными частями Имперіи; но сама Финляндія, какъ была, такъ и остается, окраиной и частью Имперіи. Никакой новой политической самостоятельности ей не было предоставлено; главные акты, установившіе правовое положеніе Финляндіи въ составѣ Россійской Имперіи, остались въ своей силѣ. Какъ до манифеста 22 октября, такъ и послѣ него [2]), Финляндія осталась въ державномъ обладаніи Имперіи Россійской и составляетъ нераздѣльную ея часть, какъ выражено въ ст. 2 нашихъ Основныхъ Государственныхъ Законовъ 1906 года.

Н. А. Т.

---

[1]) Но не *отмѣнившаго*.

[2]) Изданіе 20 іюля 1906 г. новаго сеймоваго устава также ни въ чемъ не измѣнило политическаго положенія Финляндіи, такъ какъ уставъ этотъ ввелъ лишь новый распорядокъ сеймовой дѣятельности, принявъ однопалатную систему и расширивъ избирательное право, до распространенія его на женщинъ включительно.

МИНИСТЕРСТВО
ЮСТИЦІИ.

Первый Департаментъ.

Отдѣленіе Законодательное.

11 Октября 1890 года
№ 27263.
С.-Петербургъ.

По проекту кодификаціи дѣйствующихъ въ Финляндіи основныхъ законоположеній и сословныхъ привилегій.

Господину Финляндскому Генералъ-Губернатору.

При отношеніи отъ 15/27 Декабря 1889 г. за № 2120, Ваше Сіятельство, по Высочайшему повелѣнію, препроводили на мое заключеніе проекты кодификаціи дѣйствующихъ въ Финляндіи основныхъ законоположеній и сословныхъ привилегій, составленные въ 1885—1887 г.г. Высочайше учрежденнымъ временнымъ финляндскимъ кодификаціоннымъ комитетомъ.

Вслѣдствіе сего, по тщательномъ разсмотрѣніи трудовъ помянутаго комитета, имѣю честь сообщить Вамъ, Милостивый Государь, нижеслѣдующія мои по онымъ соображенія:

Изъ составленныхъ финляндскимъ комитетомъ двухъ законопроектовъ преимущественное вниманіе, съ точки зрѣнія русскихъ государственныхъ интересовъ, обращаетъ на себя проектъ такъ называемой „Формы правленія для Великаго Княжества Финляндскаго“, такъ какъ въ ней опредѣляются политическое положеніе помянутаго края относительно Имперіи, права Верховной Императорской Власти въ Княжествѣ и полномочія учрежденнаго въ ономъ земскаго представительства.

Не говоря уже о наименованіи сего проекта „Формой правленія“—названіи, примѣнявшемся обыкновенно къ основнымъ государственнымъ законамъ самостоятельнаго Шведскаго королевства, точный смыслъ многихъ статей проектированнаго узаконенія и соображенія финляндскаго комитета, изложенныя въ мотивахъ къ Формѣ правленія, несомнѣнно удостовѣряютъ, что, по мысли составителей помянутаго законопроекта, Финляндія является не составною, нераздѣльною, частью единой Россійской Имперіи, но особою, самостоятельною страною—Финляндскимъ государствомъ [1] (finska staten), соединеннымъ съ Имперіею лишь въ лицѣ Монарха, который, будучи Императоромъ Всероссійскимъ, въ то же время занимаетъ и „престолъ Великаго Княжества Финляндскаго“ (§ 1). Изъ всѣхъ законовъ, установленныхъ для Имперіи, въ Финляндіи дѣй-

[1]) Мотивы къ проекту большинства комитета, стр. 21, 22, 43 и друг.

МИНИСТЕРСТВО
ЮСТИЦІИ.

Первый Департаментъ.

Отдѣленіе Законодательное.

11 Октября 1890 года

№ 27263.

С.-Петербургъ.

По проекту кодификаціи дѣйствующихъ въ Финляндіи основныхъ законоположеній и сословныхъ привилегій.

Господину Финляндскому Генералъ-Губернатору.

При отношеніи отъ 15/27 Декабря 1889 г. за № 2120, Ваше Сіятельство, по Высочайшему повелѣнію, препроводили на мое заключеніе проекты кодификаціи дѣйствующихъ въ Финляндіи основныхъ законоположеній и сословныхъ привилегій, составленные въ 1885—1887 г.г. Высочайше учрежденнымъ временнымъ финляндскимъ кодификаціоннымъ комитетомъ.

Вслѣдствіе сего, по тщательномъ разсмотрѣніи трудовъ помянутаго комитета, имѣю честь сообщить Вамъ, Милостивый Государь, нижеслѣдующія мои по онымъ соображенія:

Изъ составленныхъ финляндскимъ комитетомъ двухъ законопроектовъ преимущественное вниманіе, съ точки зрѣнія русскихъ государственныхъ интересовъ, обращаетъ на себя проектъ такъ называемой „Формы правленія для Великаго Княжества Финляндскаго", такъ какъ въ ней опредѣляются политическое положеніе помянутаго края относительно Имперіи, права Верховной Императорской Власти въ Княжествѣ и полномочія учрежденнаго въономъ земскаго представительства.

Не говоря уже о наименованіи сего проекта „Формой правленія"—названіи, примѣнявшемся обыкновенно къ основнымъ государственнымъ законамъ самостоятельнаго Шведскаго королевства, точный смыслъ многихъ статей проектированнаго узаконенія и соображенія финляндскаго комитета, изложенныя въ мотивахъ къ Формѣ правленія, несомнѣнно удостовѣряютъ, что, по мысли составителей помянутаго законопроекта, Финляндія является не составною, нераздѣльною, частью единой Россійской Имперіи, но особою, самостоятельною страною—Финляндскимъ государствомъ [1]) (finska staten), соединеннымъ съ Имперіею лишь въ лицѣ Монарха, который, будучи Императоромъ Всероссійскимъ, въ то же время занимаетъ и „престолъ Великаго Княжества Финляндскаго" (§ 1). Изъ всѣхъ законовъ, установленныхъ для Имперіи, въ Финляндіи дѣй-

[1]) Мотивы къ проекту большинства комитета, стр. 21, 22, 43 и друг.

ствуютъ, по смыслу § 1 проекта, лишь постановленія о порядкѣ престолонаслѣдія [1]); во всемъ же остальномъ Великое Княжество управляется согласно съ проектированною Формою правленія и прочими законами Финляндіи. Никакая часть Великаго Княжества не можетъ быть отъ него отдѣлена, провинціи его всегда безъ уменьшенія должны оставаться соединенными вмѣстѣ (§ 4) [2]). Публичная (т. е. господствующая) религія страны евангелическо-лютеранская (§ 5). Послѣдователи другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, за исключеніемъ греко-россійской вѣры, не могутъ имѣть въ странѣ монаховъ или устраивать процессіи и церемоніи въ публичныхъ мѣстахъ [3]), но вмѣстѣ съ тѣмъ и греко-россійская церковь не можетъ учреждать въ странѣ новыхъ монастырей, а также заниматься миссіонерскою дѣятельностью съ цѣлью обращенія лютеранъ въ православіе (§ 6). Всѣ должности и служебныя мѣста въ странѣ должны быть замѣщаемы только урожденными финскими людьми (§ 43), за исключеніемъ лишь должности Генералъ-Губернатора [4]), назначаемаго Императоромъ и Великимъ Княземъ изъ финскихъ или русскихъ людей (§ 23). Кромѣ права назначенія по непосредственному усмотрѣнію на означенную выше должность и на мѣста сенаторовъ и статсъ-секретаря, а также на должности, начиная съ ранга полковника и выше (§ 40), но не иначе, какъ изъ кандидатовъ, представляемыхъ Сенатомъ [5]) (§ 41), Верховной Власти проектомъ Формы правленія присвояется право помилованія (§ 13) [6]), право начинать войну и заключать миръ и союзъ съ иностранными державами (§ 12) и вообще вступать съ оными во всякіе договоры, подъ

---

[1]) Въ современномъ проектѣ п. 1 § 2 изложенъ такъ: „Россійскій Императоръ есть Великій Князь Финляндскій“, а согласно п. 3 § 2 къ постановленіямъ этого рода добавлено еще, что „политическія отношенія Финляндіи къ иностраннымъ государствамъ зависятъ отъ отношеній къ нимъ Имперіи и одинаковы съ сими послѣдними“. *Т.*

[2]) Въ современномъ проектѣ этому соотвѣтствуетъ § 7, въ которомъ еще опредѣленнѣе указано, что „границы Финляндіи... могутъ быть измѣнены не иначе, какъ по совокупному рѣшенію Государя Императора и Великаго Князя и Сейма“. *Т.*

[3]) Такого ограниченія уже нѣтъ въ современномъ проектѣ, который, наоборотъ, въ особомъ параграфѣ (94-мъ) предупредительно распространяетъ право свободнаго отправленія вѣры и образованія самостоятельныхъ приходовъ „также на послѣдователей Моисеева закона“. *Т.*

[4]) Въ современномъ проектѣ къ этому добавлены должности по технической части, преподавателей и нѣкоторыя должности „при Статсъ-Секретаріатѣ и Канцеляріи Финляндскаго генералъ-губернатора, какъ то будетъ установлено особомъ закономъ“ (§ 77). *Т.*

[5]) Примѣрно также проектировано и теперь (§§ 12 и 79). *Т.*

[6]) Въ современномъ проектѣ тоже (§ 13). *Т.*

ствуютъ, по смыслу § 1 проекта, лишь постановленія о порядкѣ престолонаслѣдія [1]); во всемъ же остальномъ Великое Княжество управляется согласно съ проектированною Формою правленія и прочими законами Финляндіи. Никакая часть Великаго Княжества не можетъ быть отъ него отдѣлена, провинціи его всегда безъ уменьшенія должны оставаться соединенными вмѣстѣ (§ 4) [2]). Публичная (т. е. господствующая) религія страны евангелическо-лютеранская (§ 5). Послѣдователи другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, за исключеніемъ греко-россійской вѣры, не могутъ имѣть въ странѣ монаховъ или устраивать процессіи и церемоніи въ публичныхъ мѣстахъ [3]), но вмѣстѣ съ тѣмъ и греко-россійская церковь не можетъ учреждать въ странѣ новыхъ монастырей, а также заниматься миссіонерскою дѣятельностью съ цѣлью обращенія лютеранъ въ православіе (§ 6). Всѣ должности и служебныя мѣста въ странѣ должны быть замѣщаемы только урожденными финскими людьми (§ 43), за исключеніемъ лишь должности Генералъ-Губернатора [4]), назначаемаго Императоромъ и Великимъ Княземъ изъ финскихъ или русскихъ людей (§ 23). Кромѣ права назначенія по непосредственному усмотрѣнію на означенную выше должность и на мѣста сенаторовъ и статсъ-секретаря, а также на должности, начиная съ ранга полковника и выше (§ 40), но не иначе, какъ изъ кандидатовъ, представляемыхъ Сенатомъ [5]) (§ 41), Верховной Власти проектомъ Формы правленія присвояется право помилованія (§ 13) [6]), право начинать войну и заключать миръ и союзъ съ иностранными державами (§ 12) и вообще вступать съ оными во всякіе договоры, подъ

---

[1]) Въ современномъ проектѣ п. 1 § 2 изложенъ такъ: „Россійскій Императоръ есть Великій Князь Финляндскій", а согласно п. 3 § 2 къ постановленіямъ этого рода добавлено еще, что „политическія отношенія Финляндіи къ иностраннымъ государствамъ зависятъ отъ отношеній къ нимъ Имперіи и одинаковы съ сими послѣдними". *Т.*

[2]) Въ современномъ проектѣ этому соотвѣтствуетъ § 7, въ которомъ еще опредѣленнѣе указано, что „границы Финляндіи... могутъ быть измѣнены не иначе, какъ по совокупному рѣшенію Государя Императора и Великаго Князя и Сейма". *Т.*

[3]) Такого ограниченія уже нѣтъ въ современномъ проектѣ, который, наоборотъ, въ особомъ параграфѣ (94-мъ) предупредительно распространяетъ право свободнаго отправленія вѣры и образованія самостоятельныхъ приходовъ „также на послѣдователей Моисеева закона". *Т.*

[4]) Въ современномъ проектѣ къ этому добавлены должности по технической части, преподавателей и нѣкоторыя должности „при Статсъ-Секретаріатѣ и Канцеляріи Финляндскаго генералъ-губернатора, какъ то будетъ установлено особомъ закономъ" (§ 77). *Т.*

[5]) Примѣрно также проектировано и теперь (§§ 12 и 79). *Т.*

[6]) Въ современномъ проектѣ тоже (§ 13). *Т.*

условіемъ, однако, чтобы содержаніе послѣднихъ не противорѣчило законамъ, явившимся при содѣйствіи земскихъ чиновъ [1]) (мотивы, стр. 26). Затѣмъ Монарху принадлежитъ Верховная Власть надъ военными силами Финляндіи [2]), которыя учиняютъ присягу на вѣрность Императору и странѣ (§ 47). Верховная власть имѣетъ также право возводить въ финское дворянское достоинство тѣхъ, кто оказалъ заслуги Императору и Великому Князю и странѣ [3]), однако въ нѣкоторыхъ случаяхъ дворянство можетъ и отказать въ пріемѣ возведенныхъ въ сіе достоинство (§ 14). Непосредственная единоличная законодательная власть Монарха ограничивается изданіемъ постановленій, касающихся общественнаго хозяйства страны [4]) (§ 64). Эта область экономическаго (административнаго) законодательства, какъ можно видѣть изъ соображеній кодификаціоннаго комитета къ § 64 проекта, представляется крайне неопредѣленною и измѣняющеюся въ своемъ объемѣ, сообразно развитію общества. По утвержденію комитета, основные законы Финляндіи не знаютъ и никогда не знали такого постановленія, которое обязывало бы Монарха къ тому, чтобы завѣдывать одному экономическимъ законодательствомъ. Онъ имѣетъ право на это, но можетъ также, если найдетъ нужнымъ, предоставить представительству совокупно съ нимъ рѣшать то или другое экономическое дѣло; такимъ своимъ правомъ Верховная Власть пользовалась „въ безчисленныхъ случаяхъ“, но при этомъ впослѣдствіи Монархъ не имѣетъ уже власти одинъ отмѣнять или измѣнять появившіяся при содѣйствіи земскихъ чиновъ экономическія постановленія. Поэтому „многое, что раньше безспорно составляло часть административнаго законодательства, въ настоящее время вслѣдствіе болѣе развитыхъ общественныхъ отношеній, должно быть отнесено къ области общаго закона“. Отсюда вытекаетъ, по мнѣнію комитета, „въ качествѣ необходимаго и признаннаго послѣдствія, что въ случаѣ если подвержено сомнѣнію къ какой вѣтви

[1]) Этому соотвѣтствуетъ указаніе п. 3 § 59 современнаго проекта, обязывающее Государя Императора требовать заключенія Финляндскаго Сената, всякій разъ, какъ заключается международный договоръ, касающійся Финляндіи, дабы выяснить, являются ли опредѣленія, которыя имѣется въ виду включить въ договоръ, по содержанію своему такими, что они могутъ быть изданы безъ согласія сейма; въ утвердительномъ случаѣ, составляется проектъ сеймоваго предложенія. Такимъ образомъ могутъ быть случаи, когда и международные акты всей Имперіи окажутся въ зависимости отъ „согласія“ земскихъ представителей одной изъ ея окраинъ. *Т.*

[2]) Въ современномъ проектѣ—§ 15. Финскія войска, какъ извѣстно, упразднены согласно Высочайшаго Манифеста 29 Іюня 1901 года. *Т.*

[3]) Тамъ же § 14. *Т.*

[4]) Тамъ же § 11. *Т.*

условіемъ, однако, чтобы содержаніе послѣднихъ не противорѣчило законамъ, явившимся при содѣйствіи земскихъ чиновъ [1]) (мотивы, стр. 26). Затѣмъ Монарху принадлежитъ Верховная Власть надъ военными силами Финляндіи [2]), которыя учиняютъ присягу на вѣрность Императору и странѣ (§ 47). Верховная власть имѣетъ также право возводить въ финское дворянское достоинство тѣхъ, кто оказалъ заслуги Императору и Великому Князю и странѣ [3]), однако въ нѣкоторыхъ случаяхъ дворянство можетъ и отказать въ пріемѣ возведенныхъ въ сіе достоинство (§ 14). Непосредственная единоличная законодательная власть Монарха ограничивается изданіемъ постановленій, касающихся общественнаго хозяйства страны [4]) (§ 64). Эта область экономическаго (административнаго) законодательства, какъ можно видѣть изъ соображеній кодификаціоннаго комитета къ § 64 проекта, представляется крайне неопредѣленною и измѣняющеюся въ своемъ объемѣ, сообразно развитію общества. По утвержденію комитета, основные законы Финляндіи не знаютъ и никогда не знали такого постановленія, которое обязывало бы Монарха къ тому, чтобы завѣдывать одному экономическимъ законодательствомъ. Онъ имѣетъ право на это, но можетъ также, если найдетъ нужнымъ, предоставить представительству совокупно съ нимъ рѣшать то или другое экономическое дѣло; такимъ своимъ правомъ Верховная Власть пользовалась „въ безчисленныхъ случаяхъ", но при этомъ впослѣдствіи Монархъ не имѣетъ уже власти одинъ отмѣнять или измѣнять появившіяся при содѣйствіи земскихъ чиновъ экономическія постановленія. Поэтому „многое, что раньше безспорно составляло часть административнаго законодательства, въ настоящее время вслѣдствіе болѣе развитыхъ общественныхъ отношеній, должно быть отнесено къ области общаго закона". Отсюда вытекаетъ, по мнѣнію комитета, „въ качествѣ необходимаго и признаннаго послѣдствія, что въ случаѣ если подвержено сомнѣнію къ какой вѣтви

---

[1]) Этому соотвѣтствуетъ указаніе п. 3 § 59 современнаго проекта, обязывающее Государя Императора требовать заключенія Финляндскаго Сената, всякій разъ, какъ заключается международный договоръ, касающійся Финляндіи, дабы выяснить, являются ли опредѣленія, которыя имѣется въ виду включить въ договоръ, по содержанію своему такими, что они могутъ быть изданы безъ согласія сейма; въ утвердительномъ случаѣ, составляется проектъ сеймоваго предложенія. Такимъ образомъ могутъ быть случаи, когда и международные акты всей Имперіи окажутся въ зависимости отъ „согласія" земскихъ представителей одной изъ ея окраинъ. *Т.*

[2]) Въ современномъ проектѣ—§ 15. Финскія войска, какъ извѣстно, упразднены согласно Высочайшаго Манифеста 29 Іюня 1901 года. *Т.*

[3]) Тамъ же § 14. *Т.*

[4]) Тамъ же § 11. *Т.*

законодательства отнести вновь возникающій вопросъ, слѣдуетъ примѣнять общее основное положеніе государственнаго права Финляндіи: „никакого новаго закона безъ согласія земскихъ чиновъ“ (мотивы стр. 83 и 84). Кромѣ означенной экономической отрасли законодательства, долженствующей все болѣе и болѣе уменьшаться въ своемъ объемѣ, законодательная власть по всѣмъ остальнымъ вопросамъ принадлежитъ Монарху лишь сообща съ земскими чинами Финляндіи. Ни одинъ законъ поэтому не можетъ быть изданъ, измѣненъ или поясненъ безъ согласія послѣднихъ [1]) (§ 63), также точно какъ безъ ихъ согласія и одобренія нельзя установлять новые или увеличенные противъ прежняго всякаго рода налоги, или заключать займы (кромѣ военнаго времени, § 68), или установлять чрезвычайную подать, при чемъ земскіе чины имѣютъ неоспоримое право совѣщаться, уговариваться, отказываться и входить въ соглашеніе съ Императоромъ и Великимъ Княземъ о томъ, что можетъ быть признано нужнымъ для содержанія страны (§ 69) [2]). Императору и Великому Князю надлежитъ быть для всего финскаго народа неизмѣнно вѣрнымъ Монархомъ, который ни въ чемъ не поступаетъ вопреки сему закону (т. е. Формѣ правленія), и своимъ обѣщаніямъ (§ 93); при вступленіи въ управленіе Финляндіею онъ собственноручно подписываетъ удостовѣреніе [3]) сохранять твердо и ненарушимо въ полной силѣ религію страны и основные законы, а также тѣ привилегіи и права, коими каждое сословіе въ особенности и всѣ жители вообще какъ высшіе, такъ и низшіе, пользуются согласно конституціи Финляндіи (§ 3). Въ согласіи съ нею и финляндскій народъ, сообразно своей присягѣ, долженъ оказывать Монарху надлежащее повиновеніе и слѣдовать Его повелѣніямъ во всемъ, что Ему повелѣвать, а подданнымъ исполнять приличествуетъ предъ Богомъ и людьми [4]) (§ 93).

Изложенными постановленіями проекта Формы правленія для Великаго Княжества Финляндскаго, долженствующей быть „непоколебимымъ основнымъ закономъ для финляндскаго Монарха и народа“ [5]) (§ 93), въ главнѣйшихъ чертахъ опредѣляются политическое

---

[1]) Тамъ же § 52. *Т.*

[2]) Въ современномъ проектѣ подробнѣе въ гл. VII („Государственное хозяйство“). *Т.*

[3]) Замѣнившее собою присягу шведскихъ королей.

[4]) То же самое, но болѣе кратко, включено и въ современный проектъ (§§ 1 и 3). *Т.*

[5]) Въ современномъ проектѣ этому соотвѣтствуетъ § 99, въ которомъ даже добавлено, что „правило §§ 1 и 2 остаются въ силѣ, хотя-бы прочія опредѣленія формы правленія были измѣнены или отмѣнены“. *Т.*

законодательства отнести вновь возникающій вопросъ, слѣдуетъ примѣнять общее основное положеніе государственнаго права Финляндіи: „никакого новаго закона безъ согласія земскихъ чиновъ“ (мотивы стр. 83 и 84). Кромѣ означенной экономической отрасли законодательства, долженствующей все болѣе и болѣе уменьшаться въ своемъ объемѣ, законодательная власть по всѣмъ остальнымъ вопросамъ принадлежитъ Монарху лишь сообща съ земскими чинами Финляндіи. Ни одинъ законъ поэтому не можетъ быть изданъ, измѣненъ или поясненъ безъ согласія послѣднихъ [1]) (§ 63), также точно какъ безъ ихъ согласія и одобренія нельзя установлять новые или увеличенные противъ прежняго всякаго рода налоги, или заключать займы (кромѣ военнаго времени, § 68), или установлять чрезвычайную подать, при чемъ земскіе чины имѣютъ неоспоримое право совѣщаться, уговариваться, отказываться и входить въ соглашеніе съ Императоромъ и Великимъ Княземъ о томъ, что можетъ быть признано нужнымъ для содержанія страны (§ 69) [2]). Императору и Великому Князю надлежитъ быть для всего финскаго народа неизмѣнно вѣрнымъ Монархомъ, который ни въ чемъ не поступаетъ вопреки сему закону (т. е. Формѣ правленія), и своимъ обѣщаніямъ (§ 93); при вступленіи въ управленіе Финляндіею онъ собственноручно подписываетъ удостовѣреніе [3]) сохранять твердо и ненарушимо въ полной силѣ религію страны и основные законы, а также тѣ привилегіи и права, коими каждое сословіе въ особенности и всѣ жители вообще какъ высшіе, такъ и низшіе, пользуются согласно конституціи Финляндіи (§ 3). Въ согласіи съ нею и финляндскій народъ, сообразно своей присягѣ, долженъ оказывать Монарху надлежащее повиновеніе и слѣдовать Его повелѣніямъ во всемъ, что Ему повелѣвать, а подданнымъ исполнять приличествуетъ предъ Богомъ и людьми [4]) (§ 93).

Изложенными постановленіями проекта Формы правленія для Великаго Княжества Финляндскаго, долженствующей быть „непоколебимымъ основнымъ закономъ для финляндскаго Монарха и народа“ [5]) (§ 93), въ главнѣйшихъ чертахъ опредѣляются политическое

---

[1]) Тамъ же § 52. *Т.*

[2]) Въ современномъ проектѣ подробнѣе въ гл. VII („Государственное хозяйство“). *Т.*

[3]) Замѣнившее собою присягу шведскихъ королей.

[4]) То же самое, но болѣе кратко, включено и въ современный проектъ (§§ 1 и 3). *Т.*

[5]) Въ современномъ проектѣ этому соотвѣтствуетъ § 99, въ которомъ даже добавлено, что „правило §§ 1 и 2 остаются въ силѣ, хотя-бы прочія опредѣленія формы правленія были измѣнены или отмѣнены“. *Т.*

положеніе Финляндіи, права въ оной Верховной Императорской Власти и полномочія мѣстнаго земскаго представительства. Постановленія эти, по утвержденію финляндскаго кодификаціоннаго комитета точно сообразованы съ дѣйствующими въ краѣ основными законами, изъ коихъ комитетъ преимущественно ссылается на манифестъ Императора Александра I жителямъ Финляндіи 15 (27) Марта 1809 г., Форму правленія Шведскаго королевства 1772 г., Отдѣлъ о королѣ въ земскомъ уложеніи 1442 г. и на Актъ соединенія и охраненія 1789 года.

Не входя въ обсужденіе вопроса о томъ, на сколько постановленія отдѣльныхъ статей помянутыхъ выше древнихъ основныхъ законовъ Шведскаго королевства могутъ быть нынѣ примѣняемы по существу къ Великому Княжеству Финляндскому, а также не касаясь и разсмотрѣнія правильности сдѣланныхъ комитетомъ выводовъ изъ сихъ законодательныхъ источниковъ, съ кодификаціонной точки зрѣнія, такъ какъ вопросы эти подробно разработаны въ сообщенномъ для моего свѣдѣнія отзывѣ Главноуправляющаго Кодификаціоннымъ Отдѣломъ при Государственномъ Совѣтѣ [1]), считаю нужнымъ, съ своей стороны, остановиться лишь на слѣдующихъ общихъ соображеніяхъ.

Губерніи, образующія нынѣ Великое Княжество Финляндское, не одновременно вошли въ составъ Россійской Имперіи, а постепенно завоевывались русскимъ оружіемъ рядомъ кровопролитныхъ войнъ съ Шведскимъ королевствомъ.

Такъ, Ништадтскимъ мирнымъ договоромъ, завершившимъ въ 1721 г. Великую Сѣверную войну „въ совершенное, непрекословное вѣчное владѣніе и собственность“ Россійскаго государства перешли въ Финляндіи и крѣпости Выборгъ и Кексгольмъ со всѣми принадлежащими къ округамъ названныхъ крѣпостей городами и поселеніями. По Абоскому миру въ 1743 г. Россія пріобрѣла провинцію Кюменегоръ и Нейшлотскій дистриктъ, отодвинувъ свою границу отъ Выборга до рѣки Кюмени. Въ мирномъ договорѣ этомъ, между прочимъ, Россійское Правительство удостовѣрило сохраненіе за всѣми жителями вновь пріобрѣтенной провинціи и крѣпости Нейшлотъ съ дистриктомъ „всѣхъ имѣвшихся подъ Свѣйскимъ правленіемъ привилегій, обыкновеній, правъ и справедливостей“, что̀ тѣмъ не менѣе не послужило препятствіемъ къ образованію изъ этихъ округовъ, а также изъ пріобрѣтенныхъ по Ништадтскому миру мѣстностей Финляндіи, не получившихъ подобнаго удостовѣ-

[1]) Отзывъ этотъ будетъ напечатанъ въ слѣдующей книжкѣ „Русской Старины“. *Т.*

положеніе Финляндіи, права въ оной Верховной Императорской Власти и полномочія мѣстнаго земскаго представительства. Постановленія эти, по утвержденію финляндскаго кодификаціоннаго комитета точно сообразованы съ дѣйствующими въ краѣ основными законами, изъ коихъ комитетъ преимущественно ссылается на манифестъ Императора Александра I жителямъ Финляндіи 15 (27) Марта 1809 г., Форму правленія Шведскаго королевства 1772 г., Отдѣлъ о королѣ въ земскомъ уложеніи 1442 г. и на Актъ соединенія и охраненія 1789 года.

Не входя въ обсужденіе вопроса о томъ, на сколько постановленія отдѣльныхъ статей помянутыхъ выше древнихъ основныхъ законовъ Шведскаго королевства могутъ быть нынѣ примѣняемы по существу къ Великому Княжеству Финляндскому, а также не касаясь и разсмотрѣнія правильности сдѣланныхъ комитетомъ выводовъ изъ сихъ законодательныхъ источниковъ, съ кодификаціонной точки зрѣнія, такъ какъ вопросы эти подробно разработаны въ сообщенномъ для моего свѣдѣнія отзывѣ Главноуправляющаго Кодификаціоннымъ Отдѣломъ при Государственномъ Совѣтѣ [1]), считаю нужнымъ, съ своей стороны, остановиться лишь на слѣдующихъ общихъ соображеніяхъ.

Губерніи, образующія нынѣ Великое Княжество Финляндское, не одновременно вошли въ составъ Россійской Имперіи, а постепенно завоевывались русскимъ оружіемъ рядомъ кровопролитныхъ войнъ съ Шведскимъ королевствомъ.

Такъ, Ништадтскимъ мирнымъ договоромъ, завершившимъ въ 1721 г. Великую Сѣверную войну „въ совершенное, непрекословное вѣчное владѣніе и собственность“ Россійскаго государства перешли въ Финляндіи и крѣпости Выборгъ и Кексгольмъ со всѣми принадлежащими къ округамъ названныхъ крѣпостей городами и поселеніями. По Абоскому миру въ 1743 г. Россія пріобрѣла провинцію Кюменегоръ и Нейшлотскій дистриктъ, отодвинувъ свою границу отъ Выборга до рѣки Кюмени. Въ мирномъ договорѣ этомъ, между прочимъ, Россійское Правительство удостовѣрило сохраненіе за всѣми жителями вновь пріобрѣтенной провинціи и крѣпости Нейшлотъ съ дистриктомъ „всѣхъ имѣвшихся подъ Свѣйскимъ правленіемъ привилегій, обыкновеній, правъ и справедливостей“, что́ тѣмъ не менѣе не послужило препятствіемъ къ образованію изъ этихъ округовъ, а также изъ пріобрѣтенныхъ по Ништадтскому миру мѣстностей Финляндіи, не получившихъ подобнаго удостовѣ-

---

[1]) Отзывъ этотъ будетъ напечатанъ въ слѣдующей книжкѣ „Русской Старины“. *Т.*

ренія, одной губерніи Выборгской (переименованной затѣмъ въ Финляндскую), подчиненію ея на общемъ основаніи Правительствующему Сенату и введенію въ ней въ 1784 г. Императрицею Екатериною II общеимперскаго намѣстническаго управленія. Взглядъ Императрицы Екатерины Великой на необходимость объединенія въ порядкѣ управленія окраинъ съ прочими частями государства опредѣленно высказался, между прочимъ, въ секретномъ наставленіи князю Вяземскому, при назначеніи его на должность генералъ-прокурора. „Малая Россія, Лифляндія и Финляндія", говорится въ помянутомъ наставленіи, „суть провинціи, которыя правятся конфирмованными имъ привилегіями и нарушить оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно бы было; однакожъ и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи есть больше нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностью глупость [1]". Такая ошибка не была допущена и въ 1809 г., когда, по Фридрихсгамскому мирному трактату съ Швеціею, шведскій король за себя и за преемниковъ престола и королевства Шведскаго отказался „неотмѣняемо и навсегда въ пользу Его Величества Императора Всероссійскаго и пріемниковъ Его престола и Россійской Имперіи отъ всѣхъ своихъ правъ и притязаній" на всѣ остальныя мѣстности, входящія нынѣ въ составъ Великаго Княжества Финляндскаго. Мѣстности эти, какъ сказано въ ст. IV сего трактата, „со всѣми жителями, городами, портами, крѣпостями, селеніями, островами, а равно ихъ принадлежностями, правами и выгодами будутъ отнынѣ состоять въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской и къ ней навсегда присоединяются". Еще ранѣе заключенія сего договора, Высочайшимъ манифестомъ 20 Марта 1808 г. было всенародно возвѣщено о покореніи шведской Финляндіи: „Страну сію, оружіемъ Нашимъ такимъ образомъ покоренную, Мы присоединяемъ отнынѣ навсегда къ Россійской Имперіи и вслѣдствіе того Повелѣли Мы принять отъ обывателей ея присягу на вѣрное Престолу Нашему подданство [2]". Затѣмъ, въ другомъ манифестѣ 5 Іюня того же 1808 г., обращеннымъ къ обывателямъ новоприсоединенной Финляндіи, сказано: „По непреложнымъ судьбамъ Вышняго, благословляющаго оружіе Наше, присоединивъ навсегда Финляндію къ Россіи, съ удовольствіемъ Мы зрѣли торжественные обѣты, обывателями сего края принесенные, на вѣрное и вѣчное ихъ Скипетру Россійскому подданство. Вмѣстѣ

---

[1]) Секретнѣйшее наставленіе кн. Александру Вяземскому п. 10 (Чтен. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1858 г., кн. 1).

[2]) П. С. З. № 22911.

ренія, одной губерніи Выборгской (переименованной затѣмъ въ Финляндскую), подчиненію ея на общемъ основаніи Правительствующему Сенату и введенію въ ней въ 1784 г. Императрицею Екатериною II общеимперскаго намѣстническаго управленія. Взглядъ Императрицы Екатерины Великой на необходимость объединенія въ порядкѣ управленія окраинъ съ прочими частями государства опредѣленно высказался, между прочимъ, въ секретномъ наставленіи князю Вяземскому, при назначеніи его на должность генералъ-прокурора. „Малая Россія, Лифляндія и Финляндія“, говорится въ помянутомъ наставленіи, „суть провинціи, которыя правятся конфирмованными имъ привилегіями и нарушить оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно бы было; однакожъ и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи есть больше нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностью глупость [1])“. Такая ошибка не была допущена и въ 1809 г., когда, по Фридрихсгамскому мирному трактату съ Швеціею, шведскій король за себя и за преемниковъ престола и королевства Шведскаго отказался „неотмѣняемо и навсегда въ пользу Его Величества Императора Всероссійскаго и пріемниковъ Его престола и Россійской Имперіи отъ всѣхъ своихъ правъ и притязаній“ на всѣ остальныя мѣстности, входящія нынѣ въ составъ Великаго Княжества Финляндскаго. Мѣстности эти, какъ сказано въ ст. IV сего трактата, „со всѣми жителями, городами, портами, крѣпостями, селеніями, островами, а равно ихъ принадлежностями, правами и выгодами будутъ отнынѣ состоять въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской и къ ней навсегда присоединяются“. Еще ранѣе заключенія сего договора, Высочайшимъ манифестомъ 20 Марта 1808 г. было всенародно возвѣщено о покореніи шведской Финляндіи: „Страну сію, оружіемъ Нашимъ такимъ образомъ покоренную, Мы присоединяемъ отнынѣ навсегда къ Россійской Имперіи и вслѣдствіе того Повелѣли Мы принять отъ обывателей ея присягу на вѣрное Престолу Нашему подданство [2])“. Затѣмъ, въ другомъ манифестѣ 5 Іюня того же 1808 г., обращеннымъ къ обывателямъ новоприсоединенной Финляндіи, сказано: „По непреложнымъ судьбамъ Вышняго, благословляющаго оружіе Наше, присоединивъ навсегда Финляндію къ Россіи, съ удовольствіемъ Мы зрѣли торжественные обѣты, обывателями сего края принесенные, на вѣрное и вѣчное ихъ Скипетру Россійскому подданство. Вмѣстѣ

[1]) Секретнѣйшее наставленіе кн. Александру Вяземскому п. 10 (Чтен. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1858 г., кн. 1).

[2]) П. С. З. № 22911.

съ симъ воспріяли Мы на себя священную обязанность хранить сіе достояніе, Промысломъ Намъ врученное, во всей его незыблемости и въ непремѣняемомъ и вѣчномъ съ Россіею единствѣ. Въ чредѣ народовъ, Скипетру Россійскому подвластныхъ и единую Имперію составляющихъ, обыватели новоприсоединенной Финляндіи съ сего времени воспріяли навсегда свое мѣсто. Отъ сего великаго состава противу воли и предопредѣленій Вышняго ничто отторгнуть ихъ не можетъ. То же самое Провидѣніе, которое споспѣшествовало храброму воинству Нашему въ обладаніи сія страны, будетъ покровительствовать Намъ въ неразрывномъ ея соблюденіи. Обыватели Финляндіи! Да напечатлѣются истины сіи неизгладимо въ сердцахъ вашихъ. Подъ сѣнью Престола Нашего покоятся многочисленные народы; судьбы ихъ равно сердцу Нашему драгоцѣнны; вступивъ въ составъ Имперіи Нашей, вы пріобрѣли тѣмъ самымъ равныя права съ ними... Будьте тверды и непоколебимы въ преданности вашей къ Россіи. Слово Наше о сохраненіи васъ въ единствѣ (съ Россіею) есть непреложно“.

Изъ приведенныхъ законодательныхъ актовъ слѣдуетъ придти къ несомнѣнному заключенію, что особаго финляндскаго государства подъ Верховною Властью Россійскаго Императора установлено не было, что губерніи, образующія нынѣ Великое княжество Финляндское, поступили въ собственность и державное обладаніе Имперіи Россійской, а обыватели ихъ принесли присягу на вѣчное подданство Россійскому Скипетру.

Непремѣняемое вѣчное единство съ Россіею покоренной русскими войсками Финляндіи очевидно не было нарушено ни устройствомъ для послѣдней, по волѣ Императорской Власти, особаго порядка управленія, ни сохраненіемъ за обывателями шведской Финляндіи особыхъ правъ и преимуществъ, коими они прежде по конституціямъ ихъ пользовались, тѣмъ болѣе, что преимущества эти манифестомъ Императора Александра I отъ 15 Марта 1809 г. были дарованы Финляндіи до присоединенія къ Улеаборгской губерніи Вестерботніи съ городомъ Торнео (2 Ноября 1809 г.), а также до соединенія старой русской Финляндіи съ новой шведской въ одно гражданское управленіе (Высочайшій манифестъ 11 Декабря 1811 г. и Именной Указъ отъ того же года и числа Святѣйшему Синоду, П. С. З. №№ 24907 и 24909). Кромѣ того, привилегіи эти въ существѣ своемъ ничѣмъ не отличались отъ тѣхъ правъ и преимуществъ, кои ранѣе были дарованы русской Финляндіи, Лифляндіи, острову Эзелю и вообще всѣмъ провинціямъ, отторгнутымъ въ разное время отъ Шведскаго королевства. Единственное различіе редакціи Высочайшаго манифеста 15 Марта

съ симъ восприяли Мы на себя священную обязанность хранить сіе достояніе, Промысломъ Намъ врученное, во всей его незыблемости и въ непремѣняемомъ и вѣчномъ съ Россіею единствѣ. Въ чредѣ народовъ, Скипетру Россійскому подвластныхъ и единую Имперію составляющихъ, обыватели новоприсоединенной Финляндіи съ сего времени восприяли навсегда свое мѣсто. Отъ сего великаго состава противу воли и предопредѣленій Вышняго ничто отторгнуть ихъ не можетъ. То же самое Провидѣніе, которое споспѣшествовало храброму воинству Нашему въ обладаніи сія страны, будетъ покровительствовать Намъ въ неразрывномъ ея соблюденіи. Обыватели Финляндіи! Да напечатлѣются истины сіи неизгладимо въ сердцахъ вашихъ. Подъ сѣнью Престола Нашего покоятся многочисленные народы; судьбы ихъ равно сердцу Нашему драгоцѣнны; вступивъ въ составъ Имперіи Нашей, вы пріобрѣли тѣмъ самымъ равныя права съ ними... Будьте тверды и непоколебимы въ преданности вашей къ Россіи. Слово Наше о сохраненіи васъ въ единствѣ (съ Россіею) есть непреложно“.

Изъ приведенныхъ законодательныхъ актовъ слѣдуетъ придти къ несомнѣнному заключенію, что особаго финляндскаго государства подъ Верховною Властью Россійскаго Императора установлено не было, что губерніи, образующія нынѣ Великое княжество Финляндское, поступили въ собственность и державное обладаніе Имперіи Россійской, а обыватели ихъ принесли присягу на вѣчное подданство Россійскому Скипетру.

Непремѣняемое вѣчное единство съ Россіею покоренной русскими войсками Финляндіи очевидно не было нарушено ни устройствомъ для послѣдней, по волѣ Императорской Власти, особаго порядка управленія, ни сохраненіемъ за обывателями шведской Финляндіи особыхъ правъ и преимуществъ, коими они прежде по конституціямъ ихъ пользовались, тѣмъ болѣе, что преимущества эти манифестомъ Императора Александра I отъ 15 Марта 1809 г. были дарованы Финляндіи до присоединенія къ Улеаборгской губерніи Вестерботніи съ городомъ Торнео (2 Ноября 1809 г.), а также до соединенія старой русской Финляндіи съ новой шведской въ одно гражданское управленіе (Высочайшій манифестъ 11 Декабря 1811 г. и Именной Указъ отъ того же года и числа Святѣйшему Синоду, П. С. З. №№ 24907 и 24909). Кромѣ того, привилегіи эти въ существѣ своемъ ничѣмъ не отличались отъ тѣхъ правъ и преимуществъ, кои ранѣе были дарованы русской Финляндіи, Лифляндіи, острову Эзелю и вообще всѣмъ провинціямъ, отторгнутымъ въ разное время отъ Шведскаго королевства. Единственное различіе редакціи Высочайшаго манифеста 15 Марта

1809 г., сравнительно съ текстомъ Высочайшихъ конфирмацій правъ и привилегій жителей прочихъ провинцій, состоитъ въ томъ, что въ первомъ упомянуто о сохраненіи въ шведской Финляндіи, между прочимъ, и коренныхъ законовъ. Подъ этимъ выраженіемъ финляндскій кодификаціонный комитетъ разумѣетъ основные законы Шведскаго королевства и, основываясь на такомъ словотолкованіи, утверждаетъ, что Императоромъ Александромъ I, а затѣмъ и послѣдующими Россійскими Государями удостовѣрялось сохраненіе въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ дѣйствія Формы правленія 1772 г. и другихъ шведскихъ законоположеній, ограничивающихъ въ странѣ Самодержавную Власть Монарха.

Неправильность такого толкованія помянутаго Высочайшаго манифеста (15 Марта 1809 г.), по мнѣнію моему, можетъ быть доказана однимъ сопоставленіемъ сего манифеста съ ст. VI Фридрихсгамскаго мирнаго договора [5 (17) Сентября 1809 г.]. Если бы дѣйствительно Императоръ Александръ I подъ утвержденными для Финляндіи коренными законами разумѣлъ шведскую конституцію, ограничивающую въ краѣ полномочія Верховной Власти, то, не говоря уже о томъ, что такое важное и исключительное преимущество присоединенныхъ къ Имперіи губерній несомнѣнно получило бы вполнѣ ясное выраженіе въ переизданіи по Высочайшему повелѣнію шведской Формы правленія (какъ то было сдѣлано съ шведскимъ уложеніемъ 1734 г.); во всякомъ случаѣ указаніе на утвержденіе для Финляндіи шведской конституціи не могло бы быть опущено въ ст. VI Фридрихсгамскаго мирнаго договора, въ коей однако упомянуто лишь о обезпеченіи за жителями пріобрѣтенныхъ Россіею областей, по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго соизволенія Императора Всероссійскаго, свободнаго отправленія вѣры (слѣдовательно, обезпеченіе вѣротерпимости, а не признаніе евангелическо-лютеранскаго вѣроисповѣданія господствующимъ), правъ собственности и преимуществъ (П. С. З. № 23883). Самое указаніе на обезпеченіе за жителями края свободнаго отправленія вѣры и правъ собственности свидѣтельствуетъ уже о сохраненіи въ странѣ во всей неприкосновенности Самодержавныхъ правъ Монарха, такъ какъ иначе, при оставленіи въ дѣйствіи основныхъ государственныхъ законовъ Швеціи, это разумѣлось бы само собою.

Но, независимо отъ сего соображенія, неправильность, допущенная финляндскимъ кодификаціоннымъ комитетомъ въ толкованіи Высочайшаго манифеста 15 Марта 1809 г. въ смыслѣ утвержденія Императоромъ Александромъ I шведской Формы правленія 1772 г. и другихъ основныхъ государственныхъ законовъ Швеціи, доказы-

1809 г., сравнительно съ текстомъ Высочайшихъ конфирмацій правъ и привилегій жителей прочихъ провинцій, состоитъ въ томъ, что въ первомъ упомянуто о сохраненіи въ шведской Финляндіи, между прочимъ, и коренныхъ законовъ. Подъ этимъ выраженіемъ финляндскій кодификаціонный комитетъ разумѣетъ основные законы Шведскаго королевства и, основываясь на такомъ словотолкованіи, утверждаетъ, что Императоромъ Александромъ I, а затѣмъ и послѣдующими Россійскими Государями удостовѣрялось сохраненіе въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ дѣйствія Формы правленія 1772 г. и другихъ шведскихъ законоположеній, ограничивающихъ въ странѣ Самодержавную Власть Монарха.

Неправильность такого толкованія помянутаго Высочайшаго манифеста (15 Марта 1809 г.), по мнѣнію моему, можетъ быть доказана однимъ сопоставленіемъ сего манифеста съ ст. VI Фридрихсгамскаго мирнаго договора [5 (17) Сентября 1809 г.]. Если бы дѣйствительно Императоръ Александръ I подъ утвержденными для Финляндіи коренными законами разумѣлъ шведскую конституцію, ограничивающую въ краѣ полномочія Верховной Власти, то, не говоря уже о томъ, что такое важное и исключительное преимущество присоединенныхъ къ Имперіи губерній несомнѣнно получило бы вполнѣ ясное выраженіе въ переизданіи по Высочайшему повелѣнію шведской Формы правленія (какъ то было сдѣлано съ шведскимъ уложеніемъ 1734 г.); во всякомъ случаѣ указаніе на утвержденіе для Финляндіи шведской конституціи не могло бы быть опущено въ ст. VI Фридрихсгамскаго мирнаго договора, въ коей однако упомянуто лишь о обезпеченіи за жителями пріобрѣтенныхъ Россіею областей, по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго соизволенія Императора Всероссійскаго, свободнаго отправленія вѣры (слѣдовательно, обезпеченіе вѣротерпимости, а не признаніе евангелическо-лютеранскаго вѣроисповѣданія господствующимъ), правъ собственности и преимуществъ (П. С. З. № 23883). Самое указаніе на обезпеченіе за жителями края свободнаго отправленія вѣры и правъ собственности свидѣтельствуетъ уже о сохраненіи въ странѣ во всей неприкосновенности Самодержавныхъ правъ Монарха, такъ какъ иначе, при оставленіи въ дѣйствіи основныхъ государственныхъ законовъ Швеціи, это разумѣлось бы само собою.

Но, независимо отъ сего соображенія, неправильность, допущенная финляндскимъ кодификаціоннымъ комитетомъ въ толкованіи Высочайшаго манифеста 15 Марта 1809 г. въ смыслѣ утвержденія Императоромъ Александромъ I шведской Формы правленія 1772 г. и другихъ основныхъ государственныхъ законовъ Швеціи, доказы-

вается, по мнѣнію моему, еще тѣмъ несомнѣннымъ историческимъ фактомъ, что даже въ самое первое время по образованіи Великаго Княжества Финляндскаго ни одно правительственное мѣропріятіе по отношенію къ сему краю, ни одинъ законодательный актъ не были основаны на какомъ-либо положеніи шведскихъ коренныхъ государственныхъ законовъ. Такъ, первый сеймъ земскихъ чиновъ Финляндіи въ Борго былъ созванъ не потому, что сеймы должны быть созываемы въ Великомъ княжествѣ на основаніи Формы правленія 1772 г., а единственно по Державной волѣ Монарха и сначала съ тою исключительно цѣлью, чтобы представители всѣхъ сословій покоренной земли вновь принесли, въ личномъ присутствіи Всероссійскаго Императора, торжественную вѣрноподданническую присягу и тѣмъ самымъ упрочили бы въ сердцахъ народа возвѣщенное ему Высочайшими манифестами непремѣняемое единство съ Россіею. Затѣмъ, когда Императорскимъ правительствомъ было признано полезнымъ освѣдомиться о мнѣніи обывателей Финляндіи относительно предпринятаго тогда Правительствомъ устройства управленія въ завоеванномъ краѣ, рѣшено было предоставить сейму высказать свои мнѣнія (avis) и соображенія по поводу предположенныхъ мѣропріятій. При этомъ первый финляндскій сеймъ имѣлъ вполнѣ совѣщательный характеръ, что видно, между прочимъ, изъ того, что весьма многія мнѣнія, заявленныя сеймомъ, не были приняты во вниманіе Правительствомъ при послѣдовавшемъ затѣмъ изданіи регламента для финляндскаго Правительствующаго Совѣта и другихъ законоположеній, проекты коихъ были вносимы на обсужденіе земскихъ чиновъ, собранныхъ въ Борго. Наконецъ, послѣ 1809 г. во все продолженіе царствованій Императоровъ Александра I и Николая I и до 1863 г. сеймы вовсе не созывались; между тѣмъ въ это время были изданы дѣйствующія и донынѣ учрежденія Генералъ-Губернаторства, Статсъ-Секретаріата, разнаго рода главныхъ управленій и судебныхъ мѣстъ, законы межевые, финансовые, лѣсные, гражданскіе, уголовные и др. Вмѣстѣ съ тѣмъ ни въ одномъ изъ этихъ законодательныхъ актовъ Самодержавной Власти даже не упоминалось о Формѣ правленія 1772 г. и о другихъ государственныхъ законахъ Швеціи, несмотря на то, что издаваемыя узаконенія по существу своему во многомъ противорѣчили постановленіямъ шведскихъ законовъ.

Изложенное, казалось бы, должно привести къ заключенію, что въ теченіе болѣе полувѣка со времени образованія Великаго Княжества Финляндіи не только никакое ограниченіе Верховной Императорской Власти по отношенію къ сему краю Россійскимъ Правительствомъ не признавалось, но кромѣ того во всѣхъ правитель-

вается, по мнѣнію моему, еще тѣмъ несомнѣннымъ историческимъ фактомъ, что даже въ самое первое время по образованіи Великаго Княжества Финляндскаго ни одно правительственное мѣропріятіе по отношенію къ сему краю, ни одинъ законодательный актъ не были основаны на какомъ-либо положеніи шведскихъ коренныхъ государственныхъ законовъ. Такъ, первый сеймъ земскихъ чиновъ Финляндіи въ Борго былъ созванъ не потому, что сеймы должны быть созываемы въ Великомъ княжествѣ на основаніи Формы правленія 1772 г., а единственно по Державной волѣ Монарха и сначала съ тою исключительно цѣлью, чтобы представители всѣхъ сословій покоренной земли вновь принесли, въ личномъ присутствіи Всероссійскаго Императора, торжественную вѣрноподданническую присягу и тѣмъ самымъ упрочили бы въ сердцахъ народа возвѣщенное ему Высочайшими манифестами непремѣняемое единство съ Россіею. Затѣмъ, когда Императорскимъ правительствомъ было признано полезнымъ освѣдомиться о мнѣніи обывателей Финляндіи относительно предпринятаго тогда Правительствомъ устройства управленія въ завоеванномъ краѣ, рѣшено было предоставить сейму высказать свои мнѣнія (avis) и соображенія по поводу предположенныхъ мѣропріятій. При этомъ первый финляндскій сеймъ имѣлъ вполнѣ совѣщательный характеръ, что видно, между прочимъ, изъ того, что весьма многія мнѣнія, заявленныя сеймомъ, не были приняты во вниманіе Правительствомъ при послѣдовавшемъ затѣмъ изданіи регламента для финляндскаго Правительствующаго Совѣта и другихъ законоположеній, проекты коихъ были вносимы на обсужденіе земскихъ чиновъ, собранныхъ въ Борго. Наконецъ, послѣ 1809 г. во все продолженіе царствованій Императоровъ Александра I и Николая I и до 1863 г. сеймы вовсе не созывались; между тѣмъ въ это время были изданы дѣйствующія и до нынѣ учрежденія Генералъ-Губернаторства, Статсъ-Секретаріата, разнаго рода главныхъ управленій и судебныхъ мѣстъ, законы межевые, финансовые, лѣсные, гражданскіе, уголовные и др. Вмѣстѣ съ тѣмъ ни въ одномъ изъ этихъ законодательныхъ актовъ Самодержавной Власти даже не упоминалось о Формѣ правленія 1772 г. и о другихъ государственныхъ законахъ Швеціи, несмотря на то, что издаваемыя узаконенія по существу своему во многомъ противорѣчили постановленіямъ шведскихъ законовъ.

Изложенное, казалось бы, должно привести къ заключенію, что въ теченіе болѣе полувѣка со времени образованія Великаго Княжества Финляндіи не только никакое ограниченіе Верховной Императорской Власти по отношенію къ сему краю Россійскимъ Правительствомъ не признавалось, но кромѣ того во всѣхъ правитель-

ственныхъ распоряженіяхъ относительно Финляндіи съ неуклонною послѣдовательностью и ясностью проводился принципъ Самодержавія, вслѣдствіе чего очевидно, что ограниченіе правъ Верховной Власти не подразумѣвалось и въ Высочайшемъ манифестѣ 15 Марта 1809 г.

Съ 1861 г., однако, характеръ правительственныхъ мѣропріятій по отношенію къ Финляндіи существенно уклонился отъ вышеуказаннаго направленія. Въ оффиціальныхъ актахъ начинаютъ встрѣчаться указанія на существованіе будто бы въ Финляндіи особыхъ основныхъ законовъ, по смыслу коихъ нѣкоторыя законодательныя мѣры не могутъ быть приняты безъ содѣйствія сейма. Въ Высочайшемъ манифестѣ 29 Марта 1861 г. о составленіи комиссіи изъ выборныхъ отъ четырехъ сословій Финляндскаго Княжества [1]), уже прямо было заявлено о намѣреніи Правительства созвать въ ближайшемъ будущемъ финляндскій сеймъ. Въ скоромъ времени онъ былъ дѣйствительно созванъ и 18 Сентября 1863 г. открытъ въ Гельсингфорсѣ въ личномъ присутствіи Императора Александра II. Въ рѣчи, произнесенной при этомъ въ Бозѣ почившимъ Монархомъ представителямъ Великаго Княжества, было изъяснено, между прочимъ, что они созваны „для соучастія“ въ дѣлѣ разсмотрѣнія нѣкоторыхъ проектовъ законовъ и административныхъ мѣръ и для выслушанія отчета о положеніи финансовъ, о доходахъ и расходахъ Княжества и заключенныхъ займахъ, при чемъ Императоромъ было выражено желаніе, чтобы впредь ни одинъ заемъ не былъ заключаемъ безъ участія сейма, исключая только внезапнаго нашествія враговъ или другого непредвидѣннаго общественнаго бѣдствія. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Высочайшей рѣчи было сдѣлано вновь указаніе на существованіе въ Княжествѣ коренныхъ законовъ и въ виду несовмѣстности многихъ изъ нихъ съ положеніемъ дѣлъ, возникшимъ послѣ присоединенія Финляндіи къ Имперіи, а также недостатка въ нихъ ясности и опредѣлительности, было заявлено о намѣреніи Государя предложить на разсмотрѣніе послѣдующаго сейма имѣющій быть составленнымъ проектъ сихъ законовъ, въ коемъ были бы исправлены недостатки прежнихъ постановленій и сдѣланы надлежащія къ онымъ поясненія и дополненія, съ оставленіемъ однако „въ неприкосновенности принципа конституціонной монархіи, вошедшаго въ нравы финляндскаго народа и запечатлѣвшаго всѣ законы его и учрежденія“. Высочайшая рѣчь заключалась слѣдующими словами: „Вамъ извѣстны мои чувства, вы знаете, какъ желаю Я счастія и благоденствія народовъ, ввѣренныхъ Моему попеченію. Съ Моей стороны не было

---

[1]) Сборн. постан. Велик. Княж. Финл. 1861 г., № 9.

ственныхъ распоряженіяхъ относительно Финляндіи съ неуклонною послѣдовательностью и ясностью проводился принципъ Самодержавія, вслѣдствіе чего очевидно, что ограниченіе правъ Верховной Власти не подразумѣвалось и въ Высочайшемъ манифестѣ 15 Марта 1809 г.

Съ 1861 г., однако, характеръ правительственныхъ мѣропріятій по отношенію къ Финляндіи существенно уклонился отъ вышеуказаннаго направленія. Въ оффиціальныхъ актахъ начинаютъ встрѣчаться указанія на существованіе будто бы въ Финляндіи особыхъ основныхъ законовъ, по смыслу коихъ нѣкоторыя законодательныя мѣры не могутъ быть приняты безъ содѣйствія сейма. Въ Высочайшемъ манифестѣ 29 Марта 1861 г. о составленіи комиссіи изъ выборныхъ отъ четырехъ сословій Финляндскаго Княжества [1]), уже прямо было заявлено о намѣреніи Правительства созвать въ ближайшемъ будущемъ финляндскій сеймъ. Въ скоромъ времени онъ былъ дѣйствительно созванъ и 18 Сентября 1863 г. открытъ въ Гельсингфорсѣ въ личномъ присутствіи Императора Александра II. Въ рѣчи, произнесенной при этомъ въ Бозѣ почившимъ Монархомъ представителямъ Великаго Княжества, было изъяснено, между прочимъ, что они созваны „для соучастія“ въ дѣлѣ разсмотрѣнія нѣкоторыхъ проектовъ законовъ и административныхъ мѣръ и для выслушанія отчета о положеніи финансовъ, о доходахъ и расходахъ Княжества и заключенныхъ займахъ, при чемъ Императоромъ было выражено желаніе, чтобы впредь ни одинъ заемъ не былъ заключаемъ безъ участія сейма, исключая только внезапнаго нашествія враговъ или другого непредвидѣннаго общественнаго бѣдствія. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Высочайшей рѣчи было сдѣлано вновь указаніе на существованіе въ Княжествѣ коренныхъ законовъ и въ виду несовмѣстности многихъ изъ нихъ съ положеніемъ дѣлъ, возникшимъ послѣ присоединенія Финляндіи къ Имперіи, а также недостатка въ нихъ ясности и опредѣлительности, было заявлено о намѣреніи Государя предложить на разсмотрѣніе послѣдующаго сейма имѣющій быть составленнымъ проектъ сихъ законовъ, въ коемъ были бы исправлены недостатки прежнихъ постановленій и сдѣланы надлежащія къ онымъ поясненія и дополненія, съ оставленіемъ однако „въ неприкосновенности принципа конституціонной монархіи, вошедшаго въ нравы финляндскаго народа и запечатлѣвшаго всѣ законы его и учрежденія“. Высочайшая рѣчь заключалась слѣдующими словами: „Вамъ извѣстны мои чувства, вы знаете, какъ желаю Я счастія и благоденствія народовъ, ввѣренныхъ Моему попеченію. Съ Моей стороны не было

---

[1]) Сборн. постан. Велик. Княж. Финл. 1861 г., № 9.

сдѣлано ничего, что могло бы нарушить согласіе, которое должно существовать между Государемъ и народомъ. Я желаю, чтобы это согласіе послужило и впредь залогомъ благопріятныхъ отношеній, установившихся между Мною и честнымъ и вѣрнымъ финляндскимъ народомъ. Оно будетъ могущественно содѣйствовать благосостоянію края, столь близкаго Моему сердцу, и послужитъ для Меня новымъ побужденіемъ созывать васъ въ опредѣленные сроки. Вамъ, представители Великаго Княжества, предстоитъ доказать достоинствомъ, умѣренностью и спокойствіемъ при сужденіяхъ, что въ рукахъ народа мудраго, готоваго дѣйствовать заодно съ Государемъ, съ практическимъ смысломъ для развитія своего благосостоянія, либеральныя учрежденія не только не опасны, но составляютъ залогъ порядка и спокойствія“ [1]). Приведенная Высочайшая рѣчь, такимъ образомъ, какъ бы узаконила по отношенію къ Финляндіи новый принципъ *конституціонной монархіи*, выразившійся въ періодическомъ созывѣ сеймовъ Княжества для участія въ дѣлѣ мѣстнаго законодательства и существенно измѣнившій поэтому съ 1863 г. порядокъ разсмотрѣнія многихъ законодательныхъ предположеній Правительства, касающихся Финляндіи. Тѣмъ не менѣе ни точнымъ смысломъ этой Высочайшей рѣчи, ни какимъ-либо инымъ законодательнымъ актомъ, отъ Императорской Власти исходящимъ, существо и объемъ Державныхъ правъ Россійскаго Монарха въ обладаніи и управленіи помянутымъ краемъ не подверглись никакому противъ прежняго измѣненію. Созывъ сеймовъ, предложеніе на ихъ обсужденіе тѣхъ или другихъ изъ предположенныхъ правительствомъ мѣропріятій или приведеніе ихъ въ исполненіе безъ всякаго участія земскаго представительства — какъ прежде, такъ и теперь, всецѣло зависѣли отъ благоусмотрѣнія Величества. Существованіе въ Финляндіи нѣкоторыхъ коренныхъ законовъ неясныхъ, неопредѣлительныхъ и несовмѣстныхъ съ фактомъ присоединенія сего края къ Имперіи, не могло, конечно, до приведенія сихъ постановленій въ ясность и удобопримѣнимость, стѣснять или въ чемъ-либо ограничивать исконную Самодержавную Власть Русскаго Государя. Вслѣдствіе этого, рядомъ съ встрѣчающимся въ законодательныхъ актахъ прошлаго царствованія признаніемъ за шведскими основными законами силы дѣйствующихъ въ Финляндіи узаконеній [2]), постановленія тѣхъ же законовъ Швеціи не были при-

---

[1]) Сборн. постан. Велик. Княж. Финл. 1863 г., № 33.

[2]) Напр. по вопросу о томъ, что законодательныя предположенія Правительства относительно печати не подлежатъ сужденію земскихъ чиновъ. (Высочайшій рескриптъ земскимъ сословіямъ 15 (27) Марта 1872 года. Онъ приведенъ въ выноскѣ ниже). *Т.*

сдѣлано ничего, что могло бы нарушить согласіе, которое должно существовать между Государемъ и народомъ. Я желаю, чтобы это согласіе послужило и впредь залогомъ благопріятныхъ отношеній, установившихся между Мною и честнымъ и вѣрнымъ финляндскимъ народомъ. Оно будетъ могущественно содѣйствовать благосостоянію края, столь близкаго Моему сердцу, и послужитъ для Меня новымъ побужденіемъ созывать васъ въ опредѣленные сроки. Вамъ, представители Великаго Княжества, предстоитъ доказать достоинствомъ, умѣренностью и спокойствіемъ при сужденіяхъ, что въ рукахъ народа мудраго, готоваго дѣйствовать заодно съ Государемъ, съ практическимъ смысломъ для развитія своего благосостоянія, либеральныя учрежденія не только не опасны, но составляютъ залогъ порядка и спокойствія“ [1]). Приведенная Высочайшая рѣчь, такимъ образомъ, какъ бы узаконила по отношенію къ Финляндіи новый принципъ *конституціонной монархіи*, выразившійся въ періодическомъ созывѣ сеймовъ Княжества для участія въ дѣлѣ мѣстнаго законодательства и существенно измѣнившій поэтому съ 1863 г. порядокъ разсмотрѣнія многихъ законодательныхъ предположеній Правительства, касающихся Финляндіи. Тѣмъ не менѣе ни точнымъ смысломъ этой Высочайшей рѣчи, ни какимъ-либо инымъ законодательнымъ актомъ, отъ Императорской Власти исходящимъ, существо и объемъ Державныхъ правъ Россійскаго Монарха въ обладаніи и управленіи помянутымъ краемъ не подверглись никакому противъ прежняго измѣненію. Созывъ сеймовъ, предложеніе на ихъ обсужденіе тѣхъ или другихъ изъ предположенныхъ правительствомъ мѣропріятій или приведеніе ихъ въ исполненіе безъ всякаго участія земскаго представительства — какъ прежде, такъ и теперь, всецѣло зависѣли отъ благоусмотрѣнія Величества. Существованіе въ Финляндіи нѣкоторыхъ коренныхъ законовъ неясныхъ, неопредѣлительныхъ и несовмѣстныхъ съ фактомъ присоединенія сего края къ Имперіи, не могло, конечно, до приведенія сихъ постановленій въ ясность и удобопримѣнимость, стѣснять или въ чемъ-либо ограничивать исконную Самодержавную Власть Русскаго Государя. Вслѣдствіе этого, рядомъ съ встрѣчающимся въ законодательныхъ актахъ прошлаго царствованія признаніемъ за шведскими основными законами силы дѣйствующихъ въ Финляндіи узаконеній [2]), постановленія тѣхъ же законовъ Швеціи не были при-

[1]) Сборн. постан. Велик. Княж. Финл. 1863 г., № 33.

[2]) Напр. по вопросу о томъ, что законодательныя предположенія Правительства относительно печати не подлежатъ сужденію земскихъ чиновъ. (Высочайшій рескриптъ земскимъ сословіямъ 15 (27) Марта 1872 года. Онъ приведенъ въ выноскѣ ниже). *Т.*

няты во вниманіе при изданіи Высочайшаго повелѣнія 15 Февраля 1864 г. [1]), состоявшагося безъ вѣдома и участія сейма, о присоединеніи части Выборгской губерніи къ Петербургской, не смотря на то, что эта мѣра (по утвержденію современныхъ финляндскихъ законовѣдовъ) нарушаетъ основныя положенія государственнаго права Финляндіи о недѣлимости территоріи Шведскаго королевства. Наконецъ, права Верховной Власти послѣ 1863 г. не подверглись ограниченію еще и потому, что никакимъ закономъ не были расширены и полномочія земскихъ чиновъ Княжества, сравнительно съ тѣми, кои были предоставлены имъ на первомъ финляндскомъ сеймѣ въ Борго. Самое оффиціальное именованіе сейма 1863 года вторымъ [2]) ясно устанавливаетъ преемственную связь между этими двумя сеймами и равноправное ихъ положеніе въ качествѣ органа мѣстнаго представительства *съ совѣщательнымъ голосомъ* при Самодержавной законодательной Власти Всероссійскаго Государя.

Такой совѣщательный характеръ во всей его чистотѣ, учрежденіе земскихъ чиновъ Финляндіи сохранило, однако, не долго, а именно до изданія Высочайше утвержденнаго, 3 (15) Апрѣля 1869 г., сеймоваго устава для Великаго Княжества Финляндскаго, измѣненнаго и дополненнаго законами 8 (20) Марта 1879 г. и 13 (25) Іюня 1886 г. Уставъ этотъ, составленный особо учрежденнымъ для сего мѣстнымъ комитетомъ и разсмотрѣнный сословными представителями на третьемъ финляндскомъ сеймѣ въ 1867 г., былъ редактированъ ими по образцу древнихъ шведскихъ государственныхъ законовъ, въ формѣ договора между сеймомъ и Монархомъ, вслѣдствіе чего, быть можетъ, и получилъ несвойственное другимъ, хотя бы и основнымъ законоположеніямъ, значеніе закона, ненарушимаго для самаго Монарха до измѣненія или отмѣны сего закона совокупнымъ съ земскими чинами рѣшеніемъ (§ 83). Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе утвержденія Высочайшею Властью за сеймовымъ уставомъ указаннаго значенія, слѣдуетъ признать, что, на основаніи ст. 2 сего закона, созывъ сейма въ Гельсингфорсѣ по крайней мѣрѣ каждый пятый годъ обязателенъ для Монарха, также какъ не могутъ подлежать измѣненію по единоличному Его усмотрѣнію и всѣ остальныя постановленія устава, касающіяся собранія и засѣданія земскихъ чиновъ и порядка разсмотрѣнія ими законодательныхъ вопросовъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, несмотря на изъясненное ограниченіе сеймовымъ уставомъ правъ Верховной Власти,

---

[1]) Сборн. постан. Велик. Княж. Финл. 1864 г., № 5.

[2]) Сборн. пост. Велик. Княж. Финл. 1864 г., № 4.

няты во вниманіе при изданіи Высочайшаго повелѣнія 15 Февраля 1864 г. [1]), состоявшагося безъ вѣдома и участія сейма, о присоединеніи части Выборгской губерніи къ Петербургской, не смотря на то, что эта мѣра (по утвержденію современныхъ финляндскихъ законовѣдовъ) нарушаетъ основныя положенія государственнаго права Финляндіи о недѣлимости территоріи Шведскаго королевства. Наконецъ, права Верховной Власти послѣ 1863 г. не подверглись ограниченію еще и потому, что никакимъ закономъ не были расширены и полномочія земскихъ чиновъ Княжества, сравнительно съ тѣми, кои были предоставлены имъ на первомъ финляндскомъ сеймѣ въ Борго. Самое оффиціальное именованіе сейма 1863 года вторымъ [2]) ясно устанавливаетъ преемственную связь между этими двумя сеймами и равноправное ихъ положеніе въ качествѣ органа мѣстнаго представительства *съ совѣщательнымъ голосомъ* при Самодержавной законодательной Власти Всероссійскаго Государя.

Такой совѣщательный характеръ во всей его чистотѣ, учрежденіе земскихъ чиновъ Финляндіи сохранило, однако, не долго, а именно до изданія Высочайше утвержденнаго, 3 (15) Апрѣля 1869 г., сеймоваго устава для Великаго Княжества Финляндскаго, измѣненнаго и дополненнаго законами 8 (20) Марта 1879 г. и 13 (25) Іюня 1886 г. Уставъ этотъ, составленный особо учрежденнымъ для сего мѣстнымъ комитетомъ и разсмотрѣнный сословными представителями на третьемъ финляндскомъ сеймѣ въ 1867 г., былъ редактированъ ими по образцу древнихъ шведскихъ государственныхъ законовъ, въ формѣ договора между сеймомъ и Монархомъ, вслѣдствіе чего, быть можетъ, и получилъ несвойственное другимъ, хотя бы и основнымъ законоположеніямъ, значеніе закона, ненарушимаго для самаго Монарха до измѣненія или отмѣны сего закона совокупнымъ съ земскими чинами рѣшеніемъ (§ 83). Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе утвержденія Высочайшею Властью за сеймовымъ уставомъ указаннаго значенія, слѣдуетъ признать, что, на основаніи ст. 2 сего закона, созывъ сейма въ Гельсингфорсѣ по крайней мѣрѣ каждый пятый годъ обязателенъ для Монарха, также какъ не могутъ подлежать измѣненію по единоличному Его усмотрѣнію и всѣ остальныя постановленія устава, касающіяся собранія и засѣданія земскихъ чиновъ и порядка разсмотрѣнія ими законодательныхъ вопросовъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, несмотря на изъясненное ограниченіе сеймовымъ уставомъ правъ Верховной Власти,

[1]) Сборн. постан. Велик. Княж. Финл. 1864 г., № 5.
[2]) Сборн. пост. Велик. Княж. Финл. 1864 г., № 4.

финляндскій сеймъ по всѣмъ остальнымъ законопроектамъ, не касающимся отмѣны или измѣненія постановленій устава, остался по-прежнему учрежденіемъ совѣщательнымъ. Хотя ссылка на § 71 сеймоваго устава, какъ на одинъ изъ источниковъ § 63 проекта Формы правленія, и показываетъ, что финляндскій кодификаціонный комитетъ держится инаго взгляда на этотъ вопросъ, придавая § 71 устава значеніе постановленія, обусловливающаго право Монарха относительно изданія, измѣненія, поясненія или отмѣны всякаго основнаго закона согласіемъ на то всѣхъ сословій, но такое толкованіе смысла помянутаго параграфа представляется неправильнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ. Прежде всего необходимо замѣтить, что приданіе § 71 указаннаго значенія дѣлало бы совершенно излишнимъ постановленіе § 83 о ненарушимости сеймоваго устава для Монарха до измѣненія или отмѣны сего закона совокупнымъ рѣшеніемъ съ земскими чинами, такъ какъ порядокъ измѣненія сеймоваго устава, въ качествѣ основнаго закона, прямо устанавливался бы § 71 и не требовалъ бы затѣмъ новаго самостоятельнаго въ семъ смыслѣ опредѣленія. Но кромѣ сего довода, по мнѣнію моему, заслуживаетъ полнаго вниманія и то соображеніе, что сеймовый уставъ содержитъ въ себѣ правила касательно собраній и засѣданій земскихъ чиновъ, т. е. порядка созыва и составленія сейма, а также обсужденія симъ послѣднимъ порученныхъ ему дѣлъ, а потому не можетъ заключать въ себѣ постановленій, опредѣляющихъ порядокъ дѣйствія Верховной Власти при окончательномъ рѣшеніи вопроса объ изданіи того или инаго узаконенія, если только такое значеніе сего постановленія не выражено точно и несомнѣнно въ самомъ законѣ (какъ напр. § 51 сейм. уст. по закону 1886 г.). Между тѣмъ для уразумѣнія истиннаго смысла содержащагося въ § 71 сеймоваго устава правила слѣдуетъ лишь сопоставить помянутый параграфъ съ §§ 72, 73 и 74 того же устава и съ Высочайшимъ рескриптомъ земскимъ сословіямъ Великаго Княжества Финляндскаго отъ 15 (27) Марта 1872 г. Изъ разсмотрѣнія указанныхъ постановленій сеймоваго устава видно, что они опредѣляютъ условія, при которыхъ заявленныя земскими чинами мнѣнія по какому-либо вопросу считаются сеймовыми рѣшеніями. Такимъ условіемъ для всѣхъ дѣлъ, кромѣ упомянутыхъ въ §§ 71 и 72, является согласное заключеніе трехъ сословій (§ 73) или большинства голосовъ усиленной комиссіи (§ 74); по вопросамъ же, касающимся сословныхъ привилегій (§§ 71 и 72) или изданія, измѣненія, поясненія или отмѣны основныхъ законовъ (§ 71), рѣшеніе земскихъ чиновъ должно быть постановлено съ согласія всѣхъ сословій, такъ какъ только за со-

*

финляндскій сеймъ по всѣмъ остальнымъ законопроектамъ, не касающимся отмѣны или измѣненія постановленій устава, остался по-прежнему учрежденіемъ совѣщательнымъ. Хотя ссылка на § 71 сеймоваго устава, какъ на одинъ изъ источниковъ § 63 проекта Формы правленія, и показываетъ, что финляндскій кодификаціонный комитетъ держится инаго взгляда на этотъ вопросъ, придавая § 71 устава значеніе постановленія, обусловливающаго право Монарха относительно изданія, измѣненія, поясненія или отмѣны всякаго основнаго закона согласіемъ на то всѣхъ сословій, но такое толкованіе смысла помянутаго параграфа представляется неправильнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ. Прежде всего необходимо замѣтить, что приданіе § 71 указаннаго значенія дѣлало бы совершенно излишнимъ постановленіе § 83 о ненарушимости сеймоваго устава для Монарха до измѣненія или отмѣны сего закона совокупнымъ рѣшеніемъ съ земскими чинами, такъ какъ порядокъ измѣненія сеймоваго устава, въ качествѣ основнаго закона, прямо устанавливался бы § 71 и не требовалъ бы затѣмъ новаго самостоятельнаго въ семъ смыслѣ опредѣленія. Но кромѣ сего довода, по мнѣнію моему, заслуживаетъ полнаго вниманія и то соображеніе, что сеймовый уставъ содержитъ въ себѣ правила касательно собраній и засѣданій земскихъ чиновъ, т. е. порядка созыва и составленія сейма, а также обсужденія симъ послѣднимъ порученныхъ ему дѣлъ, а потому не можетъ заключать въ себѣ постановленій, опредѣляющихъ порядокъ дѣйствія Верховной Власти при окончательномъ рѣшеніи вопроса объ изданіи того или инаго узаконенія, если только такое значеніе сего постановленія не выражено точно и несомнѣнно въ самомъ законѣ (какъ напр. § 51 сейм. уст. по закону 1886 г.). Между тѣмъ для уразумѣнія истиннаго смысла содержащагося въ § 71 сеймоваго устава правила слѣдуетъ лишь сопоставить помянутый параграфъ съ §§ 72, 73 и 74 того же устава и съ Высочайшимъ рескриптомъ земскимъ сословіямъ Великаго Княжества Финляндскаго отъ 15 (27) Марта 1872 г. Изъ разсмотрѣнія указанныхъ постановленій сеймоваго устава видно, что они опредѣляютъ условія, при которыхъ заявленныя земскими чинами мнѣнія по какому-либо вопросу считаются сеймовыми рѣшеніями. Такимъ условіемъ для всѣхъ дѣлъ, кромѣ упомянутыхъ въ §§ 71 и 72, является согласное заключеніе трехъ сословій (§ 73) или большинства голосовъ усиленной комиссіи (§ 74); по вопросамъ же, касающимся сословныхъ привилегій (§§ 71 и 72) или изданія, измѣненія, поясненія или отмѣны основныхъ законовъ (§ 71), рѣшеніе земскихъ чиновъ должно быть постановлено съ согласія всѣхъ сословій, такъ какъ только за со-

*

гласнымъ заключеніемъ четырехъ сословій признается по этимъ вопросамъ сила сеймоваго рѣшенія [1]).

Такой казалось бы вполнѣ ясный и согласованный съ характеромъ всѣхъ постановленій сеймоваго устава смыслъ § 71, дѣйствительно, нѣсколько затемняется помѣщеннымъ въ параграфѣ этомъ указаніемъ на необходимость предложенія Государя Императора для постановленія сеймомъ рѣшеній по дѣламъ, касающимся основныхъ законовъ, тѣмъ болѣе, что указаніе это можетъ представиться излишнимъ въ виду того, что до закона 13 (25) Іюня 1886 г. земскіе чины не пользовались правомъ предложенія, которое ввиду сего и по общему правилу принадлежало Верховной Власти. Тѣмъ не менѣе содержащееся въ § 71 помянутое выше указаніе представляется вполнѣ цѣлесоотвѣтственнымъ, такъ какъ и при отсутствіи права предложенія сословные представители Великаго Княжества пользовались правомъ всеподданнѣйшихъ петицій, но петиціи эти, до измѣненія въ 1886 г. § 51 сеймоваго устава, не могли касаться вопросовъ объ изданіи или измѣненіи основныхъ законовъ, „время и способъ возбужденія“ каковыхъ вопросовъ, какъ то изъяснено въ Высочайшемъ рескриптѣ 15 (27) Марта 1872 г., зависѣли исключительно отъ Высочайшаго благоусмотрѣнія [2]). Это именно правило нашло себѣ выраженіе въ § 71 сеймоваго устава, который поэтому и не можетъ служить основаніемъ къ признанію за финляндскимъ сеймомъ инаго харак-

---

[1]) Въ настоящее время дѣйствуетъ новый Сеймовый Уставъ, Высочайше утвержденный 20-го іюля 1906 года, въ которомъ имѣются лишь правила относительно условій подсчета голосовъ при опредѣленіи Сеймовыхъ рѣшеній (§§ 60 и 61). §-же 75-й (соотв. прежнему 71) такъ измѣненъ, что изъ него можно вывести только косвенное указаніе на то, что не безусловно всѣ, а только нѣкоторые законы требуютъ непремѣнно согласнаго рѣшенія Верховной власти и сейма. *Т.*

[2]) „Напоминаемъ при этомъ земскимъ сословіямъ, что ежели Мы признали возможнымъ обезпечить послѣдовательность политической дѣятельности народныхъ представителей Финляндіи дарованіемъ періодическихъ собраній и права подавать на Наше воззрѣніе петиціи на основаніи утвержденнаго Нами сеймоваго устава, то этимъ вящимъ знакомъ Монаршаго довѣрія, какъ и изъяснено въ помянутомъ уставѣ, ни въ чемъ не измѣняется единственно Намъ принадлежащее право иниціативы по вопросамъ, касающимся основныхъ законовъ края, а посему *„время и способъ возбужденія такихъ вопросовъ зависитъ исключительно отъ Нашего благоусмотрѣнія“* (Высочайшій Его Императорскаго Величества рескриптъ земскимъ сословіямъ Великаго Княжества Финляндскаго 15 (27) Марта 1872 г. Сборн. постан. Велик. Княж. Финл. 1872 г. № 12).

Съ этимъ, однако, видимо вовсе не считался нынѣшній составъ финляндскаго сената, составившій свой проектъ Формы правленія по собственной иниціативѣ. *Т.*

гласнымъ заключеніемъ четырехъ сословій признается по этимъ вопросамъ сила сеймоваго рѣшенія [1]).

Такой казалось бы вполнѣ ясный и согласованный съ характеромъ всѣхъ постановленій сеймоваго устава смыслъ § 71, дѣйствительно, нѣсколько затемняется помѣщеннымъ въ параграфѣ этомъ указаніемъ на необходимость предложенія Государя Императора для постановленія сеймомъ рѣшеній по дѣламъ, касающимся основныхъ законовъ, тѣмъ болѣе, что указаніе это можетъ представиться излишнимъ въ виду того, что до закона 13 (25) Іюня 1886 г. земскіе чины не пользовались правомъ предложенія, которое ввиду сего и по общему правилу принадлежало Верховной Власти. Тѣмъ не менѣе содержащееся въ § 71 помянутое выше указаніе представляется вполнѣ цѣлесоотвѣтственнымъ, такъ какъ и при отсутствіи права предложенія сословные представители Великаго Княжества пользовались правомъ всеподданнѣйшихъ петицій, но петиціи эти, до измѣненія въ 1886 г. § 51 сеймоваго устава, не могли касаться вопросовъ объ изданіи или измѣненіи основныхъ законовъ, „время и способъ возбужденія" каковыхъ вопросовъ, какъ то изъяснено въ Высочайшемъ рескриптѣ 15 (27) Марта 1872 г., зависѣли исключительно отъ Высочайшаго благоусмотрѣнія [2]). Это именно правило нашло себѣ выраженіе въ § 71 сеймоваго устава, который поэтому и не можетъ служить основаніемъ къ признанію за финляндскимъ сеймомъ инаго харак-

---

[1]) Въ настоящее время дѣйствуетъ новый Сеймовый Уставъ, Высочайше утвержденный 20-го іюля 1906 года, въ которомъ имѣются лишь правила относительно условій подсчета голосовъ при опредѣленіи Сеймовыхъ рѣшеній (§§ 60 и 61). §-же 75-й (соотв. прежнему 71) такъ измѣненъ, что изъ него можно вывести только косвенное указаніе на то, что не безусловно всѣ, а только нѣкоторые законы требуютъ непремѣнно согласнаго рѣшенія Верховной власти и сейма. *Т.*

[2]) „Напоминаемъ при этомъ земскимъ сословіямъ, что ежели Мы признали возможнымъ обезпечить послѣдовательность политической дѣятельности народныхъ представителей Финляндіи дарованіемъ періодическихъ собраній и права подавать на Наше воззрѣніе петиціи на основаніи утвержденнаго Нами сеймоваго устава, то этимъ вящимъ знакомъ Монаршаго довѣрія, какъ и изъяснено въ помянутомъ уставѣ, ни въ чемъ не измѣняется единственно Намъ принадлежащее право инициативы по вопросамъ, касающимся основныхъ законовъ края, а посему *„время и способъ возбужденія такихъ вопросовъ зависитъ исключительно отъ Нашего благоусмотрѣнія"* (Высочайшій Его Императорскаго Величества рескриптъ земскимъ сословіямъ Великаго Княжества Финляндскаго 15 (27) Марта 1872 г. Сборн. постан. Велик. Княж. Финл. 1872 г. № 12).

Съ этимъ, однако, видимо вовсе не считался нынѣшній составъ финляндскаго сената, составившій свой проектъ Формы правленія по собственной инициативѣ. *Т.*

тера, кромѣ совѣщательнаго, по всѣмъ законодательнымъ вопросамъ, кои не касаются того или другаго измѣненія сеймоваго устава. Правильности такого вывода отнюдь не противорѣчатъ и заключительныя слова Высочайшаго манифеста 3 (15) Апрѣля 1869 г. объ изданіи сеймоваго устава. Манифестомъ этимъ впервые присвоено было Формѣ правленія 1772 г. и Акту соединенія и охраненія 1789 г. значеніе законоположеній, сохраняющихъ еще силу для Великаго Княжества Финляндскаго, но при томъ только въ смыслѣ сохраненія всѣхъ правъ Верховной Власти, установленныхъ этими изданными шведскимъ правительствомъ узаконеніями, поскольку они не измѣнены точными словами сеймоваго устава. Между тѣмъ Актъ соединенія и охраненія 1789 г. (какъ то, между прочимъ, видно изъ замѣчанія Статсъ-Секретаря Фриша къ королевскому отдѣлу земскаго уложенія 1442 г. и къ ст. 40 Формы правленія 1772 г.) ясно и положительно отмѣнилъ всѣ прежнія ограниченія королевской власти, вошедшія въ Форму правленія 1772 г., какъ послѣдствіе періода сословной вольницы (1719—1772 г.г.), и предоставилъ королю верховное право законодательства по всѣмъ дѣламъ государственнаго управленія. Въ такомъ фазисѣ развитія королевской власти застало Финляндію покореніе ея Россіею, и, слѣдовательно, даже съ точки зрѣнія шведскаго государственнаго права Россійскій Императоръ долженъ пользоваться въ краѣ Самодержавною Властью, насколько она не ограничена точными словами сеймоваго устава для Великаго Княжества Финляндскаго.

Независимо отъ сихъ соображеній, совѣщательный характеръ учрежденія земскаго представительства Финляндіи несомнѣнно доказывается закономъ 13 (25) Іюня 1886 г. объ измѣненіи § 51 сеймоваго устава. Закономъ этимъ, кромѣ дарованія сословіямъ права вносить на сеймъ предложенія объ установленіи, измѣненіи или отмѣнѣ общихъ узаконеній [1]), а также права приносить всеподданнѣйшія петиціи объ измѣненіи основныхъ законовъ, установлено новое ограниченіе Верховной Власти, заключающееся въ томъ, что если земскіе чины, воспользовавшись Высочайше дарованнымъ имъ правомъ предложенія, представятъ Государю Императору проектъ новаго закона или измѣненія или отмѣны стараго, и если проектъ этотъ не можетъ быть одобренъ Верховною Властью въ неизмѣненномъ видѣ, то оный считается въ цѣлости оставленнымъ безъ послѣдствій, а слѣдовательно, не можетъ уже быть измѣненъ Госу-

[1]) За исключеніемъ законовъ о печати и объ организаціи сухопутныхъ и морскихъ военныхъ силъ.

тера, кромѣ совѣщательнаго, по всѣмъ законодательнымъ вопросамъ, кои не касаются того или другаго измѣненія сеймоваго устава. Правильности такого вывода отнюдь не противорѣчатъ и заключительныя слова Высочайшаго манифеста 3 (15) Апрѣля 1869 г. объ изданіи сеймоваго устава. Манифестомъ этимъ впервые присвоено было Формѣ правленія 1772 г. и Акту соединенія и охраненія 1789 г. значеніе законоположеній, сохраняющихъ еще силу для Великаго Княжества Финляндскаго, но при томъ только въ смыслѣ сохраненія всѣхъ правъ Верховной Власти, установленныхъ этими изданными шведскимъ правительствомъ узаконеніями, поскольку они не измѣнены точными словами сеймоваго устава. Между тѣмъ Актъ соединенія и охраненія 1789 г. (какъ то, между прочимъ, видно изъ замѣчанія Статсъ-Секретаря Фриша къ королевскому отдѣлу земскаго уложенія 1442 г. и къ ст. 40 Формы правленія 1772 г.) ясно и положительно отмѣнилъ всѣ прежнія ограниченія королевской власти, вошедшія въ Форму правленія 1772 г., какъ послѣдствіе періода сословной вольницы (1719—1772 г.г.), и предоставилъ королю верховное право законодательства по всѣмъ дѣламъ государственнаго управленія. Въ такомъ фазисѣ развитія королевской власти застало Финляндію покореніе ея Россіею, и, слѣдовательно, даже съ точки зрѣнія шведскаго государственнаго права Россійскій Императоръ долженъ пользоваться въ краѣ Самодержавною Властью, насколько она не ограничена точными словами сеймоваго устава для Великаго Княжества Финляндскаго.

Независимо отъ сихъ соображеній, совѣщательный характеръ учрежденія земскаго представительства Финляндіи несомнѣнно доказывается закономъ 13 (25) Іюня 1886 г. объ измѣненіи § 51 сеймоваго устава. Закономъ этимъ, кромѣ дарованія сословіямъ права вносить на сеймъ предложенія объ установленіи, измѣненіи или отмѣнѣ общихъ узаконеній [1]), а также права приносить всеподданнѣйшія петиціи объ измѣненіи основныхъ законовъ, установлено новое ограниченіе Верховной Власти, заключающееся въ томъ, что если земскіе чины, воспользовавшись Высочайше дарованнымъ имъ правомъ предложенія, представятъ Государю Императору проектъ новаго закона или измѣненія или отмѣны стараго, и если проектъ этотъ не можетъ быть одобренъ Верховною Властью въ неизмѣненномъ видѣ, то оный считается въ цѣлости оставленнымъ безъ послѣдствій, а слѣдовательно, не можетъ уже быть измѣненъ Госу-

---

[1]) За исключеніемъ законовъ о печати и объ организаціи сухопутныхъ и морскихъ военныхъ силъ.

даремъ и получить за тѣмъ силу закона. Но такое ограниченіе верховныхъ законодательныхъ правъ Монарха, установленное лишь для законопроектовъ, составленныхъ на сеймѣ по предложенію сословій, служитъ прямымъ доказательствомъ того, что означеннаго ограниченія Императорской Власти не существуетъ по всѣмъ тѣмъ вопросамъ, кои были предложены на обсужденіе сейма самимъ Правительствомъ (кромѣ предложеній объ измѣненіи или отмѣнѣ сеймоваго устава).

Если же въ финляндской законодательной практикѣ съ 1863 г. почти не встрѣчается случаевъ утвержденія Правительствомъ какого-либо законопроекта вопреки отзыву и замѣчаніямъ сословій, то такая практика существуетъ въ краѣ единственно вслѣдствіе соизволенія на то Его Императорскаго Величества.

Въ виду всѣхъ изложенныхъ въ настоящемъ отзывѣ соображеній, слѣдуетъ, по мнѣнію моему, придти къ заключенію, что по точному смыслу дѣйствующихъ въ Финляндіи основныхъ законоположеній:

1) Великое Княжество Финляндіи составляетъ нераздѣльную часть единой Россійской Имперіи.

2) Евангелическо-лютеранское вѣроученіе, на основаніи законовъ Имперіи вообще, въ силу п. VI Фридрихсгамскаго мирнаго договора съ Швеціею и Высочайшихъ манифестовъ, пользуется въ краѣ полною свободою исповѣданія; права же господствующей религіи въ Финляндіи, также какъ и въ прочихъ губерніяхъ и областяхъ Имперіи, принадлежатъ православному греко-русскому вѣроисповѣданію.

3) Въ Великомъ Княжествѣ Финляндіи установлено, на основаніи Высочайше утвержденнаго 3 (15) Апрѣля 1869 г. сеймоваго устава (съ изм. 1879 и 1886 г.г.), земское представительство для участія въ дѣлѣ внутренняго законодательства края.

4) Органомъ земскаго представительства въ Финляндіи является сеймъ земскихъ чиновъ, имѣющій характеръ и значеніе учрежденія совѣщательнаго.

5) Рѣшающій голосъ принадлежитъ земскимъ чинамъ Княжества лишь: а) при разсмотрѣніи вопросовъ объ измѣненіи или отмѣнѣ сеймоваго устава (§ 83 онаго) и б) при обсужденіи законопроектовъ, составленныхъ на сеймѣ по предложенію сословій (§ 51 сейм. уст.); въ сихъ двухъ случаяхъ помянутые законопроекты могутъ получить силу закона не иначе, какъ съ согласія на то земскихъ чиновъ Княжества.

Принимая во вниманіе, что составленные особымъ финляндскимъ

даремъ и получить за тѣмъ силу закона. Но такое ограниченіе верховныхъ законодательныхъ правъ Монарха, установленное лишь для законопроектовъ, составленныхъ на сеймѣ по предложенію сословій, служитъ прямымъ доказательствомъ того, что означеннаго ограниченія Императорской Власти не существуетъ по всѣмъ тѣмъ вопросамъ, кои были предложены на обсужденіе сейма самимъ Правительствомъ (кромѣ предложеній объ измѣненіи или отмѣнѣ сеймоваго устава).

Если же въ финляндской законодательной практикѣ съ 1863 г. почти не встрѣчается случаевъ утвержденія Правительствомъ какого-либо законопроекта вопреки отзыву и замѣчаніямъ сословій, то такая практика существуетъ въ краѣ единственно вслѣдствіе соизволенія на то Его Императорскаго Величества.

Въ виду всѣхъ изложенныхъ въ настоящемъ отзывѣ соображеній, слѣдуетъ, по мнѣнію моему, придти къ заключенію, что по точному смыслу дѣйствующихъ въ Финляндіи основныхъ законоположеній:

1) Великое Княжество Финляндіи составляетъ нераздѣльную часть единой Россійской Имперіи.

2) Евангелическо-лютеранское вѣроученіе, на основаніи законовъ Имперіи вообще, въ силу п. VI Фридрихсгамскаго мирнаго договора съ Швеціею и Высочайшихъ манифестовъ, пользуется въ краѣ полною свободою исповѣданія; права же господствующей религіи въ Финляндіи, также какъ и въ прочихъ губерніяхъ и областяхъ Имперіи, принадлежатъ православному греко-русскому вѣроисповѣданію.

3) Въ Великомъ Княжествѣ Финляндіи установлено, на основаніи Высочайше утвержденнаго 3 (15) Апрѣля 1869 г. сеймоваго устава (съ изм. 1879 и 1886 г.г.), земское представительство для участія въ дѣлѣ внутренняго законодательства края.

4) Органомъ земскаго представительства въ Финляндіи является сеймъ земскихъ чиновъ, имѣющій характеръ и значеніе учрежденія совѣщательнаго.

5) Рѣшающій голосъ принадлежитъ земскимъ чинамъ Княжества лишь: а) при разсмотрѣніи вопросовъ объ измѣненіи или отмѣнѣ сеймоваго устава (§ 83 онаго) и б) при обсужденіи законопроектовъ, составленныхъ на сеймѣ по предложенію сословій (§ 51 сейм. уст.); въ сихъ двухъ случаяхъ помянутые законопроекты могутъ получить силу закона не иначе, какъ съ согласія на то земскихъ чиновъ Княжества.

Принимая во вниманіе, что составленные особымъ финляндскимъ

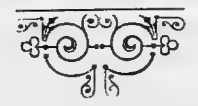
кодификаціоннымъ комитетомъ проекты кодификаціи основныхъ законовъ и сословныхъ привилегій прямо противорѣчатъ изложеннымъ выше основнымъ положеніямъ дѣйствующаго въ губерніяхъ Финляндскаго края законодательства, я полагаю, что проекты эти не подлежали бы законодательному утвержденію.

О таковомъ моемъ мнѣніи имѣю честь увѣдомить Ваше Сіятельство, въ отвѣтъ на отношеніе за № 2120.

Министръ Юстиціи Сенаторъ (подписалъ) Манассеинъ.

Сообщилъ Н. А. Т.

(Окончаніе слѣдуетъ).



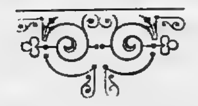
кодификаціоннымъ комитетомъ проекты кодификаціи основныхъ законовъ и сословныхъ привилегій прямо противорѣчатъ изложеннымъ выше основнымъ положеніямъ дѣйствующаго въ губерніяхъ Финляндскаго края законодательства, я полагаю, что проекты эти не подлежали бы законодательному утвержденію.

О таковомъ моемъ мнѣніи имѣю честь увѣдомить Ваше Сіятельство, въ отвѣтъ на отношеніе за № 2120.

Министръ Юстиціи Сенаторъ (подписалъ) Манассеинъ.

Сообщилъ Н. А. Т.

(Окончаніе слѣдуетъ).



Доѣзжая память [1]).

Лѣта 7171 [2]) Іюля въ 13 день по Государеву Цареву и Великаго Князя Алексѣя Михаиловича, Всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца Указу и по Грамотѣ, Московскіе стрѣльцы Полковника и головы Семенова приказу Полтева, Ивашко Михайловъ сынъ Блиновъ съ товарищи четыре человѣка; ѣздили изъ Чердыни съ рудознатцемъ Сарапульскаго уѣзда, Троецкаго села съ Березовки съ Максимомъ Семеновымъ сыномъ Токаревымъ за камень за Поманенную гору, къ Варгину озеру серебренной руды искать. И мы Ивашко съ товарищи серебренной руды не съискали, а съискали мѣдную руду за камнемъ на Сибирскихъ видахъ въ Верхотурскомъ уѣздѣ и взяли тое руды для опыту пуда съ полтретья ($1^1/_2$), и ту мѣдную руду привезли въ Чердынь; а съ нами же изъ Чердыни посыланъ былъ для плавки руды Чердынецъ серебреникъ Андрюшка Вятчанинъ, и тотъ Андрюшка и иные Чердынскіе не умѣютъ, и тое мѣдную руду повезли мы Ивашко съ товарищи для вѣдома и опыту къ В. Г. къ Москвѣ.—А какъ тое руду нашли и въ которомъ мѣстѣ, и въ то время были Чердынцы Посадскіе люди Мокѣйко Свирѣповъ, Андрюшка Коростинъ, Сенька Корелачковъ, Данилко Кайдаловъ, Ивашко Поздѣевъ, Гришка Ваньковъ. Доѣздъ писалъ Чердынецъ Ивашко Калачниковъ.

А позади доѣзжей памяти пшистъ: къ сему доѣзду по велѣнію Стрѣльцовъ Ивана Михайлова сына Блинова съ товарищи четырехъ человѣкъ, за рудознатца Максима Токарева, что они сказались грамотѣ не умѣютъ, Никишка Гавриловъ руку приложилъ.

Сообщилъ Санинъ.

[1]) Слово „память“ на прежнемъ, старинномъ канцелярскомъ языкѣ соотвѣтствовало нынѣшнему слову отношеніе; „доѣзжая память“—сообщеніе объ исполненіи.

Отписка—отвѣтное донесеніе.

[2]) 7171 — 5508 = 1663 г. по Р. Х.

Доѣзжая память [1]).

Лѣта 7171 [2]) Іюля въ 13 день по Государеву Цареву и Великаго Князя Алексѣя Михаиловича, Всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца Указу и по Грамотѣ, Московскіе стрѣльцы Полковника и головы Семенова приказу Полтева, Ивашко Михайловъ сынъ Блиновъ съ товарищи четыре человѣка; ѣздили изъ Чердыни съ рудознатцемъ Сарапульскаго уѣзда, Троецкаго села съ Березовки съ Максимомъ Семеновымъ сыномъ Токаревымъ за камень за Поманенную гору, къ Варгину озеру серебренной руды искать. И мы Ивашко съ товарищи серебренной руды не съискали, а съискали мѣдную руду за камнемъ на Сибирскихъ видахъ въ Верхотурскомъ уѣздѣ и взяли тое руды для опыту пуда съ полтретья ($1^1/_2$), и ту мѣдную руду привезли въ Чердынь; а съ нами же изъ Чердыни посыланъ былъ для плавки руды Чердынецъ серебреникъ Андрюшка Вятчанинъ, и тотъ Андрюшка и иные Чердынскіе не умѣютъ, и тое мѣдную руду повезли мы Ивашко съ товарищи для вѣдома и опыту къ В. Г. къ Москвѣ.—А какъ тое руду нашли и въ которомъ мѣстѣ, и въ то время были Чердынцы Посадскіе люди Мокѣйко Свирѣповъ, Андрюшка Коростинъ, Сенька Корелачковъ, Данилко Кайдаловъ, Ивашко Поздѣевъ, Гришка Ваньковъ. Доѣздъ писалъ Чердынецъ Ивашко Калачниковъ.

А позади доѣзжей памяти пшистъ: къ сему доѣзду по велѣнію Стрѣльцовъ Ивана Михайлова сына Блинова съ товарищи четырехъ человѣкъ, за рудознатца Максима Токарева, что они сказались грамотѣ не умѣютъ, Никишка Гавриловъ руку приложилъ.

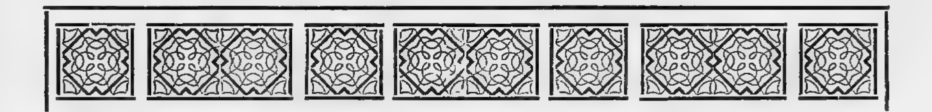
Сообщилъ Санинъ.

---

[1]) Слово „память“ на прежнемъ, старинномъ канцелярскомъ языкѣ соотвѣтствовало нынѣшнему слову отношеніе; „доѣзжая память“—сообщеніе объ исполненіи.

Отписка—отвѣтное донесеніе.

[2]) 7171 — 5508 = 1663 г. по Р. Х.



По Россіи и Польшѣ въ исходѣ XVIII-го вѣка.

Путевыя впечатлѣнія англичанина.

1779—1785 г.г. [1].

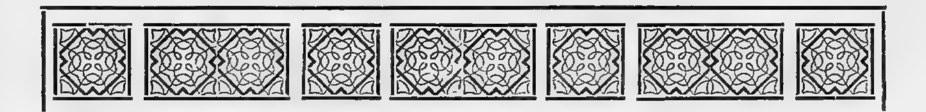
III.

Дворецъ въ Виллановѣ.—Янъ Собѣсскій.—Интриги королевы.—Раздоры и интриги въ его семьѣ.—Осмотръ достопримѣчательностей Варшавы.—У графини Браницкой.—Гродно.—Ботаническій садъ.—Осмотръ фабрикъ.—Обѣдъ и вечеръ въ кругу польскихъ избирателей.

6 августа 1779 г. Мы провели весь день въ Виллановѣ, гдѣ обѣдали у князя Чарторыйскаго, дяди короля. Это почтенный человѣкъ лѣтъ около сорока, строго придерживающійся правилъ старинпаго гостепріимства: его постоянно сопровождаетъ собственная стража; я упоминаю объ этомъ не потому, что это составляло его особое преимущество, какъ человѣка, занимавшаго высшія должности въ государствѣ; я хочу замѣтить кстати, что каждый польскій дворянинъ имѣетъ право держать столько человѣкъ стражи, сколько онъ въ состояніи прокормить. Князь Чарторыйскій держитъ открытый столъ, за который рѣдко садится меньше двадцати или тридцати человѣкъ. Онъ имѣетъ около 100.000 ф. ст. годового дохода, и его образъ жизни вполнѣ соотвѣтствуетъ этому огромному состоянію. Вилловъ построенъ Яномъ Собѣсскимъ, побѣдителемъ турокъ, и былъ любимой резиденціей этого великаго монарха, гдѣ онъ жилъ, отдыхая отъ походовъ, и гдѣ скончался. Дворецъ, проданный послѣ его смерти, перешелъ къ семейству Чарторыйскихъ и былъ предоставленъ временно въ распоряженіе Августа II, который значительно увеличилъ его. Фасадъ украшенъ барельефами, изображающими главныя побѣды Собѣсскаго и исполненными вѣроятно по повелѣнію Августа II; ибо Собѣсскій былъ слишкомъ скроменъ, чтобы воздвигать себѣ памятники.

---

[1]) См. „Русская Старина“ 1907 г., августъ.



По Россіи и Польшѣ въ исходѣ XVIII-го вѣка.

Путевыя впечатлѣнія англичанина.

1779—1785 г.г. [1].

III.

Дворецъ въ Виллановѣ.—Янъ Собѣсскій.—Интриги королевы.—Раздоры и интриги въ его семьѣ.—Осмотръ достопримѣчательностей Варшавы.—У графини Браницкой.—Гродно.—Ботаническій садъ.—Осмотръ фабрикъ.—Обѣдъ и вечеръ въ кругу польскихъ избирателей.

6 августа 1779 г. Мы провели весь день въ Виллановѣ, гдѣ обѣдали у князя Чарторыйскаго, дяди короля. Это почтенный человѣкъ лѣтъ около сорока, строго придерживающійся правилъ стариннаго гостепріимства: его постоянно сопровождаетъ собственная стража; я упоминаю объ этомъ не потому, что это составляло его особое преимущество, какъ человѣка, занимавшаго высшія должности въ государствѣ; я хочу замѣтить кстати, что каждый польскій дворянинъ имѣетъ право держать столько человѣкъ стражи, сколько онъ въ состояніи прокормить. Князь Чарторыйскій держитъ открытый столъ, за который рѣдко садится меньше двадцати или тридцати человѣкъ. Онъ имѣетъ около 100.000 ф. ст. годового дохода, и его образъ жизни вполнѣ соотвѣтствуетъ этому огромному состоянію. Вилановъ построенъ Яномъ Собѣсскимъ, побѣдителемъ турокъ, и былъ любимой резиденціей этого великаго монарха, гдѣ онъ жилъ, отдыхая отъ походовъ, и гдѣ скончался. Дворецъ, проданный послѣ его смерти, перешелъ къ семейству Чарторыйскихъ и былъ предоставленъ временно въ распоряженіе Августа II, который значительно увеличилъ его. Фасадъ украшенъ барельефами, изображающими главныя побѣды Собѣсскаго и исполненными вѣроятно по повелѣнію Августа II; ибо Собѣсскій былъ слишкомъ скроменъ, чтобы воздвигать себѣ памятники.

---

[1]) См. „Русская Старина“ 1907 г., августъ.

Славное, само по себѣ, царствованіе Яна Собѣсскаго пріобрѣтаетъ еще болѣе блеска, если сравнить его съ мрачной эпохой предъидущаго и послѣдующаго царствованій, которыя были потрясены внутренними смутами; какъ человѣкъ выдающагося ума, онъ сумѣлъ побѣдить духъ мятежа и анархіи, и подъ его управленіемъ Польша освободилась отъ бѣдствій, которыя такъ долго угнетали ее, и обрѣла вновь прежній блескъ: таково вліяніе великаго и возвышеннаго ума. Нѣтъ надобности распространяться о его воинской доблести, достаточно вспомнить побѣду, одержанную имъ подъ Хотиномъ, завоеваніе Украйны, неоднократное пораженіе, нанесенное туркамъ и татарамъ, и освобожденіе Вѣны отъ власти турокъ. Въ то же время его уваженіе къ законамъ и конституціи страны, врожденное краснорѣчіе, любовь къ литературѣ, знакомство съ иностранными языками, привѣтливость, умѣренность и хладнокровіе вызывали всеобщій восторгъ. Но монархъ, сумѣвшій успокоить народное волненіе, не былъ въ состояніи водворить миръ въ своей собственной семьѣ; онъ держалъ въ страхѣ самыхъ грозныхъ враговъ, но самъ совершенно подпалъ подъ вліяніе своей супруги, француженки [1]), женщины чрезвычайно красивой и изящной, но страшной интриганки, которая была скупа и безгранично честолюбива. Эта безнравственная женщина поселила между его дѣтьми духъ зависти и раздора; она поддерживала систему управленія, которую называли въ насмѣшку еврейской юнтой, и ввела въ управленіе королевскимъ домомъ такую строгую экономію, которая совершенно не соотвѣтствовала достоинству могущественнаго монарха, однимъ словомъ, цѣлымъ рядомъ самыхъ злополучныхъ мѣръ она лишила своего супруга любви его подданныхъ, и Собѣсскій подъ конецъ своего славнаго, нѣкогда, царствованія былъ ими ненавидимъ въ такой же степени, какъ онъ былъ прежде любимъ.

Послѣдніе дни жизни Собѣскаго были омрачены печалью. Онъ былъ тяжело боленъ (у него были подагра, каменная болѣзнь, астма и подъ конецъ водянка) и вмѣсто того, чтобы находить утѣшеніе въ окружающихъ, видѣлъ много горя вслѣдствіе постоянныхъ распрей между его дѣтьми и интригъ своей супруги. Утрата имъ любви окружающихъ и недостойныя интриги, которыя велись при выборѣ ему преемника, не мало огорчали человѣка столь чувствительнаго, какимъ былъ Собѣсскій. Но его подданные вмѣсто того, чтобы

[1]) Marie da le Grange, дочь Henry de la Granga'a капитана гвардіи Филиппа Орлеанскаго Fransois'ы ditla Chartre была фрейлиной королевы Луизы, супруги Владислава IV. Она была сперва замужемъ за кн. Радзивилломъ и мѣсяцъ спустя послѣ его смерти обвѣнчалась съ Яномъ Собѣсскимъ, которому принесла въ приданое большое состояніе и милостивое расположеніе монарха.

Славное, само по себѣ, царствованіе Яна Собѣсскаго пріобрѣтаетъ еще болѣе блеска, если сравнить его съ мрачной эпохой предъидущаго и послѣдующаго царствованій, которыя были потрясены внутренними смутами; какъ человѣкъ выдающагося ума, онъ сумѣлъ побѣдить духъ мятежа и анархіи, и подъ его управленіемъ Польша освободилась отъ бѣдствій, которыя такъ долго угнетали ее, и обрѣла вновь прежній блескъ: таково вліяніе великаго и возвышеннаго ума. Нѣтъ надобности распространяться о его воинской доблести, достаточно вспомнить побѣду, одержанную имъ подъ Хотиномъ, завоеваніе Украйны, неоднократное пораженіе, нанесенное туркамъ и татарамъ, и освобожденіе Вѣны отъ власти турокъ. Въ то же время его уваженіе къ законамъ и конституціи страны, врожденное краснорѣчіе, любовь къ литературѣ, знакомство съ иностранными языками, привѣтливость, умѣренность и хладнокровіе вызывали всеобщій восторгъ. Но монархъ, сумѣвшій успокоить народное волненіе, не былъ въ состояніи водворить миръ въ своей собственной семьѣ; онъ держалъ въ страхѣ самыхъ грозныхъ враговъ, но самъ совершенно подпалъ подъ вліяніе своей супруги, француженки [1]), женщины чрезвычайно красивой и изящной, но страшной интриганки, которая была скупа и безгранично честолюбива. Эта безнравственная женщина поселила между его дѣтьми духъ зависти и раздора; она поддерживала систему управленія, которую называли въ насмѣшку еврейской юнтой, и ввела въ управленіе королевскимъ домомъ такую строгую экономію, которая совершенно не соотвѣтствовала достоинству могущественнаго монарха, однимъ словомъ, цѣлымъ рядомъ самыхъ злополучныхъ мѣръ она лишила своего супруга любви его подданныхъ, и Собѣсскій подъ конецъ своего славнаго, нѣкогда, царствованія былъ ими ненавидимъ въ такой же степени, какъ онъ былъ прежде любимъ.

Послѣдніе дни жизни Собѣскаго были омрачены печалью. Онъ былъ тяжело боленъ (у него были подагра, каменная болѣзнь, астма и подъ конецъ водянка) и вмѣсто того, чтобы находить утѣшеніе въ окружающихъ, видѣлъ много горя вслѣдствіе постоянныхъ распрей между его дѣтьми и интригъ своей супруги. Утрата имъ любви окружающихъ и недостойныя интриги, которыя велись при выборѣ ему преемника, не мало огорчали человѣка столь чувствительнаго, какимъ былъ Собѣсскій. Но его подданные вмѣсто того, чтобы

---

[1]) Marie da le Grange, дочь Henry de la Granga'а капитана гвардіи Филиппа Орлеанскаго Fransois'ы ditla Chartre была фрейлиной королевы Луизы, супруги Владислава IV. Она была сперва замужемъ за кн. Радзивилломъ и мѣсяцъ спустя послѣ его смерти обвѣнчалась съ Яномъ Собѣсскимъ, которому принесла въ приданое большое состояніе и милостивое расположеніе монарха.

оплакивать его потерю, видимо ей радовались. Передъ отъѣздомъ изъ Варшавы мы осмотрѣли разныя достопримѣчательности, которыя обыкновенно показываютъ иностранцамъ. Во дворцѣ мы видѣли монеты и медали, имѣющія отношеніе къ исторіи Польши. Большая часть этой коллекціи пріобрѣтена графомъ Мазинскимъ, незаконнымъ сыномъ Августа III, который подарилъ ее королю.

Самая старинная монета выбита въ 999 г., въ царствованіе Болеслава I, вскорѣ послѣ того какъ въ Польшѣ начали чеканить монеты. На ней нѣтъ изображенія монарха, но съ одной стороны изображенъ польскій орелъ, а съ другой—корона. Собраніе монетъ, вплоть до царствованія Сигизмунда I, весьма неполно, но далѣе имѣются монеты съ изображеніемъ всѣхъ королей за исключеніемъ Генриха Валуа, въ кратковременное царствованіе котораго въ Польшѣ не чеканилось монетъ; очень любопытна монета прусскаго герцога Альберта Бранденбургскаго.—Поверхъ прусскаго орла изображена буква С. въ доказательство того, что онъ былъ подвластенъ Сигизмунду. Хороша медаль, выбитая въ честь Яна Собѣсскаго, какъ освободителя Вѣны, со странной надписью: „Urbem servastis et orbem“. Мнѣ бросилась также въ глаза медаль съ изображеніемъ новаго царствующаго монарха (Станислава-Августа), выбитая въ послѣдніе, тревожные годы его царствованія; съ одной стороны—весьма схожее изображеніе короля, съ другой—эмблема гражданской междоусобицы,—судно среди бурнаго моря съ надписью Ne cede malis (не уступай злымъ).

Мы осмотрѣли также публичную библіотеку. Это книгохранилище основано на личныя средства двухъ епископовъ изъ семейства Залусскихъ, о чемъ свидѣтельствуетъ надпись надъ дверьми: „Civium usui perpetuo Zalusicorum par illustre dicavit 1714“. Съ теченіемъ времени оно значительно увеличилось пожертвованіями частныхъ лицъ и заключаетъ 200.000 томовъ и богатую коллекцію книгъ и рукописей по исторіи Польши.

Передъ нашимъ отъѣздомъ изъ Варшавы мы удостоились со стороны короля знака весьма милостиваго вниманія: намъ передали собственноручное его письмо къ завѣдующему почтою въ Гродно, коимъ ему повелѣвалось оказать намъ всевозможное содѣйствіе и дать намъ разрѣшеніе осмотрѣть тамошнія фабрики и все заслуживающее вниманія.

Мы выѣхали изъ Варшавы 10 августа, черезъ Пражское предмѣстье. Въ разстояніи приблизительно одной англійской мили отъ Варшавы начинается лѣсъ, который тянется безъ перерыва на 18 миль. Въ Венгровѣ мы видѣли великолѣпный отрядъ русскаго войска, расквартированный въ деревнѣ. Во многихъ мѣстечкахъ, черезъ

оплакивать его потерю, видимо ей радовались. Передъ отъѣздомъ изъ Варшавы мы осмотрѣли разныя достопримѣчательности, которыя обыкновенно показываютъ иностранцамъ. Во дворцѣ мы видѣли монеты и медали, имѣющія отношеніе къ исторіи Польши. Большая часть этой коллекціи пріобрѣтена графомъ Мазинскимъ, незаконнымъ сыномъ Августа III, который подарилъ ее королю.

Самая старинная монета выбита въ 999 г., въ царствованіе Болеслава I, вскорѣ послѣ того какъ въ Польшѣ начали чеканить монеты. На ней нѣтъ изображенія монарха, но съ одной стороны изображенъ польскій орелъ, а съ другой—корона. Собраніе монетъ, вплоть до царствованія Сигизмунда I, весьма неполно, но далѣе имѣются монеты съ изображеніемъ всѣхъ королей за исключеніемъ Генриха Валуа, въ кратковременное царствованіе котораго въ Польшѣ не чеканилось монетъ; очень любопытна монета прусскаго герцога Альберта Бранденбургскаго.—Поверхъ прусскаго орла изображена буква С. въ доказательство того, что онъ былъ подвластенъ Сигизмунду. Хороша медаль, выбитая въ честь Яна Собѣсскаго, какъ освободителя Вѣны, со странной надписью: „Urbem servastis et orbem". Мнѣ бросилась также въ глаза медаль съ изображеніемъ новаго царствующаго монарха (Станислава-Августа), выбитая въ послѣдніе, тревожные годы его царствованія; съ одной стороны—весьма схожее изображеніе короля, съ другой—эмблема гражданской междоусобицы,—судно среди бурнаго моря съ надписью Ne cede malis (не уступай злымъ).

Мы осмотрѣли также публичную библіотеку. Это книгохранилище основано на личныя средства двухъ епископовъ изъ семейства Залусскихъ, о чемъ свидѣтельствуетъ надпись надъ дверьми: „Civium usui perpetuo Zalusicorum par illustre dicavit 1714". Съ теченіемъ времени оно значительно увеличилось пожертвованіями частныхъ лицъ и заключаетъ 200.000 томовъ и богатую коллекцію книгъ и рукописей по исторіи Польши.

Передъ нашимъ отъѣздомъ изъ Варшавы мы удостоились со стороны короля знака весьма милостиваго вниманія: намъ передали собственноручное его письмо къ завѣдующему почтою въ Гродно, коимъ ему повелѣвалось оказать намъ всевозможное содѣйствіе и дать намъ разрѣшеніе осмотрѣть тамошнія фабрики и все заслуживающее вниманія.

Мы выѣхали изъ Варшавы 10 августа, черезъ Пражское предмѣстье. Въ разстояніи приблизительно одной англійской мили отъ Варшавы начинается лѣсъ, который тянется безъ перерыва на 18 миль. Въ Венгровѣ мы видѣли великолѣпный отрядъ русскаго войска, расквартированный въ деревнѣ. Во многихъ мѣстечкахъ, черезъ

которыя мы проѣзжали, несмотря на всю ихъ убогость, имѣлось полицейское управленіе и судебное учрежденіе, которыя помѣщались въ избахъ, крытыхъ большею частью соломой, а иногда тесомъ и въ рѣдкихъ случаяхъ черепицей.

Вплоть до берега Буга, черезъ который мы переѣхали у Грана (Gran), мѣстность была песчаная и низменная, въ этомъ мѣстѣ Бугъ широкъ, но не глубокъ. Противуположный берегъ былъ болѣе высокій, почва лучше и мѣстность болѣе разнообразна. Дорога стала красивѣе и шла полями, засѣянными рожью, льномъ и коноплею; на горизонтѣ все время виднѣлся лѣсъ. Въ многихъ мѣстахъ я замѣтилъ, что лѣсъ врѣзывался въ поля, и въ тѣхъ мѣстахъ, которыя ничѣмъ не засѣвались, уже появилась молодая заросль.

Самый большой городъ, который мы видѣли на этомъ пути— Бѣльскъ, главный городъ Подляхіи, гдѣ происходили засѣданія сеймика; онъ немногимъ лучше плохенькой деревушки, хотя въ географическихъ описаніяхъ Польши упоминается какъ большой городъ. Недалеко отъ Бѣльска у насъ чуть не загорѣлась ось; когда мы остановились въ какой-то деревушкѣ, чтобы смазать колесо, я полюбопытствовалъ зайти въ нѣкоторыя избы, которыя оказались бѣднѣе всѣхъ видѣнныхъ мною въ этой странѣ жилищъ; въ нихъ были однѣ голыя стѣны.

Мѣстность, по которой мы ѣхали отъ Варшавы до Бѣлостока, была очень песчаная, но вездѣ была и земля годная для обработки; но мы замѣтили, что урожай былъ посредственный даже въ наиболѣе плодородныхъ на видъ мѣстахъ; это зависитъ конечно отъ обработки полей.

Поздно вечеромъ мы пріѣхали въ Бѣлостокъ, опрятный и хорошо отстроенный городъ. Улицы въ немъ широкія, дома, по большей части штукатуренные, стоятъ не скученно, въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга. Бѣлостокъ обязанъ своей красивой внѣшностью семейству Браницкихъ; ихъ дворецъ находится подлѣ самаго города, и они много содѣйствовали украшенію своего постояннаго мѣстопребыванія. Городъ принадлежитъ графинѣ Браницкой, сестрѣ нынѣ царствующаго короля и вдовы извѣстнаго покойнаго генерала Браницкаго, который несмотря на свое родство съ королемъ, горячо протестовалъ противъ избранія своего зятя на престолъ.

На слѣдующее утро, графиня, къ которой мы имѣли рекомендательное письмо отъ князя Станислава Понятовскаго, сдѣлала намъ честь пригласить насъ къ обѣду и прислала за нами карету, въ которой мы отправились въ ея дворецъ. Мы были приняты любезной хозяйкой весьма привѣтливо, ея вѣжливое, любезное обхожденіе

которыя мы проѣзжали, несмотря на всю ихъ убогость, имѣлось полицейское управленіе и судебное учрежденіе, которыя помѣщались въ избахъ, крытыхъ большею частью соломой, а иногда тесомъ и въ рѣдкихъ случаяхъ черепицей.

Вплоть до берега Буга, черезъ который мы переѣхали у Грана (Gran), мѣстность была песчаная и низменная, въ этомъ мѣстѣ Бугъ широкъ, но не глубокъ. Противуположный берегъ былъ болѣе высокій, почва лучше и мѣстность болѣе разнообразна. Дорога стала красивѣе и шла полями, засѣянными рожью, льномъ и коноплею; на горизонтѣ все время виднѣлся лѣсъ. Въ многихъ мѣстахъ я замѣтилъ, что лѣсъ врѣзывался въ поля, и въ тѣхъ мѣстахъ, которыя ничѣмъ не засѣвались, уже появилась молодая заросль.

Самый большой городъ, который мы видѣли на этомъ пути— Бѣльскъ, главный городъ Подляхіи, гдѣ происходили засѣданія сеймика; онъ немногимъ лучше плохенькой деревушки, хотя въ географическихъ описаніяхъ Польши упоминается какъ большой городъ. Недалеко отъ Бѣльска у насъ чуть не загорѣлась ось; когда мы остановились въ какой-то деревушкѣ, чтобы смазать колесо, я полюбопытствовалъ зайти въ нѣкоторыя избы, которыя оказались бѣднѣе всѣхъ видѣнныхъ мною въ этой странѣ жилищъ; въ нихъ были однѣ голыя стѣны.

Мѣстность, по которой мы ѣхали отъ Варшавы до Бѣлостока, была очень песчаная, но вездѣ была и земля годная для обработки; но мы замѣтили, что урожай былъ посредственный даже въ наиболѣе плодородныхъ на видъ мѣстахъ; это зависитъ конечно отъ обработки полей.

Поздно вечеромъ мы пріѣхали въ Бѣлостокъ, опрятный и хорошо отстроенный городъ. Улицы въ немъ широкія, дома, по большей части штукатуренные, стоятъ не скученно, въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга. Бѣлостокъ обязанъ своей красивой внѣшностью семейству Браницкихъ; ихъ дворецъ находится подлѣ самаго города, и они много содѣйствовали украшенію своего постояннаго мѣстопребыванія. Городъ принадлежитъ графинѣ Браницкой, сестрѣ нынѣ царствующаго короля и вдовы извѣстнаго покойнаго генерала Браницкаго, который несмотря на свое родство съ королемъ, горячо протестовалъ противъ избранія своего зятя на престолъ.

На слѣдующее утро, графиня, къ которой мы имѣли рекомендательное письмо отъ князя Станислава Понятовскаго, сдѣлала намъ честь пригласить насъ къ обѣду и прислала за нами карету, въ которой мы отправились въ ея дворецъ. Мы были приняты любезной хозяйкой весьма привѣтливо, ея вѣжливое, любезное обхожденіе

и оживленная бесѣда убѣдили насъ въ томъ, что умъ и привѣтливость составляютъ прирожденныя качества семейства Понятовскихъ.

У графини собралось къ обѣду большое общество; подавались самыя тонкія, изысканныя кушанья. Разговоръ коснулся, между прочимъ, способа нашего путешествія по столь бѣдной странѣ, гдѣ нельзя было встрѣтить никакихъ удобствъ.

— Я полагаю, сказалъ одинъ польскій магнатъ, что вы возите съ собою кровати,—на что мы отвѣчали отрицательно.

— Такъ какъ же вы спите?

— На соломѣ, когда намъ удается достать ее; а то на полу, на лавкѣ, на столѣ.

— Вы берете съ собою провизію?—вновь спросилъ полякъ.

— Очень рѣдко.

— Такъ какъ же вы питаетесь?

— Тѣмъ, что мы можемъ достать; одинъ изъ нашихъ слугъ ѣдетъ впередъ, и ему удается обыкновенно достать что-нибудь съѣстное, чтобы утолить голодъ; у насъ апетитъ дорожныхъ людей, мы не разборчивы.

— Во всякомъ случаѣ вы имѣете съ собой ножи, вилки, ложки; вѣдь наши крестьяне не знакомы съ такой роскошью.

— У каждаго изъ насъ имѣется складной ножъ; намъ часто удается достать деревянную ложку, а съ отсутствіемъ вилокъ мы миримся.

Наша любезная хозяйка предложила снабдить насъ ножами, вилками и ложками и дать намъ съ собою вина и съѣстныхъ припасовъ; когда мы отъ всего отказались, то она замѣтила шутя:

— Быть можетъ, вы считаете унизительнымъ принять это; я знаю, англичане очень горды; не хотите ли купить эти вещи?

Мы отвѣчали, что не побоялись быть обязанными особѣ столь любезной и великодушной, но такъ какъ цѣль нашего путешествія скорѣе удовлетвореніе любознательности, нежели апетита, то мы полагаемъ, что можно лучше познакомиться съ образомъ жизни крестьянъ, раздѣляя съ ними ихъ помѣщеніе и покупая у нихъ все необходимое.

Отказавшись отъ всего намъ предложеннаго, но не желая быть невѣжливыми, мы взяли нѣсколько бутылокъ вина.

Графиня провела насъ по всѣмъ комнатамъ своего дворца; это обширное зданіе построено въ итальянскомъ вкусѣ и по своему великолѣпію называется обыкновенно польскимъ „Версалемъ". Въ прежнее время это былъ не болѣе какъ охотничій домъ; Янъ Казиміръ пожаловалъ его вмѣстѣ съ Бѣлостокомъ и другими землями

и оживленная бесѣда убѣдили насъ въ томъ, что умъ и привѣтливость составляютъ прирожденныя качества семейства Понятовскихъ.

У графини собралось къ обѣду большое общество; подавались самыя тонкія, изысканныя кушанья. Разговоръ коснулся, между прочимъ, способа нашего путешествія по столь бѣдной странѣ, гдѣ нельзя было встрѣтить никакихъ удобствъ.

— Я полагаю, сказалъ одинъ польскій магнатъ, что вы возите съ собою кровати,—на что мы отвѣчали отрицательно.

— Такъ какъ же вы спите?

— На соломѣ, когда намъ удается достать ее; а то на полу, на лавкѣ, на столѣ.

— Вы берете съ собою провизію?—вновь спросилъ полякъ.

— Очень рѣдко.

— Такъ какъ же вы питаетесь?

— Тѣмъ, что мы можемъ достать; одинъ изъ нашихъ слугъ ѣдетъ впередъ, и ему удается обыкновенно достать что-нибудь съѣстное, чтобы утолить голодъ; у насъ апетитъ дорожныхъ людей, мы не разборчивы.

— Во всякомъ случаѣ вы имѣете съ собой ножи, вилки, ложки; вѣдь наши крестьяне не знакомы съ такой роскошью.

— У каждаго изъ насъ имѣется складной ножъ; намъ часто удается достать деревянную ложку, а съ отсутствіемъ вилокъ мы миримся.

Наша любезная хозяйка предложила снабдить насъ ножами, вилками и ложками и дать намъ съ собою вина и съѣстныхъ припасовъ; когда мы отъ всего отказались, то она замѣтила шутя:

— Быть можетъ, вы считаете унизительнымъ принять это; я знаю, англичане очень горды; не хотите ли купить эти вещи?

Мы отвѣчали, что не побоялись быть обязанными особѣ столь любезной и великодушной, но такъ какъ цѣль нашего путешествія скорѣе удовлетвореніе любознательности, нежели апетита, то мы полагаемъ, что можно лучше познакомиться съ образомъ жизни крестьянъ, раздѣляя съ ними ихъ помѣщеніе и покупая у нихъ все необходимое.

Отказавшись отъ всего намъ предложеннаго, но не желая быть невѣжливыми, мы взяли нѣсколько бутылокъ вина.

Графиня провела насъ по всѣмъ комнатамъ своего дворца; это обширное зданіе построено въ итальянскомъ вкусѣ и по своему великолѣпію называется обыкновенно польскимъ „Версалемъ“. Въ прежнее время это былъ не болѣе какъ охотничій домъ; Янъ Казиміръ пожаловалъ его вмѣстѣ съ Бѣлостокомъ и другими землями

генералу Чарнецкому, прославившемуся побѣдами надъ шведами въ то время, когда Польша была унижена ея врагами. Среди достопримѣчательностей, хранящихся во дворцѣ, находится золотой кубокъ, который Чарнецкій носилъ обыкновенно на поясѣ и вышитый поясъ, взятый съ военной добычей послѣ пораженія Карла X, который принадлежалъ, какъ полагаютъ, этому монарху. Чарнецкій оставилъ дочь, вышедшую замужъ за Браницкаго, отца покойнаго генерала, которому она принесла въ приданое это имѣніе. Одна комната, въ которой останавливался Августъ III проѣздомъ на сеймъ въ Гродно, сохраняется изъ уваженія къ его памяти, въ томъ самомъ видѣ, какъ она была при немъ. Въ другой комнатѣ виситъ прекрасный портретъ Августа III въ королевской мантіи, съ бритой по польскому обычаю головою, какъ онъ появился въ день коронаціи. Послѣ обѣда мы катались по парку и саду, разбитому въ англійскомъ вкусѣ. Этотъ пріятный день закончился ужиномъ во дворцѣ, и мы съ сожалѣніемъ простились съ любезной хозяйкой дома.

13 августа. Мы выѣхали изъ Бѣлостока рано утромъ; проѣхавъ довольно большой лѣсъ, мы выѣхали на открытое мѣсто; потянулись поля и луга; мѣстечки и села, черезъ которыя мы тутъ проѣзжали, были растянуты въ одну линію, и дома въ нихъ стояли безпорядочно; всѣ дома и церкви были деревянныя, нашу карету часто окружали толпы нищихъ; появилось множество евреевъ. Въ четыре часа по полудни проѣхавъ какое-то жалкое предмѣстье, населенное евреями, и переправившись черезъ Нѣманъ, который тутъ широкъ, чистъ, но неглубокъ, мы поднялись на крутой берегъ рѣки и въѣхали въ Гродно, стоящій надъ рѣкою. Хотя столица Литвы Вильно, но Гродно считается болѣе значительнымъ городомъ.

Онъ очень раскинутъ; населеніе его состоитъ изъ 3.000 христіанъ, принадлежащихъ почти исключительно къ промышленному классу, и 1.000 евреевъ. Онъ производитъ впечатлѣніе города, пришедшаго въ упадокъ; въ немъ встрѣчаются жалкія лачуги, полуразвалившіеся дома и разоренные дворцы съ великолѣпными воротами, остатками былого величія. Нѣсколько домовъ, содержащихся въ полномъ порядкѣ, еще болѣе подчеркиваютъ этотъ контрастъ.

Старинный дворецъ, въ которомъ жили польскіе короли во время сеймовъ, стоялъ на песчаномъ холмѣ, круто подымающемся отъ самаго берега рѣки и составляющемъ часть этого берега: остатки стѣнъ этого дворца уцѣлѣли до сихъ поръ. Напротивъ этого холма стоитъ новый дворецъ, построенный Августомъ III, въ которомъ онъ никогда не жилъ; въ немъ находится помѣщеніе, въ которомъ происходятъ или, лучше сказать, будутъ происходить собранія сейма, ежели онъ когда-либо будетъ созванъ въ Гродно.

генералу Чарнецкому, прославившемуся побѣдами надъ шведами въ то время, когда Польша была унижена ея врагами. Среди достопримѣчательностей, хранящихся во дворцѣ, находится золотой кубокъ, который Чарнецкій носилъ обыкновенно на поясѣ и вышитый поясъ, взятый съ военной добычей послѣ пораженія Карла X, который принадлежалъ, какъ полагаютъ, этому монарху. Чарнецкій оставилъ дочь, вышедшую замужъ за Браницкаго, отца покойнаго генерала, которому она принесла въ приданое это имѣніе. Одна комната, въ которой останавливался Августъ III проѣздомъ на сеймъ въ Гродно, сохраняется изъ уваженія къ его памяти, въ томъ самомъ видѣ, какъ она была при немъ. Въ другой комнатѣ виситъ прекрасный портретъ Августа III въ королевской мантіи, съ бритой по польскому обычаю головою, какъ онъ появился въ день коронаціи. Послѣ обѣда мы катались по парку и саду, разбитому въ англійскомъ вкусѣ. Этотъ пріятный день закончился ужиномъ во дворцѣ, и мы съ сожалѣніемъ простились съ любезной хозяйкой дома.

13 августа. Мы выѣхали изъ Бѣлостока рано утромъ; проѣхавъ довольно большой лѣсъ, мы выѣхали на открытое мѣсто; потянулись поля и луга; мѣстечки и села, черезъ которыя мы тутъ проѣзжали, были растянуты въ одну линію, и дома въ нихъ стояли безпорядочно; всѣ дома и церкви были деревянныя, нашу карету часто окружали толпы нищихъ; появилось множество евреевъ. Въ четыре часа по полудни проѣхавъ какое-то жалкое предмѣстье, населенное евреями, и переправившись черезъ Нѣманъ, который тутъ широкъ, чистъ, но неглубокъ, мы поднялись на крутой берегъ рѣки и въѣхали въ Гродно, стоящій надъ рѣкою. Хотя столица Литвы Вильно, но Гродно считается болѣе значительнымъ городомъ.

Онъ очень раскинутъ; населеніе его состоитъ изъ 3.000 христіанъ, принадлежащихъ почти исключительно къ промышленному классу, и 1.000 евреевъ. Онъ производитъ впечатлѣніе города, пришедшаго въ упадокъ; въ немъ встрѣчаются жалкія лачуги, полуразвалившіеся дома и разоренные дворцы съ великолѣпными воротами, остатками былого величія. Нѣсколько домовъ, содержащихся въ полномъ порядкѣ, еще болѣе подчеркиваютъ этотъ контрастъ.

Старинный дворецъ, въ которомъ жили польскіе короли во время сеймовъ, стоялъ на песчаномъ холмѣ, круто подымающемся отъ самаго берега рѣки и составляющемъ часть этого берега: остатки стѣнъ этого дворца уцѣлѣли до сихъ поръ. Напротивъ этого холма стоитъ новый дворецъ, построенный Августомъ III, въ которомъ онъ никогда не жилъ; въ немъ находится помѣщеніе, въ которомъ происходятъ или, лучше сказать, будутъ происходить собранія сейма, ежели онъ когда-либо будетъ созванъ въ Гродно.

Первоначально депутаты Польши и Литвы должны были съѣзжаться въ Люблинѣ или какомъ-либо другомъ городѣ по обоюдному выбору; но договоромъ объ уніи было установлено, что представители обѣихъ націй должны собираться на сеймъ въ Варшавѣ. Въ 1673 г., было объявлено, что третій сеймъ соберется въ Гродно, гдѣ, во исполненіе закона, и было созвано національное собраніе въ 1678 г. при Янѣ Собѣсскомъ. Но когда сеймъ вторично долженъ былъ собраться въ Гродно, этотъ монархъ повелѣлъ ему быть въ Варшавѣ; литовцы возстали противъ подобнаго нарушенія своихъ правъ, и ихъ депутаты, вмѣсто того чтобы отправиться въ Варшаву, гдѣ находились король, сенатъ и польскіе нунціи, отправились въ Гродно и открыли отдѣльный сеймъ. Начались переговоры; наконецъ было рѣшено, что сеймъ соберется въ Варшавѣ, но будетъ называться Гродненскимъ, и что маршаломъ его будетъ избранъ одинъ изъ литовскихъ нунціевъ. Съ тѣхъ поръ сеймы созывались иногда въ Гродно, но со вступленія на престолъ нынѣ царствующаго короля (Станислава-Августа), они собирались исключительно въ Варшавѣ; литовцы болѣе не протестовали противъ этого, какъ по причинѣ отдаленности Гродно отъ резиденціи короля, такъ и по причинѣ смутъ, волновавшихъ въ то время страну.

Мы передали данное намъ королемъ рекомендательное письмо г. Gilliberť'у, даровитому французскому натуралисту, завѣдывавшему академіей и ботаническимъ садомъ. Польскій король основалъ въ Гродно Литовскую медицинскую академію, въ которой десять человѣкъ обучаются медицинѣ, а двадцать – хирургіи. Всѣ они содержатся и обучаются на счетъ короля. Ботаническій садъ, существовавшій менѣе двухъ лѣтъ, благодаря заботливости и попеченію г. Жиллиберта, имѣлъ очень приличный видъ, въ 1778 г., когда я былъ проѣздомъ въ Гродно. Въ немъ было 1.500 экзотическихъ растеній и нѣсколько нѣжныхъ американскихъ растеній, съ успѣхомъ произраставшихъ на открытомъ воздухѣ. Г. Жиллибертъ говорилъ мнѣ, что онъ нашелъ въ Литвѣ 200 видовъ растеній, которыя считались до сихъ поръ свойственными только Сибири, Татаріи и Швеціи, и что во всемъ литовскомъ княжествѣ онъ наблюдалъ 980 видовъ растеній, рѣдко встрѣчающихся въ большей части европейскихъ странъ.

Онъ составилъ недавно небольшую коллекцію, преимущественно изъ произведеній Литвы, и подготовляетъ матеріалы для естественной исторіи этого княжества, предполагая начать изданіе съ литовской флоры, и затѣмъ перейти къ обзору минераловъ, насѣкомыхъ, четвероногихъ и птицъ. Принимая во вниманіе зачаточное состояніе естественноисторическихъ знаній въ этой стра-

Первоначально депутаты Польши и Литвы должны были съѣзжаться въ Люблинѣ или какомъ-либо другомъ городѣ по обоюдному выбору; но договоромъ объ уніи было установлено, что представители обѣихъ націй должны собираться на сеймъ въ Варшавѣ. Въ 1673 г., было объявлено, что третій сеймъ соберется въ Гродно, гдѣ, во исполненіе закона, и было созвано національное собраніе въ 1678 г. при Янѣ Собѣсскомъ. Но когда сеймъ вторично долженъ былъ собраться въ Гродно, этотъ монархъ повелѣлъ ему быть въ Варшавѣ; литовцы возстали противъ подобнаго нарушенія своихъ правъ, и ихъ депутаты, вмѣсто того чтобы отправиться въ Варшаву, гдѣ находились король, сенатъ и польскіе нунціи, отправились въ Гродно и открыли отдѣльный сеймъ. Начались переговоры; наконецъ было рѣшено, что сеймъ соберется въ Варшавѣ, но будетъ называться Гродненскимъ, и что маршаломъ его будетъ избранъ одинъ изъ литовскихъ нунціевъ. Съ тѣхъ поръ сеймы созывались иногда въ Гродно, но со вступленія на престолъ нынѣ царствующаго короля (Станислава-Августа), они собирались исключительно въ Варшавѣ; литовцы болѣе не протестовали противъ этого, какъ по причинѣ отдаленности Гродно отъ резиденціи короля, такъ и по причинѣ смутъ, волновавшихъ въ то время страну.

Мы передали данное намъ королемъ рекомендательное письмо г. Gillibert'у, даровитому французскому натуралисту, завѣдывавшему академіей и ботаническимъ садомъ. Польскій король основалъ въ Гродно Литовскую медицинскую академію, въ которой десять человѣкъ обучаются медицинѣ, а двадцать – хирургіи. Всѣ они содержатся и обучаются на счетъ короля. Ботаническій садъ, существовавшій менѣе двухъ лѣтъ, благодаря заботливости и попеченію г. Жиллиберта, имѣлъ очень приличный видъ, въ 1778 г., когда я былъ проѣздомъ въ Гродно. Въ немъ было 1.500 экзотическихъ растеній и нѣсколько нѣжныхъ американскихъ растеній, съ успѣхомъ произраставшихъ на открытомъ воздухѣ. Г. Жиллибертъ говорилъ мнѣ, что онъ нашелъ въ Литвѣ 200 видовъ растеній, которыя считались до сихъ поръ свойственными только Сибири, Татаріи и Швеціи, и что во всемъ литовскомъ княжествѣ онъ наблюдалъ 980 видовъ растеній, рѣдко встрѣчающихся въ большей части европейскихъ странъ.

Онъ составилъ недавно небольшую коллекцію, преимущественно изъ произведеній Литвы, и подготовляетъ матеріалы для естественной исторіи этого княжества, предполагая начать изданіе съ литовской флоры, и затѣмъ перейти къ обзору минераловъ, насѣкомыхъ, четвероногихъ и птицъ. Принимая во вниманіе зачаточное состояніе естественноисторическихъ знаній въ этой стра-

нѣ, можно сказать навѣрно, что эта работа потребуетъ много времени и настойчиваго труда.

На слѣдующій день мы осматривали фабрики, основанныя въ Гродно по повелѣнію короля въ 1776 г. Онѣ помѣщаются въ деревянныхъ сараяхъ, предназначавшихся первоначально для конюшенъ, которыя были впослѣдствіи приспособлены для мастерскихъ и жилищъ рабочихъ. Въ скоромъ времени эти фабрики предполагаютъ перевести въ окрестности Гродно, гдѣ уже почти окончены постройкою подходящія для этого зданія, сооружаемыя на счетъ казны. Главные предметы производства на этихъ фабрикахъ суть: сукно, камлотъ, полотна, бумажныя и шелковыя матеріи, вышивки, шелковые чулки, шляпы, кружева, огнестрѣльное оружіе, иголки, карты, бѣлый воскъ и экипажи. Шерсть, ленъ, конопля и воскъ, нужные для этихъ производствъ—мѣстнаго происхожденія; шелкъ, бумага, желѣзо, краски, золото и серебро для вышивокъ и тонкія нитки для кружевъ привозятся изъ-за границы.

На этихъ фабрикахъ работаетъ 3.000 человѣкъ, считая въ томъ числѣ и тѣхъ, которые работаютъ по домамъ въ окрестныхъ деревняхъ, гдѣ они ткутъ холстъ и шерстяныя матеріи. Разными отраслями производства завѣдуютъ 70 мастеровъ-иностранцевъ; всѣ остальные рабочіе изъ числа мѣстныхъ жителей. Въ ученики берутъ на фабрику дѣтей польскихъ крестьянъ; ихъ кормятъ, одѣваютъ, и они получаютъ маленькое жалованье. Завѣдующіе жалуются на то, что они не проявляютъ никакого соревнованія и что хотя ихъ одѣваютъ и кормятъ лучше, нежели остальныхъ крестьянъ, тѣмъ не менѣе ихъ можно только силою заставить работать на фабрикѣ. Это неудивительно; ибо эти люди все же не свободные и неувѣренные въ томъ, что заработанныя ими деньги будутъ принадлежать имъ; не рѣдко случалось, что съ нихъ удерживали часть этихъ денегъ въ уплату за оброкъ, не уплаченный ихъ родителями. Одна изъ работницъ, побойчѣе другихъ, сказала однажды завѣдующему, когда онъ поощрялъ ее работать усерднѣе: „Какая же мнѣ будетъ польза, если я послушаю васъ? какъ бы я искусно ни работала, трудиться буду я, а доходъ будетъ получать хозяинъ“. Большинство дѣвушекъ имѣло грустный видъ; очевидно, онѣ работали по принужденію, а не изъ любви къ дѣлу. Ввидѣ поощренія, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ хотѣли отпускать на волю тѣхъ, которыя будутъ работать усерднѣе другихъ или окажутся смышленѣе и искуснѣе. Но это предложеніе было отвергнуто на томъ основаніи, что, получивъ волю, рабочіе не стали бы работать на фабрикѣ, которая лишилась бы такимъ образомъ самыхъ искусныхъ рабочихъ и работницъ. Это возможно, но съ другой стороны подоб-

нѣ, можно сказать навѣрно, что эта работа потребуетъ много времени и настойчиваго труда.

На слѣдующій день мы осматривали фабрики, основанныя въ Гродно по повелѣнію короля въ 1776 г. Онѣ помѣщаются въ деревянныхъ сараяхъ, предназначавшихся первоначально для конюшень, которыя были впослѣдствіи приспособлены для мастерскихъ и жилищъ рабочихъ. Въ скоромъ времени эти фабрики предполагаютъ перевести въ окрестности Гродно, гдѣ уже почти окончены постройкою подходящія для этого зданія, сооружаемыя на счетъ казны. Главные предметы производства на этихъ фабрикахъ суть: сукно, камлотъ, полотна, бумажныя и шелковыя матеріи, вышивки, шелковые чулки, шляпы, кружева, огнестрѣльное оружіе, иголки, карты, бѣлый воскъ и экипажи. Шерсть, ленъ, конопля и воскъ, нужные для этихъ производствъ—мѣстнаго происхожденія; шелкъ, бумага, желѣзо, краски, золото и серебро для вышивокъ и тонкія нитки для кружевъ привозятся изъ-за границы.

На этихъ фабрикахъ работаетъ 3.000 человѣкъ, считая въ томъ числѣ и тѣхъ, которые работаютъ по домамъ въ окрестныхъ деревняхъ, гдѣ они ткутъ холстъ и шерстяныя матеріи. Разными отраслями производства завѣдуютъ 70 мастеровъ-иностранцевъ; всѣ остальные рабочіе изъ числа мѣстныхъ жителей. Въ ученики берутъ на фабрику дѣтей польскихъ крестьянъ; ихъ кормятъ, одѣваютъ, и они получаютъ маленькое жалованье. Завѣдующіе жалуются на то, что они не проявляютъ никакого соревнованія и что хотя ихъ одѣваютъ и кормятъ лучше, нежели остальныхъ крестьянъ, тѣмъ не менѣе ихъ можно только силою заставить работать на фабрикѣ. Это неудивительно; ибо эти люди все же не свободные и неувѣренные въ томъ, что заработанныя ими деньги будутъ принадлежать имъ; не рѣдко случалось, что съ нихъ удерживали часть этихъ денегъ въ уплату за оброкъ, не уплаченный ихъ родителями. Одна изъ работницъ, побойчѣе другихъ, сказала однажды завѣдующему, когда онъ поощрялъ ее работать усерднѣе: „Какая же мнѣ будетъ польза, если я послушаю васъ? какъ бы я искусно ни работала, трудиться буду я, а доходъ будетъ получать хозяинъ“. Большинство дѣвушекъ имѣло грустный видъ; очевидно, онѣ работали по принужденію, а не изъ любви къ дѣлу. Ввидѣ поощренія, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ хотѣли отпускать на волю тѣхъ, которыя будутъ работать усерднѣе другихъ или окажутся смышленѣе и искуснѣе. Но это предложеніе было отвергнуто на томъ основаніи, что, получивъ волю, рабочіе не стали бы работать на фабрикѣ, которая лишилась бы такимъ образомъ самыхъ искусныхъ рабочихъ и работницъ. Это возможно, но съ другой стороны подоб-

ная мѣра, возбудивъ соревнованіе, могла бы создать цѣлый кадръ искусныхъ работницъ.

Эти фабрики находятся еще въ зачаточномъ состояніи; но ихъ учрежденіе дѣлаетъ честь королю, тѣмъ болѣе, что онъ продолжалъ интересоваться ими и во время тѣхъ внутреннихъ смутъ, которыя угрожали послѣднее время его престолу.

Въ самый день нашего пріѣзда въ Гродно, одинъ польскій шляхтичъ, съ которымъ насъ познакомилъ г. Жиллибертъ, радушно пригласилъ насъ отужинать у него. Побесѣдовавъ съ нами около часа, онъ поручилъ своей женѣ занимать насъ, а самъ удалился и болѣе весь вечеръ не показывался. Это кажущееся пренебреженіе, столь не соотвѣтствовавшее его любезному приглашенію, нѣсколько озадачило насъ; но впослѣдствіи мы убѣдились, что имъ руководила и въ этомъ случаѣ величайшая любезность. Пригласивъ еще до нашего пріѣзда на ужинъ нѣсколько польскихъ шляхтичей, которые не говорили по-французски, но были большіе любители выпить, онъ совершенно справедливо подумалъ, что мы проведемъ вечеръ пріятнѣе въ обществѣ дамъ. Мы ужинали въ небольшой, веселой и и пріятной компаніи; поляки народъ очень веселый, а ихъ дамы очень любезны и хорошо воспитаны.

На слѣдующій день мы обѣдали съ литовскимъ вице-канцлеромъ, графомъ Тизенгаузеномъ; это былъ обѣдъ, устроенный для избирателей передъ предстоявшимъ сеймикомъ. За столомъ сидѣло 80 человѣкъ; почти всѣ безъ исключенія были въ національныхъ польскихъ костюмахъ, съ обстриженными волосами по польскому обычаю. Передъ обѣдомъ они почтительно здоровались съ графомъ; при чемъ одни цѣловали край его платья, другіе нагибались и цѣловали ему ноги.

Вечеромъ графъ далъ балъ, закончившійся прекраснымъ ужиномъ. Танцовали польскій и англійскую кадриль. Польскій танецъ очень простой, однако не лишенъ граціи; музыка довольно красивая: танцующіе становятся въ пары; стоящій въ первой парѣ ведетъ свою даму вокругъ комнаты въ родѣ какъ бы въ менуетѣ, затѣмъ оставляетъ ея руку, дѣлаетъ полуоборотъ, снова беретъ ее за руку и продѣлываетъ то же самое до конца танца. Вторая пара вступаетъ, какъ только первая отойдетъ нѣсколько шаговъ, за нею слѣдуютъ всѣ остальные; такимъ образомъ всѣ танцующіе движутся пара за парой одновременно. Поляки очень любятъ этотъ танецъ: хотя онъ довольно однообразенъ, но они танцовали полчаса, безъ перерыва и въ теченіе вечера повторяли его нѣсколько разъ. Въ промежуткахъ танцовали англійскую кадриль, которую они танцуютъ также очень ловко и видимо съ такимъ же удовольствіемъ.

ная мѣра, возбудивъ соревнованіе, могла бы создать цѣлый кадръ искусныхъ работницъ.

Эти фабрики находятся еще въ зачаточномъ состояніи; но ихъ учрежденіе дѣлаетъ честь королю, тѣмъ болѣе, что онъ продолжалъ интересоваться ими и во время тѣхъ внутреннихъ смутъ, которыя угрожали послѣднее время его престолу.

Въ самый день нашего пріѣзда въ Гродно, одинъ польскій шляхтичъ, съ которымъ насъ познакомилъ г. Жиллибертъ, радушно пригласилъ насъ отужинать у него. Побесѣдовавъ съ нами около часа, онъ поручилъ своей женѣ занимать насъ, а самъ удалился и болѣе весь вечеръ не показывался. Это кажущееся пренебреженіе, столь не соотвѣтствовавшее его любезному приглашенію, нѣсколько озадачило насъ; но впослѣдствіи мы убѣдились, что имъ руководила и въ этомъ случаѣ величайшая любезность. Пригласивъ еще до нашего пріѣзда на ужинъ нѣсколько польскихъ шляхтичей, которые не говорили по-французски, но были большіе любители выпить, онъ совершенно справедливо подумалъ, что мы проведемъ вечеръ пріятнѣе въ обществѣ дамъ. Мы ужинали въ небольшой, веселой и и пріятной компаніи; поляки народъ очень веселый, а ихъ дамы очень любезны и хорошо воспитаны.

На слѣдующій день мы обѣдали съ литовскимъ вице-канцлеромъ, графомъ Тизенгаузеномъ; это былъ обѣдъ, устроенный для избирателей передъ предстоявшимъ сеймикомъ. За столомъ сидѣло 80 человѣкъ; почти всѣ безъ исключенія были въ національныхъ польскихъ костюмахъ, съ обстриженными волосами по польскому обычаю. Передъ обѣдомъ они почтительно здоровались съ графомъ; при чемъ одни цѣловали край его платья, другіе нагибались и цѣловали ему ноги.

Вечеромъ графъ далъ балъ, закончившійся прекраснымъ ужиномъ. Танцовали польскій и англійскую кадриль. Польскій танецъ очень простой, однако не лишенъ граціи; музыка довольно красивая: танцующіе становятся въ пары; стоящій въ первой парѣ ведетъ свою даму вокругъ комнаты въ родѣ какъ бы въ менуетѣ, затѣмъ оставляетъ ея руку, дѣлаетъ полуоборотъ, снова беретъ ее за руку и продѣлываетъ то же самое до конца танца. Вторая пара вступаетъ, какъ только первая отойдетъ нѣсколько шаговъ, за нею слѣдуютъ всѣ остальные; такимъ образомъ всѣ танцующіе движутся пара за парой одновременно. Поляки очень любятъ этотъ танецъ: хотя онъ довольно однообразенъ, но они танцовали полчаса, безъ перерыва и въ теченіе вечера повторяли его нѣсколько разъ. Въ промежуткахъ танцовали англійскую кадриль, которую они танцуютъ также очень ловко и видимо съ такимъ же удовольствіемъ.

Прекрасный ужинъ, къ которому были приглашены одни избранные, пріятно закончилъ день.

Графъ любезно приглашалъ насъ остаться нѣкоторое время въ Гродно и поселиться въ его домѣ, но такъ какъ намъ хотѣлось добраться въ Петербургъ до начала зимы, то мы отказались отъ этого приглашенія, которое въ противномъ случаѣ приняли бы съ удовольствіемъ. Нѣкоторые изъ бывшихъ тутъ господъ хотѣли задержать насъ, сказавъ каретному мастеру, которому мы отдали въ починку нашъ экипажъ, чтобы онъ съ починкою не спѣшилъ. Когда мы случайно узнали объ этомъ, то намъ пришлось прибѣгнуть къ угрозамъ, чтобы заставить его поспѣшить. Чтобы избавить нашихъ новыхъ знакомыхъ отъ труда упрашивать насъ напрасно, а себя отъ непріятности отказываться отъ ихъ любезныхъ приглашеній, мы сочли необходимымъ въ тотъ же день вечеромъ уѣхать, не сказавъ никому объ этомъ ни слова.

Мы намѣревались побывать въ Вильно, но такъ какъ это было время выборовъ, то станціонный смотритель предупредилъ насъ, что за неимѣніемъ лошадей насъ могутъ задержать въ какой-нибудь жалкой деревушкѣ; мы волей неволей должны были измѣнить свой маршрутъ и, къ величайшему нашему разочарованію, не могли посѣтить, какъ мы того желали, столицу Литвы.

IV.

Продолженіе путешествія по Литвѣ.—Множество евреевъ.—Плохое состояніе дорогъ; отсутствіе всякихъ удобствъ.—Закрытіе сеймика въ Минскѣ.—Оригинальный способъ запряжки.—Въ еврейской корчмѣ.—Безпечность евреевъ.—Бѣдность жителей Литвы.—Сравненіе крестьянъ въ Швейцаріи и Польшѣ.

Проѣзжая по Литвѣ, мы были поражены изумительныыъ количествомъ евреевъ; живя въ Польшѣ повсемѣстно, они какъ-будто избрали Литву своимъ мѣстопребываніемъ по преимуществу. Если вы потребуете переводчика, вамъ приводятъ еврея; пріѣхавъ на постоялый дворъ, вы видите хозяина еврея; если вамъ нужны почтовыя лошади, вамъ доставитъ ихъ еврей; еврей же повезетъ васъ; если вамъ нужно что-нибудь купить, является факторъ еврей, и эта быть можетъ единственная страна въ мірѣ, гдѣ евреи обрабатываютъ землю; мы не разъ видѣли, что они сѣяли, жали, косили и исполняли иныя полевыя работы.

Дороги въ Литвѣ находятся въ самомъ первобытномъ состояніи; онѣ немногимъ лучше проселочныхъ дорогъ, извивающихся по лѣсу; также совершенно незамѣтно, чтобы имъ старались придать опре-

Прекрасный ужинъ, къ которому были приглашены одни избранные, пріятно закончилъ день.

Графъ любезно приглашалъ насъ остаться нѣкоторое время въ Гродно и поселиться въ его домѣ, но такъ какъ намъ хотѣлось добраться въ Петербургъ до начала зимы, то мы отказались отъ этого приглашенія, которое въ противномъ случаѣ приняли бы съ удовольствіемъ. Нѣкоторые изъ бывшихъ тутъ господъ хотѣли задержать насъ, сказавъ каретному мастеру, которому мы отдали въ починку нашъ экипажъ, чтобы онъ съ починкою не спѣшилъ. Когда мы случайно узнали объ этомъ, то намъ пришлось прибѣгнуть къ угрозамъ, чтобы заставить его поспѣшить. Чтобы избавить нашихъ новыхъ знакомыхъ отъ труда упрашивать насъ напрасно, а себя отъ непріятности отказываться отъ ихъ любезныхъ приглашеній, мы сочли необходимымъ въ тотъ же день вечеромъ уѣхать, не сказавъ никому объ этомъ ни слова.

Мы намѣревались побывать въ Вильно, но такъ какъ это было время выборовъ, то станціонный смотритель предупредилъ насъ, что за неимѣніемъ лошадей насъ могутъ задержать въ какой-нибудь жалкой деревушкѣ; мы волей неволей должны были измѣнить свой маршрутъ и, къ величайшему нашему разочарованію, не могли посѣтить, какъ мы того желали, столицу Литвы.

IV.

Продолженіе путешествія по Литвѣ.—Множество евреевъ.—Плохое состояніе дорогъ; отсутствіе всякихъ удобствъ.—Закрытіе сеймика въ Минскѣ.—Оригинальный способъ запряжки.—Въ еврейской корчмѣ.—Безпечность евреевъ.—Бѣдность жителей Литвы.—Сравненіе крестьянъ въ Швейцаріи и Польшѣ.

Проѣзжая по Литвѣ, мы были поражены изумительныыъ количествомъ евреевъ; живя въ Польшѣ повсемѣстно, они какъ-будто избрали Литву своимъ мѣстопребываніемъ по преимуществу. Если вы потребуете переводчика, вамъ приводятъ еврея; пріѣхавъ на постоялый дворъ, вы видите хозяина еврея; если вамъ нужны почтовыя лошади, вамъ доставитъ ихъ еврей; еврей же повезетъ васъ; если вамъ нужно что-нибудь купить, является факторъ еврей, и эта быть можетъ единственная страна въ мірѣ, гдѣ евреи обрабатываютъ землю; мы не разъ видѣли, что они сѣяли, жали, косили и исполняли иныя полевыя работы.

Дороги въ Литвѣ находятся въ самомъ первобытномъ состояніи; онѣ немногимъ лучше проселочныхъ дорогъ, извивающихся по лѣсу; также совершенно незамѣтно, чтобы имъ старались придать опре-

дѣленное направленіе; онѣ зачастую такъ узки, что карета съ трудомъ можетъ проѣхать; то и дѣло попадаются пни и корни отъ деревьевъ, которые мѣшаютъ ѣхать; мѣстами дорога была такъ песчана, что насъ съ трудомъ могла вывезти восьмерка лошадей. Почтальоновъ часто замѣняли десяти и двѣнадцатилѣтніе здоровенные мальчики, которые могли проскакать двадцать и тридцать англійскихъ миль безъ сѣдла, одѣтые совсѣмъ налегкѣ, въ одной рубашкѣ и холщевыхъ подштанникахъ. Мосты, перекинутые черезъ рѣчки, сооружены такъ плохо и такъ ветхи, что казалось, они подломятся подъ тяжестью нашей кареты, и мы почитали себя счастливыми, проѣхавъ по нимъ благополучно.

Многіе путешественники разсказываютъ, что въ литовскихъ лѣсахъ деревья часто загораются отъ молній и другихъ естественныхъ причинъ и горятъ иногда довольно долго. Мы думали сначала, что эти разсказы справедливы, такъ какъ мы видѣли во многихъ мѣстахъ слѣды лѣсныхъ пожаровъ. Но изъ разспросовъ мѣстныхъ жителей узнали, что крестьяне, обязанные доставлять своимъ владѣльцамъ ежегодно извѣстное количество скипидара, поджигаютъ сосны, когда онѣ еще стоятъ на корню, и собираютъ скипидаръ. Мы видѣли въ лѣсу много обуглившихся деревьевъ; нѣкоторыя были совсѣмъ черныя и обгорѣлыя, другія обгорали на половину; иныя, хотя и были опалены, но продолжали кое-какъ расти.

15 августа. Мы ѣхали двадцать часовъ безъостановочно и добрались вечеромъ до Бѣлицъ въ девятнадцати миляхъ отъ Гродно; и до разсвѣта отправились далѣе, желая попасть въ Минскъ 17-го числа утромъ, когда тамъ долженъ былъ собраться сеймикъ для избранія нунціевъ. По пути мы остановились на короткое время въ Новгородѣ, гдѣ всѣ зданія построены изъ дерева, за исключеніемъ двухъ-трехъ пришедшихъ въ ветхость каменныхъ домовъ, іезуитскаго монастыря и развалинъ каменныхъ стѣнъ, окружающихъ небольшой холмъ, увѣнчанный развалинами крѣпостцы. Близъ Новгорода мы видѣли нѣсколько насыпей, которыя крестьяне называли шведскими могилами. Тутъ почва была менѣе песчаная и болѣе плодородна, и мѣстность стала нѣсколько разнообразнѣе и холмистѣе: пустынные лѣса чаще прерывались деревнями и лугами, на которыхъ паслись большія стада скота.

Доѣхавъ до небольшой деревушки „Міръ“, мы убѣдились въ томъ, что наше намѣреніе быть на другой день въ Минскѣ неосуществимо, хотя бы мы ѣхали всю ночь. До города оставалось 60 или 70 миль, ночь была очень темная и дорога плохая; насъ предупредили, что намъ придется переѣхать нѣсколько мостовъ, по которымъ и днемъ надобно ѣхать не иначе, какъ съ величайшею

дѣленное направленіе; онѣ зачастую такъ узки, что карета съ трудомъ можетъ проѣхать; то и дѣло попадаются пни и корни отъ деревьевъ, которые мѣшаютъ ѣхать; мѣстами дорога была такъ песчана, что насъ съ трудомъ могла вывезти восьмерка лошадей. Почтальоновъ часто замѣняли десяти и двѣнадцатилѣтніе здоровенные мальчики, которые могли проскакать двадцать и тридцать англійскихъ миль безъ сѣдла, одѣтые совсѣмъ налегкѣ, въ одной рубашкѣ и холщевыхъ подштанникахъ. Мосты, перекинутые черезъ рѣчки, сооружены такъ плохо и такъ ветхи, что казалось, они подломятся подъ тяжестью нашей кареты, и мы почитали себя счастливыми, проѣхавъ по нимъ благополучно.

Многіе путешественники разсказываютъ, что въ литовскихъ лѣсахъ деревья часто загораются отъ молній и другихъ естественныхъ причинъ и горятъ иногда довольно долго. Мы думали сначала, что эти разсказы справедливы, такъ какъ мы видѣли во многихъ мѣстахъ слѣды лѣсныхъ пожаровъ. Но изъ разспросовъ мѣстныхъ жителей узнали, что крестьяне, обязанные доставлять своимъ владѣльцамъ ежегодно извѣстное количество скипидара, поджигаютъ сосны, когда онѣ еще стоятъ на корню, и собираютъ скипидаръ. Мы видѣли въ лѣсу много обуглившихся деревьевъ; нѣкоторыя были совсѣмъ черныя и обгорѣлыя, другія обгорали на половину; иныя, хотя и были опалены, но продолжали кое-какъ расти.

15 августа. Мы ѣхали двадцать часовъ безъостановочно и добрались вечеромъ до Бѣлицъ въ девятнадцати миляхъ отъ Гродно; и до разсвѣта отправились далѣе, желая попасть въ Минскъ 17-го числа утромъ, когда тамъ долженъ былъ собраться сеймикъ для избранія нунціевъ. По пути мы остановились на короткое время въ Новгородѣ, гдѣ всѣ зданія построены изъ дерева, за исключеніемъ двухъ-трехъ пришедшихъ въ ветхость каменныхъ домовъ, іезуитскаго монастыря и развалинъ каменныхъ стѣнъ, окружающихъ небольшой холмъ, увѣнчанный развалинами крѣпостцы. Близъ Новгорода мы видѣли нѣсколько насыпей, которыя крестьяне называли шведскими могилами. Тутъ почва была менѣе песчаная и болѣе плодородна, и мѣстность стала нѣсколько разнообразнѣе и холмистѣе: пустынные лѣса чаще прерывались деревнями и лугами, на которыхъ паслись большія стада скота.

Доѣхавъ до небольшой деревушки „Міръ“, мы убѣдились въ томъ, что наше намѣреніе быть на другой день въ Минскѣ неосуществимо, хотя бы мы ѣхали всю ночь. До города оставалось 60 или 70 миль, ночь была очень темная и дорога плохая; насъ предупредили, что намъ придется переѣхать нѣсколько мостовъ, по которымъ и днемъ надобно ѣхать не иначе, какъ съ величайшею

осторожностью. Это заставило насъ отказаться отъ намѣренія присутствовать на выборахъ; мы пожертвовали любопытствомъ ради нашей собственной безопасности, но конечно не ради тѣхъ прелестей, какія сулило намъ пребываніе въ селеніи „Міръ", гдѣ мы остановились на ночь; жители этой деревушки были такъ бѣдны, что мы не могли достать самыхъ обыкновенныхъ съѣстныхъ припасовъ; единствено, что мы выиграли, остановившись тутъ на ночь,—то, что мы избѣжали опасной дороги и отдохнули отъ усталости.

Намъ было такъ плохо въ Мірѣ, что когда мы пріѣхали 17 числа вечеромъ въ Минскъ, то онъ намъ показался самымъ красивымъ и роскошнымъ городомъ. Насъ ожидалъ тутъ давно не виданный комфортъ; хорошенкая комната съ чистыми выбѣленными стѣнами и каменнымъ поломъ, отсутствіе блохъ и мухъ, обиліе чистой соломы, хорошій хлѣбъ и свѣжее мясо. Переночевавъ, мы отправились на другое утро въ трапезу іезуитскаго монастыря, гдѣ происходило наканунѣ избраніе нунціевъ. Сначала насъ не хотѣли впустить, послѣ долгихъ переговоровъ къ намъ подошелъ наконецъ какой-то господинъ и освѣдомился на нѣмецкомъ языкѣ, откуда мы пріѣхали и что намъ нужно. Когда мы отвѣтили, что мы англичане и желаемъ видѣть все заслуживающее вниманіе, то онъ выразилъ большое удивленіе по поводу того, что мы такъ просто одѣты и что при насъ нѣтъ сабель.

„Въ Польшѣ", сказалъ онъ, „всякій шляхтичъ носитъ при себѣ саблю, какъ знакъ своего дворянскаго происхожденія и никогда не появляется безъ нея въ обществѣ; совѣтую вамъ соблюдать этотъ обычай, пока вы находитесь въ этой странѣ, если вы хотите, чтобы васъ принимали за джентльменовъ".

Поблагодаривъ его за совѣтъ, мы послѣдовали за нимъ въ трапезную, гдѣ застали еще большую часть членовъ сеймика, хотя они занимались уже не государственными дѣлами, а по-просту сидѣли и пили—что составляетъ повидимому такую же необходимую принадлежность выборовъ въ Польшѣ, какъ и въ Великобританіи. Одинъ человѣкъ, къ которому всѣ относились съ видимымъ почтеніемъ, то и дѣло подносилъ наполненные стаканы избирателямъ, которые стояли группами; при этомъ соблюдалась цѣлая церемонія: взявъ стаканъ, всякій прикладывалъ руку къ сердцу, кланялся до земли и затѣмъ торжественно пилъ за здоровье нунціевъ и присутствующихъ. Нѣкоторые изъ поляковъ говорили со мною по-польски; отъ нихъ я узналъ, что каждое воеводство раздѣляется на нѣсколько округовъ, и каждый округъ выбираетъ двухъ нунціевъ — я освѣдомился, были ли при выборахъ по г. Минску какія-либо разногласія; они отвѣчали, что явилось три

осторожностью. Это заставило насъ отказаться отъ намѣренія присутствовать на выборахъ; мы пожертвовали любопытствомъ ради нашей собственной безопасности, но конечно не ради тѣхъ прелестей, какія сулило намъ пребываніе въ селеніи „Міръ", гдѣ мы остановились на ночь; жители этой деревушки были такъ бѣдны, что мы не могли достать самыхъ обыкновенныхъ съѣстныхъ припасовъ; единствено, что мы выиграли, остановившись тутъ на ночь,—то, что мы избѣжали опасной дороги и отдохнули отъ усталости.

Намъ было такъ плохо въ Мірѣ, что когда мы пріѣхали 17 числа вечеромъ въ Минскъ, то онъ намъ показался самымъ красивымъ и роскошнымъ городомъ. Насъ ожидалъ тутъ давно не виданный комфортъ; хорошенкая комната съ чистыми выбѣленными стѣнами и каменнымъ поломъ, отсутствіе блохъ и мухъ, обиліе чистой соломы, хорошій хлѣбъ и свѣжее мясо. Переночевавъ, мы отправились на другое утро въ трапезу іезуитскаго монастыря, гдѣ происходило наканунѣ избраніе нунціевъ. Сначала насъ не хотѣли впустить, послѣ долгихъ переговоровъ къ намъ подошелъ наконецъ какой-то господинъ и освѣдомился на нѣмецкомъ языкѣ, откуда мы пріѣхали и что намъ нужно. Когда мы отвѣтили, что мы англичане и желаемъ видѣть все заслуживающее вниманіе, то онъ выразилъ большое удивленіе по поводу того, что мы такъ просто одѣты и что при насъ нѣтъ сабель.

„Въ Польшѣ", сказалъ онъ, „всякій шляхтичъ носитъ при себѣ саблю, какъ знакъ своего дворянскаго происхожденія и никогда не появляется безъ нея въ обществѣ; совѣтую вамъ соблюдать этотъ обычай, пока вы находитесь въ этой странѣ, если вы хотите, чтобы васъ принимали за джентльменовъ".

Поблагодаривъ его за совѣтъ, мы послѣдовали за нимъ въ трапезную, гдѣ застали еще большую часть членовъ сеймика, хотя они занимались уже не государственными дѣлами, а по-просту сидѣли и пили—что составляетъ повидимому такую же необходимую принадлежность выборовъ въ Польшѣ, какъ и въ Великобританіи. Одинъ человѣкъ, къ которому всѣ относились съ видимымъ почтеніемъ, то и дѣло подносилъ наполненные стаканы избирателямъ, которые стояли группами; при этомъ соблюдалась цѣлая церемонія: взявъ стаканъ, всякій прикладывалъ руку къ сердцу, кланялся до земли и затѣмъ торжественно пилъ за здоровье нунціевъ и присутствующихъ. Нѣкоторые изъ поляковъ говорили со мною по-польски; отъ нихъ я узналъ, что каждое воеводство раздѣляется на нѣсколько округовъ, и каждый округъ выбираетъ двухъ нунціевъ — я освѣдомился, были ли при выборахъ по г. Минску какія-либо разногласія; они отвѣчали, что явилось три

кандидата. Тогда я спросилъ, принадлежали ли избранные нунціи къ партіи короля?

„Мы сообразовались въ этомъ случаѣ съ желаніемъ его величества“,—отвѣчали они.

— Вы поступили, очень благоразумно, онъ хорошій монархъ, не правда ли? спросилъ я.—„Хорошій монархъ! о да, возразили поляки, лучшій изъ всѣхъ когда-либо царствовавшихъ монарховъ“.

Минскъ большой городъ: двѣ церкви и іезуитскій монастырь, построенные изъ кирпича; остальные дома деревянные и по архитектурѣ красивѣе большинства домовъ, видѣнныхъ нами въ этой странѣ. Вернувшись въ гостиницу, мы получили отъ одного польскаго графа приглашеніе на обѣдъ; но такъ какъ погода была благопріятная, карета была намъ уже подана и все было готово къ немедленному отъѣзду, то мы рѣшили пожертвовать случаемъ провести время въ пріятномъ обществѣ и уѣхали.

18 августа. Отъ Минска до Смолевича — не болѣе 30 миль — но этотъ переѣздъ показался намъ очень утомительнымъ, такъ какъ по причинѣ крайне плохой дороги и неожиданныхъ задержекъ мы ѣхали эти 30 миль около двѣнадцати часовъ. Погода была холодная и дождливая, дулъ сильный вѣтеръ, дорога была хуже обыкновеннаго и было очень темно. Мы уже отчаявались прибыть къ ночи на станцію; какъ вдругъ скрыпъ растворявшихся воротъ и стукъ колесъ о девевянную мостовую возвѣстили намъ, что мы пріѣхали, но такъ какъ кожаныя занавѣски экипажа были плотно связаны, чтобы защитить насъ отъ вѣтра и дождя, то мы не могли рѣшить въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, куда насъ привезли. Выйдя изъ экипажа, мы увидѣли, что находимся въ огромномъ сараѣ или подъ навѣсомъ, на противуположномъ концѣ котораго пылалъ очагъ безъ дымовой трубы; на немъ лежали двѣ большія сосны, съ необрубленными вѣтвями; вокругъ очага стояло нѣсколько человѣкъ въ длиннополыхъ черныхъ одѣяніяхъ съ длинными бородами, которые что-то размѣшивали въ большомъ котлѣ, подвѣшенномъ надъ пламенемъ. Если бы мы вѣрили въ колдовство или хоть бы чуточку были суевѣрны, то легко приняли бы этихъ людей за колдуновъ, исполнявшихъ какой-то таинственный обрядъ; вглядѣвшись внимательно, мы узнали нашихъ старыхъ друзей-евреевъ, которые готовили ужинъ себѣ и намъ.

Не имѣя ни малѣйшаго желанія оставаться лишней минуты въ этихъ лачугахъ, кишѣвшихъ насѣкомыхъ и въ которыхъ ютились грязь и нищета, мы, по обыкновенію, поѣхали далѣе на разсвѣтѣ. Близъ Борисова мы переправились черезъ Березину и по ту сто-

кандидата. Тогда я спросилъ, принадлежали ли избранные нунціи къ партіи короля?

„Мы сообразовались въ этомъ случаѣ съ желаніемъ его величества“,—отвѣчали они.

— Вы поступили, очень благоразумно, онъ хорошій монархъ, не правда ли? спросилъ я.—„Хорошій монархъ! о да, возразили поляки, лучшій изъ всѣхъ когда-либо царствовавшихъ монарховъ“.

Минскъ большой городъ: двѣ церкви и іезуитскій монастырь, построенные изъ кирпича; остальные дома деревянные и по архитектурѣ красивѣе большинства домовъ, видѣнныхъ нами въ этой странѣ. Вернувшись въ гостиницу, мы получили отъ одного польскаго графа приглашеніе на обѣдъ; но такъ какъ погода была благопріятная, карета была намъ уже подана и все было готово къ немедленному отъѣзду, то мы рѣшили пожертвовать случаемъ провести время въ пріятномъ обществѣ и уѣхали.

18 августа. Отъ Минска до Смолевича — не болѣе 30 миль — но этотъ переѣздъ показался намъ очень утомительнымъ, такъ какъ по причинѣ крайне плохой дороги и неожиданныхъ задержекъ мы ѣхали эти 30 миль около двѣнадцати часовъ. Погода была холодная и дождливая, дулъ сильный вѣтеръ, дорога была хуже обыкновеннаго и было очень темно. Мы уже отчаявались прибыть къ ночи на станцію; какъ вдругъ скрыпъ растворявшихся воротъ и стукъ колесъ о девевянную мостовую возвѣстили намъ, что мы пріѣхали, но такъ какъ кожаныя занавѣски экипажа были плотно связаны, чтобы защитить насъ отъ вѣтра и дождя, то мы не могли рѣшить въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, куда насъ привезли. Выйдя изъ экипажа, мы увидѣли, что находимся въ огромномъ сараѣ или подъ навѣсомъ, на противуположномъ концѣ котораго пылалъ очагъ безъ дымовой трубы; на немъ лежали двѣ большія сосны, съ необрубленными вѣтвями; вокругъ очага стояло нѣсколько человѣкъ въ длиннополыхъ черныхъ одѣяніяхъ съ длинными бородами, которые что-то размѣшивали въ большомъ котлѣ, подвѣшенномъ надъ пламенемъ. Если бы мы вѣрили въ колдовство или хоть бы чуточку были суевѣрны, то легко приняли бы этихъ людей за колдуновъ, исполнявшихъ какой-то таинственный обрядъ; вглядѣвшись внимательно, мы узнали нашихъ старыхъ друзей-евреевъ, которые готовили ужинъ себѣ и намъ.

Не имѣя ни малѣйшаго желанія оставаться лишней минуты въ этихъ лачугахъ, кишѣвшихъ насѣкомыхъ и въ которыхъ ютились грязь и нищета, мы, по обыкновенію, поѣхали далѣе на разсвѣтѣ. Близъ Борисова мы переправились черезъ Березину и по ту сто-

рону города видѣли огромный отрядъ русскаго войска, шедшаго къ Варшавѣ.

Въ Борисовѣ евреи достали для насъ десять лошадей и впрягли ихъ въ два ряда: шесть лошадей къ экипажу и четверку на выносъ [1]). Надобно было большое искусство, чтобы припречь ихъ такимъ образомъ. Двѣ среднія лошади задняго ряда были припряжены, какъ обыкновенно, къ штель-вагѣ, двѣ слѣдующія—къ привязной вагѣ, выдававшейся далеко въ стороны за переднія колеса, а двѣ крайнія, при помощи длинныхъ веревокъ, были такимъ же образомъ припряжены къ задней вагѣ; четыре выносныя лошади были припряжены къ дышлу и къ штель-вагѣ, прикрѣпленной къ дышлу.

Мы были увѣрены, что для шестерки лошадей, припряженныхъ такимъ первобытнымъ способомъ, нужна болѣе широкая дорога, нежели та, по какой намъ приходилось ѣхать въ Польшѣ, и убѣждали ямщиковъ запречь ихъ парами, но они были до того упрямы или непонятливы, что намъ не удалось убѣдить ихъ. Все же мы отвязали двухъ лошадей задняго ряда, но были вынуждены согласиться на то, чтобы остальныя восемь лошадей остались такъ, какъ онѣ были припряжены. Такимъ образомъ мы двинулись въ путь; но и съ четверкой лошадей мѣстами очень трудно было проѣхать сквозь заросли; въ иномъ мѣстѣ дорога такъ заросла кустарникомъ, что едва оставалось мѣста для кареты, и намъ приходилось отпрягать то двухъ, то четырехъ лошадей, иной разъ приходилось выйти изъ кареты и помогать ямщику убрать съ дороги поваливщіяся деревья, провести лошадей по извилистымъ дорожкамъ или разыскать дорогу въ заросли.

Проѣзжая лѣсомъ, мы видѣли кое-гдѣ придѣланныя къ деревьямъ полукруглыя доски на разстояніи 12 футъ отъ земли и трехъ футъ отъ ствола. Во время охоты, къ этимъ площадкамъ приставляютъ лѣстницы, и охотники, когда ихъ настигаетъ медвѣдь, быстро поднимаются по лѣстницѣ и втягиваютъ ее за собой: хотя медвѣдь отлично умѣетъ лазить, но ему мѣшаютъ вскарабкаться на дерево выступающіе края доски.

Мы были очень рады добраться наконецъ до Наицы, хотя намъ пришлось тутъ остановиться въ одной изъ самыхъ жалкихъ лачугъ, какія мы видѣли въ Литвѣ. Единственною мебелью въ ней былъ небольшой столъ, и единственной посудой—разбитый глиняный горшокъ, въ которомъ намъ приготовили ѣду и который замѣнилъ

---

[1]) Обыкновенный способъ запряжки состоялъ въ томъ, что четыре лошади запрягались врядъ, а двѣ на выносъ.

рону города видѣли огромный отрядъ русскаго войска, шедшаго къ Варшавѣ.

Въ Борисовѣ евреи достали для насъ десять лошадей и впрягли ихъ въ два ряда: шесть лошадей къ экипажу и четверку на выносъ [1]). Надобно было большое искусство, чтобы припречь ихъ такимъ образомъ. Двѣ среднія лошади задняго ряда были припряжены, какъ обыкновенно, къ штель-вагѣ, двѣ слѣдующія—къ привязной вагѣ, выдававшейся далеко въ стороны за переднія колеса, а двѣ крайнія, при помощи длинныхъ веревокъ, были такимъ же образомъ припряжены къ задней вагѣ; четыре выносныя лошади были припряжены къ дышлу и къ штель-вагѣ, прикрѣпленной къ дышлу.

Мы были увѣрены, что для шестерки лошадей, припряженныхъ такимъ первобытнымъ способомъ, нужна болѣе широкая дорога, нежели та, по какой намъ приходилось ѣхать въ Польшѣ, и убѣждали ямщиковъ запречь ихъ парами, но они были до того упрямы или непонятливы, что намъ не удалось убѣдить ихъ. Все же мы отвязали двухъ лошадей задняго ряда, но были вынуждены согласиться на то, чтобы остальныя восемь лошадей остались такъ, какъ онѣ были припряжены. Такимъ образомъ мы двинулись въ путь; но и съ четверкой лошадей мѣстами очень трудно было проѣхать сквозь заросли; въ иномъ мѣстѣ дорога такъ заросла кустарникомъ, что едва оставалось мѣста для кареты, и намъ приходилось отпрягать то двухъ, то четырехъ лошадей, иной разъ приходилось выйти изъ кареты и помогать ямщику убрать съ дороги повалившіяся деревья, провести лошадей по извилистымъ дорожкамъ или разыскать дорогу въ заросли.

Проѣзжая лѣсомъ, мы видѣли кое-гдѣ придѣланныя къ деревьямъ полукруглыя доски на разстояніи 12 футъ отъ земли и трехъ футъ отъ ствола. Во время охоты, къ этимъ площадкамъ приставляютъ лѣстницы, и охотники, когда ихъ настигаетъ медвѣдь, быстро поднимаются по лѣстницѣ и втягиваютъ ее за собой: хотя медвѣдь отлично умѣетъ лазить, но ему мѣшаютъ вскарабкаться на дерево выступающіе края доски.

Мы были очень рады добраться наконецъ до Наицы, хотя намъ пришлось тутъ остановиться въ одной изъ самыхъ жалкихъ лачугъ, какія мы видѣли въ Литвѣ. Единственною мебелью въ ней былъ небольшой столъ, и единственной посудой—разбитый глиняный горшокъ, въ которомъ намъ приготовили ѣду и который замѣнилъ

---

[1]) Обыкновенный способъ запряжки состоялъ въ томъ, что четыре лошади запрягались врядъ, а двѣ на выносъ.

намъ тарелки и блюдо. Мы усѣлись за нашу скудную трапезу при свѣтѣ длинной смолистой лучины, которая была воткнута въ стѣну и свѣшивалась надъ столомъ; она же служила намъ свѣчкой, такъ какъ настоящей свѣчки нельзя было достать въ деревнѣ ни за какія деньги. Надобно удивляться, что при той небрежности, съ какою обращаются тутъ съ этими лучинами, рѣдко бываютъ пожары; съ ними ходятъ по всему дому, не соблюдая ни малѣйшей осторожности, и намъ нерѣдко случалось видѣть, что искры летѣли изъ нея на солому, приготовленную для нашихъ постелей; хотя евреи прекрасно видѣли какъ это насъ пугало, но это ничуть не заставляло быть осторожнѣе съ огнемъ. Первое время по пріѣздѣ въ Польшу мы бросались со страхомъ тушить эти искры, но, такова сила привычки, что мы наконецъ совершенно перестали обращать на это вниманіе и сдѣлались, въ этомъ отношеніи, столь же безпечны, какъ и мѣстные жители. Однажды, я даже до того забылся, что держалъ зажженную лучину надъ соломой и не спѣша разыскивалъ въ ней что-то. Развившаяся во мнѣ такимъ образомъ безпечность убѣдила меня въ томъ (если эти вещи вообще сравнимы), что я могъ бы подобно италіанцамъ жить у подошвы Везувія, не боясь изверженія, или жить безпечно въ Константинополѣ, не думая о чумѣ.

Трудно себѣ представить, до чего ограничены потребности литовскихъ крестьянъ! Они скрѣпляютъ свои телѣги желѣзомъ; плетутъ уздечки и постромки изъ древесной коры или скручиваютъ ихъ изъ древесныхъ вѣтвей. При постройкѣ домовъ и сооруженіи домашней утвари и телѣгъ они обходятся однимъ топоромъ. Ихъ одежда состоитъ изъ грубой холщевой рубашки и такихъ же панталонъ, длинной грубой драгетовой верхней одежды или тулупа, круглой черной войлочной шляпы, подбитой шерстью, и лаптей изъ древесной коры. Дома сложены у нихъ изъ толстыхъ бревенъ и походятъ на полѣнницы дровъ съ крышей въ родѣ навѣса. Какъ это мало походитъ на Швейцарскіе дома, построенные также изъ дерева. Такая же поразительная разница существуетъ въ наружномъ видѣ крестьянъ швейцарцевъ и поляковъ и въ ихъ манерѣ держать себя. Это служитъ нагляднымъ доказательствомъ той огромной разницы, какая существуетъ въ образѣ правленія этихъ двухъ странъ. Швейцарецъ человѣкъ открытый, искренній, нѣсколько грубоватый, но готовый услужить вамъ; встрѣчаясь съ вами, онъ киваетъ вамъ головой или слегка приподнимаетъ шляпу, но ожидаетъ такой же вѣжливости и съ вашей стороны; его возмущаетъ малѣйшая грубость, и онъ не позволитъ оскорбить себя безнаказанно. Польскіе крестьяне, напротивъ, раболѣпны и подобострастны: желая выразить намъ свое

намъ тарелки и блюдо. Мы усѣлись за нашу скудную трапезу при свѣтѣ длинной смолистой лучины, которая была воткнута въ стѣну и свѣшивалась надъ столомъ; она же служила намъ свѣчкой, такъ какъ настоящей свѣчки нельзя было достать въ деревнѣ ни за какія деньги. Надобно удивляться, что при той небрежности, съ какою обращаются тутъ съ этими лучинами, рѣдко бываютъ пожары; съ ними ходятъ по всему дому, не соблюдая ни малѣйшей осторожности, и намъ нерѣдко случалось видѣть, что искры летѣли изъ нея на солому, приготовленную для нашихъ постелей; хотя евреи прекрасно видѣли какъ это насъ пугало, но это ничуть не заставляло быть осторожнѣе съ огнемъ. Первое время по пріѣздѣ въ Польшу мы бросались со страхомъ тушить эти искры, но, такова сила привычки, что мы наконецъ совершенно перестали обращать на это вниманіе и сдѣлались, въ этомъ отношеніи, столь же безпечны, какъ и мѣстные жители. Однажды, я даже до того забылся, что держалъ зажженную лучину надъ соломой и не спѣша разыскивалъ въ ней что-то. Развившаяся во мнѣ такимъ образомъ безпечность убѣдила меня въ томъ (если эти вещи вообще сравнимы), что я могъ бы подобно италіанцамъ жить у подошвы Везувія, не боясь изверженія, или жить безпечно въ Константинополѣ, не думая о чумѣ.

Трудно себѣ представить, до чего ограничены потребности литовскихъ крестьянъ! Они скрѣпляютъ свои телѣги желѣзомъ; плетутъ уздечки и постромки изъ древесной коры или скручиваютъ ихъ изъ древесныхъ вѣтвей. При постройкѣ домовъ и сооруженіи домашней утвари и телѣгъ они обходятся однимъ топоромъ. Ихъ одежда состоитъ изъ грубой холщевой рубашки и такихъ же панталонъ, длинной грубой драгетовой верхней одежды или тулупа, круглой черной войлочной шляпы, подбитой шерстью, и лаптей изъ древесной коры. Дома сложены у нихъ изъ толстыхъ бревенъ и походятъ на полѣнницы дровъ съ крышей въ родѣ навѣса. Какъ это мало походитъ на Швейцарскіе дома, построенные также изъ дерева. Такая же поразительная разница существуетъ въ наружномъ видѣ крестьянъ швейцарцевъ и поляковъ и въ ихъ манерѣ держать себя. Это служитъ нагляднымъ доказательствомъ той огромной разницы, какая существуетъ въ образѣ правленія этихъ двухъ странъ. Швейцарецъ человѣкъ открытый, искренній, нѣсколько грубоватый, но готовый услужить вамъ; встрѣчаясь съ вами, онъ киваетъ вамъ головой или слегка приподнимаетъ шляпу, но ожидаетъ такой же вѣжливости и съ вашей стороны; его возмущаетъ малѣйшая грубость, и онъ не позволитъ оскорбить себя безнаказанно. Польскіе крестьяне, напротивъ, раболѣпны и подобострастны: желая выразить намъ свое

уваженіе, они кланялись намъ до земли и, снявъ шляпу или шапку, держали ее въ рукахъ до тѣхъ поръ, пока они не теряли насъ изъ вида; едва завидѣвъ нашу карету, они тотчасъ останавливали свои телѣги; словомъ, все ихъ поведеніе свидѣтельствовало о самомъ презрѣнномъ рабствѣ; между тѣмъ въ Польшѣ говорятъ о свободныхъ учрежденіяхъ не меньше, чѣмъ въ Швейцаріи. Но какъ различно они отразились на нравахъ этихъ двухъ странъ! Въ одной изъ нихъ свобода распространяется равномѣрно на всѣхъ гражданъ, служа источникомъ ихъ довольства и счастья, тогда какъ въ другой она распространяется лишь на немногихъ, являясь худшимъ изъ видовъ деспотизма.

Во время нашего путешествія по Польшѣ мы видѣли нѣсколько человѣкъ со всклокоченными волосами, которые страдали такъ называемой Plica Polonica (колтунъ), болѣзнью, названной такъ потому, что ее считаютъ болѣе всего свойственной Польшѣ, хотя она встрѣчается также въ Венгріи, Татаріи и нѣкоторыхъ другихъ сосѣднихъ странахъ [1]).

По наблюденіямъ швейцарскаго доктора Vicat, долгое время жившаго въ Польшѣ и написавшаго объ этой болѣзни обстоятельное изслѣдованіе (Mémoire sur la Plique polonaise), происхожденіе этой болѣзни вызвано главнымъ образомъ тремя причинами: во-первыхъ, многочисленными лѣсами и болотами, вслѣдствіе чего воздухъ слишкомъ сыръ и не особенно здоровъ; кромѣ того среди лѣта тутъ дуетъ иногда очень рѣзкій холодный вѣтеръ вслѣдствіе близости Карпатскихъ горъ: въ другихъ странахъ южные и юго-восточные вѣтры бываютъ обыкновенно теплые, тутъ же они охлаждаются, проносясь надъ снѣжными вершинами Карпатъ. Вторая причина—недоброкачественность воды: хотя въ Польшѣ достаточно хорошихъ источниковъ, но простой народъ пьетъ обыкновенно, не разбирая, воду изъ рѣкъ, озеръ и даже изъ стоячихъ прудовъ. Третья причина—крайняя нечистоплотность мѣстнаго населенія; опытъ показываетъ, что тѣ, кои болѣе заботятся о чистотѣ жилища и своего тѣла, менѣе подвержены заболѣванію колтуномъ. Люди привилегированнаго класса болѣютъ имъ менѣе, чѣмъ простой народъ, и жители большихъ городовъ менѣе, чѣмъ жители деревень, наконецъ жители Польши менѣе, нежели литовцы. Словомъ, эта болѣзнь, подобно проказѣ, свирѣпствуетъ среди людей мало свѣдущихъ въ медицинѣ и не заботящихся о томъ, чтобы пресѣчь ея распространеніе, и почти неизвѣстна въ странахъ, гдѣ противъ нея принимаютъ соотвѣтствующія мѣры.

---

[1]) Мы опускаемъ самое описаніе этой извѣстной у насъ болѣзни.

уваженіе, они кланялись намъ до земли и, снявъ шляпу или шапку, держали ее въ рукахъ до тѣхъ поръ, пока они не теряли насъ изъ вида; едва завидѣвъ нашу карету, они тотчасъ останавливали свои телѣги; словомъ, все ихъ поведеніе свидѣтельствовало о самомъ презрѣнномъ рабствѣ; между тѣмъ въ Польшѣ говорятъ о свободныхъ учрежденіяхъ не меньше, чѣмъ въ Швейцаріи. Но какъ различно они отразились на нравахъ этихъ двухъ странъ! Въ одной изъ нихъ свобода распространяется равномѣрно на всѣхъ гражданъ, служа источникомъ ихъ довольства и счастья, тогда какъ въ другой она распространяется лишь на немногихъ, являясь худшимъ изъ видовъ деспотизма.

Во время нашего путешествія по Польшѣ мы видѣли нѣсколько человѣкъ со всклокоченными волосами, которые страдали такъ называемой Plica Polonica (колтунъ), болѣзнью, названной такъ потому, что ее считаютъ болѣе всего свойственной Польшѣ, хотя она встрѣчается также въ Венгріи, Татаріи и нѣкоторыхъ другихъ сосѣднихъ странахъ [1]).

По наблюденіямъ швейцарскаго доктора Vicat, долгое время жившаго въ Польшѣ и написавшаго объ этой болѣзни обстоятельное изслѣдованіе (Mémoire sur la Plique polonaise), происхожденіе этой болѣзни вызвано главнымъ образомъ тремя причинами: во-первыхъ, многочисленными лѣсами и болотами, вслѣдствіе чего воздухъ слишкомъ сыръ и не особенно здоровъ; кромѣ того среди лѣта тутъ дуетъ иногда очень рѣзкій холодный вѣтеръ вслѣдствіе близости Карпатскихъ горъ: въ другихъ странахъ южные и юго-восточные вѣтры бываютъ обыкновенно теплые, тутъ же они охлаждаются, проносясь надъ снѣжными вершинами Карпатъ. Вторая причина—недоброкачественность воды: хотя въ Польшѣ достаточно хорошихъ источниковъ, но простой народъ пьетъ обыкновенно, не разбирая, воду изъ рѣкъ, озеръ и даже изъ стоячихъ прудовъ. Третья причина—крайняя нечистоплотность мѣстнаго населенія; опытъ показываетъ, что тѣ, кои болѣе заботятся о чистотѣ жилища и своего тѣла, менѣе подвержены заболѣванію колтуномъ. Люди привилегированнаго класса болѣютъ имъ менѣе, чѣмъ простой народъ, и жители большихъ городовъ менѣе, чѣмъ жители деревень, наконецъ жители Польши менѣе, нежели литовцы. Словомъ, эта болѣзнь, подобно проказѣ, свирѣпствуетъ среди людей мало свѣдущихъ въ медицинѣ и не заботящихся о томъ, чтобы пресѣчь ея распространеніе, и почти неизвѣстна въ странахъ, гдѣ противъ нея принимаютъ соотвѣтствующія мѣры.

---

[1]) Мы опускаемъ самое описаніе этой извѣстной у насъ болѣзни.

Болѣзнь эта не распространяется среди русскихъ вѣроятно благодаря тому, что они часто парятся въ банѣ.

V.

Переѣздъ черезъ границу Россіи.—Дешевизна почты.—Путь въ Смоленскъ.—Богослуженіе въ соборѣ.—Посѣщеніе епископа.—Обѣдъ у судьи.—Дальнѣйшій путь на Москву.—Крестьяне, ихъ одежда, избы пища и проч.

Мы въѣхали въ Россію 20 августа близъ небольшой деревушки Толицыно, которая принадлежала въ 1772 г. Польшѣ; но по надѣлу отошла къ Россіи.

Мы были крайне удивлены дешевизною тутъ почтовыхъ лошадей; когда слуга подалъ намъ счетъ и мы увидѣли, что онъ заплатилъ всего по двѣ копѣйки съ версты за лошадь, то если бы мы не знали характера русскихъ, которые не такъ - то легко дадутъ себя обмануть иностранцамъ, мы могли бы подумать, что онъ надулъ станціоннаго смотрителя. Впослѣдствіи мы узнали, что, взявъ отъ русскаго посланника въ Варшавѣ подорожную, мы могли платить вдвое дешевле.

Отъ Толицына, по новой Могилевской губерніи, шла прекрасная, довольно широкая дорога, обсаженная деревьями, съ канавами для стока воды. Миновавъ нѣсколько жалкихъ деревушекъ, мы переправились черезъ Днѣпръ у Орши и прибыли подъ вечеръ въ Лады. Отъ самаго Толицына началась холмистая мѣстность, богатая лѣсами; на поляхъ росла рожь, прсо, конопля, ленъ. Въ большихъ селахъ мы видали школы и другія казенныя постройки, также церкви съ колокольнями, для диссидентовъ.

Лады, Смоленской губерніи, до послѣдняго раздѣла было пограничнымъ русскимъ городомъ; мы остановились на почтовой станціи, гдѣ намъ отвели весьма приличную комнату. Станціонные дома на большихъ дорогахъ какъ нельзя лучше приспособлены для путешественниковъ: это обширныя квадратныя деревянныя строенія, съ большимъ дворомъ по серединѣ; въ главномъ флигелѣ отведено посреди нѣсколько комнатъ для путешественниковъ съ выходомъ во дворъ; остальная часть главнаго флигеля занята помѣщеніемъ станціоннаго смотрителя и его слугъ; въ остальномъ зданіи устроены конюшни и сараи для экипажей и сѣновалы. Мы были пріятно удивлены, встрѣтивъ въ этомъ захолустьи англійское пиво и еще болѣе, когда намъ подали ужинъ на посудѣ фабрики Wedgewood' а. Немалое удовольствіе было растянуться на совершенно чистой соломѣ, которой набили намъ постель.

Болѣзнь эта не распространяется среди русскихъ вѣроятно благодаря тому, что они часто парятся въ банѣ.

V.

Переѣздъ черезъ границу Россіи.—Дешевизна почты.—Путь въ Смоленскъ.—Богослуженіе въ соборѣ.—Посѣщеніе епископа.—Обѣдъ у судьи.—Дальнѣйшій путь на Москву.—Крестьяне, ихъ одежда, избы пища и проч.

Мы въѣхали въ Россію 20 августа близъ небольшой деревушки Толицыно, которая принадлежала въ 1772 г. Польшѣ; но по надѣлу отошла къ Россіи.

Мы были крайне удивлены дешевизною тутъ почтовыхъ лошадей; когда слуга подалъ намъ счетъ и мы увидѣли, что онъ заплатилъ всего по двѣ копѣйки съ версты за лошадь, то если бы мы не знали характера русскихъ, которые не такъ-то легко дадутъ себя обмануть иностранцамъ, мы могли бы подумать, что онъ надулъ станціоннаго смотрителя. Впослѣдствіи мы узнали, что, взявъ отъ русскаго посланника въ Варшавѣ подорожную, мы могли платить вдвое дешевле.

Отъ Толицына, по новой Могилевской губерніи, шла прекрасная, довольно широкая дорога, обсаженная деревьями, съ канавами для стока воды. Миновавъ нѣсколько жалкихъ деревушекъ, мы переправились черезъ Днѣпръ у Орши и прибыли подъ вечеръ въ Лады. Отъ самаго Толицына началась холмистая мѣстность, богатая лѣсами; на поляхъ росла рожь, прсео, конопля, ленъ. Въ большихъ селахъ мы видали школы и другія казенныя постройки, также церкви съ колокольнями, для диссидентовъ.

Лады, Смоленской губерніи, до послѣдняго раздѣла было пограничнымъ русскимъ городомъ; мы остановились на почтовой станціи, гдѣ намъ отвели весьма приличную комнату. Станціонные дома на большихъ дорогахъ какъ нельзя лучше приспособлены для путешественниковъ: это обширныя квадратныя деревянныя строенія, съ большимъ дворомъ по серединѣ; въ главномъ флигелѣ отведено посреди нѣсколько комнатъ для путешественниковъ съ выходомъ во дворъ; остальная часть главнаго флигеля занята помѣщеніемъ станціоннаго смотрителя и его слугъ; въ остальномъ зданіи устроены конюшни и сараи для экипажей и сѣновалы. Мы были пріятно удивлены, встрѣтивъ въ этомъ захолустьи англійское пиво и еще болѣе, когда намъ подали ужинъ на посудѣ фабрики Wedgewood' а. Немалое удовольствіе было растянуться на совершенно чистой соломѣ, которой набили намъ постель.

Потребовавъ на утро счетъ, мы нашли, что онъ былъ написанъ такъ же добросовѣстно, какъ добросовѣстно было все остальное. Удовольствіе, которое мы выразили по этому поводу письмоводителю (самого станціоннаго смотрителя не было дома), дало ему видимо поводъ думать, что насъ легко можно надуть. До слѣдующей станціи было 10 миль, а онъ потребовалъ съ насъ втрое больше установленной таксы подъ предлогомъ, что у насъ нѣтъ подорожной. Когда мы выразили удивленіе по поводу столь высокой платы, то на наше замѣчаніе, сказанное въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ, онъ отвѣчалъ грубо и высокомѣрно, приказалъ отвести лошадей обратно въ конюшню и заявилъ рѣшительно, что мы не уѣдемъ до тѣхъ поръ, пока не уплатимъ требуемой суммы. Хотя мы заплатили бы все, что онъ хотѣлъ, если бы онъ только былъ маломальски вѣжливъ, но тутъ мы рѣшили проучить его за дерзость и отправились къ директору таможни; на наше счастье оказалось, что онъ говорилъ по-нѣмецки; выслушавъ насъ, онъ заявилъ, что письмоводитель требовалъ съ насъ втрое больше, чѣмъ слѣдовало; что это сейчасъ будетъ выяснено, и письмоводитель будетъ наказанъ. Пославъ сторожа, которому онъ что-то шепнулъ на ухо, онъ попросилъ насъ обождать и предложилъ намъ кофе. Пока мы пили его, онъ сообщилъ намъ разныя свѣдѣнія о русской почтѣ и далъ намъ кое-какія указанія, которыя намъ впослѣдствіи очень пригодились; между прочимъ посовѣтовалъ намъ запастить у смоленскаго губернатора подорожной. Въ это время, къ воротамъ подъѣхалъ экипажъ; оказалось, что это была наша дорожная карета, и въ ней уже были уложены всѣ наши вещи: въ ту же минуту вышелъ письмоводитель и сталъ въ почтительной позѣ; мы просили директора не наказывать его, и онъ обѣщалъ намъ ограничиться выговоромъ. Поблагодаривъ его за любезность, мы простились и продолжали нашъ путь, но были весьма огорчены, увидавъ, что прекрасное новое шоссе шло только до Лады. Мѣстность была холмистая; не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до Смоленска, начался густой лѣсъ, который тянется до самаго города; проѣзжая этимъ лѣсомъ, мы не видѣли ни одной деревушки и почти никакого жилья.

Смоленскъ, принадлежавшій нѣкогда русскимъ, былъ осажденъ въ 1463 г. и взятъ Витольдомъ и присоединенъ вмѣстѣ со всей округой къ Литвѣ. Во время долголѣтней вражды, существовавшей между русскими и поляками, эта крѣпость играла видную роль; хотя всѣ ея укрѣпленія состояли только изъ земляныхъ валовъ и рвовъ, небольшой деревянной стѣны и деревянной же крѣпостцы, но этихъ укрѣпленій было вполнѣ достаточно, чтобы отражать нападенія недисциплинированныхъ войскъ; русскіе безуспѣшно осаждали

Потребовавъ на утро счетъ, мы нашли, что онъ былъ написанъ такъ же добросовѣстно, какъ добросовѣстно было все остальное. Удовольствіе, которое мы выразили по этому поводу письмоводителю (самого станціоннаго смотрителя не было дома), дало ему видимо поводъ думать, что насъ легко можно надуть. До слѣдующей станціи было 10 миль, а онъ потребовалъ съ насъ втрое больше установленной таксы подъ предлогомъ, что у насъ нѣтъ подорожной. Когда мы выразили удивленіе по поводу столь высокой платы, то на наше замѣчаніе, сказанное въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ, онъ отвѣчалъ грубо и высокомѣрно, приказалъ отвести лошадей обратно въ конюшню и заявилъ рѣшительно, что мы не уѣдемъ до тѣхъ поръ, пока не уплатимъ требуемой суммы. Хотя мы заплатили бы все, что онъ хотѣлъ, если бы онъ только былъ маломальски вѣжливъ, но тутъ мы рѣшили проучить его за дерзость и отправились къ директору таможни; на наше счастье оказалось, что онъ говорилъ по-нѣмецки; выслушавъ насъ, онъ заявилъ, что письмоводитель требовалъ съ насъ втрое больше, чѣмъ слѣдовало; что это сейчасъ будетъ выяснено, и письмоводитель будетъ наказанъ. Пославъ сторожа, которому онъ что-то шепнулъ на ухо, онъ попросилъ насъ обождать и предложилъ намъ кофе. Пока мы пили его, онъ сообщилъ намъ разныя свѣдѣнія о русской почтѣ и далъ намъ кое-какія указанія, которыя намъ впослѣдствіи очень пригодились; между прочимъ посовѣтовалъ намъ запастить у смоленскаго губернатора подорожной. Въ это время, къ воротамъ подъѣхалъ экипажъ; оказалось, что это была наша дорожная карета, и въ ней уже были уложены всѣ наши вещи: въ ту же минуту вышелъ письмоводитель и сталъ въ почтительной позѣ; мы просили директора не наказывать его, и онъ обѣщалъ намъ ограничиться выговоромъ. Поблагодаривъ его за любезность, мы простились и продолжали нашъ путь, но были весьма огорчены, увидавъ, что прекрасное новое шоссе шло только до Лады. Мѣстность была холмистая; не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до Смоленска, начался густой лѣсъ, который тянется до самаго города; проѣзжая этимъ лѣсомъ, мы не видѣли ни одной деревушки и почти никакого жилья.

Смоленскъ, принадлежавшій нѣкогда русскимъ, былъ осажденъ въ 1463 г. и взятъ Витольдомъ и присоединенъ вмѣстѣ со всей округой къ Литвѣ. Во время долголѣтней вражды, существовавшей между русскими и поляками, эта крѣпость играла видную роль; хотя всѣ ея укрѣпленія состояли только изъ земляныхъ валовъ и рвовъ, небольшой деревянной стѣны и деревянной же крѣпостцы, но этихъ укрѣпленій было вполнѣ достаточно, чтобы отражать нападенія недисциплинированныхъ войскъ; русскіе безуспѣшно осаждали

ее нѣсколько разъ; наконецъ, въ XVI вѣкѣ великій князь Василій Ивановичъ овладѣлъ Смоленскомъ, подкупивъ гарнизонъ. Болѣе ста лѣтъ укрѣпленія Смоленска оставались въ такомъ же первобытномъ состояніи. Наконецъ, важное значеніе этой крѣпости, стоявшей у самой границы Польши, и успѣхи, сдѣланные въ военномъ дѣлѣ, побудили Бориса Годунова обнести его каменной стѣной и укрѣпить: онъ самъ отправился въ Смоленскъ, гдѣ подъ его личнымъ наблюденіемъ была набросана профиль укрѣпленій, которыя были достроены въ его царствованіе. Въ 1611 г. Смоленскъ былъ взятъ польскимъ королемъ Сигизмундомъ III и достался Польшѣ по Деулинскому миру. Въ 1654 г. онъ былъ завоеванъ обратно Асексѣемъ Михайловичемъ и уступленъ окончательно Россіи по мирному договору, заключенному въ 1686 г.

Смоленскъ отнюдь не самый красивый, но несомнѣнно самый оргинальный изъ видѣнныхъ мною когда-либо городовъ. Онъ расположенъ на берегу Днѣпра на двухъ холмахъ и въ лежащей между ними долинѣ и обнесенъ стѣнами, высотою въ 30 и шириною въ 15 футъ; нижняя часть ихъ каменная, верхняя кирпичная; эти стѣны слѣдуютъ рельефу холмовъ и тянутся въ общей сложности на семь верстъ; на каждомъ углу, образуемомъ ими, стоитъ круглая или четыреугольная башня въ два или три этажа, шире наверху, нежели внизу, и покрытая круглой деревянной крышей. Въ промежуткахъ находятся башни меньшихъ размѣровъ; съ наружной стороны стѣна окружена широкимъ и глубокимъ рвомъ, траверсами и гласисами, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ почва повышается, возведены редуты по всѣмъ правиламъ современной науки. Посреди города, на холмѣ, стоитъ соборъ; оттуда открывается живописный видъ на городъ, обнесенный стѣнами съ посадами, рощицами, лугами и полями.

Зданія въ Смоленскѣ по большей части деревянныя, одноэтажныя; изрѣдка попадется какой-нибудь помѣщичій домъ; но есть нѣсколько каменныхъ, оштукатуренныхъ церквей. Вдоль всего города идетъ прямая, широкая, мощеная улица; прочія улицы расходятся отъ нея по разнымъ направленіямъ и замощены досками. Городскія стѣны, которыя тянутся по склонамъ холмовъ къ берегу Днѣпра, ихъ старинная архитектура и уморительныя башни, колокольни церквей, торчащія изъ-за деревьевъ, кокорыхъ такъ много, что за ними почти не видно зданій; тутъ же рядомъ луга и воздѣланныя поля—все это вмѣстѣ взятое представляетъ самое оригинальное и разнообразное зрѣлище. По ту сторону рѣки тянется предмѣстье съ деревянными домами, соединенное съ городомъ деревяннымъ мостомъ. Насколько я могъ узнать изъ разспросовъ, въ Смоленскѣ 4 т. жителей; въ городѣ нѣтъ заводовъ, но онъ ведетъ торговлю съ

ее нѣсколько разъ; наконецъ, въ XVI вѣкѣ великій князь Василій Ивановичъ овладѣлъ Смоленскомъ, подкупивъ гарнизонъ. Болѣе ста лѣтъ укрѣпленія Смоленска оставались въ такомъ же первобытномъ состояніи. Наконецъ, важное значеніе этой крѣпости, стоявшей у самой границы Польши, и успѣхи, сдѣланные въ военномъ дѣлѣ, побудили Бориса Годунова обнести его каменной стѣной и укрѣпить: онъ самъ отправился въ Смоленскъ, гдѣ подъ его личнымъ наблюденіемъ была набросана профиль укрѣпленій, которыя были достроены въ его царствованіе. Въ 1611 г. Смоленскъ былъ взятъ польскимъ королемъ Сигизмундомъ III и достался Польшѣ по Деулинскому миру. Въ 1654 г. онъ былъ завоеванъ обратно Асексѣемъ Михайловичемъ и уступленъ окончательно Россіи по мирному договору, заключенному въ 1686 г.

Смоленскъ отнюдь не самый красивый, но несомнѣнно самый оргинальный изъ видѣнныхъ мною когда-либо городовъ. Онъ расположенъ на берегу Днѣпра на двухъ холмахъ и въ лежащей между ними долинѣ и обнесенъ стѣнами, высотою въ 30 и шириною въ 15 футъ; нижняя часть ихъ каменная, верхняя кирпичная; эти стѣны слѣдуютъ рельефу холмовъ и тянутся въ общей сложности на семь верстъ; на каждомъ углу, образуемомъ ими, стоитъ круглая или четыреугольная башня въ два или три этажа, шире наверху, нежели внизу, и покрытая круглой деревянной крышей. Въ промежуткахъ находятся башни меньшихъ размѣровъ; съ наружной стороны стѣна окружена широкимъ и глубокимъ рвомъ, траверсами и глассисами, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ почва повышается, возведены редуты по всѣмъ правиламъ современной науки. Посреди города, на холмѣ, стоитъ соборъ; оттуда открывается живописный видъ на городъ, обнесенный стѣнами съ посадами, рощицами, лугами и полями.

Зданія въ Смоленскѣ по большей части деревянныя, одноэтажныя; изрѣдка попадется какой-нибудь помѣщичій домъ; но есть нѣсколько каменныхъ, оштукатуренныхъ церквей. Вдоль всего города идетъ прямая, широкая, мощеная улица; прочія улицы расходятся отъ нея по разнымъ направленіямъ и замощены досками. Городскія стѣны, которыя тянутся по склонамъ холмовъ къ берегу Днѣпра, ихъ старинная архитектура и уморительныя башни, колокольни церквей, торчащія изъ-за деревьевъ, кокорыхъ такъ много, что за ними почти не видно зданій; тутъ же рядомъ луга и воздѣланныя поля—все это вмѣстѣ взятое представляетъ самое оригинальное и разнообразное зрѣлище. По ту сторону рѣки тянется предмѣстье съ деревянными домами, соединенное съ городомъ деревяннымъ мостомъ. Насколько я могъ узнать изъ разспросовъ, въ Смоленскѣ 4 т. жителей; въ городѣ нѣтъ заводовъ, но онъ ведетъ торговлю съ

Украйной, Данцигомъ и Ригой. Главные предметы вывоза составляютъ: ленъ, пенька, медъ, воскъ, кожи, свиная щетина, мачтовый лѣсъ, доски и сибирскіе мѣха.

Желая получить паспортъ и подорожную, мы отправились къ губернатору вмѣстѣ съ однимъ русскимъ студентомъ, который говорилъ по-латыни и согласился быть нашимъ переводчикомъ. Такъ какъ губернаторъ былъ въ церкви, то мы отправились въ соборъ и обождали конца службы. Соборъ—красивое зданіе, построенное на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ нѣкогда дворецъ смоленскихъ князей.

Богослуженіе совершалъ епископъ смоленскій, почтенный старецъ съ длинными сѣдыми волосами и бородою.

Подъ конецъ службы, мы представились губернатору, который, къ нашему удивленію, отнеся къ намъ очень холодно, и это произвело на нашего переводчика такое сильное впечатлѣніе, что онъ не могъ произнести ни слова. Наконецъ, кто-то изъ лицъ, бывшихъ съ губернаторомъ, обратился къ намъ по-французски и спросилъ, что намъ надо. Когда мы отвѣчали, что мы англійскіе дворяне и желаемъ получить паспортъ и подорожную, то онъ замѣтилъ съ улыбкой, что по простотѣ нашей одежды насъ приняли за купцовъ, но онъ знаетъ, что англичане рѣдко носятъ въ дорогѣ кружева и шпаги. Затѣмъ онъ что-то шепнулъ губернатору, который съ самымъ любезнымъ видомъ выразилъ готовность удовлетворить нашу просьбу.

Когда это было улажено, къ намъ подошелъ епископъ, успѣвшій уже разоблачиться. Онъ обратился къ намъ на латинскомъ языкѣ и пригласилъ насъ къ себѣ. Онъ пошелъ впередъ, а мы послѣдовали за нимъ въ просторный деревянный домъ, стоявшій подлѣ собора. Войдя въ домъ, губернаторъ и прочіе русскіе почтительно поцѣловали епископу руку. Пригласивъ всѣхъ сѣсть, онъ оказалъ намъ особые знаки вниманія и любезно замѣтилъ, что наше посѣщеніе доставляетъ ему большое удовольствіе, такъ какъ со времени его пребыванія въ Смоленскѣ его не посѣтилъ еще ни одинъ англичанинъ, а онъ очень уважаетъ англійскую націю. Въ то время какъ мы бесѣдовали, слуга накрылъ скатертью небольшой столикъ и поставилъ на него тарелку съ хлѣбомъ и солью и цвѣты; другой слуга внесъ подносъ съ рюмками, въ которыхъ была налита какая-то прозрачная жидкость. Епископъ торжественно благословилъ хлѣбъ и подносъ и взялъ стаканъ; мы приняли это сначала за религіозный обрядъ и были удивлены, когда слуга поднесъ хлѣбъ и подносъ намъ и всѣмъ остальнымъ. Когда всѣхъ обнесли, епископъ выпилъ за здоровье присутствовавшихъ, на что всѣ отвѣчали поклономъ и немед-

Украйной, Данцигомъ и Ригой. Главные предметы вывоза составляютъ: ленъ, пенька, медъ, воскъ, кожи, свиная щетина, мачтовый лѣсъ, доски и сибирскіе мѣха.

Желая получить паспортъ и подорожную, мы отправились къ губернатору вмѣстѣ съ однимъ русскимъ студентомъ, который говорилъ по-латыни и согласился быть нашимъ переводчикомъ. Такъ какъ губернаторъ былъ въ церкви, то мы отправились въ соборъ и обождали конца службы. Соборъ—красивое зданіе, построенное на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ нѣкогда дворецъ смоленскихъ князей.

Богослуженіе совершалъ епископъ смоленскій, почтенный старецъ съ длинными сѣдыми волосами и бородою.

Подъ конецъ службы, мы представились губернатору, который, къ нашему удивленію, отнеся къ намъ очень холодно, и это произвело на нашего переводчика такое сильное впечатлѣніе, что онъ не могъ произнести ни слова. Наконецъ, кто-то изъ лицъ, бывшихъ съ губернаторомъ, обратился къ намъ по-французски и спросилъ, что намъ надо. Когда мы отвѣчали, что мы англійскіе дворяне и желаемъ получить паспортъ и подорожную, то онъ замѣтилъ съ улыбкой, что по простотѣ нашей одежды насъ приняли за купцовъ, но онъ знаетъ, что англичане рѣдко носятъ въ дорогѣ кружева и шпаги. Затѣмъ онъ что-то шепнулъ губернатору, который съ самымъ любезнымъ видомъ выразилъ готовность удовлетворить нашу просьбу.

Когда это было улажено, къ намъ подошелъ епископъ, успѣвшій уже разоблачиться. Онъ обратился къ намъ на латинскомъ языкѣ и пригласилъ насъ къ себѣ. Онъ пошелъ впередъ, а мы послѣдовали за нимъ въ просторный деревянный домъ, стоявшій подлѣ собора. Войдя въ домъ, губернаторъ и прочіе русскіе почтительно поцѣловали епископу руку. Пригласивъ всѣхъ сѣсть, онъ оказалъ намъ особые знаки вниманія и любезно замѣтилъ, что наше посѣщеніе доставляетъ ему большое удовольствіе, такъ какъ со времени его пребыванія въ Смоленскѣ его не посѣтилъ еще ни одинъ англичанинъ, а онъ очень уважаетъ англійскую націю. Въ то время какъ мы бесѣдовали, слуга накрылъ скатертью небольшой столикъ и поставилъ на него тарелку съ хлѣбомъ и солью и цвѣты; другой слуга внесъ подносъ съ рюмками, въ которыхъ была налита какая-то прозрачная жидкость. Епископъ торжественно благословилъ хлѣбъ и подносъ и взялъ стаканъ; мы приняли это сначала за религіозный обрядъ и были удивлены, когда слуга поднесъ хлѣбъ и подносъ намъ и всѣмъ остальнымъ. Когда всѣхъ обнесли, епископъ выпилъ за здоровье присутствовавшихъ, на что всѣ отвѣчали поклономъ и немед-

ленно осушили свои стаканы; мы послѣдовали ихъ примѣру; напитокъ оказался вишневой наливкой.

Когда эта церемонія окончилась, мы продолжали бесѣдовать съ епископомъ и предложили ему нѣсколько вопросовъ касательно исторіи Смоленска. Онъ отвѣчалъ на всѣ вопросы чрезвычайно охотно; сдѣлалъ краткій очеркъ состоянія города при смоленскихъ князьяхъ, разсказалъ намъ, что соборъ стоитъ на мѣстѣ ихъ дворца; недавно перестроенъ и отдѣланъ. Побесѣдовавъ съ полчаса, мы простились, весьма довольные любезностью епископа.

Нашъ проводникъ повелъ насъ въ духовную семинарію, гдѣ преподаются языки: латинскій, греческій, нѣмецкій и польскій; священникъ, показывавшій намъ библіотеку, говорилъ по-латыни; онъ пригласилъ насъ въ свою комнату и согласно правиламъ русскаго гостепріимства угостилъ насъ печеньемъ и медомъ.

Послѣ полудня насъ посѣтилъ тотъ господинъ, который вывелъ насъ изъ затрудненія, когда мы представлялись губернатору, и пригласилъ насъ отобѣдать у него на слѣдующій день. Мы приняли приглашеніе и явились къ нему къ двумъ часамъ,—обычный у русскихъ часъ обѣда; это былъ судья и жилъ въ казенномъ деревянномъ домѣ; комнаты у него были небольшія, но хорошо убранныя. За столъ сѣлъ судья, его жена и сестра; всѣ они говорили по-французски; дамы были одѣты по французской модѣ и очень нарумянены; онѣ не дѣлали реверанса, но низко кланялись. Передъ обѣдомъ была подана водка; дами выпили по маленькой рюмочкѣ и совѣтовали намъ сдѣлать то же для пищеваренія. Столъ былъ сервированъ прекрасно, обѣдъ былъ превосходный и поданъ на англійскомъ сервизѣ молочнаго цвѣта. Кромѣ жаренаго кускомъ мяса и вареной говядины было подано нѣсколько чисто русскихъ блюдъ, между прочимъ грибной салатъ съ лукомъ. Передъ тѣмъ какъ встать изъ-за стола, нашъ хозяинъ приказалъ подать большой кубокъ, налилъ его шампанскимъ, отпилъ изъ него и предложилъ намъ выпить въ круговую. „Это старинный обычай“, сказалъ онъ, „и считается знакомъ почета; теперь все дѣлается изысканнѣе, и широкое гостепріимство стѣсняется церемоннымъ обхожденіемъ, но я человѣкъ стараго закала и не могу отказаться отъ обычая, который соблюдался въ дни моей молодости“.

Послѣ обѣда мы перешли въ другую комнату и сыграли два или три роббера въ вистъ. Намъ подавали чай, кофе и лакомства. Въ шесть часовъ мы простились съ нашимъ гостепріимнымъ хозяиномъ и возвратились въ гостиницу, если только наше помѣщеніе достойно этого названія. Эта гостиница—единственная въ городѣ, представляла изъ себя деревянное полуразвалившееся зданіе, когда-

ленно осушили свои стаканы; мы послѣдовали ихъ примѣру; напитокъ оказался вишневой наливкой.

Когда эта церемонія окончилась, мы продолжали бесѣдовать съ епископомъ и предложили ему нѣсколько вопросовъ касательно исторіи Смоленска. Онъ отвѣчалъ на всѣ вопросы чрезвычайно охотно; сдѣлалъ краткій очеркъ состоянія города при смоленскихъ князьяхъ, разсказалъ намъ, что соборъ стоитъ на мѣстѣ ихъ дворца; недавно перестроенъ и отдѣланъ. Побесѣдовавъ съ полчаса, мы простились, весьма довольные любезностью епископа.

Нашъ проводникъ повелъ насъ въ духовную семинарію, гдѣ преподаются языки: латинскій, греческій, нѣмецкій и польскій; священникъ, показывавшій намъ библіотеку, говорилъ по-латыни; онъ пригласилъ насъ въ свою комнату и согласно правиламъ русскаго гостепріимства угостилъ насъ печеньемъ и медомъ.

Послѣ полудня насъ посѣтилъ тотъ господинъ, который вывелъ насъ изъ затрудненія, когда мы представлялись губернатору, и пригласилъ насъ отобѣдать у него на слѣдующій день. Мы приняли приглашеніе и явились къ нему къ двумъ часамъ,—обычный у русскихъ часъ обѣда; это былъ судья и жилъ въ казенномъ деревянномъ домѣ; комнаты у него были небольшія, но хорошо убранныя. За столъ сѣлъ судья, его жена и сестра; всѣ они говорили по-французски; дамы были одѣты по французской модѣ и очень нарумянены; онѣ не дѣлали реверанса, но низко кланялись. Передъ обѣдомъ была подана водка; дами выпили по маленькой рюмочкѣ и совѣтовали намъ сдѣлать то же для пищеваренія. Столъ былъ сервированъ прекрасно, обѣдъ былъ превосходный и поданъ на англійскомъ сервизѣ молочнаго цвѣта. Кромѣ жаренаго кускомъ мяса и вареной говядины было подано нѣсколько чисто русскихъ блюдъ, между прочимъ грибной салатъ съ лукомъ. Передъ тѣмъ какъ встать изъ-за стола, нашъ хозяинъ приказалъ подать большой кубокъ, налилъ его шампанскимъ, отпилъ изъ него и предложилъ намъ выпить въ круговую. „Это старинный обычай“, сказалъ онъ, „и считается знакомъ почета; теперь все дѣлается изысканнѣе, и широкое гостепріимство стѣсняется церемоннымъ обхожденіемъ, но я человѣкъ стараго закала и не могу отказаться отъ обычая, который соблюдался въ дни моей молодости“.

Послѣ обѣда мы перешли въ другую комнату и сыграли два или три робберта въ вистъ. Намъ подавали чай, кофе и лакомства. Въ шесть часовъ мы простились съ нашимъ гостепріимнымъ хозяиномъ и возвратились въ гостиницу, если только наше помѣщеніе достойно этого названія. Эта гостиница—единственная въ городѣ, представляла изъ себя деревянное полуразвалившееся зданіе, когда-

то выкрашенное снаружи. Комната, которую мы занимали, была когда-то оклеена обоями, остатки которыхъ виднѣлись еще кое-гдѣ на стѣнахъ. Вся меблировка состояла изъ двухъ скамеекъ и столькихъ же стульевъ, изъ коихъ одинъ былъ безъ сидѣнья, а другой безъ спинки; столомъ служилъ намъ ящикъ изъ-подъ товара. Можно было подумать, что воздухъ и свѣтъ обложены тутъ огромной пошлиной, такъ какъ всѣ окна были забиты досками, за исключеніемъ одного, которое не было возможности открыть и черезъ которое едва проникалъ свѣтъ, такъ какъ оно было густо покрыто грязью. Я забылъ упомянуть о кушеткѣ, на которой я спалъ: на ней было такъ много заплатъ, что трудно было рѣшить, чѣмъ она была первоначально обита. Можетъ показаться страннымъ, что въ такомъ городѣ, какъ Смоленскъ, нѣтъ сносной гостиницы: въ сущности это неудивительно, такъ какъ туда пріѣзжаетъ весьма мало иностранцевъ, русскіе же возятъ обыкновенно съ собою ѣду и либо ѣдутъ, не останавливаясь, ночью, либо останавливаются въ частныхъ домахъ.

25 августа. Оставивъ Смоленскъ, мы переѣхали по деревянному мосту на другую сторону рѣки; дорога шла далѣе по красивой равнинѣ, орошаемой Днѣпромъ и поросшей кустарниками; мѣстность становилась холмистѣе, но болѣе или менѣе высокихъ холмовъ не было видно. Близъ слободы,—большого села, гдѣ мы остановились на нѣсколько часовъ до разсвѣта, мы снова переправились черезъ Днѣпръ на паромѣ, сколоченномъ изъ бревенъ, который былъ настолько узокъ, что наша карета едва помѣстилась на немъ, при чемъ онъ погрузился подъ ея тяжестью на нѣсколько дюймовъ въ воду; этотъ паромъ отталкивали отъ берега баграми до тѣхъ поръ, пока онъ не подошелъ къ другому, такому же парому или плоту, на который наши лошади перебрались съ трудомъ; разстояніе между обоими паромами было столь значительно, что карета едва не попала въ воду.

Ближайшей почтовой станціей послѣ этого первобытнаго парома былъ Дорогобужъ, стоящій подобно Смоленску на холмѣ, хотя не столь высокомъ; онъ представляетъ также собраніе церквей, домовъ, лачугъ, полей и луговъ; нѣкоторые каменные и отштукатуренные дома, построенные недавно на счетъ казны, походили на дворцы по сравненію съ окружавшими ихъ убогими строеніями. Это была въ прежнее время сильная крѣпость, неоднократно подвергавшаяся осадѣ во время войнъ Россіи съ Польшей. Со стѣнъ старинной крѣпости предъ нами открылся обширный видъ на окрестную равнину, орошаемую извивающимся по ней Днѣпромъ и холмами на горизонтѣ. Проѣхавъ отъ Дорогобужа 24 мили, мы переночевали

то выкрашенное снаружи. Комната, которую мы занимали, была когда-то оклеена обоями, остатки которыхъ виднѣлись еще кое-гдѣ на стѣнахъ. Вся меблировка состояла изъ двухъ скамеекъ и столькихъ же стульевъ, изъ коихъ одинъ былъ безъ сидѣнья, а другой безъ спинки; столомъ служилъ намъ ящикъ изъ-подъ товара. Можно было подумать, что воздухъ и свѣтъ обложены тутъ огромной пошлиной, такъ какъ всѣ окна были забиты досками, за исключеніемъ одного, которое не было возможности открыть и черезъ которое едва проникалъ свѣтъ, такъ какъ оно было густо покрыто грязью. Я забылъ упомянуть о кушеткѣ, на которой я спалъ: на ней было такъ много заплатъ, что трудно было рѣшить, чѣмъ она была первоначально обита. Можетъ показаться страннымъ, что въ такомъ городѣ, какъ Смоленскъ, нѣтъ сносной гостиницы: въ сущности это неудивительно, такъ какъ туда пріѣзжаетъ весьма мало иностранцевъ, русскіе же возятъ обыкновенно съ собою ѣду и либо ѣдутъ, не останавливаясь, ночью, либо останавливаются въ частныхъ домахъ.

25 августа. Оставивъ Смоленскъ, мы переѣхали по деревянному мосту на другую сторону рѣки; дорога шла далѣе по красивой равнинѣ, орошаемой Днѣпромъ и поросшей кустарниками; мѣстность становилась холмистѣе, но болѣе или менѣе высокихъ холмовъ не было видно. Близъ слободы,—большого села, гдѣ мы остановились на нѣсколько часовъ до разсвѣта, мы снова переправились черезъ Днѣпръ на паромѣ, сколоченномъ изъ бревенъ, который былъ настолько узокъ, что наша карета едва помѣстилась на немъ, при чемъ онъ погрузился подъ ея тяжестью на нѣсколько дюймовъ въ воду; этотъ паромъ отталкивали отъ берега баграми до тѣхъ поръ, пока онъ не подошелъ къ другому, такому же парому или плоту, на который наши лошади перебрались съ трудомъ; разстояніе между обоими паромами было столь значительно, что карета едва не попала въ воду.

Ближайшей почтовой станціей послѣ этого первобытнаго парома былъ Дорогобужъ, стоящій подобно Смоленску на холмѣ, хотя не столь высокомъ; онъ представляетъ также собраніе церквей, домовъ, лачугъ, полей и луговъ; нѣкоторые каменные и отштукатуренные дома, построенные недавно на счетъ казны, походили на дворцы по сравненію съ окружавшими ихъ убогими строеніями. Это была въ прежнее время сильная крѣпость, неоднократно подвергавшаяся осадѣ во время войнъ Россіи съ Польшей. Со стѣнъ старинной крѣпости предъ нами открылся обширный видъ на окрестную равнину, орошаемую извивающимся по ней Днѣпромъ и холмами на горизонтѣ. Проѣхавъ отъ Дорогобужа 24 мили, мы переночевали

въ маленькой деревушкѣ и были очень счастливы, что намъ удалось найти приличную избу, гдѣ намъ дали комнату отдѣльную отъ общей горницы, гдѣ помѣщалась вся семья—удобство, которое здѣсь рѣдко встрѣчается. Наша хозяйка совсѣмъ походила на азіатку: на ней была надѣта синяя безрукавка, доходившая до колѣнъ и подпоясанная красивымъ кушакомъ; на головѣ былъ намотанъ кусокъ бѣлой матеріи въ родѣ чалмы; серьги и ожерелье были изъ бусъ; что-то въ родѣ туфель было привязано къ ногамъ синяго цвѣта завязками; такими же завязками поддерживались грубыя холщевыя тряпки, замѣнявшія ей чулки.

27 августа. Дальнѣйшій нашъ путь до Вязьмы шелъ лѣсомъ, изрѣдка прерываемымъ полями и лугами. Вспомнивъ, что мы находились подъ 55^0 с. ш., мы были удивлены, что жатва была уже собрана, что рожь и ячмень были уже сняты; и что уже шла уборка овса и проса. Съ нашего отъѣзда изъ Смоленска стало очень холодно; дулъ такой холодный вѣтеръ, какъ въ ноябрѣ: всѣ крестьяне были въ тулупахъ.

Подъѣзжая къ Вязьмѣ, мы переѣхали рѣчку того же названія, впадающую въ Днѣпръ, по которой можно только сплавлять плоты, и поднявшись въ гору, увидѣли передъ собою городъ съ его колокольнями и куполами церквей, которые торчали изъ-за деревьевъ. Вязьма раскинулась на большое пространство; большая часть городскихъ зданій—деревянныя; только за послѣднее время построено нѣсколько каменныхъ домовъ на деньги, ассигнованныя императрицею. Мостовая на главныхъ улицахъ бревенчатая; на нѣкоторыхъ улицахъ вмѣсто тротуаровъ сдѣланы мостки. Въ Вязьмѣ болѣе двадцати церквей; это очень много для столь мало населеннаго города. Церкви во всѣхъ маленькихъ городахъ и селахъ украшены нѣсколькими главами или куполами; стѣны ихъ снаружи либо выбѣлены, либо выкрашены красной краской, а купола по большей части зеленые. Подъѣзжая къ какому-нибудь городу и завидѣвъ большое число колоколенъ и куполовъ, торчащихъ надъ деревьями, путешественникъ, незнакомый съ этой страною, думаетъ увидѣть большой городъ, на самомъ дѣлѣ находитъ нѣсколько деревянныхъ лачугъ.

Въ Вязьмѣ былъ заключенъ въ 1634 г. вѣчный миръ между королемъ польскимъ Владиславомъ IV и царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, коимъ Михаилъ подтвердилъ права Польши на владѣніе Смоленскомъ и Черниговомъ, уступленными ей по Деулинскому договору, а Владиславъ отказался отъ царскаго титула и призналъ права Михаила Ѳеодоровича на престолъ. Такимъ образомъ оба монарха отказались отъ того, что имъ не принадлежало, и благо-

въ маленькой деревушкѣ и были очень счастливы, что намъ удалось найти приличную избу, гдѣ намъ дали комнату отдѣльную отъ общей горницы, гдѣ помѣщалась вся семья—удобство, которое здѣсь рѣдко встрѣчается. Наша хозяйка совсѣмъ походила на азіатку: на ней была надѣта синяя безрукавка, доходившая до колѣнъ и подпоясанная красивымъ кушакомъ; на головѣ былъ намотанъ кусокъ бѣлой матеріи въ родѣ чалмы; серьги и ожерелье были изъ бусъ; что-то въ родѣ туфель было привязано къ ногамъ синяго цвѣта завязками; такими же завязками поддерживались грубыя холщевыя тряпки, замѣнявшія ей чулки.

27 августа. Дальнѣйшій нашъ путь до Вязьмы шелъ лѣсомъ, изрѣдка прерываемымъ полями и лугами. Вспомнивъ, что мы находились подъ 55° с. ш., мы были удивлены, что жатва была уже собрана, что рожь и ячмень были уже сняты; и что уже шла уборка овса и проса. Съ нашего отъѣзда изъ Смоленска стало очень холодно; дулъ такой холодный вѣтеръ, какъ въ ноябрѣ: всѣ крестьяне были въ тулупахъ.

Подъѣзжая къ Вязьмѣ, мы переѣхали рѣчку того же названія, впадающую въ Днѣпръ, по которой можно только сплавлять плоты, и поднявшись въ гору, увидѣли передъ собою городъ съ его колокольнями и куполами церквей, которые торчали изъ-за деревьевъ. Вязьма раскинулась на большое пространство; большая часть городскихъ зданій—деревянныя; только за послѣднее время построено нѣсколько каменныхъ домовъ на деньги, ассигнованныя императрицею. Мостовая на главныхъ улицахъ бревенчатая; на нѣкоторыхъ улицахъ вмѣсто тротуаровъ сдѣланы мостки. Въ Вязьмѣ болѣе двадцати церквей; это очень много для столь мало населеннаго города. Церкви во всѣхъ маленькихъ городахъ и селахъ украшены нѣсколькими главами или куполами; стѣны ихъ снаружи либо выбѣлены, либо выкрашены красной краской, а купола по большей части зеленые. Подъѣзжая къ какому-нибудь городу и завидѣвъ большое число колоколенъ и куполовъ, торчащихъ надъ деревьями, путешественникъ, незнакомый съ этой страною, думаетъ увидѣть большой городъ, на самомъ дѣлѣ находитъ нѣсколько деревянныхъ лачугъ.

Въ Вязьмѣ былъ заключенъ въ 1634 г. вѣчный миръ между королемъ польскимъ Владиславомъ IV и царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, коимъ Михаилъ подтвердилъ права Польши на владѣніе Смоленскомъ и Черниговомъ, уступленными ей по Деулинскому договору, а Владиславъ отказался отъ царскаго титула и призналъ права Михаила Ѳеодоровича на престолъ. Такимъ образомъ оба монарха отказались отъ того, что имъ не принадлежало, и благо-

разумно пожертвовали мнимыми преимуществами для обезпеченія насущныхъ благъ мира.

Русскіе крестьяне народъ довольно грубый, но, повидимому, выносливый и обладающій большой физической силой [1]). Ихъ дома построены на подобіе литовскихъ, но болѣе просторны, и въ нихъ больше мебели и домашней утвари. Они бываютъ иногда двухъэтажные; въ такомъ случаѣ внизу помѣщается кладовая, а жилыя комнаты устраиваются наверху, внутренней лѣстницы по большей части нѣтъ, ее замѣняетъ приставная лѣстница. Впрочемъ, чаще встрѣчаются одноэтажныя избы, изрѣдка о двухъ комнатахъ, чаще въ одну комнату. Когда приходилось ночевать въ такой избѣ, то нерѣдко случалось, что меня будили цыплята, клевавшія зерна въ соломѣ, на которой я лежалъ; иногда появлялись и менѣе безвредныя животныя. Въ деревушкѣ, гдѣ мы ночевали 27 числа, меня разбудили свиньи, хрюкавшія у самыхъ моихъ ушей. Не особенно довольный столь раннимъ посѣщеніемъ, я закричалъ своему слугѣ: „Іосифъ, прогони этихъ господъ и запри дверь".

— Тутъ ни одна дверь не запирается,—преравнодушно отвѣчалъ Іосифъ, — мы всячески старались припереть ее, но все было напрасно; свиней мы также прогоняли нѣсколько разъ, но онѣ возвращаются.

Во время этого разговора я окончательно проснулся и рѣшилъ предоставить моимъ раннимъ посѣтителямъ свое ложе; поднявшись, я сталъ, при свѣтѣ пробивавшагося въ щели дня, разсматривать окружавшую меня обстановку. Мои два спутника лежали на той же охапкѣ соломы, съ которой я только-что всталъ; немного поодаль, на сѣнѣ лежали наши слуги; въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ на голомъ полу растянулись на спинѣ три длиннобородыхъ русскихъ крестьянина въ своихъ грубыхъ холщевыхъ рубашкахъ и панталонахъ; на противоположномъ краю избы, на длинной лавкѣ, дремали три женщины, также въ дневномъ одѣяніи; на печкѣ лежала тоже одѣтая женщина, а подлѣ нея валялось четверо полунагихъ ребятишекъ.

Крестьяне очень жадны до денегъ; они почти всегда требовали съ насъ уплаты впередъ за каждый пустякъ и очень часто воровали. Въ Польшѣ не было надобности быть всегда настороже; мы нерѣдко оставляли карету на ночь безъ присмотра; но въ Россіи приходилось оставлять на ночь въ каретѣ слугу, иначе у насъ исчезли бы вскорѣ всѣ вещи, и все-таки, несмотря на бдительность

[1]) Опускаемъ подробное описаніе всѣмъ извѣстной одежды русскаго крестьянина.

разумно пожертвовали мнимыми преимуществами для обезпеченія насущныхъ благъ мира.

Русскіе крестьяне народъ довольно грубый, но, повидимому, выносливый и обладающій большой физической силой [1]). Ихъ дома построены на подобіе литовскихъ, но болѣе просторны, и въ нихъ больше мебели и домашней утвари. Они бываютъ иногда двухъэтажные; въ такомъ случаѣ внизу помѣщается кладовая, а жилыя комнаты устраиваются наверху, внутренней лѣстницы по большей части нѣтъ, ее замѣняетъ приставная лѣстница. Впрочемъ, чаще встрѣчаются одноэтажныя избы, изрѣдка о двухъ комнатахъ, чаще въ одну комнату. Когда приходилось ночевать въ такой избѣ, то нерѣдко случалось, что меня будили цыплята, клевавшія зерна въ соломѣ, на которой я лежалъ; иногда появлялись и менѣе безвредныя животныя. Въ деревушкѣ, гдѣ мы ночевали 27 числа, меня разбудили свиньи, хрюкавшія у самыхъ моихъ ушей. Не особенно довольный столь раннимъ посѣщеніемъ, я закричалъ своему слугѣ: „Іосифъ, прогони этихъ господъ и запри дверь".

— Тутъ ни одна дверь не запирается,—преравнодушно отвѣчалъ Іосифъ, — мы всячески старались припереть ее, но все было напрасно; свиней мы также прогоняли нѣсколько разъ, но онѣ возвращаются.

Во время этого разговора я окончательно проснулся и рѣшилъ предоставить моимъ раннимъ посѣтителямъ свое ложе; поднявшись, я сталъ, при свѣтѣ пробивавшагося въ щели дня, разсматривать окружавшую меня обстановку. Мои два спутника лежали на той же охапкѣ соломы, съ которой я только-что всталъ; немного поодаль, на сѣнѣ лежали наши слуги; въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ на голомъ полу растянулись на спинѣ три длиннобородыхъ русскихъ крестьянина въ своихъ грубыхъ холщевыхъ рубашкахъ и панталонахъ; на противоположномъ краю избы, на длинной лавкѣ, дремали три женщины, также въ дневномъ одѣяніи; на печкѣ лежала тоже одѣтая женщина, а подлѣ нея валялось четверо полунагихъ ребятишекъ.

Крестьяне очень жадны до денегъ; они почти всегда требовали съ насъ уплаты впередъ за каждый пустякъ и очень часто воровали. Въ Польшѣ не было надобности быть всегда настороже; мы нерѣдко оставляли карету на ночь безъ присмотра; но въ Россіи приходилось оставлять на ночь въ каретѣ слугу, иначе у насъ исчезли бы вскорѣ всѣ вещи, и все-таки, несмотря на бдительность

[1]) Опускаемъ подробное описаніе всѣмъ извѣстной одежды русскаго крестьянина.

нашего аргуса, русскіе изловчались чѣмъ-нибудь попользоваться, и каждое утро оказывалось, что за ночь у насъ что-нибудь да пропало.

Крестьяне были обязаны давать намъ на каждой станціи лошадей по извѣстной довольно умѣренной таксѣ; поэтому они еле шевелились и такъ какъ нашимъ единственнымъ переводчикомъ былъ прислуживавшій намъ цыганъ, съ трудомъ объяснявшійся по-русски, то они не спѣшили исполнять его приказанія, и намъ приходилось ожидать на станціяхъ лошадей по нѣсколько часовъ. Крестьяне же исполняли обязанность ямщиковъ и почтальономъ; они обыкновенно запрягали четверку лошадей въ рядъ; припрягали къ нашей каретѣ по восьми и по десяти лошадей, такъ какъ отъ станціи до станціи было обыкновенно верстъ 20 или 30 и дороги были очень плохія. Ямщики рѣдко были обуты въ сапоги, у нихъ обыкновенно не было ни сѣдла, ни стремянъ; послѣднія замѣняла веревка, перекинутая у лошади по спинѣ. На каждую лошадь надѣвали узду, но рѣдко вкладывали ее въ ротъ; большею частью она висѣла свободно. Мы никогда не ѣхали ровнымъ шагомъ, а всегда вскачь, не обращая вниманія на то, по какой дорогѣ приходилось ѣхать; крестьяне рѣдко пускали лошадей рысью; то гнали ихъ вскачь по самой отчаянной дорогѣ, то вдругъ задерживали ихъ и заставляли идти шагомъ по самой ровной дорогѣ. Самый обыкновенный кусокъ веревки замѣнялъ имъ кнутъ, но они рѣдко пускали его въ ходъ и погоняли лошадей, обыкновенно только покрикивая на нихъ, да посвистывая.

Въ промежутокъ между этими выкрикиваніями они распѣвали, по русскому обыкновенію, пѣсни, о чемъ упоминаетъ большая часть путешественниковъ, посѣтившихъ эту страну. Вслѣдствіе плохого состоянія упряжи, которая то и дѣло обрывалась и требовала починки, плохого состояннія дорогъ и безконечной задержки на почтовыхъ станціяхъ, въ ожиданіи лошадей и разныхъ другихъ случайностей, мы рѣдко могли проѣхать въ день болѣе сорока или пятидесяти миль; хотя и пускались въ путь до восхода солнца и ѣхали до тѣхъ поръ, пока не стемнѣетъ.

28 августа мы пріѣхали подъ вечеръ въ деревню Гретчево и имѣли неосторожность поѣхать далѣе до слѣдующей станціи, до которой оставалось всего 18 миль; было очень темно, холодно, шелъ дождь; дорога была очень плоха; мы то и дѣло боялись вывернуться. Но о самой главной опасности, угрожавшей намъ на этомъ пути, мы узнали, только доѣхавъ до станціи: наши слуги разсказали намъ, что мы переѣхали черезъ широкій прудъ, по деревянному мосту, безъ перилъ, который былъ такъ ветхъ, что онъ

нашего аргуса, русскіе изловчались чѣмъ-нибудь попользоваться, и каждое утро оказывалось, что за ночь у насъ что-нибудь да пропало.

Крестьяне были обязаны давать намъ на каждой станціи лошадей по извѣстной довольно умѣренной таксѣ; поэтому они еле шевелились и такъ какъ нашимъ единственнымъ переводчикомъ былъ прислуживавшій намъ цыганъ, съ трудомъ объяснявшійся по-русски, то они не спѣшили исполнять его приказанія, и намъ приходилось ожидать на станціяхъ лошадей по нѣсколько часовъ. Крестьяне же исполняли обязанность ямщиковъ и почтальономъ; они обыкновенно запрягали четверку лошадей въ рядъ; припрягали къ нашей каретѣ по восьми и по десяти лошадей, такъ какъ отъ станціи до станціи было обыкновенно верстъ 20 или 30 и дороги были очень плохія. Ямщики рѣдко были обуты въ сапоги, у нихъ обыкновенно не было ни сѣдла, ни стремянъ; послѣднія замѣняла веревка, перекинутая у лошади по спинѣ. На каждую лошадь надѣвали узду, но рѣдко вкладывали ее въ ротъ; большею частью она висѣла свободно. Мы никогда не ѣхали ровнымъ шагомъ, а всегда вскачь, не обращая вниманія на то, по какой дорогѣ приходилось ѣхать; крестьяне рѣдко пускали лошадей рысью; то гнали ихъ вскачь по самой отчаянной дорогѣ, то вдругъ задерживали ихъ и заставляли идти шагомъ по самой ровной дорогѣ. Самый обыкновенный кусокъ веревки замѣнялъ имъ кнутъ, но они рѣдко пускали его въ ходъ и погоняли лошадей, обыкновенно только покрикивая на нихъ, да посвистывая.

Въ промежутокъ между этими выкрикиваніями они распѣвали, по русскому обыкновенію, пѣсни, о чемъ упоминаетъ большая часть путешественниковъ, посѣтившихъ эту страну. Вслѣдствіе плохого состоянія упряжи, которая то и дѣло обрывалась и требовала починки, плохого состояніе дорогъ и безконечной задержки на почтовыхъ станціяхъ, въ ожиданіи лошадей и разныхъ другихъ случайностей, мы рѣдко могли проѣхать въ день болѣе сорока или пятидесяти миль; хотя и пускались въ путь до восхода солнца и ѣхали до тѣхъ поръ, пока не стемнѣетъ.

28 августа мы пріѣхали подъ вечеръ въ деревню Гретчево и имѣли неосторожность поѣхать далѣе до слѣдующей станціи, до которой оставалось всего 18 миль; было очень темно, холодно, шелъ дождь; дорога была очень плоха; мы то и дѣло боялись вывернуться. Но о самой главной опасности, угрожавшей намъ на этомъ пути, мы узнали, только доѣхавъ до станціи: наши слуги разсказали намъ, что мы переѣхали черезъ широкій прудъ, по деревянному мосту, безъ перилъ, который былъ такъ ветхъ, что онъ

трещалъ подъ нашей каретой и до того узокъ, что одно изъ заднихъ колесъ висѣло нѣкоторое время надъ водою. Но счастье, по обыкновенію благопріятствовавшее намъ, не покинуло насъ и этотъ разъ, и мы прибыли цѣлы и невредимы, въ первомъ часу ночи, въ Можайскъ, гдѣ въ одномъ изъ домовъ насъ ожидало превосходное рагу съ лукомъ, приготовленное нашимъ вѣрнымъ слугою, который всегда ѣхалъ впередъ и приготовлялъ намъ ужинъ и помѣщеніе. Я мало могъ сказать о Можайскѣ, такъ какъ мы пріѣхали туда очень поздно и уѣхали на слѣдующій день на разсвѣтѣ. Смѣнивъ лошадей въ одномъ селѣ мы прибыли засвѣтло въ Малую Вязьму, лежащую въ лѣсу на берегу небольшого озера въ 24 миляхъ отъ Москвы, куда мы горѣли нетерпѣніемъ пріѣхать какъ можно скорѣй; тѣмъ не менѣе мы благоразумно отложили дальнѣйшій путь до другого дня, такъ какъ намъ не хотѣлось еще разъ подвергаться опасности путешествовать ночью по незнакомой мѣстности.

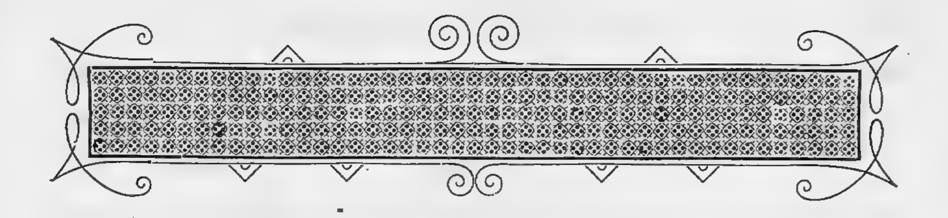
До Малой Вязьмы и отъ Вязьмы до Москвы дорога шла по широкой лѣсной просѣкѣ. Въ этомъ обширномъ лѣсу, насажденномъ самой природою, росли въ перемѣжку дубы, буки, рябина, тополя, ели и сосны. Разные оттѣнки земли и богатая осенняя окраска деревьевъ были несказанно красивы; великолѣпная, но нѣсколько однообразная лѣсная картина прерывалась иногда лугами и обработанными полями.

(Продолженіе слѣдуетъ).

трещалъ подъ нашей каретой и до того узокъ, что одно изъ заднихъ колесъ висѣло нѣкоторое время надъ водою. Но счастье, по обыкновенію благопріятствовавшее намъ, не покинуло насъ и этотъ разъ, и мы прибыли цѣлы и невредимы, въ первомъ часу ночи, въ Можайскъ, гдѣ въ одномъ изъ домовъ насъ ожидало превосходное рагу съ лукомъ, приготовленное нашимъ вѣрнымъ слугою, который всегда ѣхалъ впередъ и приготовлялъ намъ ужинъ и помѣщеніе. Я мало могъ сказать о Можайскѣ, такъ какъ мы пріѣхали туда очень поздно и уѣхали на слѣдующій день на разсвѣтѣ. Смѣнивъ лошадей въ одномъ селѣ мы прибыли засвѣтло въ Малую Вязьму, лежащую въ лѣсу на берегу небольшого озера въ 24 миляхъ отъ Москвы, куда мы горѣли нетерпѣніемъ пріѣхать какъ можно скорѣй; тѣмъ не менѣе мы благоразумно отложили дальнѣйшій путь до другого дня, такъ какъ намъ не хотѣлось еще разъ подвергаться опасности путешествовать ночью по незнакомой мѣстности.

До Малой Вязьмы и отъ Вязьмы до Москвы дорога шла по широкой лѣсной просѣкѣ. Въ этомъ обширномъ лѣсу, насажденномъ самой природою, росли въ перемѣжку дубы, буки, рябина, тополя, ели и сосны. Разные оттѣнки земли и богатая осенняя окраска деревьевъ были несказанно красивы; великолѣпная, но нѣсколько однообразная лѣсная картина прерывалась иногда лугами и обработанными полями.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Матеріалы по исторіи масонства въ прежней русской арміи [1]).

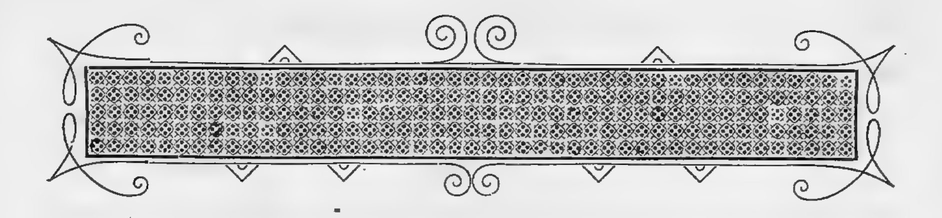
СПИСОКЪ

Г.г. военнымъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и нижнимъ чинамъ, кои принадлежали къ Масонскимъ ложамъ и, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, отказались отъ оныхъ данными подписками.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
424	Марковичъ	Лейбъ-гвард. уланскаго Его Императорскаго Высочества Цесаревича полка.	Единства Славянскаго, въ Варшавѣ.
425	Ненадкевичъ.	Лейбъ-гвард. уланскаго Его Императорскаго Высочества Цесаревича полка.	Славянской, въ Варшавѣ.
426	Врубель.	Лейбъ-гвардіи конной артиллеріи легкой батареи № 3-го.	Золотого перстня, въ Бѣлостокѣ.
427	Новосильцовъ.	Лейбъ-кирасирскаго полка, адъютантъ Московскаго военнаго генералъ-губернатор.	Избраннаго Михаила, въ С.-Петербургѣ.

[1]) См. „Русская Старина" 1907 г. августъ.

*



Матеріалы по исторіи масонства въ прежней русской арміи [1]).

СПИСОКЪ

Г.г. военнымъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и нижнимъ чинамъ, кои принадлежали къ Масонскимъ ложамъ и, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, отказались отъ оныхъ данными подписками.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
424	Марковичъ	Лейбъ-гвард. уланскаго Его Императорскаго Высочества Цесаревича полка.	Единства Славянскаго, въ Варшавѣ.
425	Ненадкевичъ.	Лейбъ-гвард. уланскаго Его Императорскаго Высочества Цесаревича полка.	Славянской, въ Варшавѣ.
426	Врубель.	Лейбъ-гвардіи конной артиллеріи легкой батареи № 3-го.	Золотого перстня, въ Бѣлостокѣ.
427	Новосильцовъ.	Лейбъ-кирасирскаго полка, адъютантъ Московскаго военнаго генералъ-губернатор.	Избраннаго Михаила, въ С.-Петербургѣ.

[1]) См. „Русская Старина“ 1907 г. августъ.

*

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
428	фонъ Ментель.	Лейбъ - кирасирск. Его Императорскаго Величества полка.	Александръ Пеликанусъ, въ С.-Петербургѣ.
429	Скалонъ 1-й.	Гвардейскаго генеральнаго штаба.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.
430	Стефанъ.	Свиты Его Величества по квартирмейстерской части.	Петра къ истинѣ, въ С.-Петербургѣ.
431	Райзеліонъ Сошальской.	Той же части.	Озирисъ пламенѣющей звѣзды, въ С.-Петербургѣ.
432	Барраковъ.	Въ Пажескомъ корпусѣ гувернеръ.	Zum goldenum Schiff, въ Берлинѣ.
433	Біорно.	Инженеръ, находится при чертежной Его Императорскаго Высочества генералъ-инспектора по инженерной части.	Franche amitié, въ Савойнѣ, въ городѣ Апеси.
434	Баронъ Корфъ 2-й.	Учебнаго сапернаго баталіона.	Пламенной звѣзды, въ С.-Петербургѣ
435	Оливіо.	Выборгскаго пѣхотнаго полка.	Россійской орелъ, въ С.-Петербургѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
428	фонъ Ментель.	Лейбъ - кирасирск. Его Императорскаго Величества полка.	Александръ Пеликанусъ, въ С.-Петербургѣ.
429	Скалонъ 1-й.	Гвардейскаго генеральнаго штаба.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.
430	Стефанъ.	Свиты Его Величества по квартирмейстерской части.	Петра къ истинѣ, въ С.-Петербургѣ.
431	Райзеліонъ Сошальской.	Той же части.	Озирисъ пламенѣющей звѣзды, въ С.-Петербургѣ.
432	Барраковъ.	Въ Пажескомъ корпусѣ гувернеръ.	Zum goldenum Schiff, въ Берлинѣ.
433	Біорно.	Инженеръ, находится при чертежной Его Императорскаго Высочества генералъ-инспектора по инженерной части.	Franche amitié, въ Савойнѣ, въ городѣ Апеси.
434	Баронъ Корфъ 2-й.	Учебнаго сапернаго баталіона.	Пламенной звѣзды, въ С.-Петербургѣ
435	Оливіо.	Выборгскаго пѣхотнаго полка.	Россійской орелъ, въ С.-Петербургѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
436	Игельштромъ.	Волынскаго уланскаго полка, адъютантъ генералъ-маіора Владека.	Принадлежалъ къ Новогрудской ложѣ.
437	Орловскій.	Былъ въ Волынскомъ уланскомъ п., адъютантомъ у генералъ-маіора Игельштрома 2 и уволенъ отъ службы 28 генваря 1823 года.	Принадлежалъ къ Новогрудской ложѣ.
438	Доброчинскій.	Волынскаго уланскаго полка.	Принадлежалъ къ Виленской и Новогрудской ложамъ.
439	Хельмицкій.	Того жъ полка.	Принадлежалъ къ Новогрудской ложѣ.
440	Богдановъ 1-й.	Того жъ полка.	Принадлежалъ къ Новогрудской ложѣ.
441	Гриневичъ.	Волынскаго уланскаго полка.	Принадлежалъ къ Новогрудской ложѣ.
442	Маркевичъ.	Татарскаго уланскаго полка.	Принадлежалъ къ Слуцкой ложѣ.
443	Трушинскій.	Того жъ полка.	Принадлежалъ къ Несвижской ложѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
436	Игельштромъ.	Волынскаго уланскаго полка, адъютантъ генералъ-маіора Владека.	Принадлежалъ къ Новогрудской ложѣ.
437	Орловскій.	Былъ въ Волынскомъ уланскомъ п., адъютантомъ у генералъ-маіора Игельштрома 2 и уволенъ отъ службы 28 генваря 1823 года.	Принадлежалъ къ Новогрудской ложѣ.
438	Доброчинскій.	Волынскаго уланскаго полка.	Принадлежалъ къ Виленской и Новогрудской ложамъ.
439	Хельмицкій.	Того жъ полка.	Принадлежалъ къ Новогрудской ложѣ.
440	Богдановъ 1-й.	Того жъ полка.	Принадлежалъ къ Новогрудской ложѣ.
441	Гриневичъ.	Волынскаго уланскаго полка.	Принадлежалъ къ Новогрудской ложѣ.
442	Маркевичъ.	Татарскаго уланскаго полка.	Принадлежалъ къ Слуцкой ложѣ.
443	Трушинскій.	Того жъ полка.	Принадлежалъ къ Несвижской ложѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
444	Ястрембскій.	Того жъ полка.	Принадлежалъ къ Несвижской ложѣ.
445	Петкевичъ.	Того жъ полка.	Принадлежалъ къ Несвижской ложѣ.
446	Саецкій.	Литовскаго уланскаго полка.	Принадлежалъ къ ложѣ Конина и Слуцкой.
447	Угричъ - Требинскій.	Былъ въ 4-мъ Украинскомъ уланскомъ полку и отставленъ отъ службы 28 октября 1822 года.	St. Jean de l'aménité, въ г. Авенѣ.
448	Тарасевичъ.	Литовскаго пѣхотнаго полка.	Славянской Орелъ, въ Вильнѣ.
449	Коняевъ.	Гарнизонной артиллерійской роты № 51.	Едность, въ крѣпости Замостье.
450	Рикгофъ.	Конно-артиллерійской роты № 29.	Узла единомыслія, въ Новогрудкѣ.
451	Гедгоновъ.	Былъ въ 18 артиллерійской бригадѣ и уволенъ отъ службы 11 ноября 1822 года.	Jean de l'aménité, во Франціи въ городѣ Авенѣ.
452	Рыпинскій.	10 артиллерійской бригады.	Соединенныхъ славянъ, въ Кіевѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
444	Ястрембскій.	Того жъ полка.	Принадлежалъ къ Несвижской ложѣ.
445	Петкевичъ.	Того жъ полка.	Принадлежалъ къ Несвижской ложѣ.
446	Саецкій.	Литовскаго уланскаго полка.	Принадлежалъ къ ложѣ Конина и Слуцкой.
447	Угричъ - Требинскій.	Былъ въ 4-мъ Украинскомъ уланскомъ полку и отставленъ отъ службы 28 октября 1822 года.	St. Jean de l'aménité, въ г. Авенѣ.
448	Тарасевичъ.	Литовскаго пѣхотнаго полка.	Славянской Орелъ, въ Вильнѣ.
449	Коняевъ.	Гарнизонной артиллерійской роты № 51.	Едность, въ крѣпости Замостье.
450	Рикгофъ.	Конно-артиллерійской роты № 29.	Узла единомыслія, въ Новогрудкѣ.
451	Гедгоновъ.	Былъ въ 18 артиллерійской бригадѣ и уволенъ отъ службы 11 ноября 1822 года.	Jean de l'aménité, во Франціи въ городѣ Авенѣ.
452	Рыпинскій.	10 артиллерійской бригады.	Соединенныхъ славянъ, въ Кіевѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
453	Шпилевскій.	8 конно - артиллерійской роты.	Св. Георгія, въ крѣпости Мобежѣ во Франціи.
454	Ржевскій.	13 егерскаго полка.	Трехъ добродѣтелей, въ С.-Петербургѣ.
455	Жуковъ.	Кременчугскаго пѣхотнаго полка.	Озирисъ, въ Каменецъ-Подольскѣ.
456	Рейнеке.	Кіевскаго драгунскаго полка.	Петра къ истинѣ, въ С.-Петербургѣ.
457	Вильмансъ.	Смоленскаго пѣхотнаго полка.	Гранъ Оріанъ, въ Парижѣ.
458	Карцовъ.	Лубенскаго гусарскаго полка.	Александръ тройственнаго благословенія, въ Москвѣ.
459	Телепневъ.	Былъ въ Бутырскомъ пѣхотномъ п., и уволенъ отъ службы 24 генваря 1823 г.	Соломоново Созиданіе, въ Вильнѣ.
460	Градовскій.	Екатеринославскаго кирасирскаго полка.	Ищущихъ манны, въ Москвѣ.
461	фонъ-Фишбахъ 2.	Тверскаго драгунскаго полка.	Георгія Побѣдоносца, въ Мобежѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
453	Шпилевскій.	8 конно - артиллерійской роты.	Св. Георгія, въ крѣпости Мобежѣ во Франціи.
454	Ржевскій.	13 егерскаго полка.	Трехъ добродѣтелей, въ С.-Петербургѣ.
455	Жуковъ.	Кременчугскаго пѣхотнаго полка.	Озирисъ, въ Каменецъ-Подольскѣ.
456	Рейнеке.	Кіевскаго драгунскаго полка.	Петра къ истинѣ, въ С.-Петербургѣ.
457	Вильмансъ.	Смоленскаго пѣхотнаго полка.	Гранъ Оріанъ, въ Парижѣ.
458	Карцовъ.	Лубенскаго гусарскаго полка.	Александръ тройственнаго благословенія, въ Москвѣ.
459	Телепневъ.	Былъ въ Бутырскомъ пѣхотномъ п., и уволенъ отъ службы 24 генваря 1823 г.	Соломоново Созиданіе, въ Вильнѣ.
460	Градовскій.	Екатеринославскаго кирасирскаго полка.	Ищущихъ манны, въ Москвѣ.
461	фонъ-Фишбахъ 2.	Тверскаго драгунскаго полка.	Георгія Побѣдоносца, въ Мобежѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
	Подпоручики:		
462	Чернышевъ.	Лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.
463	Графъ Ивеличъ.	Лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.
464	Купріяновъ.	Лейбъ-гвардіи Московскаго полка.	Россійской Орелъ, въ С.-Петербургѣ.
465	Лешернъ фонъ-Герцфельдъ.	Лейбъ-гвардіи конной артиллеріи легкой батареи № 3-го.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.
466	Роппъ.	Лейбъ-гвардіи конно-артиллеріи легкой батареи № 3-го.	Постоянства, въ Варшавѣ.
467	Гильденштрубе 1.	Лейбъ-гвардіи Волынскаго полка.	Свѣтящая звѣзда, въ С.-Петербургѣ.
468	фонъ-Цеймернъ.	Квартирмейстерск. части.	Александръ тройственнаго благословенія, въ Москвѣ.
469	Завацкій.	1-го Гренадерскаго полка въ Литовскомъ корпусѣ.	Золотаго кольца Россійскихъ ложъ № 21, въ Бѣлостокѣ.
470	Шноръ.	1-го Морскаго полк.	Петръ къ истинѣ, въ С.-Петербургѣ.
471	Горденинъ 1.	Конно-артиллерійской роты № 29.	С-го Егеллы, въ Слуцкѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
	Подпоручики:		
462	Чернышевъ.	Лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.
463	Графъ Ивеличъ.	Лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.
464	Купріяновъ.	Лейбъ-гвардіи Московскаго полка.	Россійской Орелъ, въ С.-Петербургѣ.
465	Лешернъ фонъ-Герцфельдъ.	Лейбъ-гвардіи конной артиллеріи легкой батареи № 3-го.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.
466	Роппъ.	Лейбъ-гвардіи конно-артиллеріи легкой батареи № 3-го.	Постоянства, въ Варшавѣ.
467	Гильденштрубе 1.	Лейбъ-гвардіи Волынскаго полка.	Свѣтящая звѣзда, въ С.-Петербургѣ.
468	фонъ-Цеймернъ.	Квартирмейстерск. части.	Александръ тройственнаго благословенія, въ Москвѣ.
469	Завацкій.	1-го Гренадерскаго полка въ Литовскомъ корпусѣ.	Золотаго кольца Россійскихъ ложъ № 21, въ Бѣлостокѣ.
470	Шноръ.	1-го Морскаго полк.	Петръ къ истинѣ, въ С.-Петербургѣ.
471	Горденинъ 1.	Конно-артиллерійской роты № 29.	С-го Егеллы, въ Слуцкѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
472	Войналовичъ.	Конно-артиллерійской роты № 30.	Принадлежалъ къ Слуцкой ложѣ.
473	Майеръ.	Конно-артиллерійской роты № 14.	Соединенныхъ славянъ, въ Кіевѣ.
474	Польманъ.	19-й артиллерійской бригады.	Соединенныхъ славянъ, въ Кіевѣ.
475	Дордетъ.	17-й полевой артиллерійской бригады.	Къ ложѣ, состоявшей Каменецъ - Подольской губерніи въ м. Буцневцахъ.
476	Мейеръ.	18-й полевой артиллерійской бригады.	Минерва, Подольской губ. въ Буцневцахъ.
477	Земешкевичъ-Закревскій.	7-й конно-артиллерійской роты.	Sincérité, въ Реймсѣ во Франціи.
478	Гебель.	45 егерскаго полка.	Les amis réunis, въ С.-Петербургѣ.
479	Энгельбахъ.	Конно-артиллерійской роты № 6.	Св. Іоанна благосклонности, въ г. Авенѣ (во Франціи).
480	Бриммеръ.	Кавказской гренадерской артиллерійской бригады.	Св. Георгія, при отдѣльномъ французскомъ корпусѣ.
481	Масловъ 2.	Тарутинскаго пѣхотнаго полка.	Нептуна, въ Москвѣ.
482	Масловъ 3.	Того жъ полка.	Нептуна, въ Москвѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
472	Войналовичъ.	Конно-артиллерійской роты № 30.	Принадлежалъ къ Слуцкой ложѣ.
473	Майеръ.	Конно-артиллерійской роты № 14.	Соединенныхъ славянъ, въ Кіевѣ.
474	Польманъ.	19-й артиллерійской бригады.	Соединенныхъ славянъ, въ Кіевѣ.
475	Дордетъ.	17-й полевой артиллерійской бригады.	Къ ложѣ, состоявшей Каменецъ - Подольской губерніи въ м. Буцневцахъ.
476	Мейеръ.	18-й полевой артиллерійской бригады.	Минерва, Подольской губ. въ Буцневцахъ.
477	Земешкевичъ-Закревскій.	7-й конно-артиллерійской роты.	Sincérité, въ Реймсѣ во Франціи.
478	Гебель.	45 егерскаго полка.	Les amis réunis, въ С.-Петербургѣ.
479	Энгельбахъ.	Конно-артиллерійской роты № 6.	Св. Іоанна благосклонности, въ г. Авенѣ (во Франціи).
480	Бриммеръ.	Кавказской гренадерской артиллерійской бригады.	Св. Георгія, при отдѣльномъ французскомъ корпусѣ.
481	Масловъ 2.	Тарутинскаго пѣхотнаго полка.	Нептуна, въ Москвѣ.
482	Масловъ 3.	Того жъ полка.	Нептуна, въ Москвѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
	Корнеты:		
483	Бертье.	Лейбъ - гвардіи уланскаго полка Его Императорскаго Высочества Цесаревича полка.	Соединенныхъ друзей.
484	Раммъ.		Храма постоянства, въ Варшавѣ.
485	Каменскій.	Лейбъ-гвардіи Подольскаго кирасирскаго полка.	Принадлежалъ къ Слуцкой ложѣ.
486	Готовскій.	Литовскаго уланскаго полка.	Принадлежалъ къ Слуцкой ложѣ.
487	Герловичъ.	Того жъ полка.	Принадлежалъ къ Минской ложѣ.
488	Володьзко.	Волынскаго уланскаго полка.	Принадлежалъ къ Новогрудской и Несвижской ложамъ.
489	Петринскій.	Былъ въ Волынскомъ полку и уволенъ отъ службы 25 генваря 1823.	Принадлежалъ къ Новогрудской ложѣ.
490	Косаржевскій.	Былъ въ Волынскомъ уланскомъ п. и уволенъ отъ службы 25 генвар. 1823 г.	Принадлежалъ къ Новогрудской ложѣ.
491	Санчайло.	Волынскаго уланскаго полка.	Принадлежалъ къ Новогрудской ложѣ.
492	Ратынскій.	Того жъ полка.	Принадлежалъ къ Новгородской ложѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
	Корнеты:		
483	Бертье.	Лейбъ - гвардіи уланскаго полка Его Императорскаго Высочества Цесаревича полка.	Соединенныхъ друзей.
484	Раммъ.		Храма постоянства, въ Варшавѣ.
485	Каменскій.	Лейбъ-гвардіи Подольскаго кирасирскаго полка.	Принадлежалъ къ Слуцкой ложѣ.
486	Готовскій.	Литовскаго уланскаго полка.	Принадлежалъ къ Слуцкой ложѣ.
487	Герловичъ.	Того жъ полка.	Принадлежалъ къ Минской ложѣ.
488	Володьзко.	Волынскаго уланскаго полка.	Принадлежалъ къ Новогрудской и Несвижской ложамъ.
489	Петринскій.	Былъ въ Волынскомъ полку и уволенъ отъ службы 25 генваря 1823.	Принадлежалъ къ Новогрудской ложѣ.
490	Косаржевскій.	Былъ въ Волынскомъ уланскомъ п. и уволенъ отъ службы 25 генвар. 1823 г.	Принадлежалъ къ Новогрудской ложѣ.
491	Санчайло.	Волынскаго уланскаго полка.	Принадлежалъ къ Новогрудской ложѣ.
492	Ратынскій.	Того жъ полка.	Принадлежалъ къ Новгородской ложѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
493	Могильницкій.	Того жъ полка.	Принадлежалъ къ Новогрудской ложѣ.
494	Лукашевичъ.	Гусарскаго Принца Оранскаго полка.	Св. Іоанна, въ С.-Петербургѣ.
495	Канатовъ.	Того жъ полка.	Св. Іоанна, въ С.-Петербургѣ.
	Прапорщики:		
496	Князь Голицынъ.	Лейбъ-гвардіи конной артиллеріи.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.
497	Гленъ	Былъ лейбъ-гвардіи въ конной артиллеріи и уволенъ отъ службы 7 февраля 1823 года.	Кеннонгентъ Кельвининъ, въ Эдинбургѣ.
498	Лачиновъ.	Лейбъ-гвардіи конной артиллеріи.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.
499	Каменскій.	Той же артиллеріи легкой батареи № 3.	Владиславъ Ягелло, въ Луцкѣ.
500	Скоморовскій.	Лейбъ-гвардіи пѣшей артиллерійской батарейной роты № 5.	Казиміра Великаго, въ Варшавѣ.
501	Голенищевъ-Кутузовъ.	Гвардейскаго генеральнаго штаба.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
493	Могильницкій.	Того жъ полка.	Принадлежалъ къ Новогрудской ложѣ.
494	Лукашевичъ.	Гусарскаго Принца Оранскаго полка.	Св. Іоанна, въ С.-Петербургѣ.
495	Канатовъ.	Того жъ полка.	Св. Іоанна, въ С.-Петербургѣ.
	Прапорщики:		
496	Князь Голицынъ.	Лейбъ-гвардіи конной артиллеріи.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.
497	Гленъ	Былъ лейбъ-гвардіи въ конной артиллеріи и уволенъ отъ службы 7 февраля 1823 года.	Кеннонгентъ Кельвининъ, въ Эдинбургѣ.
498	Лачиновъ.	Лейбъ-гвардіи конной артиллеріи.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.
499	Каменскій.	Той же артиллеріи легкой батареи № 3.	Владиславъ Ягелло, въ Луцкѣ.
500	Скоморовскій.	Лейбъ-гвардіи пѣшей артиллерійской батарейной роты № 5.	Казиміра Великаго, въ Варшавѣ.
501	Голенищевъ-Кутузовъ.	Гвардейскаго генеральнаго штаба.	Соединенныхъ друзей, въ С.-Петербургѣ.

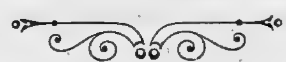
№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
502	Володзко.	Конно-артиллерійской № 30 роты.	Узла единомыслія, въ Новогрудкѣ.
503	Болотовъ.	Квартирмейстерск. части.	Ищущихъ манны, въ Москвѣ.
504	Чиляевъ.	Нижегородск. драгунскаго полка.	Умирающій Сфинксъ, въ С.-Петербургѣ.
	Портупей - прапорщики и юнкера:		
505	Портупей - прапорщикъ Флуки.	Крымскаго пѣхотнаго полка.	Эвксинскаго Понта, въ Одессѣ.
506	Юнкеръ Громыкинъ.	Литовскаго уланскаго полка.	Принадлежалъ къ Гродненской и Новогрудской ложамъ.
507	Юнкеръ Оскѣрка.	Конно-артиллерійской роты № 30.	Владислава Ягеллы, въ Слуцкѣ.
508	Юнкеръ Скавронской.	Лейбъ-гвардіи Волынскаго полка.	Минервы.
509	Юнк. Довгардъ.	Ольвіопольск. гусарскаго полка.	Трехъ Глобусовъ, въ Тильзитѣ.
510	Юнкеръ Руссо.	Лейбъ-гвардіи Подольскаго кирасирскаго полка.	Принадлежалъ къ ложамъ въ Парижѣ и Седанѣ, но званія оныхъ не помнитъ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
502	Володзко.	Конно-артиллерійской № 30 роты.	Узла единомыслія, въ Новогрудкѣ.
503	Болотовъ.	Квартирмейстерск. части.	Ищущихъ манны, въ Москвѣ.
504	Чиляевъ.	Нижегородск. драгунскаго полка.	Умирающій Сфинксъ, въ С.-Петербургѣ.
	Портупей - прапорщики и юнкера:		
505	Портупей - прапорщикъ Флуки.	Крымскаго пѣхотнаго полка.	Эвксинскаго Понта, въ Одессѣ.
506	Юнкеръ Громыкинъ.	Литовскаго уланскаго полка.	Принадлежалъ къ Гродненской и Новогрудской ложамъ.
507	Юнкеръ Оскѣрка.	Конно-артиллерійской роты № 30.	Владислава Ягеллы, въ Слуцкѣ.
508	Юнкеръ Скавронской.	Лейбъ-гвардіи Волынскаго полка.	Минервы.
509	Юнк. Довгардъ.	Ольвіопольск. гусарскаго полка.	Трехъ Глобусовъ, въ Тильзитѣ.
510	Юнкеръ Руссо.	Лейбъ-гвардіи Подольскаго кирасирскаго полка.	Принадлежалъ къ ложамъ въ Парижѣ и Седанѣ, но званія оныхъ не помнитъ.

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
511	Юнкеръ графъ Тишкевичъ.	Гродненскаго гусарскаго полка.	Въ Новогрудкѣ.
	Унтеръ-офицеры:		
512	Загоровскій.	Подольскаго уланскаго полка.	Принадлежалъ къ Минской ложѣ.
513	Лопесъ.	Былъ въ Елисаветградскомъ гусарскомъ полку и уволенъ отъ службы 5-го декабря 1822 года.	Палестины, въ С.-Петербургѣ.
	Лейтенанты:		
514	Черкасовъ.	Гвардейскаго экипажа.	Избраннаго Михаила, въ С.-Петербургѣ.
515	Римскій-Корсаковъ.	Того жъ экипажа.	Трехъ добродѣтелей, въ С.-Петербургѣ.
516	Мусинъ-Пушкинъ.	Того жъ экипажа.	Россійской Орелъ. въ С.-Петербургѣ.
517	Давыдовъ.	Того жъ экипажа.	Александръ тройственнаго поклоненія, въ Москвѣ.

(Окончаніе).

Сообщила Тира Соколовская.

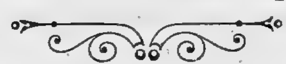


Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

№	Чинъ и фамилія.	При какихъ должностяхъ.	Званіе ложъ, въ коихъ состояли.
511	Юнкеръ графъ Тишкевичъ.	Гродненскаго гусарскаго полка.	Въ Новогрудкѣ.
	Унтеръ-офицеры:		
512	Загоровскій.	Подольскаго уланскаго полка.	Принадлежалъ къ Минской ложѣ.
513	Лопесъ.	Былъ въ Елисаветградскомъ гусарскомъ полку и уволенъ отъ службы 5-го декабря 1822 года.	Палестины, въ С.-Петербургѣ.
	Лейтенанты:		
514	Черкасовъ.	Гвардейскаго экипажа.	Избраннаго Михаила, въ С.-Петербургѣ.
515	Римскій-Корсаковъ.	Того жъ экипажа.	Трехъ добродѣтелей, въ С.-Петербургѣ.
516	Мусинъ-Пушкинъ.	Того жъ экипажа.	Россійской Орелъ. въ С.-Петербургѣ.
517	Давыдовъ.	Того жъ экипажа.	Александръ тройственнаго поклоненія, въ Москвѣ.

(Окончаніе).

Сообщила Тира Соколовская.



Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1907 г.

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ.

Записки и воспоминанія.

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка.—Разсказы.—Матеріалы и замѣтки.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1907 г.

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ.

Записки и воспоминанія.

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка.—Разсказы.—Матеріалы и замѣтки.

СТРАН.

Библіографическій листокъ.

Приложенія.

Библіографическій листокъ.

Приложенія.